

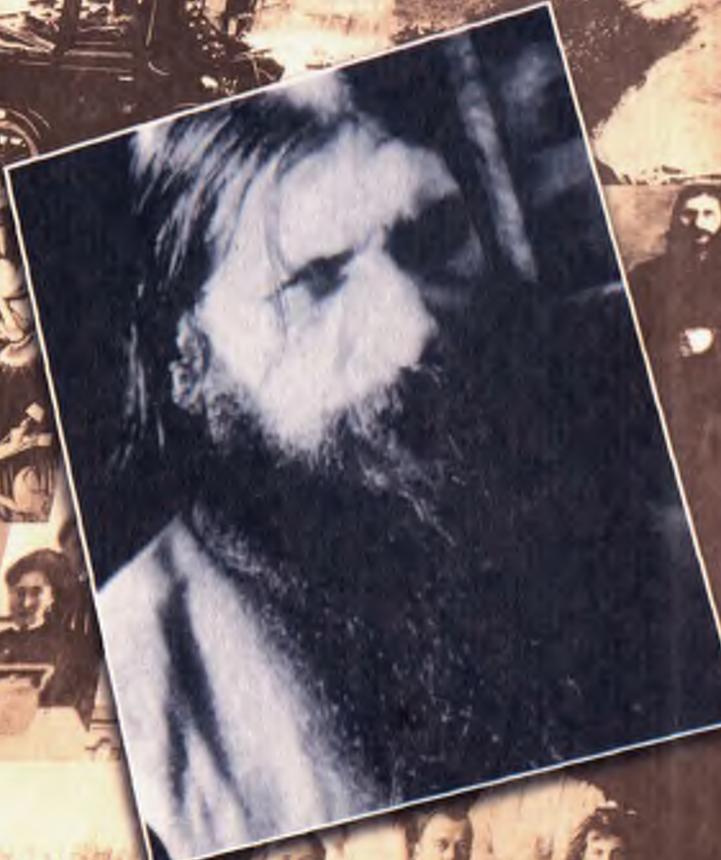
ЧЕЛОВЕК * ЛЕГЕНДА

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

БРАЙАН МОЙНЕХЕН

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Ино не емъ и ма наи
и поуми доме

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

**ГРИГОРИЙ
РАСПУТИН**

**СВЯТОЙ, КОТОРЫЙ
ГРЕШИЛ**

— ГРИГОРИЙ РАСПУТИН —

ЧЕЛОВЕК - ЛЕГЕНДА

БРАЙАН МОЙНЕХЕН

**ГРИГОРИЙ
РАСПУТИН**

СВЯТОЙ, КОТОРЫЙ ГРЕШИЛ

«РУСИЧ», Смоленск

1999

УДК 929
ББК 63.3 (2) 52
М 74

Серия основана в 1998 году

Перевод с английского Л. Б. Папилиной

Мойнехен Б.

М74 Григорий Распутин: святой, который грешил/
Пер. с англ. Л. Б. Папилиной. — Смоленск:
Русич, 1999. — 592 стр. («Человек-легенда»).

ISBN 5-88590-962-8

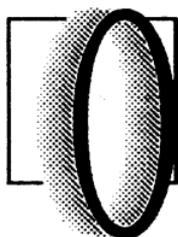
Имя Григория Распутина часто ассоциируется с мистикой и злом, а сотканная вокруг его личности завеса легенд и слухов по-прежнему скрывает истинную сущность человека, более десяти лет оказывавшего сильное влияние на царскую семью и ее окружение. Со страниц книги Б. Мойнехена Распутин предстает как человек еще более интересный, чем созданный о нем миф, в котором низменное неразрывно соседствовало с возвышенным и духовным. Основываясь на многочисленных документах, часть которых стала доступной лишь несколько лет назад, автор проливает свет на малоизвестные факты из жизни «святого грешника» и заново расставляет акценты на фактах известных, помогая нам лучше понять наше прошлое и настоящее.

УДК 929
ББК 63.3 (2) 52

«Rasputin. The saint who sinned»
© by Brian Moynahan, 1997
© Перевод, Л. Б. Папилина, 1998
© «Русич», составление, разработка
серии, 1999

ISBN 5-88590-962-8

Глава первая ПРОЩАЙТЕ, ПАПА

сень 1916* года была такой же мрачной и бесконечно длинной, как война.

В течение всего дня ни один луч солнца не мог пробиться сквозь затянувшиеся все небо серые облака. С Невы дул резкий ветер, пропитанный едким дымом с военных заводов. Семьи беженцев с оккупированных немцами территорий ютились в сараях рядом с вокзалами. Люди умирали от тифа и истощения. Половина уличных фонарей не горела, а тротуары уже давно никто не подметал. На грязных улицах с четырех часов утра выстраивались в ожидании хлеба длинные очереди бедно одетых людей.

Два столетия назад насильно пригнанные сюда толпы людей построили среди болот эти безупречные ряды зданий из розового гранита и домов, покрытых желто-зеленой штукатуркой. Когда

* Все даты в книге даются по юлианскому календарю, по которому велось летосчисление в России при жизни Распутина. В 19 веке он на 12 дней отставал от западного григорианского календаря, а в 20 веке — на 13 дней.

Нева начинала выходить из берегов, звон колоколов призывал жителей поскорее перебираться на верхние этажи, прежде чем вода затопит подвалы. Но сейчас пребывающий в дурном расположении духа город захлебывался мрачными, будоражащими слухами.

— Распутин. Распутин. Распутин... — рокотала взбужденная толпа.

Это имя не сходило с уст в хлебных очередях, аристократических салонах и меблированных комнатах. Оно заполнило весь город и повторялось, словно припев навязшей в зубах песенки. Одна петербургская дама писала в то время: «На мир внезапно спустилась зловещая тьма, заслонившая собой солнце. Уму непостижимо, как подобному ничтожеству удалось наделать столько бед. Все это похоже на какое-то невероятное и необъяснимое безумие».

Григорий Распутин был простым неграмотным мужиком из глухой сибирской деревни. Будучи ребенком, он справлял на улице нужду, словно животное. Распутин пил суп из миски, ел рыбу руками и с трудом мог нацарапать свое имя, а от его тела исходил едкий запах. Но несмотря на это (если верить слухам), именно он обладал телом императрицы и вместе с ней назначал людей на самые высокие и ответственные посты в государстве; «княгини, графини, знаменитые актрисы и высокопоставленные лица застывали перед ним с раблепной улыбкой, а он обращался с ними хуже, чем с прислугой; это он строил планы о сепаратном мире с Германией и мог предсказывать будущее. Поистине это было нечто невероятное! И все же Распутин был не кошмарным сном, а явью. Его всклокоченная голова мелькала среди толпы, и люди видели, как Распутин в наброшенной на крестьянскую рубаху собольей шубе ловил извозчика и обедал у «Донона», как на рассвете он, в стельку пьяный, выходил из цыганских домов в Новой Деревне. Люди, никогда раньше не встречавшие Распутина, узнавали его по

глазам. Балерина Тамара Карсавина, самая красивая танцовщица того времени, сразу же узнала его, встретив на улице. Ее поразили «странные, удивительно светлые глаза Распутина, выглядевшие столь необычно на этом крестьянском лице. Это были глаза маньяка».

Цензура делала все, чтобы скрыть Распутина от людских глаз. Газетные столбцы с рассказами о нем замазывались черной краской; в народе эти черные пятна называли «икрой». Однако читатели хорошо знали, кого пытаются защитить с помощью такой «икры», и придумывали собственные истории. Одна светская дама, раздраженная тем, что ее гости без умолку обсуждали похождения Распутина, повесила в своей столовой табличку, гласившую: «Здесь не говорят о Распутине». Но разговоры и пересуды не прекращались, и ничто не могло остановить людей. «Темные силы за царским тронem! Влияние Германии при дворе! Власть Распутина! Непристойные рассказы об императрице!» — так писала в своем дневнике о светских разговорах дочь британского посла Мюриэль Бьюкенен. Грязные слухи дошли до самых низших слоев общества. «Непристойные сплетни о царской семье стали всеобщим достоянием», — писал один из агентов охраны, тайной полиции.

Грязные карикатуры изображали Распутина вместе с императрицей, его безумные глаза выглядывали из-под черных всклокоченных волос. В игорных домах пользовались картами, на которых пиковый король был изображен с головой Распутина. Появились пародии на иконы, где Распутин держал в одной руке бутылку с водкой, а другой — императора, словно младенца Христа. Языки адского пламени лизали его сапоги, а над головой кружили обнаженные женщины в черных шелковых чулках, с крыльями за спиной. Фотографии Распутина в обществе светских дам расходились тысячными тиражами. Известный политический деятель Михаил Родзянко с ужасом узнал в числе по-

читательниц Распутина многих своих знакомых. Сам же он получал «груды писем от матерей, чьи дочери были обесчещены этим дерзким развратником».

Россия уже не могла отличить, где правда, а где ложь, так как, по словам рыжеволосой поэтессы Зинаиды Гиппиус, она превратилась в огромный сумасшедший дом, который, на первый взгляд, казался вполне нормальным, однако все его обитатели полностью потеряли рассудок. Ярче всего это проявлялось в столице, переименованной из Санкт-Петербурга в Петроград еще в начале войны. Сама же Гиппиус называла ее «Чертоградом».

По словам молодого поэта Бориса Пастернака, жизнь богатых «была заполнена весельем и блеском витрин, украшенных экзотическими цветами среди зимы». Американцы еще не вступили в Первую мировую войну.

Русские же, неплохо справлявшиеся с австрийцами, истекали кровью, воюя с немцами и неся более тяжелые потери, чем их французские и британские союзники. Люди пытались выбросить из головы мысли о войне, «танцуя «последнее танго» на краю окопа, заполненного всеми забытыми, не преданными земле трупами». Алексей Толстой писал, что душераздирающее, чувственное танго стало похоронным маршем для города, истерзанного бессонными ночами, одурманенного вином, богатством и игрой в любовь, когда самой любви не было и в помине. В кабаках свободно продавался украденный из военных госпиталей морфий. Его продажу запретили с самого начала войны, однако чиновников, получавших маленькую зарплату, было легко подкупить. Отбросив все страхи, водку продавали в открытую, а не наливали из чайников, как раньше. Офицеры, не желавшие возвращаться на фронт, пили коктейли в американском баре гостиницы «Европа» вместе с юными проститутками, толпившимися в вестибюле.

Ночные клубы были заполнены так называемыми «героями тыла» или ни от кого не скрывающимися дезертирами. Позор не коснулся людей с «волчьими билетами», которым удалось откупиться от фронта несколькими сотнями рублей. Некоторым в этом деле оказал помощь Распутин. Британский шпион Роберт Брюс Локкарт, много пивший с людьми, к которым он испытывал презрение, назвал свое поведение «легкомысленным и заслуживающим порицания». Ему было стыдно и тоскливо из-за накатившейся бессмысленной скуки. Поэт Александр Блок писал о болезни души и о том, что над «смертным одром» России кружит стая каркающих воронов.

Процент самоубийств возрос втрое, тогда как в других странах он во время войны снижался. Двое из трех решивших свести счеты с жизнью были моложе 28 лет. Браки распались, пожилые мужчины бросали своих жен и открыто появлялись в обществе с их приемницами. Первая придворная дама госпожа Нарышкина подсчитала, что половина ее знакомых была в разводе. «Вы заметили, что в наше время никто не понимает «Анну Каренину»? — сказала она о великом творении Льва Толстого. — Сейчас Анна немедленно развелась бы с мужем и вышла замуж за Вронского, а самого романа просто бы не было». В захлестнувшей столицу волне преступности обвиняли фильмы о грабежах и убийствах. Епископ Вятский искал встречи с императрицей Александрой, чтобы показать ей ограбленные магазины и обгоревшие трупы. Вернувшиеся с фронта солдаты открыто хвастались, что стали атеистами, а епископ объяснил это их общением с интеллигенцией и евреями. Некоторые считали, что церковь теряла власть из-за раболепного преклонения перед всеми презираемой автократией, правившей Россией.

Петроградская беднота теснилась в переполненных домах Выборгской стороны, района фабрик и заводов, где для живых отводилось меньше места, чем

для покойников на городском кладбище. В темных комнатах потолки были такими низкими, что высокий человек не мог выпрямиться во весь рост. В пропитанных тошнотворным запахом домах сновали полчища клопов и тараканов, в окнах не было вторых рам, и зимой люди коченели от холода. Несчастные случаи на рабочих местах стали привычным делом. «Я никогда не захожу на завод, не перекрестившись у порога», — говорил управляющий одного военного завода. Рабочие становились жертвами кишечных и легочных заболеваний, а также многочисленных спекулянтов. По сравнению с началом войны, мука подорожала вдвое, сахар — в четыре раза, а аспирин — в пятьдесят. «Повсюду твердят, что торговцы и хозяева магазинов наживаются на народном горе», — сообщали агенты тайной полиции.

Город охватила шпиономания. Это был самый простой способ объяснить поражения в войне. Один из министров со всей серьезностью сообщал начальнику охранки о двух адъютантах германского кайзера, разгуливающих по Невскому проспекту, как ни в чем не бывало. Французский посол жаловался, что не проходило и дня, чтобы в зоне военных действий не был повешен по обвинению в шпионаже какой-нибудь еврей. В Прибалтийских губерниях немецких баронов обвиняли в том, что они с башен своих замков подавали сигналы германскому флоту. Говорили, что один барон устроил пир для германских летчиков, а на прощание подарил им корову, которую те погрузили в самолет.

Охранка предупреждала о надвигавшемся на страну полном хаосе и анархии. За два года в России сменилось четыре премьер-министра, четыре военных министра и шесть министров внутренних дел. За каждым из этих назначений стоял Распутин. Осенью 1916 года премьер-министром был его фаворит Борис Штюрмер, «пустое, бесчестное и насквозь фальшивое созда-

ние, вызывающее всеобщее отвращение». Штюрмер довел до бешенства американского посла Дэвида Фрэнсиса, во время беседы с которым он не отрывал глаз от зеркала, самодовольно подкручивая напомаженные усы. Его товарищи-консерваторы говорили о нем как о «совершенно беспринципном, двуличном и ничтожном человеке». Второй по значимости пост министра внутренних дел Распутин «подарил» Александру Дмитриевичу Протопопову, который любил расхаживать в сапогах и каком-то опереточном мундире, изобретенном им самим. «Маленький седой человечек с беспокойными нервными движениями и горящими безумным огнем глазами», — так писал о Протопопове один из современников. Говорили также, что он, вероятно, был сифилитиком, так как страдал частыми галлюцинациями, язвами на ногах, парезом и частичным параличом, характерным для больных сифилисом. По единодушному мнению окружающих, он был «явно не вполне нормален».

Самодержец Всея Руси, Николай Александрович Романов, находился в это время в 490 верстах к югу от столицы, в провинциальном городе Могилеве. Это было приятное место с прекрасным видом на реку Днепр. Всех местных евреев выселили, а их место заняли временные жители, в основном, штабные офицеры. Город приобрел оттенок меланхолии и грусти и полностью соответствовал своему названию, произошедшему от слова «могила». Помещение гостиницы «Бристоль», за которую прежде платили по четыре рубля за ночь, было отведено для размещения Ставки главнокомандующего. Днем император прогуливался вдоль Днепра, а вечером смотрел кинофильмы, самым любимым из которых был «Тайны Нью-Йорка», детективный сериал, состоящий из 22 частей.

Император назначил себя главнокомандующим еще год назад. Несмотря на пятимиллионные потери и сдачу Варшавы и польских территорий, император ни

минуты не сомневался в верности армии, за продвижением которой он следил по карте, висевшей в кафешантане в гостинице. Вдали от петроградских интриг, он чувствовал себя совершенно счастливым. «Мой ум здесь отдыхает», — писал император. А в это время его армия была охвачена психозом, который немедленно передавался прибывшим на подкрепление войскам. «Они не кричали и не прибегали к насилию, — писал один из офицеров, — они обреченно брели в лагерь, сгорбленные, с опущенными головами. На их лицах застыло безучастное выражение, что свидетельствует о начале безумия».

Во время осеннего наступления 1916 года, в районе Ковеля, гвардейцы Семеновского и Преображенского полков 17 раз за три месяца ходили в атаку по открытой заболоченной местности. Британский военный атташе генерал Альфред Нокс называл преображенцев «самыми замечательными, с точки зрения физических данных, человеческими особями в Европе». Такая слава укрепилась за ними со времен Петра Великого, одевшего гвардейцев в бутылочно-зеленые мундиры и настоявшего на том, чтобы их рост превышал шесть футов. Каждый государь являлся почетным полковником Преображенского полка. Командовавший штурмом генерал Александр Безобразов слыл среди сослуживцев человеком «с ограниченными умственными способностями и невероятно упрямым». Одним из его корпусов командовал дядя императора, великий князь Павел, считавшийся великолепным танцором и искусным волокитой. Облаченный в облегающие рейтузы земляничного цвета и короткие гусарские сапожки, он выглядел настоящим удалцом. Впоследствии он единственный из четырех братьев сохранит верность государю. К сожалению, великий князь Павел ничего не смыслил в военных делах. Командир другого корпуса также страдал недостатками: перед лицом опасности он «полностью терял присутствие духа и не мог

руководить операцией, так как его нервы не выдерживали звука ружейных выстрелов».

Гвардейцы увязли в болоте, где их атаковал с бреющего полета немецкий самолет. Через некоторое время он улетел, но, заправившись горючим, вернулся и стал добивать барахтающихся в болоте солдат в бутылочно-зеленых мундирах. Об этом сражении Нокс писал: «Раненых медленно засасывала трясина, и никто не мог им помочь. По каким-то необъяснимым причинам, русское командование всегда умудряется найти болото, чтобы увязнуть в нем». Прошло менее двух недель, и четыре пятых личного состава лучших войск империи были убиты. Кое-как обученному подкреплению приказали продолжить наступление. Солдаты шли вперед длинными редкими шеренгами, держа равнение налево, — офицеры впереди, прапорщики сзади, чтобы стрелять в дезертиров. Войска не делали никаких маневров, так как офицеры считали, что в данной ситуации это невозможно. На нейтральной полосе было столько трупов, что немцы отказались от перемирия, чтобы их захоронить. Помимо зловония, они являлись физической преградой, мешавшей русским снова пойти в атаку. До ноября, когда наступление было остановлено, русские обстреливали свои собственные окопы, чтобы поднять солдат в атаку. Тела убитых медленно поглощали зыбучие пески. Много месяцев спустя князь Оболенский писал, что из песков все еще виднелись острия их штыков.

Когда сообщения о потерях в «ковельском котле» дошли до Ставки, Николаю пришлось отстранить Безобразова от командования. Однако сделал он это с большой неохотой. «Какой порядочный и воспитанный человек! — писал он императрице Александре. -- Я дал ему двухмесячный отпуск и пообещал, что при появлении вакансии в гвардейском корпусе сразу же назначу его командующим!»

Императорская армия уже не считала себя солдатами России; «это были просто люди, идущие на

смерть». Из уст в уста они передавали, что правительство России получило от Берлина миллиард рублей, чтобы как можно меньше из них осталось в живых. К императрице, немке по происхождению, они испытывали особую ненависть, обвиняя ее в связи с врагом. Говорили, что она переговаривается с немцами по радио, спрятанному во дворце, и передает все военные тайны своей сестре, прусской принцессе. Считалось, что принявший из ее рук награду обречен на смерть. Солдаты не сомневались, что у императрицы любовная связь с Григорием Распутиным. Когда Николай посещал церемонии награждения, где вручались Георгиевские кресты, они со смехом говорили: «Царь с Георгием, а царица с Григорием». Между собой солдаты называли императрицу не иначе, как «немка».

Осенью Александра редко покидала Царское Село, находившееся в получасе езды от столицы. Императрица страдала нервным расстройством и большую часть дня проводила в шезлонге, в своем лилово-розовом будуаре в обществе любимого шотландского сеттера. Она ненавидела Петроград вместе с его сплетниками и любителями скандалов. Для императрицы Россия оставалась незыблемой державой с березовыми рощами, ветряными мельницами, златоглавыми церквями и преданными, никогда не жалующимися подданными. Распутин, в ее глазах, был честным крестьянином, воплощением простоты и святости, одним словом, ее «дорогим другом». Читая письма из деревень, она говорила одному из посетителей: «Истинная Россия, бедная и покорная, всегда со мной. Если бы я показала вам письма и телеграммы, которые получаю каждый день, вы убедились бы в этом сами».

Правда, все послания были подозрительно похожи друг на друга: «Возлюбленная государыня, мать нашего дорогого царевича! Спаси нас и Россию от врагов!» Все эти письма составлялись тайной полицией по приказу Протопопова, друга Распутина. В настоящих же пись-

мах, перехваченных охранкой, говорилось совсем иное. Одно влиятельное при дворе лицо предупреждало: «Мужик по природе кроток и фаталистически настроен. Он безропотно принимает несправедливость, но никогда о ней не забывает и в один прекрасный момент потребует отчета. Когда же мужик перестает быть кротким, он становится ужасным и неуправляемым». Сейчас такой момент стремительно приближался. «Возможно, помещики и разные мерзавцы богатеют и богатеют, но простой народ вынужден просить милостыню», — жаловался корреспондент из Иркутска. Гнев крестьян нарастал с каждым днем. «В благоуханной патриархальной России жил несчастный и запуганный народ с допотопными мыслями», — писал Александр Блок.

В октябре настроение уличной толпы стало угрожающим и непредсказуемым. Охранка уже была не в состоянии задерживать всех, позволивших оскорбительные замечания в адрес императора и его супруги, так как таких людей стало слишком много. Роберт Уилсон, корреспондент «Таймс» в Петрограде, посылая письмо дипломатической почтой, чтобы избежать цензуры, предупреждал, что над династией Романовых нависла угроза. «Я слышал, что в домах у рабочих были обнаружены плакаты с надписями "Долой Романовых"», — писал он. На автомобильном заводе, принадлежащем французам, бастующие убили мастера, а солдаты 181-го пехотного полка, вызванного для их умирения, открыли огонь по полиции. На фронте оглушенных снарядами солдат расстреливали за трусость; в столице власти боялись своего собственного гарнизона и не выносили смертных приговоров бунтующим. Каждый день полиция задерживала на трамвайных остановках солдат, совершивших карманные кражи. Начальник Охранного отделения жаловался, что военные не осмеливались их наказывать, и через несколько часов они снова гуляли на свободе.

26 октября умер французский спиритист и предсказатель Папюс. За несколько лет до описываемых событий он проводил сеансы спиритизма с Николаем и Александрой, на которых вызывал дух Александра III, отца императора. Папюс говорил, что дух покойного императора предупреждал о чудовищной по жестокости революции, угрожавшей России. Он утверждал, что может предотвратить предсказание Александра III, но только до тех пор, пока будет жив сам. И вот теперь он умер, написав незадолго до смерти следующее: «Распутин — это сосуд, подобный сундуку Пандоры, в котором заключены все грехи, преступления и злость русского народа. Если этот сосуд разобьется, мы увидим, как его ужасающее содержимое захлестнет всю Россию».

В начале ноября Владимир Пуришкевич, отличавшийся крайне правыми реакционными взглядами, обещал с императором Николаем в Могилеве, куда он отправился, чтобы предупредить государя о том, что Распутин подрывает репутацию монархии. Пуришкевич надеялся, что приближенные императора поддержат его, однако, движимые эгоистическими соображениями, они не захотели рисковать своей карьерой и промолчали. Возмущенный Пуришкевич вернулся в Петроград и открыто выступил против Распутина в Государственной Думе, сравнив его с Лжедмитрием. Он обрушил свой гнев на «грязного, развратного и беспринципного крестьянина, чьи советы русская императрица предпочитала всем остальным».

«Нельзя допустить, чтобы по рекомендации Распутина высшие государственные посты получали сомнительные личности. Министры! Если вы являетесь истинными патриотами России, езжайте в Ставку к Государю, падайте ему в ноги и умоляйте освободить Россию от Распутина и его приспешников, как больших, так и малых». Среди тех, кто слушал речь Пуришкевича, был молодой аристократ князь Феликс Юсупов, в прошлом трансвестит, а теперь состоящий в

браке с племянницей императора. Речь произвела на него огромное впечатление, и он договорился с Пуришкевичем о встрече.

Охранка разработала план использования полиции и вооруженных пулеметами казаков для подавления мятежа в столице. Там подозревали, что депутаты Думы и высшее военное командование организовали заговор с целью свержения императора и убийства Распутина. Просматривая корреспонденцию подозреваемых, начальник тайной полиции с изумлением обнаружил, что те пользуются доверенными курьерами. Тучи над столицей сгущались, а ее улицы насквозь продувались пронизывающими ветрами.

В начале декабря Николай проводил смотр гвардейского полка в Ставке. Один из офицеров нечаянно отрубил саблей ухо своей ирландской лошади и прикрепил его с помощью маленького винтика, наподобие серьги. Ухо упало прямо перед императором, и это посчитали дурным знаком.

8 декабря Союз городов, являвшийся важным муниципальным органом, собрался на тайное заседание, где была вынесена следующая резолюция: «Нынешнее правительство стало орудием в руках темных сил и ведет Россию к краху, расшатывая престол. В эту тяжкую годину стране нужно правительство, достойное великого народа. Нельзя терять ни дня!» Секреты больше никто не хранил, и резолюция расходилась тысячными тиражами. Под «темными силами» подразумевался Григорий Распутин и его приспешники. По городу ходил написанный в старославянском стиле памфлет, адресованный «отцу Григорию, верноподданному сатаны, хулителю учения Христова и растлителю жен и девиц». В припеве говорилось: «Радуйся тупости царя и похоти царицы, совращению их дочерей, назначению Протопопова и германскому владычеству. Торжествуй, приспешник сатаны!»

«Как ужасно самодержавие без самодержца! — пи-

сал в своем дневнике убежденный монархист Василий Шульгин. — Государь оскорбляет народ, попустительствуя тому, что творится во дворце... народ же в свою очередь оскорбляет государя ужасными подозрениями».

Императрица плохо спала. Ей приснилось, что она лежит на операционном столе, а хирург ампутирует ей руку.

Из-за диких дебошей, пьянства и беспутного образа жизни всегда здоровый и крепкий Распутин превратился в изможденного худого старика. Его называли немецким шпионом, в народе говорили, что он переговаривается по радио с Берлином, спит с царскими дочерьми и с самой императрицей. Злые языки утверждали, что над императорским дворцом вместо флага с двуглавым орлом развеваются подштанники Распутина. По ночам он разъезжал в своем черном автомобиле по Дворцовому мосту, паля наобум из ружья по случайным прохожим.

Распутину самому угрожала опасность, и он это хорошо знал. «Известно ли вам, что я скоро умру в страшных мучениях? — говорил он французскому послу. — Но что же я могу сделать? Господь послал меня для спасения нашего дорогого государя и святой Руси, а я, несмотря на все мои грехи, являюсь Христом в миниатюре». Его имя до такой степени стало синонимом зла, что многие из суеверия боялись произносить его вслух, дабы не навлечь на себя несчастье.

Утром 16 декабря выпал снег, прикрывший пушистым ковром осеннюю грязь. Распутин в сопровождении охранников ходил в баню. Он много пил, а потом отправился спать в свои апартаменты. К вечеру небо прояснилось и усилился мороз. Светило солнце, и императрица заметила отражавшие его маленькие розовые облачка. Отдельные льдины, плававшие по Неве,

превратились в сплошной покров, сверкающий в солнечных лучах.

Ночь была безветренной и звездной. Мария Распутина услышала шум автомобиля, проезжавшего по Гороховой улице. Он затормозил у пятиэтажного дома №64, находившегося через квартал от Фонтанки, одного из трех главных каналов Петрограда. В этом доме в комфортабельной квартире на третьем этаже жил Григорий Распутин и его дочери: семнадцатилетняя Мария и Варвара.

Отодвинув занавеску, Мария посмотрела вниз и увидела, как из автомобиля вышла одинокая фигура в шубе с поднятым воротником и меховой шапке с опущенными ушами. Лица она различить не могла.

Хлопнула дверца черного лимузина, а затем слышался звук шагов по свежему снегу. Человек направился к черному ходу. Было 11 часов вечера. Мария знала, что поздние посетители, пришедшие повидаться с отцом, часто пользовались черным ходом, так как у парадного входа всегда дежурили два охранника. Раздался звук колокольчика. Прыгнув в постель, Мария уютно устроилась рядом с сестрой и уснула. Она привыкла к поздним приходам отца.

Она проснулась, услышав голос отца, просившего прислугу принести сапоги. Выбежав в темную прихожую, Мария столкнулась с отцом.

— Ах, это ты, Мария! — воскликнул он. — Мы тебя разбудили?

— Да, папа, но это неважно. Ты уходишь?

— Я должен идти, Марочка, — ответил он, ласково называя дочь уменьшительным именем.

— Тебе нельзя выходить так поздно. Ты знаешь, что сказал господин Протопопов? — Она знала, что агенты охраны, мерзнувшие внизу, были присланы Протопоповым, которого информировали о заговоре, готовившемся против его благодетеля. Перед этим

Протопопов заходил в дом Распутина и взял с того обещание не выходить по ночам.

— Да, я знаю, — ответил Распутин. — Но дело очень важное.

Мария боялась за отца. Два года назад какая-то женщина ударила его ножом в живот. От девочек в школе она знала, что люди желают зла ее отцу. Об этом же говорили взгляды прохожих на улице и грязные намеки в газетах. Когда Мария увидела пришедшего к отцу посетителя, ее беспокойство возросло. Гость стоял в отцовском кабинете, облокотившись на стол, заваленный бумагами, вазами с фруктами и бутылками, присланными почитателями Распутина. Посетитель был молод и строен, а в его красивом лице чувствовалось что-то женственное. Незнакомец стоял в расстегнутом пальто, открывая взгляду безупречно сшитый вечерний костюм. меховую шапку он не снял, как бы желая показать, что аристократ не может находиться перед мужиком с непокрытой головой.

— Я так устал, — обратился Распутин к молодому человеку. — А кроме того, мне нездоровится. Неужели обязательно ехать сегодня и нельзя подождать?

— Нет, отец Григорий. Дело очень срочное.

— Ладно, мой маленький, — сказал со вздохом Распутин, — подожди минуту, я только переодену рубашку.

Увидев, что отец достает из комода любимую рубашку, Мария убедилась в своем предположении, что между отцом и незнакомцем были очень близкие отношения. На голубой атласной рубашке Распутина самой императрицей были золотом вышиты подсолнухи.

Распутин рассказывал дочери, что, странствуя по Сибири, он целый год не менял одежды, проводя время в поисках Господа. Он также отказался от женщин и вина. В течение своей жизни Распутин делал это несколько раз. Теперь же он вновь вернулся к прежним привычкам. С женщинами, окружавшими отца,

Мария смирилась, а вот его пьянство вызывало у нее тревогу, так как оно подрывало и без того пошатнувшееся здоровье Распутина.

Сегодня, в пятницу, он переодевался уже в третий раз. Он стал надевать самые лучшие брюки из голубого бархата, и Мария вместе с горничной Катей бросились ему помогать. Мария поднесла палец к губам, призывая не шуметь, чтобы не разбудить сестру. Распутин подпоясался золотым кушаком и полил себя любимым одеколоном. Впоследствии молодой человек скажет, что от него пахло дешевым мылом.

Катя принесла отцу сапоги и ответила улыбкой на шуточный поклон Распутина. Затем он накинул на себя бобровую шубу, подарок богатого петроградского банкира и биржевого дельца Игнатия Порфирьевича Мануса, племянница которого страдала лихорадкой, пока ее не излечил Распутин.

— Папа, папа! — Мария бросилась к нему и крепко схватила за руку, предчувствуя беду. Больше она не произнесла ни слова, но отец все понял. Поцеловав дочь, он рукой утер ей слезы.

— Не бойся, Марочка, — сказал он. — Со мной ничего не может случиться, если на это не будет воли Господа. — Он отвел Марию в спальню и поцеловал в щеку спящую Варю. Затем, перекрестив обеих дочерей, Распутин вышел.

Мария подбежала к окну и потеряла замерзшее стекло. Молодой человек подхватил Распутина под руку и то ли подсадил, то ли втолкнул его в лимузин. Хлопнула дверца, и послышался скрежет колес по льду. Мария впала в тревожный сон, во время которого она часто просыпалась, громко вскрикивая: «Прощай, папа!»

Убийство Распутина стало сенсацией. Вся история была рассказана в нескольких словах в вечернем выпуске «Биржевой газеты»: «Григория Распутина нет в живых!» При жизни его имя трепетно оберегала цен-

зура, а теперь у авторов некрологов таких ограничений не было, и они превратили смерть «придворного пилигрима-дебошира» в событие огромной политической важности. Газеты выходили двойными тиражами, а ранее запретное имя было набрано самым крупным шрифтом. Телеграфисты на железнодорожных станциях вставляли новость в отчеты о движении поездов. С железнодорожных станций новость расходилась по замерзшим деревьям.

Мост, с которого тело Распутина сбросили в Неву, стал местом паломничества для всего Петрограда. Люди приезжали в автомобилях и каретах; некоторые долго стояли у перил. Любопытные пытались проникнуть в дом №64 по Гороховой улице, но все подходы к нему были блокированы полицией. Подошел катафалк, и толпа разочарованно загудела, увидев там вместо тела венки и траурный креп.

Некая певичка из кабаре, выйдя на сцену, обратилась к публике: «Позвольте поздравить вас с величайшей радостью». В ответ раздались аплодисменты. Светские дамы писали предполагаемому убийце, благодаря его за спасение России и ставя в храмах свечи за его здравие.

А в глухих деревнях крестьяне проклинали убийц, говоря, что рядом с царем был только один крестьянин, как и они сами, который защищал интересы простого люда, за что придворные и расправились с ним. Одна знатная дама, выказавшая перед ранеными солдатами свою радость в связи с гибелью Распутина, ожидала, что те разделят ее ликование. Однако ответом ей было враждебное молчание. Французский дипломат вспоминал, что покойному было видение, когда они вместе проходили мимо Петропавловской крепости, где за железными решетками содержались высокопоставленные противники режима. «Я вижу, как мучат множество людей, вижу груды тел, среди них есть князья и графы. Нева станет красной от пролившейся крови». Редактор

«Колокола» Скворцов писал, что простые русские люди считали убийство Распутина великим злом, которое повлечет за собой страшные беды.

Другим журналистам это событие доставило огромную радость. Они узнали, что тело Распутина было помещено в металлический ящик и тайно перевезено из морга одной из петроградских клиник в часовню, находившуюся в нескольких милях от города. Говорили, что оттуда его в карете скорой помощи отвезли на станцию Николаевскую, откуда покойного должны были отправить на родину, в Сибирь. Узнали также, что вскрытие делал профессор из военной медицинской академии, и никто из персонала клиники при этом не присутствовал.

Газетчики с ликованием сообщали, что по Петрограду ходит фотография, на которой Распутин изображен в окружении своих высокопоставленных почитательниц. Среди них была и фаворитка императрицы Анна Вырубова. Открыто писали о грехах и пристрастиях покойного, цитируя якобы сказанные им слова: «Если бы я был царем, то наворовал бы сотни рублей и ел бы мясо весь день». Судьба дала Распутину все, чего он хотел: «море водки, много мяса и вышитых рубах, много денег и чересчур много женщин».

Однако в данном случае газетчики были неправы. Покойный любил рыбу и терпеть не мог мяса, а его останки находились в Царском Селе, наводя ужас. Журналисты писали о «водевильном государстве, в котором слюнтяи министры, епископы, князья и княгини ходили на задних лапках перед безродным сибирским крестьянином. Но почему они так поступали? Почему князья и графы не удержали женщин своего круга и те с мистическим почтением отдавались Распутину?» Имя императрицы не называлось, однако газетчики не сомневались, что читатели домыслят все сами.

«Русское село» писало, что Распутин был преступником и дважды предстал перед судом за кражу

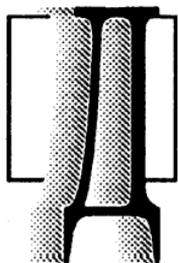
лошадей и лжесвидетельство, а местный суд приговорил его к порке. Московская газета ссылалась на находящуюся вне закона секту хлыстов, известную своими оргиями и бичеваниями. «Распутин совершал хлыстовские обряды и применял телесные наказания в монастырях». Имелись в виду случаи, когда он сек монахинь. Невероятное влияние Распутина «Русское слово» объясняло тем, что он был «прост и удобен во всех отношениях. Представьте себе покровителя, который мог уладить любое дело за небольшое одолжение или за женщину». Старые пройдохи, мошенники и политические интриганы говорили: «Если бы Распутина не было, его следовало бы придумать!»

Так почему же он погиб? По этому поводу автор некрологов Александр Яблонский писал: «За пьяными, низкопробными интригами скрывались рифы, которых не видел Распутин. Он не заметил, как вокруг него создалась коалиция ненавидящих его людей. Он не понимал, что выполнял роль вставных зубов в чужом рту и не знал, какого рода орехи разгрызали эти зубы... Для Европы Распутин был лишь анекдотом, а не реальностью. Для России же он стал не только реальностью, но и целой эпохой».

Глава вторая

ГРИША

ату рождения Распутина установить трудно. Родился он в глухой сибирской деревушке; затерявшейся среди лесов и болот. Читать и писать он научился уже будучи подростком. В записках, которые он царапал в зрелом возрасте, отсутствовали знаки препинания, и понять их содержание было очень сложно. Как правило, это были цитаты из Библии, обращения к поклонницам или просьбы о какой-либо услуге. Распутин не вел дневника, а в его жизни было много белых пятен, непонятных порывов и странствований. Он представлял собой странное сочетание благочестия и разнузданности, кристальной чистоты и развращенности; благодаря своему изошренному уму, Распутин умел скрывать от людей жившего в его душе закоренелого грешника и предстával перед ними в образе святого. Цензура зорко следила за тем, чтобы при жизни факты его биографии оставались в тайне. Появившаяся же впоследствии информация скорее основывалась на мистике, а не на реальных фактах. Если он и знал дату своего рож-

дения (хотя многие крестьяне не знали, когда родились), то не потрудились где-либо ее записать. Его это просто не интересовало, так как он не был астрологом.

Подробности рождения Распутина стали всем интересны только после его смерти. Его дочь Мария утверждала, что когда Анна Егоровна, жена Ефима Яковлевича Распутина, родила своего второго сына, по ночному небу пролетел огненный метеор. Скорее всего, это была лишь легенда. Мария говорила, что ее отец родился 23 января 1873 года и весил семь фунтов. Эта дата совпадает с 10 января 1873 года по юлианскому календарю, принятому в дореволюционной России. Тот же день фигурирует в церковной книге, найденной в Тюмени, которая была ближайшим городом к той деревне, где родился Распутин. Однако там указан 1869 год. Если это верно, то он не дожил трех недель до 48 лет, когда черный автомобиль увез его в последний путь.

Репортеры, расследовавшие убийство Распутина, говорили, что ему было 50 лет. Полгода спустя новое Временное правительство создало чрезвычайную комиссию по расследованию дела Распутина. Главный следователь Е. П. Стимсон, уважаемый юрист из Харькова, собрал показания свидетелей, знавших Распутина еще в Сибири, а также в более поздний период его жизни. Стимсон был немногословен и назвал совсем другую дату рождения: «Григорий Ефимович Распутин родился в селе Покровское, Тюменского уезда, Тобольской губернии, в 1864 или 1865 году. Его родители были здоровы, психических расстройств в роду не имелось, все они вели жизнь обычных средних крестьян». Вполне понятно, почему он прибавил Распутину несколько лет. В последние месяцы жизни тот изводил себя пьянством и развратом.

Гриша родился здоровым и крепким ребенком. Он встал на ноги в шесть месяцев, а пошел в восемь. Это

было обычным явлением, так как слабые дети в Сибири не выживали, умирая от дифтерита, холеры или инфлюэнцы. Ближайшая больница находилась в Тюмени, в семи милях по реке или тракту, связывающему Тюмень с губернским городом Тобольском. Много лет спустя Распутин, раненный в живот при первом покушении, смог вынести такую дорогу только благодаря своему богатырскому здоровью. В качестве антисептика в Покровском использовали водку, лихорадку лечили отварами трав, а раны прижигали раскаленным железом.

Деревня, где родился Распутин, располагалась на высоком берегу реки Туры. Над камышами возвышалась деревянная пристань для пароходов, ходивших в Тюмень и Тобольск, находившийся в 120 милях к северу. Дважды в месяц мимо деревни проходили направлявшиеся в Тобольск желто-черные тюремные баржи с железными клетками, в которых находились сосланные на каторгу заключенные. На немощной главной улице не было ни тротуара, ни деревьев, вдоль нее по обе стороны за высокими заборами стояли бревенчатые избы с законопаченными паклей стенами.

Единственной достопримечательностью была церковь с позолоченным куполом, а местный кабачок обеспечивал жителей деревни водкой и пивом. Благородные вина Распутин полюбил гораздо позже, когда он покинул деревню и стал странствовать по монастырям, где употребляли кагор и мадеру. В лавке продавалась соленая рыба, лампы, масло, а также плуги, бороны и другие орудия крестьянского труда.

На приехавших с Запада путешественников монотонный пейзаж наводил такую же тоску, как бескрайнее пустынное море. Правда, коренные сибиряки, каким был и Распутин, любили свою землю и находили в ней красоту и поэтичность. Однако даже самые убежденные оптимисты, приехавшие сюда из европейской части России, впадали в меланхолию. Сосланный в

Сибирь Лев Троцкий писал: «Летом мошка превращает нашу жизнь в настоящий кошмар. Эти твари даже закусили до смерти заблудившуюся в лесу корову... Весной и осенью деревня утопает в грязи, а зимой в избах полно тараканов».

В Покровском разводили скот, сеяли хлеб и занимались извозом, что делало это село относительно зажиточным. Эта местность славилась своим маслом и пшеницей. Несмотря на то, что тракт летом был покрыт глубокими рытвинами и ухабами, а зимой скользким льдом, путешественники привозили сюда рубли, а местные жители брали их на постой и давали лошадей и телеги. После ледохода по реке ходили баржи и лодки.

Ефим Распутин, отец Григория, приехал в деревню издалека, и местные жители прозвали его Новиком. Впоследствии его сын, научившись писать, иногда подписывался как Григорий Новых. Часто говорили, что фамилия «Распутин» произошла от слова «распутство» и что семья получила ее за беспутный образ жизни. Сами же Распутины утверждали, что их фамилия произошла от слова «распутье». Ходили слухи, что Ефим Распутин, служа ямщиком в Саратове, напился и то ли потерял, то ли продал своих лошадей, а потом бежал в Сибирь.

В этой истории не было ничего необычного, так как в Сибири скрывалось множество беглецов, банкротов, убийц, а также раскольников и сектантов. Каждые два-три месяца серые колонны осужденных с желтыми ромбами на робах приходили из европейской части России и пересекали Уральские горы к западу от Покровского. Они направлялись в огромную тюрьму в Тюмени, где их размещали по 160 человек в камере, а потом отправляли в отдаленные рудники и на лесоповал. Условия в тюрьме были ужасные, и из 15 тысяч заключенных, присылавшихся сюда каждый год, треть умирала, так и не дождавшись отправки на каторжные работы. Сибиряки в полной мере ощущали смертонос-

ную власть далекого государя. Часто ямщиками служили бывшие осужденные. Американские путешественники рассказывали, что при поездке по Сибири они наняли шесть ямщиков и впоследствии выяснили, что все были осуждены за убийство.

Односельчане говорили, что Ефим Распутин, помимо службы ямщиком, занимался сельским хозяйством и торговлей лошадьми, а кроме того, любил изрядно выпить. Летом он ходил в холщовой рубахе, штанах из грубой шерстяной ткани и лаптях. Зимой к его гардеробу добавлялся овчинный тулуп, армяк, валенки и меховая шапка-ушанка. Гриша в течение всей жизни сохранил верность крестьянскому стилю, хотя его сапоги были сделаны из самой высококачественной кожи, а шелковые рубашки вышивала сама императрица.

По деревенским меркам, Ефим считался человеком зажиточным. В его обшитой досками избе было четыре комнаты, обставленных скамьями из неоструганных досок. Он даже мог позволить себе застекленные окна, в отличие от бедных крестьян, которые вместо оконных стекол использовали бычьи пузыри. Вместо свечей в красном углу горницы, перед иконами, горели масляные лампы. Во дворе находился хлев, где зимовала скотина. Все члены семьи спали одетыми на деревянных полатах возле печи, используя овечьи шкуры вместо матрацев. Чай пили из большого самовара. Гриша вспоминал, что в детстве он обычно ел белый хлеб, а не черный, как крестьяне европейской части России. Как и другие крестьяне, Распутин ел чеснок, чтобы не заболеть цингой. В Покровском была баня, куда крестьяне ходили мыться и париться березовыми вениками. Распутин всю жизнь очень любил баню, хотя от его тела всегда исходил резкий крестьянский запах, «приводивший в трепет» светских дам.

Гриша не говорил до двух с половиной лет, но потом слова полились из него неудержимым потоком,

так как у мальчика было очень богатое воображение. Выздоровливая от лихорадки, Гриша рассказывал матери, что к нему приходила прекрасная женщина, которая сидела у его изголовья и говорила слова утешения.

Он ходил в лес за дровами, помогал ухаживать за домашней скотиной, пас коров и еще в детстве научился ездить верхом без седла. В школу Гриша не ходил. В свободное время они с братом Мишей играли в прятки или в бродяг и солдат. Бродягами называли сбежавших заключенных. Каждое лето сотни бродяг совершали побеги и бродили по лесам, пока их кто-нибудь не выдавал в надежде получить вознаграждение или же ближе к зиме они сами не сдавались властям.

На деревенских вечеринках молодежь и дети плясали под гармошку.

Девушки по этому случаю одевали лучшие платья и полушалки. Коробейники в черных сюртуках и жилетах со стеклянными пуговицами продавали дешевые цветные открытки с видами Санкт-Петербурга и с портретами императора и его генералов. Сибирь мало чем напоминала Россию, находившуюся на западе от Уральских гор.

Три столетия назад казаки под предводительством Ермака Тимофеевича завоевали Сибирь и разгромили татар недалеко от Покровского. С тех пор граница давно передвинулась на восток, но эта местность по-прежнему называлась Зататарским Болотом. Здесь ходило множество легенд и преданий о чудотворных иконах и различных чудесах, случавшихся с охотниками. Говорили, что в тайге живут лешие, которые подражают пению птиц, свистят и хлопают в ладоши, а также оказывают покровительство беглым каторжникам. Обитавший же в реке Туре водяной заставлял ее выходить из берегов, когда бывал пьян. В крестьянских избах водились косматые домовые, которые, в зависимости от настроения, либо оберегали хозяев, либо всячески им вредили.

Гришина мать рассказывала, что мальчик так долго смотрел в небо, что она стала опасаться за его рассудок. Помимо богатого воображения, ребенок был наделен необычными способностями. Он прекрасно понимал животных и заговаривал хворь у лошадей. Ефим Распутин любил рассказывать, как впервые проявился чудесный дар сына. Как-то за обедом Ефим сказал, что одна из лошадей захромала, должно быть, растянула ахиллово сухожилие. Гриша молча встал из-за стола и направился в конюшню. Отец последовал за ним и увидел, что Гриша стоит с закрытыми глазами и запрокинутой назад головой, положив руку на большую ногу лошади. Через некоторое время он отступил назад и, ласково потрепав лошадь по спине, сказал: «Тебе станет лучше». Ефим вывел лошадь и стал прогуливать ее по двору. От хромоты не осталось и следа.

По словам дочери Григория Распутина, он был в Покровском чем-то вроде «духовного ветеринара». Он шел к захворавшей домашней скотине и лошадям и вылечивал их, шепнув на ухо несколько слов и ласково погладив. Вскоре Гриша стал лечить и людей. Он исцелял от болей в спине и лихорадки. По селу прошел слух, что он обладает даром предсказания и ясновидения. Он находил потерянные вещи. Однажды в Покровском у одного из крестьян пропала лошадь. На деревенской сходке люди гадали, кто бы это мог сделать. В этот момент встал Гриша и, указав на самого богатого крестьянина, назвал его вором. Крестьяне пошли к тому в дом и, обнаружив там украденную лошадь, избили незадачливого похитителя до полу-смерти.

Сидя в избе и наблюдая, как мать печет хлеб, Гриша вдруг говорил: «К нам едет незнакомец». И действительно, не позднее чем через час на тракте появлялся путешественник. Он также предсказывал смерть, однако этот дар не вызывал особого восторга у крестьян, и они прозвали Гришу дьяволом.

Во всяком случае, именно так впоследствии писала его дочь Мария. Во время расследования, проводимого Временным правительством, были найдены свидетели, которые высказывались об ее отце не столь лестно. Они говорили, что отец Распутина сильно пил, а сам Гриша в детстве всегда ходил грязным и неприбранным, за что ровесники называли его «сопливым». Мария утверждала, что дар отца проявился еще в детстве. Однако ее воспоминания не совпадают с показаниями односельчан. И все же, как в детстве, так и в зрелые годы Распутин обладал необычными способностями и производил на людей противоречивое впечатление. Казалось, этот человек был соткан из противоречий: он мог быть отвратительным и отталкивающим или же необъяснимо притягательным для тех, кто попадал под действие его биополя. Нет оснований сомневаться в правдивости семейных преданий, рассказанных дочерью Распутина, в которых идет речь о его проявившейся в детстве способности успокаивать боль. Однако также нет причин не верить и его односельчанам, рассказывавшим, что Распутин был бездельником и гулякой. И те, и другие черты характера проявлялись у него в течение всей жизни.

В восемь лет Гриша потерял своего брата Мишу. Мальчики любили купаться в реке, которая несла свои темные, порыжевшие от содержащегося в ней железа воды. Августовскими днями они плескались на мелководье, куда приводили на водопой скотину. Однажды пришедшие на пикник отдыхающие заняли их обычное место, и братья пошли дальше вниз по реке. Мишу отнесло течением в водоворот, брата он потащил за собой. Проходивший мимо крестьянин вытащил мальчиков, но после этого Миша заболел пневмонией. Местная повивальная бабка пыталась спасти мальчика, но вскоре десятилетний Миша умер.

После этого случая Гриша впал в депрессию. По-

давленное состояние внезапно сменялось у него приступом бурной активности. Мать Распутина впоследствии вспоминала, что ей было очень трудно с сыном. «Никогда не знаешь, чего от него ждать», — говорила она внучке. Мальчик мог целыми днями бродить в глубокой задумчивости по лесу, а потом, придя домой, вдруг начинал всем докучать. По словам родственников, иногда от его выходок просто не было спасения. Друзей у Гриши не было, и никто не смог заменить ему умершего брата. Не было у него и пищи для развития воображения и интеллекта, так как окружающий мир оставался для него загадкой. Гриша никогда не видел ни электрического освещения, ни парохода, ни железной дороги, хотя и знал об их существовании из открыток, которые продавали коробейники. Все эти новшества еще не дошли до бескрайних просторов Сибири, жившей своей, особенной жизнью, совсем не похожей на ту, что кипела в далеком Санкт-Петербурге, находившемся в 2453 верстах от Тюмени. Пока не была построена Транссибирская магистраль, путешествие из Тюмени в Санкт-Петербург занимало около шести недель.

Кругозор Гриши ограничивался монотонной деревенской жизнью и работой в поле. Во время бесконечно длинной зимы с Карского моря дули холодные ветры, и зимой температура понижалась до -50 градусов. Юго-западные ветры приносили снежные бури, обрушивавшиеся на Покровское и ослеплявшие безумцев, рискнувших выйти на улицу в такую непогоду. Весной крестьяне распахивали и засевали поля, а в августе собирали урожай, жали рожь и пшеницу и молотили зерно цепями. Осенью циклоны приносили проливные дожди, и все Покровское утопало в грязи. Так в тяжелом и однообразном труде проходил год за годом.

А где-то далеко бурлила и кипела совсем другая Россия, давшая миру великих писателей и музыкантов,

а в последние годы и выдающихся новых промышленников. Русские революционеры славились на всю Европу своей неистовостью и страстью к насилию. Российская империя все еще расширяла свои границы на тысячи миль на восток, захватывая ханства Центральной Азии. А в Покровском в это время царили тишина и покой.

Для местных жителей Санкт-Петербург был таким же далеким и таинственным, как Луна. Политика не интересовала крестьян, у них даже не было права голоса, а газеты не представляли никакого интереса для неграмотных людей. На всей территории Сибири, занимавшей 4,6 тысячи квадратных миль, до 1888 года не было ни одного университета.

Гриша сильно тосковал и стал вялым и апатичным.

Однообразная жизнь и удаленность от шумных городов делала сибиряков очень религиозными. Исполненные красоты православные богослужения, чарующее пение и очищающая душу Пасхальная всенощная с возгласами «Христос воскрес!» действовали на людей словно волшебная живая вода. Через Покровское часто проходили странники, направлявшиеся в Абалатский монастырь или в Верхотурье, чтобы помолиться святым мощам. Иконы с изображением Богородицы и святых великомучеников сопровождали человека всю жизнь: от рождения до последнего пути на сельское кладбище. По воскресеньям люди одевали праздничную одежду и шли в церковь. Церковные песнопения открывали Грише дверь в иной, незнакомый мир, куда он стремился всей душой. Любовь к пению он сохранил на всю жизнь. Церковь была наполнена ароматом ладана, а отблески свечей отражались в окладах икон.

На одном из богослужений, когда Грише было 14 лет, местный священник отец Павел прочел отрывок из Библии, который произвел на подростка огромное

впечатление. «Нельзя узреть царство Господне, ибо царство Господне живет в тебе самом!» После службы Гришины родители отправились домой к воскресной обеденной трапезе, а сам Гриша убежал в лес, где ему в тот день было видение.

Погруженный в свои мысли, мальчик лежал под огромной лиственницей. Вдруг он увидел сияние, которое все приближалось и приближалось, а потом все вокруг озарила ослепительная вспышка. Подросток читал молитвы, а по его лицу струились слезы. Прибыв домой, он сказал матери: «Кажется... Кажется, я видел Господа». Перепуганная женщина стала умолять сына ничего не говорить о видении отцу. «Только Святым дано увидеть Господа», — сказала она сыну. Много лет спустя Распутин привел к заветной лиственнице своих детей и рассказал им, как в тот далекий день он понял, что «Господь пребывает здесь, ныне и присно и во веки веков».

Ефим Распутин беспокоился за сына. В хозяйстве от Гриши было мало толку, несмотря на то что он вырос здоровым и крепким. Он был замкнут и не имел друзей. Иногда он дрался с другими мальчишками из-за того, что те дразнили его «малодушным». И это очень странно, так как в течение всей своей жизни Распутин отличался смелостью. Правда, он был хитер и коварен и в любой ситуации находил путь к отступлению. Возможно, мальчишки имели в виду именно эту черту его характера. Гриша не чувствовал себя одиноким и часто говорил матери: «Господь всегда со мной».

Уже в зрелые годы Распутин часто ссылался на божественные видения, приходившие к нему в детстве. Подобная религиозность была вполне естественной для православной страны, жители же Сибири, как никто другой, сочетали в себе невежество с истинным величием духа и непоколебимой убежденностью в правоте своей веры. Чувство того, что во всех его поступках

есть Божий промысел, было для Распутина таким же естественным, как и его вера в себя и свои удивительные способности. Оно было таким же сильным и неумемным, как и его сексуальность. О первом сексуальном опыте Распутина известно со слов его дочери, которая настаивала, что это было нечто наподобие псевдоизнасилования со стороны генеральской жены. Это происшествие оставило в душе Распутина глубокий след на всю жизнь. Следовательно по делу об убийстве Распутина говорил лишь о его увлеченности деревенскими девушками. Упомянутый случай произошел, когда Гриша вез в Тюмень воз с зерном.

Женщина, о которой идет речь, была госпожой Ириной Кубасовой, дочерью артиллерийского полковника, который выдал ее замуж в 18 лет за своего командира, чтобы уладить карточные долги. Генерал Кубасов был на 40 лет старше своей невесты. Вскоре он оставил службу и покинул Москву, поселившись в своем родовом имении недалеко от Тюмени, чтобы в полной мере насладиться обществом молодой жены.

Распутин увидел проезжавшую в карете прекрасную молодую блондинку и поехал за ней на своей телеге. Когда за Ириной закрылись железные ворота кубасовского особняка, Распутин некоторое время сидел у высокой ограды, а затем отправился домой. Во время своего следующего приезда он увидел карету Кубасовой у дверей модного магазина одежды. Вдруг из магазина выпорхнула служанка генеральши и направилась к Грише: «Моя госпожа просит сообщить вам, что через час вы должны быть у той же стены. Думаю, вы знаете это место», — пролепетала скороговоркой девушка.

Выехав из города, Гриша уселся возле ограды, окружавшей особняк и с удивлением стал разглядывать лужайки и пруд за холмом. Через пруд был переброшен пешеходный мостик, по которому можно было пройти в летний домик. Вскоре появилась «златокуд-

рая красавица Ирина, одетая в платье из светло-зеленой ткани с глубоким декольте, открывавшим ее чувственную грудь». Мария Распутина рассказывала, как ее отца отвели в летний домик, и генеральша Кубасова вдруг стала гладить его по самым интимным местам. Потом она вышла в другую комнату, попросив Гришу следовать за ней.

Сорвав с себя одежду, он вбежал в полутемную комнату и увидел лежащую на софе Кубасову. Она была полностью одета. Подняв красивую руку, она промолвила: «Сейчас!» В то же мгновение из-за занавеса выбежали четыре служанки. Вслед за ними появилась пятая девушка с ведром воды в руках, которое она тут же выплеснула на Гришу. Подстрекаемые госпожой, девушки набросились на Распутина, словно стая волков на ягненка. Подбадривая друг друга, они действовали так дерзко, как ни одна из них не решилась бы в одиночку. Эту жестокую игру молодая скучающая женщина придумала для собственного развлечения. Когда представление закончилось, девушки вытащили Гришу на улицу и бросили на землю, перед входом в летний домик. Одна из них, Дуня Бекешева, пожалела беднягу и вынесла ему одежду.

Униженный и подавленный шестнадцатилетний Распутин вернулся в Покровское и не мог унять бившую его дрожь, даже забравшись под теплое одеяло. После этого случая его стали преследовать кошмары, в которых женщины являлись ему в виде разъяренных волчиц, которые, подстрекаемые Кубасовой, были готовы вцепиться в его плоть. Мать понимала, что с сыном творится что-то неладное, но Грише было стыдно, и он ни с кем и словом не обмолвился о том, что с ним произошло. Целыми днями он просиживал в конюшне в компании своего любимого жеребца.

Этот инцидент не причинил заметного вреда удивительной сексуальности Распутина. До самой смерти

он одерживал легкие победы и наслаждался обществом самых изысканных женщин. Вскоре после описанного случая молодая вдова из Покровского, Наталья Петровна Степанова, пустила на постой путника и провела с ним ночь, вызвав возмущение всех местных сплетниц, настроивших против бедной женщины всю деревню. Ефим Распутин был в числе крестьян, которые доставили «преступницу» к отцу Павлу. Священник объявил о наказании, налагаемом на грешницу: обнаженную, ее должны были высечь перед всей деревней.

По словам Марии Распутиной, Ефим Яковлевич сорвал с женщины одежду, а другие крестьяне остригли ей волосы и привязали к седлу лошади, которая протащила несчастную между двумя рядами разъяренных и охваченных сладострастием односельчан, избивших ее плетями и палками. Впоследствии Распутин рассказывал дочери, что при воспоминании об этом случае его охватывал ужас. Окровавленную и бесчувственную Наталью Петровну выволокли за деревню, в поле, где и нашел ее Гриша, который пришел сюда, чтобы утешить несчастную. Когда он прикасался к ранам, кровь останавливалась, а синяки исчезали. Он отмыл женщину от грязи и соорудил ей шалаш, а затем принес ей из дома старое платье, пару башмаков, платок и кастрюльку борща.

На следующий день Гриша присутствовал на деревенской свадьбе, где двое парней угостили его водкой. С непривычки он едва не задохнулся. Парни стали говорить, что хорошо бы найти Наталью, а опьяневший Гриша признался, что знает, где она укрылась. Шумная компания до смерти перепугала женщину. Гриша умолял парней оставить ее в покое, но, поняв всю бессмысленность своих стараний, убежал в слезах, чувствуя свою вину.

Мало-помалу его охватил прежний мистицизм. Закончив работу, он шел в лес, где предавался молитвам. Два десятилетия спустя он говорил одному из журна-

листов, работавших в «Новом времени»: «С раннего детства я думал о Боге. В 15 лет я уходил летними днями в лес, где ласково светило солнце и щебетали птицы. Я брел, не разбирая дороги, погруженный в мысли о Господе, а моя душа рвалась из груди. Я часто плакал, сам не зная почему».

Его юность прошла словно в каком-то сне. Он верил в добро и считал, что в деревне его любят. Он подолгу беседовал с односельчанами «о Боге, о природе, о птицах». Гриша любил сидеть с деревенскими стариками, слушая их рассказы о житии святых, об их самоотверженности и великих подвигах, о прежних царях, об Иване Грозном...

В 18 лет ему снова явилось божественное видение. Гриша пахал в поле, когда вдруг увидел струившийся с неба свет. Окруженная сияющим нимбом, к нему подошла Дева Мария и, держа руку над его головой, благословила. Охваченный дрожью, он пришел домой и поставил лошадь в конюшню. Впоследствии Распутин говорил дочери, что этот день и стал его «пробуждением».

В своей последующей жизни Распутин сочетал молитвы и благородные поступки с безудержной разнузданностью. Поэтому нет ничего удивительного в том, что детские впечатления чувствительного, погруженного в собственные мысли мальчика были неизвестны следователю. Свидетели же помнили нескладного парня с сопливым носом и говорили о том, что Распутин стал пить водку в 15 лет, а женившись в 20, запил еще сильнее. Они также называли Распутина воров.

В 19 лет Гриша познакомился с девушкой из соседней деревни, которой он, разумеется, по-своему, хранил верность в течение всей жизни. Они встретились на празднике в Абалатском монастыре. Оба они любили петь и танцевать. В то время Прасковья Федоровна Дубровина была хорошенькой темноглазой де-

вушкой с белокурыми волосами. Она была старше Гриши на 3 года. После шести месяцев ухаживаний они обвенчались. Предположительно, это произошло в 1889 году. Прасковья Федоровна была терпеливой женой. Ее молодой муж по-прежнему коротал вечера в местном кабаке. По словам односельчан, Гриша остался неряхой и, как и его отец, сохранил пристрастие к дешевой сибирской водке, которая мгновенно валила человека с ног. Кроме того, он воровал все, что плохо лежит.

Александр Яблонский писал, что «односельчане считали его пьяницей и беспутным человеком, проводившим время в кутежах, драках и бесчинствах... Когда он возил в Тюмень зерно и сено, то часто возвращался домой вдрызг пьяный, избитый, без копейки денег, а иногда и без лошадей». Наставник детей императора также утверждал, что Распутин был не прочь прикарманить чужое: «Когда он видел, что вещь осталась без присмотра, то тут же ее воровал. Вскоре он стал это делать с удивительной наглостью, а из-за своей расточительности он снискал себе репутацию беспутного кутилы».

Свидетель А. И. Картавец говорит о том же. Он был соседом Распутиных в Покровском, а во время дачи показаний ему исполнилось 67 лет. «Как-то раз я застал Григория за воровством досок из моего забора. Он собирался погрузить их на телегу и увезти. Я потребовал, чтобы Григорий отвез доски в полицейский участок, но он отказался и хотел ударить меня топором. Я же, в свою очередь, так сильно ударил его шестом, что у него из носа и рта потекла кровь, и он без чувств упал на землю. Сначала я подумал, что убил его. Но когда он зашевелился, я отвел его в полицейский участок. Он упирался, но я снова дал ему несколько зуботычин, и тогда он пошел со мной добровольно».

Вскоре после кражи досок Картавец заявил о

похищении пары лошадей. «В ночь, когда была совершена кража, я сам стерег лошадей. — говорил он следователю. — Я видел, как Распутин подошел к ним вместе со своими дружками, Константином и Трофимом. Сначала я не придавал этому значения, но через несколько часов лошади исчезли. Я сразу же пошел домой, чтобы посмотреть, где находится Распутин. На следующий день он был дома, но его дружки исчезли».

Другие характеризовали молодого Распутина как «злобного и нахального человека, с диким и необузданным нравом». «Напившись, он вскакивал на отцовскую лошадь и разъезжал галопом по двору, изрыгая грязные ругательства не только перед посторонними, но и перед собственными родителями». Эта привычка сохранилась у него на всю жизнь. Он обрушивал пьяную брань и проклятия на людей, которых хотел вывести из себя, в чем он сам и признавался журналисту из «Нового времени». «Когда жизнь была особенно тяжела, я прятался где-нибудь в уголке и тайно молился. Я чувствовал себя неудовлетворенным и не мог найти ответов на многие вопросы. Мне было плохо, и я ударялся в пьянство».

После кражи досок и лошадей односельчане пришли на сходку, чтобы обсудить вопрос о высылке Распутина и его сообщников в Восточную Сибирь. Константина и Трофима исключили из крестьянской общины за кражу лошадей, а Распутина обвинили в краже досок. Его дело было передано в местный суд. Его также обвиняли в краже мехов, которых не досчитались после того, как Григорий повез их на телеге в Тюмень. Он же заявил, что в дороге был ограблен разбойниками. После этого Распутин срочно покинул село и отправился в монастырь, находившийся в Верхотурье, в более чем 250 верстах к северо-западу. Это место было знаменито тем, что там находились мощи Св. Симеона Праведника. Посещение Верхотурья оказало огромное влияние на Распутина. Все свидетели

говорили, что по возвращении он в корне изменился. Относительно причин, толкнувших его на паломничество, существуют разные мнения. Сам Распутин говорил: «Вскоре Господь вернул мне разум. Я бросил пить и стал на путь истинный».

Распутин всегда отрицал все обвинения в воровстве. Хитро улыбаясь, он заявлял дочери, что коли Господь наделил его даром находить все украденные вещи, то у него самого никогда бы не поднялась рука на воровство. Мария Распутина считала, что Распутин отправился в Верхотурье, чтобы сопровождать молодого студента-богослова, которого он повез туда на телеге. Он рассказал студенту о своих видениях, после чего тот посоветовал Григорию посетить монастырь и спросить совета у монахов. Рано утром, терзаясь сомнениями, Распутин упал на колени перед семейной иконой и стал молить Богородицу указать ему путь. За этим занятием и застала его жена. Посоветовавшись, молодые супруги решили, что Григорий должен пойти в монастырь.

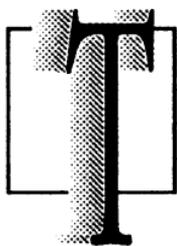
Ту же историю Распутин поведал царской семье. Наставник детей императора Жильяр вспоминал, что Распутин говорил о том, что должен был отвезти в монастырь священника. Заметив в Григории незаурядный ум и способности, священник заставил его исповедоваться во всех грехах и попытался наставить его на путь истинный, чтобы тот посвятил свои дарования служению Господу. Речи священника подействовали на Григория так сильно, что он решил отказаться от прежней беспутной жизни. Жильяр писал, что Распутин долгое время провел в Верхотурье. В интерпретации Яблонского Гришу нанял молодой студент-богослов, которого нужно было отвезти в Верхотурье. Звали студента Милетий Заборовский. Впоследствии он стал ректором Томской семинарии. Во время путешествия «Заборовский произвел на него огромное впечатление и сохранил свое влияние на Распутина в течение дол-

гого времени. Именно эта поездка привела его к решению уйти в монастырь».

На самом же деле, все было гораздо проще. По словам следователя, Распутин заявил, что должен совершить паломничество вместо отца, поклявшегося пройти пешком путь до монастыря и обратно. Однако это было ложью. Свидетели рассказывали, что Распутин навлек на свою голову столько неприятностей, что в конце концов решил предпочесть голодную монастырскую жизнь суду и тюрьме.

Глава третья МОНАСТЫРСКИЙ ЖИТЕЛЬ

ри месяца, проведенные в монастыре, круто изменили всю жизнь Распутина. Следовательно сделал вывод, что дни, проведенные в Верхотурье, «завершили ранний, необузданный и дикий период его жизни, после которого он надолго стал совершенно другим человеком». После возвращения Распутина в Покровское односельчане заметили в нем совсем новые черты, уживавшиеся со знакомой всем похотливостью и коварством. Деревенские жители затруднялись определить это явление, но считали его сверхъестественным и удивительным. В ту пору Распутин понял свое предназначение в жизни, свою миссию.

Монастырь в Верхотурье находился в западных предгорьях Урала. Он был огорожен высокой стеной, за которой виднелись церковные купола и жилые помещения с кельями и трапезной. Этот монастырь был одним из самых старых в Сибири, а Верхотурье стало «воротами» из России в Сибирь еще три столетия

назад. В окрестных лесах жили отрeksiвшиеся от мирской суеты отшельники, питавшиеся черным хлебом и водой, спавшие на голой земле и прославлявшие бедность и воздержание. Их уединенные приюты назывались скитами, а сами обитатели, на которых снизошла Божья благодать, именовались старцами. Многие старцы в прошлом были странниками, которые обосновались в глухих лесах, чтобы предаться размышлениям и молитвам. Паломники со всей России приходили к ним за советом и духовным исцелением. Великие князья и гвардейские офицеры, простолюдины и представители высшего света шли к старцу Амвросию, жившему в Оптиной Пустыни, знаменитом приюте отшельников. Они исповедовались старцу в своих грехах, рассказывали о постигших их невзгодах и выслушивали его советы и наставления. Среди паломников, посетивших старца Амвросия, были такие знаменитые писатели, как Лев Толстой и Федор Достоевский.

Достоевский описал Амвросия в образе старца Зосимы в своем романе «Братья Карамазовы». «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли», — писал Достоевский. Обязательства перед старцем были совсем иными, чем клятвы послушания, даваемые при постриге в монахи. Связь между старцем и его учениками была незыблемой и вечной.

В Верхотурье Распутин жил в келье с каменными полами и спал на узкой деревянной кровати с тонким веревочным матрасом. Он совершал ежедневные похо-

ды через лес до скита Макария, знаменитого старца, который облегчал души известных людей во время своих странствий по России. Макарию было 50 лет, и к тому времени он успел промотать свое наследство на пьяные кутежи, карточную игру и проститутток. Потом его внезапно охватило отвращение к мирским удовольствиям, и он надел на себя вериги и завел вечно кудахтающих кур, истязая себя голодом и удерживаясь от искушения съесть хотя бы одно яйцо. Все снесенные курами яйца он отдавал в монастырь. Распутин поведал старцу о своей похотливости, о стыде и о божественном свете, который он видел в лесу в Покровском и боялся, что это всего лишь галлюцинация.

Слова лились беспорядочным потоком, но сами мысли поражали своей яркостью. Старец Макарий увидел охваченную смятением сильную личность, находившуюся на пороге зрелости. С замиранием души слушал Распутин рассказы старца о Санкт-Петербурге, отмечая про себя странную притягательную силу, которой обладал этот человек, и его гипнотический взгляд, который впоследствии все отмечали и у самого Распутина. Макарий же в свою очередь почувствовал неукротимую энергию и духовную силу молодого крестьянина. Подобно старцу Зосиме, который устанавливал близкую духовную связь именно с теми, кто был больше всех грешен, он с симпатией слушал признания молодого Распутина. Знаменитый на всю Россию старец и сибирский крестьянин, ставший его последователем, молились вместе. Макарий поведал Распутину, что Господь вездесущ и его присутствие не ограничивается одними святыми местами.

— Сын мой, тебе и в самом деле было видение, — заверял он Распутина. — К тебе приходила Пресвятая Богородица, и ты должен следовать по пути, указанному ей.

Старчество считалось благородным призванием, выражением самоотречения и бескорыстия, а для такого

хитрого и коварного человека, каким был Распутин, оно могло обеспечить самую блестящую карьеру из всех возможных для безвестного крестьянина. Кроме того, такая деятельность больше всего подходила к его темпераменту. Выходцы из крестьян, современники Распутина, из рядовых солдат дослуживались до генеральского чина, некоторые стали писателями и учеными, но больше всего им удалось преуспеть в коммерции. Однако Распутин был недисциплинирован, неграмотен и не имел ни малейшей склонности к торговле. Церковь предлагала слишком мало честолюбивому и религиозному молодому крестьянину, успешному обзавестись женой. Женатые представители «белого духовенства» служили приходскими священниками и получали скудное жалованье в размере 60 рублей в год, обеспечивая дополнительный доход за счет крещений, венчаний, отпеваний и похорон. Они отличались от своих прихожан только образом жизни и длинной бороды. Самые высокие посты в православной церкви принадлежали высокообразованному «черному духовенству», принимавшему обет безбрачия.

Для того чтобы стать старцем, преград не существовало. Описанный Достоевским старец Зосима в прошлом был офицером и происходил из помещичьей семьи. Попадались среди старцев и крестьяне, а также некоторые юродивые. От них требовалась вера в свои силы, способность проникать в умы людей и утешать их. Распутин обладал всеми этими качествами. Хороший старец всегда прикрывался какой-либо философией, сложной или примитивной. Однако основное его искусство состояло в поиске нервных и неблагополучных людей, которых он мог водить за нос. Разумеется, чтобы получить звание святого старца, нужно было приложить некоторые усилия. Исключительная настойчивость Распутина и его крепкое здоровье позволили ему совершать длительные паломничества от одной святыни к другой. Наградой за это стали слава

и власть, а также искусство влиять на души людей. Распутин определил свой жизненный путь.

Получив от Макария все, что тот мог ему дать, Распутин вернулся в Покровское. Жизнь в монастыре в корне изменила его. Следователь писал, что она «оставила в душе Распутина болезненный след, выразившийся в виде нервозности, постоянной неудовлетворенности, резких движениях и сбивчивой речи, а также чередованием приступов крайнего нервного возбуждения и депрессии». Престолюдин обрел Бога, и его охватила тоска и беспокойство.

Образованные недруги Распутина объясняли такое душевное напряжение тем, что удивительный дар проникать в умы и сердца людей был дан человеку своенравному и непокорному. Михаил Родзянко по этому поводу писал: «Его удивительный интеллект метался в поисках какого-то неведомого религиозного пути. Совершенно очевидно, что его душе были чужды принципы христианства, а в его взглядах на жизнь отсутствовали нравственные добродетели. В нем были пронизательность и духовность, однако эти качества достались человеку, начисто лишенному моральных принципов, жадному до денег и до наглости дерзкому».

Односельчане Распутина видели все гораздо проще и считали, что он потерял рассудок. Свидетель Подшивалов писал: «Я ехал с матерью в Тюмень и встретил по пути Распутина, возвращавшегося из Верхотурья. Мне показалось, что он сошел с ума. Он ехал домой с непокрытой головой, его волосы развевались на ветру, а сам он что-то пел и размахивал руками». Сосед Распутина Распопов видел его молящимся в церкви. «Распутин произвел на меня впечатление не совсем нормального человека. Стоя посреди церкви, он дико озирался по сторонам, а потом вдруг запел громким голосом».

Автор некрологов Яблонский писал, что Распутин не контролировал свое поведение и мог, придя в церковь раньше священника, занять его место на клиросе и до крови биться лбом об пол. Он стал говорить сбивчиво и загадочно, пытаясь предсказывать будущее. «Когда его о чем-либо спрашивали, он долгое время молчал, как будто о чем-то усиленно думая, а потом как бы вдруг пробуждался и выкрикивал несколько загадочных и бессвязных фраз».

Все единодушно подтверждали, что после паломничества Распутин стал «другим человеком». Следователь отмечал, что он перестал пить, курить и есть мясо. Он стал сторониться людей, много молился и выучился читать на церковнославянском. С этого времени и до конца жизни Распутин не курил и не ел мяса. Что касается алкоголя, то тут дело обстояло иначе. Он знал наизусть отрывки из Библии и часто бормотал их на ходу. Распутин изучал все тонкости православного богослужения, и односельчане не могли понять, зачем ему это нужно. Некоторые считали, что причиной странного поведения Распутина стали побои, нанесенные ему Картавцевым. Сам Картавцев утверждал, что после упомянутого случая «Распутин стал каким-то странным и даже туповатым». Тогда еще никто не подозревал, что на их глазах происходит процесс формирования старца.

Через месяц после возвращения в Покровское Распутин снова задумал совершить паломничество. Для того чтобы стать старцем, требовалось претерпеть всяческие лишения и отказаться от всех мирских благ в подтверждение своей высокой духовности. Классический путь к старчеству требовал уединенной жизни в лесных скитах или в келье отшельника. Однако Распутин не был монахом, хотя некоторые его таковым считали, и не собирался жить в одиночестве. Его переполняла любознательность и жажда новых впечатле-

ний. Распутину хотелось посмотреть на незнакомые места и узнать новых людей. Паломничество стало для него естественным путем к достижению священной цели. Занимавшийся делом Распутина следователь писал: «За несколько лет Распутин обошел множество монастырей в Сибири и западной части России. Из странствий он часто возвращался не один, а в компании двух-трех странниц, облаченных в монашеские одежды».

Итак, Распутин стал странником. В то время он был очень худым молодым человеком с бледным и напряженным лицом и большим приплюснутым носом, по которому, казалось, кто-то ударил лопатой. Его по-крестьянски широкие запястья плохо сочетались с тонкими длинными пальцами, постоянно теребившими бороду. Одев овечий тулуп, валенки и крестьянскую шапку, он отправлялся в путь. В дорожном мешке у него была чистая рубашка, лапти, крест и Библия, бутылка с водой, нож, иконка да буханка хлеба. По пути он все время бормотал в такт шагам: «Господи, помилуй, господи, помилуй».

В то время по России бродила целая армия таких странников и божьих людей. Они шли, опираясь на дорожный посох и сгибаясь от усталости. Некоторые ходили босыми даже зимой, одев на ноги цепи и с восторгом глядя на кровавые следы, оставленные ими на снегу. Они вызывали беспокойство полиции. Начальник Охранного отделения Васильев считал, что эти люди являются анархически настроенными представителями русского крестьянства. Он заявлял, что «у странников нет удостоверений личности или же они фальшивые, а свое настоящее имя они скрывают с поразительной настойчивостью, освобождая себя таким образом от всех социальных обязательств». Странники выживали благодаря сочувствию сельских жителей, снабжавших их едой и прятавших в погребах, прося при этом поставить за них свечу и помолиться

в каком-либо святом месте или же принести святой воды во время очередного визита.

Скрывавшихся в погребах странников называли «подпольниками». Во имя поддержания порядка и общественных устоев Васильев, по своему служебному долгу, должен был бороться с такими людьми. Однако он неоднократно заявлял, что это было крайне трудно. Простой народ приводила в восхищение глубокая вера, самоотреченность и выносливость странников. Русские вообще особо чтут Нагорную проповедь «Блаженны кроткие, ибо они унаследуют царство Божие» и жалеют тех, кто нуждается в сострадании. В своих молитвах они упоминают разбойников рядом с именем Христа и называют их «несчастливыми». Дать страннику пищу и кров считалось богоугодным делом.

О годах, проведенных в странствиях, Распутин впоследствии рассказывал своей дочери, а также монаху Илиодору, который стенографировал их разговоры. В таких беседах Распутин говорил о надежде «отыскать путь к спасению». Именно эта надежда заставила его покинуть Покровское, где он, по собственным словам, «любил мир и все в нем». «Я занимался извозом, рыбачил, пахал землю, и моя жизнь была очень легкой для крестьянина», — говорил Распутин. Он проходил в день по 30 верст, стараясь выбрать дорогу вдоль берега реки, где он чувствовал себя ближе к природе и Спасителю, прошедшему по воде. Он часто голодал, по полгода не менял белье и не дотрагивался руками до тела. «Я делал это, чтобы научиться переносить посланные мне испытания», — говорил он.

Над головой странника проносились бури, он шел в непогоду, обдуваемый холодными ветрами и промокший до нитки под проливным дождем. Он голодал в жаркие дни и работал с крестьянами в поле, чтобы расплатиться за еду. Иногда он прерывал работу и отбегал в заросли, чтобы помолиться. Распутин спал в ночлежках, монастырях, крестьянских избах, а иногда

шел без сна и остановок по три дня подряд. На трактах через каждые 20 верст были почтовые станции, где богатые путники могли поменять лошадей. Дойдя до такой станции, Распутин ночевал в конюшне. Если путь был недлинным, он останавливался на ночь в открытом поле. Иногда он надевал на себя вериги. «Я находил огромное утешение в чтении Евангелия, — записал слова Распутина Илиодор. — Хотя я большую часть времени посвящал размышлениям, а не чтению». Много раз на Распутина нападали волки, однако они не причинили ему зла. Сам же он боялся только сатаны. «Однажды дьявол пришел ко мне и сказал, что меня обуяла гордыня и я не ведаю страха», — утверждал Распутин.

Он дошел до горы Афон, находившейся в 2000 верст от Покровского, для чего спустился вниз по Волге и пересек Кавказские горы и Черное море, чтобы добраться до Греции и посетить ее приютившиеся у скал монастыри, окруженные соснами и олеандрами. Именно там находился оплот православной церкви — Афонский монастырь. С одиннадцатого века это была обитель бородатых монахов, так как мужчины с бритым лицом, а также женщины не допускались сюда ни под каким видом. Этот запрет распространялся даже на коров, и на местных пастбищах можно было увидеть одних быков. Увидев однажды, как монахи насилюют в лесу молодого послушника, Распутин сказал, что «здесь нет ничего, кроме физической и моральной грязи, а также множества паразитов». После этого он вернулся в Сибирь.

В Покровское иногда доходили случайные слухи о странствиях Распутина, который из-за своего молодого возраста выделялся среди остальных странников. Как правило, люди становились странниками, закончив активную деятельность, и, продав все имущество и поделив деньги между детьми, проводили остаток дней в путешествиях по святым местам. Таким образом они

зарабатывали себе право получить место в царствии небесном. Распутин же готовил себя к долгой жизни. Его видели в монастыре на Урале, затем он появился в верховьях Туры, где помогал рыбакам вытаскивать сети, попутно обучая их пению псалмов и объясняя, что его послал сюда сам Господь. По другим слухам, он совершал в лесах странные обряды в обществе девушек. Распутин сплетал кресты из веток и целовал женщин, затем все начинали петь и танцевать. Он пояснял, что ласки и песни были угодны Господу.

С каждым днем в Распутине крепла внутренняя сила, типичная для всех странников. Агенты охраны говорили, что невозможно допрашивать людей, утомленных лишениями и длительными путешествиями. Укрепившись в своей вере, они были неподвластны закону, господствующему на земле. Вскоре в полицию поступила жалоба, в которой Распутин обвинялся не только в воровстве. Лизавета Николаевна Буль, танцовщица из бродячего цирка, обвиняла Распутина в покушении на убийство в сентябре 1900 года. В полицейском участке в Тобольске она рассказала, что застала Распутина в поле, когда он пытался изнасиловать двух молодых девушек. Когда Буль попыталась встать на их защиту, Распутин набросился на нее, и женщине пришлось спасаться бегством, а затем скрываться. Однако у полиции возникли сомнения, так как описанный инцидент произошел в нескольких сотнях миль от Тобольска, и выходило, что Буль преодолела это расстояние за невероятно короткий период времени. Сам Распутин утверждал, что не знает, о чем идет речь.

Самоуверенность Распутина уже достигла к этому времени больших высот и с каждым годом странствий становилась все сильнее. Он завораживал слушателей своими рассказами о святых местах, о тишине сибирских лесов и дикой красоте степей; он говорил о кораблях, ходивших по великим рекам, о пестрых восточных базарах, а в его отсутствующем взгляде «отра-

жались дальние страны, в которых он побывал, и удивительные приключения, которые он пережил».

В отсутствие мужа Прасковья вела все хозяйство и делала это весьма успешно, так как могла себе позволить держать двух служанок. Одну из них звали Катя Иванова. Это была дородная, грубоватая женщина. Второй служанкой Распутиных стала Дуня Бекешева, горничная той самой генеральши Кубасовой, которая подвергла юного Распутина унижению в своем летнем домике. Тогда Дуня, пожалев бедного Гришу, вынесла ему одежду. Мария Распутина утверждала, что Дуня влюбилась в ее отца и была счастлива уже от того, что находилась в его доме. Григорий странствовал так долго, что при его неожиданных возвращениях домой Прасковья принимала его за постороннего. Он всегда входил на кухню без стука, с улыбкой на заросшем лице. Прасковья смотрела на него несколько секунд, а потом, с криком «Гриша!», бросалась к нему в объятия.

И все же он бывал дома достаточно часто для того, чтобы зачать троих детей. Сын Дмитрий родился в 1897 году, а дочери Мария и Варвара — в 1898 и 1900 годах. Находясь в родной деревне, он занимался исцелением душ. Мужчины приняли с насмешкой весть о том, что Распутин стал старцем, но женщины не были столь категоричны и стали обращаться к нему за советом, приводя с собой истеричных дочерей, больных детишек и хромых несчастных вдов. Иногда они ходили вместе с Распутиным в лес, где, сделав из ветвей кресты, подолгу молились. Он всех выслушивал, успокаивал и вселял в их души покой и безмятежность. По окрестным деревням пошли слухи, что в Покровском появился целитель, который умел читать тайные мысли людей.

В одном из сараев, где находилась конюшня, он вырыл погреб, который назвал часовней. Впоследствии Распутин рассказывал Илиодору, что он вырыл этот погреб и украсил его свечами и приобретенными во

время странствий иконами, потому что ему нравилось там молиться, стоя на коленях на голой земле. Охваченный болью и раскаянием, он горестно восклицал: «Господи, помилуй!» Когда же его настроение менялось, он начинал петь псалмы, исполненные ликования и хвалы Всевышнему. «Всякий раз, когда у меня выдавалась свободная минутка, я бежал туда и замечал, что мои мысли не рассеиваются в этой тесной часовенке», — рассказывал он Илиодору. Характер мыслей Распутина и то, что происходило в часовне, вероятно, не сочеталось с православием и казалось богохульством. Слухи о таинственных собраниях под предводительством Распутина дошли до губернского города Тобольска. Имя Распутина становилось известным.

Собрания проводились в «подпольной часовне». Их посещал узкий круг приверженцев Распутина, включая его сводного брата Николая Распопова и двух сестер Катю и Дуню Печоркиных. Односельчане рассказывали следователю, что все их попытки узнать, что происходит на этих сходках, не увенчались успехом, так как посторонних туда не пускали. По округе поползли странные слухи. Говорили, что перед сходками сестры Печоркины мыли Распутина в бане, а затем выпивали воду, в которой он мылся. Затем они шли в подпольную часовню, где читали молитвы, пели и танцевали.

Журналист «Е. С.», бравший интервью у жителей Покровского для журнала «Свобода», вскоре после убийства Распутина написал об оргиях, имевших место в подпольной часовне. Крестьяне рассказывали, что как только на небе появлялись первые звезды, Распутин, его домочадцы и почитатели приносили в часовню дрова и разводили костер. Затем они ставили треногу и подвешивали над костром котелок с ладаном и различными кореньями, чтобы по часовне «распространился сладострастный аромат». Взявшись за руки, мужчины и женщины ходили по часовне, повторяя фразу:

«Наш грех во имя покаяния, Господи!» Со стонами и вздохами они бегали вокруг костра, все быстрее и быстрее... Когда костер угасал, раздавался голос Распутина: «Испытайте свою плоть». После этих слов все бросались на землю, и начиналась безумная и необузданная оргия, именуемая «общим грехом».

Своими сборищами Распутин бросал вызов авторитету отца Петра, нового священника, приехавшего в Покровское. Священник заявил, что подпольная часовня свидетельствует о том, что Распутин является богохульником. Утверждение священника о созданном Распутиным «культе жертвенных молитв» привело к тому, что епископ Тобольский начал расследование.

Это была первая попытка выяснить, стал ли молодой Распутин еретиком во время своих долгих странствий.

Этот вопрос имел особое значение, когда Распутин приблизился к трону. Правительство России испытывало особый ужас к сектам. Причины такой неприязни носили моральный и политический характер. В официальных отчетах сообщалось, что сектантские обряды приводили к «ужасающим сценам разврата». Со времен Петра Великого реформированная православная религия стала государственной в России. Царь обладал духовной и светской властью, а отречение от своей религии приравнялось к бунту.

Священники приносили клятву верности Государю, и среди них было много осведомителей, нарушавших тайну исповеди и доносивших на любого из прихожан, высказавшего крамольные мысли или замеченного в антиправительственной деятельности, к которой относились и различные культы. Именно в этом и обвинялся Распутин. Впоследствии, когда он стал «другом» царской семьи, это имело особый резонанс: глава церкви обвинялся в сговоре с предполагаемым еретиком.

Сибирь была благодатной почвой для всякого рода

сектантов и служителей культов, с которыми мог вступить в контакт и Распутин. Самой многочисленной сектой были старообрядцы. В середине 17 века русское православное богослужение было реформировано в соответствии с греческим православием. Различия были незначительными. Так, например, русский крест был восьмиконечным, а греческий — четырехконечным. Греки крестились тремя пальцами, а русские — двумя. Однако предводитель старообрядцев протопоп Аввакум отправился в ссылку в Сибирь и принял смерть на костре, но не согласился на греческие нововведения в православном богослужении.

Тысячи последователей отправились вместе с ним за Урал. Многих из них сожгли на кострах агенты царя, а некоторые предпочли самосожжение отречению от своей религии. Они считали Москву третьим и последним Римом, а все изменения в православном богослужении считали торжеством царствия Антихриста и концом света. Во время расследования по делу Распутина преследования староверов продолжались. Епископ Мефодий, причастивший одного из старообрядцев, был отправлен в Сибирь в кандалах. Его привязали к лошади и заставили проехать 700 верст до места ссылки. 78-летний епископ умер в пути. Однако староверы были известны своим трезвым образом жизни, дисциплинированностью, трудолюбием и сообразительностью в финансовых вопросах.

Распутин не обладал ни одним из этих качеств, а кроме того, всегда крестился тремя перстами. Были в России и другие, более таинственные секты, подтверждающие мнение о неистой русской душе, но Распутин не имел к ним никакого отношения. Раскольники считали все правительство и его деятельность происками Антихриста. Первая перепись в России была проведена в 1898 году, когда Распутин находился в странствиях. Услышав о ней, жители одной раскольничьей деревни прорыли четыре туннеля, и когда при-

близились представители властей, они под погребальное пение спустились в туннели и завалили их камнями, обрекая себя на мученическую смерть. Члены секты душителей из «гуманных соображений и во имя страданий, принятых Христом на Голгофе», душили безнадежно больных людей, чтобы избавить их от боли. Один из крестьян был сослан в Сибирь за убийство жены и детей, на которое его толкнул пример Авраама и Исаака. Он прибил гвоздями к кресту свои ноги и левую руку, а затем наколол и правую руку на вбитый в распятие гвоздь. Его нашли с терновым венцом на голове, и он заявил, что умирает за грехи всего человечества.

В общинах сибирских скопцов считали половое воздержание необходимым условием для того, чтобы попасть в рай. Они ссылались на Евангелие от Матфея, где говорилось, что есть евнухи от рождения, евнухи, которых сделали такими люди, а есть и такие, которые пошли на это добровольно, во имя Царствия Небесного. Скопцы утверждали, что первые апостолы были кастратами, принявшими крещение огнем. Они отрезали детородные органы, чтобы достигнуть такой же божьей благодати.

Чтобы избежать инфекции, раны прижигались каленым железом. Некоторые, жаждущие абсолютной чистоты, отрубали даже пенис. Скопцы были процветающей общиной и отличались законопослушанием, однако постороннему посетителю действовали на нервы их высокие голоса, женоподобные бедра и безбородые лица.

Дырники молились через дыры, проделанные в крышах их изб. Каменщики боролись с мирскими грехами, уходя в горы и изводя себя постами. Беспоповцы считали, что скоро наступит конец света, развращенного духовенством. Открыв рты, они часами молились под дождем, чтобы получить капли благословения с небес. Почитатели Святого Духа глубоко дышали во

время молитвы в надежде вдохнуть его в себя. Знаменитый портретист Боровиковский умер во время одной из таких молитв, так как дышал слишком интенсивно. Члены секты утверждали, что он умер от того, что вдохнул слишком много Святого Духа. Духоборы, известные под названием «сибирских квакеров», были пацифистами, срывавшими с себя одежду при виде казаков-вербовщиков.

Распутин не был ни пацифистом, ни кастратом, ни ненавистником духовенства. Однако некоторые факты из его жизни, как, например, молитвы в подпольной часовне, а также его похотливость и власть над женщинами давали повод для того, чтобы причислить его к служителям культа, вызывавшего наиболее сильное неодобрение и осуждение. Речь идет о хлыстах. Это слово вызывало дрожь отвращения у всей респектабельной России. Хлыстовцы жили небольшими группами, называемыми «ковчегами», которыми руководил «кормчий». Секта получила свое название из-за березовых прутьев, которыми ее члены стегали друг друга до достижения экстаза. Официально количество хлыстовцев составляло 120 тысяч, но так как эта секта была нелегальной, это число не может считаться точным.

Культ хлыстовства имеет прочные сибирские корни, уходящие в глубь 17 столетия. Секта была основана дезертиром Даниилом Филиповым, отрицавшим существование границы между человеческим и божественным. Он провозгласил себя живым богом и объявил своего последователя Ивана Суслова Христом. Филипова сослали в Сибирь, а Суслова распяли на кремлевской стене в Москве. По бытующей у хлыстов легенде, он воскрес из мертвых и снова был подвергнут пыткам: с него содрали кожу и распяли. Саван, в который было завернуто тело мученика, превратился в кожу, и он снова воскрес из мертвых. В 1718 году, в возрасте 100 лет, он вознесся на небо.

На ранних стадиях самоотречение было обязательным и главным для хлыстов. Филипов оставил 12 заповедей. Его последователям запрещалось пить спиртное, ругаться и вступать в брак. Те, кто успел жениться, должны были оставить жен, а своих детей называть «грехами». После этого члену секты разрешалось обзавестись «духовной женой», однако сексуальные отношения между ними были запрещены. Если, как утверждали хлысты, человек имел божественное начало, он должен был быть «выше греха». Один из предводителей хлыстов, некто Радаев, первым использовал это учение и свое предполагаемое божественное происхождение для удовлетворения своей похоти. Он сказал своим последователям, что целомудрие — это ничто иное, как грех гордыни. Он уверял, что действует не по собственной воле, но по призыву Господа. Если он хотел иметь сексуальные отношения с какой-нибудь женщиной, она должна была подчиниться, так как его требование выражало волю Всевышнего. Учение Радаева привлекло боговдохновенных людей, провозгласивших себя кормчими или Христом перед своими послушными приверженцами. Основывались новые «ковчеги», члены которых провозглашались кормчим как «Божьи Матери, апостолы, ангелы и предсказатели».

Кормчие увещевали своих последователей вести в промежутках между ритуалами праведную жизнь без секса. Ритуалы совершались в лесах или тайных погребках, выкопанных под амбарами. Отсюда и возник интерес к подпольной часовне Распутина. Ритуал начинался пением и барабанным боем, разносившимся в теплом от жара костра воздухе. Под звуки барабана члены секты танцевали и постепенно доводили себя до состояния, называемого «радением», убеждаясь, что в них вошел Святой Дух. Затем они стегали себя березовыми прутьями, выкрикивая пророчества и ничего не значащие слова, которые они называли «языком Иерусалима». Достигнув стадии одержимости, члены секты

тряслись и бились в конвульсиях, а затем падали на землю и, стремясь избавиться от греха с помощью самого греха, они беспорядочно совокуплялись, невзирая на родство. Это называлось «любовью к Христу».

Хлысты были тайной сектой и тщательно скрывались, после того как одного из членов осудили и посадили в тюрьму, где охранник его безжалостно высек. При допросах почитателей этого культа охранка выяснила, что хлыстовцы верят в то, что человек может воссоединиться с Господом еще при жизни и что Христос постоянно перевоплощается и ходит по земле в облике крестьянина. Они настаивали на том, что грех являлся необходимым условием единения с Господом, ибо без греха нет раскаяния, а без раскаяния нет спасения. «Такой сомнительный взгляд на моральные устои приводил их к крайним сексуальным излишествам, — писал начальник Охранного отделения Васильев. — В результате чего они снова и снова вступали в конфликт с властью, как духовной, так и светской».

Охваченные ужасом священники слушали рассказы бывших хлыстов о ритуалах, где костер превращался в столб пламени, окруженный ласточками, взмывавшими в небеса, а кормчий обладал женщинами, «приняв образ улыбающегося облака». И не было в том греха. Некоторые рассказывали о танцах вокруг кипящего котла, из которого шел золотой пар. Кормчий рассказывал, как каждый день его посещал дьявол, принявший обличье ангела. Он приносил с небес книги, открывавшие все мысли и грехи его послушников. Вооруженный властью над людьми и способностью читать их мысли, кормчий без труда убеждал их в своей безгрешности и необходимости вступать с ним в половую связь.

Начальник императорской секретной службы генерал Александр Спиридович описывал, как полуобнаженные хлысты падали на колени перед кормчим и «Божьей Матерью», чтобы их высекли. Затем они

становились в круг и секли себя сами, при этом напевая:

*Я бичую себя, бичую, в поисках Христа.
Спустишь к нам, Христос, с седьмого неба,
Иди в наш священный круг,
Спустишь к нам, Святой Дух Божий.*

Участники обряда носили белые или черные одежды из миткаля, «туники страсти и рвения», в честь Ивана Суслова, распятого именно в таком одеянии. Ритуал начинался пением. Мужчина первым начинал притопывать ногами в такт пению, к нему присоединялась женщина. Когда они достигали сексуального возбуждения, остальные участники махали руками, напоминая диковинных птиц. После этого начинались «страсти Давида», во время которых пение и ритмичное подергивание тела становились более энергичными, так как хлысты чувствовали приближение Святого Духа. Они начинали стегать друг друга прутьями под крики: «Умертви мою плоть!» Когда они достигали состояния истерии, кормчий выбирал женщину, и все предавались разврату, невзирая на возраст и семейное родство. Спиридович, здравомыслящий полицейский-профессионал, считал, что во времена странствований Распутина секты хлыстов существовали, по крайней мере, в 30 русских губерниях.

Единственным свидетельством того, что во время странствий Распутин имел связи с хлыстами, являются слова его дочери Марии. Распутин остановился в крестьянской семье, где дочь хозяев заболела лихорадкой. Он успокоил ребенка, жар спал, и благодарные родители пригласили его на ритуал, состоявшийся тем же вечером в амбаре. Отец семейства, крепкий мужчина с короткой светлой бородой, был кормчим в секте хлыстов. Он носил черную одежду. Разожгли костер, и

хлысты стали танцевать, становясь с каждой минутой все более неистовыми.

Скомандовав своей пастве возлюбить друг друга, кормчий сбросил одежду. Распутин, не желая отстать от других, последовал их примеру. Когда какая-то женщина бросилась к кормчему, Распутина повалила на землю его жена. Женщин было больше, чем мужчин, и ему пришлось «несколько раз исполнить свой долг». Наконец обессилевший кормчий объявил об окончании обряда. Все участники оделись и с самым респектабельным видом разошлись по домам. На следующий день Распутин покинул эту семью и, став на колени, молил у Бога прощения за ночной секс, опасаясь, что его поведение оскорбило Всевышнего. Мария писала, что к своей радости Распутин убедился в том, что его молитвы дошли до Всевышнего. Обнаружив, что после оргии его мысли льются легко и плавно, Распутин решил, что хлыстовцы «идут по правильному пути».

Много лет спустя после смерти отца Мария Распутина имела закономерный интерес в предоставлении своим читателям эксцентричной эротической информации. Однако ее утверждения о том, что ее отец принимал участие в черной мессе, где молитвы читались задом наперед, а вино наливали в пупок обнаженной девушке, лежавшей на алтаре, а также рассказы о том, что какой-то хлыст рассказывал Распутину о мировых религиях, подчеркивая эротический характер статуй в индийском храме и утверждая, что ранние христиане верили в «праздники любви», являются, скорее всего, вымышленными.

И все же кажется вполне вероятным, что Распутин во время своих странствий соприкоснулся с хлыстами, о которых знала вся Россия и которые были весьма многочисленны. В своих беседах с Илиодором Распутин признавался, что многие странники безразличны к проявлениям зла, и лишь один из ста следует по истинному пути Христову. «Странствовать хорошо, но

только недолго. Я встречал паломников, пространствовавших всю жизнь, и случалось так, что дьяволу удавалось посеять ересь в их несчастные души», — говорил Распутин.

Безусловно, Распутин разделял философию хлыстов, где говорилось, что грех является неотъемлемой частью спасения. Это являлось удобным оправданием его образа жизни со всеми излишествами. Журналист из «Свободы» цитировал высказывание молодого Распутина, в точности отражавшее философию хлыстов: «Я считаю себя высшим существом, и другие могут обрести спасение только с моей помощью. Чтобы достигнуть этого, они должны слиться со мной, душой и телом. Все, что исходит от меня, является источником света, что прощает грех». В более зрелом возрасте Распутин говорил женщинам, что, занимаясь с ним любовью, они очищаются от греха. Этой теорией он пользовался всегда, когда хотел соблазнить женщину.

Если Распутин и позаимствовал кое-какие идеи у хлыстов, то его связь с ними осталась недоказанной. Прибыв в Покровское, отец Березкин, руководивший расследованием, организованном епископом Тобольским, не нашел подтверждения обвинениям отца Петра. Женщины, принимавшие участие в сборищах, проходивших в подпольной часовне, отрицали, что там имели место оргии. Они заявили, что Распутин только молился, постился и «служил Господу с искренним раскаянием и покорностью». Полиция посетила погреб и не нашла там ничего, кроме икон и свечей.

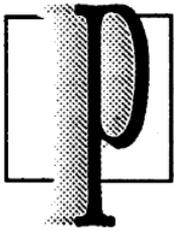
Распутин стал достаточно могущественным для того, чтобы последующие расследования не были слишком длительными и скрупулезными. После его смерти Временное правительство назначило расследование, в ходе которого рассматривались все выходки Распутина в молодые годы. Следствие обнаружило, что он «переживал ужасные приступы чувственности и похотливости», однако обвинение о причастности к секте хлыс-

тов было признано необоснованным. Легкие победы Распутина объяснялись распутством и доступностью сибирских женщин. Западные путешественники описывали, как после сельских праздников толпы пьяных женщин с лентами в волосах зажигали охапки сена и прыгали через них, кидая при этом снежки в мужчин и норовя свалить их на землю, «визжа и барахтаясь в снегу, расставляя ноги, открывая постороннему взору самое непристойное зрелище».

Посланники епископа вернулись в Тобольск, оставив в Покровском отца Петра, объятого тихой и бесильной злобой. Распутин же, как крестьянин, удостоившийся церковного расследования, отдалился от своих односельчан. И все же подозрения продолжали витать в воздухе, верша свою разрушительную работу.

Глава четвертая ПРОРЫВ

Распутин любил уезжать из Покровского поздней весной и возвращаться осенью, чтобы провести дома зиму. Этому правилу он придерживался большую часть своей жизни. Сибиряки любят свои зимы за ясное небо и чистый воздух. Благодаря странствиям, ему также удавалось избавиться от тяжелого крестьянского труда. Отец Распутина подшучивал, что «Григорий стал паломником от лени». В 1903 году он совершил паломничество к святым местам Киева.

В тот год столицу православия посетило полмиллиона паломников. Они жили в общих спальнях и питались хлебом, запивая его святой водой и целуя золотой крест на гробнице Св. Сергия. При приближении к Печерской Лавре, где покоились останки сотен святых, их охватывал священный трепет. «Здесь слышно дыхание безмолвия. Серебряных гробниц нет, а святые покоятся в простых дубовых гробах... Их замучили варвары, а теперь мы сами принимаем мучения... Храмы были вырублены в скале рукой Всевышнего», — вспоминал

Распутин. Его охватило чувство собственной никчемности, а его душа «наполнялась печалью», когда он задумывался над суетностью жизни.

Настроение Распутина стало более жизнерадостным, когда он встретился с ювелиром Ароном Симановичем и рассказал ему о своих впечатлениях о паломничестве. Симанович был заядлым игроком и богатым торговцем, чья семья владела несколькими магазинами в городе. Симановича не интересовали проблемы паломников, но в Распутине он сразу распознал незаурядную личность. Он увидел перед собой «настоящего русского крестьянина», крепкого малого среднего роста, с густыми каштановыми волосами, падающими на плечи, что придавало ему сходство с монахом.

Его борода была спутана, но он всегда носил с собой расческу, чтобы расчесывать свои смазанные маслом волосы. Из толпы паломников его выделяли глаза, взгляд которых «притягивал людей и в то же время вызывал неприятное чувство».

Симанович считал, что будущее мало интересовало Распутина. По его словам, он был «человеком беспечным, который жил сегодняшним днем». Работать он не любил из-за лени, однако физически был крепок. Молился Распутин мало и неохотно, но зато непрерывно рассуждал о Боге. Он обожал длинные беседы на религиозные темы, а недостаток образования не мешал ему философствовать. Распутин проявлял огромный интерес к духовной жизни. «От других сомнительных личностей, всякого рода ясновидящих и предсказателей его отличала огромная сила воли и жажда власти», — отмечал Симанович. — Этой сильной личности было необходимо проявить свою власть. Он любил отдавать приказы и командовать людьми». Именно жажда власти являлась ключом к пониманию его характера и дальнейшей карьеры. Он жаждал власти над людьми, дать которую ему, простому крестьянину, могла только

карьера старца. Симанович стал его доверенным лицом, а впоследствии и биографом, тщательно изучившим характер этого человека. Он считал, что молодой Распутин был человеком властным и упрямым. Однако Симанович отметил его совсем по другой причине, очень важной для человека, постоянно имеющего дело с тщеславными и капризными богачами. Распутин был знатоком человеческих душ.

На долгом обратном пути в Сибирь Распутин остановился в Казани, где располагался древний Богородицкий монастырь, в котором должна была храниться чудотворная икона Казанской Божьей Матери. Говорили, что ее нашли в земле, и она творила чудеса для тех, кто ей поклонялся. Икона была такой драгоценной, что ее перевезли в Москву, а затем и в Санкт-Петербург. В Казани же осталась только ее копия, напомнившая Распутину о его видении в Покровском. Казань была татарской столицей со множеством мечетей, пока ее не завоевал Иван Грозный.

Татары, одетые в синие халаты, вышитые серебром, и красные туфли, по-прежнему торговали на базарах с китайцами и турками. По Волге сплавляли плотами лес, плыли баржи с заключенными, совершавшими скорбное путешествие в Сибирь. В портовых кабачках проститутки брали по 20 копеек за ночь. Над рекой стояли лиловые, малиновые и коричневые дома с бельведерами, флигелями, балконами, голубятнями и внутренними двориками, заросшими травой. Казань была городом идей; в местном университете учились Лев Толстой и Ленин, а Николай Лобачевский именно здесь выдвинул теорию о неевклидовой геометрии.

Здесь Распутин впервые встретился с представителями светского общества. Яблонский говорил, что это произошло после того, как он случайно познакомился с мадам Башмаковой, вдовой богатого купца. «Башмакова только что похоронила мужа и сильно горевала.

Она привезла Распутина в Казань и представила богатым купцам». Возможно, так оно и было, а может быть, Башмакова явилась вымышленным лицом. Только Яблонский упоминает, что именно она представила Распутина в обществе. Тайная полиция, точные отчеты которой являются единственным достоверным источником информации, в то время еще не интересовалась Распутиным, так как он являлся для нее лишь одним из паломников с дорожным мешком за плечами, в котором хранилась Библия. Вполне вероятно, что благодаря Башмаковой он «прорвался» в высшее общество. Женщины, подобные ей, нервные, с разбитым сердцем, переполненным горем, от которого нельзя избавиться, стали основным контингентом в окружении Распутина. Церковь не могла дать им желаемого утешения, а старец Распутин «почти всегда пробуждал в этих отчаявшихся душах интерес к жизни и вселял в них утешение, надежду и даже радость».

Время, проведенное со старцем Макарием в лесах Верхотурья, не прошло для Распутина даром. Его критики, среди которых был Георгий Чавельский, утверждали, что этого человека нельзя было не заметить. Весь его облик и торжественные речи носили отпечаток «чего-то загадочного». Его движения были резкими, а речь отрывистой и торжественной. Он постоянно упоминал Бога. Суждения Распутина отличались дерзостью, он высказывал их с полной убежденностью в своей правоте, независимо от того, с кем он говорил. «Одних это удивляло и озадачивало, а других — делало покорными его воле», — писал Чавельский.

Распутин произвел сильное впечатление на высшее духовенство Казани. Отец Михаил, преподававший в духовной академии и ставший впоследствии епископом, представил его епископу Казанскому Андрею и архимандриту Хризантому, модному проповеднику, возглавлявшему православную миссию в Корее.

Распутин перестал быть просто паломником. Те, кто им восхищался, считали его опытным старцем, несмотря на молодой возраст. Все остальные смотрели на него как на юродивого. Духовные лица находили его естественным и искренним. Эта победа Распутина была очень важной, как в классовом, так и в интеллектуальном отношении. До принятия сана Андрей был князем, а худой и нервный отец Михаил, принявший православие еврей, считался ведущим мыслителем в среде духовенства.

Представители высших кругов не отвергли Распутина, сохранившего свойственное странникам безразличие к власти имущим. Богатые были более внушаемыми, чем бедные, особенно если у них имелась склонность к религии. Все они очень редко, а то и ни разу в жизни не общались с крестьянами и, тем более, не вели бесед о спасении души; с бывшими крепостными имели дело управляющие и земельные агенты, а помещики проводили в своих имениях всего несколько летних месяцев.

И все же 9 из 10 россиян были крестьянами. Образ крепостного мужика вызывал сентиментальные, а порой и патриотические чувства. В глазах дворян он выглядел эдаким безответным созданием, нуждающимся в покровительстве и излучавшим нимб добродетели. Распутин, всегда одевавшийся по-крестьянски, идеально подходил для этой роли. «В его природной грубости они видели лишь простодушие человека, принадлежащего к низшим классам, — писал воспитатель императорских детей Жильяр. — Их приводила в восторг наивность простой души».

Распутин рассказывал священникам о своих видениях, о силах, заставлявших его стремиться к спасению, о своих поисках Бога. Купчихам он казался экзотическим животным. «Удивительная манера поведения, простая и яркая речь, пронзительный взгляд», — вспоми-

нала одна из них. Другая писала о «сильном характере и даре гипноза». Распутин с блеском испытывал на них харизму хлыстовских кормчих. «Мне неизвестны случаи участия светских дам в оргиях, но я знаю одну уважаемую даму, жену и мать семейства, которая, сама того не ожидая, уступила просьбе Распутина и разделала с ним ложе. Правда, они были не одни, и дело не зашло далеко, но факт остается фактом: она легла с ним в постель», — писал один уважаемый и насмерть перепуганный казанский дворянин.

Искушение с последующим отказом от полученного заняли прочное место в арсенале средств, к которым прибегал Распутин. В другом случае он делает ударение на искушение и спасение, что являлось уже более пьянящим напитком. Одна респектабельная казанская дама, мать двух дочерей, 20 и 16 лет, писала в письме, опубликованном в журнале «Свобода» уже после убийства Распутина: «Я шла по улице, когда увидела, как Григорий Распутин выходит из бани вместе с моими дочерьми. Только мать может понять охватившие меня ужас и негодование. Я остановилась и не могла произнести ни слова. Да, я просто стояла и молчала».

— Теперь воссиял истинный свет спасения, — таковы были слова старца.

Вот так: из бани к спасению и победе.

Провинциальная Россия жила тихо и спокойно, словно погрузившись в долгий сон. Над Казанью возвышался особняк губернатора и православный собор, а внизу медленно несла свои воды Волга. На улицах жандармы, словно заведенные, салютовали проезжавшим мимо высокопоставленным особам. Один шотландец, посетивший эти края, писал: «Создается впечатление, что половину населения России составляют высокопоставленные чиновники, управляющие другой половиной». Распутин нарушил монотонную жизнь провинциального города. Дама, которая улеглась с ним

в постель, совращенные девицы и витавший повсюду терпкий дух сексуальности — и все это совершил простой сибирский мужик! Однако такие вопиющие безобразия несколько не возмутили епископа Андрея. Бесчинства Распутина были дикими и неприкрытыми, однако они несколько не вредили ему в глазах тех, кто в него верил, разбиваясь о личину благочестия. Епископ писал архимандриту Феофану, будущему ректору Санкт-Петербургской духовной академии, что он встретил божьего человека.

Это свидетельствовало о большой милости и доверии. Феофан был маленьким хилым человечком чахоточного вида, с темными прилизанными волосами. Однако он имел огромное влияние и являлся советником и духовным наставником императрицы. Кроме того, он питал слабость к юродивым и крестьянским пророкам. Андрей предложил Распутину посетить архимандрита в Санкт-Петербурге и дал ему рекомендательное письмо.

Ранней осенью Распутин вернулся из Казани в Покровское. Показания Е. А. Казаковой стали первым документом из всех материалов, собранных следователем и касавшихся отношений Распутина с его почитательницами. Она подтверждает странные сборища в деревенской бане и хлыстовское поведение Распутина. Казакова впервые встретила с ним 19 сентября 1903 года, в день похорон своей сестры Раисы Александровны. (Может быть, Яблонский перепутал Казакову с Башмаковой, а умершую сестру с ушедшим в мир иной мужем? А может быть, извлечение выгоды из чужого несчастья стало неотъемлемым атрибутом карьеры Распутина.)

Казакова писала: «В мой дом пришел человек в крестьянской одежде и, поцеловав женщину, читавшую псалмы, спросил, может ли он меня видеть. Когда

я к нему вышла, он представился Григорием Ефимовичем Распутиным. Он меня поцеловал и сказал, что хочет мне кое-что поведать. Меня крайне удивило такое поведение, и я сказала ему, что сегодня день похорон моей сестры, и времени на разговоры у меня нет. Он ушел».

Госпожа Казакова была настолько заинтригована, что стала наводить справки о настойчивом крестьянине из Покровского. «В частном порядке я узнала, что Распутин был проповедником в Покровском. Он рассказывал молодым девушкам, что странники посещают святые места, переодевшись послушниками, и насилюют девушек, запрещая им кому-либо об этом говорить. В своих проповедях он говорил, что во избежание такого искушения девушки должны его целовать до тех пор, пока поцелуи им не опротивеют».

В октябре Распутин снова навестил госпожу Казакову. «Прежде всего, я спросила, правда ли то, что о нем говорят. Сначала он ответил, что это учение дьявола. Однако впоследствии он согласился с этим учением. Он также сказал, что человек, исповедующийся ему в грехах, не должен стыдиться, так как он берет все грехи на себя. В подтверждение полноты исповеди, он приглашал молодых девушек и женщин сходить вместе в баню. Распутин говорил, что, целуя женщин и девушек, он укрепляет их против страсти, а сам он смотрит на всех людей, как на родственников».

В декабре Распутин был готов воспользоваться рекомендацией епископа Андрея и познакомиться со столицей. Все провинциалы стремятся посетить этот город, омываемый водами Невы, словно «судно, перегруженное драгоценными грузами». Петербург являлся символом успеха и богатства. «Кажется, что само название столицы, ее улицы, туманы, дожди и снежные

метели могут что-то решить или пролить на что-нибудь свет», — писал приезжий из провинции. Каждую неделю в Санкт-Петербург приезжало более тысячи людей, большая часть которых становилась фабричными рабочими, спавшими на деревянных нарах, прикрывшись лохмотьями. Некоторым же удавалось преуспеть выше всяких ожиданий.

Арон Симанович говорил, что Распутин не поехал в Санкт-Петербург поездом, а пошел пешком, босой. Однако это всего лишь легенда. К 1903 году Транссибирская железная дорога связала Тюмень и Москву, откуда приезжие могли отправиться в Санкт-Петербург. Из Покровского в Тюмень регулярно ходили пароходы, и путешествие из деревни в столицу занимало теперь не несколько недель, а четыре дня.

Путешествие по Транссибирской железной дороге обходилось недорого, около 7 рублей за тысячу верст. Переселенцы, соблазненные обещанными участками в 140 акров свободной земли, наводняли Сибирь со скоростью полмиллиона человек в год. Для них были сделаны товарные вагоны без сидений или, как их называли, «конюшни на колесах». По словам журналиста из Филадельфии Бэссетта Дигби, эти вагоны были набиты бородатыми людьми со звероподобными лицами и налитыми кровью глазами. Они напоминали команду корабля, потерпевшего кораблекрушение, которой пришлось прожить на необитаемом острове лет десять. В поездах, идущих из Москвы в Сибирь, первый вагон за локомотивом охраняли вооруженные казаки, а из зарешеченных окон высывались закованные в наручники. Это был арестантский вагон, в котором уголовников и политических заключенных отправляли в ссылку в Сибирь. Дигби был потрясен увиденным в вагонах пятого класса, но Распутин привык к грязи, а кроме того, билет в такой вагон был ему по карману.

Этот человек имел богатое воображение и изобретательный ум. Его поразили новые чудеса техники. Распутин с удовольствием пользовался автомобилем, телефоном и телеграфом, а также приобрел граммофон. Он стал ездить в вагонах первого класса, как только смог себе это позволить, соблазняя женщин в спальных купе.

Глава пятая

ПИТЕР

Распутин прибыл в Санкт-Петербург, словно пришелец из далекого средневековья, пропахший дегтем, грязный и что-то невнятно лепетавший. Годы, проведенные в странствиях, давали о себе знать. Он был одет в дешевое серое пальто с так называемыми «нищенскими» карманами, которые всегда оттопыривались, словно набитые едой. Его протершиеся и болтавшиеся, словно старый гамак, штаны свисали над крестьянскими сапогами, смазанными дегтем. Впоследствии Распутин очень любил оставлять следы дегтя на ночных сорочках знатных дам, которых он обнимал. Это стало неотъемлемой частью его искусства соблазнения. Его грязные волосы были расчесаны на пробор, как у приказчика, а спутанная борода напоминала овечью шкуру, приклеенную к бледному лицу. Чувственные губы Распутина имели синеватый оттенок, а его усы были похожи на две растрепанные кисти. Зрачки его глубоко посаженных серых глаз со стальным блеском сужались до крошечных точек, когда он сердился, а кустистые

брови хмурились. Ногти Распутина были грязными и обломанными, на руках виднелись следы оспы, а от тела постоянно исходил резкий неприятный запах.

Большинству крестьян, приехавших в Петербург из своих деревень, этот город внушал благоговейный страх и казался чужим и удивительным, как будто он находился в другой галактике. Он засасывал этих людей, превращая их в тупую рабочую силу с ничего не выражающими лицами, словно у зомби. «Здесь не требуется ничего, кроме мускульной силы: не нужно ни образования, ни мастерства, ни даже сообразительности», — писал один из наблюдателей. Задача чернорабочих заключалась в погрузке и разгрузке вагонов, подъеме тяжестей, копании канав и выполнении других, таких же тяжелых и отупляющих работ. Однако главной задачей являлось искусство выжить, получая 70 копеек в день. Сохранив деревенские привычки, они теснились в фабричных бараках, лузгая семечки, шелуха от которых ковром покрывала тротуары, по которым эти люди проходили мимо сверкающих витрин и фешенебельных гостиниц в свои выходные дни. На их лицах застыло тупое изумление.

С момента прибытия на Николаевский вокзал, находившийся в центре Санкт-Петербурга, сразу же становился ясен замысел Петра Великого, когда он строил этот город. В нем сконцентрировалась мощь огромной страны, ее политическая, коммерческая и культурная жизнь. Однако Санкт-Петербург не был ни русским, ни европейским городом. Он находился на заболоченной окраине империи, которой управлял, на одной широте с южной Аляской и Гренландией. Зимой воздух был сырым от морского тумана, а летом пропитан дымом от горевших лесов. Все здесь дышало фальшью. Писатель Николай Васильевич Гоголь говорил по этому поводу следующее: «Разжиревшие здесь иностранцы больше не выглядят иностранцами, зато русские стали несколько напоминать иностранцев, не

являясь, однако, уже ни тем, ни другим». Санкт-Петербург имел навязчивый, проникающий во все щели запах кожи, овчины, шей и подсолнечного масла. По его улицам расхаживали татары в вышитых блестками тужурках, муллы в чалмах, калмыки в мохнатых шапках, извозчики в длинных стеганых одеждах голубого цвета и низких сплюснутых цилиндрах. Все это казалось иностранным посетителям таким странным и необычным, что они невольно задавали себе вопрос: «Неужели такой город может находиться в Европе?»

Санкт-Петербург был построен на Неве, и его пересекало множество каналов. Великие архитекторы Растрелли и Росси, строившие город, были итальянцами. Вероятно, поэтому воздвигнутый на воде город, с его дворцами в стиле барокко и строгими парками, получил название «северной Венеции». Улицы Санкт-Петербурга были широкими и абсолютно прямыми, а по обе стороны Невского проспекта, длина которого была две с половиной версты, от памятника Св. Александру Невскому до Адмиралтейства, стояли дворцы, церкви и аркады зеленого, красного и коричневатожелтого цвета. С Морской улицы, где находились роскошные магазины и гостиницы, открывался вид на площадь с возвышающимся над ней Исаакиевским собором, построенным из гранита и мрамора. Колоннада Казанского собора была скопирована с церкви Св. Петра в Риме. В Казанском соборе во время войны русские цари молились перед чудотворной иконой Казанской Божьей Матери.

Небо Санкт-Петербурга пронзали шпили и купола церквей, а также трубы новых заводов и фабрик. При взгляде на яркие фасады зданий с колоннадами и балконами, на удивительной красоте площади и искусную планировку города не возникало сомнений, что Санкт-Петербург был построен по велению самодержца. Он был также городом династическим, о чем свидетельствовали многочисленные статуи Романовых,

устремившие вдаль ничего не видящие взгляды. На Сенатской площади, на высокой скале, взвился на лошади Петр Великий, оседлавший Россию или поднявший ее на дыбы, как писал Пушкин. Он был одет как римский император, ведь русское слово «царь» произошло от латинского «цезарь». Набережная Невы была отделана розовым финским гранитом, а на южном берегу можно было лицезреть физическое подтверждение власти династии Романовых: знаменитые казармы пехотных полков, артиллерийскую школу, императорский конный завод, иностранные посольства и суды. Коричневато-желтое здание Зимнего дворца и Эрмитажа протягивалось вдоль Невы на 50 метров. Здесь семья императора разместила изумительную коллекцию картин и антиквариата. Окна кабинета Николая II выходили на вымощенную булыжником площадь и на элегантные дома, расположенные полукругом, где находился генеральный штаб и министерства финансов и иностранных дел.

На северном берегу над рекой и над Петропавловским собором взмывал в небо золотой шпиль. Из поколения в поколение здесь хоронили Романовых. В Петропавловской крепости, за толстыми стенами и зарешеченными окнами, из поколения в поколение томились враги династии Романовых. Летние дворцы, сады и парки Романовых находились в Петергофе, Гатчине и Царском Селе. По всему городу виднелись яркие мундиры солдат: кавалергарды с серебряными нагрудниками, конные гренадеры в обшитых шелком шлемах с желтыми и красными лентами, развевавшимися на ветру. Другие виды войск свидетельствовали о необъятных просторах Российской империи. Казаки в светло-голубых мундирах являлись потомками разбойников и искателей приключений, бежавших от рабства, процветавшего в древней Московии, на вольные земли в низовьях Дона и Днепра. Теперь они специализировались на подавлении забастовок и еврейских

погромах. Встречались здесь и кавказцы в красных плащах, а также монгольские воины с широкими плоскими лицами и раскосыми, как у китайцев, глазами.

Аристократы и дипломаты встречались в Императорском яхт-клубе на Морской улице. Клуб насчитывал 150 членов и являлся самым престижным в России. Любители поиграть в теннис и менее именитые морские офицеры встречались в Речном яхт-клубе на Дворцовой набережной. Рядом находился построенный в 1770 году Английский клуб, где гости могли вкусно поесть, поболтать о политике и поиграть в карты. Зимой и осенью на Семеновской площади устраивались рысистые испытания, а летние скачки проводились на Кололмягском шоссе. Любители коньков могли отправиться в Ледяной дворец в Аквариуме. В то время фотография стала очень популярной. Все члены императорской семьи были фотографами-любителями, и Распутин обожал, когда его фотографировали. Фирма «Кодак» имела многолюдный магазин на Большой Конюшенной. Зимний цирк и цирк-модерн, работавший круглый год, часто выставлялись на продажу, а пять городских театров были всегда переполнены и процветали.

В Санкт-Петербурге обосновалось много иностранных бизнесменов, для которых были построены англиканские и лютеранские церкви и кирхи, а также католические костелы; была здесь и небольшая британско-американская конгрегационная церковь. Книжный магазин Уоткинса на Морской улице обеспечивал иностранцев литературой, они также имели площадку для гольфа. Экономика России, развивавшаяся быстрее, чем в других крупных странах, подпитывалась инвестициями из-за границы. Британские и французские инвесторы вкладывали миллионы рублей в «русские пятерки» — высокодоходные правительственные облигации. Четыре из пяти сделок заключались на фондовой бирже, находившейся на Васильевском острове,

рядом был птичий рынок, где продавались редкие птицы из Центральной Азии и привезенные с севера собаки. Городские банки контролировали рудники и нефтяные месторождения, где работали приехавшие с Запада инженеры, чтобы добыть богатства Сибири, Каспия и Донбасса.

Самые большие гостиницы были построены по европейским стандартам, но цены в них были совсем не европейскими. В гостинице «Европа», находившейся на углу Невского и Михайловской улицы, номера с ванной стоили от 7,5 рублей, то есть около 3 долларов; обед в роскошных номерах стоил 3 рубля. Самыми шикарными ресторанами считались «Кубат» и «Медведь». Многие предпочитали «Донон» с маленьким летним садом. Обед здесь стоил 2,5 рубля. Немцы обедали в ресторане «Лайнерс» на Невском, а завсегдатаями французского ресторана «Доминик» были офицеры, так как здесь имелась бильярдная. Находившийся на Невском «Филипов» славился закусками, пирожками и кондитерскими изделиями. Богатые ездили на тройках, это дорогое удовольствие обходилось от 8 до 20 рублей, в зависимости от расстояния. Извозчики с экипажами, запряженными одной лошадью, брали двух пассажиров. Это стоило 20 копеек за четверть часа. Билет на трамвай, электрический, паровой или конный, стоил 3 копейки. Этим видом транспорта пользовались бедные.

В отдельную группу выделялись студенты, так называемый «университетский пролетариат», молодые люди с изможденными лицами, в синих фуражках и обтрепанных шинелях. От голода и истощения они казались старше своих лет. Более активные организовывали кружки, занимались революционной деятельностью и подготавливали покушения. Тайная полиция уделяла много времени наблюдению за ними. Старший брат Владимира Ильича Ленина был повешен за подготовку покушения на царя, которого собирались убить

с помощью бомбы, спрятанной в медицинском словаре. С начала века студенты успели убить трех министров. В трущобах Выборгской стороны рабочие ютились в каморках, которые разделялись на еще меньшие закутки развешенными одеялами. Люди спали на установленных в ряд койках, приставленных вплотную друг к другу. Улицы в этом районе были мрачными и расплывчатыми, а люди казались тенями. Их лица были изможденными и серыми от недоедания и тяжелого труда. По утрам «серый людской поток» устремлялся на заводы и фабрики. В бараках некоторые спали на полках, почти под самым потолком, и питались одним хлебом, водой и шами с огурцом, свежим или соленым, в зависимости от сезона.

Санкт-Петербург переполняла кипучая энергия; казалось, этот город жил будущим. Он был мировым центром балета и оперы, а также лидером в области физиологии и нефтехимии. Запад сходил с ума по петербургскому балету, сказочно прекрасным ювелирным украшениям Фаберже, по икре и водке, которую уже использовали для приготовления последней новинки, именуемой коктейлями. Молодой Вацлав Нижинский начинал свою карьеру танцовщика на сцене Императорской балетной школы, которую недавно закончили Михаил Фокин и Анна Павлова. Дягилев редактировал свой журнал «Мир искусства», а рожденный в трущобах выдающийся бас Федор Шаляпин первым в мире соединил актерское мастерство с оперой.

Прокофьев только что поступил в консерваторию, где учился у Римского-Корсакова, как это делал до него Рахманинов. Пьеса Горького «На дне» заинтересовала Станиславского, проповедовавшего «новый метод» актерской игры. Ивану Павлову скоро должны были вручить Нобелевскую премию за опыты с условными рефлексамми, а Дмитрий Менделеев, создатель

периодической таблицы, еще был профессором университета и работал на химическом факультете.

Это было нервное время, время крайностей и страхов, которое очень точно описал Валерий Брюсов в своем стихотворении «Конь блед»:

*Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый рок.
Мчались omnibusы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.*

.....

*И внезапно в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред —
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огненный,
Конь летел стремительно и стал, с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.*

.....

*Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:*

*«Люди! Вы ль не узнаете Божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, хлада и меча!»*

Распутин без труда и лишней суеты освоился в беспокойном и пресыщенном городе, который с готовностью его принял. Алексей Толстой писал, что летние ночи Санкт-Петербурга были «фосфоресцирующими, безумными и сладострастными». А в темноте долгих зимних ночей на покрытых зеленым сукном столах сияли груды золота, за окнами обнимались пары, а мимо по улице пролетали тройки. Город охватила новая лихорадка, и он с нетерпением ожидал очередной сенсации. Суды были переполнены «истеричными женщинами, жадно вслушивавшимися в подробности кровавых и похотливых преступлений».

Богатых и бедных разделяла стена ненависти и презрения. Нижинский родился в бедной семье, и когда он выиграл в одном из новых клубов 500 рублей, то пригласил шесть потасканных проституток, которых подобрал на Невском. Он часто их жалел, а на сей раз решил отпраздновать свою удачу, накормив их обедом. Проститутки пожирали еду, запивая ее вином прямо из бутылок. Нижинскому стало так противно, что он не смог есть и, швырнув девицам свой выигрыш, покинул ресторан. «Это просто ужасно, — сказал Нижинский. — Никогда больше не сделаю ничего подобного».

Война с Японией была уже на пороге; министр внутренних дел приветствовал мысль о «короткой победоносной войне», которая должна была отвлечь русские умы от революции и забастовок, наносивших непоправимый ущерб крупным машиностроительным заводам. По мнению философа Владимира Соловьева, приближался конец света. Он чувствовал его в воздухе, словно «какой-то явный, но едва ощутимый запах — совсем как путешественник, который, приближаясь к морю, чувствует морской бриз, прежде чем увидит

само море». Рассветы и закаты были окрашены какой-то сюрреалистической розовой дымкой, так как солнце застилала пелена пепла, выброшенного в атмосферу извергающимся вулканом на далекой Мартинике. Улицы города были пропитаны злом, что повышало нервозность и чувственность в обществе, особенно в его высших кругах, где царил странная смесь религиозности и сладострастия.

Сеансы спиритизма в душных комнатах за плотно задернутыми занавесками соперничали с молитвами в церквях. Это была эпоха спиритизма, карточной игры «таро» и неохристианства, в котором душа соединялась с плотью.

За показным цинизмом скрывалось легкоеверие. Юродивые, ясновидящие и колдуны с радостью принимались в светских гостиных. Полуглухой уродливый карлик Митя из Козельска, с обручками вместо рук, доводил до экстаза аристократов и священнослужителей. Монахи из Оптиной Пустыни считали его блаженным. Пономарь Егоров утверждал, что, молясь перед иконой Св. Николая Угодника, он мог различать божественный смысл в завываниях и визгах Мити. Егоров стал Митиным «переводчиком» и привез его в столицу. Одна благородная девица из Смольного института, в порыве религиозного экстаза, вышла замуж за этого карлу.

Неотесанность Распутина сыграла ему на руку. Он был настоящим «человеком из народа», эдаким варнаком. Это слово было взято из жаргона сибирских поселенцев и ссыльных. На лбах преступников каленым железом выжигались буквы «В-Р-Н-К», что означало «вор, разбойник, наказан кнутом». Кнуты делались из сырой лосиной кожи и могли содрать кожу до кости. Сибиряки не проявляли должного трепета перед кнутами, так же как и перед теми, в чьих руках они находились. С высокопоставленными чиновниками они обращались как с равными, к огромному удивлению

последних. В Сибири не знали крепостного права, которое было отменено в России незадолго до рождения Распутина.

Территория, расположенная к востоку от Урала, была слишком обширной для того, чтобы столица могла понять ее нравы и обычаи. Сосланным на каторгу в Сибирь разрешалось останавливаться у пограничного столба, разделяющего Европу и Азию. Многие целовали повернутую на запад сторону холодного кирпичного столба, прежде чем, гремя кандалами, перейти в Азию. Кто-то даже нацарапал на столбе имя «Мария». Американский журналист Джордж Кеннан писал, что при пересечении границы с Сибирью создавалось впечатление, что он навеки прощается не только с родным домом и страной, но и вообще расстаётся с жизнью. Когда сибиряки проезжали через Урал в обратном направлении, они говорили, что «едут в Россию». Ни один российский правитель ни разу не побывал у них на родине. Жителей Сибири считали экзотическими созданиями, увлекающимися странными культами. Они снискали себе репутацию опасных преступников, в присутствии которых у законопослушных людей пробегал мороз по коже. Все эти качества вызывали живой интерес в светских салонах Санкт-Петербурга. Распутин попал на благодатную почву, и она с готовностью его приняла.

Он остановился при монастыре и представил рекомендательное письмо Феофану, которого привел в полный восторг. Маленький хилый архимандрит беседовал с Распутиным о проблеме греха в присутствии студентов-богословов. Распутин утверждал, что грех является угодным Господу.

— Как это может быть возможным, — спрашивал Феофан, — если наш Спаситель и все святые православной церкви осудили грех как дело Сатаны?

— Разумеется, наш Спаситель и святые отцы осудили грех, как происки Зла, — с присущей хлыстам

дерзостью отвечал Распутин. — Но чем можно искоренить зло, как не искренним покаянием? А как можно искренне покаяться, не совершив греха? — Чувствуя слабость архимандрита, Распутин осмелел и гневно повысил голос. — Долой вашу Библию! — воскликнул он. — Предупреждаю вас, оставьте свой напрасный труд, чтобы потом предстать перед Господом... Перестаньте размышлять об источнике греха и считать, сколько молитв должен ежедневно прочесть человек, сколько дней он должен поститься, чтобы избежать греха! Грешите, если в вас затаился грех... Грешите, а потом покайтесь, и таким путем вы искорените в себе грех. До тех пор пока вы таите в себе грех и трусливо прикрываете его постами и молитвами, вы будете ненавистны Господу своим лицемерием. От грязи нужно избавляться.

Феофан пробормотал несколько слов в свою защиту, но Распутин «устремил на него горящий взор и стал забрасывать словами, словно градом камней», пока архимандрит не затрясся всем своим тщедушным телом. Когда Распутин закончил свою речь, Феофан наклонил свою птичью головку и сказал:

— Да, ты прав. И вообще, ты говоришь правду.

До архимандрита дошли слухи, что Распутин предсказал недавнюю трехмесячную засуху. Этот выходец из Сибири произвел на Феофана такое сильное впечатление, что он и вправду уверовал в его чудодейственную силу: «Григорий подобен Пророку Илие, он может приказать небесам разверзнуться и вызвать спасительный дождь или же наслать засуху».

Высокопоставленный представитель Священного Синода, князь Джеваков, писал, что «к великому прискорбию, в Санкт-Петербурге и общество, и священники предпочитают принимать грешника за святого, а не наоборот».

Феофан представил свое открытие Иоанну Кронштадтскому, настоятелю Андреевского собора на ост-

рове-крепости Кронштадт, являвшемся базой Балтийского флота России. На пароходе до Кронштадта можно было добраться за полтора часа. У Иоанна было множество приверженцев из числа фанатичных паломников, истеричных женщин и попрошайек, живущих за счет церковного подаяния. В России исповедуются сразу же после причастия. В ожидании исповеди собирались такие огромные толпы, что Иоанн приказывал прихожанам выкрикивать свои грехи хором. В такие моменты собор эхом отвечал на рыдания и признания в грехах. Он напечатал статьи мистического характера в популярных журналах «Гроза» и «Маяк». Приверженцы называли Иоанна «воплощением Господа» и обращались к его первой последовательнице Порфирии Киселевой не иначе, как «Божья Матерь». Иоанн был убежденным монархистом, и именно его призвали читать молитвы у смертного одра императора Александра III десять лет назад. И хотя его молитвы не помогли, рыжебородый священник по-прежнему был в большом фаворе при дворе.

Распутин пришел инкогнито в собор, чтобы принять причастие вместе с попрошайками и паломниками. Его духовное начало было так сильно (или же он делал вид, что это действительно так, потому что всегда умел управлять своими чувствами), что он вдруг задрожал и зашатался. Иоанн сразу же узрел в нем нечто необычное, как это уже было со старцем Макарием.

— Сын мой, я чувствую твое присутствие в храме Божьем, — обратился он к неотесанному мужику. — В тебе горит искра Божья.

Распутин рассказал ему о своем видении Пресвятой Девы, и Иоанн благословил его как истинного старца.

16 декабря 1903 года Иоанн пригласил Распутина на обед к епископу Гермогену Саратовскому. Епископ в прошлом был юристом, а теперь стал махровым

реакционером, преследовавшим любого писателя, в котором он замечал намеки либеральных наклонностей. На обеде также присутствовал протеже Гермогена Сергей Труфанов, пламенный проповедник и ненавистник евреев, принявший имя Илиодора.

Гермоген и Илиодор были могущественными союзниками. Благодаря своей неприязни к либералам, Гермоген был обласкан при дворе. Илиодор являлся напыщенным пуританином. Толпы прихожан собирались на его проповеди, в которых Илиодор клеймил интеллигенцию, говоря, что «все ее представители являются евреями». Русских же он называл народом-богоносцем, которому следует остерегаться порочного Запада. Под предводительством Илиодора прихожане наряжали большую куклу в еврейскую одежду, а затем процессия двигалась к костру, чтобы ее сжечь. Илиодор ненавидел дворянство, считая его преградой между крестьянами и возлюбленным государем. Именно по этой причине он был одинаково любим как царем, так и простым русским народом. Илиодор собирал средства на построение монастыря под названием «Горя Табор» в городе Царицыне, на Волге. В центре монастыря должен был находиться земляной холм, с которого Илиодор собирался читать свою собственную Нагорную проповедь. Его яростные нападки на губернаторов и начальников полиции вызывали возмущение правительства, которое, по его словам, находилось в когтях у сатаны. Однако Илиодор пользовался покровительством самого государя-императора.

Гермоген и Илиодор приняли убожество и неряшливость Распутина за признаки внутренней святости. С помощью лести он произвел на святых отцов прекрасное впечатление. Во время разговора он схватил епископа за руку и воскликнул: «Ты мне нравишься!» Гермоген радостно рассмеялся, так как ему понравилось, что крестьянин осмелился обратиться к епископу на «ты». Распутин наилучшим образом воплотил в себе

мечту реакционеров об «истинно русском мужике». Потрепав Илиодора по плечу, он обратился к нему со словами: «Вот человек, молитвы которого идут из глубины души. Ах, как искренне он молится!» Все трое вместе сфотографировались. На снимке Гермоген, пребывающий в прекрасном расположении духа, сидит в центре, Распутин, одетый по-крестьянски, враждебно уставился в объектив, а на лице Илиодора застыло напряженное выражение, его губы сжаты, а взгляд холоден и насмешлив.

Уже здесь видно, что эта троица составляет единое целое. Начальник тайной полиции Васильев, который должен был следить за Распутиным и людьми, с которыми тот встречался, пришел в восторг от его манеры общаться с людьми. С теми, кого Распутин считал мелкими сошками, он был хвастлив и бесцеремонен, говорил загадками, оставляя их в полном замешательстве. Однако с людьми, которые, по его мнению, являлись важными персонами, он был предупредительным и внимательным слушателем, старавшимся не упустить нить беседы. Он часто делал умные выводы и был достаточно осторожен, чтобы не задавать вопросов, раскрывающих его невежество. Он прекрасно вписался в компанию убежденных монархистов. По мнению Васильева, в политике он «не был ни левым, ни правым». Его побуждения были порой либеральными, а порой — авторитарными, однако монархия всегда являлась для него «чем-то вроде религии». Распутин не представлял Россию без царя, а его основным принципом было «усмирение врагов государя». Политические партии и течения, как и идеология, «находились за пределами его понимания». Наиболее сильно в этом человеке была развита интуиция относительно того, кто мог способствовать его продвижению и кто являлся врагом.

Столица бурлила новыми идеями, кишела «крас-

ными», социалистами, анархистами, славянофилами, коммунистами и нигилистами. Только в 1901 году в Сибирь сослали 16 тысяч политзаключенных. Для крестьянина-мистика левые не представляли никакого интереса. Порочный и сонный истеблишмент, погрязший в интригах, оказался более благодатной почвой. Реакционеры не требовали от Распутина многого. Ему достаточно было выразить страх перед Господом и любовь к государю, чтобы они тут же «заключили его в объятия и провозгласили истинным русским, не испорченным городской жизнью и способным защитить их перед восставшим красным Питером».

Такая роль была несложной и выгодной. Распутина представили графине Игнатъевой, хозяйке светского салона, сочувствующей правому политическому крылу. Ее супруг, граф Алексей Павлович Игнатъев, бывший министр внутренних дел, фигурировал в списках тех, кого социалисты собирались уничтожить, Вскоре им это удалось. Графиня Игнатьева была женщиной неуравновешенной и ограниченной и как нельзя лучше подходила для того, чтобы помочь Распутину внедриться в столицу. Ее «черный салон», называемый так из-за проповедуемых там реакционных принципов, служил убежищем для нервных приверженцев самодержавия и его наемников. Банкиры и торговцы оружием плели интриги, чтобы заключить сделки на поставку оружия в грядущей войне с Японией. Офицеры и будущие министры, подстрекаемые священнослужителями, составляли скороспелые планы завоевания Константинополя для православной церкви. Оккультисты устраивали свои сеансы в гостиной у графини и утверждали, что недавно канонизированный Св. Серафим Саровский воспарил над столом в огненном кольце и объявил о появлении нового великого пророка. Гости графини смешивали самодержавную политику с мистицизмом, а такая смесь как нельзя лучше устраивала Распутина.

Он говорил короткими, невнятными фразами и не пытался изменить свои манеры и приспособить их к требованиям высшего общества. Во время своего короткого визита он околдовал всех женщин. Некоторые встретились с ним после его возвращения в Покровское. В мае 1904 года госпожа Казакова снова посетила его в деревне вместе со своими дочерьми Екатериной и Марией. Его слава и число почитательниц росли с каждым днем. В показаниях госпожи Казаковой говорилось следующее: «Я видела его в окружении знатных на вид женщин, которые обращались с ним как с праведником. Они стригли ему ногти, а Распутин бесстыдно их целовал и обнимал». Когда же госпожа Казакова заговорила о морали, Распутин ей ответил: «Здесь нет ничего постыдного, так как все люди являются родственниками».

Священник из Покровского достал письма, написанные Распутину его почитательницами, имевшими благородное происхождение (Берляндская, Силверс, Манхтет). Отец Петр по-прежнему считал, что тот был тайным хлыстом, и сохранил письма для дальнейшего церковного расследования. Из писем видно, что Распутин умел безошибочно распознавать несчастных женщин. Феония Берляндская была типичной представительницей этой категории нервных женщин с разбитым сердцем. Она сразу же привязалась к Распутину. Муж Берляндской покончил с собой, и она винила в этом себя, так как незадолго до смерти муж узнал о ее измене. Она была безутешна, пока не встретила Распутина, который сказал ей, что даже сам Христос не смог удержать своего апостола от повешения. Впоследствии Берляндская писала, что после этих слов у нее с сердца свалился тяжкий камень. Достоевский писал, что все, приходившие к старцу Зосиме, входили в его келью дрожащие и испуганные, а выходили светящимися радостью, и даже самое мрачное лицо становилось счастливым. Распутин обучился этому искус-

ству, хотя его близость с духовными сестрами была совсем иного свойства, чем у престарелого Зосимы. В своих письмах Берляндская и Манхтет писали, что после знакомства с Распутиным для них открылась новая эра жизни. Между делом они упоминали, что Распутин их обучил «святым таинствам».

Следователь признался, что можно только гадать относительно характера так называемых «святых таинств». Однако показания других свидетелей дали ключ к разгадке. Женщина, которая пекла в Покровском просфоры для причастия, подтвердила, что когда она однажды спустилась с Распутиным в подпольную часовню, тот едва не изнасиловал ее, заверяя при этом, что здесь нет греха, так как в него вселилась Святая Троица. Вероятно, секс был важной частью так называемых «святых таинств».

Хотя Распутин сам об этом ничего не знал, но два главных события, способствовавших его возвышению, произошли позже, в 1904 году. 31 июня императрица родила сына Алексея, а одним летним днем, во время своих странствий, Распутин познакомился с двумя сестрами, великими княгинями и дочерьми короля Черногории. Этих двух надоедливых особ в обществе называли «воронами» за их черные волосы и шумливую болтливость. Они увлекались всем сверхъестественным и загадочным, а кроме того, имели высокое положение в обществе.

Несмотря на то, что их отец «славился своей скандальностью и полным отсутствием каких-либо угрызений совести», сестры считались светскими дамами самого высокого порядка и были близки к императору и императрице.

Милица, известная под именем «Черногорка №1», была замужем за чахоточным двоюродным братом императора, великим князем Петром. «Черногорка №2», Анастасия, была замужем за князем Георгом Лейхтен-

бергским, который вернулся в Биарриц вскоре после свадебной церемонии, чтобы восстановить свою связь с одной из прежних куртизанок. В то время Анастасия уже находилась в близких отношениях с великим князем Николаем Николаевичем, лихим воякой огромного роста. После развода Анастасия вышла за него замуж. Не слишком удачливые в замужестве, сестры посвятили себя светской жизни и оккультным наукам.

Из двух сестер Милица была более умной и проявляла интерес к восточным религиям, мистицизму и эзотерической литературе. Она выучила персидский язык, чтобы читать в оригинале персидских мистиков, и сама написала небольшую книгу «Избранные выражения Святых Отцов». Смуглолицые и высокомерные, одетые по последней моде сестры постоянно донимали высокопоставленных чиновников попрошайничеством. После того как супруг Милицы потерял крупную сумму на бирже, она обругала министра финансов Сергея Витте за «наглость», когда тот отказался возместить убытки за счет средств Государственного банка. В налаживании отношений с императорской четой сестры проявили большое искусство. С Александрой они общались с преувеличенной почтительностью, а когда та заболела дизентерией, сестры выполняли обязанности горничных, выносивших ночные горшки, и меняли императрице бельё.

По словам Витте, сестры «заразились болезнью по имени спиритизм и оккультизм». Великий князь Николай также имел склонность к мистицизму. «Нельзя сказать, что великий князь сумасшедший, однако нормальным я его назвать тоже не могу», — говорил Витте. Однажды великий князь спросил у Витте, считает ли он государя человеком или божеством. Когда Витте сказал, что император является человеком, великий князь на секунду задумался и заявил, что государь «не является ни тем, ни другим, а чем-то средним».

Скучающие сестры в поисках новых ощущений

совершили инкогнито паломничество в Киев, где и встретились с Распутиным. Во всяком случае, это утверждает Арон Симанович. Другие источники говорят, что старца представил сестрам Феофан, и следовательно принял именно эту версию. Однако Симанович настаивал, что сам был в Киеве в то время, когда сестры оказались в Михайловском монастыре. Однажды утром они увидели странника, коловшего дрова во дворе монастыря. Это был Распутин, отработывавший для себя кров и пищу. Они разговорились, и Распутин рассказал сестрам о своих приключениях, монахах и монастырях, которые ему довелось посетить. Он поведал, что часто читает проповеди на вокзалах и пристанях. Распутин гордился своим талантом проповедника и хвастал, что может довести до бешенства ученых богословов.

Сестры были заинтригованы и пригласили его на чай. Его рассказы были страстными и убедительными, а «его пронзительные серые глаза горели так ярко и вызывающе, что слушателей охватывало чувство восхищения этим человеком». Узнав, кем являются его собеседницы, Распутин приложил все усилия, чтобы завоевать их благосклонность. Он редко хвастал своим даром, но Симанович предположил, что в данном случае он сделал исключение, рассказав о своих способностях лечить все болезни, а также предсказывать будущее и предотвращать грядущие катастрофы. Симанович писал, что Распутин «сразу же понял, какая блестящая возможность открывается перед ним». Его поведение было безупречным, он неотрывно смотрел на дам и почтительно им кланялся.

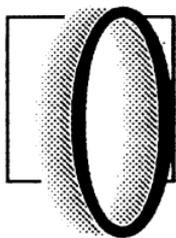
Их знакомство продолжилось. Сестры стали угощать Распутина всевозможными сладостями. Он обожал сахар в любом виде, будь то сладкое вино, пирожные или булочки. Чай он пил вприкуску с куском сахара, и Симанович заметил, что вместо зубов у него зияли черные дыры. У сестер он вызвал не отвраще-

ние, а «в некотором роде мистическое обожание». Их сердца жаждали встречи с чудотворцем, и теперь они были уверены, что именно такой человек и находится рядом с ними. Распутин волновал их. Сестры понимали, что Распутин в дальнейшем сможет оказать давление на «нервных, склонных к мистицизму императора и императрицу». В лице этого человека Милица увидела орудие, с помощью которого можно влиять на монаршую чету, и решила представить Распутина при дворе.

Глава шестая

ЦАРСКАЯ КРОВЬ

бе Черногорки стремились получить власть над императрицей. Сестры прекрасно знали все ее слабости и уже приводили к ней одного святого человека, доктора Филиппа, француза по национальности, поразительно похожего на Распутина. Свою карьеру он начал блестяще, но потом впал в немилость, и сестры искали ему замену. Чтобы понять Александру, нужно было знать ее бабушку, королеву Викторию. Английская королева была своего рода машиной по производству королевских и императорских династий. Она имела девять детей и 35 внуков, включая короля Англии, германского кайзера, королеву Испании и Александру, русскую императрицу. Виктория умерла за три года до приезда Распутина в Санкт-Петербург, но именно она оставила ему нечто вроде наследства. Виктория была носителем гемофилии.

При гемофилии кровь не свертывается, и жертвы этой болезни не могут синтезировать протеин, благодаря которому здоровая кровь может свертываться.

ся. Достаточно малейшей царапины, чтобы вызвать длительное кровотечение, а внутреннее кровотечение может начаться вообще без видимой причины и быть таким болезненным и интенсивным, что при этом деформируются суставы. Гемофилия почти всегда зависит от пола человека. Она передается по женской линии только мальчикам. Две из пяти дочерей Виктории были больны гемофилией и передали ее своим сыновьям. Принимались все меры предосторожности, чтобы уберечь больных от случайных ударов и падений. Некоторых даже одевали в странного вида одежду с толстыми прокладками, но, несмотря на все усилия, большинство больных умирало к тридцати годам.

Родителями Александры были принц Людвиг Гессенский, правитель великого герцогства, состоящего из долин с виноградниками и покрытых лесом холмов на берегах Рейна, и дочь Виктории принцесса Элис. Мать и дочь имели много общего, как в судьбе, так и в характере. Обе вышли замуж за иностранцев во время траура и чувствовали себя неуютно в принявших их странах. Их обеих не любили при дворе, а они сами всю жизнь глубоко и преданно любили своих мужей, что встречается довольно редко при заключении династических браков. И мать, и дочь страдали от нервного истощения, перешедшего в неврастению, и у обеих были сыновья, больные гемофилией.

Элис вышла замуж за германского принца в 19 лет. Свадебная церемония была омрачена смертью ее отца, принца Альберта, умершего полгода назад. Королева Виктория носила траур. «Свадьба Элис, — писала она, — больше похожа на похороны». Когда принцесса Элис прибыла в Дармштадт, столицу Гессена, один из родственников написал, что ее считали иностранкой, «прибывшей из далекой Англии». Ее брак оказался счастливым, и она родила семерых детей. Шестой ребенок родился в июне 1872 года, через три года после того, как Анна Егоровна родила в сибирской хижине Григо-

рия Распутина. При крещении девочке дали имя «Аликс». «Мы назвали ее «Аликс», потому что именно так здесь изуродовали мое имя Элис», — объясняла мать. Под именем Александры ее узнали уже после отъезда в Россию. О крестных Распутина ничего не известно, а крестными малютки Аликс стали будущие правители Англии и России: Эдуард VII и Александр III, их супруги, а также английская принцесса и герцог Кембриджский.

Уже было известно, что в семье есть случаи гемофилии. У младшего брата Элис Леопольда сразу же после рождения стали появляться синяки и открылось кровотечение, в результате чего он охромел. Элис была носителем гемофилии. Ее сын Фридрих-Вильгельм, или «Фритти», в два года порезал ухо, и кровотечение долго не могли остановить. Годом позже он бегал по комнате матери, когда та играла на фортепьяно «Похоронный марш» Шопена. Мальчик забрался на окно, оказавшееся незапертым, упал со второго этажа и в тот же вечер умер от кровоизлияния в мозг. В каждую годовщину его смерти Аликс водили в склеп, где он был похоронен.

Аликс росла счастливым и веселым ребенком с очаровательной ямочкой на одной щеке, за что ее прозвали «Солнышком». Но так было до тех пор, пока не умерла ее мать. Дети заболели дифтеритом, который оказался роковым для самой младшей дочери, четырехлетней Мэй. Сообщая эту печальную новость сыну Эрни, Элис обняла его, и, как сказал британский премьер-министр Бенджамен Дизраэли, это оказался «поцелуй смерти», так как Элис заразилась дифтеритом. Истощенная и уставшая от частых родов, она не смогла противостоять болезни, и в шесть лет маленькая Аликс осталась сиротой. Умерли также и ее брат с сестрой. Дармштадтский замок стоял темным и мрачным. В комнате матери все осталось таким, каким было при ее жизни, только кровать была покрыта

траурным крепом. Маленькое «Солнышко» стала грустной и беспокойной. «Старая бабушка постарается заменить тебе мать», — писала ей королева Виктория. Большую часть года Аликс проводила с бабушкой в Англии, где во всех дворцах еще соблюдался траур по ее дедушке, чью кровать разбирали каждый вечер, а ночной горшок чистили каждое утро, как если бы он всем этим пользовался.

В то время как Распутин возился в грязи и постигал необходимую для крестьянина науку выживания, Виктория обучала Аликс искусству управлять. Девочку учили светским манерам, заставляя высоко держать голову, не двигаясь при этом десять минут. Она осваивала искусство вести светскую беседу, бродя по комнате и разговаривая с мебелью, представляя, что перед ней находятся живые люди. Вне семьи она отличалась болезненной застенчивостью. Прекрасная пианистка, великолепно исполнявшая Вагнера, она краснела от смущения, когда бабушка заставляла ее играть для гостей в Виндзоре. Свою застенчивость Аликс прятала за маской надменности и высокомерия, которые хоть и были естественными для царственной особы, однако не вызывали у окружающих симпатии.

Благодаря своей наставнице Мэджи Джексон, которая, по словам Виктории, была «женщиной суровой и раздражительной, с ужасным характером», Аликс перестала смиряться со скромной ролью, предназначенной женщине и требующей ее невмешательства в дела политические. Девочка стала самовольной, упрямой и самоуверенной. Она видела, что женщина может стать важной исторической фигурой. Ее бабушка правила четвертью населения всего земного шара. Аликс имела прекрасную подготовку по языкам, искусству и математике, а также несла в себе смертоносную наследственную болезнь.

Впервые она посетила Россию в 1884 году, в то время юный Распутин пострадал от сластолюбия гене-

ральши из Тюмени. Аликс приехала на свадьбу своей старшей сестры Эллы (Елизаветы Федоровны) и великого князя Сергея. 8 июня она обедала со своим крестным, императором Александром III. Ее второй кузен, наследник престола царевич Николай описал их первую встречу в своем дневнике: «Я сидел рядом с 12-летней малюткой Аликс, и она мне очень понравилась». В то время Николай был красивым 16-летним юношей с правильными чертами лица, некоторая мягкость и безволие которых компенсировалась изумительными голубыми глазами. Тот год стал счастливым для Аликс, однако он не обошелся без грозного предупреждения. Ее страдающий гемофилией дядя Леопольд проводил зиму в Каннах, где нечаянно ударился головой и умер от кровоизлияния в мозг.

Пять лет спустя она вернулась в Россию, чтобы покататься с Николаем на санках. Они ели блины с икрой, а в честь Аликс был дан бал. Она стала настоящей красавицей, высокой и стройной, с прекрасными каштановыми волосами и серо-голубыми глазами, в которых, по словам современников, таилась грусть, даже когда она смеялась. Николай, ставший к этому времени гвардейским офицером, влюбился в нее без памяти.

На следующее лето Аликс снова приехала в Россию, чтобы погостить у сестры Елизаветы Федоровны и ее супруга великого князя Сергея в их имении Ильинское, которое находилось на Москва-реке. Она каталась на лодке и участвовала в пикниках, где угощали мясом дикого кабана и копченой осетриной, а также ходила в лес по ягоды. Аликс не любила город и чувствовала себя неуютно в светском обществе. Пахнувшая сеном деревня казалась ей настоящей Россией, а крестьяне в лаптях, обнажавшие перед ней головы, истинно русскими людьми.

Хотя в этот раз Аликс не встретилась с Николаем, молодые люди хранили верность друг другу. Аликс

наотрез отказалась выйти замуж за Эдди, старшего сына принца Уэльского, а Николай заявил, что скорее уйдет в монастырь, чем женится на безобразной сестре германского кайзера, Маргарет. Он даже расстался со своей юной любовницей, блистательной балериной Матильдой Кшесинской. Они договорились встретиться в последний раз у амбара на Волхонском шоссе. Кшесинская приехала из Петербурга в карете, а Николай — верхом из ближайшего военного лагеря, где он был на маневрах. При встрече оба плакали. «Когда наследник престола повернул в сторону лагеря, я осталась стоять у амбара и смотрела ему вслед, пока он не скрылся из вида», — писала Кшесинская.

В конце 1891 года Николай написал в дневнике: «Я мечтаю когда-нибудь жениться на Аликс Гессенской. Я давно ее люблю». Николай остался верным ей до конца жизни, и даже смерть их не разлучила.

В 1892 году на глазах у Аликс умер ее отец. У девушки началась истерика, и она слегла в постель. Ее брат Эрнест стал великим герцогом Гессенским. Весной 1894 года Николай присутствовал на его бракосочетании, представляя Россию. Аликс встретила его на вокзале, и они вместе обедали при свечах, под звуки струнного квартета, исполнявшего Мендельсона. На следующее утро Николай застал ее одну и сделал предложение. «Она была очаровательна, но очень грустна».

Невеста наследника российского престола должна была принять православие, но ей хотелось остаться лютеранкой. «Нет, я не могу», — ответила она сквозь слезы Николаю. Ее кузен Вилли, германский кайзер, напомнил Аликс, что другие германские принцессы, такие как Екатерина Великая да и ее собственная сестра Элла, переменили веру, выйдя замуж за русских. Кайзер заявил, что «это является ее священным долгом».

На следующий день Вилли вынул из вазы цветы и, сунув их Николаю, отправил того делать повторное

предложение. Аликс ждала его в комнате, окна которой выходили в сад. Они были закрыты по причине весенней грозы. Аликс приняла его предложение, и они оба расплакались, как дети. «Господи! Какая гора свалилась с моих плеч. Весь день я проходил, словно во сне», — записал Николай вечером в своем дневнике.

Итак, союз, верность которому супруги хранили всю жизнь, был заключен. Какова была реакция Распутина на это событие (если она вообще была), осталось неизвестным. Королеву Викторию, самую знаменитую в Европе сваху, одолевали дурные предчувствия. Ее сомнения не имели отношения к Николаю. «Мне он очень нравится, — писала королева. — Но чем больше я думаю о браке прелестной Аликс, тем несчастнее себя чувствую. Я имею в виду саму страну, ее политику и большое отличие от нас, а также об опасностях, которые подстерегают там это прелестное дитя... Мои опасения по поводу ее будущего брака только усиливаются, когда я думаю, что она, такая молодая, сядет на столь неустойчивый трон, а ее жизнь и жизнь ее супруга будут постоянно находиться под угрозой. Видеться мы сможем лишь изредка... У нее нет родителей, а я ее единственная бабушка».

На самом же деле, Аликс пришлось по душе политика, проводимая ее новой родиной. О прелестях самодержавия Николаю постоянно твердил его наставник Константин Победоносцев, адвокат, холодные глаза которого пристально смотрели из-под очков в металлической оправе. Победоносцев был реакционером, который считал парламентскую демократию «одним из самых пустых человеческих заблуждений, служащих личным амбициям, тщеславию и самолюбованию членов парламента». Николай не был глуп. Он знал пять языков и говорил по-английски без малейшего акцента. Он изучал политическую экономию, историю, международное право, военные науки, химию. Его учителя были людьми выдающимися. Однако в нем отсутство-

вала любознательность, и роль царя он принял, не понимая, что же это значит на самом деле. Аликс легко привыкла к абсолютизму. Чувствуя себя неловко в чужой стране, она никогда не интересовалась ее системой правления или своим местом в ней, резко осуждая любой судорожный крен в сторону либерализма. Такой позиции она придерживалась, несмотря на то, что до сих пор слушала проклятия в адрес российского абсолютизма от своей царственной бабушки, мнение которой разделял весь англоязычный мир.

Во всех остальных отношениях Аликс оставалась в России чужой, как это было с ее матерью в Дармштадте. По-русски она говорила с английским акцентом. В свое время Александр III послал в Виндзор своего личного духовника, чтобы тот до замужества обучил Аликс русскому языку и православному катехизису. Однако все считали ее немецкой принцессой. У русских еще со времен средневековья и сражений с тевтонскими рыцарями сохранилась ненависть к немцам, и они называли свою императрицу «немкой». Однако это было несправедливо, так как Аликс была скорее англичанкой, чем немкой. Ее родным языком был английский, он же стал для нее языком любви, так как именно на нем с ней разговаривал и писал письма Николай. Оставив в стороне религию и политику, ее вкусы были чисто английскими. Как и ее мать, Аликс заказывала мебель по почте в лондонском универмаге «Мэплз» и увешала все стены пасторальными акварелями с изображением шотландских пейзажей. Ее любимой писательницей была представительница романтизма Мэри Корелли (псевдоним Мэри Маккей), которая пользовалась огромной популярностью в Англии и была почти неизвестна за ее пределами.

Критики называли Корелли «лицемерной и сентиментальной моралисткой, у которой отсутствует самокритичный подход и сознание нелепости своих произведений». Аликс выросла на той же почве. Не-

доброжелательное и взыскательное петербургское общество находило ее упрямой и провинциальной. Она плохо одевалась, сохранив пристрастие своей матери к розовато-лиловому цвету. Ее называли неуклюжей, она скверно танцевала и не могла поддержать светскую беседу. По-французски она говорила неуверенно и с акцентом, а ведь это был язык высшего общества. С точки зрения династических связей, Аликс не представляла интереса. Одним словом, она считалась неподходящей партией для наследника престола Романовых. Новая родина Аликс встретила ее недоброжелательно, а прежняя была рада от нее избавиться. Когда было объявлено о помолвке, по словам министра финансов Сергея Витте, русский посол спросил гессенского придворного обер-церемониймейстера, как изменилась Аликс, с тех пор как он ее видел ребенком. Убедившись, что их никто не слышит, обер-церемониймейстер прошептал: «Как мы рады, что вы ее от нас забираете».

Александр III умирал от болезни почек, и Николай попросил свою невесту присоединиться к нему у постели больного в Ливадии. Главный церемониймейстер забыл заказать императорский поезд, который должен был встретить ехавшую из Берлина Аликс на русской границе. Ей пришлось ехать в обычном пассажирском поезде, что дало ей редкую возможность повидать престолярную Россию. Император с трудом облачился в мундир, чтобы встретить будущую жену наследника надлежащим образом. Но он был слишком слаб и не мог встать. Император сидел в кресле в своей спальне и тяжело дышал. Его мощное тело усохло, а лицо пожелтело.

Автократические наклонности Аликс проявились сразу же. Ее оскорбило, когда врач императора стал говорить о состоянии больного с императрицей Марией Федоровной, а не с наследником престола. Каза-

лось, ей и в голову не пришло, что вся семья была потрясена случившимся, так как никто не предполагал, что могучего самодержца может сломить болезнь. Естественно, что в такой ситуации все сочувствовали императрице в ее горе и обращались к ней. «Милый мой, молись, и Господь тебя утешит... Твое Солнышко молится за тебя и нашего дорогого больного... Милый мой мальчик, я люблю тебя так глубоко и нежно, — записала она в дневнике Николая. — Будь тверд... Если доктору что-нибудь нужно, пусть он обращается непосредственно к тебе. Не позволяй другим отодвигать себя на задний план, ведь ты любимый сын императора, и тебе должны говорить все и на все спрашивать разрешения. Живи своим умом и не позволяй другим забывать, кто ты такой. Прости меня, любимый».

Эти слова западают в память. Аликс написала их в 22 года, будучи еще совсем неопытной принцессой с пока неопределенным положением. Эти слова были обращены к человеку, еще не успевшему стать ее супругом, но который через несколько часов унаследовал одну седьмую земного шара. Этой записью она определила все будущее, так как ни война, ни скандалы, ни революция ничего не изменили. Она страстно любила Николая, но уже тогда почувствовала его слабость, его готовность уступить первенство другим. Впоследствии она будет бранить мужа и настаивать, чтобы он проявлял твердость и решительность. Правда, потом она неизменно просила прощения: «...прости, любимый». Однако все это она делала на благо мужа. Только она одна, с Божьей помощью, будет защищать его интересы и заботиться о том, чтобы никто никогда не забывал, кто он есть. Запись сделана на английском, со множеством ласкательных сокращений, свойственных так называемому «детскому языку» викторианской Англии. Это также свидетельствует об импульсивности ума будущей императрицы. Александра была для Николая любимой женщиной, другом и советчицей. Мож-

но сказать, что она и стала для него самодержавной властью. Это видно из первых строк ее записки.

19 октября 1894 года Александр исповедовался, у него хватило сил прочесть короткую молитву и поцеловать жену, после чего он отошел в мир иной. Императрица Мария Федоровна упала в объятия Аликс, однако подобная близость между ними никогда больше не повторялась. Николай, выбежав из комнаты, рыдал на плече шурина Сандро, великого князя Александра Михайловича. Что теперь будет с ним, с Сандро, Аликс и со всей Россией? «Я не готов стать царем. Я ничего не знаю об управлении государством. Я даже не имею понятия, как разговаривать с министрами», — рыдал Николай. Ему было 26 лет, и со смертью ему случалось сталкиваться и раньше. Его дед Александр II, отменивший крепостное право, был убит террористами прямо на улице 13 лет назад. Лев Толстой обратился к новому государю с просьбой помиловать террористов, но Александр III приказал их повесить. Его задачей было восстановление самодержавия, что он и стал делать с завидной энергией.

Николай любил своего отца, большого «Медведя», который вставал в семь утра, умывался ледяной водой, носил крестьянскую рубаху и поношенные сапоги. Александр III был так силен, что мог согнуть в руке серебряный рубль и, к восторгу детей, разорвать пополам колоду карт. Государь император также любил сильные выражения и часто ими пользовался. Николай знал, что любимцем отца был его младший брат Михаил. Он мог выплеснуть на государя императора кувшин с водой, а тот лишь смеялся в ответ, тогда как Николаю за проказы всегда воздавалось по заслугам. Кроме того, он был полной противоположностью своему отцу. Он был изящен и строен, отменно одевался и отличался превосходными манерами, которые привели в восхищение даже революционеров. Николай никогда не ругался. Безусловно, это отличные качества

для конституционного монарха какой-нибудь тихой страны. Его немецкий кузен Вилли считал, что Николаю больше подходит роль «сельского помещика, выращивающего репу, а не российского самодержца». А Распутин, в полной мере пользовавшийся слабостью Николая, говорил, что он «никчемный человек».

У Николая также отсутствовало чутье монарха. При либеральном правлении его деда были введены суды присяжных, начались выборы в органы местного управления, был сбалансирован государственный бюджет. Однако брошенная террористом бомба положила этому конец. Годы правления Александра III полностью отражают высказывание Победоносцева, что Россия является «ледяной пустыней и обиталищем дьявола, поэтому ей должен управлять сильный монарх, презирающий дешевые и мелкие восторги по поводу реформ». Однако оставался самый важный вопрос управления: автократия или подотчетность? Автократу необходимо рвение и стимулы для поддержания своего полубожественного статуса. Когда Победоносцев пытался посвятить Николая в тонкости управления государством, его ученик «сосредоточенно ковырял в носу». Виктория же постаралась, чтобы Аликс ознакомилась с основами управления государством. Александр, надевшийся пожить в новом столетии, с радостью дал сыну возможность вести беззаботную жизнь гвардейского офицера, считая, что тот научится всему потом, когда придет время. Александр не питал иллюзий относительно сына.

— Что? — прорычал он, когда министр финансов Сергей Витте предложил назначить Николая президентом Транссибирской железной дороги. — Вы когда-нибудь слышали от него серьезный разговор?

— Нет, ваше величество, — ответил Витте. — Я не имел удовольствия услышать нечто подобное от наследника.

— Он еще совсем дитя, и суждения его детские.

Как же он сможет выполнять обязанности президента комитета?

И вот теперь молодой человек, не способный управлять комитетом, унаследовал всю империю. Видя будущего самодержца в таком состоянии, Сандро в этот момент подумал о неизбежной катастрофе, и его охватили недобрые предчувствия. На лужайке у дворца был установлен алтарь, вокруг которого полукругом собрались Романовы. Когда священник стал отправлять обряд приношения императорской клятвы верности, пушки на кораблях Черноморского флота дали залп, и рыдающий Николай был провозглашен Императором и Самодержцем Всея Руси Николаем II.

На следующий день Аликс приняла православие. По поводу траура она была одета в черное. Только члены семьи присутствовали при церемонии ее отречения от протестантской ереси, когда Аликс твердым голосом повторила православные молитвы. Данное ей при рождении имя Аликс-Виктория-Хелена-Луиза-Батрис было забыто, и Аликс стала называться Александрой Федоровной. Она приняла помазание, а потом вместе с женихом и вдовствующей императрицей пошла к причастию. Николай хотел с ней обвенчаться тут же в Ливадии, где в часовне под охраной казаков находилось тело его отца. Однако его дяди заявили, что царь должен венчаться принародно.

Путешествие в Москву заняло неделю, так как похоронный поезд останавливался в городах для проведения заупокойных богослужений. Гроб с телом императора водрузили на катафалк, запряженный восьмеркой вороных лошадей с траурными лентами на сбруе и провезли по улицам Москвы до Кремля, останавливаясь у десяти церквей, со ступеней которых пелись литании. «Она пришла к нам вслед за гробом», — говорили люди об иностранной принцессе. На вокзале поезд встречала толпа высокопоставленных лиц.

Сергей Витте увидел Николая, вышедшего из вагона в обществе двух блондинок. Сначала он принял за Александру ее тетю, принцессу Уэльскую. «Молодая дама, которая должна была стать нашей государыней, была не только менее привлекательной, но и гораздо менее приятной, чем ее тетушка, — вспоминал он впоследствии. — Разумеется, она тогда тоже была хороша собой, как, впрочем, и сейчас, но ее губы всегда сердито сжаты». Под погребальный звон колоколов и приглушенный бой барабанов кортеж за четыре часа доехал до Петропавловского собора. В течение 17 дней гроб стоял в соборе, и все это время Александра с женихом приходила сюда по два раза в день на богослужения. Ей приходилось целовать в губы покойного императора, тело которого после смерти не бальмировалось в течение трех дней. Цвет его лица был ужасен, а кроме того, от тела исходил ужасающий запах.

Николай настоял, чтобы свадьба, назначенная на следующую весну, состоялась через неделю после похорон. Это был день рождения его матери, и этикет допускал отмену траура на сутки. Он так торопился, что для невесты не успели приготовить приданое. Когда Александру Федоровну везли в Зимний дворец, вдоль Невского проспекта собрались тысячи людей, через каждые несколько шагов была расставлена охрана, а агенты тайной полиции смешались с толпой, выискивая предполагаемых террористов и убийц. На голове у невесты была платиновая тиара с бриллиантами и венки из цветов апельсинового дерева из Императорской консерватории в Варшаве. Ее шею украшало кольцо с бриллиантами общей массой 475 каратов.

Свадебная процессия за 20 минут прошла через трехтысячную толпу и вступила во дворец. Офицеры приветствовали молодую императрицу, у которой, по свидетельству очевидцев, слегка дрожали губы, что смягчало ее обычно суровое выражение лица, портившее классическую красоту Александры. «Только побывав

на моем месте, можно представить, что я пережила, — писала Александра. — Вчера в глубоком трауре я оплакивала дорогого умершего, а на следующий день, облаченная в роскошные одежды, вышла замуж». После венчания в дворцовой церкви двор возобновил траур. Для молодых не было ни приемов, ни медового месяца. «Наконец мы вместе, соединились на всю жизнь. А когда эта жизнь закончится, мы снова встретимся в ином мире и будем неразлучными вечно, — написала Александра в дневнике Николая в их брачную ночь.

Молодые были счастливы, но одиноки. Их отношения с другими представителями дома Романовых складывались не лучшим образом. Вдовствующая императрица была опытной и практичной датчанкой и могла бы помочь Александре вступить в новую для нее роль русской императрицы. Однако вместо этого она вдруг решила, что теряет сына, отдав его упрямой иностранке. Она настаивала, чтобы в ежедневных молитвах за здоровье императорской семьи ее имя называлось первым. Александра возмутилась, и обстановка в Аничковом дворце, резиденции вдовствующей императрицы, где первое время должны были жить молодые, стала напряженной. Они вместе сидели за обеденным столом, но разговаривали мало.

Молодая императрица не любила светское общество, и оно, в свою очередь, испытывало к ней антипатию. Она была застенчива и своим ровесникам предпочитала общество стариков и детей. Князь Сергей Волконский, директор Императорских театров, часто встречался с Александрой и отмечал, что общительность была не в ее характере. Когда Александра пыталась поддержать разговор, ее лицо покрывалось красными пятнами, и «создавалось впечатление, что у нее природное чувство ненависти ко всем представителям мужского пола». По словам Волконского, люди ее избегали, и она была «лишь именем, ходячей картиной».

В ответ, молодая императрица возненавидела Петербург, «порочный город, в котором нет ничего русского». Николай разделял отношение супруги к своей столице, а также к ее основателю, неутомимому Петру Великому. «Этот предок мне наименее симпатичен, — заявил Николай своему личному врачу Евгению Боткину. — Слишком уж он восхищался европейской культурой. Он изжил русские обычаи и добрые традиции, которые являются национальным наследием».

Императорская чета предпочитала Москву, которая казалась им более русской. Их коронация в мае 1896 года закончилась трагедией. Во время пятичасовой церемонии в Успенском соборе у императора упала на пол цепь с орденом Св. Андрея Первозванного. Инцидент держали в тайне, опасаясь, что его сочтут за дурное предзнаменование. На следующее утро на Ходынском поле, где обычно проходили учения Московского гарнизона, устроили праздник под открытым небом. Бесплатная выпивка привлекла сюда полумиллионную толпу. Людей было так много, что когда конный казак въехал в толпу, то почувствовал, что его подняли вместе с лошадыю. Среди людей прошел слух, что выпивка заканчивается. На поле образовалась давка, во время которой погибло много народа.

По официальным сведениям, число погибших составило 1389 человек, но в действительности эта цифра могла быть и больше. Потрясенный Николай, следуя совету своих дядей, все же посетил гала-представление в престижном московском «Охотничьем клубе», как и было запланировано. Со слезами на глазах Александра и Николай открыли бал кадрилию. Императорская чета посещала пострадавших в больнице и выделила каждой семье, где были жертвы, по тысяче рублей. Однако в народе осталась память о Ходынке, а вместе с ней и убежденность, что Николай и его супруга доведут Россию до беды.

Вскоре все заметили автократические наклонности

императрицы. Перед ней расстилалось широкое поле деятельности, так как Николай был закоренелым реакционером, любителем старинных икон и обычаев, а также приверженцем старинной письменности. В то время как лингвисты спорили о целесообразности буквы «ять», Николай честно признался Боткину: «Лично я никогда не доверил бы ответственный пост человеку, который пишет слова без «ять». Однако люди во всех несчастьях винили Александру.

Императору присягнули в верности представители Земств. Один из них, приехавший из Твери, выразил надежду, что «права личности будут защищаться постоянно и неуклонно». Николай, принявший эту фразу за вызов абсолютизму, упрекнул делегатов в «бессмысленных мечтах об участии в делах правительства». Затем он добавил, что будет поддерживать самодержавие так же ревностно, как это делал его покойный отец. Это замечание, вызвавшее скорее раздражение, чем страх, стало поводом для насмешек над Николаем в самом начале его царствования. Один из делегатов с сарказмом писал: «К нам вышел маленький офицер в фуражке, с клочком бумаги в руках, и начал что-то мямлить, заглядывая в эту самую бумажку. Потом он вдруг выкрикнул слова «бессмысленные мечты», и тут мы поняли, что нас за что-то бранят».

Этот инцидент, за которым чувствовалась рука Александры, сильно ей навредил. «Зачем понадобилось ни с того, ни с сего выкрикивать угрозы в адрес всей нации?» — негодовал Константин Победоносцев, старый наставник Николая в области абсолютизма. Его спросили, кто посоветовал императору так поступить. В ответ Победоносцев раздраженно сказал:

— Неужели не догадываетесь? Конечно же, молодая императрица.

— Но как она могла на это пойти, ничего не зная о России?

— Ей кажется, что она все знает, — ответил Побе-

доносцев. — Ее преследует навязчивая идея, что ее супруг недостаточно утвердился. Она даже большая автократка, чем Петр Великий, — добавил он. — А кроме того, возможно, такая же жестокая, как Иван Грозный. У нее ограниченный ум, возомнивший себя великим.

Александра была потрясена новой религией. «Она полностью впала в то, что я бы назвал православной ересью. То есть, она боготворит форму, совсем не понимая духа этой веры. Тупой и эгоистичный характер, а также ограниченное понимание мира», — писал Сергей Витте, считавший, что императрицу привлекла красота православных богослужений.

На каждом богослужении по всей России возносились молитвы в честь Александры и ее супруга. Таким образом, православие стало символом их власти. «Если вы не склоняете передо мной голову, значит, вы мои враги, против которых я использую свою самодержавную власть, потому что мое желание есть истина, — так объяснял Витте мировоззрение императрицы. — Учитывая ее психологию и тот факт, что ее окружают лакеи и интриганы, легко понять, почему она впала в подобное заблуждение».

Неспособность Александры родить наследника сделала ее очень ранимой и чувствительной к влиянию всевозможных целителей и мистиков. К 1901 году она родила четверых красивых и здоровых детей, но это были девочки: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Вопрос о наследнике встал особенно остро, когда Николай заболел тифом. Сто лет назад, незадолго до своей насильственной смерти, полубезумный царь Павел I из ненависти к женскому полу, а особенно к своей матери Екатерине Великой, отменил право первородства, заменив его законом, списанным с Салической правды, в соответствии с которым ни одна женщина не могла унаследовать российский престол, пока не умрут все законные наследники по мужской линии. К своему

ужасу, Александра узнала от специалистов в области права, что ее старшая дочь Ольга не может претендовать на престол. В случае смерти Николая престол унаследует его брат Михаил. Императорская чета приказала Победоносцеву подготовить проект закона о преемственности по женской линии. Но Победоносцев понимал, что такая затея подобна прогулке по минному полю, и не торопился.

Доктор Филипп, иностранец, которого отыскивали сестры Черногорки, утверждал, что может определить пол неродившегося ребенка и исцелять больных. Кроме этого, он заявлял, что имеет медицинское образование, а также приближен к Господу. Как и Распутин, он был сыном крестьянина и очень этим гордился. В политике он придерживался правых взглядов. Его настоящее имя было Назье-Вашо, а работать он начал с тринадцати лет в мясной лавке. Когда ему было двадцать с небольшим, за ним утвердилась репутация целителя, и вскоре его городская квартира заполнилась страдающими пациентами, которых он лечил обычными лекарствами, молитвами и прикосновением рук. Доктор Филипп нажил достаточно денег, чтобы вызвать гнев квалифицированных врачей, и дважды привлекался к суду во Франции за практику без лицензии.

В числе его приверженцев был военный атташе России в Париже, граф В. В. Муравьев-Амурский, считавший, что «доктор» спустился с небес, куда вскоре снова вознесется. В 1900 году граф представил его сестрам Черногоркам, которые проводили зиму в Каннах. «Это был маленький человечек с приятными мягкими манерами и проникающими в душу глазами, которые могли менять цвет и из карих становиться синими», — вспоминала одна из сестер. Как и Распутин, он был ясновидящим и умел войти в доверие к людям и в нескольких словах определял «все, что их тревожило и в чем они не смели ему сознаться». Вско-

ре он «околдовал» обеих сестер, и те пригласили его в Петербург.

На следующий год Милица представила доктора Филиппа Николаю и Александре, когда те находились с официальным визитом во Франции и жили в Компьене. Он обворожил императорскую чету и приехал вместе с ними в Россию. Милица жила во дворце в Знаменке, недалеко от летнего императорского дворца в Петергофе. Николай и Александра приезжали в Знаменку через день и, по словам генерала Спиридовича, начальника личной императорской охраны, устраивали там сеансы спиритизма под руководством мнимого доктора. Сестры Черногорки всячески старались приблизить его к императорской чете, не стесняясь в выборе средств.

Они убедили императрицу прочесть «Жития святых», постоянно проводя аналогию между святыми и доктором Филиппом. Они сказали императрице, что все его действия получили благословение преподобного Иоанна Кронштадтского. Это было ложью, и впоследствии Иоанн заявил, что не обмолвился с доктором Филиппом и словом, когда они встретились с ним во дворце у Милицы. На то была веская причина: Иоанн не владел французским, а француз не знал русского. Однако императрица поверила сестрам, и сеансы продолжались.

Слухи о них пошли по петербургским салонам. Французскому послу Морису Палеологу сообщили, что Филипп вызвал дух покойного императора Александра III, чтобы тот дал совет сыну, как управлять Россией. Некоторые верили, что Филипп может по своему желанию изменить погоду и делает море спокойным, когда императорская чета совершает прогулку на яхте. Витте был уверен, что Филипп проводил ночные сеансы с их величествами, и говорил, что поведение неврастеничной императрицы сильно беспокоит ее свекровь.

Действительно, все это выглядело странным. Им-

ператрица хотела наградить Филиппа за службу. А он желал получить официальный статус медика. Милица попросила представителя Охранного отделения в Париже, генерала Раховского, убедить французское правительство выдать Филиппу диплом медика. Раховский заявил, что это невозможно, и подготовил рапорт о деятельности Филиппа во Франции, представив его умным и хитрым обманщиком, обладающим властью над слабовольными людьми. Раховский был немедленно уволен с должности императорским министром Вячеславом Плеве, который заявил, что тот не получит пенсионера, если не отправится на постоянное жительство в Брюссель, от греха подальше. Витте гневно обрушился на Плеве за то, что тот убрал из Европы представителя России, противостоявшего террористам. В ответ на обвинение министр внутренних дел пожал плечами и сказал, что таков был личный приказ государя.

Во Франции барон Альфонс Ротшильд жаловался Витте, что опасается за свои огромные инвестиции в России. Знаменитый финансист сказал, что империя, весь двор которой находится во власти шарлатана, не самое подходящее место для вложения средств. А дома, в России, князь Юсупов, самый богатый человек в стране, как-то раз, прогуливаясь по берегу моря в Крыму, увидел Милицу, которая ехала в карете с каким-то незнакомцем. Юсупов поклонился, но Милица ему не ответила. Позже он поинтересовался, почему она проигнорировала его приветствие.

— Вы не могли меня видеть, — ответила Милица. — Ведь я была с доктором Филиппом, а когда он надевает шляпу, то делается невидимым вместе со своими спутниками.

Уверовав в свои силы, а также будучи прекрасно осведомленным о том, что императрица страстно хочет родить наследника, в 1902 году доктор Филипп превзошел сам себя. Он убедил императрицу, что та беремен-

на. Александра перестала носить корсет и располнела. Было сделано официальное заявление о беременности императрицы и отменены все приемы с ее участием. По прошествии девяти месяцев вся столица с нетерпением ждала момента, когда можно будет сосчитать пушечные залпы из Петропавловской крепости. Триста залпов означали рождение мальчика, а сто — появление на свет пятой дочери. Однако залпов вообще не последовало. Александра слегла в постель, и врачи, во главе с ее личным акушером профессором Оттом, стали дожидаться первых схваток. Когда Отту наконец позволили осмотреть императрицу, выяснилось, что беременность была мнимой.

В обществе над этим инцидентом посмеивались, однако Витте не находил здесь ничего смешного. Если шарлатан мог убедить императрицу в том, что она беременна (а ведь она была не неопытной девочкой, а матерью четверых детей), то он мог внушить ей все, что угодно. А значит, в то же самое поверил бы и ее «безвольный, но славный» супруг. А ведь этот человек имел неограниченную власть над 140 миллионами подданных. Действительно, Филипп был дурным предзнаменованием. Если императрица поддавалась влиянию одного божьего человека, то рано или поздно это могло произойти снова. Распутин неизбежно должен был появиться и только ждал своего часа.

Филиппу пришлось сойти со сцены, но он получил хорошую награду. Император подарил ему автомобиль и звание инспектора санитарной службы, а также диплом Санкт-Петербургской военной медицинской академии. Сеансы спиритизма продолжались, только в качестве медиума теперь выступала графиня Нина Сарнекау. Их устроитель Симанович утверждал, что однажды, когда он бражничал в апартаментах графини с влиятельными друзьями, неким губернатором, начальником Красного Креста и знаменитым румынским

скрипачом, за ней из дворца прислали автомобиль и пригласили к императору. Графиня была пьяна, но отказаться от приглашения не могла. Это очень развеселило гостей, которые стали спрашивать графиню, что она собирается предпринять, если вызванные духи также окажутся навеселе.

Императрица по-прежнему мечтала о сыне. Архимандрит Феофан, которого Распутин привел в восхищение, уговорил императорскую чету канонизировать благочестивого монаха-отшельника Серафима, прах которого был погребен 60 лет назад у целебного источника в Сарове. Говорили, что воды источника лечат всех больных, слепых, глухих, а также бесплодных женщин. Высшее духовенство и Синод возражали против причисления Серафима к лику святых, так как после смерти его тело стало разлагаться, не выдержав испытания на чудотворную нетленность, что является обязательным условием для причисления к лику святых. Императора предупредили, что в свое время Серафим сделал зловещее предсказание, в котором утверждалось, что если его канонизируют в присутствии императора и его семьи, то вскоре после этого Россию захлестнет море крови, и миллионы русских будут разбросаны по всему свету. Однако Николай настаивал на канонизации, а когда епископ Тамбовский выразил свой протест, его лишили епархии и отправили служить в Сибирь.

В июне 1903 года императрица в сопровождении придворных прихлебателей и чиновников направилась в Саров, где Александре продемонстрировали крестьян, исцелившихся водами чудесного источника. Зрячие убеждали ее, что были некогда слепыми, а проворные и быстроногие заявляли, что раньше были хромыми. Среди всех этих чудес прозвучало одно дурное предзнаменование. Местная юродивая и ясновидящая по имени Паша стала бить одну из своих кукол, которых она всегда носила с собой, выкрикивая при этом: «Сер-

гей!» Великий князь Сергей стал ненавистным для народа губернатором Москвы, после того как женился на сестре Александры, Елизавете Федоровне. На тот момент террористы еще не строили планов его убийства, и поэтому инцидент прошел незамеченным. Накануне церемонии был устроен банкет, и все присутствующие заметили, что Александра очень взволнована и лихорадочно дышит, а ее щеки горят нервным румянцем. В полночь она вышла из-за стола и в сопровождении трех священников отправилась к могиле Серафима. У могилы она молилась, а затем искупалась в водах священного источника.

К февралю следующего года, когда Александра уже знала, что беременна, Россия ввязалась в войну с Японией. В то время Китайская империя была подобна разлагавшейся туше, а ее северной провинцией Манчжурией подкармливались как Россия, так и Япония. Русские захватили большой порт-крепость Порт-Артур, а после строительства Транссибирской железной дороги в 1901 году их экспансия усилилась. Прежде войскам требовалось 18 месяцев, чтобы проделать трудный путь от Москвы до Владивостока, теперь же такая дорога занимала всего 13 дней. Группа придворных авантюристов проталкивала план о заключении концессии на разработку леса на реке Ялу, устремив свои взоры на Корею. Японцы чувствовали, что их втягивают в войну.

Россия в это время плыла по течению, полагаясь на волю случая. Один иностранец, посетивший Министерство иностранных дел, говорил, что увиденное им «не поддается описанию», так как там было настоящее сонное царство. Германский посол утверждал, что никогда не сталкивался с подобной ленью. «Все чиновники выходят на службу в 11 или 12 часов дня, а в четыре уже никого нет на месте. В рабочее время они только курят да прохаживаются по коридору». Витте понимал, что война приведет Россию к катастрофе, но

Николай отправил его в отставку. «Теперь править буду я», — записал император в тот день в своем дневнике. Как будто бы, избавившись от Витте, он мог примерить на себя блистательную мантию своего министра. Плеве считал, что «победоносная война» уничтожит опасность революции.

Отличавшийся осторожностью Николай все же испытывал слабость к войнам и славе и с удовольствием вспоминал время службы в гвардии. «Не могу выразить своего счастья по поводу того, что стал военным», — писал он матери в 19 лет. Ему нравились ночные кутежи, пирушки и парады. Его шурин, великий князь Александр Михайлович, вспоминал, что такая жизнь импонировала его «бездеятельной натуре». Требовалось лишь исполнять приказы, не задумываясь о сложных проблемах, которые приходилось решать высшему командованию. В 1904 году императору было присвоено почетное звание полковника. «Его отец был гордым монархом и настоящим дворянином, простым и искренним. Николай II не является гордым монархом, но зато он стал гордым и напыщенным гвардейским полковником», — с презрением заметил Витте.

В юности Николай посетил Японию во время своего кругосветного путешествия. Однако он был настолько нелюбознательным, что посчитал это путешествие «бессмысленным». «Дворцы и генералы во всем мире одинаковы, а ничего другого мне посмотреть не дают. С таким же успехом я мог бы остаться и дома». В его памяти сохранился лишь один инцидент. Во время пребывания в Оцу кто-то из толпы ударил его по лицу мечом. Второй удар отразил своей тростью кузен Николая, греческий принц Георгий. Однако у Николая на всю жизнь остался шрам и чувство антипатии к японцам, которых он называл в официальных рапортах «макаками» и считал «неприятным, презренным и слабым народом», которого российский колосс может уничтожить одним ударом.

Сырым и снежным январским вечером 1904 года Николай и Александра сидели в императорской ложе Мариинского театра и слушали оперу «Русалка». Два дня назад японский посол прервал переговоры и покинул Петербург вместе со всем своим штатом. Японские шпионы в Порт-Артуре доносили, что русские не ждут нападения. «Они не делают никаких маневров и не проводят учений». Груды торпед были брошены ржаветь под открытым небом. «Война так война, а мир так мир, — грустно сказал император одному из генералов. — Мучительнее всего неопределенность». Японцы решили за Николая эту проблему, пока тот слушал оперу. Вице-адмирал Того вел к Порт-Артуру 11 эскадренных миноносцев. Адмиралы внушили Николаю, что «макаки» не способны управлять современными боевыми кораблями и лишь «играли, словно дети, с игрушечными кораблями в ванне».

Того подошел к Порт-Артуру на расстояние пушечного выстрела. У семи боевых кораблей, стоявших на мертвом якоре, были зажжены огни. Ни одна из их мощных пушек не была заряжена, и рядом не было ни одного человека. Пушки береговой артиллерии были так обильно смазаны в целях защиты от зимних холодов, что просто не могли стрелять. Русский командующий генерал Евгений Алексеев был обязан своим назначением тому, что оскандалился как член императорской фамилии, устроив драку в Марселе, и его разыскивала французская полиция. Разведка сообщала, что японцы движутся к Порт-Артуру, но он проигнорировал эти сообщения. Сетевые заграждения против торпед не были выставлены, и русский флот оказался беззащитным. Эсминцы Того выпустили все торпеды по русским кораблям и ушли в море. Когда раздались взрывы, Алексеев читал у себя в каюте и сказал ординарцу, чтобы его не беспокоили. О нападении японцев в Петербурге узнали от коммерческого агента.

Начало войны имело политический характер. Генералы и бродяги бок о бок маршировали по Невскому, распевая: «Боже, царя храни», а когда Николай проезжал мимо дома Витте, то одарил бывшего министра торжествующей и самодовольной улыбкой. Витте понимал, что очень скоро война обернется революцией, а революция — анархией. «Как это печально для России! И как печально для императора, этого неудачливого и несчастного человека... Он хороший человек, и ни в коем случае не глупый, но у него совсем нет силы воли», — писал Витте.

То, что происходило на Дальнем Востоке, можно было охарактеризовать в двух словах — военная катастрофа. Русский минный тральщик подорвался на одной из своих мин и затонул. В марте, во время атаки, флагман «Петропавловск» подорвался на русской мине. Остатки флота находились в Порт-Артуре. Положение Николая было унижительным. По мнению одного из видных государственных деятелей, «он был одурманен своей самодержавной властью, которую он «применяет спорадически, без надлежащей осторожности и тщательности и без учета общего хода событий». Все делалось несогласованно, по частям, или же полагаясь на случай или минутный порыв, «во всем чувствовались интриги той или иной особы... Основанная на устойчивых принципах и неуклонно проводимая в любой области политика отсутствует».

Даже в обаятельных манерах императора чувствовалась ограниченность. Директор его частной канцелярии, князь Николай Оболенский, регулярно встречался с государем по утрам и оставался на завтрак. Когда же он вышел из милости, Николай перенес встречи на два часа дня, чтобы избежать неловкой ситуации, не пригласив князя на завтрак. Николая раздражало, что его германский кузен Вилли был на целую голову выше. Почтовые открытки, где была видна эта разница в росте, изъяли по приказу Николая. Император был

хорошо сложен, любил спорт, прекрасно стрелял, ходил под парусом и играл в теннис. Когда ему уже было за сорок, он не уступал чемпиону России по теннису. Но он смертельно боялся своих рослых дядюшек Романовых. Великий князь Алексей весил 250 фунтов, а великий князь Николай Николаевич, или «Ники длинный», когда одевал кавалерийские сапоги, имел рост шесть футов и четыре дюйма. Губернатор Москвы великий князь Сергей и великий князь Владимир не выглядели столь внушительно, но имели такие же авторитарные наклонности. Младший двоюродный брат императора Александр говорил, что Николай провел первые 10 лет своего царствования, «сидя в кабинете за огромным письменным столом и выслушивая советы и наставления своих дядюшек, с чувством, похожим на ужас. Он боялся оставаться с ними наедине».

Но больше всего он боялся жену, которая в то время уже не сомневалась, что беременна. Их письма друг к другу полны ласкательных обращений, наподобие «милый мальчик» или «любимая женушка». Однако письма императора умиротворяющие и покорные, а письма Александры — властные и требовательные. Когда Николай пренебрег рекомендациями Витте, тот несколько раз спросил, кто является советником государя. «Особа, которой я полностью доверяю», — ответил Николай. Когда же Витте поинтересовался, кто бы это мог быть, император ответил: «Моя супруга». Он бывал раздражительным и вспыльчивым, а иногда много пил. Раздражение императора выражалось в словах. Когда личный адъютант заговорил об интеллигенции, император гневно заметил, что Академия наук должна изъять это слово из языка. «Как я не люблю это слово!» — говорил Николай. Когда в одном из отчетов была сделана ссылка на общественное мнение, он вспылил: «Какое отношение имеет ко мне общественное мнение?» Витте считал, что Николай испытывал антипатию к людям, которые проявляли «твердость и посто-

янство в своих суждениях, словах и поступках». Комплекс неполноценности (нелюбимый сын, низкорослый племянник великанов-дядюшек, плохой оратор) заставлял его чувствовать себя очень неудобно в обществе «людей, превосходивших его по уму и моральным качествам». Николай чувствовал себя непринужденно лишь в компании людей, менее одаренных, чем он сам, или же таких типов, как Распутин, которые, зная слабости государя, делали вид, что они еще менее одарены природой, чем он сам.

К июлю 1904 года японские войска вели осаду Порт-Артура. Однако несмотря на это, 10 июля 1904 года пушки Петропавловской крепости дали 300 залпов. «Великий и незабываемый для нас день, в который Господь так ясно показал нам свою благосклонность, — писал Николай в своем дневнике. — В 1.15 дня Аликс родила сына». Император не сомневался, что счастливым событием обязан причислению Серафима к лику святых. «Я имею неоспоримые доказательства святости и чудодейственной силы Св. Серафима, и никто не может поколебать мою веру в его силу», — заявил он обер-прокурору Синода. Портрет святого висел у императора в кабинете, а десятки тысяч икон с его изображением были посланы войскам на японский фронт. «Вместо боеприпасов нам прислали Серафима», — сетовали солдаты.

Через пять дней после рождения наследника престола Плеве ехал в карете под охраной агентов полиции на велосипедах. К тому времени повсюду начались беспорядки. Войска, направленные в Манчжурию, отказывались выполнять приказы и громили вокзалы, в то время как офицеры прятались от солдат. Один саратовский адвокат писал, что «из каждой щели с ревом и свистом вырывается наружу гнев на существующий режим». Находившийся в ссылке молодой революционер Лев Троцкий писал, что крестьяне болеют сифили-

сом и умирают от различных эпидемий. «В задумчивом молчании наша деревня вымирает от болезней». Для спасения ситуации Плеве воспользовался испытанным приемом — еврейскими погромами. Однако это его не спасло. Витте говорил, что «тысячи людей готовы пожертвовать жизнью, чтобы убить высокопоставленного чиновника». Один из них бросил бомбу в карету Плеве. В бомбе содержался нитроглицерин, и от министра внутренних дел осталось лишь несколько кровавых следов.

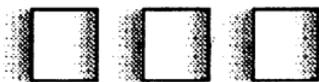
Наследника престола назвали Алексеем. Его отец сказал, что выбрал это имя, чтобы прервать вереницу Александров и Николаев. Суеверные люди считали такое имя дурным предзнаменованием. Петр Великий убил своего сына и наследника царевича Алексея. По поводу рождения наследника сразу же была сфабрикована история, в которой говорилось, что император, считавший себя виноватым в том, что у них рождаются только дочери, предложил супруге отдаться другому мужчине. Ее выбор якобы пал на генерала Александра Орлова, командовавшего уланским полком. Он был вдовцом, жившим на широкую ногу за счет наследства покойной жены. Орлов был беспечным, элегантным и красивым строевым офицером, любившим хорошенько выпить и имевшим слабость к сеансам спиритизма. Однажды императрица, в нарушение этикета, танцевала с ним вальс. Он был потомком Екатерины Великой и ее любовника Григория Орлова. Всего этого было достаточно, чтобы дать волю злым языкам.

Императорская чета «была без ума от радости» и не обращала внимания на сплетни. Младенец казался похожим на херувима, с ямочками на щеках, светлыми кудряшками и серо-голубыми глазками, подчеркивающими здоровый и розовый цвет его кожи. Николай настоял, чтобы начальник придворной канцелярии Александр Мосолов посмотрел царевича в детской. Младенец стал брыкаться в ванночке, и Николай взял

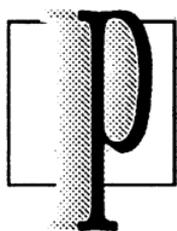
его на руки. «Ну разве он не красавец?» — с улыбкой спросил государь. Александра успокоилась и была «счастлива и горда красотой своего ребенка».

В шесть недель у мальчика стал кровоточить пупок, и потребовалось три дня, чтобы остановить кровотечение. Через три месяца он начал ползать и натываться на предметы, а на его ручках и ножках стали появляться зловещие синяки. Ребенок плакал, так как под кожей образовывались гематомы. Он был болен гемофилией.

Только близкие родственники и несколько личных друзей императрицы знали правду. Александра заболела и очень страдала. Ей было 32 года, и она проиграла решающее сражение. «Большую часть времени она проводит в кровати, живет затворницей, не выходит к столу и часами смотрит в окно», — писал Николай матери. Беременности и радикулит подорвали ее здоровье. Императрица страдала головокружениями и нервными приступами, в связи с чем перестала появляться в общественных местах. Перед придворными же она была прежней «холодной, высокомерной и безразличной Александрой. Ей так и не удалось исправить то ложное впечатление, которое она производила на окружающих». Когда доктор Филипп покидал двор, он подарил Александре колокольчик, в который та должна была звонить, чтобы избавиться от советчиков, не разделявших ее взгляды. Филипп также сказал: «Однажды у Вашего Величества появится новый друг, вроде меня, который будет говорить с вами о Господе». У сестер Черногорок такой человек уже имелся.

Глава седьмая БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОБОЛЬСКА

аспутин находился в Покровском, когда с палубы императорской яхты «Штандарт» Николай салютовал Балтийскому флоту, покинувшему Финский залив и направившемуся к Тихому океану, чтобы снять осаду Порт-Артура. Николай надеялся изменить весь ход войны, уничтожив японские корабли. Его поддерживал отец Серафим, несгибаемый монах, способствовавший причислению к лику святых своего тезки и утверждавший, что «только жида и интеллигенты могут думать иначе». Однако рождение наследника не изменило судьбу императора. Николай родился в день Иова-Мученика, и злой рок неотступно преследовал его всю жизнь.

Назревала катастрофа. Никогда еще морской поход не был так скверно организован. Главнокомандующий, пожилой вице-адмирал Зиновий Рожественский, называл своего заместителя «мешком с дерьмом». Такой же тучный командир крейсеров был известен под именем «гро-

мадины». Три корабля столкнулись почти сразу же, а на похоронах погибшего офицера не смогли дать салют, так как никто не знал, как зарядить винтовки. Этим походом командовала параноя. «Сегодня будет опасно, — писал главный механик жене, находясь еще в водах Балтики. — Мы проходим узкий пролив и боимся наткнуться на японские мины». Шесть дней спустя русские в Северном море ошибочно приняли английские рыболовецкие суда за японские торпедные катера. Однако артиллерия стреляла так плохо, что почти не повредила траулеры, зато шесть снарядов попали в один из русских крейсеров. Ближайший японский боевой корабль находился на расстоянии более 10 тысяч миль от этого места.

Суэцкий канал был закрыт для русских кораблей, и они решили обогнуть Африку. У Рожественского была навязчивая идея, что корабли останутся без топлива, поэтому груды угля лежали на палубах и вокруг орудийных башен. Вентиляторы и иллюминаторы были задраены, чтобы угольная пыль не попала внутрь, а люди от жары падали в обмороки, ведь корабли шли по тропическим морям. Проводить стрельбы было невозможно из-за угольных куч. Когда эскадра отшвартовалась у берегов Нигерии, японская пехота заняла возвышенности на подступах к Порт-Артуру и затопила остатки Тихоокеанского флота, на выручку которого направился Рожественский. 27 декабря 1904 года Рожественский был на Мадагаскаре, где узнал, что гарнизон Порт-Артура сдался неделю назад.

Вскоре стали поступать сообщения о забастовках и бунтах, вызванных поражениями на фронте. В начале 1905 года эти слухи дошли до Покровского и сильно обеспокоили Распутина. Он почувствовал, что Господь ждет от него «выполнения некой миссии». Жена Распутина считала, что ему снова было видение Казанской Божьей Матери, которая велела ему отправиться

в столицу. Однако сам Распутин об этом ничего не говорил. Попрощавшись с детьми, он возвратился в Петербург.

Рабочие Путиловского военного завода боролись за установление 8-часового рабочего дня и повышение заработной платы. В течение недели 25 тысяч рабочих отказывались выходить на работу. Обстановка в городе была нервной. 6 января император принял участие в традиционной церемонии Крещенского освящения невской воды, которая проходила в деревянном павильоне, установленном на покрытой льдом Неве, напротив Зимнего дворца. Эта церемония проводилась еще до того, как Романовы вззошли на престол, когда русские цари выходили из Кремля и спускались к Москва-реке за благословением. В тот день в Петербурге пушки Петропавловской крепости давали салют, и по чьей-то небрежности среди холостых шрапнельных зарядов оказались боевые. Очевидцы впоследствии рассказывали, как сверху посыпались разбитые оконные стекла и кто-то закричал: «Они стреляют боевыми!» Один полицейский был ранен. Многие решили, что это было покушение на императора, и в течение пяти последующих лет Николай отказывался присутствовать на церемонии освящения воды. Армия и полиция были приведены в боевую готовность.

Спустя три дня подул ледяной восточный ветер и началась метель. 9 января Витте встал поздно и, взглянув в окно, увидел, скорее, даже не толпу, а процессию одетых в ватники рабочих и студентов с поднятыми башлыками. Их сопровождали празднично одетые женщины и дети. Люди несли хоругви, иконы и российские флаги. Красного цвета, которого так боялись жандармы, нигде не было видно. Процессия вела себя сдержанно. Ее организатором был Георгий Гапон, молодой священник с горящим взором, читавший проповеди в беднейших рабочих кварталах. Кроме того, он являлся тайным агентом охраны. Прежде чем Плеве

разнесло на куски, министр внутренних дел позабылся о том, чтобы в рабочее движение внедрились агенты тайной полиции. Гапон хотел передать царю петицию, в которой умолял его избавить народ от «капиталистических эксплуататоров, мошенников-бюрократов и грабителей русского народа». Он не сомневался, что император примет петицию. Участники процессии вели себя безупречно, у них не было никакого оружия, и, подходя к Зимнему дворцу, они пели церковные гимны. Однако на тот момент государя не оказалось в столице: вместе с Александрой и детьми он уехал в Царское Село.

Витте вышел на балкон, чтобы послушать пение, но в этот момент раздались выстрелы. Стреляли так близко, что был убит уборщик в одной из ближайших школ. Затем слышались залпы, и минут через десять люди побежали назад, унося с собой убитых и раненых. Солдатские кордоны блокировали все большие улицы, ведущие к Зимнему дворцу. Ружья солдат были заряжены боевыми патронами, а им самим выдали накануне дополнительную порцию водки, сообщив, что рабочие задумали разрушить дворец и убить царскую семью. Участникам процессии было приказано повернуть назад, а когда они не послушались, по ним открыли огонь. Больше всего людей погибло на площади, перед самым дворцом. Первым упал на снег старик, сжимавший в руках портрет императора, и ребенок с фонарем. Отряд гвардейцев стрелял без разбора по демонстрантам.

На улице стало темно, и солнце превратилось в затянутый туманом красный круг. В полдень засияла радуга, затем подул ветер, а к вечеру пошел снег. В тот день было убито не менее 150 человек и втрое больше ранено. Вечером отец Гапон, с остриженной бородой и одетый для конспирации в длинный плащ, прибежал на квартиру к Максиму Горькому.

— Дайте мне чего-нибудь выпить, — обратился он

к писателю. — Все убиты, — он посинел от холода и, казалось, сейчас забьется в истерике.

— Мирные средства провалились! — закричал Гапон. — Теперь нужно действовать иным способом.

Гапон проклинал солдат и предателя-царя. Горький послал телеграмму Уильяму Рэндолфу Херсту в «New-York Morning Journal». В ней было всего три слова: «Русская революция началась».

Через несколько дней Николай согласился принять нескольких специально отобранных рабочих, так называемую «маргаринную делегацию».

— Я верю в честные намерения рабочего народа и их непоколебимую верность мне, — сказал император. — И поэтому я им все прощаю.

Однако рабочие ему не простили. Они плевали в членов делегации и называли 50 тысяч рублей, которые император выделил семьям пострадавших, «кровавыми деньгами». Гапон скрылся из столицы, оставив Максиму Горькому открытое письмо, которое тот должен был предать гласности. *«Царя нет! Между ним и народом стала кровь наших товарищей. Да здравствует начало борьбы за свободу!»* — писал Гапон. В аристократических клубах воцарилась мрачная атмосфера. Поползли слухи, что царских советников привозят во дворец в гробах, так как те боятся покушений на свою жизнь и не хотят появляться перед народом. «Кровавое воскресенье» 9 января разорвало связь между Романовыми и управляемым ими народом. Это кровопролитие стояло в преддверии года, который вдовствующая императрица назвала «годом кошмаров».

Через три недели после кровопролития у Зимнего дворца революционеры взяли реванш в Москве. От рук террориста погиб великий князь Сергей, чье имя когда-то выкрикивала полоумная из Сарова. Начиненная нитроглицерином бомба разорвала его в клочья, прилипшие к воротам Кремля, через которые он проезжал

в своей карете. Убийца, революционер-социалист Каляев, не пытался скрыться. Сестра Александры Елизавета навестила его в тюрьме и предложила свое ходатайство о его помиловании, если он раскается в убийстве ее мужа. Каляев отказался, заявив, что его смерть ускорит падение самодержавия. Красивая и набожная Елизавета построила в Москве монастырь и стала его настоятельницей. Николай и Александра не осмелились присутствовать на похоронах великого князя Сергея.

Насилие набирало темп в городах, а в сельской местности участились случаи поджогов помещичьих усадеб, а кроме того, крестьяне стали калечить скот. Богатым была необходима поддержка и утешение, которые мог дать Распутин. Он был человеком из народа, доказательством того, что настоящая Россия не восстала против них. Этот богобоязненный крестьянин, обожавший царя, помимо всего прочего, был явлением уникальным и волнующим. Он отвлекал мысли от мрачных событий. О Распутине заговорил Георгий Петрович Сазонов, политический авантюрист и журналист, часто менявший свои убеждения и пристрастия. Сазонов основал газету «Россия», имеющую левый уклон и вытягивающую деньги из промышленников, в обмен на поддержку их интересов. Теперь этот человек из левого крыла переметнулся на крайне правые позиции, где финансовая поддержка была побольше. Он пригласил Распутина в свою квартиру недалеко от Невского и сообщил столичным дилетантам от религии, что у него имеется божий человек для их развлечения.

Вскоре Распутина пригласили в салон всем известной Варвары Ивановны Искул. Она позвала к себе писателя Владимира Бонч-Бруевича, известного своими работами о деятельности религиозных сект, и предложила ему понаблюдать за Распутиным. Распутин приехал поздно, в 8 вечера, и прошел прямо в гости-

ную, хотя прежде не бывал в доме. Он непринужденно шагал по роскошным коврам и, приблизившись к хозяйке, без всяких вступлений, «обрушился» на нее и стал ругать за богатую коллекцию картин. «Зачем это, мать, ты столько повешала на стены? Разве здесь музей? Одна эта стена может накормить пять голодающих деревень. Вы только посмотрите, как они живут, пока мужики умирают с голода», — заявил Распутин. Когда Варвара Ивановна представила его дамам, он стал спрашивать в лоб: «Она замужем? А где ее муж? Почему она пришла сюда одна?» Затем он обратился к хозяйке: «Если бы вы были с мужем, я бы узнал, кто вы такие и как живете». Он говорил без тени смущения, легко и непринужденно.

Внимание Бонч-Бруевича привлекли глаза божьего человека. Он смотрел на людей прямо и пристально, а его зрачки «светились фосфоресцирующим светом. Казалось, он «ощупывает» собеседника своими глазами». Временами его речь становилась протяжной и невнятной, потом он вдруг вздрагивал и спрашивал: «Что это со мной?» Затем он менял тему разговора. Его пристальный, проникающий в душу взгляд произвел впечатление на всех присутствующих, особенно на женщин. Он приводил их в смятение, а потом они «начинали нервничать и смотрели на Распутина покорным взглядом, словно желая с ним поговорить или послушать, что он им скажет». Он выбирал какую-нибудь женщину, а потом вдруг резко обрывал разговор и подходил к другой. Минут через 15–20 он возобновлял свою игру, обрывая разговор на середине и возвращаясь к покинутой собеседнице. Одной незамужней женщине он говорил: «Это плохо, мать, очень плохо... Так жить нельзя... Ты такая... Нельзя таить обиду, ты должна кого-то любить... Да». Затем он переходил к другой теме, быстро расхаживая по комнате, сутулясь, слегка приседая и потирая руки.

Все это волновало гостей. Они перешептывались и

говорили, что Распутин о чем-то догадался, что он сказал правду и многое заметил. Атмосфера становилась нервной и приподнятой. «Примерно то же вы почувствуете в монастырях, беседуя со старцами», — писал Бонч-Бруевич. Распутин снова встретился с сестрами Черногорками, и Милица пригласила его в свой дворец на Английской набережной. Она представила его любовнику Анастасии, великому князю Николаю Николаевичу. Этот бравый вояка был очень привязан к маленькой собачке, тяжело дышавшей от старости. Распутин погладил собачку и что-то прошептал. Дыхание собачки стало легче, и, лизнув руку Распутина, она затрусилась к хозяину. Все это произвело на великого князя огромное впечатление.

А Балтийский флот погибал на Мадагаскаре. Морьяки пьянствовали и заражались болезнями в портовых кабаках и борделях. На корабле, служившем тюрьмой, вспыхнул мятеж. Корабли пропитывались вонью, исходившей от животных, которых притащили на борт. Вместо боеприпасов и радиоприемников корабли из России привозили зимнюю одежду и доставляли на линейный корабль «Александр III» почту, адресованную Электротехническому институту Александра III в Санкт-Петербурге. Когда в марте 1905 года флот наконец отправился в Сингапур, скорость кораблей составляла всего 8 узлов, так как их корпуса обросли ракушками и водорослями. В апреле, когда еще флот не дошел до Сингапура, во время завтрака пришло известие, что русские сухопутные войска потерпели поражение в Манчжурии под Мукденом. По дороге во вьетнамский порт Камрань два эсминца натолкнулись друг на друга.

11 мая, когда флот подошел к Цусимскому проливу, разделявшему Японию и Корею, умер адмирал Фолькерц, которого называли «мешком с дерьмом». Рождественский не потрудился уведомить об этом адмирала

Николая Небогатова, назначенного преемником Фолькерцама, и флаг покойного по прежнему развевался над броненосцем «Ослябя». 14 мая, на рассвете, был замечен флот адмирала Того, а к полудню началось сражение. «К тому времени весь наш флот представлял собой груды развалин», — писал Небогатов. Из боязни столкнуться друг с другом, русские корабли стали маневрировать. «Я огляделся по сторонам, — писал командир броненосца «Суворов». — Кругом разрушение! Пламя на мостике, горящая обшивка палубы, горы тел. Сигнальные и дальномерные станции сметены и разломаны. А за кормой видны объятые дымом и пламенем «Александр III» и «Бородино». До наступления темноты было затоплено 4 броненосца. Закрытый гроб с телом Фолькерцама был обнаружен плавающим среди обломков, на одном из которых различили надпись «Ослябя». Вместе с уцелевшими кораблями Небогатов пошел на север, во Владивосток, преследуемый японскими торпедными катерами. Цусима стала самым крупным морским сражением со времен Трафальгара. Все 12 русских броненосцев вышли из строя: 8 из них было затоплено, а 4 захвачены японцами, вместе с 7 из 12 крейсеров и 6 из 9 эсминцев. В морской пучине погибли 5 тысяч русских моряков. Потери японцев ограничились 3 торпедными катерами и 117 погибших.

Распутин представлял собой противоядие от войны, и все салоны приглашали его наперебой. «Неуравновешенные светские дамы не могли ни говорить, ни думать ни о чем другом, — писал генерал Спиридович. — Они учили Распутина, как надо одеваться и следить за собой, умыться, а также многому другому». Они вышивали для него шелковые рубахи, покупали брюки из дорогой ткани и красные кожаные сапоги. Распутин стал помадить бороду, однако приятный запах помады заглушался дешевым мылом, которым он пользовался.

14 июня капитан броненосца «Потемкин», слыв-

ший сторонником строгой дисциплины, приказал команде съесть испорченное мясо с червями. Матросы отказались и арестовали его вместе с другими офицерами, а затем захватили корабль, стоявший в Одессе. Они подняли над кораблем красный флаг, в то время как революционеры сражались с шайками ультра-правых на берегу. Матросы попытались им помочь, направив на город мощные корабельные пушки. Однако прицелы были плохими, и матросы, отказавшись от своего намерения, вышли в Черное море. 10 дней спустя они бросили якорь в румынском порту Констанца и сдались властям. Многие из них нашли убежище за границей и эмигрировали в Бразилию, Канаду и США.

10 июля Николай и Александра получили из Франции известие о смерти доктора Филиппа. Они находились в 20 милях от столицы в летнем дворце в Петергофе, мраморные террасы которого выходили на море и на каскад фонтанов, где позолоченный Самсон разрывал руками пасть льва. Эта статуя была воздвигнута в честь победы Петра Великого над шведами. То были гораздо более удачливые времена для Романовых, по сравнению с теперешней вереницей постоянных поражений в войне с Японией. Императорская чета была изолирована и смертельно напугана. Крестьянские мятежи распространялись по России, на железнодорожных станциях пассажиры видели искалеченных лошадей и скотину со вспоротыми брюхами, жалобно ревущую от боли. По ночам степь озарялась заревом пожаров.

Постоянная угроза покушения выводила из равновесия Александру, выросшую в спокойной и надежной Англии и маленьком тихом Дармштадте. Николай считал, что, вероятно, он разделит участь сербского короля Александра, последнего из династии Обреновичей, который был убит вместе с женой два года назад, а тела которых чернь таскала по улице. Витте писал, что это

убийство потрясло императора и «наполнило его душу страхом за свою собственную судьбу». Забегая вперед, скажем, что, когда пришел их черед, Николай и его супруга держались мужественно. Но тогда, в 1905 году, здравый смысл, который заставлял их скрываться в загородных дворцах в Петергофе и Царском Селе, принимался за трусость, хотя толпы их подданных, прекрасно образованных девиц и юношей, интеллигентных и безжалостных, с бомбами, явочными квартирами и фальшивыми документами, желали их смерти. «Из своего убежища они посылают телеграммы с соболезнованиями женам погибших от рук грязных убийщ-революционеров, восхваляют доблесть и мужество павших и заявляют: «Моя жизнь ничего для меня не значит, если счастлива Россия», — писал Витте.

Они относились с подозрением ко всем посторонним и всем политикам. «Мой бедный Ники несет тяжкий крест, который становится еще тяжелее, так как у него нет ни одного человека, на которого он мог бы положиться и который мог бы действительно ему помочь, — жаловалась Александра. — Он старается изо всех сил, работает с таким упорством, но ему так не хватает настоящих людей... Никчемные люди всегда рядом, а другие из ложной скромности остаются на заднем плане... Я ломаю голову, как бы найти такого человека, и ничего не могу сделать; это ужасное состояние». Когда князь Святополк-Мирский, министр внутренних дел, попытался предостеречь императрицу по поводу того, что вся Россия выступает против существующего порядка, она вспыхнула от гнева: «Да, интеллигенция против царя, но народ его поддерживает», — ответила она. Мирский предупредил ее, что народ — это стихийная сила: «Сегодня он может растерзать интеллигенцию во имя царя, а завтра пойдет и разрушит его дворцы». Николай был вынужден просить мира у «японских обезьян».

Кроме этого, императору пришлось пережить еще

одно унижение и просить Витте, который ростом, грубостью и бестактностью так напоминал ему родных дядюшек, вернуться в правительство и вести переговоры с японцами в отеле «Уэнтворт» в Портсмуте, штат Нью-Гемпшир. Раздражительный Витте был невысокого мнения о принимавшем его Теодоре Рузвельте, считая того «наивным». Рузвельт, в свою очередь, презирал «убогого» русского деспота. «Царь представляет собой нелепое создание. Он не смог воевать, а теперь не может заключить мир», — говорил Рузвельт. Тем не менее, представитель России очень искусно вел переговоры, и она потеряла только Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и южную половину острова Сахалин, сохранив огромное влияние в Тихом океане. Витте восстановил свою репутацию, а император стал первым европейским правителем, потерпевшим поражение от азиатов.

Николай искал утешения в сеансах спиритизма в обществе сестер Черногорок. Дворец Милицы в Знаменке находился в 10 минутах от летнего дворца в Петергофе, а Анастасия жила в получасах ходьбы на вилле в Сергеевке. Императорская чета почти ежедневно встречалась с сестрами в Петергофе, а через день они сами ездили в Знаменку на званые вечера. К ним часто присоединялся великий князь Николай Николаевич, который жил с Анастасией и считался ее женихом. Историк А. А. Половцев писал: «У себя в Петергофе они не отдают себе отчета в сложившейся ситуации и в том, что происходит. Они постоянно сомневаются и хватаются то за одно, то за другое, проводят мистические сеансы с этими двумя Черногорками, чье присутствие приносит России столько несчастья».

Подобно своему предку Александру I, чью спиритическую библиотеку он унаследовал, Николай также имел склонность к мистицизму, которую разделяла и Александра. Тем летом она подарила одной из своих

горничных книгу «Друзья Господа». Это было репринтное издание немецкой книги, впервые изданной в XIV веке, написанной под влиянием мистика-доминиканца Майстера Экхарта, утверждавшего, что иногда Господь одаривает божественной благодатью благочестивых и смиренных людей, посылая их в помощь суверенам, которых защищает. Эти «друзья Господа» оказывают суверенам моральную поддержку и дают советы, как управлять своим народом. Тем летом Распутин также посетил Знаменку. Ему еще только предстояло знакомство с суверенами, но тот день, когда, по словам покойного доктора Филиппа, они обретут «нового друга», был уже не за горами.

Императорская чета провела сентябрь на борту яхты «Штандарт», которая имела длину 420 футов и могла развивать скорость до 22 узлов. Мачты на яхте были лакированными, а огромный бушприт покрыт листовым золотом. Императорскую чету развлекал духовой оркестр и ансамбль балалаечников. Яхта отошла от берегов Финляндии, но даже в открытом море ни на секунду не забывали о мерах безопасности: среди членов экипажа были агенты охраны, а кроме того, целый гвардейский взвод охранял монаршую чету от предполагаемых злоумышленников, которые разве что могли вынырнуть из морской пучины. Витте возвратился из Нью-Гемпшира героем. Николай принял его на борту яхты и пожаловал ему графский титул, однако оказанная честь не могла скрыть их многолетнюю враждебность. Николай с сарказмом написал матери, что Витте «остолбенел от избытка чувств и трижды пытался поцеловать мне руку!» Витте в свою очередь понимал, что титул был ему пожалован «несмотря на личную неприязнь его, а особенно, ее Величества, а также несмотря на низкие интриги бюрократов и придворных, чья подлость может сравниться разве что с их глупостью».

Холодность монаршей четы, ее презрительное от-

ношение к людям, наделенным незаурядными способностями, а также убежденность в том, что царская власть дана Господом, а поэтому монарх должен держать ответ лишь перед Всевышним и перед собственной совестью, оказались роковыми для России. Когда в начале октября Николай и Александра возвратились из круиза, их империя находилась на грани распада. 7 октября в Москве началась забастовка железнодорожников, которая распространилась по всей стране со скоростью курьерского поезда. 9 октября уже бастовали железнодорожники Курска и Киева, а на следующий день к ним присоединились Петербург и Харьков. «Питер теперь отрезан от всей России, — писал 12 октября в своем дневнике торговец антикварными книгами Сергей Минцлов. — По городу распространяется паника... Колбасные, бакалейные и булочные лавки осаждают толпы народа». В течение дня цена на мясо увеличилась на треть. На следующее утро был создан Санкт-Петербургский Совет рабочих, лидером которого являлся очень жесткий и темпераментный человек Лев Бронштейн, известный под именем Льва Троцкого.

Сеансы у сестер Черногорок продолжались. «Чем хуже обстоят дела, тем больше горя. А чем больше горя, тем больше душа ищет убежища в сверхъестественном. И всегда найдутся предсказатели (особенно для царей), которые скажут: «Будь терпелив и ты победишь, и все падут к твоим ногам и признают, что только тебе известен путь к истине и спасению», — писал Витте. За три прошедшие недели октября Анастасия не была во дворце только два дня. За это время Милица обедала там семь раз и часто звонила императору и императрице по телефону.

К 14 октября забастовка перекинулась на Урал и Кавказ, в Грузию, Центральную Азию и Сибирь. На улицы Москвы вышли рабочие, вооруженные браунингами и маузерами, вывезенными контрабандой из

Бельгии. Толпы людей под красными знаменами пели «Марсельезу» и кричали: «Долой самодержавие!» В столице почти никто не работал: ни извозчики, ни телеграфисты, ни прислуга в богатых домах. Не работали врачи, профессора и даже биржевые маклеры и кордебалет Мариинского театра. Витрины магазинов были забиты досками, чтобы спастись от грабителей. Эскадренный миноносец стоял под парами и был готов эвакуировать императорскую семью в Данию. Среди полиции были убитые, повсюду вспыхивали мятежи и бунты. «Когда я читаю новости, мне делается тошно!» — жаловался император.

«Уверена, что есть только один человек, который может тебе помочь и быть полезным в данный момент. Это Витте, — писала вдовствующая императрица сыну. — Бесспорно, это человек гениальный, энергичный и здравомыслящий». Именно за все эти качества, которые у него самого отсутствовали, а также за опасный либерализм, Николай и невзлюбил графа Витте. Однако страх и вышедшая из-под контроля ситуация заставили Николая вновь прибегнуть к помощи графа Витте. «У всех одинаковое чувство, как перед летней грозой. Все эти страшные дни я постоянно вижу Витте. Часто мы встречаемся рано утром и прощаемся только поздним вечером», — писал впоследствии Николай матери. Витте ездил в Петергоф на особом пароходе, так как добраться туда по железной дороге было невозможно, да и опасно. «Идет снег с дождем... ужасное путешествие. В дороге мы говорили о постыдной ситуации, в которой оказались, когда верноподданные должны добираться до своего императора буквально вплавь», — писал Витте, когда погода изменилась в худшую сторону.

Император хотел подавить бунт с помощью силы и с этой целью наделил неограниченными полномочиями генерала Дмитрия Трепова. По словам Витте, у бывшего начальника московской полиции были про-

стые взгляды на происходящее. «Если народ бунтует, его надо бить... Для таких, как Трепов, сложных вопросов не существует, так как, по их мнению, они являются изобретением интеллигентов, евреев и франк-масонов». Трепов отдал своим войскам знаменитый приказ: «Холостных залпов не давать, патронов не жалеть». Этот приказ разошелся по всему Петербургу, однако Трепов предупредил императора, что разгон демонстрантов и бастующих приведет к многотысячным жертвам. Николай был вынужден признать, что из создавшегося положения существует только один выход — «дать народу гражданские права, свободу слова и печати, а также свод законов, утвержденный Государственной думой, то есть конституцию. Витте является убежденным сторонником таких действий». Он составил проект манифеста для конституционного правительства. «Человек всегда стремится к свободе, человек цивилизованный стремится к свободе, регулируемой и поддерживаемой законом, который гарантирует и защищает его права, — писал Витте. — Зловещие признаки ужасного взрыва с каждым днем дают о себе знать все сильнее».

15 октября в столицу прибыло военное подкрепление. Солдаты установили пулеметы в университете и школах. В городе не выходила ни одна газета. Электростанции работали с перебоями, и уличные фонари то загорались на несколько минут, то снова гасли, погружая все вокруг в непроглядную тьму. Невский проспект был освещен огромным прожектором. Революцию ждали со дня на день. Витте подготовил проект манифеста, торопливо дописывая поправки на борту парохода, возившего его в Петергоф и обратно. Он обнаружил, что Николай встречается не только с ним, но и с Иваном Логиновичем Горемыкиным, пожилым бюрократам «с сонным лицом и завитыми бакенбардами», большим любителем французских романов. Горемыкин работал над альтернативным вариантом мани-

феста, и так как он считал, что министры императора являются его слугами, это не могло понравиться Витте. Витте подумал, что для Николая было типичным действовать у него за спиной, а так как русский самодержец не был ни Меттернихом, ни Талейраном, его пристрастие к византийским привычкам могло привести лишь к кровопролитию и позору. Витте молил Господа, чтобы тот помог ему «выбраться из этого болота трусости, слепоты, предательства и глупости».

Сестры Милица и Анастасия поддерживали постоянную связь с дворцом и с Распутиным. 17 октября император навел жениха Анастасии, великого князя Николая Николаевича, и предложил ему стать военным диктатором. Великий князь достал револьвер и заявил, что застрелится, если император не подпишет проект Манифеста, разработанный Витте. Перекрестившись, император его подписал. По Манифесту Россия превращалась в некий гибрид самодержавия и свободы. Манифест обещал свободу совести, слова и собраний. Ни один закон не мог вступить в силу без согласия выбранной Государственной Думы. Император же сохранял за собой контроль за армией и связями с зарубежными государствами. Он также мог, по своему желанию, назначать министров и отправлять их в отставку. «Императрица сидела прямая и застывшая, словно шомпол, красная, как рак, и не произнесла ни единого слова», — вспоминал Витте.

Для левых сил этих уступок оказалось недостаточно. Царь пообещал все и не делал ничего. Троцкий говорил, что Манифест был «казачьей плеткой, завернутой в конституцию». Правые же считали, что уступки слишком большие. «В Петербурге потеряли рассудок от страха! — вопил Дмитрий Пихно, редактор «Киевлянина», единственной российской газеты, которая выходила и во время забастовок. — Одному Богу известно, что они там творят! Они сами стали революционерами!» Пихно и ему подобные организовали «Чер-

ную сотню», устраивавшую еврейские погромы под знаменем «православия, самодержавия и народности». Ультраравный антисемитский союз насчитывал более миллиона человек.

31 октября Милица с мужем и Анастасия с великим князем Николаем Николаевичем обедали с императорской четой и уехали поздно. На следующий день, 1 ноября 1905 года, Николай и Александра приехали к Милице в Знаменку, где в то время был и Распутин. В тот вечер император записал в дневнике: «Мы познакомились с божьим человеком по имени Григорий из Тобольской губернии».

Распутин не встречался с императорской четой до следующего лета, но через два дня после первой встречи он приобрел себе первую последовательницу Ольгу Лохтину, богатую помещицу, бывшую замужем за инженером. Когда-то она была блистательной красавицей с печальным взором и острым умом, но после 30 лет впала в депрессию. Она заперлась в своем особняке на Греческом проспекте в фешенебельном районе Петербурга Пески. Пять лет она не вставала с постели, страдая расстройством желудка на нервной почве. Врачи все списывали на неврастение, так же как в случае с императрицей Александрой. Лохтина была очень слаба, мало ела и часто плакала.

Распутин ласково разговаривал с больной, сидя у ее кровати. Лохтина была религиозной женщиной, и Распутин убедил ее, что Всевышний всегда рядом и никогда ее не покинет. Впоследствии она говорила следователю, что после бесед Распутина она почувствовала тепло, а душевный кризис закончился, не оставив следов, словно речной туман под теплыми лучами восходящего солнца. Она встала с постели и стала выходить на улицу. Лохтина считала свое выздоровление чудом и сравнивала его с исцелением Лазаря, а своего спасителя — с Богом. Она падала перед Рас-

путиным на колени и называла его «живым Христом». Лохтина стала одеваться только в белое, прикалывая к своей одежде ленточки с цитатами из Библии, она также носила на голове странный белый тюрбан с лентой на лбу, на которой было написано слово «Алилуйя».

На зиму старец вернулся в Покровское, пригласив Лохтину навестить его весной. Дети Распутина подрастали и доставляли ему много радости. Он был хорошим отцом. Долгими вечерами вся семья сидела у печи, и Распутин, посадив детей на колени, рассказывал им об огромных реках, восточных городах и базарах, а также о странствующих паломниках, чью участь он разделил. Об этих рассказах вспоминала дочь Распутина Мария. Понизив голос до шепота, он рассказывал о посетившем его видении Пресвятой Богородицы, а затем осенял детей крестным знамением. Он часто молился в подземной часовне, в которой развесил иконы, подаренные ему петербургскими почитательницами. Детям молитвы казались утомительными, но они очень любили гулять с отцом морозными сибирскими днями.

Распутин гордился маленьким Дмитрием, который прекрасно справлялся с лошадьми. Они часто катались в санях, запряженных тройкой лошадей.

7 декабря 1905 года в Москве вспыхнула всеобщая забастовка, и жизнь в городе остановилась. Охваченные паникой москвичи побежали в банки и сняли со счетов около двух миллионов рублей золотом. 9 декабря в рабочих кварталах и на главных улицах стали возводить баррикады. В то время там находился Максим Горький, писавший, что «все принимали участие в радостном труде, от респектабельных господ в дорогих пальто до прислуги и швейцаров». Всеобщее презрение к царю, которого в народе называли «Николаем Кровавым», заставило на время забыть о классовых различиях. Специальные боевики стреляли по солда-

там из «бульдогов» (так называли браунинги). Генерал-губернатор Москвы устроил командный пункт на звоннице Страстного монастыря и подтянул артиллерию, чтобы уничтожить баррикады, в то время как пулеметчик на звоннице стрелял по восставшим, которым пришлось отступить в бедные районы на Красной Пресне.

Семеновский гвардейский полк под командованием полковника Г. А. Мина был в срочном порядке переброшен из Петербурга в Москву, и в ночь на 16 декабря окружил Красную Пресню. Гвардейцам был отдан приказ уничтожать любое здание, где скрывались дружинники, стрелявшие из маузеров и винчестеров. Мин приказал никого не щадить, заявив, что «арестованных на сей раз не будет». Во время штурма Красной Пресни тысяча ее защитников была убита, включая 86 детей. Марк Твен по этому поводу написал: «Если такое правительство нельзя свергнуть ничем, кроме динамита, тогда хвала Господу, что на свете есть динамит».

Армия осталась верной императору и подавляла восстания в городах. Революционные лидеры были арестованы, и посаженный за решетку Троцкий заявил, что «безоружный героизм толпы не смог выстоять против вооруженного идиотизма казарм». Черносотенцы, подстрекаемые священнослужителями и ультраправыми, бегали с ножами и дубинками по еврейским кварталам. В Российской империи было самое многочисленное в мире еврейское население, более 5 миллионов человек, однако из боязни погромов четверть из них эмигрировала, в основном, в США. В 1905 году, во время страшного погрома в Киеве, банкир Александр Гюнсбург кричал озверевшей толпе: «Побойтесь Христа!» Его сильно избили, но ему удалось спастись в находившемся рядом доме британского консула. О пережитых в детстве ужасах писал и Марк Шагал: «Фонари на улицах не горят... Страшнее всего у окон

мясной лавки, где можно видеть еще живых телят в ожидании удара топора. «Еврей или нет?» — спрашивают меня. Мои карманы пусты, ноги обмякли, а они жаждут крови. Моя смерть была бы напрасной. Мне так хотелось жить». Шагал солгал, что он не еврей, и его отпустили.

В Прибалтике беспорядки начались в деревне, где крестьяне восстали против германских баронов, поджигая их имения и учреждая сельские республики. В имении князя Орлова крестьяне облили бензином хвосты чистопородных лошадей и подожгли их. «Сражение в темноте и грязи, оружием, не достигающим цели», — писал британский посол. С одной стороны был самодержец, «маленький человечек с курносом носом, потомок чуждой и не слишком благородной династии», а с другой — «вообще ничего... только полное разрушение». Витте пытался остановить кровопролитие и повлиять на царя, однако Николай был страшно раздосадован вынужденными уступками, которые, по словам великого князя Константина Константиновича, «у него вырвали силой».

По наущению Александры, император хотел вернуть все на прежние места. Он осмелел после успеха реакционных сил и виселиц и расстрелов, на которые не скупился министр внутренних дел Петр Дурново, считавший, что государь должен быть «грозным, но милосердным; прежде всего грозным, а потом уже милосердным». Забастовка железнодорожников захлебнулась, штрейкбрехеры стали работать на почте и телеграфе, а промышленники настолько осмелели, что уволили бастовавших рабочих. Казаков и бывших солдат нанимали для защиты имений. Либералы, протестовавшие летом против применения плеток, сейчас требовали расстрела радикалов.

В письме к матери 1 декабря Николай сообщал, что все больше и больше людей требуют от него решительных мер, «что является очень хорошим знаком».

Витте удалось добыть у Франции самый крупный заем почти в 3 миллиарда франков под 6 процентов. Это делалось для того, чтобы правительство получило финансовую независимость от избранной Думы, которую так ненавидел Николай.

Однако премьера это не спасло, так как император охотно выслушивал недоброжелателей Витте. Предводитель черносотенцев, доктор А. И. Дубровин, печатавший свои статьи в бульварных газетах, субсидируемых тайной полицией, предупреждал, что «премьер действует под влиянием жидов». Николай также внес свою лепту. 12 января он написал: «Что касается Витте, то после московских событий он радикально изменил свои взгляды и теперь хочет всех вешать и расстреливать. В жизни не встречал такого хамелеона». Это была ложь. Витте не собирался вешать русских крестьян, которых считал «рабами, полностью зависящими от прихоти чиновников, помещиков и сельских старост». В сельской местности прогресс остановился. «Когда дела плохи для овец, плохи они и для пастуха», — предупреждал Витте.

Однако на «пастуха» его слова не произвели должного впечатления, и за день до первого заседания Думы Николай потребовал отставки Витте. «Я сразу же поеду за границу подлечиться. Знать ничего не желаю и буду просто со стороны наблюдать, что здесь происходит. Вся Россия — это огромный сумасшедший дом», — говорил Витте. Сам же Николай не удержался от злых слов в адрес самого способного министра Российской империи: «Пока я жив, не доверю этому человеку даже самой малости. С меня достаточно прошлогодних экспериментов, которые и по сей день кажутся мне кошмаром». Он заменил Витте вечно сонным Горемыкиным.

В начале лета 1906 года Распутин вернулся в столицу и остановился у Сазонова. Он посещал аристо-

кратические салоны и поддерживал связь с сестрами Черногорками. Муж его покровительницы графини Игнатьевой, которая ввела его в высший свет, погиб от рук анархиста. «На террор нужно отвечать террором», — писал Николай. В июле вместо Горемыкина премьер-министром стал Петр Аркадьевич Столыпин, упрямый и жесткий помещик, большой и храбрый, как медведь. Будучи губернатором, он ходил безоружным по деревням Саратовской губернии и убеждал восставших положить на место свои вилы и косы. С революционерами он обращался с презрением, достойным монарха. «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия», — говорил Столыпин.

В сельскую местность были направлены карательные отряды из хорошо вымуштрованных солдат под командованием самых безжалостных офицеров. Бывали случаи, когда из пяти арестованных четырех казнили. Задержанных в течение 48 часов допрашивали, судили и вешали до похорон убитых ими жертв. В то время одетую на шею петлю называли «столыпинским галстуком». Столыпин распустил первую Думу и работал над новым законом о выборах, который бы гарантировал более сговорчивую Думу. Через месяц после назначения на Столыпина было совершено покушение на его летней даче, куда к нему пришли юноша и очаровательная девушка с букетом цветов, в который была заложена бомба. Террористы погибли от своей же бомбы, а вместе с ними еще 31 человек. Столыпину в тот раз повезло, и он уцелел.

На следующий день был убит полковник Мин, командовавший Семеновским полком во время подавления восстания в Москве. Адмиралу Дубасову, генерал-губернатору, удалось спастись, когда брошенная в его карету бомба не взорвалась. Через неделю после убийства Мина с адмиралом, гулявшим в Таврическом саду в Петербурге, заговорил какой-то юноша. Юноша сказал, что адмирал должен быть готов к смерти, вы-

ташил из кармана браунинг, выстрелил и скрылся. Террориста задержали, и Дубасов обратился к Николаю с письменной просьбой о его помиловании. Адмирал не мог забыть «по-детски испуганные глаза молодого человека».

Император ответил, что закон есть закон, и даже он не имеет права вмешиваться в дела правосудия. Однако он это делал, когда речь шла о спасении ультраправых, обвинявшихся в убийстве социалистов и евреев. Витте назвал ответ царя «детским или иезуитским». В том же месяце был убит начальник тюремной администрации.

В уединенных летних дворцах Николаю и Александру убийцы были не страшны. Столыпин приезжал к ним с отчетами на пароходе, единственном относительно безопасном месте, где на него не давили тяготы премьерства, террористы и царские капризы. Столыпин переехал вместе с семьей в Зимний дворец, который охранялся лучше. Несмотря на дурные предзнаменования (взрыв на даче), его единодушно признали «хозяйном положения». Николай говорил: «Не могу выразить словами, как я люблю и уважаю этого человека». И все же Столыпина не спасла ни охрана, ни царская милость.

В июле монаршая чета посетила десять званых вечеров и дважды обедала у Милицы в Знаменке. На всех встречах присутствовали Анастасия и великий князь Николай Николаевич. 18 июля на одном из вечеров присутствовал и Распутин. Эта вторая встреча с императорской четой была зафиксирована дворцовой охраной Спиридовича. Охранка навела обычные справки относительно Распутина, в результате чего выяснилось, что он иногда посещает вечернее богослужение в маленькой церкви между Петергофом и Сергеевкой. Там также любила молиться императрица, которая делала пожертвования в пользу церкви. Охранка дала Распутину кличку «Голубая Рубашка», так как он по-

стоянно ходил в голубых рубашках и крестьянских штанах. Тайная полиция имела обыкновение давать клички людям, которые вызывали у нее интерес. Со всем недавно скромный агитатор с нефтяных промыслов, известный под именем Иосифа Сталина, получил кличку «Рябой». Однако вскоре охранка пришла к выводу, что Распутин не представляет физической угрозы для императорской четы, а умственное и душевное состояние правителей, их полная изоляция и сеансы спиритизма тайную полицию не беспокоили.

Однако даже таких связей, как Милица, для Распутина стало недостаточно. 12 октября обер-церемониймейстер князь Путятин вручил императору письмо от Ярослава Медведя, монаха и бывшего исповедника Милицы. В письме монах говорил о Распутине и просил императора дать ему аудиенцию, во время которой старец хотел подарить императорской семье икону. Николай дал князю распоряжение назначить аудиенцию.

Распутин появился во дворце на следующий вечер. Он принес с собой икону Св. Симеона Верхотурского, написанную на деревянной дощечке в 12 дюймов высотой. Николай угостил Распутина чаем и представил своим детям. Распутин благословил детей, дал им образки и кусочки просвиры. Вел он себя на удивление уверенно и, по русскому обычаю, трижды поцеловал детей, включая и наследника престола. В тот вечер Николай записал в дневнике: «В 18.15 пришел Григорий. Он принес икону Св. Симеона Верхотурского, повидался с детьми и проговорил с нами до 19.15».

После ухода Распутина Николай спросил у Путятина, что он думает о госте. Путятин ответил, что старец кажется не вполне нормальным. Николая такой ответ разозлил и расстроил. Он отвернулся и стал поглаживать бороду и усы, что, как и постукивание пальцами по подоконнику и курение, свидетельствова-

ло о дурном расположении духа, которое государь обычно скрывал за утонченными манерами.

Итак, решающая встреча произошла: Распутин проник в лоно семьи и познакомился с наследником престола. Политический деятель Михаил Родзянко считал, что появление Распутина «ознаменовало начало распада российского общества, падение престижа престола и личности самого царя». Однако все это уже было потом, а в тот момент сестры Черногорки делали все возможное, чтобы их протеже завладел умом императора.

А вокруг происходило много других событий. Начальник Петербургской полиции Ф. В. фон дер Лауниц был застрелен террористом во время церемонии открытия дерматологического отделения Института экспериментальной медицины, где преподавал недавний лауреат Нобелевской премии Иван Павлов. Так как террорист не был опознан, его голову поместили в банку со спиртом, в надежде, что кто-нибудь его узнает. Новый генерал-губернатор Москвы Хоршельман случайно уцелел при очередной попытке покушения. Генералу В. П. Павлову, начальнику военной прокуратуры, который организовывал полевые суды по всей России, повезло меньше. Он отличался жестокостью и не раз получал в свой адрес угрозы. Генерал перестал выходить на прогулки в общественные места и дышал воздухом у себя в саду, огороженном высокими стенами. Неизвестный террорист забрался на ограду, застрелил генерала и скрылся. Хранить верность государю стало делом нелегким.

Мало-помалу двойственная политика реформ и репрессий, которую проводил Столыпин, помогла восстановить стабильность. Волна убийств в деревнях и политического терроризма в городе пошла на убыль. А в это время за столом в императорском дворце говорили совсем о другом: о всевозможных чудесах, видениях и

божьих людях. 9 декабря 1906 года император записал в дневнике: «С нами обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории».

В это время объект их разговоров направлялся на зимовку в Сибирь, а по пути задержался в Волыни. Распутин остановился в доме одной очень религиозной дамы, которую Спиридович называл госпожа О. Об этом ее попросил Феофан, бывший ее духовником. Госпожа О. была красивой блондинкой. Она встретила Распутина на вокзале, и он несказанно ее удивил, расцеловав в губы. Придя в дом, он рассматривал хорошеньких горничных «с вожделением, словно голодный волк». Распутин настоял, чтобы ему показали дом, включая спальню хозяйки, где он уселся на матрас и пожаловался, что он слишком жесткий. Госпожа О. объяснила, что таким образом она умертвляет свою плоть. «Пустая трата времени», — рассмеялся Распутин.

Затем он стал настойчиво спрашивать, не хочет ли госпожа О. исповедаться. Дама отказалась, заявив, что Распутин не является священником и не может ее благословить.

— Послушай. Зато я могу доставить женщине удовольствие, — неожиданно заявил Распутин.

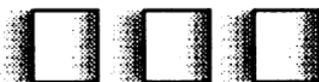
Перепуганная хозяйка выбежала из комнаты. Распутин последовал за ней и, казалось, сожалел о своих словах. Затем он предложил госпоже О. стать его «духовной дочерью» и поехать вместе в Покровское.

— С какой стати, — ответила госпожа О. — Насколько мне известно, там нет святых мест.

Распутин нахмурился и изменил тактику. Он стал рассказывать о сестрах Черногорках, их мужьях, о великих князьях и княгинях, называя их «Стана», «Милица», «Петрушка» и «Николашка». Госпожа О. заметила, что он мог бы говорить более уважительно о таких высокопоставленных особах.

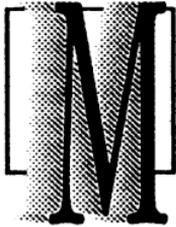
— А какой мне от этого толк? — поинтересовался Распутин.

Чтобы завлечь госпожу О., Распутин послал Милице в Петербург телеграмму, где говорил, что нашел «женщину своей мечты». Однако на госпожу О. это не произвело впечатления. В ее госте было слишком мало святости, подобающей старцу. Он много пил, а его поведение за столом было просто отвратительным. Кроме того, он был настолько ленив, что не ходил в местный Почаевский храм. Когда Распутин наконец уехал в Покровское, госпожа О. облегченно вздохнула.

Глава восьмая

НАСЛЕДНИК

Милица хотела узнать первой, когда Распутин вернется в столицу, и поэтому регулярно звонила Сазонову. Божий человек покинул Сибирь в начале марта, и Милица сразу же пригласила его в свой особняк на Английской набережной. Она хотела представить Распутина очень важной особе, молодой женщине, фрейлине императрицы.

Анна Танеева была дочерью директора личной Императорской канцелярии. «Обычная глупенькая петербургская дама, которая, к тому же, безобразна и бесформенна, как тесто, да еще и банальна. Ее угораздило влюбиться в императрицу, на которую она смотрит полными обожания глазами и вздыхает», — писал о ней Витте. Что и говорить, безжалостный портрет. «Розовощекая, пухлая, вся в пушистых мехах...» На самом деле у Анны был определенный шарм, и она хранила верность тем, кого любила. Несмотря на то, что она порою бывала слишком приторной и сентиментальной, даже ее недоброжелатели признавали ее исключительную

доброту. Однако больше всего в ней поражала невероятная глупость. Анна имела привычку повторять за собеседником все, что он ей говорил, и такой разговор напоминал «общение с граммофоном».

В 1902 году, когда Анне было 17 лет, она стала особенно религиозной. Она заболела брюшным тифом и находилась в крайне тяжелом состоянии. Кто-то из знакомых сказал ей, что люди, верящие в чудодейственную силу молитв Иоанна Кронштадтского, излечиваются от болезней, и Анна попросила родителей пригласить священника. «Находясь в полубессознательном состоянии, я вдруг почувствовала, что в комнату вошел отец Иоанн и приблизился к моей постели. Он прочел благодарственную молитву и положил мне на грудь свою епитрахиль. Когда молебен закончился, он взял стакан с водой, благословил его и, к ужасу врача и сиделки, вылил его на меня. Сиделка бросилась меня вытирать, а я сразу же уснула. На следующий день жар спал, ко мне вернулись силы, и я стала выздоравливать», — вспоминала впоследствии Анна.

Отец Анны сообщил об этом чуде императрице, которая тут же навестила больную и принесла ей цветы. На следующий год та стала фрейлиной Александры Федоровны. Летом, когда Анна жила с родителями в Петергофе, она снова заболела, и императрица принесла ей бутылку со святой водой из источника Св. Серафима. Вскоре после Кровавого воскресенья Александра пригласила ее в Царское Село и подарила сувенир, медальон с серым камнем в форме сердца, обрамленным бриллиантами. Анна также получила приглашение сопровождать императорскую семью во время осеннего круиза в Финляндию на яхте «Штандарт». Во время путешествия их дружба с императрицей окрепла. Они играли дуэтом на фортепьяно и пели. Александра рассказывала Анне о своем детстве, о Виндзорском замке и королеве Виктории, а также о холодном приеме, который ей оказал двор по приезду в Россию.

Когда они сошли на берег, Николай сказал: «Теперь вы всегда будете сопровождать нас в путешествиях». Он был рад, что у Александры появилась компаньонка, которая может развеять ее меланхолию.

В 1906 году Анна появлялась во дворце не менее двух раз в неделю, а затем она снова сопровождала императорскую семью в круизе вдоль берегов Финляндии. «Во время путешествия императрица мне жаловалась, что, кроме семьи, у нее нет друзей и она чувствует себя здесь чужой и одинокой. Ее слова нас сблизили, и я стала смотреть на нее, как на мать», — говорила Анна. Вскоре люди из Охранного отделения заметили, что Анна постоянно находится в обществе императрицы. Они «вместе занимались пением, читали и подолгу оставались наедине».

Спиридович считал, что «императрицу немного раздражало», что Анна была незамужем. В течение пяти лет после Кровавого воскресенья Николай и Александра не появлялись на людях в Петербурге. Монаршая чета стала походить на какие-то призрачные фигуры, и по городу поползли слухи о лесбиянстве. Александра предполагала выдать Анну замуж за генерала Орлова, которого злая молва считала отцом царевича. Однако генерал был занят подавлением мятежей в Прибалтике, а кроме того, Анна считала, что он для нее слишком стар. И все же ей пришлось, скрепя сердце, согласиться на брак с морским лейтенантом Александром Вырубовым.

Этот брак заключался не по любви. Корабль Вырубова был затоплен японцами во время Цусимского сражения, и теперь он страдал приступами дурного настроения, много пил и играл в карты. Милица понимала, что Анна приняла его предложение только по настоянию Александры, так как перспектива замужества ее пугала. Милице и Анастасии не терпелось использовать влияние молодой женщины на императрицу, и они ухватились за нее мертвой хваткой. У них

был общий интерес к мистицизму. Милица давала Анне книги на русском и французском языках. Названия двух из них Анна запомнила: «Старчество» и «Сказания о святых отцах», в которых говорилось о людях, ставших пророками, благодаря праведной жизни. Вполне естественно, что Анна легко поддалась влиянию Распутина, которого ей уже описала императрица. Милица пригласила ее на Английскую набережную для встречи со старцем. Это было 17 марта, за шесть недель до замужества Анны.

Милица встретила ее в гостиной одна и в течение часа вела разговоры о том, «что некоторые люди наделены свыше даром пророчества». Анна сгорала от нетерпения увидеть настоящего старца. Милица озадачила ее, сказав, что не надо удивляться, если она поцелует Распутина. «Спрашивай его, о чем только захочешь, он будет молиться за тебя и просить для тебя у Господа всего, чего ты желаешь».

Вскоре лакей доложил о прибытии гостя. В комнату с небрежным видом вошел человек в крестьянской одежде и трижды поцеловал княгиню. Он был худ, с бледным лицом и черными волосами и бородой. Анне он показался пожилым, хотя ему тогда было 38 лет. Ее поразили глубоко посаженные, пронзительные глаза старца, которые, казалось, проникали в душу и мысли человека.

Распутин быстро ходил по комнате, задавая обрывочные вопросы личного характера. «Он спросил меня о роде занятий и о том, где я живу. Я очень переживала из-за предстоящего замужества, так как знала своего жениха совсем мало, и поэтому спросила Распутина, следует ли мне выходить замуж. Он ответил, что советует мне выйти замуж, но брак будет несчастлив», — вспоминала Анна. Их разговор продолжался минут 20, после чего Анна покинула дом Милицы.

30 апреля 1907 года в Царском Селе состоялась свадьба Анны. Николай и Александра присутствовали

на венчании. Это была большая честь, которую, впрочем, не оценил находившийся там же командующий флотом адмирал А. А. Бирилев. «Императрица рыдала, словно купчиха, выдающая замуж свою дочь. Было бы куда приличней, если бы она дождалась конца церемонии и лила слезы в одиночестве», — писал Бирилев своему другу Витте. Как положено по обычаю, новобрачная поцеловала руку императору и императрице. Бирилев отрицал слухи о лесбийской любви между императрицей и Анной, считая, что в данном случае речь идет о любовном треугольнике, состоящем из обеих женщин и генерала Орлова. «Черт его знает, какая грязь скрывается за всем этим», — говорил Бирилев. Он продолжал развивать свою теорию, когда Орлова направили в Египет и тот умер в пути. Бирилев считал, что это было сделано для того, чтобы не подвергать дальнейшему унижению венценосного рогатосца. «Очевидцы мне говорили, что императрица и Анна ходили на могилу генерала, возложили цветы и долго плакали», — утверждал Витте.

Церемония бракосочетания была печальной, невеста казалась расстроенной и встревоженной, а расстроенные нервы жениха не могла скрыть напускная офицерская бравада. Первая брачная ночь закончилась полнейшей катастрофой. В распоряжение новобрачных был предоставлен императорский поезд, на котором они отправились в Петербург. Вырубов напился в стельку. Анна вспоминала, что когда они удалились в свое купе, разгоряченный водкой Вырубов стал вести себя очень грубо. «Не считаясь с моими чувствами и святостью брачных уз, он фактически меня изнасиловал, — свидетельствовала она впоследствии. — Однако он был так пьян, что его намерения не соответствовали его возможностям». Потрясенная, дрожащая от отвращения Анна отказалась от дальнейших отношений. «Я только хотела, чтобы он поскорее ушел и оставил меня в покое. Только бы его никогда не видеть снова».

Брачные отношения между Вырубовым и Анной так и не совершились. Сплетни о любовном треугольнике с Орловым и императрицей также оказались выдумкой. Через несколько месяцев после смерти Распутина, когда Анну обследовал врач, она оказалась девственницей. После свадьбы она получила фамилию «Вырубова», под которой она и стала скандально известной, а кроме того, приобрела еще большее влияние на императрицу.

Александра чувствовала себя ответственной за физические и моральные страдания, которые пришлось перенести Вырубовой, так как именно она настояла на этом браке. Вырубов бил свою жену, и вскоре он получил новое назначение и уехал из Петербурга. В августе, во время очередного круиза на императорской яхте вдоль финских берегов, неудавшаяся жена выплакивала свои горести императрице: «Я никогда к нему не вернусь».

Она также вспомнила о предсказании Распутина, которое в точности сбылось.

По словам Вырубовой, Распутин вел постоянную борьбу за внутреннее благочестие. Живя в столице на квартире у Сазонова, он молился в одиночестве. Этим же он занимался и в летнем домике журналиста, в Харьковской губернии. «Когда Распутин приезжал на дачу, слуги рассказывали, что он не спал по ночам и молился. Однажды дети увидели его в лесу, где он читал молитвы. Рассказы детей дошли до жены одного генерала, которая слышала о Распутине только плохое. Она пошла с детьми в лес, и хотя прошло уже более часа, Распутин все еще был в лесу, погруженный в молитвы», — писал Сазонов.

Однако соблазны окружали старца со всех сторон. Сазонов снискал расположение влиятельных членов Союза русского народа и их жен. Благочестивый крестьянин был идеальной приманкой для богатых реак-

ционеров и пресыщенных аристократов. Витте, прекрасно знавший Сазонова, говорил, что он «обращался с Распутиным, как смотритель музея с диковинным заморским экспонатом». Толпы любопытных светских дам приходили на квартиру Сазонова, чтобы взглянуть на старца. Некоторые из них жаждали осуществить с ним «очищение, через грех». В те времена светские дамы стали все чаще демонстрировать свою независимость, появляясь без сопровождения в ресторанах и театрах.

Успех Распутина у молодых и образованных женщин Спиридович объяснял также засилием модных романистов, будораживших умы своих читателей рассказами о примирении духовного с плотским. Нашумевший роман Лидии Зиновьевой-Аннибал «33 мерзости» начинался с рассказа лесбиянки, любовницы главной героини. Гомосексуализм также входил в моду. В книге «Крылья» откровенно описываются отношения пожилого человека и юноши. Много внимания писатели уделяли и кровосмесительным связям. Герой романа «Санин» большую часть книги пытается соблазнить собственную сестру. «Если я захочу, то буду принадлежать дьяволу!» — восклицает сестра Санина, в то время как ее брат с вожделением смотрит на обнаженное тело девушки в окно. Автор романа считал плотские наслаждения самоцелью, так как «концепции разврата и добродетели подобны увядшим листьям, покрывающим свежую траву». Повсеместно открывались секс-клубы с весьма недвусмысленными названиями, такими как «Догоревшая свеча» или «Лига свободной любви». В Ивановской башне мистик-декадент Вячеслав Иванов ложился спать в 8 утра и завтракал в половине восьмого вечера, посвятив свою жизнь возрождению культа Диониса.

Все это не было забавой (три персонажа романа «Санин» покончили жизнь самоубийством), а литературный фатализм и постоянный поиск наслаждений

привели к наплевательскому отношению к жизни и моральным ценностям.

Все — трын-трава! И какая разница, если святой старец Сазонова окажется мошенником? Ну и что, если он отвратителен и низок? Это лишь усиливало азарт и тягу к опасным приключениям.

— Я? Ни в коей мере! — ответила французскому послу одна дама, когда тот спросил ее, считала ли она старца обаятельным человеком. — Он вызывает у меня физическое отвращение, со своими грязными руками и черными ногтями... Ах! И все же, должна признать-ся, он меня забавлял. У него великолепное воображение, а временами он бывает очень красноречив... он обладает глубоким пониманием таинственного и загадочного. Он может быть фамильярным, насмешливым, неистовым, веселым, нелепым и поэтичным. И при всем этом, в нем нет и тени притворства. Наоборот, полное отсутствие манерности в сочетании с поразительным цинизмом».

Когда под рукой не было подходящей дамы из круга Сазонова, с которой можно было уединиться либо у нее дома, либо в квартире Лохтиной, Распутин не гнушался уличными женщинами. В Санкт-Петербурге на каждые 150 человек приходилось по полицейскому, на каждые 75 — по торговцу и на каждые 30 — по проститутке. Две трети мужчин и некоторые дамы охотно пользовались их услугами. Торговцы белыми рабами в Одессе поставляли девушек со всех уголков Российской империи в столичные бордели, которые реформаторы называли «тюрьмами для сексуальных рабынь». Автор «Детей улицы» пришел в ужас, когда две девочки, которым не было и 12, предложили ему «извращенный секс» по цене 5 рублей за вечер. Некоторые проститутки, отличавшиеся красотой и особыми умениями, зарабатывали по 700 рублей в месяц; большинство из них зарабатывали по 40 рублей, что в три раза превышало жалование модистки. В зависимости

от имеющихся у него средств, Распутин пользовался услугами проституток до самой своей смерти.

Однако он был осмотрителен и старался сохранить ауру благочестия перед своими религиозными приверженцами. Он не любил ходить в церковь и делал это только по необходимости и с большой неохотой. Распутин презирал большую часть служителей церкви, называя наиболее известных священников «собаками». Однако он был учтивым и вкрадчивым с теми, кто представлял для него важность. Он часто посещал Академию богословия и изо всех сил старался поддерживать отношения с ее ректором Сергием, энергичным блондином, восходящей звездой российского богословия, а также с блистательным лектором-монахом Вениамином, который тоже был мистиком. Не забывал он и своих первых покровителей, Феофана и Гермогена. Все они имели влияние на императрицу.

Александра была изнурена пятью беременностями и постоянной тревогой за сына. Сестра императора Ольга писала: «его рождение, которое должно было стать самым счастливым событием в жизни Ники и Аликс, стало их тяжким крестом». Алексей рос подвижным мальчиком. Пьер Жильяр, воспитатель-швейцарец, обучавший императорских дочерей французскому языку, видел, как мальчика возили на санные прогулки в парке. Иногда он бегал по коридорам и врывался в класс, где занимались его сестры. Потом, по словам Жильяра, он надолго исчез, а во дворце воцарилась напряженная и мрачная обстановка, и сестры наследника были грустны. Когда Жильяр спросил у них, что случилось, девушки уклончиво ответили: «Алексей Николаевич нездоров». Великий князь Александр Михайлович говорил, что его кузен император постарел на десять лет, когда узнал, какой диагноз поставили сыну врачи. «Жизнь потеряла для его роди-

телей всякий смысл, и встречи с ними были похожи на визит в дом, где находится покойник».

Александра держала болезнь сына в тайне, считая, что люди не должны об этом знать. Когда у ребенка начинались кровотечения, она не отходила от его кровати и утешала, как могла. Мальчик плакал от боли, под глазами у него появлялись темные круги, а на коже черные синяки. Жильяру никто не говорил, какой болезнью страдает царевич Алексей, но он обо всем догадался сам. Однажды царевич упал со стула и ушиб ногу. На следующий день он не мог ходить, а опухоль, вызванная кровоизлиянием, распространилась по всей ноге. Жильяр застал императрицу у постели сына, где она провела бессонную ночь. С жалобным стоном царевич Алексей положил голову на колени к матери, его маленькое личико было мертвенно бледным, и сейчас он совсем не походил на живого красивого мальчика с золотистыми кудрями и серо-голубыми, как у матери, глазами, которого привык видеть Жильяр. Временами он переставал стонать и тихо шептал: «Мамочка». Александра нежно целовала его глаза, волосы, лоб, как будто ее поцелуи могли облегчить страдания ребенка и восстановить покидавшие его силы. Когда Жильяр догадался, что царевич болен гемофилией, он понял всю боль, которую испытывала императрица. Глядя на мучения сына, она страдала вдвойне от мысли, что сама является носителем этой передающейся по наследству болезни. «И тогда я понял тайную трагедию ее жизни», — писал Жильяр.

Однако русский народ не испытывал сочувствия к императрице. Не считая ежегодных круизов в Финляндию и отдыха в Крыму весной и осенью, Александра почти безвыездно находилась в Царском Селе. За высокой железной оградой парка было два дворца. Один из них, построенный и названный в честь Екатерины Великой, был большим и просторным, а по красоте и

роскоши мог соперничать с Версалем. Александра и Николай предпочитали жить в более скромном, двухэтажном Александровском дворце с классическим фасадом и светлыми, коричневато-желтыми стенами. В центральной части здания, поддерживаемой колоннами, находились залы для торжественных приемов и танцевальный зал, которым пользовались крайне редко. Царская семья жила в одном крыле, а придворные — в другом. Территорию вокруг парка и сам парк круглосуточно охраняли казаки, а во дворце, в коридорах и на лестницах, на кухне и в кладовых, стояли гвардейцы полка Его Величества. Полицейские агенты Спиридовича охраняли входы и выходы, обыскивая всех посетителей, торговцев и слуг и сравнивая их с фотографиями известных террористов и вольнодумцев.

В покоях императрицы доминировал розовато-лиловый цвет. Ковры, портьеры, подушки, рамки фотографий в ее будуаре были розовато-лиловыми, как и цветы (сирень, фиалки, орхидеи), которые ежедневно присылались с Французской Ривьеры. Каждый сезон она покупала в Париже у Пакена и Уорта по 50 новых туалетов, но одевала их очень редко, отдавая предпочтение платьям с облегающим лифом и пышной юбкой, кремового или лилового цвета, аляповато украшенные кружевами. От императрицы исходил аромат духов «Роз бланш» и французских сигарет. Каждый год Николай пополнял ее коллекцию бриллиантовых украшений новым творением Фаберже. С повседневной одеждой она носила пресноводный жемчуг, а по торжественным случаям одевала на себя такое количество украшений с бриллиантами, что тетушка императора Мария язвительно заметила: «У нее вкус, как у парвеню». Спальня с двойной кроватью была устлана лиловыми коврами. Одна из дверей спальни вела в маленькую часовню, освещаемую лампадами. Через вторую дверь можно было пройти в ванную, где верная викториан-

скому воспитанию Александра приказала закрыть покрывалом ванну и туалет.

Кроме Вырубовой, императрицу посещали немногие, и она сконцентрировала все внимание на своей семье, больном сыне и царском троне, который должен был перейти к нему по наследству. Высший свет вел себя по отношению к Александре крайне недоброжелательно. Когда императрица попыталась организовать кружки по шитью, чтобы шить одежду для бедных, ее осмеяли, сказав, что она ведет себя как супруга английского викария. Александра дала разрешение на организацию благотворительного базара в Эрмитаже, но другие дамы, также занимавшиеся благотворительностью, ей завидовали, а владельцы магазинов жаловались на несправедливую конкуренцию. Один англичанин писал, что Александра имела слишком викторианское воспитание и вела себя слишком по-английски. Он считал, что «непопулярность императрицы объяснялась тем, что ей не хватало театральности. Театральность так глубоко пустила корни в русском характере, что порою создается впечатление, что русские проигрывают свою жизнь, как на сцене, а не просто живут. Императрице же все это было крайне чуждо». Придворные и социалисты находили ее слишком важной и чопорной, а она, в свою очередь, считала их неискренними и насквозь фальшивыми. Когда ей предлагали с кем-либо познакомиться, она отвечала: «Зачем? Чтобы услышать очередную ложь?»

Живая и энергичная Россия, жившая за пределами затхлого двора, в расчет не бралась, хотя монаршая чета утверждала, что «превыше всего ценит в народе простоту и искренность». Глеб Боткин, сын их личного врача, заметил, что, «сами того не замечая, они ценили людей в зависимости от того, какие у них были манеры и как точно они выполняли правила этикета, которые часто не имели никакого значения». Их сын

знал правила этикета уже в четыре года. Как-то раз мать Боткина встретила его у входа во дворец и обратилась к нему со словами: «Как поживаете, Ваше Высочество?» Мальчик сердито нахмурился и отвернулся. Он уже знал, что никто не смеет обращаться к нему первым.

День Александры был размеренным и скучным. Завтракала она поздно, съедая обычно яичницу с ветчиной и выпив хорошо заваренный чай. Она редко вставала до полудня, подолгу читала в кровати и писала письма. Перед ленчем она прогуливалась со своим шотландским терьером, который славился тем, что хватал людей за ноги. К еде и вину императрица была равнодушна. Будучи экономной, она продавала ненужные платья на рынке подержанных вещей, предварительно заменив перламутровые пуговицы на стеклянные. Корреспонденцией она занималась днем, перед прогулкой в черном ландо или императорском автомобиле «Деланэ-Бельвилля». После официального обеда она часто слушала музыку или играла на фортепьяно вместе с Вырубовой. Ее любимым композитором был Вагнер. В 11 вечера они вместе с императором пили чай, а затем шли в спальню и занимались любовью, так как в их отношениях сохранилась прежняя страсть. Иногда Александра читала на ночь.

Любое мероприятие, будь то прием или выезд в театр, было для императрицы настоящей мукой, и она всячески пыталась этого избежать. Сезон в Санкт-Петербурге продолжался с Рождества до Великого Поста. Посреди покрытой льдом Невы приехавшие из Финляндии лопари предлагали прокатиться в запряженных оленями санях. В Зимнем цирке публику приводила в трепет укротительница крокодилов, которая клала свою голову в пасть мерзкой рептилии. Залы, где проводились «белые» балы для незамужних девушек, были украшены розами и корзинами с нарциссами и сиренью. А на улице одетые в тулупы извозчики рассказывали друг другу новости, ожидая, когда одетые в

шубы девушки рассядутся после бала по каретам. Люди часто видели карету вдовствующей императрицы. Маленькую женщину в черном платье охранял от злоумышленников один-единственный высокий бородастый казак, ехавший на подножке кареты.

Николай и Александра нигде не появлялись. Бальные залы Зимнего дворца пустовали, а императорские кареты никуда не выезжали, Впервые за многолетнюю историю царь не вышел освятить невскую воду на Крещение. В результате его обвинили в эпидемии холеры, вспыхнувшей летом. В Неве было полно вирусов, и суеверные люди объясняли это тем, что царь не «очистил ее воды». Обществу не хватало императора и императрицы, и их отсутствие объясняли высокомерием и истеричностью Александры.

Сама же императрица считала, что с нервами у нее все в порядке, а страдает она совсем от других болезней, таких как радикулит и боли в груди. Вот что она писала своей подруге в Германию: «Если тебе станут говорить о моих нервах, не слушай, они такие же крепкие, как всегда. Все дело в уставшем сердце и больном теле. С нервами же все в порядке. Очень сильные головные боли, я не ходила на прогулки три года. Не хватает дыхания и ужасно болит сердце». Однако остальные не разделяли уверенности императрицы. Ее горничная Мадлен Цанотти считала, что Александра страдает истерией. «Когда императрица находилась в кругу близких людей, она всегда хорошо себя чувствовала и никогда не жаловалась на сердце, — отмечала Цанотти. — Но как только ей что-нибудь не нравилось, она тут же начинала жаловаться. Уверовав, что у нее больное сердце, императрица большую часть дня проводила лежа на софе».

Первый успех Распутина во дворце объясняется тем, что он сумел успокоить императрицу. Кроме того, он прекрасно поладил с ее детьми.

Он любил общаться с молодежью, а они, в свою очередь, были очарованы рассказами старца и играми, которые он для них придумывал. Распутин никогда не разговаривал с детьми покровительственным тоном. Впоследствии племянница одного из императорских врачей вспоминала, как он «обучал ее прекрасным словам молитвы и терпеливо объяснял, что никогда не следует рвать цветы, так как насильственно отнимать жизнь — это жестокость».

В течение 1907 года он регулярно наносил неофициальные визиты во дворец, называя императора «ба-тюшкой», а императрицу «матушкой». При встречах и прощаниях он по-русскому обычаю обнимал их и трижды целовал. При дворе «их окружали лжецы и притворщики», вот почему их так очаровал «истинно русский крестьянин», которого они представили своим детям.

Сестра императора Ольга вспоминала, как в конце лета брат спросил ее: «Не желаешь ли познакомиться с русским крестьянином?» Они прошли в светлую, обитую ситцем детскую, находившуюся на первом этаже. «В компании Распутина дети чувствовали себя удивительно непринужденно, — писала великая княгиня Ольга. — Я до сих пор помню, как маленький Алексей, изображая кролика, прыгал по комнате. И вдруг Распутин взял ребенка за руку и отвел в спальню, где тот стал читать молитвы вместе со старцем».

Затем великая княгиня Ольга пила чай в обществе Распутина и императрицы. Его откровенные вопросы довели ее до бешенства. «Он спрашивал, счастлива ли я, люблю ли своего мужа и почему у меня нет детей. У него не было права задавать подобные вопросы». В то время великая княгиня собиралась разводиться с мужем, и подобный допрос ее шокировал, тем более что Александра, несмотря на некоторую неловкость, и не думала вмешиваться. Ольга с радостью покинула дворец, благодаря небо за то, что дерзкий крестьянин

не последовал за ней на железнодорожную станцию и не попытался забраться в ее личный вагон. Великая княгиня чувствовала, что брат и его супруга надеялись, что Распутин ей понравится. Однако этого не случилось. И все же впоследствии она вспоминала, что «этот человек излучал тепло и доброту, когда общался с детьми». Это произвело на великую княгиню Ольгу большое впечатление.

Осенний визит Распутина совпал с очередным кровотечением у царевича. Распутин прибыл вскоре после того, как мальчик начал выздоравливать, и присел у его постели. «Всем стало известно, что после того, как Григорий обследовал ребенка и помолился, кровотечение прекратилось», — писал Спиридович.

— Успокойтесь. Ваш сын будет жить, а когда ему исполнится 20 лет, болезнь пройдет, не оставив и следа, — обратился старец к обрадованным родителям.

Придворный врач передал предсказание Распутина начальнику охраны, а сам он узнал о этом лично от императора. Директор Императорских театров В. А. Теляковский рассказывал несколько иную версию. Художник Коровин спросил его, кто такой Распутин. Директор ответил, что это весьма странный тип, которого отвели к больному царевичу. Когда Распутин подошел к царевичу, тот рассмеялся... Засмеялся и старец. Он дотронулся до больной ноги ребенка, и кровотечение почти сразу же прекратилось.

— Славный малыш, — сказал Распутин. — Тебе станет лучше, но одному Господу известно, что будет завтра.

По словам Теляковского, после этого императорская чета стала считать Распутина святым.

Врачи, лечившие царевича, не могли объяснить случившееся. Однако некоторым специалистам было известно, что в результате потери крови и истощения кровяное давление снижается и кровотечение останавливается. Это случается внезапно, когда кризис дости-

гает наивысшей точки, и улучшение становится сразу же заметным. В том, что Алексей был до сих пор жив, не было ничего чудесного. Несмотря на то, что врачи в то время мало знали о гемофилии, страдающие ею люди доживали до зрелого возраста, перенося частые кровотечения. Возможно, приезд Распутина совпал с периодом естественного самоизлечения организма.

Потрясения и стрессы усиливают кровотечение, и возможно, что это тоже сыграло свою роль. Распутин инстинктивно чувствовал людей, находившихся в состоянии стресса. Они же, в свою очередь, сразу чувствовали его уверенность в себе. Он обладал проницательностью и особым обаянием, или харизмой, а его присутствие имело успокаивающее действие на людей. В ряде случаев он успешно лечил истерию, мигрень и головные боли, вызванные другими причинами, у взрослых. Во время лечения Распутин бледнел, покрывался потом и дрожал всем телом, а потом находился в состоянии полного изнеможения. Такое явление, когда после исцеления больного у самого целителя наблюдается полный упадок сил, как моральных, так и физических, никак не объясняется. Однако у Распутина это повторялось достаточно часто, начиная с юных лет, проведенных в Сибири, а потом в Киеве, Царицыне и Санкт-Петербурге.

Все это происходило на глазах у беспристрастных, а порой и враждебно настроенных очевидцев, таких как сестра императора великая княгиня Ольга и начальник канцелярии Александр Мосолов. Вот почему нет причин сомневаться, что все это действительно имело место. Ясно и то, что Распутина использовали в качестве приманки для императорской четы. Однако во время своего первого посещения царевича он вел себя доброжелательно и естественно. Чувство симпатии, которое царевич испытывал к Распутину, инстинктивное успокоение от молитв, а также тот факт, что в присутствии старца озабоченность императрицы про-

ходила, позволяли ребенку расслабиться, в результате чего кровотечение прекращалось.

Однако у Александры было более простое объяснение. Распутин искал помощи у Господа и получил ее. «Императорская семья верила, что улучшением здоровья царевича Алексея обязана молитвам Распутина. Верил в это и сам царевич Алексей», — писала Анна Вырубова.

А в это время божий человек занимался далеко не праведными делами, устраивая кутежи и соблазняя женщин в квартире Лохтиной. Спиридович сделал запись о его связи с некой Еленой, фамилию которой начальник охраны из деликатности не назвал. Возможно, это была 26-летняя Елена Тимофеева, добрейшее создание с «изумительными серыми глазами». Одурманенная чарами старца, она разорвала свою поmolвку. Сначала она пыталась сопротивляться домоганиям Распутина, однако его поклонницы сделали все возможное, чтобы старец овладел девушкой. «Если какая-либо женщина не хотела сдаваться добровольно, ее к этому вынуждали», — отмечал Спиридович. Намеченную жертву выманивали из дома и приводили в компанию, где присутствовал Распутин. Затем все неожиданно удалялись, оставляя ее наедине со старцем.

— Возможно, именно в квартире Лохтиной он лишил Елену невинности, — писал Спиридович. — Жизнь этой девушки была разбита. Она стала подчиняться Распутину, словно рабыня, повсюду следуя за ним, как зачарованная. Когда Распутин показал ее юродивому Мите, карлик пробормотал: «Доброе утро, матушка-настоятельница!» Когда Распутин покинул Елену, она ударилась в религию и раскаялась. Затем она постриглась в монахини и умерла, — завершил свой рассказ Спиридович.

Всю осень Распутин развлекался со своими богатыми почитательницами. Он валялся в постели вместе

с матерями семейств и их дочерьми, искушая плоть ради укрепления духа. Его интересовали лишь хорошенькие и молодые женщины. Когда какая-нибудь пожилая поклонница Распутина выражала желание очиститься с помощью греха, он кричал: «Пошла прочь, старая карга!» Некоторых он брал с собой в баню для «рвения и страсти». Эти походы нельзя путать с посещениями бани в обществе проституток. «Хотя их финал мог быть одинаковым, цели преследовались совершенно иные, — отмечал Спиридович. — Если Григорию хотелось посмотреть на обнаженных женщин, идти в баню для этого было совсем не обязательно, так как в столице имелось достаточно частных квартир, где он мог получить желаемое».

Распутин менял свои методы, в зависимости от того, с кем он имел дело, совершенно точно зная, как далеко он может зайти. «Некоторых он заманивал в постель, но зато с другими был образцом ангельской добродетели». В общении с Черногорками, а тем более с Николаем и Александрой, он представлял собой само целомудрие и благообразность.

Когда Распутин отправился зимовать в Покровское, поклонницы щедро одарили его деньгами. Он пожертвовал 5 тысяч рублей на ремонт церкви и начал строить новый дом для себя. Это был самый богатый и красивый дом в деревне, двухэтажный, с двойными стенами и высокими светлыми комнатами с видом на реку. Окна с двойными рамами были богато украшены резьбой. Красивые муслиновые портьеры скрывали от любопытных глаз то, что происходило в комнатах, и это придавало дому солидный буржуазный вид. Казалось, что его владельцем был процветающий и респектабельный местный мельник. Распутин огородил участок перед домом, что создавало впечатление уединенности. Крыша была сделана из гофрированного металла, металлические трубы заменили обычные отверстия, ка-

кие были в соседних избах. Внутри дом украшали ковры, фарфор, вазы для фруктов и иконы. В двух спальнях для гостей Распутин мог «испытывать плоть» вместе со своими гостями.

Однако он ревностно следил за тем, чтобы ни одна женщина не попала в поле зрения Феофана, когда тот весной 1908 года в течение двух недель гостил у Распутина. Он с гордостью показал священнику новый дом и отвел его в свою старую часовню под амбаром, где они вместе молились. Феофан укрепился в своем высоком мнении о старце, когда они отправились в Саров, чтобы помолиться мощам Св. Серафима. Распутин сопровождал Феофана только до Нижнего Новгорода, так как у него были веские причины не появляться в Сарове, где еще была свежа память о соблазнении девиц в бане, которое имело место 4 года назад. Настоятельница Саровского монастыря кипела от ярости, когда Феофан рассказывал ей о благочестии Распутина. Она с силой вонзила вилку в пол со словами: «Вот что нужно сделать с вашим Распутиным!» Однако Феофан не обратил внимания на гнев настоятельницы и по возвращении написал императору и императрице благоприятный для Распутина отчет.

Глава девятая ПОСРЕДНИЦА

В

начале лета 1908 года Распутин возвратился в столицу. Выглядел он прекрасно, «самоуверенный, богато одетый в крестьянском стиле, в высоких лакированных сапогах». Он без стеснения хвастался знакомством с Черногорками и их мужьями, когда был трезв, а в пьяном виде позволял себе говорить в фамильярном тоне об императоре и императрице. Все это, а также одобрение со стороны высшего духовенства способствовало росту его самомнения. «Он возомнил, что судьба уготовила ему особую роль при императоре и что он спасет Россию», — писал Спиридович. Теперь Распутин утверждал, что в видениях к нему приходили апостолы Петр и Павел.

Он остановился на квартире у Лохтиной и возобновил посещения салонов. В доме у княгини Сони Орбелиани он снова встретился с Ароном Симановичем, с которым познакомился в Киеве. Во время киевского погрома Симановичу едва удалось спастись от смерти. Его магазин разграбили, а многих род-

ственников убили. Самому ему удалось спастись только потому, что он служил осведомителем у начальника местной полиции. В Петербурге Симанович занимался игорным бизнесом и торговлей ювелирными изделиями.

Свои первые связи с высокопоставленными лицами Симанович наладил через двух братьев-игроков, князей Витгенштейн, служивших в личном эскорте государя. К 1908 году оба брата уже умерли: один погиб на дуэли из-за какой-то куртизанки, а другой, женившийся на красавице-цыганке, подавился во время еды куриной костью. Симанович нашел им замену в лице княгини Орбелиани. Живая и прелестная княгиня Орбелиани очаровала весь двор, когда приехала из Грузии 10 лет назад. Теперь же она страдала от неизлечимой болезни позвоночника, что вызвало сострадание императрицы, которая вывозила княгиню на прогулки и навещала дома. Именно это и привлекло Симановича. Через княгиню Орбелиани он познакомился с императрицей и продал ей со скидкой бриллианты. Впоследствии та проконсультировалась относительно цены у придворного ювелира Фаберже, который удивился таким низким ценам, а императрица была очень довольна.

Симанович знал о растущих связях Распутина и всегда радовался приему, который тот ему оказывал. «Он относился ко мне с уважением и давал понять, что готов сделать мне ответное одолжение. Я заметил, что этот мужик ценит хорошее отношение, и вскоре мы стали друзьями», — писал Симанович. Симанович понимал, что Распутин не имеет понятия о финансовой стороне жизни и мало заботится о деньгах. Его пристрастиями были вино, женщины, музыка, танцы и продолжительные интересные беседы. Симанович взял на себя заботу о материальном благосостоянии Распутина, обеспечивая того наличностью и кредитами. Он заботился о Распутине не как о своем протеже, так как

тот не выносил покровительственного отношения, а как о друге, помогая ему ориентироваться в новом для него мире политики и власти. «Я стал его секретарем, наставником, менеджером и защитником. Он не предпринимал никаких важных решений, не посоветовавшись со мной. Я принимал участие во всех его делах и знал все его тайны», — вспоминал Симанович. Будучи натурой буйной и чувственной, Распутин часто устраивал скандалы и различные выходки, которые Симанович старался сгладить, журуя его, словно расшалившегося школьника. Распутин с благодарностью принимал его помощь, и вскоре эти два человека стали неразлучными.

Симанович был доволен, что Распутин уже успел познакомиться с несчастной Анной Вырубовой, так как его очень привлекала близость последней к императрице. Она поселилась в Царском Селе, на углу Церковной и Дворянской улиц, в прелестном деревянном коттедже с просторной закрытой верандой, столовой, гостиной, где стояло фортепьяно, на котором они с императрицей музицировали дуэтом, и тремя спальнями, находившимися на первом этаже. Задние окна выходили на местный лицей и статую его самого знаменитого ученика, А. С. Пушкина. Фасад «маленького коттеджа Анны», как все называли дом Вырубовой, выходил окнами на здание дворцовой полиции. Перед домом, по тротуару прогуливались агенты полиции, и Вырубова жаловалась, что «живет, словно в аквариуме». Однако дворец, где обитала императорская чета, находился всего в пяти минутах ходьбы от дома Анны, а кроме того, между ними была установлена прямая телефонная связь.

Симанович договорился с Распутиным, что он встретится с Вырубовой у нее в доме. «Я была очень рада снова с ним встретиться и сказала, что хочу поговорить о своей несчастной жизни. Он дал мне свой адрес: Греческий проспект, дом Лохтиных», — свиде-

тельствовала впоследствии Вырубова. Она была потрясена тем, что Распутин предсказал ей неудачный брак. Первого впечатления оказалось достаточно для ее «ограниченного, детского ума, так как она разделяла всех людей на «плохих» и «хороших», то есть на «друзей» и «врагов». Без малейшего колебания она причислила Распутина к разряду праведников и стала считать своим другом.

Вырубова легко поддавалась влиянию Распутина. Ее вера в чудесную силу молитвы сохранилась с тех пор, как она выздоровела от брюшного тифа. Совершивший чудо Иоанн Кронштадтский недавно умер, и Анна искала другого Божьего человека. Ее замужество стало «годом тяжелых испытаний и унижений», в результате чего она стала нервной и легко поддавалась внушению. Распутин привлекал ее чисто физически. Когда он находился рядом, щеки Вырубовой горели румянцем, глаза загорались, и она часто начинала дрожать всем телом. Однако травма, полученная во время первой брачной ночи, была столь глубокой, что Анна, казалось, сама не осознавала, что с ней происходит. Распутин ласкал и целовал ее на людях, и это ей льстило. Однако дальше этого дело не заходило, так как Анна была слишком ценной добычей, и Распутин, не желая рисковать, вел себя благоразумно. В любом случае, его привлекали хорошенькие молодые женщины, а не страдающие толстухи. Он не делал никаких попыток к половой близости, и многие слышали, как Вырубова говорила, что «он не такой». Распутин использовал свою власть над ней, как старец, и полностью подчинил себе ее волю. Начиная с лета 1908 года, они стали встречаться регулярно и часто в доме у Вырубовой, в городском доме ее отца на Инженерной улице и у Лохтиной.

Их отношения развивались по мере усиления влияния Вырубовой во дворце. Очарованная старцем и императрицей Вырубова была идеальной посредницей.

Если Вырубова хотя бы день не виделась с Александрой (а она часто ходила во дворец по два раза на день), то дулась от обиды, и императрица, шутя, называла ее «наш большой ребенок» и «наша маленькая доченька». Эта дружба стала настораживать политиков. «Не только придворные, но и их жены и дочери стремятся добиться благосклонности Вырубовой. Кроме того, она помогает некоторым чиновникам получить доступ к императору», — писал Витте. Дворцовые служащие разделяли это беспокойство. Учитель Пьер Жильяр считал, что у Вырубовой «ум ребенка, а ее суждения незрелы». Многие говорили, что ее преклонение перед императрицей таит в себе опасность.

Вырубова расхваливала Распутина не зря. «Их величества относились к людям, верившим в чудодейственную силу странников. Как и Александр I, император всегда имел склонность к мистицизму, которую разделяла и императрица. Их величества были уверены, что теперь, как и во времена апостолов, есть люди, необязательно священники, на которых снизошла Божья благодать и чьи молитвы слушает Господь», — свидетельствовала Вырубова после смерти Распутина.

Из всех визитов Распутина только три были зарегистрированы в официальной придворной книге. Обычно он входил через боковую дверь и проходил в апартаменты императорской четы через задний коридор. Его часто видела охрана, а не камергер, записывавший официальных посетителей. По словам Вырубовой, Распутин обнимал и, по русскому обычаю, трижды целовал всех членов царской семьи, а потом вел с ними непринужденную беседу. Он рассказывал им о Сибири, о нуждах и чаяниях крестьян, о своих паломничествах. Об этом Распутин говорил всегда, когда хотел произвести на собеседника благоприятное впечатление. Николай и Александра всегда говорили о здоровье наследника и своих повседневных заботах и горестях. Их брак переживал не лучшие времена. Из верных

источников Симанович узнал, что императрица страдала приступами истерии и иногда отказывалась даже разговаривать с супругом, который, в свою очередь, «много пил и казался больным и сонным». Посещения Распутина имели терапевтический эффект. После его ухода Николай и Александра оставались в «веселом настроении, исполненные радостных надежд». Они верили в чудодейственную силу молитв старца, и никто не мог поколебать их веру.

А в Сибири у Прасковьи Распутиной обнаружили опухоль в брюшной полости; о чем сообщили телеграммой ее мужу. Распутин заказал карету, чтобы привезти жену из Покровского в Тюмень, а оттуда по Транссибирской железной дороге — в Петербург. Он по-прежнему был в хороших отношениях с сестрами Черногорками. Муж Милицы, великий князь Петр, договорился насчет операции и оплатил услуги хирурга и содержание пациентки в больнице. Затем выздоравливающую Прасковью пригласили во дворец Анастасии, которая вышла замуж за великого князя Николая Николаевича. Анастасия усаживала больную в кресло и сама мыла ей руки. Великая княгиня стояла, в то время как простая крестьянка сидела в кресле. «Когда мать стала протестовать, великая княгиня сказала, что ей не полагается сидеть в присутствии супруги Григория Ефимовича», — вспоминала Мария Распутина. Когда Прасковья выздоровела, Распутин нанял дрожки, чтобы прокатить жену по Невскому до Зимнего дворца и вдоль Невы до Петропавловской крепости. Экскурсия по городу утомила Прасковью, а Петербург ей не понравился. «Я не хочу здесь жить», — сказала она мужу и с радостью вернулась в Покровское. Мария говорила, что во время операции матери удалили матку, и после этого супружеские отношения между ее родителями прекратились.

Распутин и его жена любили друг друга, несмотря

на его постоянные измены. Прасковья предоставила ему полную свободу действий. Симанович говорил, что она не обращала внимания на амурные похождения мужа и всегда говорила: «Он может делать все, что захочет. Его на всех хватит». Обычно упрямый, вспыльчивый, цепляющийся к мелочам и постоянно ввязывающийся в драку, Распутин был «очень обходителен со своей женой. Их отношения были сердечными, жили они очень дружно и никогда не ссорились». Он был хорошим семьянином и преданным сыном. Несмотря на частые ссоры с отцом, он настоял, чтобы тот тоже приехал в Петербург. Старик был напуган длительным путешествием и обилием новых чудовищных машин, таких как пароходы и поезда, на одном из которых он приехал в Москву, а оттуда в Санкт-Петербург. Он с изумлением смотрел на трамваи, автомобили и толпы народа, в ужасе крестясь. Через неделю он вернулся в Сибирь.

Князь Джеваков, вице-овер-прокурор Святейшего Синода, человек интеллигентный, проявляющий трезвый интерес к религии, назначил Распутину встречу на квартире у Лохтиной, чтобы ознакомиться с его верой и методами. Войдя в гостиную и осмотревшись по сторонам, князь не на шутку встревожился. Хозяйка дома в украшенном ленточками тюрбане сидела в углу и что-то бормотала, словно не в своем уме. Несколько других женщин смотрели на Распутина с немим обожанием. Божий человек был раздражен и подозрителен.

— Зачем ты сюда пришел? — обратился он к князю. — Посмотреть на меня или узнать, как надо жить, чтобы спасти свою душу?

При слове «душа» Лохтина пронзительно взвизгнула:

— Он святой! Святой!

— Замолчи, безумная! — рявкнул на нее Распутин. Затем, к великому изумлению князя, Распутин повер-

нулся к нему и стал доверительно и оживленно говорить о спасении души.

— Чтобы спасти свою душу, человек должен вести благочестивый образ жизни, — начал он. — Именно так проповедуют священники, и это действительно так. Да, но как этого достигнуть? Они говорят вам: «Возьмите «Житие святых», читайте его снова и снова и тогда вы поймете. Так я и поступил. Я прочел, как каждый святой обрел спасение души. Но вы ведь знаете, что они покинули мир и обрели спасение в пустынях и монастырях. В «Житии святых» аскетизм появляется с момента, когда они уже стали святыми. «Здесь что-то не так», — сказал я себе. Не надо мне рассказывать о их жизни после того, как они стали святыми. Расскажите, как они к этому пришли. Только так можно их понять. Вспомните, ведь среди них были великие грешники, разбойники и негодяи. И вдруг они становятся праведниками! Как это им удалось? Когда они отошли ото зла и стали на праведную стезю? Как они, погрязшие в грехе, признали существование Всевышнего и пришли к нему? Вот что мне нужно рассказать. И вот еще. Все святые были монахами. А что же обычные люди? Они тоже хотят спасти свою душу и нуждаются в помощи. Им тоже нужно протянуть руку.

В этот момент снова завопила Лохтина:

— Помоги нам! Протяни нам руку! — зарыдала она, дрожа всем телом и протягивая руки к старцу. — Ты все можешь. Христос! Ты Христос!

— Замолчи, дура! — прорычал Распутин. — Или...

— Я буду молчать, буду молчать, — завершила она.

Подавив вспышку гнева, Распутин снова обратился к собеседнику.

— Мирянам нужно оказать помощь в спасении души, — сказал он. — Скажем, царский министр, или генерал, или княгиня беспокоятся о спасении души... А им предлагают обрести убежище в пустыне или

монастыре. А как же быть с их обязанностями, семьями, детьми? Нет, эти люди не могут покинуть мир. Здесь нужно что-то другое, но им никто не может сказать, что именно. Ходите в церковь, исполняйте все заповеди, читайте Библию, ведите благочестивую жизнь, и вы получите спасение. Так им говорят, и так они поступают. Они ходят в церковь и читают Библию. Но, несмотря на это, их грехи растут с каждым днем, а в их души прокрадывается зло, превращающее их в диких зверей. И вот это заблудшее существо, потерявшее человеческий облик, нужно уберечь от падения в бездну и показать путь к спасению. А такой путь существует, только его нужно указать. — Распутин наклонился к князю. — А я могу его тебе показать.

Царившее в комнате нервное напряжение достигло наивысшей точки. Лица присутствующих покрылись потом, и князь Джеваков чувствовал, что они жаждут спасения души, путь к которому им не мог указать священник. Спасение сияло в горящих глазах человека, сидящего перед ними.

— Спасение в Боге, — продолжил Распутин. — Вы можете видеть Господа, когда все вокруг черно. Зло и грех — вот что скрывает от вас Господа. Комната, в которой вы сидите, работа, которую вы выполняете, окружающие вас люди — все это скрывает от вас Господа. Нужно что-то предпринять, чтобы его увидеть... Но что? — Он устремил взгляд вдаль.

— В воскресенье или в какой-либо праздник, после богослужения и молитв покиньте город и езжайте в глухую деревню. — Он понизил голос, его мягкий сибирский акцент ласкал слух присутствующих. — Идите, не останавливаясь, пока не скроются из вида дымящие трубы Петербурга, а впереди засияет чистый горизонт. Теперь остановитесь и поразмышляйте. Какими же вы кажетесь маленькими и беспомощными. Перед вашим мысленным взором столица превратится в муравейник, где люди копошатся, словно беспокой-

ные насекомые. Что стало с вашей гордыней, самолюбием и жаждой власти?.. Вы чувствуете себя жалкими, никому не нужными и всеми покинутыми. И вот тогда поднимите взор к небесам, и вы увидите Господа. Сердцем вы чувствуете, что у нас один отец — Господь Бог, и одному Господу вы должны отдать свою душу, ибо только он один может защитить вас и помочь вам. И все ваше существо охватит великая нежность и доброта. Это первый шаг к Господу. Потом вы пойдете дальше, но пока нужно вернуться к повседневной жизни. Занимайтесь своими делами, храня, как зеницу ока, то, что вы принесли с собой, ибо вы принесли в душу своей Господа. Это чувство охватило вас при встрече с ним... так храните его ревностно... это и будет то сито, через которое вы будете просеивать свои поступки, преображая тем самым дела мирские в дела божественные. Вы спасете свою душу не через покаяние, а трудясь во славу Господа. Если же вы будете жить ради собственной славы и поступать в угоду своим страстям, не будет вам спасения.

Распутин предался воспоминаниям детства и рассказал о проповеди в церкви в Покровском, которая так сильно на него подействовала и подтвердила существование божьих людей.

— Именно это имел в виду Спаситель, говоря: «Царствие Божье в вас самих», — он сделал заранее намеченную паузу, а затем возвысил голос для последнего наставления. — Обретите Господа и живите с ним и в нем... И не только в воскресные дни и праздники... Оторвитесь от повседневной жизни, и вместо того, чтобы ходить по приемам и театрам, отправляйтесь в деревню, идите к Господу!

Князь был потрясен. «Слова Распутина поразили меня своей неотразимой силой», — писал князь Дживаков. Благодетель, которое он так долго и безуспешно искал, казалось, осветило комнату, словно солнце, пробившееся сквозь сырой и соленый петербургский туман.

ман. Джеваков слышал многих блистательных проповедников, но через 15 лет забыл их всех. Однако речь Распутина он запомнил слово в слово.

В то же время старец продолжал вести разгульную жизнь. Его поведение было настолько возмутительным, что шокировало даже Симановича, не отличавшегося деликатностью и стыдливостью. В разговоре с крестьянами и дочерьми Распутин никогда не ругался, однако в присутствии знати он изрыгал потоки ругани, называя высокопоставленных лиц «собаками» и заявляя, что в их жилах нет и капли русской крови. Подобные высказывания таили в себе опасность, так как за три столетия Романовы вступали в брак с немецкими и датскими принцессами, и кровь, текущая в их жилах, была на 99% чужеземной. У царевича Алексея, получившего в наследство от матери гемофилию, соотношение русской и чужеземной крови равнялось 1:200.

Однако Распутин ничего не боялся и, по словам Симановича, жаждал «острых ощущений», к числу которых относились и оскорбления в адрес высокопоставленных особ. Он бранился в присутствии графинь и известных актрис, «его речь была столь непристойной, что могла вогнать в краску даже конюха, а его наглость временами, казалось, не знала границ». С женщинами, которые ему нравились, он открыто говорил о скотоложестве. «Ах ты, моя славная кобылка», — обращался он к знатым дамам, нисколько не смущаясь присутствия их отцов и мужей», — свидетельствовал Симанович. «Его речь могла возмутить даже самую порочную проститутку». Однако, к своему великому облегчению, Симанович обнаружил, что «почти никто не осмеливался высказать свое возмущение, так как все боялись Распутина».

Они боялись его злого языка, сомнительной репутации и неукротимой энергии. Аристократы раболепствовали перед человеком, редко пользовавшимся за

столом ножом и вилкой. «Он рвал зубами большие куски пищи, словно животное». Мяса Распутин не ел, но с удовольствием поглощал рыбу, картофель и другие овощи, которые часто застревали в его бороде. Дамы целовали его испачканные едой руки и грязные ногти, а он передавал куски рыбы и хлеба своим поклонницам, которые «пытались изобразить по этому поводу восторг». Сам Симанович считал Распутина «отвратительным», однако он с радостью замечал, что в высшем обществе быстро привыкли к его выходкам и относились к ним «с неслыханной терпимостью».

Однако иногда старец заходил слишком далеко. Великий князь Николай Николаевич был шокирован, когда Распутин взял привычку оскорблять священнослужителей и святых. Однако во время визитов в Александровский дворец он был благочестив и безупречно почтителен. Спиридович обнаружил, что Распутин готовился к посещениям императорской четы словно к причастию. Он подолгу молился, принимал ванну, одевал чистое белье и рубашку и очень сильно нервничал.

Большую часть 1908 года царевич чувствовал себя хорошо. Алексея оберегал от падений и ушибов приставленный к нему матрос-великан по фамилии Нагорный, который хватал на руки расшалившегося ребенка. Распутин помогал останавливать носовые кровотечения. Он рассказывал Симановичу, что молился вместе с мальчиком и успокаивал его, пока кровотечение не прекращалось. Однажды он вынул из кармана кусок дубовой коры, размял его в кипящей воде и наложил получившуюся массу царевичу на лицо, в виде припарки, так что остались открытыми только глаза и рот. Так сибирские крестьяне лечили раны и порезы. Распутин утверждал, что это средство очень эффективно. В это же время он лечил Симановича от мигрени. Распутин становился у него за спиной, брал его голову в руки, шепча при этом невнятные фразы, а затем

сжимал голову со словами: «Уходи!» Симанович утверждал, что результат был потрясающим.

Когда царевич был относительно здоров, Распутина принимали во дворце как друга семьи, а не как целителя. Император, считавший, что придворные и политики его обманывают, привязался к Распутину. «Что до меня, то я считаю, что люди бывают честными лишь до трехлетнего возраста, — говорил он Распутину. — Как только они достигают этого возраста, их родители должны радоваться, что они еще недостаточно хорошо говорят, чтобы солгать. Они все лжецы». Подобная подозрительность была причиной непостоянства и слабости. Симанович считал это «трагедией всей его жизни». Когда Николай был ребенком, его воспитанием занимался англичанин Чарльз Хит, у которого он научился английскому самообладанию и сдержанности. Император ненавидел сцены. Он чувствовал себя непринужденно и свободно только в ранней молодости, когда служил офицером. В те годы Николаю нравилась беззаботная фамильярность, царившая на офицерских пирушках. Адъютант Николая считал, что его единственным настоящим другом был генерал Орлов, с которым они вместе служили в гвардейском гусарском полку. Однако и эта дружба была отравлена сплетниками, намекавшими на любовную связь Орлова с императрицей.

Император знал, что не пользуется уважением подданных. «Коварство, невысказанная ложь, неспособность сказать «да» или «нет», жизнь по чужой указке, оптимизм, рожденный страхом, то есть оптимизм для поддержания чужого присутствия духа», — так писал о Николае его бывший премьер-министр Витте. Он все время боялся своих дядей и матери, а также «старого двора», которому покровительствовала вдовствующая императрица. Террористы не давали ему жить в собственной столице, они же мешали свободно путеше-

ствовать за границей. В Италии его ненавидели за Кровавое воскресенье, и поэтому пришлось отложить запланированный официальный визит в Рим, так как итальянские газеты призывали встретить «деспота» демонстрацией протеста. Наконец, в 1909 году он встретился с итальянским королем в его летней резиденции в Раккониджи, куда можно было добраться только морем.

Император был человеком добросовестным и достаточно трудолюбивым, но управление державой его не привлекало. Для Николая это было лишь нудной обязанностью, полученным по наследству семейным бременем, которое становилось все тяжелее по мере усиления нападков на самодержавие со стороны различных политических партий.

Николай был очень одинок. Вместе с женой и детьми он обрек себя на добровольное заточение в тоскливых лилово-розовых апартаментах. Распутин развлекал его, рассказывая истории об отдаленных уголках империи, которых Николай никогда не видел. Самоуверенность сибирского крестьянина привлекала. В присутствии императора он демонстрировал только хорошие стороны своего характера, благоразумно скрывая буйный нрав. Императорская чета наслаждалась беседами с Распутиным, и Николай смеялся над грубоватыми сибирскими афоризмами, которыми была обильно сдобрена речь его нового друга. Они вели (во всяком случае, император думал именно так) сугубо личные, откровенные беседы, чего Николай не мог себе позволить с придворными и должностными лицами. С Распутиным он чувствовал себя в безопасности, не подозревая, что крестьянин уже бессовестно спекулировал на близких отношениях с императорской семьей. Распутин выявил в Николае такие черты характера, как великодушие, умение прощать не слишком учтивые манеры и верность друзьям. Все эти качества

в нем заглушила подозрительность. У Распутина не было никаких манер, он казался простым и честным человеком, одним из миллионов крестьян, с которыми у императора не было ничего общего, но в любви и преданности которых он не сомневался. Начальник императорской охраны говорил, что Николаю хотелось познакомиться с человеком из народа, того самого народа, о котором он ничего не знал. Распутин оказался именно таким человеком и поэтому вошел в доверие к императору.

Как сам император, так и его политические противники считали крестьянство воплощением всех добродетелей. Лев Толстой назвал свои великие творения никчемными, считая, что настоящее искусство заложено в деревенской простоте. Оставив все состояние жене, он стал вести жизнь крестьянина. Сестра императора, великая княгиня Ольга, была поражена, зайдя в крестьянские избы в имении своего мужа. Она увидела тяжелую жизнь и нищету, рядом с которыми уживалась «доброта, великодушие и непоколебимая вера в Бога. Я поняла, что эти крестьяне богаты, несмотря на свою нищету. Среди них я и сама почувствовала себя настоящим человеком». Члены левых партий и террористы также разделяли эти романтические иллюзии. Тысячи революционно настроенных студентов отправлялись в деревни в поисках идеального общества, где все будут равны, надеясь коренным образом изменить мировоззрение крестьян. На деле же они столкнулись с враждебностью. За несколько рублей их сдавали полиции, называли белоручками и срывали с них одежду, чтобы посмотреть, нет ли у них хвостов, как у Антихриста.

У агентов охраны имелись неоспоримые доказательства того, что император оказал доверие совсем не тому человеку. Они видели, как Распутин ходит в баню

с «непотребными девками». Полиция прекрасно знала о высоких связях Распутина. На вокзале в Петербурге видели, как он побежал с платформы к поджидавшему его автомобилю, на котором он отправился во дворец Милицы. Столыпин был настолько обеспокоен, что приказал начальнику Охранного отделения подготовить материал, на основании которого Распутину можно было бы выслать из столицы за аморальное поведение.

Некоторые представители высшего духовенства также встревожились. Антоний Храповицкий, епископ Волынский, член Синода, был недоволен вниманием и милостями, оказываемыми крестьянину. Он слышал о дебошах в Казани и напомнил своим коллегам, что развратник не может быть святым. «Григорий является коварным и искусным льстецом, хлыстом, горьким пьяницей, сладострастником и бездельником», — предупредил он Синод. Он передал ректору Санкт-Петербургской Богословской академии Сергию письма из Казани, обличающие Распутина. Епископ Антоний вел активную кампанию, добиваясь самоуправления богословских академий. Распутин, который никогда не забывал и не прощал враждебных выпадов, написал записку императору, где осуждал эту идею. В конце концов, она не была принята. Хотя Сергей не обратил внимания на казанские письма, Распутину пришлось поволноваться по поводу высылки из столицы. Сергей был назначен архиепископом в Финляндию и уехал в Выборг. По личному распоряжению императора его заменил Феофан. Впервые назначение на один из высших церковных постов было сделано при непосредственном вмешательстве Распутина.

К концу года Распутин посетил Финляндию вместе со своим другом, преподавателем академии Вениамином. Выборгские монахи не признали Распутина святым, как его представил Вениамин, и назвали старца грубияном и пьяницей.

— Как! — возмущенно кричал Вениамин. — Вы не знаете Григория и не понимаете его! Он ходит как святой. На землю спустился архангел.

Сергия убрали не зря: тесная близость Распутина и императора грозила скандалом. Николай не считал его святым. «Он всего лишь славный, религиозный и простодушный русский крестьянин. Когда мне тревожно на душе и одолевают сомнения, я люблю с ним поговорить. После наших бесед я всегда остаюсь в мире с самим собой», — говорил Николай одному офицеру полиции.

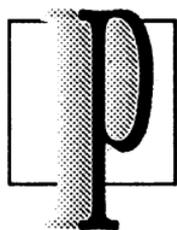
Отношения Распутина с императрицей и Вырубовой были более прочными. Женщины называли его «наш Друг», используя заглавную букву, чтобы подчеркнуть, что Распутин являлся защитником, посланным им самим Господом. В конце лета, во время круиза на яхте «Штандарт», императрице понравился один из адъютантов мужа по фамилии Саблин. «Из разговора выяснилось, что она знала Распутина. Императрица сказала, что есть люди, молитвы которых имеют особую силу, благодаря их праведной жизни. Наконец, она сказала, что такой человек есть и в России и зовут его Распутин. Затем она предложила мне встретиться с Распутиным», — свидетельствовал впоследствии Саблин. Что касается Вырубовой, то Распутин сообщал Симановичу, что она «предана ему до гроба, а его малейшее желание является для нее законом». В конце осени 1908 года отношения между этой троицей стали всеобщим достоянием. Генеральша А. К. Богданова писала в своем дневнике, что Александра и Вырубова «вели оживленную любовную переписку». В 9 вечера, когда император удалялся в свой кабинет, чтобы работать, императрица и Вырубова шли в лиловый будуар, чтобы поговорить о старце. Богданова также знала, что императрица встречалась с Распутиным в домике у Вырубовой. Один из царских камердинеров, являв-

шийся ее осведомителем, слышал от горничной Вырубовой, что у ее хозяйки есть фотография, на которой она изображена вместе с «мужиком» и которую она хранила в Библии. «Кажется, Вырубова дружна не то с крестьянином, не то с монахом. У него дикий волчий взгляд и отталкивающее и наглое лицо... крестьянин бывает здесь, когда приходит императрица», — записала она в дневнике 5 ноября.

Глава десятая

ИСПЫТАНИЕ ПЛОТИ

Распутин снова связался с Феонией Берляндской, все еще страдающей по поводу самоубийства мужа, и убедил ее поехать с ним на зиму в Покровское. Не успел поезд отъехать от Москвы, как Распутин вошел в ее спальное купе и стал заниматься с ней любовью. «Он сказал, что любит меня как мужчина, и стал делать то, что позволено только мужу... Он принудил меня силой... Он стал меня ласкать и целовать, а потом сделал все, что хотел», — писала впоследствии Берляндская. На следующее утро он объяснил, что его миссия заключается в искоренении первородного греха. Как только стемнело, он снова приступил к «испытанию плоти». Феония чувствовала себя жалкой и несчастной. «Господи, как же мне обо всем этом написать!» — говорила она потом. Распутин казался ей грязным и развратным, так как все время подвергал ее испытанию плоти.

Мало кто из женщин Распутина был столь же наивен. Некоторые актрисы, пресыщенные аристократки и любовни-

цы высокопоставленных лиц не уступали в циничности Распутину, отдаваясь ему из похоти или простого любопытства. Случайный, небрежный секс (а Распутин был небрежен, и на секс у него часто уходило не более пяти минут, после чего он бормотал: «Ну, матушка, так-то лучше») захлестнул столичных гуляк и кутил. Если подобные связи приводили к скандалу, это таило в себе опасность. Несколько великих князей Романовых жили во Франции и Германии, так как их сомнительные любовные похождения стали общеизвестны. Некоторые женщины спали с Распутиным в надежде получить какие-либо выгоды для себя и своих семей. И все же Распутин знал, что, подорвав репутацию такой респектабельной женщины, как Берляндская, он обрек ее на всеобщее презрение и остракизм. Однако угрызения совести его не мучили.

Прасковья Распутина холодно встретила приехавших в Покровское любовников. Она покрикивала на Берляндскую, давала ей за столом самую маленькую порцию и отказалась поместить ее в комнату для гостей. Распутин спал с ней на полу, на перине, которую Прасковья вскоре забрала, заменив тонким матрацем. Распутину было неудобно спать на матраце всю ночь, и, наскоро занявшись любовью, он уходил к себе.

— Ах, какой же это тяжкий камень, — говорил он Берляндской, имея в виду грех, который он с нее снимал. — Никогда не приходилось мне нести такую тяжкую ношу.

К ним присоединилась еще одна почитательница Распутина, которую он заставлял мыть себя в бане, находившейся во внутреннем дворе. По этому поводу Берляндская писала: «Он был полностью обнаженным и заставлял ее, на виду у всех, мыть ему те части тела, которые люди обычно закрывают».

Распутин сильно поиздержался и возвращался в Петербург вторым классом, что очень его раздражало. Берляндская ехала в третьем классе. В дороге он пи-

тался хорошо, отдавая своей спутнице только объедки. Они возвратились в Петербург в начале 1909 года.

Впоследствии молодая вдова выдвинула против Распутина публичные обвинения, однако в настоящий момент ему ничто не грозило. Во дворце он познакомился с еще одной важной особой. Вырубова представила его Лили фон Ден, супруге адъютанта капитана Карла фон Дена, с которым императрица познакомилась во время очередного круиза на «Штандарте» и с которым она сблизилась. У сына Лили фон Ден Тити был сильный жар, и врачи опасались, что мальчик болен дифтеритом, который в то время приводил к смертельному исходу. Вырубова посоветовала ей обратиться к Распутину и позвонила ему, назначив встречу.

Лили фон Ден встретила его у Сазонова, и он показался ей «обычным крестьянином с холодного севера», в высоких сапогах, свободной рубаше и длинном черном пальто. Затем она обратила внимание на глаза Распутина. «Сверкающие, словно стальной клинок», они выделялись на бледном лице, обрамленном каштановыми волосами. Многие говорили, что Распутин высокого роста, но Лили заметила, что это не так, хотя он «действительно создавал впечатление высокого человека». Взгляд Распутина встревожил ее. «Он одновременно привлекал меня и отталкивал, беспокоил и вселял уверенность». Лили фон Ден попросила его прочесть молитвы у постели ее больного сына.

Он приехал в сопровождении Лохтиной, которая отказалась войти в спальню ребенка и молилась, сидя на лестнице. Распутин подошел к постели мальчика и, встав на колени, начал молиться. Затем он склонился над ребенком.

— Не будите его, — попросила Лили фон Ден, опасаясь, что странный крестьянин напугает сына.

— Молчи, так надо, — ответил Распутин, положив

руку мальчику на нос. Тити сразу же проснулся, но посмотрел на старца без тени испуга и сказал, что у него болит голова.

— Ничего, — сказал Распутин и повернулся к матери. — Завтра твоему сыну будет хорошо, а если нет, то дай мне знать. — Тити снова уснул, а на следующее утро у него была нормальная температура, что крайне удивило врача.

Болезни, которые Распутин лечил у взрослых, относились к душевным расстройством. Императрицу он вылечил от неврастении, а Лохтину от истерии. Несомненно, у него был к этому талант. «Взяв голову больного в руки и как будто читая молитву, он мог внушить все, что угодно. Больной успокаивался, а успех лечения приписывался молитвам старца, которые были угодны Господу. Именно так было с Лохтиной и многими другими», — писал Спиридович. Распутин успешно лечил не только легко внушаемых и религиозных женщин, но и таких циничных людей, как Симанович. Он был скуп на слова и никогда не называл себя профессиональным целителем, как это делал доктор Филипп. Он занимался лечением только по просьбе и в виде одолжения людям, которых хорошо знал или же намеревался соблазнить. В трезвом виде он редко хвастался своими успехами и всегда приписывал их воле Всевышнего.

Что касается детей, то врачи выдвигали предположение, что он являлся чудотворцем. В случае с Тити фон Деном другого объяснения найти не могли. Царевич рос, и его болезнь все чаще давала о себе знать. Вскоре после случая с Тити фон Деном он упал в парке в Царском Селе и ушиб ногу. Его тетка, великая княгиня Ольга, застала его в плачевном состоянии, с темными кругами под глазами и сильно распухшей ногой. Царевича мучили страшные боли. Врачи были перепуганы больше родных и только тихо перешептывались

между собой. Пользы от них никакой не было. Было уже поздно, и Ольгу уговорили пойти к себе в комнату. Александра позвонила Распутину в Петербург.

Во дворец он приехал около полуночи, когда Ольга уже спала. На следующее утро Александра пригласила ее в комнату к царевичу. «Я просто не верила глазам. Малыш был не только жив, но и прекрасно себя чувствовал. Он сидел в постели, его глаза были веселы, а жар и опухоль на ноге прошли», — писала великая княгиня. Александра рассказала ей, что Распутин стоял у царевича в ногах и молился. Он даже не дотронулся до ребенка. Некоторые утверждали, что молитвы Распутина совпали с естественным выздоровлением мальчика. Ольга не любила Распутина, но и она считала, что здесь было нечто большее. Врачи утверждали, что приступ такой болезни нельзя излечить за несколько часов. «Простое совпадение могло случиться раз или два, но я даже не могу сосчитать, сколько раз это было!» — писала Ольга.

Лили фон Ден приобщилась к кругу Распутина и часто встречалась с ним у Вырубовой и видела, что он приходит во дворец «примерно раз в месяц». Александра относилась к нему «с благоговением» и называла его Григорием, когда рядом не было посторонних, и отцом Григорием при людях. «Я верю в него», — неоднократно говорила она фон Ден. Распутин же страшно злился, если ему казалось, что кто-то пытается преградить ему путь во дворец. Часто он говорил: «Мама скуповата», — жалуясь на то, что императрица дала ему мало денег.

После того как Распутин спас ее сына, фон Ден стала опровергать все слухи о его непристойном поведении. Она даже утверждала, что Распутин спасал женщин от них самих. «Я знаю много случаев, когда многие женщины моего круга, имевшие любовников, а также дамы полусвета не погрязли в трясине порока благодаря Распутину. Возможно, это покажется невероятным, но его влияние в таких случаях часто приносило пользу», —

свидетельствовала она впоследствии. В подтверждение его нравственности фон Ден приводила пример, когда она прогуливалась с братом мужа, молодым офицером, и встретила Распутина. Старец пришел в ярость. «И ты следуешь примеру легкомысленных светских женщин? Почему ты гуляешь не с мужем?» — закричал Распутин. Женщинам, искавшим его совета, Распутин говорил: «Если ты хочешь совершить что-то недостойное, приходи сначала ко мне и расскажи обо всем». Если он и подразумевал «соверши это недостойное со мной», то от внимания фон Ден это ускользнуло. Поклонницы Распутина с завидным упорством отрицали все доказательства непристойного поведения старца.

Чтобы удовлетворить любопытство императрицы, Вырубова поехала за ее счет в Покровское, в сопровождении трех других дам, а также их горничных и дворцовой фельдшерицы Марии Ивановны Вишняковой. В соответствии с полицейскими рапортами, собранными Спиридовичем, посещение Покровского в мае 1909 года было омерзительным. По рассказам Вырубовой, которая назвала другую дату, это была настоящая сельская идиллия.

Она рассказывала, что Распутин встретил их на станции в Тюмени, в крестьянской телеге, запряженной двумя лошадьми. Его дом имел «почти библейский вид из-за своей простоты и скромности». Гости спали на соломенных матрацах, разложенных на деревянном полу в спальнях на втором этаже. На стенах висели иконы, перед которыми горели лампы. Вырубова ни словом не обмолвилась о богатой мебели, которую упоминали остальные свидетели. Внизу, в столовой, они ели простую пищу в компании четверых крестьян, друзей их хозяина. Сидя за столом, они «самозабвенно молились и пели псалмы».

Каждый день Вырубова вместе с другими дамами ходила к реке, чтобы посмотреть, как Распутин вытас-

кивает сети. Они часто обедали на берегу реки, готовя рыбу на костре и деля между собой изюм, хлеб, орехи и печенье. Все вместе они съездили в Верхотурье, поклонились мощам Св. Симеона и побеседовали со старцем Макарием в его лесном убежище. «Этот пожилой и благочестивый монах ценил Распутина выше, чем местных священнослужителей», — писала Вырубова императрице.

В соответствии с отчетами агентов полиции, Распутин путешествовал в сопровождении Вырубовой, госпожи Орловой, матери покойного генерала Орлова, совращенной им Елены Тимофеевой и еще одной дамы, которую Спиридович назвал госпожой С. Возможно, это была Анна Дмитриевна Шипова, придворная дама принцессы Ольденбургской.

Люди, хорошо знавшие Распутина, отрицали такое знакомство. На 700 страницах своих мемуаров бывший премьер-министр Сергей Витте ни разу не упомянул об их встречах, а будущий премьер встречался с ним только тайно в Петропавловской крепости. И наоборот, те люди, которые не встречались с Распутиным, утверждали, что были с ним знакомы, преследуя собственную выгоду. Были и такие, как госпожа С., чьи имена скрыты инициалами.

Спиридович не назвал имени этой дамы из-за событий, которые произошли в первую же ночь после отъезда из Москвы. Распутин и Елена заняли две верхние полки в спальном купе, а госпожа С. устроилась на нижней. Ночью Распутин и Елена шумно занимались любовью. После этого Распутин спрыгнул на полку госпожи С. Она схватила старца за бороду и потянула изо всех сил, а затем выбежала в коридор, где и оставалась до утра. В Тюмени их встретили на двух телегах, на которых они отправились в Покровское, подсакивая на ухабах. Когда престарелая госпожа Орлова стала жаловаться, Распутин злобно прошипел: «Зачем только мне тебя навязали?» Измученные и усталые, они при-

ехали в Покровское около двух часов ночи. Распутин поместил госпожу С. в отдельную спальню, а утром приказал ей вымыться в реке. Так она и поступила, рыдая от унижения. Какая-то крестьянка, пришедшая за водой, стала ее утешать, но когда узнала, что госпожа С. остановилась у Распутина, то только выразительно пожалала плечами и повернула в сторону деревни.

За завтраком Вырубова попросила Распутина благословить каждое блюдо. После скандала в поезде разговаривать никому не хотелось, и за столом стояла тишина. После трапезы они отправились на прогулку и встретили местного священника отца Петра, старого недруга Распутина. Распутин отказался представить ему своих гостей, сердито бросив: «Нет надобности!» В магазине он купил каждой женщине по платку. Вернувшись домой, они пели псалмы.

В отчете полицейских агентов и показаниях Вырубовой много общего. После ужина, в шесть вечера, Прасковья Распутина стала мыть мужа в бане во дворе, а Елена и Вырубова наблюдали за этой процедурой. Вдруг Вырубова покраснела и выкрикнула: «Смотрите! Смотрите! На Григория Ефимовича снизошел Святой Дух!»

Когда дамы вышли из дома, залаяла собака, и Прасковья затолкнула их назад со словами: «Осторожно! Идет священник!» Однако тревога оказалась ложной, и священник прошел мимо. Раскрасневшийся Распутин вышел из бани, утирая лицо полотенцем.

— Ах, ты слишком молода, чтобы быть такой добродетельной, — упрекнул он госпожу С.

В ответ госпожа С. назвала его хлыстом, но Вырубовой удалось успокоить старца.

На следующее утро он повез их в телеге в соседнюю деревню, чтобы познакомить с двумя крестьянами, которых Распутин называл своими братьями во Христе. Они настаивали, чтобы дамы позволили обнять себя за талию и прогуляться с ними. По возвращении Вырубова сказала, что хочет послать телеграм-

му императрице, в которой говорилось: «Мы купаемся в блаженстве». Другие дамы стали возражать, так как пребывание в Покровском превратилось в настоящее мучение. Распутин велел отправить телеграмму, и Вырубова послушалась. Вечером Распутин получил телеграмму от великого князя Николая Николаевича, просившего его вернуться в Петербург для освящения новой часовни. Распутин объявил, что они выезжают следующим утром.

«Братья во Христе» довели их до Тюмени на телегах. Госпожа С. пригрозила рассказать императрице, что Распутин занимался любовью с Еленой, на что Вырубова ответила, что все поступки старца имеют «божественное происхождение». В вагоне Распутин заставлял дам петь псалмы, и один сибирский промышленник предупредил их, что это были хлыстовские песнопения. Какой-то солдат спросил госпожу С., правда ли, что вместе с Распутиным путешествует фрейлина императрицы. Бедная дама едва не сгорела со стыда. В Вятке Распутин попытался ее поцеловать, но она дала ему пощечину, что страшно разозлило старца. Он заявил, что хорошо отзывался о госпоже С. перед императрицей, а теперь не знает, что и сказать.

Однако по мере приближения к Петербургу поведение Распутина стало более приличным, и он снова вошел в роль благочестивого старца. Когда поезд остановился, он по-отечески обнял дам, желая их успокоить. Вырубова вышла, не сказав ни слова. На платформе госпожу С. встречал муж, которому Распутин с ухмылкой сказал: «Твоя жена всю дорогу только и делала, что спорила со мной». Госпожа С. исполнила свою угрозу и написала императрице, благодаря ее за предоставленную возможность посетить Покровское, добавив при этом, что Распутин не стоит «ни благосклонности, ни доверия их величеств». Она утверждала, что госпожа Орлова может засвидетельствовать непотребное поведение Распутина.

Спиридович рассказывал, что Орлову вызвали во дворец, но она заявила, что во время путешествия не произошло ничего плохого. Оказалось, что «госпожа С. была слишком большой ханжой, и ей чудился разврат там, где его не было и в помине», а к клевете она прибегла для того, чтобы опорочить Вырубову и самой приблизиться к императрице. Вскоре по Петербургу стали ходить по этому поводу сплетни, в которых многое было преувеличено и приукрашено. Госпожа Богданова записала в своем дневнике: «Вырубова ездила в Тюмень к этому сумасшедшему и провела там несколько дней. Негодяй изнасиловал нескольких горничных сопровождавших его дам. Одна из них беременна. Кажется, Аннушке (Вырубовой) придется нянчить младенца».

Очередной скандал, в котором был замешан Распутин, произошел на религиозной почве. Он поддержал молодого монаха Илиодора, с которым, как и с Гермогеном, познакомился во время своего первого приезда в Петербург. Илиодор, считавший церковь насквозь прогнившей, царя обманутым и преданным, а христианство умирающим, отправился в Царицын, чтобы поднять там народное движение и защитить Россию от евреев, франкмасонов, анархистов и высшего духовенства, которые сговорились ее погубить. Он приехал в Царицын, имея в кармане три рубля и семьдесят копеек. Ему дали маленькую часовню на пустыре, расположенном на окраине города, в районе трущоб.

По происхождению Илиодор был донским казаком, и в своих проповедях он выступал «против пьянства, безнравственности, эгоизма и всякого рода излишеств». Матросы с барж и лесовозов, грузчики и другие, выброшенные на обочину жизни люди рыдали на его проповедях, раскаиваясь в своих грехах и упиваясь дерзкими речами молодого монаха. Он удерживал алкоголиков от пьянства с помощью длинных богослу-

жений, по окончании которых все магазины, где продавалась водка, были уже закрыты.

Илиодор забирал проституток из портовых борделей и приводил их на свои проповеди, во время которых он имел обыкновение громко срамить их клиентов, открыто называя их имена. Роберт Уилсон, корреспондент лондонской газеты «Таймс», был настолько заинтригован личностью Илиодора, что посетил его проповедь, на которую собралось несколько тысяч людей. «Это напоминало нечто вроде русской Армии спасения... Вокруг него собрались головорезы и женщины определенного поведения. Облаченный в белые одежды монах с восковыми пальцами и прозрачным от долгих постов лицом возвышался над грязной толпой, подобно ангелу. Своими пламенными речами он завоевывал сердца людей».

На строительство монастыря для Илиодора было собрано по подписке 50 тысяч рублей золотом. Самые бедные представители его паствы трудились на строительстве безвозмездно. Грандиозное здание с деревянными башнями и зубчатыми стенами напоминало средневековую крепость и вполне соответствовало призывам Илиодора отправиться в крестовый поход против политиков во имя императора. Он осудил премьер-министра Столыпина за то, что тот продал душу евреям. У Илиодора была фотография «антихриста» Льва Толстого, на которую его последователи плевали, проходя мимо. Было у Илиодора и огромное чучело дракона, символизирующего революцию. Когда проповедь достигала кульминационного момента, Илиодор мечом отсекал голову дракона. Встревоженные представители властей обвинили его в антиправительственной агитации, на что Илиодор ответил: «Правительство требует, чтобы я прекратил проповедовать святую правду. Я объявляю священную войну Синоду и правительству... Я готов умереть тысячу раз и прошу вас, братья и сестры, сделать то же самое!» Под монастырем был

вырыт подземный ход, и когда губернатор прислал солдат, чтобы заставить Илиодора прикусить язык, тот бесследно исчез. Уилсон считал, что «безумие монаха было хорошо продуманной игрой».

Летом 1910 года, после очередной подстрекательской речи, в которой Илиодор открыто призывал людей братья за оружие, Столыпин вместе с Синодом убедили императора подписать указ о его высылке из Царицына. Илиодору было приказано удалиться в монастырь в Минске. Вместо этого он отправился в Петербург к Распутину, чтобы узнать, не сможет ли тот, используя свое влияние, добиться отмены указа. Два божьих человека возобновили свою дружбу, и Распутин заверил Илиодора, что поможет ему. Он представил монаха Вырубовой, которая преклонила перед Распутиным колени и поцеловала ему руку. «Ну, ты все видел собственными глазами! Что ты об этом думаешь?» — хвастливо спросил Распутин у Илиодора. Они договорились встретиться с императрицей в домике у Вырубовой. Императрица попросила Илиодора не ввязываться в демагогию и посоветовала написать прошение императору.

Илиодор так и поступил. По словам Распутина, Николай говорил, что ничего не может сделать, так как уже дал согласие на подписание указа. «Ты же царь. Вот и веди себя, как подобает царю. Ты дал слово и ты можешь взять его назад. Когда ты отдал Илиодора на растерзание псам, то написал свое имя слева направо. Единственное, что тебе нужно сделать сейчас, — это написать его справа налево. Вот тогда ты поступишь как царь», — ответил Распутин. Распутин всегда хвастался перед Илиодором, которого также нельзя считать надежным свидетелем. Маловероятно, чтобы Распутин вел себя столь бесцеремонно с таким чувствительным к соблюдению условностей человеком, как Николай. И тем не менее, к огромной ярости Столыпина, указ был отменен, что способствовало росту

популярности Распутина и укреплению его положения.

Николай присутствовал на торжествах в Полтаве, проводимых в честь 200-й годовщины победы его предка Петра Великого над шведами. Его встретили приветствиями, которые императору редко доводилось слышать после Кровавого воскресенья. Николай заверил французского военного атташе, что это свидетельствует о его популярности, а также о том, что «здесь не Петербург». Император также заявил что сельское население, помещики, дворянство и армия хранят ему верность, а против него «выступают евреи, студенты, безземельные крестьяне и часть рабочих». С такими утешительными, но далекими от реальности мыслями он в конце лета на три месяца увез свою семью за границу. Они присутствовали на регате в Каусе, на острове Уайт, где Николай путешествовал на яхте вместе со своим кузенком, будущим королем Англии Георгом V, с которым они были очень похожи, и проводил время в компании своего второго кузена, германского кайзера Вильгельма. Александра навестила своего брата в Дармштадте и отправилась на минеральные воды, где ее осмотрели кардиологи. Распутин вместе с епископом Гермогеном отправился к Илиодору в Царицын.

Приверженцы монаха приветствовали Распутина как спасителя своего пророка, как небесного ангела, посланного Господом на грешную Землю. Распутин упивался своей победой и пребывал на вершине блаженства. У ворот монастыря выстроилась вереница женщин, желающих получить совет старца. Он целовал только хорошеньких и отворачивался ото всех остальных. «Мать, твоя любовь приносит мне радость, но дух Божий ко мне не снизошел», — заявлял он.

Из донесений агентов полиции известно, что по просьбе Илиодора Распутин вылечил двух умалишенных женщин. Молодой, красивой и цветущей на вид

жене извозчика чудились какие-то голоса, из-за чего она начинала все и всех проклинать и корчилась в судорогах. Попытки Илиодора изгнать из нее демонов с помощью молитв, Святого распятия и святой воды успехом не увенчались. Женщина продолжала дико кричать. Распутин подошел к кровати больной и попросил оставить их вдвоем.

Через несколько минут вопли прекратились, а через некоторое время из спальни вышла улыбающаяся и умиротворенная женщина, за которой следовал Распутин. С торжествующей и хитрой усмешкой на губах он заявил, что изгнал злого духа. Затем он занялся лечением племянницы богатого купца, госпожи Лебедевой. Распутин сказал, что не может изгнать демонов в спальне больной и попросил отнести ее в изолированную комнату. Там он провел с Лебедевой несколько часов и появился только поздним вечером. Женщина спокойно спала, «как будто над ней парили ангелы». Весть о сотворенных Распутиным «чудесах» облетела весь Царицын, и когда он отправился на зиму в Покровское вместе с благодарным Илиодором, его вышла провожать восторженная толпа, забросавшая карету цветами.

Илиодор сообщал, что на пароходе, во время путешествия по Волге, Распутин сильно пил и хвастался, что император считает его «самим Христом» и не может без него жить. По словам Илиодора, Распутин также утверждал, что император становился перед ним на колени и вместе с императрицей целовал ему руку. Подобный знак преклонения произвел на Илиодора огромное впечатление, когда он стал свидетелем того, как приветствовала старца Вырубова. Слухи о том, что императорская чета унижала себя перед Распутиным, были настолько упорными, что комиссия по расследованию тщательно изучила этот вопрос после смерти Распутина. Никаких подтверждений словам Илиодора найдено не было. В своих свидетельских показаниях Вырубова заявила, что хотя «император и императрица

называли его просто «Григорий», а он их — «папа» и «мама», рук они у него никогда не целовали, а целовали друг друга в щеку. Хотя сообщение Илиодора было написано после того, как их пути с Распутиным разошлись, маловероятно, что он все это выдумал по злобе. Из других источников становится ясно, что, находясь в подпитии, Распутин приукрашивал свои рассказы о жизни во дворце. Остальные признания, которые он делал Илиодору на пароходе, звучат вполне правдоподобно. Распутин утверждал, что Александра поклялась, что никогда не изменит своего отношения к нему и «всегда будет считать своим Другом».

Распутин показал монаху рубашки, вышитые для него императрицей и ее дочерьми, а также во всех подробностях поведал о том, как он до полного изнеможения занимается любовью с дамами, принадлежащими к высшему свету, заставляя их таким образом преодолевать «плотский грех».

По прибытии в Покровское Илиодор обнаружил, что в доме Распутина нет и следа «библейской простоты», о которой говорила Вырубова. Среди богатой мебели стояли диваны с кожаной обивкой и книжные шкафы со стеклянными дверцами. В доме имелось также фортепьяно и множество различных цветов и пальм в вазонах. Среди икон висели фотографии императорской семьи, высокопоставленных придворных и министров. На многих из них были льстивые дарственные надписи. Кабинет Распутина напомнил Илиодору личный кабинет министра, с тяжелыми, обитыми кожей креслами и большим дубовым столом, на котором лежала груда телеграмм. Распутин провел Илиодора по всему дому, показывая, что ему подарили Романовы и многочисленные светские красавицы.

Он устроил в честь монаха прием, пригласив уважаемых в деревне людей: двух сельских учительниц, владельца магазина и местного старосту с женой. Сам он оделся в атласную малиновую рубаху и синие шта-

ны. На столе были сладости, орехи и пироги. Засунув руки в карманы, Распутин с важным видом прохаживался по комнате, распевая с гостями гимны. Он пригласил и приходского священника отца Петра, но тот отказался участвовать в пиршестве. На следующее утро улучил момент, когда Илиодор был один, и рассказал ему о бесчинствах Распутина. «Григорий увлекает молодых девушек и спит с ними... он спит с ними. А теперь к нему приезжают из Петербурга эти ветреницы, которые моются вместе с ним в бане и делят ложе... Он обычный пьяница и дебошир... Местные жители считают его вором и полоумным. Он всегда старается втереться в доверие к епископу. Он предложил деньги на строительство церкви, но деревенские жители отказались, так как они хорошо знают, откуда у него берутся деньги... Нас, священников, он считает грязью у себя под ногами и утверждает, что божественная благодать не может снизойти на священнослужителя, а лишь на простого смертного, подразумевая при этом себя. У него хватает наглости заявлять, что когда он совращает женщину, то при этом ее благословляет и освобождает от плотского желания». Илиодор, захваченный идеей о крестовом походе во имя спасения души, подавлял в себе плотские желания, но проблемы, связанные с сексом, его волновали и беспокоили. Он обсуждал эти вопросы с Распутиным, когда они вместе мылись в бане.

— Я свободен от желания, — говорил ему старец. — Господь наградил меня этим даром, дабы облегчить наложенную на меня епитимью. Я прикасаюсь к женщине, как будто передо мной деревянная доска, — далее он объяснил, каким образом он достиг такого состояния. — Я направляю свое желание от детородного органа к сердцу и уму, становясь, таким образом, неуязвимым. Прикасаясь ко мне, женщина также избавляется от желания. Вот почему женщины ходят за мной гурьбой. Они жаждут наслаждения, но боятся

потерять целомудрие, то есть бояться греха. Вот они и просят меня избавить их от похоти и сделать такими же неуязвимыми, как и я.

Распутин рассказал о своем последнем визите к Макарию в Верхотурье. Пока Макарий молился у себя в келье, он лежал с обнаженными женщинами, исцеляя их от похоти. Когда они вернулись в Покровское, Распутин заставил их вымыться себя, и женщины, опустившись на колени перед обнаженным старцем, целовали его тело.

Илиодор хорошо знал, что это хлыстовские разговоры. Он утверждал, что Распутин прислал к нему в спальню двух девушек-служанок, тщетно пытаясь превратить его в хлыста. Однако это маловероятно, так как Распутин не занимался сводничеством. Кроме того, ни один из его знакомых не может считаться свидетелем, заслуживающим полного доверия. Илиодор же является наименее надежным из всех из-за ненависти, которую он впоследствии стал испытывать к Распутину. Однако во время посещений бани Распутин часто обращался к вопросам пола, плотского греха и очищения. Если он и хвастался, то имел на то причины. Он был желанным гостем как во дворце, так и в постелях знатных дам. В то время ему исполнилось 40 лет, и во всей истории русского крестьянства равных ему не было.

6 декабря Распутин послал Николаю телеграмму от своего имени и имени Илиодора, в которой поздравлял государя с днем ангела. Они получили ответ от Вырубовой: «Очень тронуты вашим поздравлением и благодарим от всего сердца. Анна». Илиодор был изумлен. А через несколько дней деревенский почтальон Михаил принес большой конверт с императорским гербом и печатью. Распутин прочел письмо, с довольным видом поглаживая бороду, и сообщил Илиодору, что это письмо написано рукой императрицы. Илиодор поинтересовался, как часто он получал подобную корреспонденцию. Распутин показал монаху сверток, в

котором хранились письма, написанные ему Александрой и ее дочерьми. Подобная неосмотрительность таила в себе опасность. Илиодор просмотрел некоторые письма, а для человека, не ладившего с правительством, они могли оказаться очень полезными.

15 декабря оба божьих человека уехали из Покровского в Царицын. До следующего утра поезда в Тюмень не было, и Илиодор переночевал в монастыре, а Распутин провел ночь в доме у одной из своих поклонниц. Они сделали остановку в Саратове, чтобы провести день с епископом Гермогеном. Илиодор рассказал ему, что Распутин мылся в бане вместе с женщинами.

— Зачем ты так поступил? — спросил расстроенный епископ старца. — Ты не должен больше так себя вести.

Распутин стоял перед епископом с покаянным видом, но, оставшись наедине с Илиодором, попросил того никогда больше не упоминать в присутствии епископа о походах в баню. 23 декабря они приехали в Царицын, и на следующее утро Илиодор предложил Распутину исповедоваться у него в монастыре. Распутин казался расстроенным, и монах спросил, не желает ли он облегчить свою душу, исповедовавшись в грехах.

— Грехи здесь ни при чем, — ответил Распутин, почесав нос.

— Тогда в чем же дело? — поинтересовался Илиодор.

— Мне не дают покоя враги, — сказал Распутин. — Что будет, если они сговорятся, растревожат душу царице и настроят ее против меня?

Илиодор заверил старца, что Господь его не оставит и направит по верному пути.

— Хорошо. Тогда мне больше не в чем исповедоваться, — заявил старец.

Если Распутин и чувствовал, что начинает вызывать у монаха неприязнь, то не приложил никаких усилий, чтобы это исправить. Навещая жену одного богатого купца, он попытался обнять ее сестру, при-

влекательную брюнетку, но та дважды сильно ударила его по лицу. Изумленный старец грязно выругался, но отступил.

Затем его привели к одетой в лохмотья юродивой Насте, в надежде, что он ее вылечит. При виде Распутина юродивая закрыла лицо руками и с криком выплеснула на старца содержимое ночного горшка.

28 декабря Распутин отправил телеграмму со словами церковного гимна детям императора. На следующий день он стал раздавать рождественские подарки. С этой целью он накупил носовых платков, конфет, яблок, сахарных голов, дешевых колечек и маленьких иконок. К монастырю пришла толпа из нескольких тысяч человек, и Распутин объявил девушкам, что по подаркам они смогут узнать свою судьбу. Девушки бросились к старцу, и большинству из них он подарил кольца, которые означали, что они скоро выйдут замуж. Но некоторым он вручил иконки, а это значило, что девушка уйдет в монастырь. Потом он пообещал Илиодору выделить 50 тысяч рублей на строительство женского монастыря рядом с мужским.

30 декабря он уехал из Царицына. Многочисленная процессия провожающих распевала молитвы. Когда подали поезд, толпа запела государственный гимн. Илиодор благословил локомотив, а Распутин — толпу поклонников. Он попросил присутствующих представителей местной власти сообщить о его триумфе в столицу.

После отъезда Распутина к Илиодору пришла на исповедь 28-летняя послушница Ксения, «наивная и добродетельная женщина, не красавица, но достаточно миловидная». Она служила у местной купчихи, принося покаяние. Распутин видел, как она приносила в монастырь просвиры.

На исповеди Ксения рассказала Илиодору, как она потеряла невинность.

— Отец, это случилось на Рождество. Я уже ложи-

лась спать, когда пришел Распутин и попросил хозяйку послать меня в монастырь, так как я была ему зачем-то нужна. Конечно, я пошла, хотя было уже поздно... Без всяких околичностей он приказал мне раздеться, и я повиновалась. Потом он лег на кровать и сказал: «Прекрасно, моя дорогая, иди ко мне и ложись рядом». Отец, я думала, что он святой человек, которого Господь наделил даром очищать наши грешные тела и исцелять их. Он обнял меня и прижался ко мне всем телом, а потом стал целовать в губы. Я закричала: «Григорий Ефимович, что вы делаете с бедной девушкой?!» «Ничего, ничего. Лежи тихонько», — ответил он. Тогда я спросила, знает ли об этом отец Илиодор, и он ответил, что, разумеется, знает. Потом я спросила, знает ли об этом епископ Гермоген, и Распутин ответил, что и епископу все известно. Наконец, я спросила, а знают ли о его делах император и императрица. Старец сказал, что уж они-то все знают лучше, чем кто бы то ни было. Отец, я слушала его речи и не знала, что мне делать... Четыре долгих часа он терзал меня.

В то время, когда Илиодор об этом написал, он уже жаждал смерти Распутина. Однако его рассказ совпадает с другими показаниями и подтверждает, что внутренняя борьба между верой и плотским грехом, которую Распутин вел с юных лет, была почти закончена. Все последующие годы показали, что в этом человеке одержали победу сладострастие и жажда власти, а духовное начало стало прикрытием, сценической маской великого актера.

Глава одиннадцатая ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

В

1910 году вновь появилась комета Галлея, и люди заговорили о грядущем конце света. Самобытный художник Михаил Врубель, страдающий душевным расстройством и истощением, умер в доме для умалишенных, веря, что Господь дарует ему изумрудные глаза, если он сможет простоять 17 дней. В Москве, в ресторане «Яр», фаворит Распутина, молодой человек по фамилии Праслов, подошел к молодой даме в вечернем платье, сидевшей за соседним столиком в компании пожилых господ. Когда он спросил даму, почему она находится в ресторане в столь поздний час и в такой неподходящей компании, та рассмеялась в ответ. Праслов достал из кармана пистолет и несколько раз в упор выстрелил в женщину. Несколько человек, вызванных свидетелями в суд, покончили с собой, но не стали давать показания. Праслов, который являлся бывшим мужем убитой женщины, был оправдан. В Санкт-Петербурге высокопоставленные родители отказались дать двум своим сыновьям-студентам денег на ужин с

шампанским, и те, ворвавшись в квартиру одной известной актрисы, зарезали ее ножом и украли драгоценности. Любовница Александра Блока сказала ему: «Я решила уйти в мир иной. Здесь больше нечего делать, остается только лежать и ждать смерти». Поэт не последовал ее примеру, так как любил жизнь с ее бурными событиями.

Благодаря столыпинским реформам экономика России процветала. Он продал принадлежащие государству земли, включая огромную территорию коронных земель в Сибири, куда по Транссибирской железной дороге хлынули крестьяне из европейской части России. В противовес радикалам, он создавал из наиболее энергичной части крестьянства крепких середняков, делая ставку «не на слабых и пьющих, а на трезвых и сильных». В России, подпитываемой иностранным капиталом, были отмечены самые высокие темпы развития. Московские фабриканты клали свои шляпы на прилавки тракторов и заполняли их пробками от шампанского. Революционеры отошли на время в тень.

Однако Николай начал уставать от своего премьер-министра. Столыпин был слишком профессионален и вызывал слишком большое восхищение, а кроме того, император и его супруга изрядно утомили Россию. Дмитрий Мережковский писал: «Над домом Романовых из поколения в поколение тяготеет проклятие. Убийства, адюльтеры, кровь и грязь... плаха, веревка и яд — вот истинные символы русского самодержавия. Божье помазание на челе царей превратилось в каинову печать».

В модном романе Андрея Белого «Серебряный голубь» главный герой, поэт, оставляет прекрасную и нежную невесту ради крестьянки, с покрытым оспинами лицом, зато очень искусной в любви. Но она принадлежала не поэту, а Мите Кудеярову, плотнику, возглавлявшему секту хлыстов, которая творила свои черные дела в лесной чаще.

Кудеяров был двуликим, как Янус. Одна половина его лица хитро и похотливо подмигивает, а другая все время за чем-то следит и чего-то боится.

Да ведь это же Распутин! Одна провинциальная девушка, наблюдавшая за «необычным новоявленным святым», нашла его похожим на двуликого Януса. Ее рассказ появился в книге Рене Фюлеп-Миллер «Распутин: святой дьявол», изданной в 1928 году. Сначала Распутин напомнил ей сельского священника «с добрым благочестивым взглядом и простым, полным достоинства лицом». Потом она увидела совсем другого человека, «загадочного, коварного и развратного», который смотрел на нее глазами, по-прежнему светившимися добротой. Распутин сел напротив девушки, а потом придвинулся ближе. Его светло-голубые глаза потемнели и проникали в самую душу. Когда он наклонился, «его крупное морщинистое лицо исказила страсть». Девушка почувствовала, как ее охватила апатия. Глубоко посаженные глаза Распутина блуждали по ее телу... Страстным шепотом он стал бормотать ей на ухо странные, сладострастные слова.

Девушка уже была готова покориться воле старца, но в ее сознании промелькнула мысль, что она пришла к нему поговорить о Господе. Если бы несчастная Ксения обратила свои мысли к Господу, а не к Илиодору и императору, то, возможно, и ей удалось бы сохранить невинность. Девушка сознательно сопротивлялась, и вскоре силы к ней вернулись. Распутин сразу же почувствовал ее сопротивление: «его полузакрытые глаза широко открылись, он встал, склонился над ней, ласково погладил по голове и по-отечески поцеловал в лоб». Лицо Распутина разгладилось, и он смиренно благословил девушку, и лишь в глубине его маленьких глазок девушка увидела того, другого человека, похотливого и коварного.

Распутин приходил в домик Вырубовой по несколько раз в неделю.

Несмотря на посещение известных врачей в Германии, Александра по-прежнему сильно болела и нервничала. Вырубова бывала во дворце ежедневно, Распутин также часто навещал императорскую чету. До сих пор он оставался в тени, как сказал Михаил Родзянко, «упорно подготавливал для себя надежную почву». Почувствовав, что его влияние растет, «этот дикий фанатик отбросил в сторону всякие условности. Его любовные похождения становились все более дерзкими и омерзительными, а число его жертв и почитателей росло с каждым днем». Распутин не напрасно опасался врагов, так как приобретал их на удивление быстро.

В январе 1910 года в прессе появились сообщения о его посещении Покровского. О них стало известно в Академии богословия в Санкт-Петербурге, так же как и о письме Феонии Берляндской, в котором та подробно описывала все, что творил над ней Распутин. Архимандрит Феофан был встревожен многочисленными доказательствами недостойного поведения старца, и хотя в газетах не говорилось ни слова о его связи с дворцом, Феофан решил, что как духовник императора он обязан предупредить его, что развратный крестьянин представляет угрозу для династии. «Я решил принять против Распутина крайние меры и открыто разоблачить его перед государем», — свидетельствовал он впоследствии. Николай отказался встретиться с Феофаном и направил его к Александре и Вырубовой. «Я беседовал с ними около часа, пытаясь объяснить, кем является Распутин на самом деле. Императрица ничему не верила, очень расстроилась и стала цитировать церковные книги. Было ясно, что кто-то, скорее всего сам Распутин, научил ее отвечать именно так». Прощаясь, она сказала архимандриту, что все святые страдали от подобной клеветы и наветов.

Из тех, кто попытался разоблачить Распутина перед императрицей, Феофан стал первым, на кого обрушилась немилость монаршей четы. Сначала его лиши-

ли права исповедовать императора, но когда и это не заставило Феофана замолчать, его отправили из академии в отдаленную епархию в Крыму. Распутин лелеял мысль самому занять пост Феофана. Несмотря на протесты Феофана, Гермоген остался верен Распутину.

— Он является слугой божьим, — предупредил епископ князя Джевакова, когда тот сказал, что Синод сомневается в искренности Распутина. — Большой грех судить его и критиковать.

Духовник императора должен был быть священнослужителем, и Распутин стал обсуждать с Гермогеном вопрос о посвящении в сан.

— Меня сделают священником, я стану царским духовником и навеки останусь при дворе, — хвастал Распутин.

Распутин получил благословение Гермогена и сфотографировался в сутане с наперсным крестом. Однако у него не хватило терпения выучить литургию, что было необходимо для рукоположения, и этот план провалился.

Распутин поссорился с сестрами Анастасией и Милицей и их мужьями из-за своей привычки оскорбительно отзываться о священнослужителях, даже если они были причислены к лику святых. Он так безобразно выразился по поводу Св. Сергия Радонежского, которого особенно почитал великий князь Николай Николаевич, что тот в гневе поклялся никогда не встречаться с «этим дьяволом». Это стало началом их непримиримой вражды. К счастью для Распутина, Александра довольно прохладно относилась к великому князю. Старцу также удалось выпутаться из скандала, разразившегося в самом дворце. Мария Вишнякова, служившая во дворце няней и сопровождавшая Распутина в Покровское, рассказала гувернантке наследника и великих княжон, что старец пробрался к ней в комнату и совратил ее. Кроме того, она видела, как он лежал в одном нижнем белье рядом с госпожой Ман-

дшет, когда они ехали в поезде. Гувернантка Софья Ивановна Тютчева посоветовала девушке рассказать обо всем Александре. Впоследствии Тютчева заявила, что императрица не поверила Вишняковой, усмотрев в ее словах происки темных сил, стремившихся оклеветать Распутина. Она обвинила Вишнякову во лжи, запретив ей разговаривать с императором, и отправила ее в бессрочную ссылку на Кавказ.

Затем Александра обрушила свой гнев на Тютчеву, за то, что та посоветовала Вишняковой обратиться с жалобой. В тот же вечер, в 19.30, посыльный императора пригласил Тютчеву в кабинет Николая.

— Софья Ивановна, вы, вероятно, догадались, зачем я вас пригласил. Что происходит в детской?

Тютчева рассказала императору, что произошло, добавив, что ее шокирует, когда Распутин один заходит в спальни великих княжон и наследника престола, так же как и его фамильярное отношение к ним.

— Так вы не верите в святость Григория Ефимовича? — спросил Николай. Тютчева ответила, что нет. — А если я скажу вам, что все эти тяжкие годы я пережил только благодаря его молитвам?

— Ваше величество, вы пережили их благодаря молитвам всей России. — Дипломатичный ответ Тютчевой не удовлетворил Николая.

— Император стал говорить, что считает все это ложью, — свидетельствовала Тютчева. — Он не верил «россказням» о Распутине и заявлял, что праведников всегда стремятся очернить.

Тютчева понимала, что у нее нет иного выбора, кроме как покинуть дворец.

На сей раз скандал был серьезным. Софья Ивановна была дочерью Федора Тютчева, поэта-романтика, чьи стихи о трагической любви многие знали наизусть. Когда Тютчева приехала в Москву и рассказала о влиянии Распутина при дворе и о его развратности, ей поверили. Находясь в ссылке на Кавказе, Вишнякова

во время исповеди призналась в своем соvrащении митрополиту Антонию, который лечился в больнице от нервного расстройства. Она подробно рассказала о влиянии Распутина на императорскую чету и молила митрополита спасти царских детей от дьявола. Антоний попросил у императора аудиенции и повторил ему рассказ Вишняковой. Николай ответил, что это касается только его семьи, а церковь не имеет права вмешиваться в такие вопросы.

— Нет, ваше величество, — ответил Антоний. — Это касается всей России. Наследник престола не только ваш сын, он наш будущий правитель и принадлежит России. — Когда император повторил, что не потерпит вмешательства в дворцовые дела, Антоний нервно сказал: — Хорошо, ваше величество, но позвольте мне считать, что русский царь должен жить в прозрачном хрустальном дворце, открытом взорам его верноподданных.

Николай приказал Антонию удалиться, и у того снова случился нервный приступ.

Столыпин был так обеспокоен делом Распутина, что приказал сделать рапорт на основании досье, собранного полицией на Распутина. Рапорт не оставлял сомнений по поводу образа жизни старца, в нем говорилось о «кутежах, любовных похождениях с женщинами и сомнительных предпринимателях и покровителях, эксплуатировавших его влияние при дворе. Начальник полицейского отделения генерал П. Г. Курлов предупредил Столыпина о том, что показывать рапорт императору не стоит. «Император может истолковать это как желание очернить особу, пользующуюся его благосклонностью», — сказал Курлов. Столыпин не последовал его совету и в общих чертах изложил содержание рапорта. Николай молча выслушал премьер-министра и «с присущим ему спокойным упрямством попросил перейти к текущим делам». Никаких мер принято не было. Вдовствующая императрица была

так обеспокоена, что вызвала к себе в Аничков дворец министра финансов Владимира Коковцева.

— Мой сын слишком добр, — сказала она. — Он не дал ответа, так как пытается найти какой-либо другой выход из сложившейся ситуации. Он ни у кого не спрашивает совета. Он слишком горд и вместе с императрицей преодолевает подобные критические моменты, не показывая своего волнения... Моему сыну так не везет с людьми.

Наряду с врагами, Распутин приобретал и друзей. Маня Головина жила в прекрасной квартире вместе с матерью, богатой вдовой статского советника. Девушка недавно потеряла любимого человека и была убита горем, когда встретила Распутина. И она, и ее мать сразу же привязались к Распутину. В начале года Маня предложила другу семьи познакомиться с Распутиным, описав его как «человека исключительной духовной силы, посланного в этот мир очищать и исцелять наши души и направлять наши помыслы и дела». Этим другом был князь Феликс Юсупов, наследник самого крупного состояния в России, собиравшийся в то время в Оксфорд.

Князь считал Маню невинной и бесхитростной и в переписке называл ее мадемуазель Г., не желая смущать девушку. Юсупова заинтриговали восторженные отзывы Мани о Распутине. Она считала, что Распутин — это «спустившийся с небес апостол, чистый и безгрешный». Князь принял приглашение Головиной и в назначенный час приехал к ней в дом. Через некоторое время в гостиную быстрыми шагами вошел крестьянин в мешковатых штанах и высоких сапогах.

— Добрый вечер, дорогой мальчик, — поприветствовал Юсупова Распутин и попытался его поцеловать. Когда ему это не удалось, он спокойно обнял мать и дочь Головиных и расцеловал обеих.

Юсупова раздражала самоуверенность крестьянина. «В нем было нечто такое, что вызывало у меня

отвращение», — писал князь. По его словам, Распутин был человеком среднего роста, мускулистым и худым, с длинными руками и шрамом на лбу. Юсупов правильно определил его возраст — 40 лет. «У него было простое грубое лицо с длинным носом и всклокоченной бородой. Из-под густых бровей смотрели пронзительные серые глаза», — писал Юсупов, который также разглядел в Распутине двуликого Януса. «Несмотря на то, что он пытался вести себя свободно и непринужденно, сразу чувствовалось, что этому человеку не по себе и что он страшно подозрителен. Казалось, он постоянно следит за собеседником», — писал Юсупов.

Во время чаепития Распутин начал цитировать Ветхий и Новый Завет, а князь пристально его рассматривал. «В нем не было ничего от святого, — писал он, — наоборот, он был похож на похотливого и злобного сатира. Меня особенно поразило гнусное выражение его маленьких глазок, посаженных так глубоко и близко друг к другу, что издали их вообще не было видно». Даже вблизи было трудно понять, открыты у него глаза или нет. Когда Распутин устремлял свой взгляд на собеседника, тому казалось, что его «пронзают две острые иголки». У Юсупова вызвала омерзение «приторная и безжизненная улыбка старца... В его елейной физиономии было что-то гадкое, порочное, коварное и чувственное».

Однако Маня Головина и ее мать не сводили со старца глаз, жадно ловя каждое его слово. Через некоторое время Распутин поднялся и указал на девушку:

— Какую верную подругу ты приобрел в ее лице! — обратился он к Юсупову. — Ты должен ее слушаться, она станет твоей духовной супругой. Да, она очень хорошо о тебе отзывалась. Я и сам теперь вижу, что вы оба хорошие и прекрасно подходите друг другу. Что до тебя, мой милый мальчик, ты пойдешь далеко, очень далеко, — с этими словами старец покинул дом Головиных.

Через несколько дней Юсупов снова встретился с

Маней, которая сказала, что он очень понравился Распутину, и тот снова хочет с ним увидеться.

Мария Распутина вспоминала, что отец описывал Юсупова как «мальчика, напуганного окружающим миром и собственными страстями и раздираемого на части множеством демонов». Распутин встретил своего убийцу. Юсупов вскоре после их знакомства уехал в Оксфорд.

Мать и дочь Головиных стали называть «распутницами». Такую кличку давали приверженцам Распутина, которые считали его святым. Среди них была сестра Акулина, послушница, ужасные крики которой Распутин слышал во время посещения монастыря в Охице. Акулина лежала в своей келье, повернувшись лицом к стене и содрогаясь всем телом. Из ее груди вырывались жуткие крики. Казалось, это кричит мужчина. Распутин вошел в келью, приблизился к постели больной и, опустившись на колени, стал молиться.

— Приказываю тебе замолчать, — сказал он, и лицо женщины «стало безмятежным». Приступы больше не повторялись. Акулина попросила освободить ее от данной клятвы и последовала за Распутиным в Санкт-Петербург, «не скрывая любви к своему повелителю и не испытывая при этом ни малейшего стыда. Она садилась у Распутина в ноги, всегда готовая ему услужить, ласково гладила его руки и целовала в щеку».

«Предприниматели» и «покровители», о которых упоминал Столыпин в своем докладе императору, не питали иллюзий по поводу святости Распутина. Просто он им был полезен. Финансисты стали проявлять к нему интерес в 1910 году. Журналист Сазонов использовал влияние своего гостя, чтобы получить субсидию для финансового еженедельника «Экономист». В первых выпусках «Экономиста» делались нападки в адрес министра финансов Владимира Коковцева. Сазонов намекнул, что все может измениться, если министерство финансов будет помещать в еженедельнике

официальные объявления по непомерно высоким расценкам. Вскоре «Экономист» стал петь дифирамбы министру финансов, восхваляя его «блистательную дальновидность». В следующий раз Сазонов предложил министерству создать зерновой банк, заявив, что этот проект поддерживает Распутин. Речь шла о гнилом зерне, сваленном на железнодорожных станциях после сбора урожая. Вскоре был получен официальный патент. Министерство финансов оказало Сазонову любезность, изменив патент и разрешив основать постоянно действующий коммерческий банк, получивший название «Английского банка».

Получить патент было очень сложно, и Сазонов продал свой за четверть миллиона рублей. Часть денег пошла на финансирование новой газеты «Голос народа». Заявив, что, благодаря Распутину, он пользуется доверием императора, Сазонов убедил директора кредитной канцелярии министерства финансов собрать совет директоров «Английского банка» и предложить им поддержать газету. Банкиры согласились и выделили Сазонову еще сто тысяч рублей. «Удивительно, что такой продажный и растленный тип, как Сазонов, получил огромное влияние благодаря Распутину. Однако это факт», — писал Витте.

Кроме того, влияние Распутина использовалось в проекте ирригации Транскавказ, в подписании контрактов на продажу угля, а также в неудачной попытке разрушить государственную монополию на производство водки. За все это Распутину не платили. В делах он не разбирался и активной роли не играл. Однако одного его имени было достаточно, чтобы произвести впечатление на финансистов и чиновников, что несказанно радовало Распутина и льстило его самолюбию. Этим человеком руководила жажда власти и преклонения, а не стремление заработать на своем имени капитал. Тех же, кто умело спекулировал на его имени, интересовали только деньги. Прежде всего, это отно-

сится к Симановичу и одному из его приятелей князю Михаилу Михайловичу Андронникову, которого Симанович представил Распутину. Князь был странной личностью, тщеславным снобом с очень злым языком и достаточно остроумным собеседником, когда он сам этого хотел. Кроме того, он был гомосексуалистом, весьма беспорядочным в своих связях. Андронников издавал малым тиражом черносотенную газету «Голос России», которую читали лишь немногие. Он изображал из себя государственного деятеля, всегда ходил напомаженным, в черном сюртуке, и носил с собой желтый кожаный портфель внушительного вида.

Регулярного дохода Андронников не имел, но, несмотря на это, тратил огромные суммы на содержание фешенебельных апартаментов, а также на пьянки и подарки для своих любовников. Он зарабатывал себе на жизнь шантажом и сбором компроматов.

Андронников знал все и обо всех. Свою информацию он продавал за деньги, ответные услуги или интересовавшие его сведения. Он всю жизнь занимался своим ремеслом, когда Распутин еще был странником. Промышленный магнат А. И. Путилов, председатель «Российско-Азиатского банка», вспоминал, как Андронников проник в министерство финансов, а затем явился к нему с подробными сведениями о новых контрактах и сделках, сообщая все это в «форме слухов и предположений». Клиенты считали Андронникова хитрым политиканом и очень его боялись, так как князь «всегда мог причинить вред человеку, который ему не угодил». У него была привычка многозначительно постукивать по своему портфелю, как будто там находились секретные документы, а не пачка старых газет, как выяснил впоследствии один из агентов охраны. По словам Путилова, князь страстно хотел «получить свободный доступ к высокопоставленным лицам, теша тем самым свое тщеславие».

Курсантам военных училищ в приказном порядке

запрещалось посещать квартиру Андронникова, считавшуюся обителью зла и религиозного фанатизма. Кроме того, сюда со всего Петербурга сходились гомосексуалисты. Огромные апартаменты князя состояли из двух отдельных квартир. Респектабельных посетителей Андронников принимал в гостиной, на стенах которой висели написанные маслом сельские пейзажи. Когда заходил разговор о деньгах, князь уводил посетителей в кабинет, где хранились досье на всех ведущих политических деятелей, с указанием их слабостей и пристрастий. Посетителям и в голову не приходило, что в соседних комнатах собирался «разношерстный сброд».

Эти комнаты с черными шелковыми портьерами были украшены иконами и аналоями. Здесь пахло ладаном, а на стене висел терновый венец. Для создания религиозной атмосферы сам князь иногда облачался в сутану. Его спальня была оборудована в виде часовни с алтарем и крестом.

В дни рождения друзей и на их именины сюда приходил монах, совершавший богослужение. Петр Иванович Килтер, камердинер князя, свидетельствовал, что к Андронникову приходило множество людей, в основном, молодых. «Среди них были кадеты, гимназисты и молодые офицеры, все очень красивые... Очень часто их подбирали прямо на улице, и они поражали своим неряшливым видом. Все это превратило квартиру в некий грязный притон».

Главными фаворитами князя были барон Сриппер и морской лейтенант Смирнов, брат известной оперной певицы. Барон жил у Андронникова нелегально и не был прописан в столице. Впоследствии его арестовали за мошенничество. «Все эти люди приходили в квартиру как к себе домой, — говорил камердинер. — Они ели, пили и оставались на ночь, укладываясь спать парами. Андронников был подозрителен и уединялся с молодыми людьми в ванную». Женщин князь ненавидел, и, по словам камердинера, его посещала только одна пожилая

родственница военного министра, которая «сообщала ему всяческие слухи и новости».

В своей деятельности Андронников пользовался грубыми и эффективными методами. «Как только какого-нибудь Ивана Ивановича Финтифлюшкина назначают на должность директора какого-либо государственного управления, я посылаю ему письмо, в котором говорится, что «наконец-то солнце правды воссияло над Россией, и безумное правительство, приведшее ее к катастрофе, наконец поняло, что судьбу столь важного управления (хотя на самом деле это управление не более важно, чем обычный сортир) нужно верить такому надежному, благородному и образованному человеку, как вы. Наступила счастливая пора, и я, как человек, горячо любящий свою Родину, испытываю от этого огромное облегчение, так как считаю этот выбор исключительно удачным. Храни Вас Господь... С уважением, Андронников».

После этого «Финтифлюшкин» связывался с князем по телефону и благодарил его за участие и внимание. «Я советую ему быть мудрым и осмотрительным, так как его окружают никчемные люди, имени которых я не стану упоминать... Если ему требуется поддержка, я ее предоставлю из любви к отчизне. Финтифлюшкин попался на крючок, и теперь мне нужно лишь показать свою визитную карточку, чтобы быть принятым и решить все свои проблемы».

Князь хвастался успехами своей методики, заявляя, что многие министры были рады ему подчиняться. Еще одним трюком Андронникова была «обработка» правительственных курьеров, передававших важную корреспонденцию. Ордена и медали рассылались в пакетах 6 декабря и 1 января каждого года. Курьер давал Андронникову просматривать почту, и тот мог заблаговременно поздравить награжденного. Иногда он уговаривал курьера задержать доставку. Именно так и было в случае с министром военно-морского флота

Григоровичем. Андронников позвонил ему дважды: в первый раз он заявил, что прилагает все усилия, чтобы награждение состоялось, а во второй, что его старания увенчались успехом.

Несмотря на то что Распутин осудил поведение монахов с горы Афон, он достаточно терпимо относился к гомосексуалистам. У князя он научился искусству подрывать репутацию политических деятелей. Распутин и Андронников стали часто встречаться.

У Распутина было достаточно средств, чтобы снять свою собственную квартиру по Николаевской улице в доме №70. Несмотря на то, что сам он часто отсутствовал, дом был открыт для гостей и, по словам Андронникова и Симановича, в столовой постоянно собиралась разношерстная компания. Гости приносили с собой еду: икру, самую лучшую рыбу, фрукты и белый хлеб. На не покрытом скатертью столе всегда стоял вареный картофель, квашеная капуста и черный хлеб, а также кипящий самовар. В кладовой у Распутина было много разнообразной еды. Он любил бросать куски хлеба в супницу с ухой, а потом раздавать их горячими своим гостям. Для важных гостей были всегда в запасе хлеб-соль. Обычно они уносили кусочки хлеба с собой, так как иметь хлеб-соль от старца было престижно.

Кабинет Распутина был единственной хорошо обставленной комнатой в доме. Здесь он назначал встречи светским дамам. Симанович говорил, что Распутин занимался любовью с «невероятной скоростью и простотой». Он уводил даму из столовой в кабинет, а через несколько минут провожал ее, а потом отправлялся в баню, которая находилась на противоположной стороне улицы. Он привез из Покровского своих дочерей и отдал их в хорошую школу. Симанович заметил, что в присутствии дочерей Распутин никогда не сквернословит. У девушек была своя спальня, и они никогда не заходили в столовую, если там были гости. Распутин

также привез из Сибири служанку Дуню, участвовавшую в его соращении в доме у генеральши Кубасовой. Дочери знали, что Распутин спит с Дуней, и все же Мария говорила, что любит Дуню как мать и считает этот союз «восхитительным».

Знала Мария и о других выходках отца. Однажды Распутин провел вечер за цыганскими танцами, вместе с бывшей финской балериной Лизой Тансин. Они оба были пьяны и вместе с другими гуляками отправились в дом Лизы. В разгар оргии обнаженного Распутина сфотографировали в окружении голых женщин. Вернувшись под утро домой, неудовлетворенный Распутин занялся любовью с Дуней. Через некоторое время в дом пришел какой-то человек с пачкой компрометирующих фотографий. Он сказал, что если Распутин не покинет навсегда столицу, фотографии будут переданы императору. Дуня посоветовала ему предупредить врагов, как это сделал дровосек из русской сказки, который так грозно и страшно зарычал на голодного волка, что перепуганный зверь обратился в бегство.

Распутин велел заложить дрожки и отправился в Царское Село. Он рассказал императору об инциденте в доме Тансин и показал фотографии. Внимательно рассмотрев фотографии, Николай нахмурился и печально покачал головой. Он сказал, что шантажисты явно используют Распутина в качестве заложника в грязной игре, целью которой является ослабление и уничтожение династии Романовых. Затем император сказал святому старцу, что тот «вел себя крайне неразумно, но, вероятно, искушение было слишком велико». Больше Распутину не угрожали, хотя такие попытки могли возобновиться в любую минуту.

Дочь Распутина сказала, что слышала это от Дуни. Однако здесь много неясного. Зачем понадобилось Распутину трястись 4 часа в дрожках, если такое же путешествие поездом занимало всего 35 минут? Однако Николаю было свойственно не замечать подобных

ляпсусов. «Он часто закрывал глаза на проделки своих фаворитов, — писал Симанович. — Их поведение даже забавляло императора». Он брал в личный эскорт грузинских князей, несмотря на то что они были известными кутилами и любителями удовольствий. Николай был уверен, что они пойдут ради него на смерть и на убийство. Он часто оплачивал их карточные долги. Один из них, князь Дадиани, после очередной попойки заложил свои эполеты, уверенный в том, что Николай спасет его честь и уладит все недоразумения с его партнерами по карточной игре. Симанович, общавшийся с офицерами эскорта государя, на рассвете играл вместе с ними во дворе в шумную игру «макао», когда в комнату ворвался император в ночной рубашке и сделал замечание по поводу шума. Сделав внушение игрокам, он дал каждому из них по 10 рублей и сам уселся за карточный стол.

Распутин очень любил фотографироваться, особенно в окружении своих почитательниц, и делал это очень часто. В пьяном виде он любил выставлять себя напоказ в непристойном виде, что делало его уязвимым перед нападками шантажистов. Однако его характер служил ему естественной защитой. Он был смел и не испытывал чувства стыда.

Однако премьер-министр был менее снисходителен, чем император. Илиодор по-прежнему читал свои пламенные проповеди, и графиня Игнатьева, чей салон часто посещал Распутин, попросила генерала Курлова повидаться с Илиодором во время посещения столицы, чтобы он мог составить о нем «правильное мнение». Графиня приехала к Курлову поздно вечером в сопровождении «высокого худого монаха с дико горящим взором». Текст одной из проповедей Илиодора, записанный агентом тайной полиции, оказался на столе у начальника полиции. Монах призывал своих последователей применить насилие по отношению к вла-

стям. Курлов поинтересовался, каким образом Илиодор совмещает подобные призывы с крайне правыми монархистскими взглядами.

— Я не подстрекаю людей к мятежу! — воскликнул Илиодор. — Но я имею право думать все, что хочу, о чиновниках, которые предают императора!

После беседы с Илиодором Курлов пришел к выводу, что имеет дело с «ярко выраженным маньяком».

Илиодор не унимался и по возвращении в Царицын решил выступить в защиту своего друга Распутина. Два воскресенья подряд он читал длинные проповеди, в которых убеждал, что в поведении Распутина не было ничего плохого, Он мог целовать женщин и мыться с ними в бане, так как был «защищен от желания». На проповеди Илиодора собирались толпы более пяти тысяч человек. Текст проповедей был опубликован в прессе, и Синод приказал Илиодору покинуть Царицын и удалиться в уединенный монастырь в Новосильском, Тульской губернии. Илиодор отказался выполнить приказ. Агенты Курлова перехватили телеграммы Гермогена и Илиодора, адресованные Распутину, в которых они просили старца о помощи. Распутин заверил их, что будет добиваться благоприятного результата.

Неслыханная дерзость Илиодора и вмешательство Распутина подрывали престиж церкви, которая, казалось, загнивала изнутри. «То, что происходит, не может не ослабить влияния церкви и не может не вызывать страха за будущее России», — писал Витте. Столыпин и обер-прокурор Синода доктор С. М. Лукьянов назначили второе расследование по делу старца. Столыпин в очередной раз доложил императору о своих тревожных мыслях. Премьер-министр подробно рассказал, как сильно скомпрометировал себя Распутин, и потребовал, чтобы его удалили из дворца. Во всяком случае, так рассказывал сам Распутин своему приятелю Сазонову. «Столыпин сказал царю, что Распутин, смущая общественность, ходил в баню вместе с

женщинами». На что император ответил: «Я знаю. Там же он читает Библию». Он велел Столыпину выйти, а отчет полиции швырнул в камин.

В соответствии с версией Столыпина, император попросил его встретиться с Распутиным и самому убедиться в искренности старца, а также в том, что некоторые его превратно понимают. По словам Столыпина, как только он вошел в кабинет, Распутин попытался запугать его своим насквозь пронизывающим «гипнотическим» взглядом. «Он пристально смотрел на меня своими светлыми, белесыми глазами и невнятно выкрикивал какие-то загадочные отрывки из Библии, указывая на меня рукой, — вспоминал Столыпин. — Я чувствовал, как в моей душе поднимается чувство непреодолимого отвращения к этой стоящей передо мной рептилии. Но я знал, что он обладает огромной гипнотической силой, и в некоторой степени ему удалось произвести на меня впечатление, хотя и омерзительное».

Курлов также присутствовал на этой встрече. Он вспоминал, что увидел в кабинете худого мужчину с темно-рыжей бородой и насквозь пронизывающим взглядом, «эдакого хитрого русского крестьянина», который изображал из себя самого безобидного и мирного человека. Однако все старания старца не произвели должного впечатления на Столыпина. «Преодолев охватившие меня чувства, я повысил голос и прямо ему заявил, что у меня имеются важные документы, свидетельствующие против него. Он был полностью в моей власти, и я мог его уничтожить и привлечь к суду. Я приказал ему немедленно покинуть Петербург, вернуться в свою деревню и никогда больше здесь не появляться».

Услышав из уст Распутина об этой встрече, Александра стала сердито спорить с императором, не скрывая своего враждебного отношения к Столыпину. Николай отказался отменить приказ о высылке Илиодора из Царицына, несмотря на поток телеграмм от почитателей монаха. Почуввав опасность, Распутин уехал на

зиму в Покровское, и такое решение было весьма своевременным.

Император отправил в Царицын личного посланника, который должен был сообщить Илиодору о необходимости подчиниться Синоду. На роль посланника он выбрал своего адъютанта, капитана Мандрику, офицера Четвертого стрелкового полка, приписанного к личной охране императора. Капитан был крестным игуменьи Балаховского монастыря в Саратовской губернии, а также почитателем Распутина, что убедило Александра в правильности выбора, сделанного императором.

Мандрику встретили в Царицыне хлебом-солью и отслужили в его честь молебен. Илиодора не было видно. Предупрежденный Гермогеном, он уехал в Сердобск. Мандрика отправился к нему и передал, что император приказывает ему подчиниться Синоду. Скрипя от злости зубами, Илиодор был вынужден дать слово, что удалится в Новосильский монастырь.

На обратном пути Мандрика посетил монастырь своей крестной, которая была в тот момент в Петербурге. Однако монахини оказали ему радушный прием. Они с гордостью рассказали, что Григорий Распутин останавливался в их монастыре и говорил с ними о своих близких отношениях с императором и императрицей. Они также показали капитану телеграмму, пришедшую на имя его крестной уже после ее отъезда в Петербург. В телеграмме говорилось: «Один из ваших крестных послан в Царицын с заданием по нашему делу. Повлияйте на него. Григорий». Капитан пришел в ужас, узнав, что весть о его поездке дошла до старца. Наверняка об этом позаботилась Вырубова, действуя от лица императрицы. Капитан навел справки в местном полицейском участке и у представителей власти, где ему сообщили, что Распутин является хлыстом и развратником, растлевающим юных девушек.

Утром 10 февраля 1911 года капитан вернулся в

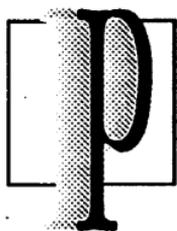
Царское Село и был сразу же приглашен к обеду во дворец. Была масленица, и к столу подали блины. После обеда он выпил кофе с императорской семьей, а потом передал императору свой отчет. Он рассказал монаршей чете все, что узнал о старце, не забыв упомянуть о телеграмме Распутина, о его походах в баню и о хлыстовских взглядах. «Даже говорят, что он пользуется благосклонностью вашего величества», — завершил свой рассказ капитан и разрыдался. Николай принес ему стакан воды, а Александра тяжело вздохнула. Вскоре он ушел.

На следующее утро (Вырубова действовала очень оперативно) Мандрика получил телеграмму от крестной, в которой говорилось: «Ты все испортил». Через три дня он с ней встретился, и крестная сказала: «Ты загубил свою карьеру. Распутин хороший человек, и его нужно спасти». Хотя Александра была холодна с капитаном, по некоторым признакам он понял, что над Распутиным нависла серьезная опасность. Когда Мандрика в конце недели вернулся во дворец, Николай приветливо пожал ему руку, пригласил на обед и казался очень довольным.

Глава двенадцатая

ПАЛОМНИК

Распутин залег в Покровском до конца февраля 1911 года. Из дворца не поступало никаких сообщений, и его не просили вернуться. Старец посчитал наиболее благоразумным возобновить свои странствования, пока не утихнет гнев императора. Николай имел вспыльчивый нрав и обижался из-за любой мелочи, а поэтому спорить с ним было опасно. Для Распутина монаршая чета была настоящим сокровищем и главной опорой для усиления его власти, и поэтому он был готов ждать, сколько потребуется. Множество паломников из России посещали Святую землю, и Распутин решил к ним присоединиться. Он любил путешествия и обладал беспокойным и пытливым умом. Кроме того, он понимал, что император примет его решение о паломничестве как раскаяние, а императрица — как признак благочестия.

Он постоянно держал их в курсе дела, посылая письма Вырубовой и открытки императрице. Дабы его преобразование было оценено надлежащим об-

разом, по возвращении он написал небольшую книгу под названием «Думы и размышления. Краткое описание моего путешествия к Святым местам и мысли на религиозные темы, которые после него возникли». Записки Распутина были переписаны одной из его почитательниц, возможно, Маней Головиной, и изданы частным порядком малым тиражом.

Для начала Распутин отправился в Почаевскую Лавру, где находились кельи отшельников. «Я видел Божьих людей, а, глядя на паломников, моя душа ликовала, — писал Распутин. — Это истинно верующие люди; чувствуется, что они испытывают страх перед Господом и ищут божественную правду». Распутин изо всех сил старался подчеркнуть, какое благо принесло его душе совершенное паломничество. В интервью прессе он бывал резок и груб, а здесь он использовал библейский стиль, отличавшийся елейностью, в расчете на то, что это понравится главной читательнице — императрице. «Я дрожал от страха, но потом успокоился и почувствовал в своей душе смирение, — писал он о чувствах, пережитых во время молитвы перед знаменитой иконой. — После посещения каждого Святого места добавлялась еще одна жемчужина смирения».

Из Почаева он поехал в Одессу и вместе с другими паломниками сел на корабль. «Прекрасна ночь в море. Тихо и незаметно подкрадывается сон, прерывая размышления. О, море Христово! Какие чудеса скрыты в твоих глубинах! Когда вдруг покажется берег, мы радуемся зелени деревьев... Когда высокие волны бьются о борт корабля, на душе становится тревожно. Человек утрачивает сознание и блуждает, словно в тумане... Волна — это наше сознание, и как бы ни были высоки морские волны, в конце концов, море всегда успокаивается, но только хороший поступок может умиротворить наше сознание и совесть», — писал Распутин.

Прибыв в Стамбул, Распутин был шокирован при виде турок, куривших в соборе Св. Софии. «Какая

мука видеть это! Должно быть, мы прогневили Господа своей гордыней, если он отдал эту святыню в руки неверных... Господи, услышь мои молитвы и верни нам этот собор», — писал он. Он ползал на четвереньках по всем пещерам и святым местам вокруг Эфеса, а в Патмосе он видел место, где был заключен в темницу Иоанн Богослов. В Иерусалиме Распутин рыдал от умиления и радости, так как «все здесь было, как в прежние времена, и люди носили такие же одеяния, как в Евангелии». Навестил он и своих старых недругов, монахов-гомосексуалистов на горе Афон. Распутин обратил внимание, что в городе много празднующихся, а также торговцев сувенирами и дешевым вином. Пили здесь много, так как вино было очень дешево. «Возмутительнее всех ведут себя монахи с горы Афон, а потому их нельзя сюда допускать».

Распутин изо всех сил старался очернить церковь, которая причиняла ему столько неприятностей. «Наши епископы образованны, но их души не простые, а люди могут следовать лишь за простыми душами. Вот почему пуст храм». Затем он переходит к теме о любви. «В тот момент, когда я подошел к могиле Христа, я почувствовал, что это могила любви, и мне захотелось всех обнять. Если вы любите, то никогда не убьете, все заповеди подчиняются любви. В любви больше мудрости, чем у Соломона, только она реальна, а все остальное — просто разбросанные осколки». Для почитателей Распутина его книга стала вершиной религиозной поэзии.

Дочь Распутина утверждала, что в Гефсиманском саду ему было видение. Он увидел труп, в котором узнал себя. Распутин потерял сознание, и ему помогли добраться до трактира, где он погрузился в беспокойный сон. Во сне к нему пришли женщины, которых Распутин хорошо знал. Это были Ирина Данилова, Наталья Степанова и Лиза Тансин. Они стали над ним смеяться и жечь его тело каленым железом. Распутин чувствовал, что умирает, и тогда к нему пришла Казан-

ская Божья Матерь и осенила крестным знаменем, после чего он пришел в себя. Сам старец об этом не упоминал. Если с ним такое и произошло, что весьма маловероятно, императрица об этом не должна была знать, так как такого рода чтение вряд ли пришлось бы ей по душе. Хотя в своей книге Распутин неоднократно упоминал, что добросовестно постился и ничего не ел, кроме сухарей, думая о спасении души. Возможно, он потерял сознание от голода. Он писал, что в Гефсимани чувствовал себя полностью обессиленным и «боялся ступить по Святой земле, где каждый камешек был священным».

Однако вскоре он достаточно окреп и искупался в водах реки Иордан. Мертвое море произвело на Распутина огромное впечатление. «На нем лежит проклятие Божье. Наши души наполнились ужасом и благоговением... Ни одно живое существо, ни рыба, ни насекомое, не может здесь жить, поэтому на него нельзя смотреть без слез». В Вифлееме Распутин жаловался на отсутствие надлежащих условий для русских паломников. Католики ему не понравились, так же как и турки. Он хорошо знал, что император оценит его простой патриотизм. По сравнению с православной, католическая Пасха показалась Распутину мрачной. «Даже в храме у них нет радости и воодушевления. Кажется, что они что-то потеряли. Когда они выходят из храма, видно, что в их душе нет радости... Как же счастливы мы, православные!»

Пока Распутин был в Вифлееме, Илиодор ослушался Столыпина и Синод, покинул Новосильский монастырь и вернулся в Царицын. Губернатор Стрелюхов окружил его штаб-квартиру войсками, но на защиту монаха вышли вопящие женщины и босые крестьяне, которые грозились убить каждого, кто посмеет поднять руку на их кумира. Они поклялись не есть, не пить и не спать, пока не будет отменен приказ о

высылке Илиодора. Император предал и своего премьер-министра, и губернатора. 3 апреля 1911 года епископ Царицынский огласил решение Николая: «Принимая во внимание просьбы народа, 1 апреля император разрешил иеромонаху Илиодору вернуться в Царицын из Новосильского монастыря».

Столыпин был в ярости. Он предложил Стрелову подать в отставку, чтобы привести Николая в чувство. Губернатор согласился и сказал, что воспользуется возможностью и поговорит с императором и о той поддержке, которую оказывали Илиодору Гермоген и Распутин. На следующее утро губернатору позволил не назвавший себя человек (однако было ясно, что он говорит от имени Столыпина), который посоветовал ему во время беседы с императором не упоминать «третье лицо». Влияние Распутина достигло той точки, когда сам российский премьер-министр советовал своему коллеге не упоминать его имени.

Это событие вызвало международный интерес, так как Роберт Уилсон из лондонской «Таймс» снова отправился на юг. Его сильно заинтриговал тот факт, что «безумный монах из Царицына» (так он называл Илиодора) при поддержке «странного сибиряка» Распутина смог унижить человека, занимающего такое высокое положение, как Столыпин. По приезде корреспондент увидел толпу паломников, ожидавших прибытия зафрахтованного парохода, чтобы уехать из Царицына. Истеричная атмосфера подогревалась 1100 женщинами, разделившимися на группы человек по пятьдесят. За плечами у них были дорожные мешки. Во главе процессии шел Илиодор, одетый в рясу с красно-белоголубым воротником, цветами государственного флага. Весь город собрался на пристани, чтобы попрощаться с монахом. В церквях торжественно звонили колокола, а люди распевали церковные и государственный гимны. Среди толпы были представители местных властей и духовенства, а также отцы города.

Илиодор определил цель паломничества так: «Революционеры хотели отправиться по Волге, расстреливая наши города, но им это не удалось. Наша миссия заключается в том, чтобы нести в эти города слово Божье и святую истину». Затем паломники погрузились на пароход, который отправился вверх по реке, останавливаясь в каждом крупном городе. Во главе процессии паломников шли 50 красивых девушек, выбранных Илиодором, а за ними следовали лучшие певцы. Илиодор все хорошо подготовил. Священнослужители и чиновники были на грани безумия, и Уилсон видел, что они подчиняются воле «сумасшедшего монаха».

Почтенные епископы перед ним благоговели, а губернаторы целовали ему руку. Процессии врывались в церкви и соборы в любое время дня и ночи, «архиепископов вытаскивали из дома, принуждали облачаться в праздничные одежды и служить торжественную обедню. На всех, кто пытался отказать Илиодору в почестях, обрушивался поток брани и проклятий». Когда в одном из волжских городов ему оказали холодный прием, он посулил ему участь Содома и Гоморры. Другому городу Илиодор предсказал, что его завоюет китайская конница и водрузит над церковью знамя с драконом, так как она не спешила открыть перед ним двери. В Казани Илиодор предал анафеме архиепископа.

К тому времени как паломники вернулись в Царицын, Илиодор, по мнению Уилсона, «находился на грани безумия и нуждался в немедленном медицинском обследовании». Во время проповедей под открытым небом монаха сопровождал охранник, вооруженный пистолетом. Теперь перед Илиодором несли новое знамя, на котором был изображен огромный шест со свисающим с него топором и пикой. «До сих пор мы только угрожали своим врагам. Но с этого часа мы начнем стрелять. Предстоит смертельная битва. Поднимайся, православный русский народ, подними знамя борьбы во имя защиты святой веры, самодержавия

и русского братства. Берегитесь, евреи и русские глупцы», — проповедовал Илиодор.

В любой момент могло начаться кровопролитие. Последователи Илиодора нападали на всех, кто не снимал головные уборы или посмел засмеяться в присутствии монаха. Одного русского журналиста избила толпа. Монах приказывал паломникам поднимать свои посохи вверх и махать ими до тех пор, пока он знаком не прикажет опустить их вниз. По мнению Уилсона, единственной причиной, по которой император терпел выходки Илиодора, был расчет выставить впоследствии реакционную «черную армию» против «красной угрозы».

В конце июня Распутин вернулся в Санкт-Петербург. Как он и рассчитывал, паломничество вернуло ему милость и расположение императора, который теперь искал совета Распутина в вопросах политики и доверял ему секретные поручения. Впервые перед ним открылись вершины власти. Он несколько раз посетил дворец, чтобы отчитаться перед Александрой о своем паломничестве в Святую землю. Присутствовавшая при этом Вырубова впоследствии свидетельствовала, что ей не было известно, кому Распутин диктовал свои «Размышления», но «их содержание полностью соответствовало тому, что говорил Григорий Ефимович». Распутин рассказывал о своих странствиях в присутствии всей императорской семьи, включая великих княжон и наследника престола, которого иногда уводили спать во время беседы.

Распутин всеми силами стремился навредить своим врагам Столыпину и Лукьянову, обер-прокурору Святейшего Синода. С последним он разделался очень быстро, а его преемника В. К. Саблера Распутин фамильярно называл «мой человек». Справиться с премьер-министром было гораздо сложнее, однако предпосылки для этого были очень хорошими. Неприязнь

Столыпина к Распутину вызвала недовольство императрицы. Столыпин был уже унижен Илиодором, а теперь ему снова пытались навредить. Реформа, связанная с введением выбираемых на местах советов в западных пограничных областях, блокировалась статскими советниками, которые утверждали, что действуют так в соответствии с волей императора. Раздраженный Столыпин подал прошение об отставке, но не менее раздосадованный Николай прошение не принял, заявив, что не может допустить, чтобы министры уходили в отставку, когда им заблагорассудится. Чувствовавший себя разбитым Столыпин заболел гриппом. Он понимал, что потерял доверие императора и говорил друзьям, что скоро его убьет какой-нибудь агент охраны. Николай в это время обсуждал с Распутиным возможные кандидатуры на место Столыпина.

Рассматривалось два варианта. Первый заключался в том, чтобы восстановить Витте в должности премьер-министра и назначить Алексея Коковцева министром внутренних дел. В соответствии со вторым вариантом, премьером предполагалось сделать Хвостова, а нынешний министр финансов Коковцев должен был стать министром внутренних дел. Хвостов был молодым и мало в чем разбирающимся провинциальным губернатором, который привлек внимание императора во время посещения им Нижнего Новгорода. Назначая на самые ответственные государственные посты человека, которого знавшие его люди называли неопытным, продажным и самоуверенным ничтожеством, Николай вел опасную игру. Император знал, что Распутин не разбирается в делах управления государством, но он доверял ему как знатоку человеческих душ. Император попросил Распутина съездить в Нижний Новгород для «изучения души» его губернатора.

Распутин отправился в путь вместе со своим приятелем-шантажистом Сазоновым. Хвостов, которому сообщили, что какой-то крестьянин и авантюрист

просят у него аудиенции, отказался с ними встретиться. Тогда они ввалились к Хвостову в гостиную, оставляя на ковре грязные следы от сапог. Губернатор приказал вышвырнуть их вон. Распутин заявил, что император будет недоволен, когда узнает, какой прием оказали его посланнику. Он стал жаловаться, что у них с Сазоновым осталось всего три рубля, а губернатор даже их не накормил. Хвостов решил, что перед ним душевнобольной или авантюрист, но все же позвонил на телеграфную станцию, где ему сказали, что крестьянин действительно отправил телеграмму в Царское Село. В телеграмме говорилось: «Божья благодать коснулась Хвостова, но он молод, и кое-чего ему не достает». Если такова воля царя, он подойдет на должность министра внутренних дел, но не премьер-министра.

Затем Распутин и Сазонов отправились выяснять, согласится ли Витте снова принять должность премьер-министра. Витте проводил лето в Биаррице, когда в конце июля получил от Сазонова письмо, в котором тот предлагал бывшему премьер-министру оказать финансовую помощь его газете. Таким способом Сазонов вымогал взятку за пост премьер-министра, который предлагался далее в письме. Сазонов сообщал, что император решил заменить Столыпина до конца августа, а в конце письма выражалась надежда, что с приходом Витте правительство приобретет авторитет, которого ему не хватает. «Либо люди, делающие подобное предложение, лишились разума, либо они считают сумасшедшим меня, делая такое предложение», — размышлял Витте. Он не мог поверить, что влияние Распутина стало так велико, что темная личность, вроде Сазонова, может принимать участие в выборе кандидата на самый высокий в России пост.

Со смертью епископа Тобольского у Распутина появилась хорошая возможность повлиять на назначение его преемника. Покровское входило в Сибирскую епархию, и хотя Распутину в свое время удалось выпу-

таться из неприятностей, связанных с расследованием, проведенным епископом и касавшимся его связей с сектой хлыстов, ему хотелось, чтобы этот пост занял сочувствующий ему человек, на случай, если нечто подобное повторится. Выбор Распутина пал на Варнаву, отца-настоятеля Новолугвинского монастыря, находившегося недалеко от Москвы. Распутин и Варнава впервые встретились в доме Анны Шиповой, которая, возможно, и была госпожой С. в скандальной истории на Транссибирской железной дороге. Затем они стали встречаться на квартире князя Андронникова. Варнаве было 50 с небольшим, и он представлял собой весьма занимательную личность. Этот сын садовника, несмотря на отсутствие образования, отличался живым умом, хитростью и незаурядными способностями. Он питал слабость к молодым послушникам, которая и привела его в дом Андронникова. Варнава любил фотографироваться. На одной из фотографий, представленных впоследствии комиссии по расследованию, он был изображен в гробу, стоявшем на покрытой парчой кровати. На другом снимке Варнава сидел вместе с прильнувшим к нему миловидным женоподобным послушником. «В его глазах светился природный ум, тогда как нижняя часть лица напоминала сатира или козлоногого Пана».

У Варнавы и Распутина было много общего: ни тот, ни другой не верили в святость друг друга, но нуждались во взаимной поддержке. Варнава страстно хотел стать епископом, но отсутствие образования делало это невозможным. Однако теперь он понял, что есть человек, способный осуществить любую мечту. Распутин, в свою очередь, видел в Варнаве человека, который, получив с его помощью Тобольскую епархию, будет беспрекословно выполнять все его желания. Сначала Синод отказал в назначении, и даже Саблер был потрясен, когда император стал на нем настаивать. «Я указал государю на то, что Варнава не готов к такому назначению. Он не знал законов, был

неграмотным и мог вызвать насмешки и подорвать авторитет высокого поста епископа», — свидетельствовал впоследствии Саблер. Он не давал делу о назначении хода, пока не получил записку, написанную рукой императора: «Напоминаю вам о своем желании видеть Варнаву епископом Тобольским в ближайшем будущем». Благодаря такому давлению, а также поддержке приятеля Распутина, епископа Финского Сергия, удалось получить большинство голосов в Синоде, хотя и с незначительным перевесом. Чувства верующих были оскорблены тем, что император потворствовал Распутину в извращении государственной религии.

Желая досадить церкви еще больше, Распутин вместе с Лохтиной посетил в Царицыне Илиодора. Однако визит оказался неудачным, и Распутина встречали без прежнего пыла и энтузиазма. Тогда он пообещал три тысячи рублей для очередного паломничества, которое организовывал Илиодор. Он написал Александре письмо, в котором просил денег, и, по словам Спиридовича, они поступили через четыре дня. Когда пожертвований оказалось недостаточно, Лохтина заплатила 300 рублей за икону, а Распутин уговорил местных дам пожертвовать серебряный чайный сервиз. В знак благодарности одна маленькая девочка подарила ему букет цветов со словами: «Ваша душа прекрасна, как эти цветы». И все же Распутин заметил, что на хоругвях, которые несли верующие, его изображение отсутствовало. Там были только портреты Гермогена и Илиодора. Самолюбие Распутина было уязвлено, и он послал телеграмму Вырубовой, в которой сообщал ей о происшедших переменах.

Распутин прочел проповедь под открытым небом, которая произвела большое впечатление на Илиодора. «С тех пор как мы знакомы, он впервые казался по-настоящему привлекательным, — писал монах. — Его высокая худая фигура в богатом крестьянском одеянии

была поистине великолепна, когда в разгар проповеди он наклонился вперед, удерживаясь на стройных ногах в лакированных сапогах. С трибуны Распутин казался мне воздушным созданием, готовым в любую минуту взлететь... но не в небо, а в преисподнюю. Его чисто вымытые волосы и борода развевались на ветру, окружая лицо элегантным ореолом... Голос его был отрывистым, уверенным и звучным, а лаконичная речь — серьезной и исполненной силы». Илиодор запомнил отрывок из проповеди Распутина: «Да, мои враги усилили свои нападки. Они думают, что пришел мой конец. Смешно! Близится их собственный конец, а вовсе не мой. Кто они такие? Черви, ползающие в миске с капустой. Презренные черви и ничего более. Они хотят меня уничтожить. Но не надо рыть яму другому!»

Примечательно, что Илиодор увидел Распутина летящим в преисподнюю, а также запомнил его слова о своих врагах. Вскоре сам Илиодор примкнет к их лагерю. Распутин и Илиодор вместе посетили женский монастырь в Дуброве, где мать-настоятельница встретила Распутина с почестями и преподнесла ему свечу, украшенную цветами, которую она сделала сама. Илиодор заметил, что старец успел посетить нескольких монахинь в их кельях. Монах также слышал хвастливые рассказы Распутина о том, как он способствовал назначению Саблера на должность обер-прокурора Синода и что он позаботится о том, чтобы Столыпина отправили в отставку. Когда Распутин остановился в Саратове, чтобы повидаться с епископом Гермогеном, старый друг встретил его холодно и предупредил, что имеются неоспоримые доказательства развратной жизни Распутина и закрывать на это глаза нельзя. Гермоген, по крайней мере, был в здравом уме, в то время как душевное состояние Илиодора делало его еще более опасным.

Однако первым пострадал не Распутин, а один из тех, кого он назвал «ничтожными червями». Петра

Столыпина ожидали в Киеве в конце августа. Он должен был присутствовать на церемонии торжественного открытия императором памятника Александру II, погибшему от рук террористов царю-освободителю. Столыпин знал, что ему недолго осталось пребывать на посту премьер-министра. Его не пригласили присоединиться к императорскому поезду для поездки на Украину. Распутин также приехал в Киев и остановился у одного из членов «Черной сотни». 30 августа он стоял в первом ряду зрителей на Александровской улице, недалеко от Киевского музея, и наблюдал за проходившей по городу торжественной процессией.

Когда карета Александры, охраняемая полицейским эскортом и кавалеристами, проезжала мимо, старец встретился глазами с императрицей и благословил ее. Она улыбнулась в ответ и кивнула ему головой. Карета Столыпина ехала сзади, он выглядел загорелым и посвежевшим после летнего отдыха. Охраны рядом с ним не было, и он казался совершенно незащищенным перед террористами. Ехавшему вместе с ним министру финансов Коковцеву он сказал: «Мы здесь лишние». По утверждению Вырубовой, Распутин, увидев Столыпина, побледнел, задрожал всем телом и воскликнул: «За ним идет смерть! Смерть идет за ним!» В ту ночь хозяин дома, где остановился Распутин, слышал, как тот беспокойно ходит по комнате, бормоча: «Смерть совсем рядом... я бессилён перед ее костлявой рукой». Симанович заявлял, что Распутин уже говорил и ему, и императору, что «старика», как он называл Столыпина, убьют, как только тот приедет в Киев. Он также предупреждал, что после смерти Столыпина начнутся еврейские погромы.

Полицейский осведомитель Дмитрий Богров, внедрившийся в революционную среду по заданию Охранного отделения, рассказал подробности заговора с целью убийства императора во время его пребывания в Киеве. Полиция поверила в эту версию и направила

все силы по ложному следу. Богрову выдали полицейский пропуск для посещения Киевского оперного театра, где 1 сентября 1911 года давали «Сказку о царе Салтане» Римского-Корсакова. Он должен был отслеживать террористов, которые могли проникнуть в театр. Император сидел в царской ложе вместе с дочерьми Ольгой и Татьяной. Императрица, ненавидевшая подобные торжественные мероприятия, отсутствовала.

Столыпин сидел в первом ряду партера. Во время второго антракта он встал и повернулся спиной к сцене. Зал постепенно пустел, так как публика отправилась в буфет за прохладительными напитками и сладостями. В этот момент в проходе появился молодой человек в вечернем костюме, на который был накинут плащ. Вечер был душным, а все лето таким знойным, что на Украине выгорела даже трава. Однако переодетые агенты полиции не обратили внимания на человека в плаще. Кроме того, у него был полицейский пропуск. Богров дважды выстрелил Столыпину в грудь из любимого оружия террористов, пистолета системы «Браунинг».

Услышав выстрел, император решил, что что-то упало. Он побежал назад в ложу, чтобы посмотреть, не упал ли кому на голову бинокль. Взглянув вниз, он увидел, как люди в мундирах кого-то тащат по ковру. Впоследствии Николай написал матери: «Столыпин стоял. Потом он стал медленно поворачиваться к нам, делая в воздухе левой рукой знак креста. Только тогда я заметил, что он очень бледен, а его правая рука и мундир испачканы кровью. Он упал в кресло и стал расстегивать ворот мундира... Народ хотел линчевать убийцу, но, к сожалению, полиция спасла его от толпы... Зал снова наполнился людьми, которые запели государственный гимн. Я с девочками ушел в 11, сама можешь представить, с какими чувствами».

Раненый премьер-министр промучился еще пять дней, после чего скончался. Он дал взбудораженной

стране покой и стабильность, при нем объем промышленного производства увеличился почти вдвое. Лидер ушедших в подполье большевиков Владимир Ленин, находившийся в то время в Париже, в городе, который он терпеть не мог, был почти уверен, что шанс для революции в России потерян. Смерть Столыпина потрясла даже представителей левого крыла. «Самым безразличным казался император, не выразивший никакого сочувствия, кроме общепринятых слов соболезнования», — писали современники.

3 сентября Николай посетил больницу, где лежал раненый Столыпин, однако госпожа Столыпина непустила его к мужу. О смерти премьер-министра императору сообщили на пристани, когда он вернулся с прогулки по Днепру. В больнице в присутствии императора отслужили панихиду. «Несчастливая вдова стояла словно каменная и не могла плакать», — писал Николай. Она прекрасно знала о враждебном отношении государя к ее мужу и, возможно, подозревала, что тот замешан в убийстве. Ее подозрения разделяли многие, так как агенты полиции имели обыкновение убирать всех, кто пришелся не по вкусу руководителям «Черной сотни». Если эти реакционеры и не действовали по прямому приказу императора, то в своих листовках они открыто утверждали, что действуют в его интересах. Богрова поспешно повесили, убрав таким образом со сцены главное действующее лицо. Кроме того, отстранили от должности четырех высших полицейских чинов и назначили официальное расследование, необходимое для привлечения к суду людей такого ранга. Николай с этим не согласился. Царевич Алексей недавно оправился после очередного кровотечения. По словам Вырубовой, император послал Распутину телеграмму, в которой просил его помолиться за сына. В ответной телеграмме Распутин якобы успокоил императора и императрицу, утверждая, что наследник останется жив. В связи с этим, Николай «не был располо-

жен кого-либо наказывать», после того как Господь оказался так милостив к нему.

Никаких доказательств, свидетельствующих о том, что император имел отношение к смерти Столыпина, найдено не было. Некоторые придворные считали, что Николай умышленно взял Столыпина в Киев, чтобы предсказание Распутина сбылось. Симанович считал это обвинение надуманным и беспочвенным. Однако императрица была довольна и не скрывала этого. Александра считала, что Столыпин сам навлек на себя беду из-за своего презрительного отношения к Распутину. В беседе с двоюродным братом императора, великим князем Дмитрием Павловичем, она сказала: «Тот, кто оскорбляет Господа в лице нашего Друга, не может больше рассчитывать на его защиту». А в это время сам «Друг», предсказавший смерть своего врага, готовился к торжественной встрече его преемника.

Новое назначение состоялось, как бы невзначай, 9 сентября. Владимир Коковцев принял на себя руководство правительством в ночь убийства Столыпина и действовал очень эффективно, послав в Киев три казачьих полка, чтобы предотвратить еврейские погромы, которыми «Черная сотня» ознаменовывала подобные события. Симанович ошибочно приписал эту меру предосторожности Николаю, утверждая, что на такое необычное действие императора побудила телеграмма Распутина, в которой говорилось: «Радость, мир и покой... Кровь иноверцев на земле русского царя так же бесценна, как и кровь наших братьев».

Коковцев приехал на вокзал, чтобы проводить императорскую чету в Крым, где они собирались остановиться в Ливадийском дворце. Неожиданно появился посыльный и передал ему приказ немедленно явиться к императору. Николай принял Коковцева в своем кабинете и объявил, что хочет назначить его премьер-министром, а молодого Хвостова — министром внут-

ренных дел. Слова императора привели Коковцева в ужас. «Ваше величество, вы стоите на краю пропасти, — сказал он. — Назначение Хвостова означает, что вы решили прибегнуть к крайним мерам». Александра стояла уже в шляпе и с нетерпением ждала супруга.

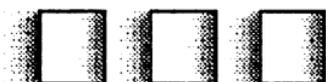
— В таком случае, — ответил император, — я прошу вас принять пост премьер-министра, а что касается министра внутренних дел, то я об этом подумаю, — с этими словами Николай сел в автомобиль.

С тех пор, как более века назад князь Потемкин отвоевал Крым у татар, полуостров стал особенным местом для русских. На его юго-восточном берегу, защищенном горами от холодных северных ветров, каждый год отдыхали Романовы. Вместо старого деревянного дворца в Ливадии, где умер его отец, Николай построил из белого известняка и мрамора новый дворец в итальянском стиле. Семья была там счастлива. Император ездил верхом, играл в теннис и плавал с царевичем Алексеем на Золотом пляже, недалеко от Ласточкина Гнезда. Дочери императора невинно флиртовали с молодыми офицерами Черноморского флота, а Александра отдыхала в своей комнате с видом на горы. Вместе с Вырубовой она могла ходить инкогнито по магазинам в Ялте, которая находилась в 45 минутах ходьбы от дворца. Такая вольность была невысказанной в северной столице.

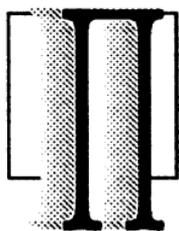
Однако императрица и здесь не забывала о политике. Когда Коковцев приехал во дворец, она пригласила его на чай. «Я вижу, что вы постоянно сравниваете себя со Столыпиным, — сказала императрица. — Вы слишком чтите его память и преувеличиваете значение его деятельности... Поверьте мне, никто не должен сожалеть о тех, кого уже нет. Я уверена, что когда человек умирает, это означает, что его миссия на земле закончена... Оставайтесь самим собой и не ищите поддержки у политических партий, они так мало значат в России. Ищите поддержку в доверии Государя — и

Господь вам поможет. Я уверена, что Столыпин умер для того, чтобы освободить место вам, и все это пойдет России на благо». Коковцев понимал, что такое пренебрежение к политическим партиям, как и вера в Бога и самодержавие, имеют свою цель. Императрица считала, что смерть Столыпина напрямую связана с его неприязнью к Распутину и предупреждала нового премьера, чтобы тот закрыл глаза на выходки старца. «Как это ни странно, — писал Коковцев, — но вопрос о Распутине стал самым главным на ближайшее будущее, и так продолжалось до конца моего пребывания на посту премьер-министра».

Императорская семья оставалась в Ливадии до конца декабря. Распутин приехал в Ялту и остановился в отеле «Эдинбург» под фамилией Новикова. 6 декабря, на день Св. Николая Угодника и день именин императора, он был приглашен во дворец. Старец посетил дворец несколько раз. Покидая Крым, он чувствовал себя счастливым и уверенным. 13 декабря он отправил из Москвы телеграмму, в которой говорилось, что он возвращается в Петербург. Однако он был слишком самонадеян. Старые «друзья», старавшиеся изо всех сил навредить старцу, с нетерпением его поджидали.

Глава тринадцатая СКАНДАЛ

Первым приехал в Санкт-Петербург Илиодор. Епископ Гермоген также приехал в город, посетил заседание Синода и остановился в Ярославльском монастыре. Капитан Родионов, писатель из казаков и депутат Думы, сообщил ему о новых выходках Распутина. Все трое встретились с юродивым Митей, чтобы обсудить старца. Завидуя успеху Распутина и шипя от злости, юродивый утверждал, что салонные сплетни о том, что Распутин занимается любовью с императрицей, являются правдой. Он говорил, что развратника надо убить или, по крайней мере, кастрировать. Илиодор ополчился против бывшего друга и предлагал запретить Распутина где-нибудь на Сахалине, а его дом в Покровском публично сжечь.

Гермоген не впадал в подобные крайности и считал, что Распутин должен дать клятву никогда больше не появляться во дворце. Гермоген объяснил газете «Русское слово», что сначала он увидел в старце «искру Божью» и отнесся к нему с симпатией. «Скажу откровенно, я все пережил сам. Не один раз

он отзывался на боль моей души и завоевал ее, так же как и души других людей. Во всяком случае, так было в начале его пути». Однако слишком поздно, к концу 1911 года, епископ понял, каким человеком был Распутин на самом деле. «Он страдал недугом, именуемым похотью. Я бы назвал это сатириазом», — говорил епископ. Именно этот грех Распутина он и собирался разоблачить.

Получив телеграмму Распутина из Москвы, Митя и Родионов вынудили Гермогена пойти еще дальше. Епископ с неохотой согласился встретиться с министром юстиции и рассказать ему об их плане похищения Распутина, с тем чтобы запереть его в монашеской келье. Однако министр назвал такие действия незаконными. 16 декабря Распутин прибыл в Петербург и позвонил Илиодору, предложив ему прийти на квартиру к Мане Головиной на Зимнем Канале. При встрече Илиодор попросил Распутина съездить в Ярославльский монастырь, где его ждал Гермоген.

Заманив жертву в монастырь, Илиодор позвонил Родионову и Мите. Когда те приехали, Распутин почувал неладное и занервничал. Он не был готов к такой встрече. Противники превосходили его численностью, а за каменными стенами монастыря ждать помощи было неоткуда. Гермоген имел мощное телосложение и рост более шести футов, а Родионов, приглашенный в качестве свидетеля разоблачений епископа, и вовсе выглядел атлетом. Вдруг Митя визгливо закричал: «Ах, нечестивый!» С этими словами он схватил Распутина за половой член, виновник всех его грехов. Илиодор тоже набросился на бывшего друга, обвиняя того в изнасиловании послушницы Ксении.

— Ты лжец и мошенник! — кричал Гермоген, размахивая большим деревянным распятием. — Ты называл себя святым, а сам жил в грехе и грязи. Я совершил ошибку, представив тебя императорской семье, но теперь я вижу твое истинное лицо... Своим поведением

ты мараешь имя императрицы, своими нечестивыми руками ты смеешь касаться ее священной особы... Именем Господа приказываю тебе исчезнуть и не раздражать русский народ своим присутствием во дворце!

Об этой сцене рассказывал Родионов. Глаза Распутина сделались почти белыми, он злобно изрыгал проклятия и угрозы в адрес епископа.

— Ах ты, грязный развратник! Так ты отказываешься подчиниться приказу епископа? — кричал Гермоген. — Ты мне угрожаешь? Так знай же, я, епископ, проклинаю тебя!

Проклятия Гермогена испугали Распутина. Это подтверждали и Илиодор, и Родионов, а также и сам Гермоген. Это был первый и единственный случай, когда Распутину изменила его обычная самоуверенность. Гневные тирады священнослужителей ошеломили старца, который не ожидал ничего подобного. Кроме того, они исходили из уст духовных лиц, имевших высокий сан, для которых изобличение вероотступников было хлебом насущным.

— Это правильно? — громогласно вопрошал Гермоген.

— Правильно, правильно, — бормотал Распутин.

Гермоген ударил его кулаком по лицу, а затем стал избивать распятием.

Распутин отбивался, как мог, и лицо его было в этот момент ужасно. Родионов выхватил из ножен казачью саблю и поспешил на помощь епископу. Гермоген схватил Распутина за волосы и потащил в маленькую часовню, где поставил его на колени и заставил поклясться перед иконой, что он больше никогда не прикоснется ни к одной женщине и не появится в Царском Селе, а также не будет пытаться установить связь с императорской семьей.

— Я пытался исправить его, — вспоминал Гермоген в беседе с журналистом из «Русского слова». — В часовне я прочел молитву и приказал ему отречься от дея-

тельности, оказывающей столь губительное влияние на жизнь высшего общества и всего государства. Наконец, я приказал ему вернуться в Покровское. Казалось, я убедил его.

Распутин поклялся исполнить волю епископа.

— Хорошо, — ответил он епископу. — Я уеду в Покровское. У меня там много зерна, и я заживу в достатке и никогда больше не стану общаться с людьми из высшего света. — С этими словами он убежал.

На следующий день он попытался исправить случившееся и пошел к Илиодору.

— Спаси меня! — молил он. — Спаси!

Однако Илиодор снова отвел его к епископу, который отказал ему в прощении со словами: «Нигде и никогда!»

Новость об избиении Распутина стала известна благодаря стараниям писателя Родионова. Пресса ухватилась за это событие и снова стала говорить о том, что старец принадлежал к секте хлыстов. Московская газета «Голос Москвы» напечатала письмо к редактору, написанное Михаилом Новоселовым, ассистентом профессора Московской академии богословия и специалистом по незаконным культам. Письмо было основано на написанном им же памфлете, и в нем выдвигалось требование, чтобы Синод, все еще заседавший в Санкт-Петербурге, объявил Распутина еретиком.

Оно начиналось словами «*Quo usque tandem!* (До каких же пор!)».

«Эти слова возмущения срываются с губ православных и направлены против коварного заговорщика, предающего нашу Святую Церковь, этого растлителя души и тела — против Григория Распутина, бесстыдно прикрывающегося Святой Церковью. «До каких пор?» С этими словами дети русской церкви вынуждены обратиться к Синоду, видя, как он потворствует Григорию Распутину. Как долго будет молчать и бездействовать

Синод, перед лицом которого разыгрывается эта преступная комедия? Почему он хранит молчание, забыв о заповеди Всевышнего защищать овец от волков?

Почему молчат стражи Израиля, в то время как в письмах ко мне некоторые открыто называют этого псевдоучителя хлыстовцем, эротоманом и шарлатаном? Почему похотливому хлысту позволяют творить черные дела под личиной благочестия?... Где же направляющая рука, если она не хочет выбросить бесстыдного совратителя за ограду, охраняющую церковь?»

Упоминание о «Друге» императрицы как о хлысте и эротомане произвело сенсацию. Во время реформ после 1905 года предварительная цензура была упразднена, а газеты облагались штрафом и подлежали конфискации после публикации. Pamфлеты Новоселова были конфискованы, а все экземпляры «Голоса Москвы», обнаруженные при обыске типографии, где печаталась газета, были сожжены. Газету оштрафовали на большую сумму. Что касается общественности, то она посчитала такие действия подтверждением того, что Распутин и в самом деле был хлыстом, в чьи сети попала сама императрица. Политический деятель Родзянко писал, что сохранившиеся номера газеты стали продавать по баснословным ценам. А все остальные газеты стали писать о Распутине и незаконной конфискации памфлета. Впервые в прессе начали печатать письма женщин, совращенных Распутиным, а также фотографии его почитательниц. «Чем больше рвения проявляла цензура и полиция, тем больше материалов публиковали газеты, и тем большие штрафы на них налагались», — писал Родзянко.

Распутину грозили большие неприятности, и, так же как в случае шантажа с помощью фотографий, он решил, что лучшая защита — это нападение.

На Рождество Николай и Александра вернулись из Крыма в Царское Село. Распутин через Вырубову пе-

редал им, что Гермоген и Илиодор заманили его в ловушку и пытались убить. Он просил императора немедленно выслать их из столицы, пока они не направили еще больших бед. Распутин также оказывал давление на Саблера, который благодаря ему получил пост обер-прокурора Святейшего Синода. Эти действия старца имели результат, и 3 января 1912 года Саблер представил императору рекомендацию Синода, в которой Гермогену приказывалось вернуться в Саратовскую епархию. Николай ее подписал.

Это было беспрецедентное наказание для члена Синода, которого выслали из столицы во время его заседания. Гермоген отказался ехать в Саратов и дал телеграмму Илиодору, вернувшемуся в Царицын, прося его обо всем сообщить представителям прессы. Гермоген требовал, чтобы ему позволили предстать перед судом 12 епископов. В соответствии с каноническим законом, только такой суд мог исключить его из Синода. Гермогену в этом отказали. 16 января он попросил аудиенции у императора. «Я готов повиноваться приказу суверена, но приказам Гриши Распутина — никогда!» — заявил Гермоген. Николай через Саблера дал понять, что не примет епископа. Тогда Гермоген написал императору письмо, в котором умолял его «выдернуть сорняки, проросшие вокруг трона»: Оно осталось без ответа. Он дал телеграмму императрице, которая ответила, что епископ должен подчиниться приказу Синода, действовавшего от лица Господа.

17 января Гермогену сообщили, что Синод лишил его епархии и отправил в ссылку в далекий Жировицкий монастырь во Владимирской губернии*. Илиодора сослали во Флорищеву пустынь. Однако закон об исключении к нему применить не удалось, так как монах скрылся. Гермоген покорился судьбе и через неделю

* Жировицкий монастырь находился в Гродненской губернии. (Прим. ред.)

покинул столицу. «Разоблачение Распутина сыграло роковую роль в моей жизни, — заявил он журналисту из «Русского слова». — Я был вынужден уйти из своей епархии. Более того, меня выслали из Петербурга, не дав ни малейшей возможности объясниться. Даже мы, люди, постигшие мудрость богословских наук, не сразу поняли, каким человеком был на самом деле Распутин. Неудивительно, что этого не рассмотрели слабые женщины, попавшие в его сети... Что до мужчин, то он их просто запугивал. Верующим он говорил: «Если вы меня прогоните, Бог вас накажет, и с вашим домом случится нечто ужасное». — Гермоген имел в виду императора. Далее он ссылался на Саблера и членов Синода, цеплявшихся за свои места. — Распутин рассказывал о своей силе и влиянии, угрожая людям: «Берегитесь, вам будет плохо, если вы меня не слушаетесь». И они слушались».

Илиодор вскоре дал знать, что не собирается безропотно мириться с наказанием, и опубликовал в печати заметку под названием «Гриша», подписав ее своим именем и указав дату. «Саблер — это творение Распутина, — говорилось в заметке. — Гриша рассказывает, как Саблер благодарил его на коленях за должность обер-прокурора Святейшего Синода. Епископ Варнава также является Гришиным творением... Вот что я могу посоветовать по поводу Гриши: он хлыст и неисправимый развратник, и его нужно удалить от императора и наказать за то, что он изображал из себя святого и приблизился к императорской семье. Если Гришу не убрать, царский трон будет повержен, а Россия погибнет. 25 января 1912 года, Илиодор».

Редакторы газет с радостью публиковали заметку Илиодора, так как возрастающий тираж покрывал штрафы. Николай II пришел в ярость. 29 января, в Зимнем дворце, во время обеда, данного в честь жадного до денег отца сестер Черногорок, он приказал министру

внутренних дел принять «самые суровые меры» против любой газеты, в которой упоминалось имя Распутина. На следующее утро министр Макаров (так как против кандидатуры Хвостова были возражения) поднял этот вопрос на встрече с премьер-министром Коковцевым и Саблером. Саблер считал, что Распутин должен немедленно уехать в Сибирь. Они попросили министра двора графа Фредерикса изложить их соображения императору, что Фредерикс и сделал.

— Сегодня они хотят, чтобы уехал Распутин, — возразил Николай, — а завтра они выберут жертвой кого-нибудь еще.

1 февраля у Макарова состоялась запланированная встреча с императором, и Николай сказал, что они поговорят о Распутине в другой раз. 3 февраля Коковцев сделал вторую попытку. «Я подробно рассказал государю, какой ущерб нанесен его престижу и как важно пресечь это в корне. Император слушал меня молча, глядя в окно, как он обычно делал, когда бывал чем-либо недоволен. Вдруг он перебил меня: «Да, вы правы. Необходимо это в корне пресечь, и я приму решительные меры. Мы поговорим об этом позже, а пока давайте не будем касаться этой темы», — вспоминал Коковцев.

Николай ничего не стал предпринимать, и ситуация ухудшилась. Илиодор связался с журналистами и передал им копии писем императрицы и ее дочерей к Распутину. Илиодор украл эти письма, когда гостил у Распутина в Покровском. На письмах императрицы не была указана дата, но, предположительно, они были написаны в 1908 или 1909 годах.

«Мой любимый и незабвенный учитель, спаситель и наставник! Как я тоскую без тебя. Моя душа спокойна лишь тогда, когда ты, учитель, сидишь рядом со мной и я целую твои руки и склоняю голову на твое благословенное плечо. Ах, как же мне тогда легко! Я хочу только одного: навеки уснуть на твоём плече, в твоих

объятиях. Ах, какое это счастье просто чувствовать рядом твое присутствие. Где ты? Куда ушел? Я чувствую себя такой несчастной... такая боль в сердце...

Но только, мой любимый наставник, не говори Ане (Вырубовой) о моих страданиях в твое отсутствие. Аня добрая и хорошая, она любит меня, но ты не должен открывать ей мое горе. Когда ты снова будешь рядом со мной? Приезжай скорей. Я жду тебя и терзаю себя из-за тебя. Прошу твоего святого благословения и целую твои благословенные руки. Любящая тебя навеки, М.».

Буква «М» означала слово «мама».

Это письмо было похоже на страстное любовное послание, именно так его и поняли люди, покупавшие растиражированные копии. «Только тот, кто не знал императрицу, ее возвышенный дух и кристально чистую семейную жизнь, лишь глубоко порочные люди, фанатики или любители скандалов могли увидеть в этом письме подтверждение возмутительной клеветы», — писал Спиридович. Однако лишь очень немногие знали императрицу. Хуже всего были строки, где царственная особа собиралась целовать руки Распутина и засыпать, положив голову на плечо простого сибирского крестьянина.

Была ли это обычная литературная вольность? Вырубова и Лили фон Ден впоследствии утверждали, что императрица никогда не целовала рук у старца. Но почему тогда Александра сама об этом пишет (а подлинность ее письма доказана)? Почему она использует любовную лексику, если ее привязанность к Распутину носила только духовный характер? Предположив обратное, пресса стала распространять истории о соблазнении Распутиным царственных особ и о царственных мужьях-рогоносцах.

Однако, кроме этого письма, никаких доказательств любовной связи Распутина и императрицы не существует. Комиссия по расследованию императрицу не

допрашивала, не имея на то права. Однако, как уже говорилось ранее, медицинское обследование показало, что Вырубова, которая, по предположениям, была любовницей Распутина, оказалась девственницей. Симанович, занимавшийся темными делами, считал своим профессиональным долгом не отставать от Распутина. Его не мучили угрызения совести, когда он распускал не менее непристойные слухи о том, что отцом царевича был генерал Орлов. Однако он упоминал о слухах по поводу того, что императрица была любовницей Распутина, только когда рассказывал, что сам Распутин к таким слухам был безразличен.

Однако доказать обратное также трудно. После революции были опубликованы письма Александры к мужу, и хотя из них видно, что она глубоко и искренне любила Николая, они не более эмоциональны, чем письма к Распутину. Замужние женщины частенько занимались любовью с предводителями хлыстов, что никак не влияло на их семейную жизнь. Было известно, что Распутин поддерживал дружеские отношения, по крайней мере, с двумя мужьями, которых он сделал рогоносцами. Когда его начинали за это упрекать, он отвечал, что не виноват, если высокопоставленные мужья заставляли своих жен и любовниц бегать за ним, в надежде получить какую-либо выгоду. «Большинство этих женщин вступали с ним в связь с согласия мужей или родственников», — утверждал Симанович.

Что касается императрицы, то хотя во время ее встреч с Распутиным присутствовала Вырубова, известно, что Распутин имел обыкновение заниматься любовью, когда в соседней комнате находились его почитательницы. В 1911 году он привез из Сибири женщину по имени Акулина Лаптинская, которая была его секретарем и экономкой до момента убийства. Кроме того, она делала массаж императрице. «Он находился в окружении поклонниц, с которыми спал, — свиде-

тельствовала Акулина в 1917 году. — Он занимался этим открыто, никого не стесняясь. Он ласкал их... а когда они доходили до нужного состояния, просто уводил их в кабинет и делал свое дело... Я часто слышала его высказывания, в которых религиозность смешивалась с распутством. Он сидел и поучал своих почитательниц: «Вы думаете, что я вас унижаю? Нет, я вас очищаю». Это и была его основная мысль. Он также использовал слово «благодать», подразумевая, что, занимаясь любовью с мужчиной, женщина получает Божью благодать».

Фактически сам Илиодор по неосмотрительности представил очевидные доказательства того, что письмо императрицы нельзя рассматривать буквально. Когда он бежал в Саратов, в надежде найти убежище в бывшей епархии Гермогена, за ним увязалась толпа журналистов. Он исправно снабжал их необходимым материалом, выдавая украденные письма молодых великих княжон. Письма действительно являлись ярким свидетельством того, насколько близок был Распутин к императорской семье. Но лишь как друг, исповедник и духовный наставник, а не как любовник. Ольга, красивая 16-летняя девушка с каштановыми волосами и отцовскими ясными глазами, с удивительной искренностью и непосредственностью писала Распутину о своей любви к молодому гвардейскому офицеру: «Николай сводит меня с ума. Всякий раз, когда я иду в собор Св. Софии и вижу его, я готова вскочить на стену, а по всему моему телу идет дрожь... Я люблю его... Я готова броситься к нему. Ты советовал мне быть более осмотрительной. Но как я могу это сделать, если не владею собой?.. Любящая тебя Ольга».

Татьяна была двумя годами младше и отличалась непринужденностью и разговорчивостью. Она скучала по Матреше, так она называла дочь Распутина Марию, и хотела увидеть сказочную Сибирь, о которой так часто рассказывал старец.

«Мой дорогой и верный друг!

Как долго ты еще будешь оставаться в Покровском? Как твои дети? Как Матреша? Когда мы собираемся у Ани, то всегда вспоминаем всех вас. Нам так бы хотелось побывать в Покровском... Устраивай свои дела поскорее, ты можешь сделать все. Господь тебя так любит... Мы скучаем по тебе, скучаем. Ах, если бы ты только знал, как трудно нам переносить мамину болезнь. Но ты и сам знаешь, потому что ты знаешь все. Крепко целую тебя от всего сердца, мой дорогой друг... До свидания, твоя Татьяна».

Марии было 12 лет, когда Илиодор отдал ее письмо журналистам. Когда она писала это письмо, то искренне переживала, что плохо себя вела.

«Милый, дорогой, незабвенный мой друг!

Я так по тебе скучаю. Ты не поверишь, но почти каждую ночь я вижу тебя во сне. Утром, когда я просыпаюсь, я достаю из-под подушки Евангелие, которое получила от тебя в подарок, и целую его... Потом я чувствую, что целую тебя. Я такая нехорошая, но хочу быть доброй и не хочу обижать нашу милую и славную няню. Она так добра, и мы все так ее любим. Молись, незабвенный друг, чтобы я всегда была доброй. Целую тебя. Целую твои чистые руки. Навеки твоя, Мария».

Маленькой Анастасии было 10 лет, когда русский народ взалхлеб читал ее письмо к Распутину. Она тоже видела старца во сне и спрашивала, видит ли и он ее в своих снах.

«Мой милый друг!

Когда мы тебя увидим? Аня вчера мне сказала, что ты скоро приедешь. Я буду так рада. Мне нравится, когда ты говоришь с нами о Боге... Господь так добр. Молись ему, чтобы он помог маме выздороветь. Я часто вижу тебя во сне. А ты видишь меня в своих снах? Когда ты снова будешь рассказывать нам о Боге в детской? Приезжай скорее. Я стараюсь быть хорошей

девочкой, как ты мне говорил. Я всегда буду хорошей девочкой, если ты всегда будешь с нами. Прощай. Целую тебя, а ты меня благослови. Вчера я разозлилась на малыша (Алексея), но потом я с ним помирилась. Люблю тебя, твоя Анастасия».

Было ясно, что Распутин пользовался любовью всей семьи, и любовь эта основывалась не на страсти матери, а на сознании того, что этот человек несет в себе добро. Распутин хорошо делал свое дело. Он стал другом дочерей императора. Ольга спрашивает у него совета по поводу возлюбленного, а Анастасия признается, что устала от своего младшего брата. Распутин был с ними добрым и любящим другом, он учил их молиться, быть хорошими детьми и успокаивал приступы истерии у их матери. Их отношения были полны очарования и невинности. Прочитав эти письма, проклинали Распутина, а не молодых великих княжон Романовых, которые их написали. Письма раскрывали двуличность старца и мастерство, с которым он скрывал свою похотливость под маской благородства и преданности. Они также показывают меру доверия, которое испытывала к Распутину вся царская семья. Такая трогательная привязанность, хотя и направленная на неудачно выбранный объект, объясняет недоверие и враждебность, которую императорская чета демонстрировала по отношению к тем, кто предупреждал ее о втором лице двуликого Януса-Распутина.

Однако обыватели увидели все совершенно в другом свете и из писем царских дочерей сделали вывод, что они, вслед за матерью, делили ложе с Распутиным. Коковцев жаловался, что эти письма вызвали самые возмутительные толки. «Мы (Коковцев и министр внутренних дел Макаров) считали, что письма не являются подлинными и распространяются лишь для того, чтобы подорвать престиж государя и государыни, но сделать ничего не могли... Жадная до сенсаций публика принимала их с восторгом». Письма царских дочерей

были подлинными, но вскоре стали распространяться откровенно порнографические подделки.

В конце концов разразилась буря. Дума клочкотала от гнева, возмущаясь тем, как обошлись с Гермогеном. Ее председатель Михаил Родзянко, обладавший весьма внушительной комплекцией (около 126 кг) и зычным голосом, который «в тихий день было слышно за километр», с трудом сдерживал разбушевавшихся депутатов. Даже самые ярые монархисты были возмущены поведением императора.

— Куда мы идем? — с ужасом спрашивал у Родзянко представитель крайнего правого крыла Владимир Пуришкевич. — Сейчас темные силы разрушают последний оплот России — ее церковь. И что самое ужасное, все это идет с высоты царского трона. Какой-то мерзавец, хлыст, грязный неграмотный мужик играет с нашими представителями духовенства. В какую пропасть они нас ведут? Господи! Я хочу принести себя в жертву и убить это порочное создание — Распутина.

Как оказалось, это не были пустые угрозы.

Родзянко понимал, что наступил настоящий кризис. Если бы дело ограничилось «страстью Александры к воображаемому дару ясновидения и гипнотической силе Распутина, которая облегчала ее нервные болезни и прогоняла страхи за свою семью, то не было бы причин для тревоги». Однако все было гораздо сложнее. Родзянко опасался, что, находясь рядом с царевичем Алексеем, Распутин повлияет на его по-детски восприимчивую душу, «дурманя наследника мистицизмом и делая из него нервного и неуравновешенного человека». Уважение к династии Романовых было подорвано. Тщеславные темные личности, симановичи, саблеры, варнавы, андронниковы, кружили возле старца, словно мухи над кучей навоза. Но самым ужасным, по мнению Родзянко, было то, что высшие должностные лица и министры «раскололись на два враждебных

лагеря сторонников и противников Распутина... Возвышение сторонников Распутина и их успех вызывали зависть и вводили в соблазн, поэтому количество перебежчиков из лагеря антираспутинцев в стан распутинцев увеличивалось с каждым днем».

Родзянко приводил пример одной дамы, «счастливой и примерной замужней женщины», которая пришла к Распутину просить должность для своего мужа.

— Хорошо, я об этом позабочусь, — ответил Распутин, устремив на даму вожделенный взгляд. — Только приходи завтра в открытом платье с обнаженными плечами, а иначе не трать времени зря.

По словам Родзянко, возмущенная дама ушла, решив больше сюда не возвращаться. Однако дома ее охватила «невыносимая меланхолия». На следующий день она надела платье с глубоким декольте и поехала к Распутину. «Ее муж сразу же получил желанный пост, — писал Родзянко. — Эта история имеет документальное подтверждение».

Председателя Думы беспокоило, какое впечатление произведут подобные безобразия на прислугу, «которой были известны все альковные тайны», а также на весь русский народ в целом. Простые люди, встречавшиеся с Распутиным, например, извозчики, возившие его вместе с женщинами в баню, официанты, обслуживавшие его оргии, агенты полиции, охранявшие его «драгоценную жизнь», и многие другие не обольщались по поводу его святости. «Хозяин — барин», — говорили они, но то презрение, которое они испытывали к старцу, бросало тень и на царский трон. Распутин явно выигрывал сражение, повергая в прах премьер-министров, министров и представителей высшего духовенства. Родзянко был уверен, что если так будет продолжаться и дальше, то неизбежно свершится революция.

Его точку зрения разделяла и вдовствующая императрица, мать Николая.

13 февраля она пригласила к себе Коковцева, что-

бы обсудить происходящее. Она выслушала все, что премьер-министр рассказал о Распутине, а потом со слезами на глазах пообещала поговорить об этом с сыном. «Моя несчастная невестка не понимает, что уничтожает нашу династию и самое себя. Она искренне верит в святость этого мерзавца, а мы совершенно бессильны и не можем предотвратить эту катастрофу», — сказала вдовствующая императрица.

Илиодор неустанно поносил Синод и возмущался несправедливостью по отношению к Гермогену и к нему самому. Его поход превратился в «триумфальное шествие». В своих проповедях он в течение нескольких дней клеймил позором Синод, пока его не арестовали и не заточили во Флорищев монастырь. Однако удар был нанесен. Распутин пытался исправить положение вещей и стал рассказывать историю о сексуальной озабоченности и лицемерии Илиодора, чтобы объяснить свою ссору с монахом. Дочь Распутина Мария и его поклонницы поверили рассказам старца, чего нельзя было сказать о других. Распутин заявил, что устал слушать проповеди Илиодора о благочестии, когда сам монах вовсе не отличался благочестием. Старец рассказал, что во время посещения Покровского он видел, как Илиодор подглядывал за служанкой Дуней, когда та раздевалась перед купанием. Когда он напомнил Илиодору об этом случае прошлым летом в Царицыне, монах возмутился.

— Ах, ты, нечестивец!

— Ну-ну, — ухмыльнулся Распутин, — исповедь облегчит твою душу.

— Пошел прочь! — завопил Илиодор. — Ты не друг, а коварный враг... Это ты грешник, а не я. Моя жизнь безупречна, а кто может сказать то же самое о тебе?

Попытки Распутина объяснить враждебность Гермогена были также надуманными и неправдоподобными. Мария утверждала, что ее отец обнаружил недостачу крупной суммы по документам «Союза Русского

народа», крайне правой организации, в которой участвовал и Гермоген. По словам Марии, старец соби­рался разоблачить растратчика-епископа и похотливо­го монаха, когда его заманили в западню и избили. Мария утверждала, что ее отца хотели убить, чтобы он не смог исполнить своего намерения.

Распутин не сказал ничего подобного в своем ин­тервью газете «Новое время», которое он дал, чтобы остановить поток враждебных статей в прессе. Его интервью было опубликовано 18 февраля 1912 года. В интервью его называли Распутиным-Новиком, а жур­налист подписался как М-в. Это был Иван Манасевич-Мануйлов, работавший по совместительству журнали­стом и осведомителем Охранного отделения. Основную же часть своего времени он посвящал интригам и тяготел к высшему свету. Он стенографировал интер­вью, уловив нервозность собеседника, его неожидан­ные переходы от одной темы к другой и незакончен­ные, повисшие в воздухе фразы.

Распутин, как и положено знаменитости, начал с жалоб на прессу.

— Газеты подобны птицам. Если они начали петь, то остановить их уже невозможно. Они чирикают... освистывают... клюют... Они прославляют... Это похо­же на опьянение, на вихрь. Если вы встанете у них на пути, пощады не ждите. Вас забьют до смерти... А за что — это никому не интересно. — Здесь Распутин изображает из себя маленького человека. — Почему они на меня нападают? Что я значу среди великих и сильных мира сего? Один удар — и меня нет, никто и не вспомнит обо мне. Они все на меня набросились. Какая-то дикая пляска... Кому я могу навредить? Я недостаточно силен... А они сделали из меня какого-то атлета... Взгляните на меня... Я даже не знаю азбуки... Я пишу, словно малый ребенок. А они такие великие, умные, ученые и знатные. — Распутин выдержал паузу

и продолжил свою речь с чувством удовлетворения. — Может быть, я не маленький человечек, а чуть побольше. Иначе они бы мной не заинтересовались... не стали бы кричать на всю Россию. Похоже, я застрял у них словно кость в горле. Когда все были немые, как могила, я, маленький и слабый человек, говорил. Мой голос тихий, но нашлись люди, которые меня услышали и хотят, чтобы я продолжал говорить... Я говорю все, что знаю, все, что чувствую... Я говорю это просто. Людям с добрыми душами и чистыми помыслами не нужно много слов. — Распутин заговорил об избиении в монастыре. — Они набросились на меня со всех сторон. Клеветники... Грязные плуты... Епископ Гермоген принял это как должное, как будто это была правда. Он ничего не понял и начал кричать... Я не держу против него зла. Кто предается злобе, тот идет против Господа... А они предались злобе... Закрыв глаза и уши, они кричали и клеймили позором Григория. Господь лишил епископа Гермогена и Илиодора разума. Куда подевалась их ясная мудрость?... Солнце скрылось... Ничего не видно... Только темнота вокруг. Они бегают, натываясь друг на друга, разбивая себе лбы и суетясь... Злоба овладела их сердцем. Вы должны плакать. Горючие слезы — вот что вам нужно. А монахи и их сообщники... Они запутались в интригах хуже простых смертных... впутались в политику, в водоворот страстей, когда правая рука не ведает, что творит левая. Нужна любовь... и слезы. Но нет ни любви, ни слез. Где самоотверженность и бескорыстие? В самоотверженности есть сила... Зло подобно ветру... оно делает много шума. Все ему внимают. Люди с возвышенной и чистой душой его не слушают, они отступают от зла.

Журналист, пытавшийся сделать стенографическую запись интервью, едва успевал следить за ходом мыслей старца.

— Мои мысли подобны птицам в небе. Они лета-

ют, и я часто ничего не могу с ними сделать. — Распутин снова сменил тему. — Я грешен. Великий грех неоднократно терзал меня и был сильнее меня. Гермоген все знал. Для него моя душа была открыта... Я приходил к нему и с плохим, и с хорошим, а он говорил о своей любви ко мне. В его словах было огромное утешение, и в горькие моменты я часто находил радость, говоря с ним о всех своих грехах, а он слушал меня, и был добр, и приказал мне отправиться в Иерусалим.

Распутин настаивал на своей лжи. Нет доказательств того, что Гермоген предложил ему совершить паломничество в целях покаяния, и читателям «Нового времени» оставалось только надеяться, что это было действительно так.

— Но меня попутал грех. Я совершил ошибку... Это было три года назад... Епископ Гермоген знал все... Меня ввели в заблуждение! Мои последовательницы были в деревне... Они возомнили себя выше всех. Золото, бриллианты и деньги затуманили их ум. Они ходили, словно павы... Я решил, что должен научить их покорности... унижить их... когда человека унижают, он начинает многое понимать. Я хотел, чтобы они это пережили. Я заставил их пойти вместе со мной в баню... Там было 12 женщин... Они мыли меня и прошли через все унижения. Порочные люди говорили, что я причинил им вред, что во мне проснулось животное. Они лгут, бесстыдно лгут. Они рассказывают скверные, грязные вещи... Ничего подобного не было... Я обманывался и дорого, очень дорого заплатил за свою ошибку. На меня напали все, особенно местные священники... Но греха на мне не было. Грех — это темнота... А я всю свою жизнь избегал темноты. Я искал солнце... каждый его луч приводил в трепет мою душу.

Далее Распутин говорил о грехе и прощении, это был его любимый конек.

— Грешник более любезен господу. Он всегда ду-

мает о Боге и молится... и он получит прощение. Его душа в тайной молитве, а сам он постоянно кается. Грешник первым предстанет пред Господом. — Старец вдруг замолчал, и журналист увидел, как он резким движением длинных и костлявых рук поглаживает бороду. Его глаза были маленькими и бесцветными и постоянно бегали. «Во всем его облике чувствовалась какая-то нервозность».

— Я отдал Илиодору всю свою душу, — продолжал Распутин. — Но они об этом забыли, так как для меня нет ничего дороже власти Всевышнего и императора. Все это меня огорчило, а моя душа растревожилась. Порочные люди говорят, что я причинил вред епископу и Илиодору, победив больших людей. Я знаю свое место. Разве я, маленький человек, могу лезть вперед? Меня зовут, чтобы только поговорить... Большие люди живут в темнице. Вокруг одна ложь... Все чего-то хотят, ищут выгоду, а я ничего не хочу и ни в ком не нуждаюсь.

Распутин отрицал, что собирался стать священником, заявляя, что он неграмотный и не может сосредоточиться, как это подобает священнику. Он также утверждал, что не читал проповедей и не выступал публично. Он почти не знал азбуки, но, по его словам, это было к лучшему, так как счастье заключается в простоте. Больше всего он любил жить в Сибири, исцелять людей и делать добро.

— В родной деревне все меня любят и открывают мне свои изболевшиеся души, а я их утешаю. Слова много значат для пострадавшей души. Человек приходит ко мне с черными мыслями, и все кажется ему безнадежным, а когда он уходит, ему лучше... На лице играет улыбка... Словно солнце пасмурным днем.

В этот момент его перебила какая-то девушка:

— Григорий Ефимович, кто-то...

Но Распутин сказал, что ему некогда, и тот, кто в нем нуждается, может прийти вечером.

— Говорят, что я живу несправедливо, что я распутник. Но живу я скромно. У меня есть дом. Две хороших служанки. Хорошая жена. Мы прекрасно ладим и живем, как велел Господь... Я не знаю никаких женщин. Меня обливают грязью со всех сторон. Но грязь не пристанет к тому, кто чист.

На журналиста не произвели впечатления речи старца о непорочности, и он спросил Распутина, много ли у него поклонниц.

— Поклонниц... много, очень много, — журналист заметил, как старец злобно усмехается в бороду. — Я их не считал. Женщины несчастны. Их угнетают. Всю жизнь они проводят в оковах. Они нуждаются в утешении. Они помнят его долго. Многие приходили ко мне, много слез я повидал. Старался облегчить их горе. — Распутина посещали и мужчины. По некоторым сведениям, их было около 20. — Все эти люди привязаны ко мне. Они никому не позволят обидеть меня.

Следующий вопрос был как нельзя более кстати. Журналист спросил, какое впечатление на него производит Петербург. Ответ Распутина был рассчитан на императора и императрицу, которые терпеть не могли этот город. Старец также знал об их уверенности в том, что вся крестьянская Россия испытывает к ним любовь.

— Повсюду чиновники. Они низкопоклонничают и поедают друг друга. Правду загнали в угол... она боится показаться на Божий свет. Но России нужна правда. Она должна править миром. Она сильна. Здесь все торопятся... Все срочные дела... Живут в опьянении, вот что они делают... Говорят хорошие слова, не зная, что есть добро... Лицемеры... Как больно... Мне хочется, чтобы Господь сделал так, чтобы правда торжествовала. А иногда я слышу ложь, и тогда мне хочется возвысить свой голос на всю великую Россию.

И тогда я смотрю на себя... Смешно... Маленький человек — вот что я такое. Что я могу? Могу ли я заставить кого-либо внять голосу разума? Все большие люди здесь... все они лгут, а их слушают... Люди задыхаются в этом большом городе. Они думают обо всем, но забывают о Боге.

Распутин был доволен собой. Он наклонился вперед и оперся о подлокотник кресла. Его маленькие глазки светились.

— Мне здесь говорили об экстазе. — Он вдруг громко рассмеялся и помахал в воздухе костлявой рукой. — Что за экстаз? Все они лгут... Они мошенничают. А когда кто-нибудь говорит искренне, от чистого сердца, они начинают кричать: экстаз! — Он говорил о религиозном экстазе, который был близок членам секты хлыстов и других сект, и старался ограничить его роль. Когда Распутина спросили о видениях, он также проявил крайнюю осторожность.

— Нет, у меня их не было. Но когда я остаюсь один и сижу в тишине, то чувствую какую-то легкость... Я слышу, как бьется мое сердце... Мне становится легко, и я начинаю думать о подвигах святых. Я так стремлюсь к самоотверженности. Но я ничтожен... не подхожу я для этого... одни мечты и только... А мечты подобны цветам... Я испытывал свою силу... Многократно себя истязал. Мне так хочется приблизиться к Господу. Все мечты. Но отнять у человека Бога, то что останется?

Распутин нанес удар и по сеансам спиритизма. Нет доказательств, что он сам когда-либо в них участвовал, у него не было в этом необходимости. Почитателей и почитательниц он завоевывал силой своей личности, а не трюками. К тому времени Распутин порвал с сестрами Черногорками и посчитал безопасным высмеять любителей сеансов спиритизма.

— В мечтах мы летим к Господу, и на сердце становится тепло. Все стремятся к этому. Но грешники

думают, что достаточно постучать пальцем по столу, и появится видение... Глупость, все это глупость. — Далее его речь стала обрывистой. — Верующие, они другие... У них бывают видения... Больных нужно исцелять... нужно молиться... Когда мне было 20 лет, я обо всем этом думал, но у меня болело в груди... Я отправился по Святым местам, в Верхотурье... Усиленно там молился... Потом мне стало легче.

Без малейшего усилия Распутин перешел к политике и положению дел в России. И снова за его невнятным бормотанием просматривалась отчетливая цель. Он хотел всадить нож в Думу и делал это с помощью слов, которые, он знал, придутся по душе Николаю II и Александре.

— Я где-то слышал, что меня считают врагом Государственной Думы, — усмехнулся Распутин. — Неужели? Я никогда не был в Думе... Что там творится? Я не знаю и не хочу знать... Господь им судья... Я пекусь только о России, как сын о матери.

Он обронил намек о своих могущественных покровителях, ясно давая понять, что его поддерживают во дворце.

— Политикам не нравится, что среди моих знакомых есть люди из самых верхов. Но они пришли ко мне сами... Я никогда не вмешивался в политику и не собираюсь этого делать. Но Государственная Дума набросилась на меня, на маленького человека... Они должны заниматься важными делами, а тут вдруг я. Как будто у меня власть, и я мешаю... Но я не вмешиваюсь. А когда нужно говорить, я говорю о правде, о путях, ведущих к Господу, о человеческой лжи... О душе.

Отражая мысли императрицы, он обвинил политиков в разрушении империи.

— Тот, кто сидит в Думе, должен думать, а они суетятся, словно женщины, и в этой неразберихе забы-

вают об империи. Я ничего из себя не представляю. Неужели я и правда пойду против воли вышестоящих? Нет, я не такой человек... У меня никогда не было подобных мыслей. Я хочу, чтобы все было хорошо. Но вместо этого надвигается ураган... Разрушает наш дом. Ураган — это плохо. Можно что-то сделать, только когда мир и покой. Нужна сила, — он имел в виду императора и самодержавие. — Вы понимаете?

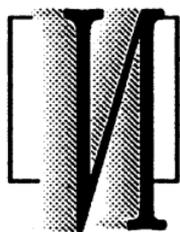
Интервью закончилось.

— Я уезжаю в Сибирь. Хочу какое-то время пожить дома. — Это было бравурное представление. Распутин не задерживался ни на одной теме, чтобы не попасть впросак, чередуя откровения с нападками. Изворотливый ум помог ему избежать неприятностей. В течение всего интервью его маленькие сверкающие глазки были устремлены на дворец.

Глава четырнадцатая

ЧУДО В СПАЛЕ

Император издал указ, запрещающий газетам упоминать имя Распутина.

Этот указ нарушал условия манифеста 1905 года и не мог заставить замолчать политиков. Коковцев предупредил Николая о риске, связанном с посещениями Распутина. Мария Распутина утверждала, что беседу императора с Коковцевым подслушала ее подруга по играм великая княжна Мария. По ее словам, император говорил об «огромных услугах», оказанных Распутиным престолу. На что премьер ответил, что знает о чудесном выздоровлении наследника престола, но даже сам Распутин говорил, что считает это волей Всевышнего и не видит в том своей заслуги!

— Да, конечно, — ответил император. — Но почему Господь выбрал своим орудием именно его?

Премьер заметил, что рассказы об оргиях и непристойном поведении старца не были простыми сплетнями, а уважаемые газеты называли его не иначе как «вор и мошенник». Когда же император заявил, что представители прессы

слишком презренны, чтобы обращать на них внимание, Коковцев позволил себе осторожно напомнить, что именно пресса выражает мнение общественности.

— Общественность не управляет страной, — парировал император. — Страной управляют во имя общего блага, и только я могу решать, что лучше для общества.

В завершение, Николай предложил Коковцеву самому познакомиться с «простым крестьянином, который с помощью удивительной силы» сумел облегчить страдания его сына.

Коковцев согласился. Распутин вошел в кабинет премьер-министра и уселся в кресло. «Меня поразило мерзкое выражение его глаз. Расположенные близко друг к другу и глубоко посаженные, они буквально впелись в меня, будто пытаюсь загипнотизировать». Когда подали чай, Распутин окунул горсть печенья в свою чашку и стал есть получившуюся мокрую массу. Затем он снова устремил на премьера взгляд своих «рысьих глаз». «Меня утомили его попытки загипнотизировать меня, — вспоминал Коковцев, — и я сказал ему, что это бесполезно, так как его взгляд не оказывает на меня ни малейшего действия». Коковцеву Распутин показался «настоящим сибирским каторжником, бродягой, который был достаточно умен, чтобы разыгрывать из себя дурака и исполнять свою роль по хорошо заученному сценарию».

Однако Коковцев жестоко ошибался, недооценивая старца. Распутин выжил самого Столыпина, человека, которого британский посол считал «самой заметной фигурой в Европе». Правда, тот же посол говорил о Коковцеве как о «лучшем представителе старой бюрократии». И все же он не был таким крепким орешком, как Столыпин, и Распутин хорошо это знал. Как и его убитый предшественник, Коковцев потребовал высылки Распутина из столицы. Распутин рассказывал Вырубовой, что ему предлагали взятку в 200 тысяч рублей. «Это целое состояние, о котором

русский крестьянин и мечтать не мог, — восторженно писала Вырубова, — однако он отказался, говоря, что никому не удастся его подкупить». Распутин согласился на некоторое время вернуться в Покровское, что он и сделал через несколько дней. Это не было уступкой, так как он считал Сибирь убежищем от грехов, местом, куда можно спрятаться, когда требовалось передохнуть.

Перед отъездом Распутин нанес Коковцеву удар — позаботился о том, чтобы императрица через Вырубову узнала, что премьер-министр не верит в благодать, посланную ему Всевышним. Результат сказался незамедлительно. Александра, которая всего несколько месяцев назад любезно принимала Коковцева в Крыму, теперь подчеркнуто его не замечала. Она намеренно разговаривала с «низшими чинами» и отворачивалась, проходя мимо премьер-министра и протягивая ему руку для поцелуя. «С этого момента, несмотря на то, что император проявлял ко мне благосклонность в течение последующих двух лет, вопрос о моей отставке был делом решенным», — вспоминал Коковцев.

26 февраля 1912 года, когда старец был уже на пути в Сибирь, Родзянко добился аудиенции у императора. Он считал свою миссию настолько важной, что перед визитом во дворец зашел помолиться в Казанский собор. Он сгорал от стыда, думая о том, что такой убежденный монархист, как он, должен говорить о подобных делах со своим монархом.

— Как самый преданный подданный Вашего Величества, умоляю вас выслушать меня до конца. Если же нет, то достаточно одного вашего слова, и я умолкну.

Николай отвел взгляд, но пробормотал:

— Говорите.

Родзянко напомнил императору, что Гермоген поплатился своей карьерой за то, что рассказал правду о Распутине, которого считал хлыстом.

— Как может Православная церковь стоять в сто-

роне и молчать, когда само православие разрушается и оскверняется этим мерзавцем? — спросил Родзянко.

Николай ответил, что не имеет ничего против Гермогена.

— Я думаю, что он честный и искренний пастырь... и стойкий человек, служащий во славу церкви, — сказал Николай. — Скоро он вернется в свою епархию. Но я должен был его наказать, так как он открыто отказался подчиниться моему приказу.

Затем Николай спросил Родзянко, читал ли тот отчет Столыпина о деятельности старца. Родзянко его не читал. Тогда Николай предложил ему прочесть отчет и продолжить его.

Материалы Столыпина находились у представителя Синода, Михаила Даманского, который отдал их с большой неохотой. На следующий день он заехал к Родзянко с требованием вернуть материалы назад, говоря, что его послала очень высокая особа. Родзянко поинтересовался, не Саблер ли это. На что Даманский ответил, что эта особа занимает гораздо более высокое положение, а затем признался, что это была сама императрица. Родзянко ответил, что если это и так, то императрице следует напомнить, что она является такой же подданной своего супруга, как и Даманский. Император приказал Родзянко написать отчет, и он его напишет. Он оказался отдать материалы, что вызвало у Александры приступ истерии. Императрица заявила, что за подобную наглость Родзянко следует повесить. Он же продолжал изучать факты, относившиеся к молодым годам жизни Распутина, и изложил их во втором отчете. Император едва взглянул на отчет, а когда Родзянко попросил аудиенции, ему отказали под предлогом того, что отношения с Распутиным были семейным делом, куда политикам не следовало вмешиваться.

9 марта состоялись дебаты по поводу бюджета Синода. Александр Гучков воспользовался этим, чтобы выступить с обвинительной речью.

— Мне хочется сказать, нет, закричать о том, что над церковью и государством нависла опасность. Вам известно, какую страшную драму переживает Россия. Главным действующим лицом это драмы является загадочная, трагикомическая фигура, призрак, появившийся из глубины веков, фигура довольно странная для XX века. — Гучков не назвал имени Распутина, так как, если бы он это сделал, то вышел бы новый указ, запрещающий запись и распространение его речи. Однако, говоря о человеке, которого знал весь Санкт-Петербург, это было и необязательно. — Каким образом этот человек достиг таких высот, что самые высокие государственные и церковные деятели поддались его влиянию? Нужно спросить, кто стоит за всем этим? Кто держит в руках топор, который рубит одних и назначает на их места других, кто меняет одну политическую линию на другую? — Гучков предупредил, что этот человек действует не в одиночку, что он окружен «неизвестными типами, жадными до наживы и власти... подозрительными торговцами, нечистоплотными представителями прессы и подрядчиками».

Это было первое публичное выступление против Распутина, сделанное общественным деятелем в общественном месте. Один депутат, старый реакционер, возразил Гучкову, выкрикнув с места, что «это все бабушкины сказки». Разумеется, императора оскорбило замечание по поводу того, что «топор власти» находится не в его руках. Он приказал министру внутренних дел назначить агентов полиции для слежки за Гучковым как за потенциальным врагом государства.

«Поведение Думы возмутительно, — писал Николай. — Особенно отвратительна речь Гучкова... Я был бы очень рад, если бы этим господам сообщили о моем недовольстве. Не всегда нужно перед ними улыбаться и кланяться».

— Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, домыслов и злобы, — сказал Николай Коковцеву.

Однако Гучков на этом не успокоился. Умеренная партия октябристов, которой он руководил, назначила Владимира Бонч-Бруевича проверить связь Распутина с хлыстовской ересью. Владимир Бонч-Бруевич уже встречался с Распутиным в одном из петербургских салонов в 1905 году; он занимался изучением сект, таких как духоборы, которые эмигрировали в Канаду. Во время Октябрьской революции он окажется в стане большевиков и будет проводить национализацию российских банков. В соответствии с отчетом Бонч-Бруевича, Распутин придерживался православной веры, хотя в речах и мыслях проявлял сектантские наклонности. Гучков утверждал, что Бонч-Бруевич написал ему личное письмо, в котором он называл Распутина мерзавцем, практикующим свою собственную разновидность сепаратизма, но не хлыстом, в прямом смысле этого слова.

Митрополит Евлогий, также являвшийся членом Думы, прочел досье, которое Даманский с такой неохотой передал Родзянко. В досье не было доказательств того, что Распутин является членом секты. В частности, дело, возбужденное против него в 1902 году, было закрыто за отсутствием доказательств. Однако Евлогий обнаружил, что в досье не хватало страниц. После убийства Распутина комиссия по расследованию сделала последнюю попытку решить эту проблему. Имелись веские доказательства того, что Распутин ходил в баню вместе с женщинами, а также купался с ними. Однако когда профессора Громогласова, заведовавшего кафедрой по изучению религиозных сект в Московской академии богословия, попросили высказать по этому поводу свое мнение, он сказал, что в некоторых районах Сибири было принято, чтобы мужчины и женщины мылись в бане вместе. Доказательств, указывающих на принадлежность Распутина к секте хлыстов, не было.

Когда Распутин приехал в Покровское, односельчане нашли его необычно кротким и тихим. Члену Сибирской Думы Сахарову показалось, что скандал его отрезвил и образумил, а также, что односельчане над ним смеялись. Однако вскоре выяснилось, что смирение старца было мнимым. Он стал слать во дворец телеграммы, в которых предупреждал о наличии революционеров в Думе.

«Любимые папа и мама. Посмотрите, как нечистый набирает силу, силу зла. Дума ему служит, и в этом виноваты революционеры и евреи. Но чего же они хотят? Как можно скорее избавиться от помазанников Божьих. А Гучков — их предводитель, он распространяет клевету и подстрекает к бунту. Папа, Дума твоя, делай с ней, что хочешь. — Впоследствии Распутин продемонстрирует симпатию и сочувствие по отношению к евреям. Однако в тот момент он был сильно взволнован и поэтому решил воззвать к антисемиту и реакционеру, всегда жившему в душе императора. — Бунтовщика Илиодора нужно сломить, иначе этот паршивый пес сожрет нас... Он ни перед чем не остановится. Он точит зубы. Будь с ним суров. Запри его навсегда. Да. Григорий».

Александра вызвала старца в Санкт-Петербург через несколько дней после выступления Гучкова. Они встретились в домике Вырубовой. Распутин также имел там беседу с Витте, который надеялся использовать его для своего возвращения в большую политику. Императорская семья уехала на отдых в Крым 16 марта. Распутин пробрался в их поезд, вероятно, не без помощи Александры, однако император был вынужден его высадить еще до приезда в Москву. Старец отправился в Ялту самостоятельно и приехал туда 20 марта 1912 года. Местная газета «Русская Ривьера» сообщила об этом в колонке новостей: «Вчера, в 2 часа пополудни, Григорий Распутин приехал автомобилем из Севастополя в Ялту. Он остановился в «Отель де Рюс»».

Газета все сообщила правильно. Распутин действительно остановился в лучшем отеле Ялты. Однако газету тут же оштрафовали за нарушение царского указа, запрещавшего упоминать имя Распутина в печати.

В тот же день в Ялту прибыл министр внутренних дел Макаров, который, к своему огромному удивлению, обнаружил, что старец уже не в Сибири, а в Крыму. Полиция вымарала имя Распутина из книги регистрации гостиницы, однако местный фотограф сфотографировал Распутина, когда тот выходил из гостиницы. Из этого снимка сделали почтовые открытки, которые посетители курорта отправляли своим друзьям. Ялтинского губернатора Ивана Думбадзе, суетливого и шумного грузина, придерживавшиеся правых взглядов друзья убедили, что приезд Распутина является провокацией. Они уговаривали губернатора «утопить грязного авантюриста в Черном море». Думбадзе послал телеграмму в охранку, предлагая вышвырнуть Распутина в море с борта туристического парохода, который курсировал между Севастополем и Ялтой. Ответа он не получил. Стефан Белецкий, начальник отделения полиции, впоследствии говорил, что у Думбадзе был и другой план. Он собирался заманить Распутина на вершину скалы, находившейся недалеко от города, ограбить его и сбросить со скалы в море, а затем представить все так, как будто бы это было делом рук грабителей.

После Пасхи Распутин целым и невредимым вернулся в Покровское, но теперь его сопровождали филеры. Премьер-министр приказал Белецкому не спускать со старца глаз, чтобы защитить его и одновременно контролировать его деятельность. Белецкий отправил в деревню переодетого агента, но так как Распутин был в приятельских отношениях с почтмейстером, агенту приходилось отправлять свои донесения из соседней почтовой конторы. Агенты не мешали Распутину, ко-

торый прекрасно проводил время в кругу своей семьи, распевая по вечерам псалмы у самовара. Он также возил свою семью на пароходе в Тобольск, где они все вместе молились мощам Св. Иоанна.

А в это время, на западе Сибири, рабочие Ленских золотых приисков вышли на забастовку. Когда они шли колонной к конторе управляющего, пьяный офицер полиции отдал своим людям приказ открыть по рабочим огонь. В результате этого было убито 200 человек. Молодой депутат Думы, радикал-юрист Александр Керенский, сделал себе имя, возглавив думскую комиссию по расследованию расстрела рабочих. После этого второго Кровавого воскресенья по всей стране прокатилась волна забастовок.

В августе Романовы собрались недалеко от Москвы, чтобы отпраздновать 100-ю годовщину Бородинского сражения. Распутин в это время находился в Сибири, но и здесь, под Москвой отчетливо прослеживалось его влияние. Император обидел Родзянко, когда проходил мимо на Бородинском поле. «Он косо посмотрел на меня и не ответил на приветствие. Я понял, что причиной его недовольства мною стал мой отчет о Распутине», — жаловался Родзянко. Коковцев с тревогой обнаружил, что вера императора в божественное предназначение превратилась в мистицизм, в результате чего он стал глух к советам политических деятелей. Он предложил снять некоторые ограничения с евреев, которым запрещалось посещать ряд школ, университеты, а также заниматься некоторыми профессиями и жить в ряде регионов России. Эти ограничения предлагалось снять в честь 100-летия Бородинской битвы. Николай признал все аргументы убедительными. Однако он сказал: «Внутренний голос все время подсказывает мне не принимать на себя такую ответственность. До сих пор чутье меня не подводило... Я знаю, что и вы также понимаете, что сердце царя находится

в руках Божьих. Быть по сему». Выступления Гучкова уже убедили Николая в том, что Дума, несмотря на большинство из монархистов, относится к династии враждебно.

Премьер опасался, что «близкий круг императора», под которым он подразумевал Александру, Распутина и Вырубову, проявлял нездоровый интерес к правительству. «Все отчетливее становился виден чисто личный характер правления императора, в то время как правительство все чаще считали стеной, отделяющей самодержца от его народа». Подобное замечание из уст аккуратного, преданного и трудолюбивого человека казалось убийственным.

После Бородина оба императорских поезда, один из которых был приманкой, для того чтобы ввести в заблуждение террористов, отправились на запад. Царевичу Алексею исполнилось восемь лет. У него были каштановые волосы и тонкие красивые черты лица. В тот момент он чувствовал себя настолько хорошо, что у родителей появилась обманчивая надежда на его выздоровление. Поезд остановился в Смоленске, где императорскую семью принимали самые знатные люди города. Наследник престола взял бокал с шампанским и стал беседовать с дамами. Царские дочери совершенствовались в немецком и французском языках.

Императорская семья посетила Беловежскую Пущу — лесные охотничьи угодья на западе Польши. Император вместе с дочерьми совершал лесные прогулки верхом. Алексею ездить верхом не позволяли, из боязни, что он может упасть. И все же мальчик поскользнулся, сядясь в лодку, и ушиб левое бедро. Синяк болел семь дней, но потом наступило выздоровление. Царская семья отправилась в Спалу, охотничье угодье в прекрасном лесу, с ручьями и песчаными дорожками. Каждое утро гости вставали в семь утра со звуками охотничьего рога и уходили на пикник на солнечную поляну, где военный оркестр играл охотничьи марши.

Днем мужчины охотились на оленей, лосей и зубров, а вечером мешок с трофеями приносили на поляну и при свете факелов рассматривали оленьи рога. Леса были дремучими, а тропинки узкими. Окна в деревянном домике были такими маленькими, что в течение всего дня там горели лампы. Пьер Жильяр начал обучать наследника престола французскому. Его поразила бледность мальчика, которого повсюду сопровождал матрос Нагорный.

В начале октября Александра взяла сына на прогулку и усадила его в карете между собой и Вырубовой. Дорога была ухабистой и размытой дождями, и вскоре женщины заметили, что ребенку стало плохо. Мальчик кричал от сильной боли в спине и животе. Перепуганная императрица велела возвращаться. У царевича Алексея началось кровотечение, и обратный путь превратился в настоящую пытку. Когда, наконец, карета доехала до дома, мальчик почти потерял сознание от боли. Придворный врач Евгений Боткин обнаружил опухоль в верхней части бедра и в паху. Так как кровотечение не останавливалось, нога раздулась и стала твердой.

В течение последующих 11 дней из комнаты наследника доносились душераздирающие стоны. Вызванные к царевичу многочисленные врачи, среди которых были хирурги Федоров и Раухфусс, специалист по гемофилии Владимир Деревенко и педиатр Острогорский, безуспешно пытались остановить кровотечение. Обезболивающих ребенку не давали, так как родители не хотели, чтобы он привык к морфию. Мальчик кричал так сильно, что кое-кто из прислуги затыкал уши ватой. Однако все это время придворная жизнь шла своим чередом, так как Николай и Александра не хотели, чтобы кто-либо узнал, чем именно болен наследник престола. «Охота следовала одна за другой, а гостей было больше, чем когда-либо», — писал Жильяр. Каждый день император ездил на охоту с представителями польского дворянства.

Однажды вечером две младших великих княжны представляли для гостей сцены из «Мещанина во дворянстве» Мольера. Жильяр видел, как Александра весело разговаривала с гостями, но потом вдруг побежала вверх, поддерживая длинный шлейф платья. Ее лицо исказилось от ужаса. Через несколько минут она вернулась с застывшей улыбкой на лице, которая никак не вязалась с полным отчаяния взглядом, брошенным на супруга. Наблюдая за этой сценой, Жильяр в полной мере осознал «трагедию двойной жизни», когда состояние здоровья наследника престола тщательно скрывалось от его будущих подданных. Это делалось из боязни дать повод для недовольства тем, кто желал зла династии Романовых, и внести смятение в умы подданных, преданных престолу.

Все ночи Александра проводила у постели больного сына, который мог лежать только на боку. Его распухшая нога была так сильно подтянута к подбродку, что и после болезни он не мог ее распрямить в течение года. «В его лице не было ни кровинки, — вспоминала Вырубова, — наследник лежал с искаженным болью лицом и закатившимися глазами...

Ее Величество не раздевалась и не ложилась спать и лишь изредка прикладывалась на часок». Она дремала на диване, поставленном рядом с кроватью больного сына, а когда ребенок начинал кричать, она гладила его по лбу, пытаясь облегчить его страдания. В золотистых волосах императрицы появлялось все больше седых прядей. Николай с трудом выдерживал такое напряжение. Однажды Вырубова увидела, как «несчастному отцу изменило мужество, и он, весь в слезах, выбежал в свой кабинет».

И родители, и врачи считали, что ребенок может умереть в любой момент. 6 октября доктор Федоров осмотрел его и предупредил, что кровотечение в брюшной полости может привести к абсцессу. «Дни с 6 по 10 октября оказались самыми тяжелыми, — писал Ни-

колай вдовствующей императрице. — Бедный малыш страшно страдал, а приступы боли возобновлялись каждые четверть часа». В бреду царевич беспокойно метался, что обостряло боль, и несчастный ребенок молил Господа облегчить его страдания. Он чувствовал, что умирает. «Когда я умру, поставьте мне маленький памятник из камня в лесу», — просил царевич. Он говорил матери, что хочет, чтобы его могила была на солнечной поляне, под голубым небом.

В Спале не было церкви, и поэтому в саду поставили большую зеленую палатку, оборудованную под часовню. Казачий эскорт, прислуга и охотники умоляли придворного священника Васильева отслужить молебен. К их просьбам присоединились и польские крестьяне. Во время богослужения люди плакали. В Санкт-Петербург было послано сообщение о том, что царевич тяжело болен. По всей России проходили богослужения за здравие царевича Алексея, а в Казанском соборе верующие молились день и ночь. Причина болезни не называлась, и поэтому поползли слухи, что царевич пострадал от бомбы, брошенной революционером. Говорили также, что он умственно больной и эпилептик.

Дважды Александре казалось, что наступил конец. 10 октября, во время обеда, она послала к императору сообщить, что мальчик умирает.

Несмотря на то что царевич пережил кризис, на следующий день его состояние было таким тяжелым, что священник Васильев причастил больного. Николай и Александра молились у постели сына. 11 октября был подготовлен бюллетень для отсылки в Петербург, в котором должны были сообщить о смерти царевича. Оставалась последняя надежда. «Императрица сказала, что Господь покинул ее и попросила меня дать телеграмму находившемуся в Сибири Распутину, чтобы он помолился за царевича», — вспоминала Вырубова.

Тот факт, что императрица так долго ждала, преж-

де чем обратиться к Распутину, очень важен. Из него можно предположить, что в основе привязанности императрицы к старцу лежала не только болезнь сына. Просто она нуждалась в каком-либо святом человеке, наставнике, выступающем в качестве посредника между ней и Всевышним. Ведь доктор Филипп появился при дворе задолго до рождения царевича Алексея. Распутин уже успел пережить публичный скандал, обвинения в изнасилованиях и разврате, неприязнь двух премьер-министров, презрение Государственной Думы и ненависть представителей церкви, а также злобную кампанию в прессе.

Все это случилось до того, как его призвали для спасения наследника, считая его последней надеждой. Не трагедия в Спале сделала его незаменимым. Если не для императора, то для Александры, имевшей огромное влияние на мужа, он стал таким уже давно. Ее роковая привязанность объясняется душевным расстройством, истерией и склонностью к мистицизму, а также уединенным образом жизни. Эта привязанность росла и крепла, благодаря искусству Распутина, а также упрямству и самодержавной гордости императрицы. Болезнь сына просто лишний раз ее подтвердила.

11 октября Распутин прогуливался по берегу Туры. Вдруг он схватился за сердце и воскликнул: «Ах, нет!» Мария встревожилась за отца, но он сказал, что дело не в нем, а в царевиче Алексее. «Царевич... С царевичем беда», — сказал Распутин. В тот же вечер в Покровское пришла телеграмма от императрицы. Распутин долго молился перед иконой, его лицо стало бледным и потным от напряжения. Затем он пошел в местное почтовое отделение и послал телеграмму в Спалу. В первой телеграмме говорилось, что болезнь царевича не опасна, но нельзя, чтобы врачи утомляли мальчика. Во второй телеграмме он говорил, что импе-

ратрице нечего бояться. «Господь увидел твои слезы и услышал твои молитвы. Не горюй. Малыш не умрет».

Когда Александра получила телеграммы, император обсуждал со своей свитой церемонию похорон. По словам Вырубовой, императрица сразу же успокоилась, а на следующий день кровотечение прекратилось. «Боль утихла, и мальчик лежал совершенно обессиленный, но было видно, что он будет жить», — писала Вырубова. Выздоровление шло медленно, ребенка лечили грязевыми ваннами, а также использовали стальной треугольник для укрепления ослабших мышц и выпрямления покаленной ноги. Мать целыми днями читала ему, и постепенно Алексей стал набирать силу. Он поправился и уже не был таким бледным. Николай все это время играл в теннис и катался на лодке с Вырубовой. Через месяц Алексея можно было везти в Царское Село. Дорогу до железнодорожной станции выравнивали вручную и посыпали песком. Императорский поезд шел медленно, без резких торможений, а все стрелочные переводы были обильно смазаны, во избежание ударов и сотрясений. Царевич остался жив.

Народ быстро забыл о трагедии, а наследника престола фотографировали так, чтобы спрятать покаленную ногу. Выздоровление царевича лишь усилило веру Александры в то, что Распутин был чудотворцем. До этого случая у Николая имелись на этот счет сомнения, однако теперь они были отмечены в сторону.

Расположение самодержцев, которым пользовался Распутин, распространилось и на его семью. Когда осенью он вернулся в Петербург, его дочерей устроили в престижный лицей Стеблин-Ламенской. Во время утренних занятий начальница послала за девочками и сказала, что их представят императрице в доме у Вырубовой. Мария одела по этому случаю платье с матросским воротником. В Царском Селе их приняла одетая в черное императрица. По словам Марии, кра-

сивое и гордое лицо Александры было «сосредоточенно и очень печально». Мария чувствовала, что надо что-то сказать, но растерялась и с трудом выдавила:

— Правда ли, матушка, что у вас сотни слуг? — Сказав это, она вспыхнула от смущения, понимая всю глупость вопроса.

Но императрица ласково ответила:

— Да, дитя мое, у меня много слуг, но если нужно, я могу обойтись и без них. — Она ласково потрепала девочку по щеке.

Мария подружилась с великими княжнами. Она чувствовала, что девочек тянуло к ней, как их родителей к Распутину. Императорской семье было интересно общаться с людьми из народа. Великие княжны жили во дворце, словно в заточении, связанные строгими правилами этикета. «Жизнь обычной девочки, которая ходит с другими детьми в школу, дважды в неделю смотрит фильмы, а иногда посещает и цирк, казалась им недостижимым чудом. Они рассказывали о своих симпатиях к тому или иному красивому офицеру, с которым танцевали, играли в теннис или ездили на верховую прогулку. Их невинные романы забавляли Их Величеств, любивших поддразнивать дочерей по поводу лихих молодых офицеров, которыми увлекались великие княжны. Императрица не поощряла общения дочерей с двоюродными братьями и сестрами, а также ближайшими родственниками, многие из которых были не по летам развиты».

Монаршая чета вновь продемонстрировала свою благосклонность, пригласив Распутина вместе с Марией на обед в Александровский дворец. Их попросили зайти с черного хода, что являлось тщетной попыткой скрыть от посторонних связь Распутина с императорской семьей. «Он поднимался наверх по маленькой лестнице, его принимали в личных апартаментах и никогда в предназначенных для приемов гостиных... Я неоднократно говорила императрице о бесполезности

таких предосторожностей. «Знаете ли вы, что пока он доедет до дворца, а тем более дойдет до вашего буддара, об этом уже будет известно полиции? — спрашивала я», — вспоминала Вырубова.

Александра с ней соглашалась, понимая, что во дворце нельзя что-либо сохранить в тайне. Однако она по-прежнему пыталась скрыть своего гостя.

Это был первый визит Марии во дворец. Она увидела, как ее отец обнял императора и императрицу. Девочка сделала реверанс, но императрица ее остановила, обняла и «по-матерински поцеловала». Тринадцатилетнюю Марию представили царевичу, а благодаря непринужденному обращению великих княжон, она не испытывала неловкости. За столом подавали черную и красную икру, тефтели, креветки, селедку. Запивали еду водкой и вином. На десерт подали мороженое, оказавшееся таким вкусным, что Мария попросила его рецепт. Она записала его под названием «Мороженое Романовых». Распутину также понравилось мороженое, для приготовления которого требовалось полфунта сахара, 10 яичных желтков, около литра сливок, ваниль и примерно 250 граммов взбитых сливок. Мария Распутина играла с великой княжной Марией, с которой они были ровесницами и быстро подружились. Мария вспоминала, что отец говорил с императором об Илиодоре и предупреждал, что монах не станет сидеть за стенами монастыря, когда в стране происходят такие бурные события.

Распутин оказался прав. Илиодор не усидел спокойно в келье Флорищевой пустыни. В сентябре правительство насильственно закрыло его собственный монастырь в Царицыне. Илиодор написал гневное письмо Саблеру: «Ты склонился перед развратным хлыстом Гришей Распутиным, словно перед сатаной. Ты предатель и вероотступник». Он продолжил перечень проступков Распутина в письме к Вырубовой.

20 ноября Илиодор написал письмо в Синод и подписал его собственной кровью. «Либо осудите Распутина за его страшные преступления, либо лишите меня сана», — взывал к Синоду Илиодор. Синод вместе с Саблером лишили его сана в середине декабря. Было приказано держать Илиодора под домашним арестом в его родной казачьей станции Большой на Дону. По дороге в родные края, остановившись в гостинице, он написал в регистрационной книге в графе «вероисповедание»: «Мое собственное, Илиодорово». Он снова взял свое мирское имя Сергей Труфанов.

Вернувшись на зиму в Покровское, Распутин тревожился, что его заклятый враг больше не заперт в монастыре. Он отправил телеграмму коменданту дворца генерал-майору В. Н. Воейкову: «Теперь, когда нас окружает миллион ос, поверьте, что в делах, касающихся души, мы должны быть верными друзьями. Возможно, нас мало, но все мы единомышленники, тогда как противник многочисленен, но не един, и гнев его бессилен». С императором и императрицей он был более откровенен: «Дорогие папа и мама! Илиодор объединился с нечистой силой. Он бунтовщик. Таких монахов, как он, в прежние времена секли. Да, цари их пороли. Поставьте его на место». В другой телеграмме говорилось: «Полиция должна следить за этим проклятым». У Распутина были для этого веские причины, так как Илиодор мечтал его кастрировать.

Глава пятнадцатая ПЕРЕД БУРЕЙ

Р

аспутин вернулся в столицу на празднование 300-летия династии Романовых в марте 1913 года. Каждый год, на Пасху, Николай дарил Александре изящное яйцо работы Фаберже, сделанное из золота и серебра и украшенное драгоценными камнями. В тот год на пасхальном яйце были изображены миниатюрные портреты царей из династии Романовых и их супруг, а также стальной голубой глобус, на котором было показано, как расширилась империя Романовых. Первым царем из династии Романовых был Михаил, внучатый племянник Ивана Грозного. Его государство представляло собой узкий и бесплодный кусок земли между Европой и Азией. Поляки недавно завоевали Москву, а русские искатели приключений еще только начали двигаться на восток от Урала. Николай Романов правил империей, протянувшейся от Польши до Берингова пролива. Она граничила с Турцией, Персией, Афганистаном, Монголией и Китаем, до покрытых туманом

вод Японского моря. Среди подданных Николая были люди более 100 национальностей.

Во время торжественных празднований в Санкт-Петербурге шел дождь. Общество надеялось, что императорская чета прекратит затворническую жизнь. Однако в Зимнем дворце не было дано ни одного бала. Представители дворянства и дипломатического корпуса были приглашены на торжественные приемы, на которых присутствовал император и вдовствующая императрица. Александры там не было. Политики лелеяли тщетную надежду, что в своей речи в Думе император пойдет на демократические уступки. Однако объявленная амнистия коснулась лишь уголовных преступников. Политические ссыльные по-прежнему влачили свое скорбное существование. Народ шептался о Распутине. Была отчеканена юбилейная монета стоимостью в один рубль. На переднем плане находился портрет Николая, а сзади него — изображение бородатого Михаила Романова, который, по мнению многих, оказался очень похож на старца.

6 марта в Казанском соборе отслужили торжественный молебен. Когда императорская семья проезжала по улицам, народ вел себя непривычно тихо. Люди несколько оживились, когда молодые великие княжны стали улыбаться толпе из-под украшенных цветами шляпок. Собор был полон. Родзянко забронировал лучшие места для руководителей Думы. Так как царь Михаил был избран народом, неугомонный Родзянко настаивал, что избранные народом представители Думы должны получить причитающиеся им почести. Он ждал у входа в собор приезда императорской семьи, когда помощник начальника караула сообщил ему, что «неизвестный в крестьянском платье, с наперстным крестом», занял его место и не желает уходить. Родзянко сразу догадался, кто это был.

Распутин был одет в великолепную шелковую рубашку малинового цвета, лакированные сапоги, чер-

ные штаны и крестьянский армяк. Наперсный крест висел на роскошной золотой цепи, которую ему подарила Александра.

— Что ты здесь делаешь? — взревел взбешенный Родзянко.

— А тебе какое дело? — ответил Распутин, обращаясь к нему по своему обыкновению на «ты».

Однако Родзянко это вовсе не казалось забавным.

— Если ты будешь мне тыкать, я возьму тебя за бороду и выволоку из собора. Разве ты не знаешь, что я председатель Думы? — Распутин устремил на него свой «страшный взгляд, исполненный непонятной силы». Но он не подействовал на взбешенного Родзянко, который и сам в тот момент чувствовал, как его переполняет «почти нечеловеческая сила». — Немедленно убирайся, окаянный еретик! — крикнул он Распутину, который опустил на колени и стал молиться.

Родзянко ударил его ногой по ребрам и хотел схватить за волосы, когда Распутин повернулся к нему и сказал:

— Господи, прости ему этот грех! — Он встал и вышел из собора через западные ворота, где его ждали служившие при дворе казаки. Они помогли старцу одеть пальто и посадили его в автомобиль, который сразу же куда-то умчался.

Богослужение, которое пропустил Распутин, с большим апломбом совершал митрополит Антиохий. Хор пел великолепно. Однако императрица явно нервничала, а напряженное и мрачное лицо императора не соответствовало торжественному случаю. Вечером они отправились на гала-представление в Мариинский театр, где давали оперу Глинки «Жизнь за царя». Мюриэль Бьюкенен, сидевшая в ложе британского посла, видела, как в руках у императрицы дрожит веер из белых орлиных перьев. Она также заметила красные пятна на бледном лице Александры. Грудь императрицы высоко вздымалась, и бриллианты, украшавшие

лиф ее платья, сверкали тысячами ярких искорок. Не выдержав душевных страданий, императрица шепнула несколько слов мужу и спряталась в глубине ложи. Больше ее в тот вечер никто не видел.

По театру пробежал ропот недовольства. Дамы, переглядываясь, пожимали плечами, а мужчины что-то бормотали себе под нос. Мюриэль Бьюкенен подумала, что так бывало всегда. «Императрица ненавидела Санкт-Петербург, живших в нем людей и все, что было связано с этим городом, — писала она. — Она отказалась занять свое место рядом с императором, не могла скрыть свои чувства и казаться доброжелательной и приятной». Отец Мюриэль сказал, что императрица скрылась от посторонних взглядов не из-за каприза или взбалмошности, а потому что пребывание на людях действительно причиняло ей невыносимые страдания. Это было правдой. Во время нечастых появлений на публике Александру охватывали приступы панического страха, сопровождаемые одышкой и полуобморочным состоянием. Однако все это производило крайне неприятное впечатление на окружающих, и его нельзя было исправить никакими аргументами.

На большом балу, данном в честь императорской семьи в зале Дворянского Собрания, все повторилось. По традиции, императрица и император открыли бал полонезом Шопена. Лицо Александры было мрачным и неулыбчивым. Ей стало так плохо, что она едва стояла на ногах. В тот вечер был первый выезд в свет ее старшей дочери Ольги. Прекрасная великая княжна была одета в простое платье из розового шифона и танцевала все танцы. Александра бросила на мужа умоляющий взгляд, и, по словам очевидцев, Николай едва успел вывести ее из зала, чтобы она не упала в обморок при людях. Даже Вырубова считала, что, несмотря на блеск и великолепие, празднику «не хватало воодушевления и верноподданнической преданности, словно что-то нависло над Санкт-Петербургом».

Романовы надеялись, что в провинции им окажут более теплый прием. Они отправились на пароходе в Кострому, где три века назад находился Михаил, когда его избрали на престол. Сестра императора Ольга описывала, как народ встречал своего государя. Крестьяне заходили в воду по грудь, чтобы посмотреть на царя. В городах рабочий люд падал на землю и целовал тень государя, когда тот проезжал мимо. Александра посчитала это новым подтверждением того, что Россия Распутина любила Романовых всей своей бесхитростной душой. Впоследствии она сказала, что путешествие лишний раз доказало, что все министры являются трусами: «Они постоянно запугивают императора угрозой Революции. Но вот посмотрите сами — нам просто нужно было им показаться, и мы снова завоевали их сердца», — говорила она одной из фрейлин. Коковцев, самый главный «трус», сопровождавший императорскую чету во время путешествия, не был так уверен в народной любви, объясняя ее обычным любопытством. Крестьяне заходили в воду, потому что Николай ни разу не появился на палубе, скрываясь от жгучего ветра и пуль террористов. Коковцев опасался, что император не понимает, насколько изменилась Россия с тех пор, когда представитель династии Романовых мог управлять ею, руководствуясь своими прихотями.

Финансовый бум продолжался. В 1913 году собрали урожай, равного которому не было 50 лет. Однако не все было ладно в стране. Какой-то вандал изрезал гениальное полотно И. Е. Репина «Иван Грозный». Это был не отдельный акт вандализма, а признак «эпохи, не признававшей ценностей, образования и морали». Алексей Толстой писал, что «миллионные состояния появлялись, словно из воздуха. Люди одурманивали себя музыкой, полуобнаженными женщинами и шампанским. Игорные клубы, дома свиданий, театры, киноте-

атры и увеселительные заведения росли словно грибы». По столице прокатилась волна самоубийств. За первые 10 дней апреля их было насчитано 22. 10 из них пришлось на 10 апреля. Лишь двум из самоубийц было более 25 лет, и 20 из них были женщинами.

Романовы также принимали участие в кутежах и вели распутную жизнь. Двоюродный брат императора, великий князь Андрей жил с бывшей любовницей Николая, балериной Матильдой Кшесинской. За год до этого его брат женился на дважды разведенной простолюдинке, за что был сослан в Баварию. Сестра императора-Ольга в то время разводилась с мужем.

В мае коронованные особы Европы встретились в Берлине по случаю свадьбы дочери кайзера Вильгельма Виктории-Луизы и герцога Брауншвейгского. На банкете в Берлинском дворце германский кайзер, русский император и английский король Георг V обменялись мундирами. На кайзере был мундир британских королевских драгун с русским орденом Андрея Первозванного на груди. Николай одел мундир прусских драгун с орденом Гогенцоллерна. Это была последняя встреча трех монарших кланов перед войной, которая уничтожила два из них.

Шло последнее мирное лето в Санкт-Петербурге. В гостинице «Европа» чернокожий бармен с мягким акцентом жителя Кентукки смешивал новомодные коктейли. Безумными летними ночами длинноволосые студенты обсуждали в парках с подругами достоинства немецкой философии. Состоялась сенсационная премьера Стравинского. Футуристы в картонных одеждах, с нарисованными на лицах цветами, декламировали стих, состоявший из одного слова «смех» и его производных. Игорь Сикорский построил на заводе «Руссо-Балт» первый в мире самолет с четырьмя двигателями. Он кружил над городом с 16 пассажирами и собакой на борту. В пассажирском отделении имелся диван и туалет.

Симанович наживал себе состояние. «Моя уверенность в своих силах росла. Я видел, что многие уважительно относятся к моим связям при дворе. В государственных учреждениях исполнялись мои просьбы и пожелания... Многие люди хотели быть для меня полезными и обходились со мной очень любезно», — писал авантюрист Симанович. Распутин оказался могущественным союзником. Императрица все время просила Вырубову передавать ему сообщения о здоровье царевича Алексея. Симанович писал, что, благодаря «сказочному успеху при дворе, Распутин стал идиолом. Все петербургские чиновники были взволнованы. Одного его слова было достаточно, чтобы получить высокие звания, почести и другие знаки отличия. Все искали его поддержки... Для того чтобы сделать блестящую карьеру, не требовалось ни особых знаний, ни талантов. Для этого было достаточно одного кивка Распутина».

Протеже Распутина находился в самых лучших отношениях со столичными прожигателями жизни: любовницами великих князей, министров, финансистов. Симанович с удовольствием заявлял, что знакомством с Распутиным гордились «светские дамы, куртизанки, знаменитые актрисы и аристократки. Все они были ослеплены его успехом». Благодаря князю Андронникову, он был в курсе всех скандалов, связей и альковных тайн высокопоставленных особ. Дружба с Распутиным давала этим людям возможность устраивать свои дела.

Распутин возил их развлекаться на «Виллу Роде», ночной ресторан, находившийся на затененной деревьями поляне в окрестностях Петербурга. Он славился своим цыганским хором. Сюда приходили многие высокопоставленные и титулованные особы. Вилла представляла собой деревянное здание в русском дачном стиле, расположенное в саду с высокой оградой. В доме были массивные двойные окна и маленькая зимняя оранжерея на первом этаже. С одной стороны

дома имелась пристройка для частных встреч. Владелец виллы Адольф Роде оставлял ее для Распутина, когда тот заранее ему звонил. На украшенном цветами столе были блюда из рыбы и сладости, которые Распутин любил больше всего, а также большое количество бутылок с мадерой, крепленным грузинским вином, гораздо крепче португальского оригинала.

Ночь, проведенная на вилле, представляла для Распутина своеобразный ритуал. Сначала он звонил женщинам, к которым проявлял интерес. Симанович утверждал, что все приглашения Распутина принимались, и женщины старались получить от него выгоду для себя или своих родных, любовников и друзей. Многие из них обогатились, так как в таких случаях Распутин бывал очень щедр. Среди присутствующих почти всегда был какой-либо министр, действующий или потенциальный. Распутин пил вино и развлекал гостей цитатами из Библии и рассказами о проведенной в Сибири молодости. Опьянев, он начинал рассказывать, как он наблюдал за совокуплением жеребцов и кобыл. Он обнимал кого-либо из дам со словами: «Ну, пойдём, моя славная кобылка». Если присутствовавшие мужчины выражали недовольство, он поворачивался к ним и сердито говорил: «Да, мои дорогие, я вас знаю, я могу читать ваши мысли».

Распутин ел руками. Насытившись, он звал цыганский хор. Цыгане садились на стулья полукругом: мужчины в вышитых рубашках и с гитарами в руках и женщины в разноцветных шелках и с платками на голове.

Британский агент Роберт Брюс Локкарт, присутствовавший во время знаменитого инцидента в ночном клубе, считал, что цыганская музыка «гораздо опаснее опиума, женщин и вина. Печальная, меланхоличная, лирическая и одновременно чувственная и страстная, она опьяняет человека и заставляет его бежать к ростовщику, а иногда доводит и до преступления». Гости

выпивали «чарочку», в которую наливалось несколько пивных кружек с шампанским. «Чарочку» выпивали до дна и ставили вверх дном на тарелку, чтобы все видели, что в ней не осталось ни капли.

В карманах Распутина всегда было полно записок, которые он раздавал дамам. «Не сходи с пути любви, ибо любовь — это твоя мать», «я обрадую тебя светом любви», «да пошлет Господь унижение твоей душе». У него всегда были при себе подарки для цыганок: конфеты, шелковые платки, пудра и духи. Он заставлял цыганок воровать у него безделушки и громко кричал: «Цыганки меня грабят!» Распутин любил танцевать с цыганами, легкий и проворный в своих сапогах. Симанович говорил, что даже профессиональным танцорам трудно было тягаться со старцем. Когда же он бывал в стельку пьян, то осторожность ему изменяла и он заходил слишком далеко. Распутин хвастливо называл Александру «второй Екатериной» и говорил, что это она, а не бесхарактерный Николай управляет Россией. Так как гости хорошо знали о его влиянии на императрицу, это звучало как прямой намек на его собственное могущество. Молодой гвардейский офицер Образов как-то отколотил Распутина за оскорбление его величества, хотя многие считали, что старец говорит правду.

Однако осенью 1913 года выступления Распутина звучали отрезвляюще. Балканские страны, победив поработивших их турок, теперь перессорились между собой. Их подталкивала к этому Австрия, которая аннексировала Боснию и была полна решимости помешать Сербии освободиться от австрийских пошлин путем прорыва к Адриатике. Болгария, истощенная войной за независимость против Турции, все же напала на своих бывших союзников-христиан в Сербии через Македонию. Несмотря на то что в Лондоне был навязан дипломатический мир, Австрия подтянула к

русской границе в Галиции три корпуса, приведенных в боевую готовность.

Коковцев предупреждал Николая, что назревает конфликт с Германией, который может привести к катастрофе и крушению династии. Однако его слова не произвели должного впечатления на императора, который ответил, пожав плечами: «Все в руках Божьих». В Думе произносились пламенные речи, а газеты клеймили славянский национализм. Распутина пугали разговоры о приближающейся войне. В своем интервью, данном «Петербургской Газете» в октябре 1913 года, он сказал, что христиане не должны убивать друг друга, впрочем, так же как и турок. Противопоставляя турок балканским народам, исповедовавшим христианство, он заявил:

— Что касается религии, то турки более справедливы и миролюбивы. Можно самим убедиться в этом, однако в газетах все выглядит совсем по-другому. Если суждено быть войне, пусть турки и иностранцы пожирают друг друга. Они слепы, и в этом их несчастье. Они ничего не выиграют, а только ускорят свой смертный час. Тогда как мы, ведущие гармоничную жизнь, в очередной раз возвысимся над остальными... Бойтесь, бойтесь войны».

Одна из газет отдала Распутину должное за антивоенные выступления. Оценила это и Александра.

— Он всегда говорил, что Балканы не стоят того, чтобы за них сражались, — напомнила она впоследствии супругу.

Родзянко же, напротив, говорил императору, что «нужно воспользоваться всеобщим энтузиазмом. Константинополь должен принадлежать нам. Войну примут с радостью, и она лишь повысит престиж императорской власти».

Илиодор из своей казачьей станицы также выступал за войну и планировал начать революцию в октябре.

— Я запланировал убийство 60 губернаторов и

40 епископов по всей России. Для осуществления этого плана я подобрал 100 человек, — утверждал Илиодор.

План Илиодора провалился, так как он не нашел нужных ему людей. Однако ему удалось собрать группу женщин, готовых кастрировать Распутина. Одной из них была 26-летняя Феония Гусева, бывшая проститутка из Царицына, когда-то отличавшаяся красотой. После того как ее изуродовал сифилис, она ударилась в религию и присоединилась к Илиодору. Феония последовала за ним в станицу и поклялась изувечить старца, погубившего жизнь Илиодору.

— Гриша — это настоящий дьявол, — говорила она. — Я его заколю, убью его, как Илья-пророк убил лжепророков Ваала. Но Распутин хуже их... Отец, благослови меня, чтобы я могла с ним покончить.

Илиодор одел ей на шею цепь с ножом.

— Этим ножом убей Гришу, — сказал он.

Новый 1914 год встречали под звон церковных колоколов, с водкой, флагами и оркестрами. Александра по-прежнему вела затворническую жизнь, но ее дочери Ольга и Татьяна появлялись в свете. Ольга, темноволосая, с большими янтарными глазами, была красивее своей курносой сестры. Графиня Шувалова дала два бала. На одном из них все были одеты в черное и белое, а второй бал был назван «Балом разноцветных париков». Все гости носили красные, зеленые и синие парики и тюрбаны. Несмотря на напряженную обстановку, на балах в посольствах Германии и Австрии присутствовало много народа. Толпы народа собрались в магазине уральских самоцветов, где продавалось множество фигурок животных, вырезанных из нефрита и аметиста. В «Крестьянском магазине» люди покупали лакированные коробочки и деревянные игрушки. Фаберже получал хорошую прибыль. Пары катались с гор на санках, а по замерзшей реке водили танцующих медведей.

Однако над городом нависло предчувствие надвигающейся катастрофы. Николай не забыл унижения, когда его вынудили подписать Манифест 1905 года, и продолжал нападки на Думу и своих министров. К этому его подстрекали жена и князь Владимир Мещерский. Князь был другом детства императора Александра III и пользовался этим, чтобы каждый год получать государственную пенсию в 80 тысяч рублей, с помощью которой он содержал себя и окружавших его смазливых молодых людей, а также издавал черносотенную газету «Гражданин». Мещерский внушал императору, что лучший способ ограничить влияние премьер-министра — это назначить своего человека на пост министра внутренних дел. Князь подчеркивал, что не премьер, а именно министр внутренних дел контролирует все права и свободы.

Император назначил на этот пост Николая Маклакова, молодого провинциального губернатора, закоренелого реакционера. Маклаков не имел опыта, а кроме того, его никто не знал. Новое назначение, по его же словам, было для него «громом среди ясного неба». Маклаков ненавидел уступки, сделанные в 1905 году, говоря, что с их помощью «Россия подвернула одну ногу и с тех пор, словно пьяная, ковыляет от стенки к стенке». Он настаивал, чтобы император выступил против Думы с грозной речью, за которой должен был последовать ее роспуск и лишение законодательных полномочий. Николай был приятно удивлен этой идеей, однако остальные члены кабинета ее не поддержали, и план Маклакова не удался.

Назначение Маклакова вызвало раздражение у Распутина, который не принимал в этом участия. Он ревновал к Мещерскому, ведь у него был свой собственный князь-гомосексуалист Андронников, и он не собирался терпеть соперников. В результате Распутин добился, что император написал Мещерскому: «Навести Григория... он на тебя сердит». Мещерский не успел воспользовать-

ся приглашением, так как умер, а Распутин и Андронников завладели новым министром внутренних дел, найдя место в Санкт-Петербургском университете для его туповатого сына. Они также «обрабатывали» генерал-майора Воейкова, коменданта дворца.

«Многоуважаемый Владимир Николаевич! — писал ему Андронников 19 января 1914 года. — Следя за вашей энергичной, неутомимой и творческой деятельностью, я был несказанно счастлив, узнав, что Император избрал Вас. Теперь все могут быть спокойны, так как охрана нашего дорогого Императора находится в крепких и надежных руках... Буду очень признателен, если Вы позволите мне навестить Вас в Царском Селе в удобное для Вас время, чтобы я лично смог проинформировать Вас относительно вопросов, которые могут представлять для Вас интерес». Андронников и Воейков встретились, и с тех пор комендант стал получать сведения, выставляющие в неблагоприятном свете того или иного государственного деятеля, неугодного Андронникову.

Следующая перестановка, которую сделал Николай, пришлась по душе Распутину. 12 февраля 1914 года был отправлен в отставку Коковцев. Премьер вел себя слишком независимо, проявлял враждебность по отношению к Распутину и симпатизировал Думе. Николай не имел мужества лично сказать Коковцеву об отставке и вместо этого послал ему письмо, в котором говорилось, что «гораздо легче подобрать нужные слова на бумаге, чем во время тревожной беседы». Вдовствующая императрица встретила с Коковцевым через несколько дней после его отставки.

— Невестка меня не любит, — жаловалась она. — Она не понимает, что мое единственное желание — это видеть сына счастливым. Но мы движемся к катастрофе семимильными шагами, а император не слушает никого, кроме льстецов. — Она попросила Коковцева пойти к Николаю и рассказать ему о своих опасениях.

— Никто не станет меня слушать и не поверит мне, — ответил бывший премьер. — Молодая императрица считает меня своим врагом.

Император письменно сообщил Коковцеву, что на посту премьер-министра его сменил «человек, являющийся новичком в такого рода работе». Им оказался князь Иван Горемыкин, усталый и больной старик, которому было далеко за 70.

«Император не понимает, что я дышу на ладан», — сказал Горемыкин по поводу своего назначения.

Горемыкин ходил в старой шубе, пропахшей нафталином, был циником, читал французские романы и часто спал у себя в кабинете. Обер-церемониймейстер граф Павел Бенкендорф говорил, что император «не хотел и не ждал от Горемыкина каких-либо дел». Полуживого премьера можно было назначать в стабильной стране, но в России, которой извне угрожала война, а внутри — революция, такое назначение выглядело настоящим безумием. Горемыкин устраивал императора, императрицу и старца. Для Николая он был напоминанием о самодержавии прошлого века.

— Я человек старой закалки, — говорил без стеснения Горемыкин. — Приказ императора для меня закон. Для меня Его Величество является помазанником Божьим... Когда такой человек принимает решение, верноподданные должны его принять, какие бы ни были последствия. А потом на все воля Божья.

Такая точка зрения очень импонировала императрице.

— Он так ясно все видит и понимает, что беседовать с ним одно удовольствие, — говорила она.

Супруга Горемыкина была почитательницей Распутина и часто его навещала, снабжая старца вареным картофелем прямо со своей кухни, так что он не успевал остыть. Она также приносила Распутину уху, яблоки и булочки. Симанович говорил, что госпожа Горе-

мыкина знала 10 способов приготовления картофеля и завоевала благодаря этому расположение старца.

Распутин и князь Андронников «трудились» вместе. Князь посылал цветы и конфеты Вырубовой, в то время как Распутин источал лесть в адрес Горемыкина. Андронников писал памфлеты на французском и русском, прославляя мудрую политику премьера. Многие просьбы Распутина и Андронникова были исполнены. Производители спиртных напитков и сахара получили государственные субсидии, а банкиры — нефтяные концессии.

Старец переехал в новую квартиру, на Гороховую улицу, дом №64. Симанович и его приятели платили за аренду. Улица находилась в западной части города и проходила от Адмиралтейской площади до Загородного проспекта. Унылые кирпичные фасады зданий были испачканы сажей, и вся улица имела мрачный вид. Длинные пальто, которые носили переодетые агенты полиции, получили название «гороховых пальто». На этой улице жил один из героев романа Достоевского «Идиот», Парфен Рогожин. С тех пор здесь построили новые квартиры для коммерсантов и преуспевающих чиновников.

Отсюда было удобно добираться до Царского Села. В доме №64 было два входа. Лестница парадного вела наверх, где находились квартиры, а через черный ход можно было попасть прямо во внутренний двор. Квартира №20, где жил Распутин, находилась на третьем этаже и состояла из пяти комнат и кухни. Дверь вестибюля вела в прихожую и коридор, по обе стороны которого располагались комнаты. Столовая и спальня Распутина выходили окнами на улицу. Здесь же была и ванная комната, которой Распутин пользовался довольно редко, предпочитая баню, находившуюся на другой стороне улицы.

Никому не разрешалось входить в спальню Распутина, когда он был там не один. По словам одного агента полиции, «стены этой комнаты многое повидали. Растрепанные просительницы из низших сословий выбегали из спальни с криками и проклятиями, в то время как их пытались умиротворить и тихо выставить из квартиры». Агенты Охранного отделения стояли у дверей и на улице, откуда они могли иногда наблюдать за «деятельностью» Распутина. Акулина Лаптинская, «секретарша» Распутина, которая помогла ему перебраться в новую квартиру, любила развлекать старца в спальне, окна которой не были занавешены шторами. По словам одного из агентов полиции, «по причине отсутствия штор, ее эротические экзерсисы с Распутиным развлекали всю улицу». Со стороны внутреннего двора располагалась большая комната для приемов с массивной мебелью в буржуазном стиле. Здесь Распутин принимал гостей. Рядом с этой комнатой находился его кабинет, кухня и комнаты дочерей и прислуги. Номер его домашнего телефона был 646-46.

Во время Великого поста настроения в городе резко изменились. «Никто уже совершенно не хочет ни войны, ни авантюры, — писал граф Бенкендорф. — Однако чувство того, что война неизбежна, росло среди всех сословий». Дворники посыпали тротуары песком и разводили костры, чтобы таял лед. В конце марта стал с треском вскрываться лед на Неве, и ледоколы разбивали огромные глыбы льда. Наконец прогремели залпы пушек Петропавловской крепости, а ее комендант встретился с губернатором посреди Невы, чтобы объявить об открытии навигации. Наступила весна.

Распутин рассчитывал отметить ее приход возвращением очередной провинциальной дамы, Веры Александровны Жуковской, которая обратилась к старцу за советом и духовным наставлением. Ее проводила в кабинет Дуны, прислуга и любовница Распутина. У

стены стояла кровать, накрытая обтрепанным шелковым покрывалом. Рядом находился умывальник и дамский письменный столик, на котором лежали карандаши, ручки и золотые часы с выгравированным на них двуглавым романовским орлом. Перед окном стоял дамский туалетный столик с зеркалом. Рядом с ним висела большая, украшенная лентами фотография с изображением алтаря Исаакиевского собора. Жуковская вспомнила, что хлыстовцы тоже вешают у окон украшенные лентами иконы.

Вошел Распутин и, взяв стул, уселся напротив Жуковской так, что ее ноги оказались между его коленей.

— Что хорошего ты мне скажешь? — спросил старец.

Она ответила, что в жизни очень мало хорошего. Распутин погладил ее по голове и сказал:

— Послушай, что я тебе скажу. Знаешь ли ты псалом «С юных лет меня терзало возжелание. Господи Иисусе, не осуждай меня за это»? Знаешь ли ты его?

Жуковская ответила, что хорошо знает этот псалом.

Распутин крепко сжал ее колени и сказал, что сейчас все ей объяснит.

— Говорю тебе, что люди могут грешить до 30 лет, а потом наступает время, когда нужно обратиться к Господу. Понимаешь? А если ты научилась полностью подчинять свои помыслы Всевышнему, то ты можешь грешить снова, ибо это уже будет особый грех. Ясно? А что касается греха как такового, то ты снова можешь избавиться от него путем покаяния. Стоит только покаяться в грехах, и все снова хорошо.

Он предложил Жуковской сходить к причастию, но она отказалась. Тогда Распутин стал гладить ее руки и плечи, говоря, что она не поняла его слов и их нужно подтвердить делами.

— Приходи ко мне чаще, моя пчелка, люби меня, и тогда ты поймешь все. Любовь — это самое главное.

Старец также сказал, что, будучи для него чужой, она не поймет его слов, а когда она его полюбит, то все сразу же станет ясным. Вдруг Распутин быстро и непринужденно поцеловал ее в губы, так что молодая женщина не успела воспротивиться этому.

Зазвонил телефон, и Распутин снял трубку.

— Теперь я не дам тебе уйти, — сказал он, вернувшись в комнату. — Раз ты сюда пришла, то больше не ускользнешь! Запомни это. Я ничего тебе не сделаю, только приходи, моя ягодка.

Распутин попросил у нее номер телефона. Пока Жуковская писала, он обнял ее за плечи и прошептал, обдавая горячим дыханием:

— Ну, а что еще ты должна мне сказать?

Возмущенная женщина с отвращением оттолкнула старца.

— Я пришла к вам за советом, — сказала она. — Ведь вы хорошо знаете, где истина, а где грех, правда?

Распутин стал рассказывать о своей дружбе с великой княгиней Милицей. Старец часто упоминал ее имя, говоря о том, что она тоже спрашивала, что такое грех, и никак не могла этого понять.

— Лишь тот совершает грех, кто его ищет, — говорил Распутин. — А в том, кто просто через него проходит, он не оставляет следа. Если хочешь, я все тебе покажу. Сходи на следующей неделе к причастию, а потом приходи ко мне, пока ты еще не утратила Рай в своей душе. Вот тогда я покажу тебе грех, да так, что ты не устоишь на ногах!

— Я не верю, — выдохнула Жуковская. Старец что-то шептал ей, словно колдун, его рот похотливо открылся.

— Ты хочешь, чтобы я тебе показал?

Чувствуя, что он зашел слишком далеко, Распутин вдруг совершенно изменился в лице, и его глаза стали «добрыми, дружелюбными и бесстрастными».

— Почему ты так на меня смотришь, милая? — с тихим удивлением спросил он.

Он целомудренно поцеловал женщину, словно священник, и она снова увидела перед собой не развратного хлыста, а честного крестьянина с кротким взглядом. Распутин взял с Жуковской обещание вернуться сюда в субботу вечером.

В субботу ее проводили в столовую, где было много женщин и какой-то нервный молодой человек в визитке. Это был фон Пистолькорс, чья беременная жена не сводила с Распутина преданного взгляда. Госпожа Головина была за хозяйку и поддерживала беседу. Ее дочь Маня Головина, одетая в тонкое шелковое платье и белую шляпку с фиалками, также имела смиренный вид. Присутствовала здесь и Вырубова. Большая и полная, с белокурыми волосами и ярким чувственным ртом, она «имела двусмысленный и обманчивый вид и в то же время казалась соблазнительной». Великая княгиня Милица сидела, спрятав руки в горностаевую муфту. Ее черные глаза были печальными и безжизненными. Она хранила молчание.

Распутин брал с заваленного едой стола вареные яйца и передавал дамам, которые их жадно расхватывали. Вырубова передала старцу хлеб с солеными огурцами, которые тот ел руками, вытирая их о скатерть, прежде чем прикоснуться к своим гостям. Разговор Распутина был обрывочным, а рассказывал он о церкви и духовенстве.

— Не могу сказать, что я их люблю, но и среди них встречаются истинные верующие. — Затем Распутин предупредил гостей, что придет Ольга Лохтина. Он объяснил, что несчастная сбилась с пути истинного и сбежала с Илиодором. — Но мне жаль эту сумасшедшую суку, — добавил старец.

Вскоре с возгласами «Христос воскрес!» появи-

лась и Лохтина. На ней были одеты разноцветные юбки в складку и старые сапоги, которые выбросил Распутин. На голову она одела старую шапку из волчьего меха, которую также в свое время носил старец. К рубашке Лохтиной были пристегнуты маленькие мешочки с остатками пищи и старыми перчатками, принадлежавшими Распутину. Вуаль с яркими ленточками закрывала ее лицо, оставляя на виду только красиво очерченный рот.

Лохтина принесла Распутину пирог, «белый снаружи и черный внутри», который она бросила на стол. Когда Распутин отказался от пирога, Лохтина взяла в руки его голову и стала страстно целовать, приговаривая:

— О, мой дорогой... благословенный сосуд... Ах, твоя прекрасная борода... Твои чудесные волосы... мой любимый... мой Бог!

Едва не задохнувшись в объятиях Лохтиной, Распутин грозно рявкнул:

— Изыди, сатана!

Однако Лохтина запричитала еще сильнее:

— И все-таки, ты мой! Я делила с тобой ложе... делила ложе... Ты — мой Бог! Я принадлежу лишь тебе... Сколько бы ни было у тебя женщин, они не смогут украсть тебя у меня! Ты мой!

— Ах ты, сука! Ненавижу тебя! В тебя вселился дьявол! — вопил Распутин, норовя ударить ее в челюсть. Однако это не оказало на Лохтину должного действия.

— Я счастлива, и ты меня любишь, — приговаривала она, тряся всеми своими юбками и лентами. — Я скоро буду с тобой. — Распутин грубо ее оттолкнул. — Ударь меня! Ударь! — Лохтина пришла в неистовство, и присутствовавшие дамы испугались не на шутку. Когда Распутин ударил ее в грудь, она попыталась поцеловать это место, но ей помешал подбородок. Тогда Лохтина побежала по комнате, целуя воздух и

собственные руки. Наконец она успокоилась, затихла и улеглась на диван.

Когда Жуковская спросила у Распутина, за что он обидел безумную женщину, тот добродушно ответил, что она покинула лоно церкви. Остальные дамы хранили молчание, делая вид, что ничего не произошло, хотя их лица говорили о другом. Затем госпожа Головина обратилась к Лохтиной:

— Не понимаю, зачем вы нарочно сердите Григория Ефимовича?

Лохтина попросила супа, говоря, что ничего не ела весь день и отдала последние деньги шоферу. Маня Головина принесла Лохтиной тарелку супа, но Распутин велел ее унести, однако Маня не послушалась.

— Что ты делаешь? — обратилась к ней мать. — Зачем ты сердишь Григория Ефимовича?

— Мама, прошу тебя, оставь меня в покое, — прошептала Маня.

Все время звонил телефон, и Распутин выходил из комнаты, чтобы ответить на звонок. Лохтина снова начала свои мазохистские стенания:

— Бей меня, оскорбляй меня, плюй на меня! А теперь я разделю с тобой ложе... Прямо сейчас!

Маня Головина убирала грязную посуду, как будто она была прислугой.

Когда Распутина снова позвали к телефону, Лохтина, воспользовавшись его отсутствием, прокралась в спальню. Разъяренный старец побежал вслед за ней, и дамы слышали звуки ударов и визгливые крики. Когда Лохтина вышла из спальни, вуаль на ней была порвана, а Распутин тяжело дышал, вытирая с лица пот рукавом своей васильковой рубахи.

Госпожа Головина пожаловалась, что от подобного напряжения ей стало плохо и теперь ей необходимо выпить лаврово-ромовых капель, чтобы прийти в себя. В комнате царил атмосфера сексуального возбужде-

ния, истерии и религиозного экстаза. Жуковская видела, что этим людям нужно немедленно разойтись, пока они не начали кричать, дергаться в конвульсиях и крушить все вокруг. Первой поднялась Вырубова, а за ней последовали и остальные. Распутин перекрестил их и попросился. Когда Вырубова взяла его руку и поцеловала, Жуковская заметила, что она дрожит всем телом, а из ее груди вырываются сдавленные стоны.

В начале апреля императорская семья отправилась на два месяца в Крым.

В стране нарастало напряжение из-за приближающейся войны. Николай находился в сотнях верст от своей столицы, не имея надежной радиосвязи и полагаясь лишь на почту и курьеров. Спиридович объяснял такую безответственность «крайне нервным состоянием» Александры, успокоить которую могла только тихая семейная жизнь во дворце в Ливадии.

Распутин тоже приехал в Крым и остановился в гостинице «Отель де Рюс» в Ялте. Однако его приезд обернулся скандалом, так как он стал хвастаться перед служащими гостиницы своими близкими отношениями с царской семьей. В газетах сообщалось, что рядом с гостиницей, где остановился старец, часто видели карету Вырубовой. В магазинах бойко расходились фотографии Распутина. Раздосадованный Николай предложил старцу забрать дочерей из Санкт-Петербурга и провести с ними остаток лета в Покровском. Старец не возражал. Когда он уехал из Ялты, там появилась Феония Гусева. В гостинице ей сказали, что Распутин уехал, и она снова бросилась на его поиски.

Дочери Распутина Марии было 15 лет. От скуки она любила подшучивать над мужчинами. Она набирала первый попавшийся номер телефона, и если отвечал мужской голос, Мария объяснялась в любви и назначала незнакомцу свидание на лестнице гостиницы «Европа», а потом наблюдала с другой стороны

улицы, как пришедший на свидание мужчина прохаживается взад-вперед в ожидании своей таинственной поклонницы. В конце мая кто-то сыграл такую же шутку с ней самой. Ей позвонил какой-то мужчина и, назвав по имени, сказал, что безнадежно в нее влюблен, и попросил о встрече. Мария ответила, что не сможет прийти, так как уезжает в Сибирь вместе с отцом. Мужчина осторожно спросил о дне отъезда.

4 июня Мария вместе с отцом покинула Санкт-Петербург в спальном вагоне первого класса. Затем они продолжили путешествие на пароходе. В это время эскадра военно-морского флота Великобритании прошла мимо императорской яхты «Штандарт» и стала на якорь в Кронштадте. Британцы долгое время считали Россию страной, где жестоко подавлялись любые стремления к демократии, однако страх перед Германией заставил их заключить союз с Россией и Францией. Прибытие британской эскадры стало запоминающимся событием. 800 гостей были приглашены на бал, устроенный на борту крейсеров «Лайон» («Лев») и «Нью Зелэнд» («Новая Зеландия»), которые прошли по Неве до Николаевского моста. Приехавшие из Крыма великие княжны покорили сердца всех членов команды, забравшись на орудийные башни. Александра встретила со своим племянником, принцем Джорджем Баттенбергом, служившим на крейсере, однако она не позволила дочерям остаться на балу. В Петербурге наступил сезон белых ночей, когда летнее солнце скользило за горизонт, окрашивая позолотой серые воды Невы. Распустились липы, а в полях зацвели колокольчики и первоцветы. На борту «Новой Зеландии» гостей встретили плакатом со словами «Добро пожаловать», написанными по-английски.

Губернатор Санкт-Петербурга произнес тост в честь «самого лучшего флота в мире». Ужин был обильным, а шампанское подавалось наполовину замороженным, как любили русские. Оркестр играл танцевальные ме-

лодии. После того, как корабли покинули Кронштадт, императорская семья отправилась в круиз вдоль финских шхер.

А в это время на борту парохода «Соколовский», который шел из Тюмени в Покровское, к Марии Распутиной подошел «подозрительный человек», который представился Давидсоном. Он приехал из еврейского гетто в Вильно, а сейчас работал журналистом в «Биржевых ведомостях». Давидсон признался, что это он звонил Марии и решил поехать за ней в Покровское. Девушке он не понравился, и его приезд в Покровское не доставил ей никакого удовольствия. Однако Давидсон вел себя тихо, а сам Распутин не обращал на него внимания, так как встречался с друзьями и узнавал от них местные сплетни.

Глава шестнадцатая

«Я УБИЛА АНТИХРИСТА!»

В

это время планировалось два убийства, которые впоследствии стали связывать между собой. Наследник Австро-Венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд присутствовал на маневрах, которые проводились в Боснийских горах. 15 июня 1914 года он вместе с губернатором в сопровождении кортежа автомобилей проезжал по улицам Сараева. На эрцгерцоге был одет австрийский голубой мундир генерала кавалерии, а появляться в таком виде на улицах Сараева было небезопасно. Боснийские сербы стремились изгнать австрийцев и воссоединиться с независимой Сербией. Когда кортеж приблизился к городской ратуше, в него бросили бомбу, взорвавшуюся за автомобилем, в котором ехал эрцгерцог. Молодого террориста, принадлежавшего к организации «Черная рука», арестовали, когда он пытался скрыться.

Потрясенный эрцгерцог прервал приветственную речь губернатора: «К черту

ваши речи! — крикнул он. — Я приезжаю в ваш город, а меня приветствуют бомбой». Он тут же отправился в резиденцию губернатора. Водитель машины, возглавлявшей кортеж, сбился с дороги, и машинам пришлось остановиться. В это время 19-летний сербский студент Гаврила Принцип вышел из толпы и сделал несколько выстрелов, которые, в качестве дополнения к некомпетентности дипломатов и территориальным притязаниям, послужили поводом к началу Первой мировой войны. Супруга эрцгерцога Софья была ранена в живот, ее голова в украшенной цветами шляпе стала медленно сползать на грудь мужа.

— Соферль! Не умирай. Живи ради наших детей! — услышал губернатор сдавленный стон эрцгерцога. Франц-Фердинанд сидел прямо, но губернатор увидел кровь, толчками вытекающую из раны на шее. Его отнесли в дом губернатора, где официанты предлагали стоявшие на серебряных подносах стаканы с охлажденным белым вином, приготовленные для приема в честь приезда эрцгерцога.

— Ничего, ничего, — прошептал он и скончался.

В Покровском следующий день, 16 июня, был теплым и благоуханным. Все утро Распутин возился с новорожденными жеребятами в конюшне, а потом отправился в церковь вместе с женой и детьми. Он был в отличном настроении и съел на обед полную тарелку рыбы. За столом старец забавлял домочадцев рассказами о том, как он предлагал сибирский самогон напыщенным чиновникам в Петербурге. Они были вынуждены пить самогон, который сам старец называл «мстью Распутина». После обеда Мария пошла к подруге, чтобы показать ей фотографии, сделанные в Петербурге.

То, что случилось потом, было подробно записано помощником прокурора уездного суда Тобольска. Около 3 часов пополудни почтальон принес телеграмму в дом Распутина. Старец решил дать ответную телеграмму и,

выйдя из ворот на улицу, окликнул почтальона. Стоявшая у ворот женщина, в которой впоследствии узнали Феонию Кузьминишну Гусеву из города Сызрани Симбирской губернии, поклонилась ему и попросила милостыню. Ее лицо, изуродованное сифилисом, с провалившимся носом, было закрыто платком.

— Не нужно кланяться, — ласково сказал ей Распутин.

«Воспользовавшись моментом, Феония Гусева выхватила из-за пазухи острый нож и вонзила Распутину в живот». Нож вошел в нижнюю часть живота, и Гусева рванула его вверх, к пупку. Когда она хотела вонзить нож во второй раз, Распутин протянул к ней руку с монетой. Смешавшись, она взяла монету, но уронила ее, а Распутин поднял лежавшую на земле палку и ударил Феонию по голове. Разъяренные жители деревни схватили ее и хотели утопить в реке.

— Пустите меня! — кричала Феония, пока крестьяне осыпали ее ударами. — Я убила антихриста!

Поддерживая внутренности рукой, Распутин, спотыкаясь, пошел к дому. Помощник прокурора измерил пройденное им расстояние: оно равнялось 108 шагам. «Ах, какая боль», — стонал Распутин. Его жена смела со стола остатки обеда и положила на него мужа. Их сын Дмитрий побежал на почту, чтобы послать телеграмму, извещающую губернатора Тобольска о покушении. Он также попросил доктора Владимирского, лучшего хирурга Тюмени, немедленно приехать в Покровское. Узнав о покушении, Мария побежала домой и едва не потеряла сознание, увидев у ворот темную лужу крови.

Когда она помогала матери разрезать на отце брюки и рубашку, в дверь постучали. Открыв ее, Мария увидела Давидсона. Ее сразу же осенило, почему журналист говорил ей комплименты по телефону, почему он так хотел узнать день отъезда и зачем он оказался на пароходе. Она также поняла, с какой целью он

пришел к ним в дом. Ему нужно было собрать материал для газеты, и он хотел воочию убедиться, что жертва мертва. Участие Давидсона в заговоре не было доказано, но, безусловно, он о нем знал. Мария захлопнула дверь перед его носом, крикнув: «Неужели вам не достаточно этого?»

После полуночи на загнанной тройке лошадей примчался доктор Владимирский. Распутин отказался от наркоза и был в полном сознании, когда доктор очищал брюшную полость и зашивал разрезанные внутренности. Старец сжимал крест и бормотал молитвы. Перед доктором стояла дилемма, как на рассвете довести раненого до Тюмени. При быстрой езде по ухабистой дороге могли открыться раны, что грозило Распутину потерей крови и смертью. Если же ехать медленно, то раненый мог умереть от болевого шока. Владимирский попросил, чтобы на конюшне Распутина выбрали пять самых быстрых лошадей. Старец с детства любил лошадей и за деньги, полученные от поклонниц, покупал самых породистых лошадей, которые и спасли ему жизнь. Трех лошадей запрягли тройкой, а двух оставили запасными, чтобы можно было их менять каждый час. Распутина уложили между Марией и служанкой Дуней, чтобы они своим телом защищали его от толчков и ударов во время езды по тракту. Старец впал в состояние комы, а когда он ненадолго приходил в себя, то бормотал: «Его надо остановить, его надо остановить». Мария считала, что отец обращался к Николаю и говорил об угрозе войны. Во всяком случае, так она написала впоследствии. Путешествие заняло шесть часов.

В течение 10 дней Распутин находился в критическом состоянии, но искусство врачей помогло ему выжить. В знак благодарности императрица подарила Владимирскому золотые часы. Однако главная причина выздоровления крылась в несокрушимой физической силе и стойкости духа старца, который неоднократно

переносил последствия безумных кутежей, а теперь устоял и перед ножевым ранением.

Попытка связать убийство в Сараево с покушением в Покровском стала частью легенды о Распутине. Мария утверждала, что, находясь в полубессознательном состоянии и бормоча слова: «Его нужно остановить», Распутин предчувствовал приближение войны и хотел предупредить императора о необходимости соблюдать нейтралитет. Как он мог узнать о событиях на Балканах? Мария утверждала, что телеграмма, полученная им за несколько минут до покушения, была от Александры, которая просила старца вернуться в Санкт-Петербург по причине убийства эрцгерцога. Эрцгерцог скончался вскоре после полудня, по центральному европейскому времени, накануне покушения на Распутина. Известно, что кайзер Вильгельм через три часа узнал о смерти эрцгерцога, находясь на борту своей яхты «Метеор». Александра в это время находилась на императорской яхте «Штандарт» в нескольких милях от финского берега. Вполне возможно, что до нее эта новость дошла так же быстро. Она могла послать с яхты радиограмму и приказать, чтобы Распутину послали телеграмму в Покровское. Но происшествие в Сараево еще не рассматривали как прелюдию к войне. Пьер Жильяр, находившийся вместе с императорской семьей на яхте, говорил, что Александру беспокоило только здоровье царевича Алексея, который подвернул ногу при посадке на яхту. У него распухла лодыжка и образовалась подкожная гематома. Ребенок горько плакал, когда Жильяр пытался читать ему книги, чтобы отвлечь от боли. Таким образом, версия о том, что Распутин предвидел начало войны, почти наверняка является вымыслом. Однако она оказалась очень удобной, так как вызвала очередной скандал, связанный с покушением. Сразу же было установлено, что Гусева в прошлом являлась проституткой, а затем поклонницей

Илиодора. Говорили так же, что она была любовницей Распутина, но потом он ее выгнал, и она пыталась кастрировать старца, ударив его ножом в низ живота. Газета «Русское слово» заявляла, что Феония была сестрой террориста по имени Григорий Зайцев, которого арестовали за убийство полицейского в 1907 году в Санкт-Петербурге. На следующий год его отправили в ссылку в Сибирь, в Тобольскую тюрьму, путь в которую лежал через Покровское. Ему разрешили повидаться с сестрой, которая в это время жила с Распутиным. Старец предложил ему деньги, но тот их отказался принять и стал упрекать Распутина за развращенность и дурное влияние на людей. Зайцев попытался убедить сестру уйти от Распутина, но, по словам газеты, она осталась верна старцу и вспомнила о словах брата лишь через несколько лет, решив убить Распутина.

Нет сомнения, что к покушению Гусеву подтолкнул Илиодор, который сразу же сбежал из своей станицы, узнав, что попытка оказалась неудачной. Переодевшись женщиной, он перешел границу и оказался в Финляндии. Находясь в безопасности, он признался в своем участии в покушении. Сама Гусева заявила следователю, что Распутин является еретиком, который насилует монахинь. Она также сказала, что хотела наказать лжепророка, чтобы отомстить за Илиодора и убить в лице Распутина одного из хлыстовцев. Власти не желали, чтобы она повторила свои обвинения во время открытого судебного заседания, поэтому не было и речи о том, чтобы она предстала перед судом за попытку убийства. Вместо этого ее объявили невменяемой и отправили в дом для умалишенных в Томске. Родственникам, которые пытались ее оттуда освободить, объявили, что врачи нашли у нее неоспоримые признаки психического расстройства на религиозной почве.

Однако скандал все же разразился. Давидсон собрал сенсационный материал для «Биржевых ведомо-

стей». Еще один журналист, подписавшийся инициалами С. П., написал в «Русском слове» статью об интервью, которое он взял у раненого старца в больничной палате. В интервью были сохранены красочные высказывания Распутина, а также его привычка переходить от одной темы к другой. Журналист достал белый халат через персонал больницы. У дверей палаты он встретил Марию Распутину, которая отказалась его впустить. Тогда он обратился к Акулине Лаптинской, которая ухаживала за больным. Та любила деньги и, по словам следственной комиссии, будучи женщиной хитрой и расчетливой, частенько брала мзду с посетителей.

Лаптинская подошла к дверям палаты. Журналист обратил внимание на ее спокойные серые глаза и понимающую улыбку. Он попросил разрешения повидаться с больным и объяснил, что проделал для этого долгий путь из Санкт-Петербурга. Лаптинская на секунду задумалась, но предложенные деньги сразу же решили ее сомнения. Журналист зашел в белоснежную палату, где стояла кровать Распутина, застеленная огненно-красным одеялом, которое старец теребил своими сильными, костлявыми пальцами. Голова больного бессильно покоилась на подушке.

— Здравствуй, садись, — сказал он. — Вот моя жена и отец.

Отец Распутина был коренастым, заросшим стариком, на котором больничный халат выглядел нелепо. Журналисту он напомнил кряжистый пень, на который повесили сушить белье. У Прасковьи Распутиной было печальное увядшее лицо и глаза мученицы. Такие бывают обычно у жен знаменитостей, которые разделяют со своим спутником горечь потерь и поражений, но не могут разделить радость побед.

— Я был в Покровском, — сказал журналист. Пальцы Распутина стали еще более беспокойными и торопливыми. Казалось, что он плетет ими паутину. Он

склонил голову набок и хитро взглянул на посетителя, сверкая белками своих больших голубых глаз. Журналист про себя отметил, что эти грешные глаза похожи на глаза Иоанна Крестителя с картины Леонардо да Винчи. В этот момент в них было что-то женское.

— Понравилась тебе деревня? — спросил старец, протягивая руку в сторону журналиста и показывая на него своим длинным пальцем.

— Нет. В моих краях люди живут лучше.

— Это в России-то! — фыркнул Распутин. — Мужик в России — настоящий мученик. Правда, в Пермской губернии еще ничего, но не дальше нее. Они там едят картошку, а наш мужик привык к белому хлебу.

— Сытно, но грязно, — ответил журналист, который не любил Сибирь. — Сливки с тараканами и навоз по колено. Говорят, у вас нельзя долго стоять во дворе, а не то увязнешь в коровьем навозе.

— Грязь, — задумчиво сказал Распутин. — И князья вышли из грязи. Сей овес в грязь и будешь князь. Вся Россия, милай, вышла из грязи... Вся Россия... Тараканы... А как же без них? Они что-то шепчут, шепчут, шепчут...

Распутин снова сверкнул белками глаз. Его лицо было бледным и измученным. Он пристально и пронзительно взглянул на журналиста.

— Так говоришь, грязь, милый...

— А зачем вам в доме два этажа? Ведь вы живете на одном, да и на том пустует комната, — поинтересовался журналист.

— Милый, на первом этаже жить нельзя, — ответил Распутин, кивая на жену. — Прасковья Федоровна держит там пять коров и тридцать овец, а еще свинью с поросятами и кур... А что до пустой комнаты... Ну так что ж? Приедет гость и привезет в дом радость. Пусть комната дожидается гостей. Навоз... Плюнь ты на свою чистоту и ногой растопчи. Комната... Да, комната...

Распутин закрыл глаза и на секунду замолчал, а потом связно заговорил уже совсем другим, спокойным голосом.

— Это случилось со мной. Палка была маленькой, а нож большим, — он стал рассказывать, как «безносая» ударила его ножом. «Безносой» люди прозвали Гусеву из-за изуродованного сифилисом лица. — Палка была маленькой... Я прижался к забору и зажал рукой рану. Я боялся, что вывалятся кишки, и держал их руками... А она шла на меня с ножом. Так оно и было. Потом я глянул на землю и увидел палку, совсем маленькую... Я поднял ее и слегка коснулся плеча «безносой». Она испугалась и отступила.

Распутин уронил голову на подушку и стал беспокойно озираться по сторонам.

— Нож был вот такой величины... а ее рука дрогнула. Понимаешь? Она подошла ко мне, и я дал ей пяточок, милостыню. У нее дрогнула рука. А иначе... Можно защититься и милостыней. А палка была маленькой.

Лаптинская сделала знак, что журналисту пора уходить. Распутин как будто что-то искал.

— Этот пяточок... она уронила пяточок, — бормотал он. — Бросила его на землю, вот здесь. Совесть. Это совесть. Она бросила пяточок. Мальчик нашел его и принес мне. Мой пяточок вернулся ко мне. Вот он... Где мой пяточок? — он стал шарить руками под одеялом, бросая сердитые взгляды на Акулину. Она с улыбкой поправила старцу подушку.

— Вот он, — торжествуя сказал Распутин. — Она уронила его, а потом уронила и нож...

Александра узнала о покушении на Распутина на следующий день. В то время императорская семья находилась на борту яхты «Штандарт». Жильяр заметил необычное волнение, охватившее свиту. Один полковник сообщил ему, что какая-то женщина ударила Рас-

путина ножом в живот и что рана, возможно, смертельная. Все были потрясены и взбудоражены и тихо перешептывались между собой, немедленно замолкая, когда приближался кто-либо из «распутинского окружения». Жильяр имел в виду Вырубову или императрицу и ее детей. Все лелеяли надежду, что старец умрет, и царская семья «наконец избавится от пагубного влияния этого ужасного создания». Однако придворные вовсе не были уверены в таком исходе, так как, по словам Жильяра, «душа проклятого мужика словно срослась с его телом».

Разумеется, императрица не разделяла подобных настроений и посылала в тюменскую больницу телеграмму за телеграммой. Все они были почти одинаковыми по содержанию: «Мы боимся войны. Ты думаешь, она начнется? Молись за нас и поддержи своим советом».

Австрия угрожала Сербии, а Берлин объединился с Веной. Александру страшно огорчало, что ее родина скоро будет воевать со страной, которой она управляет. Николай разделял ее страстное желание сохранить мир. «Нужно было видеть его, чтобы понять, какие муки и душевные терзания он испытывал», — писал Жильяр.

Сначала ответы Распутина были однозначными: «Не слишком беспокойтесь о войне, — телеграфировал он императрице из больницы 3 июля. — Когда придет время, вам придется ее объявить, но не сейчас. Наступит конец вашим горестям». Телеграмма, посланная 6 июля, была более уклончивой: «Не отчаивайтесь, мои дорогие, мои бесценные». По мере того как телеграммы Александры становились все более отчаянными, старец стал выступать против войны: «Я верю в мир и надеюсь на него. Они творят мерзкие вещи, но мы в них не участвуем. Я знаю, как вы страдаете. Очень тяжело жить вдали друг от друга». Когда Распутин послал эту телеграмму, летний круиз на борту яхты

«Штандарт» завершился. У царевича Алексея еще болела нога, и его осторожно вынес на берег матрос Нагорный.

На следующий день яхта «Штандарт» покинула Петербург, чтобы встретить французского президента Раймона Пуанкаре, находившегося на борту линейного корабля «Франция». За обедом Николай беседовал с французским послом Морисом Палеологом о сербском кризисе. Император сказал, что не верит, что кайзер Вильгельм хочет войны.

— Если бы вы знали его, как я, — говорил он, — если бы вы только знали, сколько в нем театрального позерства!

Линейный корабль медленно приближался к ним, белея кильватерной струей на фоне изумрудного моря. Береговая артиллерия салютовала в его честь, и залпы орудий сливались со звуками «Марсельезы» и приветственными криками зрителей с прогулочных лодок. В тот вечер в честь Пуанкаре в Петергофе был устроен банкет.

Через два дня в лагере Красное состоялся военный летний парад «Заря». День был безоблачным и жарким, воздух полон сосновым ароматом. На параде присутствовали послы с семьями, и Мюриэль Бьюкенен слушала новости о парижской моде: в этом сезоне юбки стали шире, а платья носили без рукавов, что было весьма рискованно, так как для этого следовало иметь красивые руки.

— Интересно, а зачем нужна армия? — спросила одна из дам. — Она такая большая, правда?

— Это игрушка для королей и императоров, мадам, — ответил какой-то офицер.

— Довольно опасная игрушка, — заметила дама.

Когда гости вернулись в столицу, там было невозможно дышать из-за жары. В рабочих кварталах Выборгской стороны начались беспорядки, и уже было

построено несколько баррикад. От руки террориста погиб директор одной из крупных фабрик. Улицы города патрулировались казачьими разъездами. Вскоре послышался стук копыт — это военные возвращались в город после парада, чтобы предупредить восстание. Среди них Мюриэль узнала одного из офицеров, с которым она танцевала зимой. Он помахал ей рукой и пожелал спокойной ночи, а затем исчез в надвигавшихся сумерках.

Пуанкаре уехал 10 июля. Перед отъездом он дал обед на борту линейного корабля «Франция». Александра обменялась любезностями с Палеологом.

— Я рада, что пришла сюда, — сказала императрица. — Я боялась, что будет буря. — В этот момент грянул духовой оркестр, и императрица, закрыв уши руками, бросила на посла умоляющий взгляд. — Нельзя ли... — посол подал знак дирижеру, и музыка прекратилась.

Император со своей свитой перешел на яхту «Штандарт», а линейный корабль стал раздувать котлы. Император вместе с Палеологом наблюдали, как корабль вместе с эскортом уходит в спокойное, залитое лунным светом море. Николай снова стал уверять французского посла, что у кайзера Вильгельма не хватит смелости, чтобы затеять военную авантюру, и что единственным желанием австрийского императора Франца-Иосифа было спокойно дожить свой век в мире.

Николай знал августейших особ не лучше, чем своих подданных. Пока он беседовал с французским послом, Австрия предъявила Сербии ультиматум, заявив, что убийство эрцгерцога было спланировано в Белграде и осуществлено с помощью револьвера, доставленного сербскими государственными деятелями. Австрия требовала отставки должностных лиц с антиавстрийскими настроениями, а также запрещения всех сербских националистических организаций и антиав-

стрийской пропаганды. Австрийские чиновники должны были получить свободный доступ для расследования дела об убийстве. Сербии было дано 48 часов для ответа. Текст ультиматума российский министр иностранных дел Сергей Сазонов получил 11 июля в 10 часов утра. «Это означает войну в Европе!» — воскликнул он.

Сазонов предупредил по телефону императора, что резкий ультиматум Австрии, должно быть, согласован с Берлином. Так как сербы с ним не согласятся, то он станет прелюдией к началу военных действий. Сазонов также добавил, что Германия, «безусловно, находится в более выгодном положении, благодаря высокому уровню боеготовности и мощи армии». Германия хотела войны, так как надеялась ее выиграть.

На Николая слова министра иностранных дел не произвели впечатления, а через несколько минут он встретился с министром финансов Петром Барком. «Император сказал, что, по его мнению, Сазонов преувеличивает серьезность положения и поддался панике», — вспоминал Барк. Император говорил ему, что никто не захочет начинать из-за Балкан войну по всей Европе. Он также не верил, что ультиматум был подан по согласованию с Берлином, ведь германский кайзер так часто заверял его в своем искреннем желании сохранить мир в Европе. Кабинет министров был настроен менее оптимистично и в тот же день решил, что если Австрия откажется от переговоров с Сербией, то Россия мобилизует четыре военных округа в надежде, что это послужит предупреждением для Вены и не спровоцирует Берлин.

Распутин уже мог сидеть в кровати и писать. Теперь он уже полностью осознал опасность надвигающейся войны. Единственным политиком, разделявшим его опасения и предсказания, был Сергей Витте, давно отошедший от дел. Он точно предсказал катастрофу для России. Распутин не был пацифистом и не отри-

цал войну как таковую, но он чувствовал, что грядущая война с немцами приведет к катаклизму. Он послал Николаю беспорядочное, неграмотно написанное письмо, в начале которого стоял крест.

«Мой друг, я снова видел, что России угрожает страшная буря. Горе, несчастья, бесконечные страдания. Ночь. Ни одной звезды... Море слез и крови. Не нахожу слов. Беспредельный ужас. Я знаю, что все ждут от тебя войны... Ты царь, отец своего народа. Не дай восторжествовать дуракам. Не дай им этого совершить. Если мы победим Германию, что станет с Россией? Когда я думаю об этом, то вижу страшные мучения. Россия захлебывается в собственной крови. Григорий».

Николай не ответил. Он раздавал награды, посещал больницы, играл в теннис и катался на лодках с дочерьми. 13 июля он принял у себя старшего придворного конюшего маленького германского герцогства Мекленбург-Штрелец, который прибыл, чтобы сообщить императору о смерти своего герцога. Николай дал в его честь обед. Император не был одинок в своем безразличии к происходящему. В это же время кайзер Вильгельм совершил круиз на своей яхте. Совмещение ролей главы исполнительной власти и монарха было трудным делом. Ни Николай, ни Вильгельм не могли контролировать нарастающую военную истерию. Распутин утверждал, что если бы он не находился в тот момент в далекой сибирской больнице, войны бы не было. Николай тоже не хотел войны, но его подталкивали к ней министры и генералы, а также сознание того, что Россия всегда была защитницей славян.

Гипотеза Распутина нуждается в двух уточнениях: во-первых, если бы он в это время находился в столице и, во-вторых, если бы его влияние на императора имело решающее значение. Первого не случилось, а второе кажется маловероятным. Военные настроения

были слишком сильны. Вильгельм, так же как и Николай, находился под влиянием своих генералов и министров. Австрийскому императору Францу-Иосифу было 84 года, и он так и не смог оправиться после трагедии, случившейся с его сыном Рудольфом, который покончил с собой на почве любви в 1889 году в Майерлинге. 10 лет назад в Женеве террорист заколол ножом его жену Елизавету, а теперь был убит его наследник эрцгерцог Франц-Фердинанд. Австрийский канцлер был так настроен на войну, что когда Сербия дала Австрии неожиданно смиренный ответ, он просто его спрятал.

16 июля, несмотря на то, что над столицей Сербии развевались белые флаги, австрийцы стали обстреливать Белград с противоположного берега Дуная. Распутин послал телеграмму Вырубовой: «Пусть папа не планирует войну, так как она означает конец России и всех вас. Вы потеряете всех, до последнего человека». Вырубова передала содержание телеграммы императору, однако тот не придавал ей большого значения. И все же Николай делал все возможное, чтобы остановить массовый военный психоз. В телеграммах и через своего личного посла он умолял Вильгельма сдерживать австрийцев. В телеграммах, которыми обменивались двоюродные братья, они по-прежнему называли друг друга «Вилли» и «Ники», однако Берлин не был настроен на компромисс. На Россию же оказывалось сильное давление, чтобы она оказала помощь своим славянским братьям в Сербии.

На следующий день Сазонов встретился с императором в три часа пополудни и сказал, что с приказом о мобилизации больше медлить нельзя. Император резко высказался против войны и казался раздраженным. «Подумайте об ответственности, которую вы советуете мне на себя взять. Ведь это значит послать сотни тысяч русских людей на верную смерть», — сказал Николай. Однако Сазонов продолжал настаивать

вать, говоря, что австрийцы и немцы хотят поработить союзников России на Балканах, и что в этом случае Россия попадет в унижительную зависимость от прихотей европейских держав. В конце концов, Николай согласился на всеобщую мобилизацию. С Центрального телеграфа в Санкт-Петербурге был разослан приказ во все уголки Российской империи: «Его Императорское Величество приказывает: привести армию и военноморской флот в состояние боевой готовности. В связи с этим призвать всех резервистов с лошадьми в соответствии с законом о мобилизации от 1910 года». На дорожных столбах были развешены красные карточки с приказом явиться на мобилизационные пункты.

18 июля в полночь немецкий посол граф Пурталес передал Сазонову ультиматум германского правительства. Россия должна была отменить приказ о мобилизации в течение 24 часов или быть готовой к соответствующим последствиям. Пурталес дал русским дополнительное время и пришел к Сазонову только в семь вечера 19 июля. Однако у него уже был приказ из Берлина, в соответствии с которым Германия должна была объявить войну, даже если Россия согласится на дальнейшие переговоры. Передав приказ правительства, Пурталес выглянул из окна кабинета Сазонова и, с грустью посмотрев на взмывшую в небо Александровскую колонну и Зимний дворец, расплакался. Сазонов поднялся, и они обнялись.

«Итак, жребий брошен, — писал французский посол Палеолог в своем дневнике. — Процент здравого смысла у правительств так мал, что потребовалась всего неделя, чтобы миром овладело всеобщее безумие!»

В тот момент, когда Германия объявила войну, Николай вместе с семьей был в церкви на вечерней молитве. Жильера потряс измученный вид императора. «Черты его лица изменились, а мешки под глазами, которые появлялись, когда он уставал, стали гораздо больше». Император молился в церкви, прося Всевыш-

него спасти его народ от войны. На лице стоявшей рядом Александры застыло страдание. Жильяр обычно видел ее такой во время болезни царевича Алексея. В 8 вечера они вернулись во дворец. Перед ужином Николай удалился в свой кабинет, где он прочел доклад Сазонова об объявлении Германией войны. Затем у него был короткий разговор с министром иностранных дел. Когда Николай появился в столовой, обеспокоенная императрица уже собиралась послать за ним Татьяну. Он объявил страшную новость семье. Чуть позже, этим же вечером, Вырубова нашла императрицу, истерично рыдающую в своей спальне.

— Война! — кричала она. — А я ничего об этом не знала! Это конец всему!

После 9 вечера император встретился с министрами и британским и французским послами. После полуночи он пошел в спальню, где выпил с Александрой по чашке чая. В половине второго ночи в дверь постучал слуга, принеший телеграмму от кайзера, в которой тот умолял императора не позволять войскам пересечь границу Германии. За шесть часов до этого Германия объявила войну России, а кайзер все еще надеялся, что Николай сможет ее предотвратить. Он прочел телеграмму Александре.

— Ты не станешь на нее отвечать, не так ли? — спросила императрица.

Николай сказал, что ответа не будет.

— Я почувствовал, что между мной и Вильгельмом все кончено навсегда, — говорил потом Николай. — Спал я исключительно хорошо. Проснувшись в свое обычное время, я почувствовал, что с меня словно свалилась огромная тяжесть. Ответственность перед Господом и моим народом была по-прежнему огромной, но теперь я, по крайней мере, знал, что должен делать.

Для зачитания Манифеста о войне в Зимнем дворце 20 июля был объявлен большой прием. Александра

приподняла поля шляпы, предоставив народу редкую возможность увидеть свое лицо. Придворное духовенство отслужило благодарственный молебен, во время которого с лица Николая не сходило загадочное выражение. По словам Палеолога, лицо Александры напоминало маску смерти. Охваченные энтузиазмом люди упали на колени, чтобы получить благословение императора. Огромная толпа окружила Николая, и стар и мал бросились вперед, чтобы посмотреть на него, прикоснуться и поцеловать краешек мундира. Когда император вышел на балкон, чтобы показаться народу, его встретили громогласным русским «Ура!», от которого, казалось, задрожали стены дворца. Иностранные дипломаты взбирались на свои машины, стоявшие по краю площади, чтобы лучше видеть происходящее. А в глубине России, как писал либерал Павел Милюков, «воцарилась гробовая тишина».

На следующее утро граф Пурталес вместе с сотрудниками посольства покинул Санкт-Петербург на специальном поезде на Стокгольм. В спешке уполномоченный по военным вопросам забыл скрипку Страдивариуса. На Финском вокзале для сотрудников посольства были приготовлены императорские комнаты, а представитель Министерства иностранных дел позаботился о том, чтобы посол и его сотрудники покинули страну целыми и невредимыми. Зданию посольства Германии повезло гораздо меньше. 22 июля толпы людей, которые за несколько дней до этого строили баррикады, перенесли свою ненависть с Романовых на немцев и, ворвавшись в здание посольства, оборвали все гобелены и разбили бесценные скульптуры из личной коллекции Пурталеса, а также сбросили с крыши знаменитых бронзовых лошадей. Издававшиеся на немецком языке газеты «St. Petersburger Zeitung» и «Herold» были закрыты, так же как и любимый немецкий ресторан «Leinners» на Невском. Через несколько месяцев Николай издал указ о переименовании города в Пет-

роград. Французский посол Палеолог считал это «ребячеством» и задавал себе вопрос, что бы было, если бы французы надумали переименовать Страсбург, а заодно и все другие города Франции, оканчивающиеся на «бург». Однако он отмечал, что такого единства духа и проявления патриотизма в России не наблюдалось со времен вторжения Наполеона, которое произошло 100 лет назад.

23 июля пришло известие, что Британия объявила войну Германии. Над городом развевались красно-белосиние флаги России, Франции и Британии. Народ торжествовал. «Это было прекрасное время, — писал 25 июля корреспондент «Таймс» Роберт Уилсон. — Я думаю, эти люди должны победить. Теперь они наши друзья навеки». Дума безоговорочно выступила за войну, и Николай в первый и последний раз в своей жизни расщедрился на похвалу в ее адрес: «Государственная Дума показала себя достойной занимаемого ею положения и полностью выразила волю нации, так как весь русский народ чувствует оскорбление, нанесенное ему Германией. Теперь я с полной уверенностью смотрю в будущее». Он назначил на пост главнокомандующего своего двоюродного брата, великого князя Николая Николаевича, супруга Анастасии Черногорской. Императрица настояла, чтобы Николай не провожал великого князя, когда тот 1 августа уезжал с Варшавского вокзала на фронт.

Все это напоминало крестовый поход, смертельную схватку между славянами и германцами. 96% всех резервистов откликнулись на призыв императора. Гвардейские офицеры, предвкушая парад победы на Унтерден-Линден в Берлине, раздумывали, нужно ли брать с собой парадный мундир. Войны с Наполеоном, Турцией и Японией длились не более полутора лет. В соответствии с военными планами русского командования, а также германским «планом Шлиффена», война должна была закончиться через несколько месяцев.

По городу ходили дерзкие открытки, изображавшие кайзера Вильгельма в виде кота.

Однако многие оказались более дальновидными. Распутин испытывал инстинктивный страх перед войной, а бывший министр внутренних дел Петр Дурново понимал грозившую опасность разумом. В своем блестящем анализе, который впоследствии нашли среди бумаг императора, Дурново перечислил все слабые стороны России: «Недостаточные военные поставки, слишком большая зависимость от иностранной промышленности, не отвечающая требованиям армии сеть стратегических железных дорог, подвижной состав не достаточен для колоссальных военных нужд в Европе, не отвечающая требованиям тяжелая артиллерия, недостаточное количество пулеметов. Расходы, превышающие ограниченные финансовые возможности России... военные неудачи и перебои в снабжении неизбежны».

Затем он описал ужасающие последствия затянувшейся войны: «В атмосфере нервозности и противоречий вся вина будет возложена на правительство... социалистические лозунги, способные поднять и объединить массы... раздел всех ценностей и собственности. Армия, потеряв всех самых надежных людей, ведомая примитивным желанием крестьян получить землю, окажется слишком деморализованной для того, чтобы поддержать закон и порядок... оппозиция, состоящая из партий, созданных интеллигенцией, не пользующаяся авторитетом среди народа, окажется бессильной и не сможет остановить народное движение, поднятое ею же самой, а Россия окажется в безнадежной пучине анархии». Предсказания Дурново оказались удивительно точными, но ими пренебрегли.

По пути из Петрограда в Царское Село, среди бесконечной вереницы вагонов с боеприпасами, полевых кухонь, санитарных вагонов и орудий Палеолог заметил молодую пару: солдата и женщину, провожавшую его на фронт. Женщина была красивой и хруп-

кой, из-под пестрого платка выбивались светлые пряди волос. Она прижимала к груди младенца. Солдат и женщина молча смотрели друг на друга глазами, полными любви и печали. Французский посол подумал о том, что очень многие не вернутся с этой войны. Смертельно больной Витте, страдающий от опухоли мозга, вернулся из Биаррица. Он не сомневался, что царизм, «этот безумный режим, представляющий собой смесь трусости, слепоты, коварства и глупости», не выдержит испытания войной.

С самого начала война отодвинула Распутина на второй план. Это событие, по словам Жильяра, было «столь же радостным, сколь и неожиданным». Старец вернулся из Сибири в конце сентября, почти полностью оправившись после ранения, хотя боли в животе мучили его до конца жизни. Во дворце он бывал редко. Из-за всеобщего возбуждения, вызванного войной, его предостережения казались неуместными и потерявшими актуальность. Нога у царевича Алексея зажила, и всю зиму мальчик чувствовал себя хорошо. Император был занят сообщениями, поступавшими с фронта, а Александра приходила в себя после нервного потрясения, вызванного тем, что из-за войны ее близкие родственники стали врагами.

Распутин посетил дворец 17 октября. Из записи в регистрационной книге следует, что он встретился с Николаем и Александрой в половине десятого вечера. Мария Распутина вспоминала, что это был единственный раз, когда император вел себя холодно по отношению к отцу. Распутин говорил, что единственными победителями в этой войне станут кладбищенские вры и госпиталя для слепых и калек. Когда она закончится, искалеченные ветераны будут бродить по городам и весям, презираемые теми, за кого они сражались. По лицу старца градом катились слезы. Император ничего не сказал и только маленькими глотками отхлебывал

вино из бокала. У императрицы был страдальческий вид, но и она не проронила ни слова.

Старец оказался прав: предсказания Дурново были хорошо обоснованы. Хроническая нехватка снарядов, патронов и пулеметов сразу же дала о себе знать. Главным виновником этого был военный министр Владимир Сухомлинов. «Немногие люди с первого взгляда вызывают к себе такое недоверие», — писал о нем Палеолог. Император соглашался с тем, что внешность Сухомлинова не вызывала симпатий, однако Николай заявлял — «он прекрасный министр, и я полностью ему доверяю». Этот «солдат тыла», надушенный и напомаженный, с золотыми браслетами-цепочками на запястьях и таинственной усмешкой на бледных губах, проявлял максимум изобретательности, составляя отчеты о военных расходах таким образом, чтобы можно было содержать в роскоши свою жену, которая была младше его на 35 лет. В 1878 году, когда он «воевал» против турок, он хвастливо заявлял, что уже 25 лет не держал в руках военного устава и не читал его. Сухомлинов также считал, что применение пулеметов и скорострельной артиллерии является признаком трусости. Военный министр был настолько ленив, что после подготовки плана мобилизации во время первого сербского кризиса, который случился два года назад, он спокойно уехал отдыхать на Французскую Ривьеру.

— А почему бы и нет? — отвечал он своим критикам. — Мобилизация не проводится военным министром лично.

Сухомлинов и его супруга были дружны с Распутиным и Александрой, и военному министру ничто не угрожало, даже когда прибывшие на призывные пункты резервисты обнаружили, что на трех человек приходится по две винтовки, а некоторым вовсе не досталось сапог. У связистов не хватало проволоки для полевых телефонов, и вся связь осуществлялась по

радио. Из-за нехватки шифровальных таблиц многие сообщения передавались по радио открытым текстом, к огромной радости германской разведки.

Русские одерживали победу за победой над Австро-Венгрией. Разбив 15 дивизий, которые бежали в панике с криками «Козаки идут!», они быстро захватили Лемберг и Галицию. Пленные австрийские офицеры, отпущенные под честное слово, ужинали вместе с русскими, заверяя победителей, что они не хотят участвовать в германской агрессии. Русская пресса писала, что военная кампания фактически завершена. Николай посетил Лемберг, чтобы отпраздновать возвращение городу его русского названия «Львов». Император ехал по улицам города к собору, где отслужили благодарственный молебен, после которого был дан ужин. Николай спал в кровати, приготовленной для австрийского императора Франца-Иосифа. Однако поездка в Лемберг оказалась неудачной. Несмотря на то что Николай разделял уверенность супруги в верности солдат-крестьян, он стеснялся подойти к ним поближе. Армия была «холодна и безразлична» к императору. Новый губернатор, бывший гусарский офицер, начал кампанию по преследованию живших в Галиции униатов, которые вскоре стали испытывать к братьям-славянам из России такую же ненависть, как и к австрийцам. «Наш Друг считает, что после войны тебе лучше поехать в покоренную страну», — писала императрица супругу. Распутин опасался, что захваченная территория вскоре будет отвоевана.

Он оказался прав. Одно дело воевать с деморализованной межнациональными распрями Австро-Венгрией, и совсем другое — с прекрасно подготовленной германской армией, которая была лучше экипирована и имела более грамотное командование. К тому же русским часто приходилось воевать не там, где им было удобно, а бросаться выручать моливших о помо-

ши французских и британских союзников. Через месяц после объявления войны немцы были в 30 милях от Парижа, и чтобы облегчить положение союзников, русские перешли двумя армиями в наступление в Восточной Пруссии.

Первая армия под командованием генерала Ренненкампа должна была продвигаться на юго-запад, параллельно берегу Балтийского моря, оттягивая на себя основные силы германской армии. Вторая армия под командованием генерала Самсонова двинулась на север от Польши. Местность была труднопроходимой, и армия продвигалась медленно. Когда солдаты Самсонова ворвались в маленький городок Алленштайн, они решили, что оказались в Берлине. Двинувшиеся им навстречу грозные генералы Гинденбург и Людендорф опасались, что русские армии соединятся, а они окажутся в ловушке. Однако благодаря радиоперехвату незашифрованных сообщений, им стала известна дислокация русских войск и их намерения. Полученные сведения оказались такими ценными, что немцы тревожно переспрашивали друг друга, можно ли им верить. Разведка с воздуха и телефонные звонки местных жителей (русские не потрудились даже перерезать телефонные линии) подтвердили, что русское командование не в состоянии скоординировать действия своих армий.

В тот момент когда Самсонов провозглашал тост за победу в Алленштайне, германские войска ударили по его армий с флангов. Его солдаты барахтались в болотах и блуждали в дремучих сосновых лесах. У русских не хватало карт, а немцы сжигали указательные столбы между деревнями. Русские солдаты кружили по песчаным дорогам, изрытым немецкими снарядами, в то время как их собственная артиллерия молчала из-за нехватки боеприпасов. Самсонов попытался выбраться из ловушки вместе с командованием штаба и несколькими офицерами. «Противнику повезло сегодня — нам

повезет завтра», — говорил он. В лесу Самсонов отстал от пытавшихся выбраться из окружения офицеров, которые через некоторое время услышали выстрел. Генерал покончил с собой, чтобы избежать позора за потерю своей армии. Спаслись лишь 2100 человек из 13-го и 14-го корпусов. За четыре дня русские потеряли 110 тысяч человек.

Немцы назвали свою победу Танненбергской, в отместку за поражение, которое потерпели здесь тевтонские рыцари от славян в XV веке*. Затем немцы атаковали Ренненкампа. После обстрела скорострельной артиллерией роты солдат 28-й дивизии вместе с офицерами лежали рядами, «словно застыв в тех позах, в которых они приняли смерть». Окопы в шесть футов глубиной были заполнены убитыми и ранеными русскими. Ренненкампф убежал через границу на автомобиле, за что сослуживцы назвали его «Rennen ohne Kampf» — убегающий без борьбы. Он бросил на произвол судьбы 145 тысяч человек убитых, раненых или взятых в плен.

Сообщение о случившемся несчастье дошло до Петрограда, «заглушив музыку, бодрые речи и веселую самоуверенность». С наступлением осени небо стало свинцовым. Толпы людей вымещали свою злость на немецких лавочниках. Музыка Бетховена и Баха была запрещена, а Синод объявил вне закона рождественские елки, как немецкий обычай. Александра разделяла всеобщую ненависть к Германии. «Германия стала страной, которую я не знаю и никогда не знала», — говорила императрица, опасаясь, что кайзер из мести пошлет ее брата на русский фронт. Однако для русских она оставалась «немкой» еще больше, чем в прежние времена.

В Петроград нескончаемым потоком везли раненых. Императрица вместе со старшими дочерьми и

* Другое название Танненберга — Грюнвальд.

Вырубовой работала сестрой милосердия. «У нас сегодня была ампутация, — писала она 20 ноября. — У меня в носу стоит запах гнойных ран». Через пять дней она столкнулась со смертью. «Мы были заняты все утро, во время операции умер солдат. Это первая смерть за все время. Девочки держались мужественно. Они и Аня (Вырубова) никогда не видели такой смерти... Как ты можешь догадаться, этот случай всех нас опечалил. Как близко от нас находится смерть», — писала она мужу.

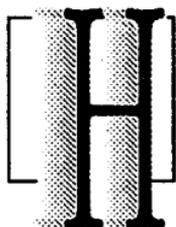
Императрица не забыла упомянуть о Распутине: «Опять настал час разлуки, и его всегда трудно пережить... Когда уходишь ты, уходит и частица моей жизни, — писала она Николаю, когда тот уехал на Кавказ на смотр войск. — Ты всегда несешь с собой возрождение, как говорит наш Друг... Утешаюсь тем, что тебя хранят его молитвы».

А в это время «Друг» извлекал максимум выгоды из своих связей с Горемыкиным. Премьер-министр открыл лазарет для раненых солдат. Симанович уговорил банкира Дмитрия Рубинштейна пожертвовать на него 250 тысяч рублей. В ответ на это Распутин представил банкира премьер-министру, а госпожа Рубинштейн была назначена почетным президентом лазарета. Ее супруг теперь мог похвастаться тесными связями с правительством. Он имел обыкновение звонить Горемыкину, чтобы произвести впечатление на своих посетителей. Рубинштейн спрашивал премьер-министра о здоровье жены и болтал о пустяках, не оставляя никаких сомнений относительно своей дружбы с Горемыкиным. Молва распространяется быстро, и Рубинштейн использовал свою репутацию близкого друга Горемыкина для вымогательства денег. Он купил пакет акций банкирского дома «Юнкер и компания», а потом устроил бал, позаботившись о том, чтобы на нем присутствовали Распутин и Горемыкин. Он пригласил

на бал киевского сахарного магната Льва Бродского, который, увидев, что Рубинштейн дружески болтает с премьером и старцем, позволил себя уговорить купить на несколько миллионов акций по завышенным ценам. «Рубинштейн знал, как выдвинуться», — с восхищением заявлял Симанович.

Глава семнадцатая ПРИЕМЫ В МОСКВЕ

а Новый год не было ни балов, ни музыки, ни офицеров в парадных мундирах. «Кавалеры, с которыми мы танцевали в прошлом году, погибли в Восточной Пруссии или сражались в Карпатах», — писала Мюриэль Бьюкенен. Женщины с потухшими воспаленными глазами читали списки убитых, вывешенные в витринах магазинов. Императрица теперь вставала не в полдень, а в 7 утра, и весь день посвящала тому, чтобы скрасить последние часы умирающим солдатам. Она посылала на фронт образки и вязала теплые вещи, желая, чтобы у каждого солдата огромной армии было что-нибудь, сделанное ее руками. Однако об этом мало кто знал.

Опала Распутина оказалась временной. 2 января 1915 года Вырубова отправилась поездом из Царского Села в Петроград, чтобы навестить отца. В пути поезд сошел с рельсов, и ноги Вырубовой защемило между трубами радиатора, а тяжелая стальная балка упала ей прямо на лицо. В больницу ее достави-

ли без сознания, с тяжелыми травмами ноги и позвоночника. Врач сказал Николаю, что больную нельзя перевозить, так как она умирает и не доживет даже до утра.

В бреду Вырубова повторяла имя Распутина и просила, чтобы старец за нее помолился.

Распутину позвонили из дворца поздно вечером. Старец сразу же связался по телефону с князем Андронниковым и попросил прислать машину, чтобы добраться до больницы. Он вошел в палату, поклонился императору и подошел к постели умирающей.

— Аннушка, ты меня слышишь? — спросил он.

Вырубова открыла глаза.

— Григорий! Григорий! — закричала она. Старец взял ее за руку и стал молиться.

— Она будет жить, но останется калеккой, — сказал он спустя некоторое время.

Начальник Императорской канцелярии Александр Мосолов говорил, что Распутин, пошатываясь, вышел из палаты и упал без чувств. «Когда он очнулся, весь в поту, то почувствовал, что силы его полностью покинули».

Мосолов не принадлежал к числу почитателей старца, и у него не было причин преувеличивать способности Распутина. Нельзя точно сказать, вмешательство ли Распутина спасло жизнь Вырубовой. Неоспоримым остается лишь одно: появление старца вернуло ей волю к жизни. Вырубова выжила, но осталась инвалидом до конца своих дней, хотя впоследствии она настолько поправилась, что с помощью костылей могла проворно взбираться по лестнице до квартиры Распутина.

А через четыре дня едва не погиб сам Распутин. На Каменноостровском проспекте его чуть не сбила несшаяся во весь опор тройка. Агенты Охранного отделения поймали виновника и выяснили, что в ней находились люди, приехавшие из Царицына. Говорили, что их подослал Илиодор с целью убийства Распутина.

Злоумышленников выслали из Петрограда, но дела против них не возбуждали. С этого момента агенты тайной полиции не спускали глаз с Распутина, следя за тем, чем занимается и с кем встречается старец.

Распутин бурно праздновал свое спасение, чередуя деловые встречи с удовольствиями. Возлияния становились все более обильными, и Мария Распутина говорила, что отец пьет для того, чтобы заглушить боль в животе, вызываемую раной. В этом есть доля правды. После очередного кутежа, по сообщениям агентов охраны, он пролежал в постели весь день. Однако организм у старца был крепким, и вскоре он выздоровел. Попойки стали частью его жизни, которая становилась все более распутной и необузданной. Распутин всегда отличался неумным сексуальным аппетитом, и теперь, получив власть и доступ к деньгам, он имел все возможности, чтобы его удовлетворять. Лучше всего о похождениях старца говорят отчеты полицейских агентов.

Распутин несколько раз посетил в компании проституток свою любимую баню на Рождественской улице. После одного из таких мероприятий он дал телеграмму Вырубовой: «Не могу быть с тобой телом и шлю тебе радость вместе со своей душой. Мое чувство — это чувство божественное. Посылаю ангела, чтобы утешить и успокоить тебя».

12 января он принял 250 рублей от двух крестьян, которые хотели получить помилование. Одного из них осудили за принадлежность к секте, а другого — за подделку долговых расписок.

16 января, когда Распутина навестила сестра Вырубовой, агент полиции видел, как старец «посадил себе на колени проститутку Трегубову и что-то нашептывал ей на ухо». Ночь с 17 на 18 января он провел с Марией Сергеевной Гиль, женой капитана из 145-го полка. Утром он получил тысячу рублей от коммерсанта и банкира Моисея Гинсбурга. Взятка была дана за содей-

ствие в получении контракта на поставку угля для военно-морского флота.

26 января Симанович устроил вечеринку на Гороховой улице, в квартире Распутина, за счет людей, которых старец помог освободить из тюрьмы. По сообщениям агентов, на вечеринке присутствовали 4 неизвестных мужчины и 6 женщин, у одной из них была гитара. Пирушка проходила шумно, гости пели и плясали до рассвета. Два дня спустя винные запасы пополнил Лев фон Бок, статский советник, который был обязан старцу несколькими услугами.

12 февраля Распутин посетил князя Андронникова и вернулся домой в половине пятого утра, в компании шестерых мужчин. Все они были пьяны, оставались у Распутина до утра и пели песни. Утром старец никого не принимал, так как спал.

По случаю 75-летия премьер-министру Горемыкину посылались коробки с сигарами, фазаны и другие подарки. Иногда Распутин подшучивал над следившими за ним агентами. 19 февраля он навестил Николая Соловьева, занимавшего высокий пост в Синоде, и его молодую жену Елизавету, с которой он был в связи. Выйдя из квартиры Соловьева в сопровождении двух дам, он перехитрил агентов, быстро сел в такси и уехал в неизвестном направлении. В 3 часа ночи он вернулся домой один. Через два дня он кутил с 23-летней дворянкой Евгенией Тереховой в ее номере в гостинице «Северная» на Знаменской площади. Ушел он оттуда только на следующее утро.

Распутин навещал Вырубову в Царском Селе, где она выздоравливала после несчастного случая. В Петроград он вернулся 27 февраля и отправился в Александровский дворец, чтобы благословить императора накануне его поездки на Австрийский фронт. Впоследствии Николай писал Александре, что после благословения старца в его душе «наступил мир».

Военные делали огромные заказы на поставки и

обслуживание, а Симанович и Андронников заботились о том, чтобы Распутин в полной мере использовал свое влияние на императорскую чету.

10 марта Распутина посетила Евгения Ежова, жена коммерсанта из Клина. Она хотела, чтобы Распутин помог ее мужу получить двухмиллионный контракт на поставку белья для армии. Похоже, она добилась своего, так как вскоре переехала из второразрядной гостиницы «Северная» в роскошную «Асторию».

После полуночи к старцу пришли семь человек и остались у него до трех ночи. «Они кричали, пели, танцевали, сильно шумели. Затем, все с стельку пьяные, вместе с Распутиным куда-то уехали». Домой старец явился только в четверть одиннадцатого на следующее утро. Затем агенты последовали за ним на Пушкинскую улицу, где жила 26-летняя Вера Трегубова, элитная проститутка по вызову, которая, как говорили, была студенткой консерватории. Вскоре Распутин и Трегубова отправились в баню.

Пока Распутин в обществе дамы проводил время в парной, австрийские офицеры подняли белые флаги в Перемышле. Огромный город-крепость, окруженный рвами и стенами, оборонял подступы к Карпатским горам. Несмотря на то, что в русской армии не хватало снарядов, а офицеров-артиллеристов, сделавших более трех залпов в день, отдавали под трибунал, русские окружили крепость и удерживали осаду, вооруженные лишь одними винтовками. В осажденном городе свирепствовали цинга и голод. Съев всех лошадей, австрийцы стали уничтожать боеприпасы, готовясь к сдаче города. Взрывы были слышны на расстоянии 70 километров.

Николай прибыл в Ставку главнокомандующего в Барановичах, расположенную на полпути по железной дороге из Брест-Литовска в Минск. За городом, в

сосновом бору, железнодорожные вагоны были расположены веером и охранялись казаками, вооруженными винтовками с примкнутыми штыками. В вагонах разместились кабинеты, секретная часть, спальня и столовая. В своем вагоне главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич приказал постелить ковры и медвежьей шкуры. Все стены были увешаны иконами. Купе были слишком низкие для великана Романова, и на дверях висели полоски бумаги, чтобы великий князь не забывал пригнуться.

Лесная поляна была малоподходящим местом для командования фронтом, протянувшимся от Балтики до Карпат. Штаб-квартира главнокомандующего германской армии располагалась во дворце в Позене, где Людендорф мог отдохнуть и выкурить сигару, прежде чем вернуться в свой кабинет, где работал до рассвета. Русские прекращали работу еще до ужина. Летом они задыхались в своих вагонах от жары, а зимой коченели от холода, хотя печь в кабинете великого князя была так раскалена, что император не мог высидеть там и часа. Вопросы стратегии обсуждались у песчаного карьера, где все участки фронта были вылеплены из глины и песка. Великий князь чертил тростью план продвижения армии. Радиосвязь была ужасной, полевые телефоны — не многим лучше, и единственно надежным способом передачи приказов в 6-миллионной армии оставались вестовые.

Великий князь радостно сообщил императору об окончании осады Перемышля и взятии в плен 120 тысяч австрийцев. В маленькой деревянной часоуенке отслужили благодарственный молебен. Часовня была битком набита военными, «офицерами и моими славными казаками», как писал Николай. «Какие сияющие лица!» — восхищался император. Он наградил великого князя золотой саблей победителя с украшенным бриллиантами эфесом и надписью «За освобождение Гали-

ции». Это был самый большой успех русских в войне и время самых теплых отношений между императором и его двоюродным братом-великаном.

Позже, в том же месяце, Распутин отправился в Москву, чтобы исполнить данную им клятву и помолиться в Успенском соборе Кремля. Эту клятву он дал, когда лежал в больнице, выздоравливая после полученного ранения. Он выехал вечерним поездом 24 марта, вскоре после того, как его посетила женщина по имени Варвара Нищенко. Она оставила записку, обещающую старцу 2000 рублей, если тот добьется освобождения от воинской повинности для ее дяди, полковника запаса, призванного на фронт. Несмотря на весь свой патриотизм, Распутин занимался делами, связанными с получением отсрочек от воинской службы и «белых билетов». Закон и совесть существовали для других.

Утром 25 марта он прибыл в Москву и прямо с вокзала отправился завтракать к одной из своих поклонниц Марии Аркадьевне. Она обещала представить старцу свою подругу, Анну-Елену Францевну Джанумову, привлекательную 35-летнюю даму, жену богатого московского коммерсанта. Престарелую мать Джанумовой выслали из Киева в Сибирь. Рожденная в России мать Елены была германской подданной и пострадала в результате антигерманской истерии. Мария Аркадьевна (Елена из деликатности не назвала в своем дневнике ее фамилию) заверила, что Распутин может уладить дело ее матери.

Она сразу же позвонила Елене.

— Распутин здесь. Приходи к нам на завтрак.

Вскоре Елена была у Марии Аркадьевны. Она сразу же узнала Распутина, одетого в вышитую рубаху из белого шелка. Глубоко посаженные серые глаза старца поразили Елену. «Они вас пронизывают, словно хотят заглянуть в самую глубь души. Их взгляд так хитер и настойчив, что становится не по себе», — писала она.

Старец, по своему обыкновению, обращался ко всем на «ты». Он наклонился к Елене, держа в руке бокал с красным вином, и без всяких околичностей приказал: «Пей». Затем он сказал: «Бери карандаш и пиши». Кто-то из гостей дал Елене карандаш и клочок бумаги. Она стала записывать.

«Радуйся малому, скорбь порочна и неистова. Даже солнце не согревает скорбящих и жалующихся. Прости меня, Господи, я грешна. Я земная, как и моя любовь. Господи, сотвори чудо и сдержи нас. Мы принадлежим Тебе. Твоя любовь велика, не гневайся на нас. Пошли смирение моей душе и радость благодатной любви. Спаси и помоги мне, Господи».

Все гости слушали старца с почтением. Умные люди, искушенные во многих вопросах, поддавались влиянию Распутина и с трепетом внимали его банальным речам.

— Тебе повезло, — прошептала Елене пожилая дама. — Он сразу обратил на тебя внимание и полюбил.

— Возьми это и читай, читай сердцем, — обратился к Елене Распутин, возвращая ей бумажку. Он переименовал ее отчество, дав ей прозвище «Франтик», и с того дня так называл Елену.

Разговор перешел на войну, и Распутин стал хвастаться: «Если бы не моя рана, никакой войны бы не было. Я бы не позволил императору. Он меня слушается, а я бы не позволил ему воевать. Зачем нам война? Всякое может случиться».

После завтрака гости перешли в гостиную.

— Сыграйте «Дорогой длиною», — неожиданно попросил старец.

Одна из дам села за рояль и заиграла. Распутин встал с места и стал покачиваться в такт мелодии, притоптывая ногами в мягких кожаных сапогах. Потом он пустился в пляс, двигаясь легко и непринужденно. Он летал по комнате, «словно перышко», время от времени приближаясь к кому-нибудь из дам, пригла-

шая их принять участие в танце. Наконец одна из дам не выдержала и поплыла по комнате вместе с Распутиным. Елена заметила, что никто не удивился, как будто танцы среди бела дня были обычным делом. Старец закончил танец так же неожиданно, как и начал.

— Хватит, — сказал он, обращаясь к Елене. — Ты пришла сюда по делу. Пойдем, поговорим. Чего ты хочешь, милая?

Они вышли в соседнюю комнату, и Елена изложила свое дело. Распутин задумался.

— Твое дело сложное, — сказал он. — В наше время нельзя даже упоминать о немцах. Но я поговорю с Ней, — он произнес последнее слово после некоторой паузы, давая понять, что речь идет об императрице. — А Она поговорит с Ним. Может быть, что и получится. А ты должна приехать ко мне в Питер.

Прощаясь с Марией Аркадьевной, Елена пригласила ее в гости.

— А меня почему не приглашаешь? — вмешался Распутин. — Я приду.

Елена пробормотала, что старец, вероятно, очень занят, и тоже пригласила его к завтраку.

— Хорошо, — сказал он. — Наведем московскую даму.

Елена заметила, что старец «окает», отчего его речь казалась протяжной и мелодичной.

Домой она вернулась, охваченная противоречивыми чувствами. Так вот кто был истинным правителем России — мужик в крестьянской рубахе. В ушах у нее звучала замечательная мелодия песни «Дорогой длинною», а перед глазами мелькало бородатое лицо старца. «Глубоко посаженные глаза пронизывали меня насквозь, и я не знала, что и думать».

На следующее утро, 26 марта 1915 года, Елену разбудил телефонный звонок. Это звонила Мария Аркадьевна.

— Распутин остался на ночь у меня. С самого утра он очень оживлен и собирается к тебе, — сказала она Елене. — Он пришел ко мне и попросил помаду и ножницы, чтобы постричь ногти. Когда я спросила, зачем ему это надо, он сказал: «Мы пойдем в гости к смуглой красавице». Теперь проси у него все, что хочешь. Пользуйся случаем.

Елена позвонила близким и друзьям и пригласила к себе. «Как и мне, им всем хотелось взглянуть на эту странную знаменитость», — объясняла она.

Распутин приехал в час дня. На нем была одета красная шелковая рубаха. Он много говорил, перескакивал с одной темы на другую. За эпизодом из его жизни следовало невнятное бормотание, а потом он вдруг задавал какой-нибудь неожиданный вопрос одному из гостей. Временами он, казалось, ни на кого не обращал внимания, но уже в следующую минуту пристально смотрел на кого-нибудь из присутствующих и говорил: «Я знаю, о чем ты думаешь, милая». Он всегда угадывал правильно.

Распутин рассказывал о Сибири и о своей семье.

— Посмотрите на мои руки, — показывал он. — Они такие от тяжелого труда. Крестьянский труд нелегко. — Он поднял перед гостями свои заскорузлые руки с набухшими венами.

В его голосе слышалось самодовольство. Разговор о крестьянской жизни странно звучал за столом, уставленным серебром и хрусталем. Зазвонил телефон. Кто-то пригласил Распутина на вечеринку с цыганским хором, которую устраивали сибирские коммерсанты.

— Вы обещали прийти, — обеспокоенно напомнила Мария Аркадьевна. — Они нас будут ждать.

— Я никуда не пойду, — ответил Распутин. — Мне и здесь хорошо, с моими дамами. Скажи, что я не приду.

Мария Аркадьевна расстроилась, от волнения у нее на щеках появились красные пятна.

— Так нельзя. Люди устроили праздник в вашу честь. Вас ждут, а вы не приедете. Вы обещали. Надо идти.

— Скажи, что я не приеду, — повторил Распутин. — Дай мне бумагу, я напишу пару слов всем присутствующим.

Мария Аркадьевна вызвала Елену в соседнюю комнату и стала просить, чтобы та помогла уговорить старца. Наконец ей это удалось.

— Хорошо, я поеду, хотя мне и здесь прекрасно. Так, дамы, возьмите это.

Он вручил всем дамам клочки бумаги. Елене он написал: «Не сторонись любви. Она для тебя мать». На бумажке у другой дамы было написано: «Господь любит тех, у кого чистое сердце». Горничная Елены Груша с любопытством рассматривала старца. Он и ей вручил клочок бумаги: «Господь любит тех, кто трудится, и все знают о твоей честности».

Старец вышел в прихожую, где ему подали роскошную шубу с бобровым воротником и бобровой шапкой. Одна из дам восхитилась великолепной шубой.

— Мне ее подарили дантисты.

Распутин имел в виду еврейских дантистов, которых осудили за подделку дипломов, дававших им право жить в Петрограде, что обычно евреям запрещалось. После того как Распутин обратился к императору, все обвинения с них были сняты.

Распутин расцеловал всех дам, как он это обычно делал при прощании.

Лучше бы Распутин остался с дамами. Однако вместо этого он отправился в «Яр», самый шикарный ночной ресторан в Москве. Туда он приехал в 11 вечера, уже пьяный, в компании веселой вдовушки Анисьи Решетниковой, московского журналиста Николая Соедова и молодой женщины, личность которой полиция не смогла установить. Вся компания заняла отдельный

кабинет. К ним также присоединился издатель «Московских новостей сезона». Распутин позвал цыганский хор, а сам стал отплясывать «Русскую». В это время в общем зале находился тайный британский агент Роберт Брюс Локкарт. Вдруг из кабинета, где пировала компания Распутина, послышались визгливые женские крики, ругань и звон разбитого стекла. Официанты бросились наверх, а директор вызвал полицию. Причиной скандала оказался пьяный в стельку Распутин.

Старец пытался соблазнить одну из присутствующих дам, а когда ему это не удалось, он от досады стал бить зеркала. Тыча пальцем в свою вышитую рубаху, Распутин кричал: «Это подарок старухи, она сама ее вышивала. Я делаю с ней всё, что хочу». Присутствовавшие в ресторане журналисты сразу догадались, что под «старухой» подразумевалась императрица. Пытаясь доказать, что именно он является Распутиным, старец расстегнул брюки и стал демонстрировать официантам и гостям ресторана свой половой член. Когда прибыла полиция, Распутин заявил, что находится под защитой самого императора. В полицейском отчете записано, что поведение старца было «сексуально-психопатическим, он демонстрировал обнаженные половые органы и вел непристойные разговоры с певицами, раздавая им записки типа «Люби бескорыстно». По словам Роберта Локкарта, когда полицейские выволакивали старца за дверь, тот злобно огрызнулся и грозился отомстить.

Распутин не проявлял никаких признаков раскаяния, когда Елена встретила с ним 29 марта на вокзале, где он сел на экспресс «Москва—Петроград». Старец стоял рядом с вагоном первого класса в окружении толпы поклонниц. Под любопытными и осуждающими взглядами Елена протолкалась сквозь толпу. Распутин обнял ее со словами: «Поедем со мной в Питер, Франтик. Я все для тебя сделаю, только приез-

жай. Запомни, если не приедешь, то ничего и не будет». Затем он расцеловал всех провожающих и уехал.

Когда новость о скандале в «Яре» дошла до Петрограда, многие считали, что влиянию Распутина наступил конец. Русские очень терпимы к пьянству в общественных местах, однако оскорбление императрицы и публичная демонстрация обнаженных половых органов не могли сойти с рук даже Распутину. Тем не менее, вернувшись в Петроград, старец продолжал свой обычный образ жизни, не обращая ни на кого внимания. Он преступил запретную черту, и теперь ему уже было все равно. По возвращении в Петроград он первым делом послал 31 марта телеграмму Елене: «Милое сокровище! Душой я рядом с тобой. Целую».

Затем старец снова пустился во все тяжкие. По данным Охранного отделения, «3 апреля он в час ночи привел в свою квартиру какую-то женщину, которая осталась у него до утра».

В то время как Распутин предавался безумствам, германские войска грузились в поезда, направлявшиеся из Франции на Русский фронт. На Пасху старец с показным благочестием молился в Александро-Невской лавре в Петрограде. А на Русском фронте над окопами развевались хоругви, оповещавшие солдат о том, что «Христос воскрес». Каждому солдату выдали по 10 яиц и 10 пасхальных куличей.

9 апреля Симанович устроил для Распутина пирушку в доме Алексея Филиппова, редактора «Биржевого дня». Старец беседовал с жадными до денег и выгодных контрактов коммерсантами и биржевыми маклерами, пока не допился до состояния невменяемости. Дома его не было до 6 утра. Неделию спустя Распутин встретился со старым приятелем Мартианом, настоятелем Тюменского монастыря. Они вместе отправились к общему знакомому Василию Пестрикову, которого на тот момент не оказалось дома. Оба благочестивых мужа, не долго думая, предались обильным

возлияниям вместе с сыном Пестрикова. Вскоре они послали за гитаристом и вместе с ним стали громко распевать песни, а Распутин отплясывал с прислугой Пестрикова.

В Галиции, в районе дислокации 3-й армии генерала Радко, внезапно исчезли все овцы, которые обычно паслись на обширной нейтральной территории, где росла густая трава. Русские часто обменивались шутками с пастухами, и никому не пришло в голову связать исчезновение овец и пастухов с подготовкой наступления германской армии. Император был полон оптимизма и проводил смотр войск, отправленных в Одессу и Севастополь для подготовки вторжения в Константинополь через Босфор. Войска должны были высадиться на европейской стороне пролива Босфор, а тысячи тонн горючего были сброшены в пролив, с тем чтобы оно доплыло до константинопольской гавани по течению. Николай намеревался аннексировать город. 13 апреля Италия объявила войну Австрии в полной уверенности, что Россия свергла династию Габсбургов.

В тот же день Распутин вернулся к себе на квартиру в 2 часа ночи, в стельку пьяный.

Французы и британцы наконец заметили, что часть германских дивизий исчезла с их фронта и предупредили Ставку о «сокрушительном ударе», который Германия собиралась нанести в Галиции. Русская разведка сообщила, что германские войска в данный момент отправились на подкрепление австро-венгров на Южном фронте.

19 апреля, в три часа ночи, германские войска обрушили свой «сокрушительный удар» на русские войска. В течение четырех часов 1500 орудий обстреливали позиции 3-й армии, израсходовав при этом 700 тысяч снарядов. Это была самая крупная артиллерийская атака за всю историю войны. Снаряды падали через каждые полтора шага. Некоторые русские пушки не передвигали так долго, что германская артиллерия

уничтожила их в предрассветных сумерках. Британский военный наблюдатель Бернард Пирс находился на возвышении за русскими оборонительными рубежами и наблюдал непрерывный шквал вражеского огня на протяжении десяти миль. «Русская артиллерия практически молчала. Русские окопы были сметены и уничтожены вместе с находившимися в них людьми», — писал он.

Германские офицеры наблюдали за обстрелом, не уходя в укрытие, так как ответного огня почти не было. В час дня в наступление пошли ударные части немцев, которым даже не потребовались штыки. В одной из русских дивизий из 16 тысяч уцелело лишь 500 человек. В германских военных сводках говорилось: «Отовсюду выскакивали и убегали серые безоружные фигуры в меховых шапках и развевающихся шинелях, пока все вокруг не опустело». К ночи германские войска захватили вторую линию оборонительных рубежей 3-й армии и вышли на открытую местность, «сметая на своем пути врага».

Подкрепление, посланное великим князем Николаем Николаевичем, бросали в бой, не выдав винтовок. Солдатам был дан приказ забирать оружие у убитых и раненых. Новичков не обучили, как нужно себя вести во время артиллерийского обстрела, и они тысячами погибали или получали тяжелые ранения. В ротах, которые посетил Пирс, из 250 человек в живых осталось по 40. «Знаете, ваше благородие, у нас нет другого оружия, кроме солдатской груди. Это не война, а бойня», — говорили ему солдаты. Когда русские войска отступили к реке, оказалось, что им нечем рыть окопы и строить бункеры, так как нечистые на руку офицеры продали местным жителям лопаты, колючую проволоку и бревна. Вооруженные незаряженными винтовками с примкнутыми штыками русские отступили, приготовившись защищать свою Родину от зах-

ватчиков, нога которых не ступала на русскую землю со времен войны с Наполеоном.

Ко множеству проблем, с которыми сталкивался главнокомандующий, прибавилась неприязнь Распутина. Многие немцы, проживавшие в России, в разгар шпиономании были сосланы в Сибирь, и Симанович занимался прибыльным делом, добиваясь у Ставки разрешения на их возвращение домой. Однако он стал обращаться к Николаю Николаевичу слишком часто, и раздосадованный великий князь отправил ему ответную телеграмму: «Удовлетворяю ходатайство в последний раз. Если пришлете еще одно, будете сосланы в Сибирь сами». Симанович тотчас же побежал на Гороховую улицу. Распутин послал великому князю телеграмму с предложением посетить Ставку для личной беседы. Через три часа он получил ответ главнокомандующего: «Если приедешь, я тебя повешу».

Старец пришел в ярость. «С этого момента он задумал при первой же возможности отомстить великому князю Николаю Николаевичу», — говорил Симанович, который упрекал старца за то, что тот нажил себе врага в лице великого князя. «Это могло повредить нашему положению и обернуться против нас самих», — считал Симанович.

— Такие люди, как я, рождаются раз в сто лет, — хвастливо заявил ему Распутин. — Моя власть неограничена, но я добьюсь всего, чего захочу.

В течение последующих дней Симанович отметил странное поведение старца, который ничего не ел и все время пил мадеру. Он был молчалив и часто вскакивал с места, как бы желая кого-то схватить. При этом он грозил кулаком кому-то невидимому: «Я ему покажу! Он у меня получит!» Симановичу было ясно, что старец собирается кому-то отомстить. Так прошел весь день, а вечером Распутин отправился в баню в

сопровождении агента охраны и возвратился в 10 вечера, выглядя крайне усталым. Не говоря ни слова, он пошел в свой кабинет и стал что-то писать на клочке бумаги, а затем отправился в спальню и, положив бумагу под подушку, тотчас же заснул.

— Я записываю свои желания, которые исполняются, пока я сплю, — ответил Распутин Симановичу, когда тот поинтересовался, что все это значит. Потом Распутин добавил, что до того, как научился писать, он делал засечки на трости, загадывая при этом желание, в результате чего ему удалось предотвратить множество несчастий.

На следующее утро Распутин проснулся довольный и умиротворенный и, взяв в руку клочок бумаги, смял его, а затем выбросил и с улыбкой сказал: «Радуйся, Симанович. Моя сила победила». Симанович ответил, что ничего не понял. «Увидишь, что будет через пять-шесть дней. Я пойду к Папе и расскажу ему правду», — ответил Распутин. Затем он подошел к телефону, и Симанович услышал, что он звонит во дворец. Распутина сразу же соединили с дежурным офицером, так как на это было дано особое распоряжение императора.

— Что делает Папа? — спросил он у адъютанта.

— Он занят с министрами, — ответил адъютант.

— Передай ему, что у меня для него есть сообщение от Всевышнего, — ответ адъютанта на эту скромную просьбу не зафиксирован, однако старца тут же соединили с императором.

— Что случилось, отец Григорий? — спросил император.

— Не могу сказать по телефону. Можно мне зайти?

— Пожалуйста. Я тоже хотел с вами поговорить.

Распутина отвезли во дворец, где он был сразу же принят. Старец рассказал все, что произошло с Симановичем, и сообщил императору, что ночью ему было «божественное видение», благодаря которому он узнал,

что через три дня Николай получит телеграмму от главнокомандующего, в которой будет сказано, что у армии осталось продовольственных запасов всего на три дня. Распутин уселся за императорский письменный стол и, налив два бокала мадеры, стал настаивать, чтобы император выпил из его бокала, а он выпьет из императорского. Когда они отхлебнули по глотку вина, Распутин слил его в один бокал и предложил императору выпить. Закончив эти таинственные приготовления, старец сказал императору, что он не должен верить телеграмме великого князя, так как у армии достаточно запасов. Он заявил, что Николай Николаевич хочет посеять панику и беспорядок в армии и во всей стране, чтобы можно было отступить под предлогом нехватки продовольствия. Затем, по словам Распутина, он захватит Петроград и вынудит Николая отречься от престола. Император был потрясен. Во всяком случае, Распутин именно так сказал Симановичу.

— Что мне делать? — спросил император.

— Он хочет отправить меня в Сибирь, а я отправлю его на Кавказ, — ответил старец.

Через три дня из Ставки пришла телеграмма от великого князя, в которой говорилось о нехватке хлеба в армии. И это было сущей правдой. Продовольствие не подвозилось вовремя из-за «пробок» на транспорте. Никаких подтверждений того, что великий князь Николай Николаевич планировал заговор, найдено не было. Тем не менее Симанович писал: «Его судьба решена. Никто не мог переубедить императора относительно того, что великий князь задумал поход на столицу с целью его свержения с престола». Судьба великого князя была решена несколько позже, но Распутин подготовил для своей мести благодатную почву.

Глава восемнадцатая

МЕСТЬ

Р

аспутин часто виделся с императрицей в Царском Селе, приезжая в домик Вырубовой на поезде или автомобиле, который ему давал военный министр Сухомятинов, предоставляя также в распоряжение старца шофера. Распутина часто видели в городе, неряшливо и грязно одетого, в надвинутой на глаза шапке. У старца была способность удивительно быстро протрезвляться после обильных возлияний. 26 апреля Дмитрий Рубинштейн устроил в честь Распутина вечеринку, желая отблагодарить старца за помощь в махинации с акциями. Было приглашено 12 человек. До самого утра на лестнице слышались звуки гитары и пение. Утром Распутина срочно вызвали к императрице. Он почти не спал и с похмелья у него сильно болела голова. Баронесса Вера Кусова уговаривала его не показываться императрице в таком состоянии. Кусова была женой кавалерийского офицера, которая, по сведениям охранки, хотела добиться для мужа более высокого звания, для чего и вступила в близкую связь с Распутиным.

Теперь она боялась, что старец все испортит. Однако, поспав часок, тот встал бодрым и свежим.

Уверенность в своей власти над императрицей была у Распутина настолько велика, что он позволял себе навещать ее в промежутках между попойками. 9 мая пьяный Распутин послал жену сторожа за своей любимой массажисткой Утиной, которой не оказалось дома. Распутин, пошатываясь, отправился в комнаты портнихи, жившей на этой же лестничной клетке.

— Почему бы тебе не заглянуть ко мне, Катя? — упрасивал портниху старец. Когда та отказалась, он сказал: — Приходи ко мне через неделю, и я дам тебе 50 рублей.

На следующее утро он, как ни в чем не бывало, отправился к императрице. Император не соглашался на какой-то предложенный старцем план. Возможно, речь шла о замене главнокомандующего. Вернувшись от Александры, Распутин дал телеграмму Саблеру в Синод: «Милый, мы говорили с мамой и пришли к согласию, что не так просто вывести из себя нашего правителя». Затем он привел к себе в квартиру проститутку и запер ее в комнате, пока беднягу не вызволила прислуга.

Распутин боялся за свою жизнь. Он получил сообщение от жены, что в Покровском появился незнакомец. 12 мая он послал телеграмму губернатору: «В Покровском уже три недели живет подозрительный человек. Один раз он говорит, что приехал из Москвы, а другой раз — откуда-нибудь еще». Чтобы удостовериться в том, что губернатор серьезно отнесся к его сообщению, Распутин попросил его прислать ответ Вырубовой в Царское Село. Через два дня его едва не избили. В пять часов пополудни старец отправился в квартиру на Малой Дворянской, а в 10 вечера дежуривший на противоположной стороне улицы агент увидел, как в неосвещенную комнату квартиры вошла женщина. Вскоре она выбежала в освещенную комнату, где сидело двое мужчин. Затем агент увидел, как

Распутин выскочил из темной комнаты в прихожую, явно чем-то встревоженный. Схватив пальто и шапку, он стремительно выбежал на улицу, не одевая их. Его преследовали двое мужчин. Старец вскочил на ходу в проезжавший мимо экипаж и ехал в нем стоя до самого Литейного проспекта, постоянно оглядываясь назад, чтобы убедиться, что за ним никто не гонится.

Симанович, знавший обо всех интригах через свои связи в игорных домах, опасался очередного покушения на Распутина. Мария Распутина обручилась с молодым кавалерийским офицером-грузином Симеоном Пхакадзе, который пригласил будущего тестя на вечер в доме графа Толстого на Троицкой улице. Большинство присутствующих были пьяны. Вдруг Распутин увидел, как Пхакадзе вынул револьвер и направил на него. Старец пристально посмотрел на Пхакадзе и сказал: «Ты хочешь меня убить, но твоя рука тебя не послушается». Ошеломленный Пхакадзе выбежал из комнаты, пользуясь замешательством среди гостей. Распутин тоже вышел, одел шубу и отправился домой. Пхакадзе, вернувшись домой, попытался застрелиться, но остался жив. Когда Распутин увиделся с Симановичем, то начал радостно подпрыгивать. Так он делал всегда, когда пребывал в хорошем настроении.

— Опасность миновала, — сказал старец. — Была попытка покушения. Пхакадзе больше, разумеется, не жених моей дочери. Он отправится домой.

Однако Симанович был убежден, что отпуск капитана Пхакадзе был частью военного заговора, целью которого являлось убийство старца. Опасность была больше, чем когда-либо.

В этом же месяце Распутин принял три комиссионных вознаграждения. Игнатий Манус, продажный петроградский банкир, которого французский посол считал главным германским агентом, обеспечивал Распутина услугами проститутки Веры Трегубовой. 26 мая пьяного старца видели выходящим из автомобиля Мануса в

компании с проституткой, которую он целовал и обнимал, прежде чем удалиться в спальню. Не удовлетворившись этим, Распутин снова отправился к портнихе Кате.

Инженер Мендель-Эммануил Найман попросил старца уладить вопрос о его помиловании. Инженера приговорили к восьми месяцам тюрьмы за попытку подкупа с целью освобождения от воинской повинности. Распутин обещал вручить его прошение лично «самому», имея в виду императора. Некая Долина обратилась к Распутину с просьбой о получении гражданства для крупного московского коммерсанта Мандля, занимавшегося торговлей готового платья. Его магазины сильно пострадали во время антигерманских выступлений.

Над принадлежавшей России Польшей нависла угроза катастрофы. Германские войска рвались к Варшаве. С момента начала немецкого наступления потери русских составили почти полмиллиона человек. «Немцы расходуют металл, а мы теряем жизни, — писал русский командир одного из корпусов. — Они рвутся вперед... мы же только отбиваемся, неся тяжелые потери и расплачиваясь своей кровью, и продолжаем отступать». Во время одного из посещений Ставки Николаю доложили о критическом положении дел на фронтах. Сопровождавший его промышленник Путилов вспоминал: «У него дрожали руки. Он особенно растрогался, когда я, сам едва сдерживая слезы, стал говорить ему о непоколебимой преданности войск и их любви к царю и Отечеству».

Поступали тревожные сигналы, что эта преданность не распространяется на императрицу. Москвичи выступили с протестом против войны. В течение трех дней они ходили по городу и устраивали поджоги, но полиция не вмешивалась. Разъяренные люди вышвыривали из лучших музыкальных магазинов немецкие рояли и пианино «Бехштайн» и «Блютнер». Собравшаяся на Красной площади толпа кричала, что нужно

повесить военного министра и министра внутренних дел. Еще более зловещим признаком было то, что люди требовали, чтобы Александру отправили в монастырь на время войны и чтобы Николай отрекся от престола в пользу великого князя Николая Николаевича. Они устремились к монастырю Марии и Марты, который основала великая княгиня Елизавета после убийства своего мужа. Когда-то ее любили в Москве, но теперь называли «немкой», так же как и ее сестру императрицу Александру.

По Москве ходили слухи, что в начале мая великая княгиня посетила госпиталь после прибытия туда новой партии раненных русских и немецких солдат. Некоторые пленные лежали на полу, так как палаты были переполнены. Говорили, что великая княгиня приказала старшей сестре положить русских солдат на пол, а немецких на кровати. «Немцы привыкли к культуре и комфорту, а русским все равно», — якобы сказала она. Это была ложь. Великая княгиня славилась своей добротой и гуманными убеждениями. Она утверждала, что не видела пленных немцев. Но люди поверили сплетне и, стоя у ворот монастыря, кричали, что настоятельница скрывает здесь своего брата, эрцгерцога Эрнеста Гессенского. Великая княгиня вышла к толпе и пригласила желающих обыскать монастырь. В нее был брошен первый камень. «Долой немку!» — ревела толпа. Когда прибыла полиция, толпа скандировала имя императрицы, называя ее «немецкой шлюхой».

Когда полиция открыла огонь, раздались крики: «У вас нет патронов, чтобы сражаться с немцами, зато их достаточно для того, чтобы убивать русских!» Оскорбление попало прямо в цель. Генерал Брусилов все еще удерживал Перемышль, взятие которого так дорого обошлось русским войскам, однако он говорил, что город больше не является крепостью с точки зрения боевой техники, так как кончились все снаряды. В ротах из 250 человек оставалось не более 6 кадровых солдат довоен-

ного призыва. В полках было по 5—6 офицеров, уцелевших с начала войны. «За один год войны от регулярной армии ничего не осталось, а вместо нее появилась армия неучей», — писал Брусилов.

Распутин понимал, что московская полиция доложила в Петроград о вопиющем случае в «Яре». Он мог чувствовать себя в безопасности только до тех пор, пока пост министра внутренних дел занимал Николай Маклаков. Однако появлялись признаки того, что Маклаков теряет власть над своим министерством. Распутин решил, что наступило время прибегнуть к испытанному тактическому приему и удалиться на время в Сибирь. «Соскучился, еду домой. С Аннушкой беда, ее будут оперировать и не выпустят со мной», — писал он в телеграмме, посланной жене 1 июня. Речь шла о Вырубовой, которой должны были делать операцию на покалеченной ноге. Вечером Распутин напился вместе с Манусом и снова отправился к портнихе Кате. На обратном пути пристал на лестнице к жене сторожа, упрашивая ее поцеловать его хотя бы разок. Женщине удалось освободиться от старца, и она позвонила в его дверь, чтобы сдать его на руки прислуге.

На следующий день он отправился в Сибирь, куда за ним последовали два агента тайной полиции.

Русские войска оставили крепость Перемышль. Это поражение стало очередным ударом, нанесенным великому князю Николаю Николаевичу, авторитет которого уже был подорван Распутиным и московскими бунтовщиками, призывавшими его свергнуть императора и самому взойти на престол. Императрица испытывала зависть к великому князю из-за его гигантского роста, популярности среди народа и репутации единственного сильного представителя династии Романовых. Сравнение с великим князем было не в пользу императора и больно ранило гордость императрицы. Узнав об угрозе великого князя повесить ее Друга,

императрица страшно разгневалась, и Распутину вместе с Вырубовой не составило большого труда убедить ее в том, что главнокомандующий уже называет себя Николаем III. Императрица написала Николаю о своем недоверии к великому князю. Ее не остановило даже то, что ее супруг был гостем главнокомандующего в Ставке. «Я абсолютно не доверяю Н. Отнюдь не считаю его умным, он выступил против Божьего человека, его дела не получают благословения Господа, а его совет не может считаться добрым... Уверена, что Россия не получит благословения Божьего, если ее правители допустят преследования человека, посланного им Всевышним ради их же спасения», — писала она Николаю. Александра редко упоминала в письмах имя Распутина, называя его обычно «Другом». Однако на сей раз она сделала исключение и в конце письма написала: «Ты знаешь, что Н. люто ненавидит Григория».

Два дня спустя Александра снова вернулась к этой же теме. «Вина Н. и Витте в том, что существует Дума, и это доставило тебе больше неприятностей, чем радостей. Ах, мне не нравится, что Н. имеет отношение к заседаниям, касающимся внутренней политики. Он так мало знает нашу страну и навязывает свое мнение министрам с помощью громкого голоса и жестикуляции. Иногда его позиция меня бесит... Никто не знает, кто сейчас является императором... Создается впечатление, что Н. решает все, он делает выбор по своему усмотрению и изменяет все, что захочет. Меня это страшно тревожит». Это исполненное злобы письмо должно было воскресить в памяти Николая события страшного 1905 года и бывшего премьер-министра Витте. Однако все написанное в нем было от начала до конца ложью. Великий князь был предан своему низкорослому двоюродному брату, а его знания о «нашей стране» были гораздо обширнее, чем ее собственные. Великий князь Николай Николаевич был солдатом, жившим в окружении простых русских людей, а Александра — англичан-

кой, выросшей в Германии, изолированной от всех, кроме Распутина. Вот это и было самое худшее. Великий князь был единственным Романовым, которого любил и уважал русский народ. Благодаря вмешательству Распутина императрица старалась подорвать авторитет главнокомандующего в разгар войны с Германией.

Николай не мог ей противостоять. «Снова дает о себе знать мое сердце. Впервые это случилось в августе прошлого года после катастрофы с Самсоновым, а вот теперь приступ повторился. Когда я дышу, то чувствую страшную тяжесть с левой стороны. Ну что тут поделаешь!» — жаловался Николай жене. Император стал пользоваться кокаином, который, по его словам, прочищал нос и восстанавливал силы. Александра писала в ответ, что надеется на благотворное действие кокаина. Она также писала, что плохо спит из-за болей в желудке, но ей хорошо помогает бутылка с горячей водой и опиум.

А в это время на фронте русская артиллерия вела огонь по своим. Одному из батальонов приказали атаковать немецкую позицию, защищенную колючей проволокой и укрепленную пулеметами. Те, кому удалось уцелеть в атаке, залегли в воронках от снарядов на нейтральной территории. Когда они стали махать белыми флагами, русским артиллеристам приказали открыть огонь по своим.

6 июня Распутин приехал в Тюмень и остановился на ночь в Тюменском монастыре у своего друга Мартиана. Настоятель монастыря устроил в его честь ужин, пригласив местных высокопоставленных лиц с женами. Агенты охраны сообщили, что после ужина Распутин был совершенно пьян, а настоятель Мартиан жаловался, что гость выпил все запасы монастыря. На следующий день Распутин вместе с Мартианом и своей прислугой и любовницей Дуней отправился на пикник. Они взяли монастырских лошадей. Еще с детства Распутин умел прекрасно управлять лошадьми. На

пикнике компания ела свежие огурцы, запивая их вином. После этого Распутин уехал в Покровское.

11 июня Распутин устроил в своем доме вечеринку для жителей деревни.

По сообщениям агентов, он выпил несколько стаканов вина, завел граммофон и пустился в пляс, а потом стал невпопад подпевать мелодии на пластинке. Потом он стал хвастаться своим влиянием при дворе. Старец рассказал, что избавил от наказания и освободил 300 баптистов, осужденных за сектантство. Он должен был получить по 1000 рублей с каждого, но собрал всего 5000. Старец также хвастался, что когда он в последний раз был у императора, то убедил того отложить очередной призыв до осени, когда будет собран урожай.

Однако это было пустое хвастовство. Потери русских войск в июне были такими тяжелыми, что правительство предлагало призвать даже запас второй очереди, то есть мужчин старше 35 лет. За всю историю России такое случалось лишь дважды: во время вторжения Наполеона в 1812 году и в Крымскую войну в 1854 году. Тысячи призывников прибывали на фронт в состоянии шока. Многие даже не знали, как держать в руках винтовку, и никогда в жизни прежде не видели поезда. Длительное путешествие по железной дороге полностью выводило их из равновесия, и, по словам одного из офицеров, «когда они прибывали к месту назначения, у них наблюдались признаки нервного расстройства». Офицеры не знали, что с ними делать. «Не спускай с них глаз, пока мы не пойдем в бой, а там они первыми станут пушечным мясом», — советовал один из офицеров своему товарищу.

Наконец сняли военного министра Владимира Сухомятина, который являлся главным виновником того, что на фронте не хватало снарядов. Один из его протеже, полковник Сергей Мясоедов, был тайно повешен за измену. Когда в марте это дело получило огласку, репутация военного министра была окончательно

подорвана. Мясоедова дважды увольняли из армии еще до войны. Его экстравагантные выходки, беспутные друзья и посещения Второго рейха (он несколько раз останавливался в охотничьем домике вместе с кайзером) привели к тому, что его обвинили в шпионаже в пользу Германии. Сухомлинов вмешался и помог ему восстановиться в армии. Желтая пресса в начале 1915 года раскопала прежнее обвинение против Мясоедова, и полковника арестовали уже по двойному обвинению: в мародерстве и шпионаже. Когда он воевал на Прусском фронте, то послал родственнику лампу и картину. Это и являлось «мародерством», хотя Мясоедов утверждал, что купил эти вещи. Что касается шпионажа, то говорили, что он получил от немцев 10000 рублей. Этих денег никто не видал, но полковника казнили. Хорошенькая жена военного министра была в связи с покойным полковником, а теперь ей приписывали связь с германскими агентами.

Когда обнаружилось, что Сухомлинов отклонил предложение французов о поставке снарядов, заявив с легкомысленной самоуверенностью, что беспокоиться не о чем, император больше не мог его защитить.

Сухомлинова отправили в отставку в июне, хотя Николай на первых порах разрешил ему оставить за собой апартаменты в Царском Селе и остаться при дворе. Это вызвало такой взрыв общественного возмущения, что его арестовали и обвинили в шпионаже. Следователь показал начальнику тайной полиции генералу Васильеву «убедительное доказательство» вины министра. Это была почтовая открытка, адресованная жене Сухомлинова и отправленная из Карлсбада доверенным знакомым по имени Альтшиллер. На открытке было написано: «В Карлсбаде идет дождь, дороги плохие, поэтому о долгих прогулках не может быть речи». Васильев возразил, что это вряд ли можно считать веским доказательством. Следователь ответил, что ссылка на плохие дороги и невозможность прогулок явно

имеет под собой какой-то тайный смысл. Во время суда прокурор не смог доказать, что военный министр получил какую-либо крупную сумму денег. Несмотря на это, Сухомлинов, который менее года назад проводил мобилизацию русской армии, был признан виновным и отправлен в тюрьму. Его сменил генерал Алексей Поливанов, человек способный и уважаемый, однако не относившийся к числу поклонников Распутина. «Прости меня, но я не одобряю кандидатуру Поливанова на пост военного министра. Разве он не является врагом нашего Друга?» — писала Александра супругу. Таким образом, судьба Поливанова была решена еще до его вступления в должность.

Последствия войны становились все более заметными по всей России. В деревнях становилось безлюдно. Один из крестьян рассказывал Бернарду Пирсу, что трое его братьев погибли на фронте. Два старших брата были там так долго, что даже не смогли узнать друг друга. А третьего брата, по словам крестьянина, поволокли на войну словно овцу. Еще один британский наблюдатель, генерал Алфред Нокс, посетил деревню, где из 26 призванных на войну мужчин 24 погибли. Великий князь Николай Николаевич признавал, что подготовка солдат никуда не годилась.

Письма Александры становились все более истеричными. «Я недовольна твоим пребыванием в Ставке, — писала она императору 12 июня. — Ты слушаешь советы Н., которые не принесут ничего хорошего. У него нет права так себя вести и вмешиваться в твои дела. Всех шокирует, что министры идут с донесениями к нему, как будто императором является он. Ах, мой Ники, все не так, как должно быть, и поэтому Н. удерживает тебя рядом с собой, чтобы навязывать тебе свои мысли и советы».

Несмотря на то, что Распутин не мог остановить призыв, его репутация среди односельчан заметно ук-

репилась, когда в Покровское прибыл пароход, на котором приехал губернатор Тобольска. Старец поднялся на борт парохода и убедил губернатора снять штраф в 50 рублей, наложенный на одного из крестьян Покровского за строительство дома без разрешения. Расхаживая по деревне, Распутин рассказывал агентам тайной полиции, что его «обожают» три министра: премьер-министр Горемыкин и премьер-министр князь Шаховской. Третьего имени старец не назвал. Он также говорил, что прекрасно знает Николая Николаевича, который, будь его воля, дал бы России конституцию в 1905 году. Распутин также говорил, что великий князь скоро получит по заслугам.

13 июня старец пребывал в плохом настроении, так как на него нахлынули воспоминания о покушении. Накануне вечером какая-то женщина приходила к его соседке Наталье и расспрашивала ту о Распутине, а затем попросила разрешения остаться на ночь. Когда Наталья ей отказала, она ушла из деревни. На следующее утро Наталья рассказала Распутину о загадочной женщине, а старец сразу же послал человека на ее поиски. Но ее не нашли. Агенты заметили, что Распутин сильно нервничает и описывает Наталье дам, принадлежащих к кругу Александры. Вероятно, он боялся, что императрица прислала какую-нибудь даму следить за его поведением. В Царском Селе Вырубовой также было очень плохо. Она послала Распутину телеграмму: «У меня такое чувство, что может случиться что-то ужасное. Скучаю по тебе. Благослови меня. Анна».

Расследование скандальной истории в «Яре» назначил сам император. Как и опасался Распутин, Маклакова сняли. Его преемником стал князь Николай Щербатов, человек компетентный и умный, обнаруживший в министерстве внутренних дел столько беспорядков, что, по его словам, никак не мог с этим примириться. Распутин на него влияния не имел. Однако императрица, узнав, что старцу грозит опасность,

уже через шесть недель стала прилагать все усилия, чтобы нового министра внутренних дел отправили в отставку. Князь Щербатов первым делом приказал своему заместителю и начальнику Охранного отделения генералу Джунковскому составить подробный отчет о Распутине и о случае в «Яре». Андронников прибегнул к своим обычным приемам. Он написал Джунковскому льстивое письмо и подарил ему редкую икону и бухарский халат. Однако все усилия оказались напрасными. Во время встречи с императором по поводу беспорядков в Москве Джунковский представил отчет о похождениях старца.

— Я сообщил императору все, что знал о Распутине, о его поведении в «Яре», и предложил его величеству отчет, касающийся пагубного влияния, толкающего Россию к гибели, — свидетельствовал впоследствии Джунковский. — Я попросил у императора разрешения продолжить свое расследование. Его величество ответил мне: «Я не только даю вам на это разрешение, но и прошу вас это сделать. Эти отчеты должны быть представлены только нам. Пусть все останется между нами».

10 июня император уехал в Ставку, где он также столкнулся с критикой в адрес Распутина. Великий князь Николай Николаевич сначала обрушился на старца за его дебоши, а потом перешел к более серьезному вопросу. Германские агенты имели доступ к Распутину, так как этот крестьянин через императрицу узнавал обо всем, что происходило в Ставке.

— Я ничего не знал об этом, — сказал Николай. — Даже не мог себе представить.

Тогда великий князь предложил, чтобы Александра приехала в Ставку и посмотрела на отчет и документы, собранные Охранным отделением.

— Покончи с ним, — умолял великий князь императора. — Реши это дело внутри семьи.

Император согласился с двоюродным братом.

Распутин все время поддерживал связь с императ-

рицей. 13 июня она написала Николаю и попросила его немедленно дать ответ, если у него были какие-либо вопросы к Распутину. Через два дня она отметила, что Распутин чувствовал, что за его спиной плетутся интриги. «Наш Друг сожалеет, что ты не сказал ему больше. Поменьше обращай внимания на людей и побольше руководствуйся своими чувствами» — писала она мужу. Отчет, составленный Джунковским, не был сохранен в тайне, и Распутин прослышал о нем, благодаря своим связям с тайной полицией. Императрица встревожилась. Прочтя отчет, она сначала расплакалась, а затем пришла в ярость, узнав, что ее любимый племянник видел его. «Мой враг Джунковский показал эту злобную и грязную бумажку Дмитрию... Какой грех. Якобы ты сказал ему, что с тебя хватит этих грязных историй и что ты хочешь его наказать. Как это подло... Если мы позволим, чтобы нашего Друга преследовали, наша страна за это поплатится... Я так устала, у меня от всего этого так болит голова, как только подумаю о грязи, вылитой на того, кого мы почитаем. Это ужасно. Ах, моя любовь, когда, наконец, ты стукнешь кулаком по столу и прикрикнешь на Джунковского и всех остальных, когда они поступают недостойно. Тебя никто не боится, а они должны бояться... Если Джунковский с тобой, вызови его и скажи, что тебе известно, что он показывал эту бумагу в городе. Прикажи ему разорвать ее и не позволяй называть Григория предателем... Ах, мой мальчик, заставь их трепетать перед тобой... Ты всегда слишком добр. Так нельзя».

Распутин знал, что последует за этим. «Ну, ваш Джунковский достукался», — говорил он агентам в Покровском и оказался прав. Вскоре князь Щербатов получил записку от императора: «Я настаиваю на немедленной отставке генерала Джунковского». Всем было ясно, что на отставке настаивают Распутин и Александра. Впоследствии генерал свидетельствовал, что Николай сделал это «под влиянием императрицы». При-

емник Джунковского Васильев прекрасно понимал, что старца нельзя трогать, если не желаешь погубить свою карьеру. «По правде говоря, — писал он о своем предшественнике, — он вел себя довольно бестактно». Таким образом, человек, имевший полный доступ к сведениям, собранным тайной полицией, был обречен на молчание.

Настроение у Распутина улучшилось. 17 июня отец Мартиан и протезе Распутина, епископ Тобольский Варнава, приехали навестить старца. Варнава оправдал все опасения Синода, выступавшего против его назначения. Он был рьяным приверженцем погромов и злобно оскаливал зубы, произнося во время проповеди слово «евреи». Его поведение бывало таким бестактным и оскорбительным что вызывало недовольство у прихожан. Всех своих врагов, либералов, представителей церкви и иностранцев он называл «проклятыми жидами». Из Синода поступали жалобы, что Варнава «превратил свою епархию в частное владение Распутина». Он был груб с подчиненными и гонял их из прихода в приход по приказу Распутина. Его сестра, жена мелкого служащего Синода, была прекрасно осведомлена обо всех делах церкви. Так же как и ее брат, она была безгранично предана Распутину. Варнава, следуя примеру старца, помогал уклоняться от воинской службы, продавая освободившиеся церковные должности, на что сетовал тобольский губернатор Станкевич. Святые отцы принесли с собой два кувшина вина и начали веселиться вместе с Распутиным. На следующее утро из Тюмени в Покровское прибыл пароход, на борту которого находился неизвестный агентам еврей — по некоторым сведениям, коммерсант из Перми. В течение 40-минутной стоянки в Покровском он говорил с Распутиным по поводу получения контрактов на поставки для армии. Жена Распутина и Дуня сели на пароход и отправились в город за покупками. Пока они отсутствовали, старец отправил короткую телеграмму Вырубовой: «Как здоро-

вье? Целую». Женщины вернулись вместе с Елизаветой Соловьевой, с которой старец вступил в связь еще в феврале, находясь в Петрограде. Новый приходский священник отец Сергей, получивший от Варнавы назначение по приказу Распутина, зашел поприветствовать старца и поцеловать ему руку. В 8 вечера агенты видели, как пьяный Распутин вышел из дома в обществе очаровательной госпожи Соловьевой. Сев в повозку, они направились к лесу и вернулись только через час. Старец казался очень бледным.

28 июня к Распутину приехала из Ялutorовска госпожа Патушинская, жена офицера. Когда старец, спотыкаясь, вышел из дома, Соловьева и Патушинская поддерживали его под руки, при этом он поглаживал Патушинскую пониже спины, о чем агенты и записали в своем отчете. Весь день в доме Распутина не умолкал граммофон, а сам хозяин был очень весел и постоянно пил вино и пиво. На следующее утро идиллия на троих закончилась, так как Соловьева получила телеграмму от рассерженного мужа, который приказывал ей вернуться в Петроград. Распутин утешился с Патушинской и расхаживал с ней по двору, распевая песни.

30 июня, выкупавшись утром в реке, старец отправился к жене своего соседа, дьякона Ермолая. Его визит не имел ничего общего с церковными делами. Жена дьякона поджидала старца у окна и провела в его обществе полчаса. «Он посещает ее почти ежедневно с интимными целями», — писал в своем отчете агент полиции. В тот же день Патушинская получила телеграмму от мужа, который приказывал ей вернуться в Ялutorовск. Перед отплытием парохода агенты видели, как она «сладострастно целует Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки». Обычно Распутин поддерживал добрые отношения с обманутыми им мужьями, но так было не всегда. Когда муж Елены Патушинской стал возражать против любовной связи жены со старцем, Распутин добился его перевода в Одессу, где

Патушинский застрелился. Как правило, обманутые мужья смирялись со своей участью, и об этом все знали. Распутин не пытался скрывать свои похождения, чтобы придать правдоподобие слухам о своей связи с императрицей.

Распутин нанес короткий визит Варнаве в Тобольск, но так как агенты за ним не поехали, то подробности их разговоров не известны. Старец пригласил в Покровское Ивана Ивановича Добровольского с супругой. Добровольский был тучным мужчиной лет пятидесяти в чине статского советника и занимал нехлопотную и хорошо оплачиваемую должность инспектора училищ. Его жена была на 20 лет моложе. Приехав в Покровское, она тут же уселась за рояль и стала играть, а Распутин хлопал в ладоши и притопывал ногами. Затем он стал ее обнимать, не стесняясь присутствия дочери, не говоря уже о самом Добровольском. После этого Распутин вместе с Добровольской и детьми «отправился в поля, распевал песни и играл в мяч с детьми».

Дьякон Ермолай также отличался долготерпением. 7 июля Распутин и Добровольский были приглашены к обеду жителем деревни Араповым. Агенты видели, как пьяный Распутин вышел из дома Арапова и направился к жене дьякона Ермолая. Потом он вернулся домой, но снова решил навестить жену дьякона. Дуня стала его отговаривать. Послав служанку ко всем чертям, старец отправился гулять под дождем вместе с агентами. Он завел с ними разговор о войне и о том, что некоторые его за это обвинили в измене.

— В прошлом году, когда я лежал в больнице и прошел слух, что скоро начнется война, я просил царя не воевать, — говорил он агентам, — я послал ему дюжину телеграмм... Меня даже хотели отдать под суд. Об этом доложили царю, и он сказал, что это наши личные дела, и под суд меня отдавать нельзя.

В том же месяце он посетил Патушинскую, прихватив с собой двух дочерей, супругов Добровольских и дьякона Ермолая. На пароходе все уселись кружком и слушали, как Добровольская играет на рояле. В Тюмени вся компания пересела на поезд, который отправился в Ялуторовск. На вокзале их встретила Патушинская в карете, запряженной двумя лошадьми. Она села в карету вместе с Распутиным, а остальные поехали в повозках. Дома их встретил муж Патушинской. Теперь все три мужа-рогоносца были в сборе. Наверняка, они знали о своем положении, во всяком случае, агентам охраны оно было известно. В 10 вечера они видели, как Распутин выбрался из окна на террасу, а Патушинская вылезла из другого окна во внутренний двор и подала знак Распутину. Они оба скрылись в темноте.

На следующий день Распутин с дочерьми и Патушинской поехал на карете в лес. Когда они возвратились, дочери Распутина пошли в дом, а Распутин с Патушинской отправились в пустовавший летний домик в саду. Это было очаровательное место, и слуги рассказывали агентам, что почти столетие назад там жили сосланные декабристы. На следующее утро Распутин вместе с дочерьми уехал в Покровское.

23 июля Варшава, в течение целого столетия являвшаяся оплотом русской власти в Польше, была сдана немцам. Когда император сообщал эту новость императрице и Вырубовой, его переполняло горе и чувство унижения. Русская армия все время отступала, неся тяжелые потери. При этом русские сжигали города и деревни и заставляли жителей идти вместе с ними на восток, в Россию.

Тактика выжженной земли устраивала немцев, так как они находили себе укрытие в развалинах, зато у них не было гражданских лиц, требовавших особой заботы, а русские, отступая, жгли стога сена, оставляя

нетронутым растущий в поле хлеб. Старшие офицеры грузили в поезда своих любовниц, мебель и даже клетки с канарейками, в то время как миллион беженцев скитался по полям и дорогам. Люди были крайне истощены, и когда им на пути попадалась полевая кухня, они вырывали друг у друга пищу из рук.

Беженцы несли с собой эпидемии и панику. «Вдоль дорог валяются незахороненные трупы, повсюду стоит нестерпимая вонь и кружат вороны. Эта лавина людей захлестывает всю Россию, подобно огромной волне», — говорилось в сообщениях кабинету министров. Усиливалась шпиономания, и все чаще имели место погромы. Евреев вешали по ложным доносам, а их дома, лавки и синагоги грабили. Черносотенные газеты обвиняли их в «посылке золота немцам». Это золото якобы находили в самолетах, гробах, в тушах скота и бутылках с водкой. Еврейский депутат говорил, что это наглая ложь, с помощью которой кто-то пытается скрыть собственные преступления. Французский посол предупредил, что с евреями следует обращаться хорошо, так как в США имеется богатая и мощная еврейская диаспора, которой не по душе, как обращаются с ее собратьями в Европе. Что касается политической ситуации в России, то Уилсон писал 31 июля в лондонской «Таймс»: «Обстановка настолько серьезная, что может вылиться в диктатуру, если не хуже». Бюрократия в России оказалась на грани полного краха, а власть быстро ускользала из рук правительства.

По приказу императора Распутин приехал в Петроград в тот же день, в 10 утра. Его встретил Николай Соловьев, член Синода, с женой которого старец находился в любовной связи. С Николаем он встретился 4 августа в Александровском дворце. Распутин понимал, что теперь последует допрос по поводу случая в «Яре» и немедленное возвращение в Сибирь. Он уже заблаговременно послал две одинаковые телеграммы

жене и Патушинской: «Очень скоро увидимся. Целую тебя». Встреча с императором, разумеется, нигде не была зафиксирована, но Васильев, обязанный продвижением по службе оплошности своего предшественника в деле Распутина, был сильно заинтересован содержанием беседы между старцем и государем. Он обо всем расспросил Распутина при следующей встрече.

По словам начальника тайной полиции, Распутин без тени смущения или раскаяния признался в грехе, который он совершил в Москве. Старец придерживался своей обычной тактики, заявляя, что человек грешен, а Господь все поймет и простит. «А как ты думал, милый? — спросил он Васильева. — Кто невиновен перед Господом, тот невиновен и перед царем». Николай был зол на старца за то, что тот публично назвал императрицу «старухой», однако старец бессовестно лгал и отрицал, что упоминал кого-либо из царской семьи во время инцидента в «Яре». Они также говорили о главнокомандующем, и старец настоятельно просил императора отправить великого князя в отставку и принять на себя командование армией. Впоследствии он хвастался, что «подавил Николашу» во время этого разговора.

И все же Распутин понимал, что находится на краю пропасти, и на следующее утро первым же поездом уехал из Петрограда. Вырубова и ее сестра Александра Александровна фон Пистолькорс заехали за ним на автомобиле, взятом из императорского гаража, и отвезли старца на вокзал. Дамы остались в машине, не желая, чтобы их кто-либо заметил на перроне. Однако другие почитательницы и почитатели Распутина не таились, и агенты узнали среди них 26-летнюю княгиню Татьяну Федоровну Шаховскую, влюбленную в Распутина баронессу Кусову, мошенника Миллера, рогоносца Добровольского и его жену.

Раскаяние и смирение, которые Распутин продемонстрировал перед императором накануне вечером, длились ровно до тех пор, пока поезд не отошел от

перрона. Агенты наблюдали, как он весело болтает в вагоне с тремя неизвестными дамами. Когда они сошли с поезда в Камышлове, старец вышел с ними попрощаться. Дамы представили старца встречавшим их офицерам. Они говорили о ране, которую нанесла ему Гусева, и о больнице. Агенты слышали, как один из офицеров, подполковник, шепнул своему приятелю: «Совершенно очевидно, что этот малый гипнотизирует взглядом».

Когда поезд тронулся, Распутин сорвал свое раздражение на агентах охраны. Причина его раздражения заключалась в следующем. Когда старец приехал в Петроград, его встретил Соловьев. Новый обер-прокурор Синода Александр Самарин, уважаемый московский дворянин, отчитал Соловьева и сказал, что его поведение недостойно члена Синода.

— У Соловьева были неприятности с Самариним за то, что тот меня встретил в Петрограде, — сердито начал Распутин. — Однако Самарину не быть обер-прокурором Синода. — Он косо посмотрел на агентов. — Не вы ли доложили о моей встрече с Соловьевым?

— Не твое дело, — ответили агенты.

— А кто же еще это мог быть? — спросил старец. — Император спрашивал об этом отчете и сказал, что, возможно, агенты донесли о встрече с Соловьевым. Я ответил, что, должно быть, так и есть. Я еду домой и не знаю, сколько времени там пробуду. Может быть, неделю или больше. Все будет зависеть от того, как пойдут дела. — Старец заявил, что император предложил ему свой персональный вагон, но он отказался.

— Как-то раз я возвращался около полуночи из Царского Села в Петроград и заметил одного из ваших агентов, который прятался за лифтом, — сказал старец с угрозой в голосе. — Если я узнаю, кто это был, ему не поздоровится.

6 августа немцы заняли последнюю русскую цитадель в Польше, крепость Новогеоргиевск. Гарнизон

крепости состоял из 100 тысяч человек и имел на вооружении 1600 пушек. Однако немецкий дозор захватил главного инженера и нашел среди его бумаг точные планы укреплений. «Немцы стирают нас с лица земли, — радировал один из защитников крепости. — Все бегут в панике». Одному пилоту удалось взлететь и доложить командованию о взятии крепости немцами. Поливанов объявил кабинету министров, что «армия уже не отступает, а просто бежит». Однако самое страшное было не это. «Как бы ни были плохи дела на фронте, сейчас над Россией нависла еще более серьезная опасность. Я должен сообщить правительству, что когда я утром представил свой отчет его величеству, государь сказал мне, что решил освободить великого князя от должности главнокомандующего и взять командование армией на себя». Мсть Распутина наконец свершилась.

8 августа старец прибыл в Тюмень и остановился на ночь в монастыре, у отца Мартиана. На следующее утро, в 11 часов, он занял каюту первого класса на пароходе, отправлявшемся в Покровское. Старец праздновал победу и во время путешествия напился. Он разговорился с солдатами, также ехавшими на пароходе, и дал им 25 рублей, попросив их спеть для него. Через несколько минут он ушел в свою каюту и вернулся со ста рублями. Распутин попросил солдат петь громче и сам присоединился к их хору. Они пели в течение часа, а затем старец повел солдат в столовую второго класса и накормил их. В России солдатам запрещалось заходить в поездах в купе первого и второго класса, занимать кресла в партере и заходить в кафе и рестораны. Гражданские лица обращались к ним на «ты», как к детям или домашним животным. На пароходе они должны были находиться на нижней палубе, и капитан потребовал, чтобы они вышли из столовой.

Разъяренный Распутин вышел вместе с ними. Усадив солдат кругом, он сам стал в центре и попросил их продолжить пение. К старцу вернулось хорошее на-

строение, и он дал солдатам еще 25 рублей и заплатил 15 рублей за их обед в третьем классе. Затем он вернулся в свою каюту, а когда вышел оттуда, то стал жаловаться, что потерял три тысячи рублей. Потом он снова ушел к себе и появился через 20 минут, еще более пьяный, чем раньше. Агенты встревожились. «Он отправился в третий класс и затеял ссору с пассажиром Разумовским, — писали агенты. — Последний хотел отколотить старца, но все закончилось мирно. Потом Распутин поссорился с тюменским купцом Михалевым. Речь шла о делах епископа Тобольского Варнавы, при упоминании которого Михалев плюнул и вышел из каюты». Пьяный Распутин бродил по пароходу, пока не наткнулся на официанта, которого назвал мошенником и обвинил в краже трех тысяч рублей. Официант попросил пассажиров быть его свидетелями и пожаловался капитану, который пообещал доложить о случившемся полиции Тобольска. Распутин вернулся в свою каюту, открыл иллюминатор, и, что-то бормоча, уронил голову на стол, пока любопытные пассажиры с интересом за ним наблюдали.

— Почему бы не взять ножницы и не остричь ему волосы и бороду, — предложил один из пассажиров.

— Распутин, пусть твоя слава святого старца длится вечно, — рассмеялся другой пассажир.

Агенты поспешили в каюту Распутина и закрыли иллюминатор. В 6 вечера, когда пароход проходил вдоль берегов Туры, Распутин упал на пол, где его и нашли по прибытии в Покровское в 8 вечера. Агенты попросили капитана выделить им двух членов команды, чтобы помочь вынести старца. Вчетвером они выволокли старца на пристань, где его встречали дочери и свояк Распопов. Они погрузили старца в повозку и повезли домой.

На следующее утро он встал в 10 утра и стал расспрашивать агентов, что произошло во время его путешествия на пароходе, страшно удивляясь тому, что

он так опьянел от трех бутылок вина. Он сокрушался, что слух об этом может дойти до императора.

— Послушай, друг, — обратился он к одному из агентов, — это нехорошо.

Старец снова заговорил об инциденте в «Яре».

— Джунковского уволили, и теперь он, может быть, думает, что это из-за меня, а я даже не знаю, кто он такой. Вашего губернатора тоже скоро уволят.

— Какого губернатора? — поинтересовались агенты.

— Я не знаю его имени, — ответил Распутин и сменил тему разговора.

Гнев по поводу пагубного влияния Распутина и вереницы отставок, последовавших за его угрозами, выплеснулся на страницы газет. Маклаков воспользовался цензурой военного времени и позаботился о том, чтобы скандальное имя нигде не упоминалось. Щерба-тов, зная, что его дни сочтены, позволил напечатать несколько статей с нападками на старца. 15 августа либеральная газета «Биржевые ведомости» напечатала статью под заголовком «Как это могло случиться?» Автор статьи, подписавшийся именем «Лукьян», задавал вопрос, каким образом «неграмотному выскочке удастся так долго насмеяться над Россией». Он также писал, что те, кто терпят это безобразие, сами и являются источником зла. «...об их предательстве и нерешительности ходят сплетни... Вседозволенность вошла в привычку... В таком мире даже Распутин не кажется необычным... Мы подошли к черте, когда нас больше ничто не удивляет, даже Распутин. Никто даже не осознал позора. Просто делались попытки закрыть рот прессе... Однако что можно преувеличить, когда голая правда хуже любой лжи?»

Через два дня в «Вечернем времени» появилась статья, где говорилось, что Распутин выступает против войны и работает на «германскую сторону».

19 августа Варнава передал из Тобольска через

священника отца Николая предупреждение, что об инциденте на пароходе доложили полиции, и об этом не забудут. Большую часть дня старец провел в обществе жены Ермолая, отправив самого дьякона в церковь. Неприятное известие он получил вечером. Тобольский губернатор хотел арестовать Распутина и, в соответствии с административным законом, посадить его на 3 месяца в тюрьму за пьянство и непристойное поведение. Его намерениям помешало только вмешательство Варнавы. Узнав об этом, Распутин сплюнул и сказал: «Какое мне дело до губернатора?»

И действительно, ему нечего было опасаться. Кампания, развернутая в прессе, лишь укрепила его положение. Александра пользовалась статьями, словно кнутом, чтобы побольнее высечь Щербатова и убедить мужа немедленно объявить себя главнокомандующим, если он хочет спасти свою власть. 20 августа Николай и Александра нанесли редкий визит в столицу. Они преклонили колени перед могилой Александра III в Петропавловском соборе, а затем отправились в Казанский собор, чтобы помолиться перед иконой Казанской Божьей Матери. Обедали они вместе с Вырубовой в Александровском дворце, а вечером император должен был встретиться с Советом министров. Он сильно нервничал, и Вырубова сняла с шеи иконку и сунула ему в руку. Встреча с министрами затянулась, и дамы наблюдали с балкона за министром иностранных дел Сергеем Сазоновым, который яростно противился решению императора взять на себя командование армией. Все присутствующие министры были с ним согласны, считая, что администрация будет парализована, если император уедет в Ставку, которая находилась в двух днях езды от столицы. Вся вина за новые поражения падет на голову государя. Министры пытались убедить Николая, что для самодержца сейчас неподходящий момент играть в солдатики.

Министры ни слова не сказали о том, что в отсут-

ствие императора усилится влияние Распутина и императрицы. Однако все это хорошо понимали. «Я не ставил точек над «і» и не называл имен, да в этом не было и надобности. Однако император все понял, и я видел, как неприятны ему мои слова. Мне было больно говорить о той опасной роли, которую играет императрица, с тех пор как Распутин завладел ее волей и умом», — рассказывал Сазонов. Николай ему не возражал, однако после беседы с министром иностранных дел написал: «Когда мы разговаривали, казалось, что он отходит от меня все дальше, и наконец я почувствовал, что между нами лежит глубокая пропасть». Николай сидел, выпрямившись, и слушал министров. На сей раз он дал полную волю своему фатализму.

«Он ответил, что его миссия и обязанность заключаются в том, чтобы принять на себя ответственность. Если его династии суждено погибнуть... Что ж, так тому и быть. Он ничего не может изменить», — говорил министр сельского хозяйства Александр Кривошеин корреспонденту лондонской «Таймс» Роберту Уилсону.

Через два дня император уехал в Ставку. По словам Вырубовой, он сжимал в руке ее икону.

На следующее утро 8 из 13 членов кабинета министров встретились в министерстве иностранных дел у Сазонова и написали общее письмо императору с просьбой о своей отставке. «Вчера, на заседании Совета министров, мы все умоляли Ваше Величество не смещать великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего армией. Мы еще раз осмеливаемся напомнить Вашему Величеству, что, по нашему мнению, Ваше решение угрожает серьезными последствиями России, Вашей династии и лично Вам». Далее в письме говорилось, что непримиримые разногласия в правительстве были всегда недопустимы, а сейчас они могут оказаться роковыми. Письмо было вручено Николаю 21 августа. В тот же вечер он отправился в Ставку, отказавшись принять отставку министров. Од-

нако Александра впоследствии выжила всех, кто подписал это письмо.

Она написала супругу торжествующее письмо, чтобы он мог прочесть его в поезде. «Не могу найти слов, чтобы выразить все, что хочу. Мое сердце переполняет радость. Никогда прежде они не видели у тебя такой твердости. Ты доказал, что являешься самодержцем, без которого не может существовать Россия. Умоляю, прости меня, мой ангел, за то, что я не давала тебе покоя, но я слишком хорошо знаю твой удивительно мягкий характер... Я ужасно страдала и переутомилась физически за эти два дня, а также терзалась морально (и буду терзаться, пока все не уладится в Ставке и Николаша не уйдет), только тогда я успокоюсь... Ты знаешь, они меня боятся и поэтому приходят, когда ты бываешь один. Они знают, что у меня есть воля и я непреклонна, когда чувствую, что права. Теперь все знают, что воля есть и у тебя, поэтому заставь их трепетать перед своим мужеством и непреклонностью. Господь с тобой, наш Друг молится за тебя... Его святые ангелы руководят тобой и направляют тебя... Спи спокойно, мое солнце, спаситель России».

Предчувствуя катастрофу, сэр Джордж Бьюкенен отправился к императрице, чтобы попытаться в последний раз убедить ее, что ни один человек не может управлять империей и одновременно вести современную войну. «Вы не стяжете лавров, а лишь получите терновый венец», — предупредил посла придворный гофмейстер. И действительно, Александра заявила послу, что место императора рядом с его армией, на поле боя. «У меня не хватает терпения на министров, которые пытаются помешать ему исполнить его долг. К несчастью, император слаб, но я — нет, я и дальше буду проявлять твердость». — Лицо императрицы было напряженным и холодным, и, прощаясь с послом, она нехотя протянула ему руку для поцелуя.

Семейство Романовых было вне себя от ужаса.

Великий князь Андрей Владимирович навестил свою тетку, вдовствующую императрицу.

«Я нашел тетю Минни страшно подавленной. Она считает, что отставка NN (Николая Николаевича) неизбежно приведет к гибели N (Николая), — писал великий князь в своем дневнике. — Она все время спрашивала: «Куда мы идем? Это не Ники, он славный и добрый. Это все ее работа... Она одна несет ответственность за все, что происходит. Все это сделал не мой мальчик!» Вдовствующая императрица вспомнила о временах Павла I, который в последний год своего царствования стал убирать всех преданных ему людей. Печальная кончина Павла I, который был задушен во время дворцового заговора, не давала ей покоя и приводила в ужас.

По прибытии в Ставку император известил Александру, что дело сделано. «Слава Богу, все закончилось, и теперь я возложил новую ответственность на свои плечи. Николаша вошел с добродушной и открытой улыбкой и просто спросил, когда я прикажу ему уехать. Я в таком же тоне ему ответил, что он может остаться на два дня», — писал Николай императрице. Александра хорошо знала мужа и боялась, что он пересмотрит свое решение. Именно поэтому ей хотелось незамедлительно отправить великого князя на Кавказ, где его в виде утешения назначили командовать войсками.

«Поскорее уладь дело с назначением Николаши. Не теряй зря времени, это вредит делу», — ответила супругу императрица, и Николай повиновался ее воле. Великий князь был немедленно отправлен на Кавказ, и ему даже не разрешили остановиться по пути в Петрограде и провести там отпуск.

Таким образом, император, который в молодые годы командовал всего лишь ротой и чьи знания о боевом вооружении ограничивались саблей да лошадью, возложил на себя ответственность за жизни шести миллионов человек, находившихся в истекающей кро-

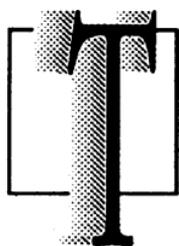
вью армии. Недалекая и крайне неуравновешенная супруга заверяла его из тыла, что они вместе со старцем все держат под контролем. «Не бойся того, что остается позади, и не смейся над своей старой глупой женошкой, у нее достаточно мужества... Господь даст мне силы тебе помочь... У тебя есть образ Св. Николая, подаренный Григорием, он будет тебя направлять и охранять тебя», — писала императрица мужу.

По словам одного британского наблюдателя, «это зрелище было удивительным, экстравагантным и достойным жалости».

Кто же был в этом виноват? Роберт Уилсон в частном письме в Лондон писал: «Омерзительный Распутин, спекулируя на мистических склонностях императора, сыграл немалую роль в том, что тот принял на себя Верховное командование. Распутин всегда действует одинаково. Сначала он заявляет императрице, что у него было видение и нужно сделать то-то и то-то... Императрица пересказывает всю эту чепуху мужу, и дело сделано... Это напоминает византийский двор».

Глава девятнадцатая «ГОСПОДЬ ОТКРЫВАЕТ ЕМУ ВСЕ»

Теперь Александра стала с упрямой настойчивостью вмешиваться в политику. Она подавляла мужа своими письмами, полными уговоров, угроз, настырных требований и двусмысленности. Постепенно они заполнили черный кожаный чемоданчик, в котором император их хранил. Взгляды императрицы были простыми и жестокими. Их смысл заключался в том, что самодержавие нужно сохранить любой ценой, «ради ребенка». Она ненавидела конституцию, «парламентариев, испорченный народ», требующий отчетности правительства перед Думой, и города, возрадившие этих людей. Она хотела всех их повесить или избавиться от них каким-либо иным путем. По ее мнению, для этого достаточно было «крупной железнодорожной катастрофы». Императрица отгородилась от остальных Романовых, она верила в Бога, династию и русский народ, божественным воплощением которого являлся Распутин.

Александра гордилась властью, которая сосредоточилась у нее в руках в отсутствие мужа. «Со времен Екатерины Великой я — первая русская императрица, которая принимает министров», — хвасталась она в письмах к Николаю. По мнению И. С. Тургенева, у русских женщин более сильный и решительный характер, чем у мужчин. А английского писателя Сомерсета Моэма поразила «агрессивность, с которой русские женщины обращались с мужчинами. Казалось, они получают удовольствие, унижая их в присутствии посторонних». О русских мужчинах Моэм писал, что «они по-женски пассивны и плаксивы». Все это как нельзя более подходило к Александре и ее царственному супругу.

Отношения императрицы с Распутиным превратились в партнерство. Она занималась политикой, а он поставлял ей политических деятелей и находил оправдание ее действиям. Александра сразу же замечала малейшее проявление либерализма и безжалостно его уничтожала. В число ее недругов попали все, кто умолял ее супруга не уезжать в Ставку, а это были наиболее умные и уважаемые в России люди: министр иностранных дел, обер-прокурор Святейшего Синода и министры внутренних дел, сельского хозяйства и образования. Ее презрение к политикам распространялось и на монархистов. Одним из них был Александр Гучков, сын московского магната и лидер октябристов, самой реакционной правой партии, человек энергичный, с настороженным взглядом серых глаз. В свое время он сражался на стороне буров в Южной Африке. Гучков был убежденным монархистом, консерватором, поддерживавшим интересы помещиков и промышленников. Этот человек мог бы стать союзником императрицы, да вот беда, он был членом Думы.

«Любимый мой, — писала императрица мужу, — от Гучкова нужно избавиться, вопрос только в том — как именно. Идет война... Неужели нет способа заставить

его замолчать? Он стремится к анархии и выступает против нашей династии, которую, как говорит наш Друг, защищает Всевышний».

Александр требовался предлог, чтобы произвести замены в правительстве, а также список подходящих кандидатур. Распутин предоставил ей и то, и другое. Неприязнь старца была достаточным поводом для любой отставки. Однако императрица все пыталась представить так, как будто намеченная ею жертва всей душой ненавидит Распутина. «Господь открывает ему все», — писала она императору. В глазах Александры лучшей рекомендацией для нового человека была благосклонность старца. Она умела добиваться своего любыми путями, даже если для этого иногда требовались долгие месяцы и пачки писем.

Распутина не устраивали люди, занимавшие три ключевых поста в правительстве. Это были: обер-прокурор Синода, отвечающий за дисциплину в церкви, начальник полиции, в подчинении которого находились все агенты и осведомители, и министр внутренних дел, во многих отношениях самая влиятельная фигура кабинета министров, в руках которого был сосредоточен контроль над полицией и цензурой. Все трое, так же как и их предшественники, были враждебно настроены к старцу и осуждали его поведение. Первым пострадал Джунковский. Остальные жертвы Александра намечала в течение недели после отъезда мужа. Она начала с обер-прокурора Синода. «Самарин продолжает выступать против меня, — писала она 25 августа. — Нам нужно подыскать ему замену». Самарина отстранили от дел через несколько дней, такая же участь ждала и его преемника Волжина, который не захотел встретиться с Распутиным.

Затем Александра взялась за министра внутренних дел. Князь Щербатов проявлял недопустимую снисходительность к критикам, выступавшим против ее Друга. 29 августа она написала Николаю, настаивая, чтобы

он заменил князя кем-либо, понимающим, чего от него ждут. «Поговори с ним уверенно и строго, и пусть положение нашего Друга станет ему ясно с самого начала. А чтобы он не смел действовать, как Щербатов и Самарин, дай ему понять, что, позволяя писать дурно о Нем (Распутине), он выступает против нас», — писала императрица. Новый человек «должен прислушиваться к советам «нашего Друга».

По мнению императрицы, лучше всего для этого подходил Алексей Николаевич Хвостов, губернатор Нижнего Новгорода, которого четыре года назад Распутин посчитал слишком молодым для должности премьер-министра. Теперь Хвостову исполнилось 43 года, он стал очень тучным, а его обжорство можно было сравнить разве что с его продажностью. Хвостов стал убежденным реакционером-черносотенцем, который наладил отношения с князем Андронниковым, а через него — с Вырубовой и Распутиным. Александра считала его человеком мужественным и волевым. «Он очень энергичный, никого не боится и очень предан тебе». Императрица говорила, что у этого человека «массивное тело... но светлая и чистая душа». Она была уверена, что Хвостов «сделает все, чтобы прекратить нападки на нашего Друга».

Таково было мнение императрицы. Император же навел справки о Хвостове у его дяди, министра юстиции А. А. Хвостова.

«Этот человек совершенно не имеет опыта такой работы и, в силу своего характера, совершенно к ней не пригоден», — писал министр о племяннике в конфиденциальном послании к императору. «Это человек далеко не глупый, но он не может относиться критически к своим чувствам и суждениям. Он имеет склонность к интригам... несомненно, он попытается стать премьером, но в любом случае его деятельность будет направлена не на работу, а на дела, никоим образом с ней не связанные. Ничего хорошего от назначения его

на пост министра внутренних дел не выйдет», — писал министр юстиции. Характеристика была очень точной, но мнением министра юстиции пренебрегли, и Александра настояла на этом назначении. Император уступил ей еще в сентябре. Александра ласково называла его «мой хвостик».

Первым решением нового министра было назначение Стефана Белецкого своим заместителем и начальником полиции. Бернард Пирс считал Белецкого настоящим полицейским-профессионалом и способным человеком, которому, однако, не хватало честности. Ни он, ни Хвостов не питали иллюзий в отношении Распутина, которого Белецкий считал «скандальной фигурой». Теперь многочисленные прошения Распутина поступали к нему. Впоследствии Белецкий говорил, что в большинстве из них речь шла об освобождениях от воинской службы и субсидиях. Разумеется, все они были незаконными. Белецкий хорошо знал, что за свои услуги Распутин требовал от просительниц секса. Белецкий свидетельствовал, что спас одну знатную просительницу, когда старец рвался к ней в спальню. Другая просительница устроила истерику, когда старец отклонил ее прошение за то, что она не уступила его домогательствам. В конце концов, Распутин ее изнасиловал.

И Хвостов, и Белецкий впоследствии планировали убийство Распутина, но в тот момент он им был нужен как особа, приближенная ко двору. Старый премьер Горемыкин не был им помехой. Они разработали новую политическую программу, направленную против масонов, евреев, либералов и социалистов. Князь Андронников подчеркивал, что помощь Распутина имеет очень важное значение, и Белецкий назначил ему пособие в размере 18 тысяч рублей из секретных фондов полиции, к которым он имел доступ. Вырубова тоже должна была оказывать им помощь. Князь сказал, что будет исполнять при Распутине роль его поверенного в делах. Вырубова устроила Хвостову аудиенцию в

Александровском дворце. На Александру произвела большое впечатление лесь Хвостова и его преданность самодержавию. «Наконец-то я увидела и услышала настоящего мужчину», — писала она Николаю. Хвостов, в свою очередь, нашел ее «умной и блистательной».

В Сибири Распутин занялся святыми мощами. Епископ Варнава был недоволен тем положением, которого для него добился старец. Теперь он хотел стать митрополитом, а этому могло способствовать какое-либо из ряда вон выходящее событие в его епархии. Два столетия назад Петр Великий насильственно отправил в Тобольск священника Иоанна Максимовича, чтобы тот крестил жителей Сибири. Останки священника хранились в склепе местной церкви, и Варнава решил канонизировать своего предшественника. Он послал императору множество прошений, чтобы причислить Иоанна Максимовича к лику святых. Однако при проверке оказалось, что большая часть стоявших под прошением подписей принадлежала самому Варнаве. Император передал просьбу епископа в Синод, который, зная, что Варнава думает лишь о своей карьере, отказал ему.

Варнава к этому времени предпринял первые шаги и еще год назад открыл гроб с останками священника. Однако он не стал их разворачивать, чтобы воочию убедиться, что Иоанн достоин быть причисленным к лику святых. Синод распорядился, чтобы он не открывал лица священника и его тело. Присутствие Распутина придавало Варнаве решительности, и в августе он снова обратился в Синод. Следуя примеру Распутина, он стал забрасывать императора телеграммами. «Благодарю Вас, Преподобный, за молитвы за меня и моих солдат», — отвечал ему Николай. В телеграмме, адресованной Александре, Варнава писал, что видел на небе крест.

Однако императрица не была уверена, что это добрый знак. Тем не менее, дело было сделано, и императорская чета оказалась вовлечена в планы Варнавы.

27 августа Варнава прославлял Иоанна Максимовича в соборе, вопреки распоряжению Синода. При этом присутствовал и Распутин. На следующий день, предвидя возмущение Синода, они обратились за поддержкой к императору. Распутин послал телеграмму Станкевичу, губернатору Тобольска, который расследовал инцидент на пароходе, когда Распутин был в стельку пьян. «Сердце царя успокоится в руках Господа, перед Святым Иоанном Максимовичем, который «отвечает на молитвы Григория Нового», — говорилось в телеграмме. Варнава телеграфировал в Синод, что, благодаря разрешению Государя воздать почести Святому Иоанну, он, вместе со священнослужителями прихода, славил митрополита Иоанна. «...О чем я смиренно извещаю Ваше Святейшество и жду дальнейших распоряжений. Грешник Варнава».

В зашифрованной телеграмме Станкевича в Синод подтверждалось: «Первое прославление состоялось... Не только народ, но и более просвещенные люди считают это апофеозом». Поддержка императрицы пришла незамедлительно. 29 августа она прислала телеграмму Варнаве: «Пусть будет восславление Святого, которое поможет императору в его тяжком труде. Александра». Прихватив эту телеграмму в качестве охранной грамоты, Варнава и Распутин отправились из Тобольска в Покровское, чтобы там дожидаться гневной реакции Синода. Она последовала незамедлительно. 31 августа из Синода пришла телеграмма, в которой епископу приказывалось немедленно явиться в Петроград для объяснений. Варнава и Распутин тут же составили телеграмму и отправили ее в Ставку Николаю: «Восславляя святого, люди плакали от радости. Преподобный требует епископа к себе немедленно. Мы идем молиться... Господь вместе с нами хранит все право-

славное воинство. Твоя рука — это рай. Епископ Варнава. Григорий Новый».

Неповиновение Варнавы привело в ярость все духовенство и возмутило верующих. «Об этом говорит вся Россия, — писал великий князь Андрей Владимирович. — Священники повсюду проповедают людям такие вещи, которые я не осмеливаюсь повторить и в страшном сне». Над старцем нависла угроза суда. 6 сентября он пошел на прогулку с двумя агентами.

— Знаете, душа скорбит, из-за этого я даже делаюсь глухим, — говорил им старец. — Иногда в моем сердце на пару часов воцаряются мир и покой, а потом опять все плохо.

— А почему так?

— Потому что в этой стране творится неладное, — отвечал старец. — Проклятые газеты пишут обо мне, а я нервничаю. Мне придется защищаться в суде.

Распутин был в дурном настроении, и 9 сентября в Покровском произошла семейная ссора. Ефим Распутин стал ругать сына, а тот вскочил из-за стола, выволок отца во двор, швырнул его на траву и стал бить кулаками.

— Не бей меня, мерзавец! — голосил Ефим.

Вмешались агенты и оттащили Распутина от отца. У старика был сильно подбит глаз. Поднявшись на ноги, он стал еще сильнее бранить сына, припоминая ему связь с Дуней. Старик угрожал, что расскажет всему свету, что его сын годится лишь на то, чтобы лапать Дуню. После этого агентам с огромным трудом удалось удержать Распутина, который снова бросился на отца.

Старец отправил две телеграммы: одну в Царское Село, а вторую — в Ставку. Распутину надоело сидеть в Покровском, и он хотел, чтобы Николай разрешил ему вернуться в Петроград.

Сына Распутина Дмитрия призвали на военную службу. Старец не мог обратиться за помощью к Ни-

колаю или Александре, такие услуги он мог оказывать другим, за солидное вознаграждение. В случае с сыном он боялся поставить под сомнение свой патриотизм. Он сообщил императрице, что его сын идет служить, называя себя «Авраамом, приносящим в жертву Исаака». В действительности у него было достаточно средств, чтобы оставить сына служить за тысячи миль от фронта. 10 сентября он отвез юношу в Тюмень, вместе с ними поехала и жена Распутина. Там они встретились с Патушинской, и та устроила Дмитрия в седьмую роту полка, которым командовал ее муж. Полк был расквартирован в Ялutorовске, далеко от Германского фронта. Они провели ночь в монастыре отца Мартиана. Распутин там остался, а остальные отправились в город.

— Я знаю многих в Тюмени, но у меня нет времени их навещать, — объяснил Распутин одному из агентов, Терехову. Однако Терехов решил, что старец боится, что в городе с ним что-нибудь случится.

Варнава уехал в Петроград и предстал перед Синодом, вызвав скандал. Ему приказали явиться на следующее заседание Синода 10 октября. Он не явился; в квартире, где он остановился, его также не нашли. На следующий день он отправил посыльного, сообщая, что у него тяжело заболела мать, и он должен срочно ехать к ней. Это было ложью. Варнава остался в Петрограде, скрываясь в квартире князя Андронникова. Оттуда он писал истеричные письма императору, называя членов Синода «Бейлисами-кровопийцами», имея в виду сфальсифицированное дело Бейлиса, которого обвиняли в ритуальном убийстве православных младенцев и который насмешливо отзывался о Распутине.

«Для меня это было сущей пыткой, и я не мог ее вынести, — писал Варнава. — Я сказал: «Зачем вы издеваетесь надо мной, ведь я епископ православной церкви». А обер-прокурор сказал, что я дружен с Распутиным, и все епископы стали смеяться. Прости,

великий Государь, но я сказал, что не боюсь твоих предателей. Пока правит великий царь Николай II, он защитит меня и не позволит кровопийцам глумиться надо мной. Я заплакал и ушел... Бедный Святой Иоанн Максимович. Его восславление вызвало удушающую злобу анархистов из Синода, которые его не пощадили. Религиозные чувства народа осквернены мучениями императора и императрицы». После этого письма многие посчитали бы Варнаву ненормальным, но Николаю оно открыло «религиозную душу епископа».

Варнава также послал телеграмму Распутину, прося его о помощи. Старец немедленно откликнулся на его просьбу и 17 сентября отправил из Покровского телеграмму императору: «Иоанн Максимович восславил себя чудесами. Нехорошо, что наши отцы возражают и медлят с канонизацией. Господь благословил твои намерения, твое слово несет мир и добрую волю каждому, а твоя рука, подобно грому и молнии, побеждает всех. Григорий Новый».

Старания Варнавы и Распутина не пропали даром. Синод подготовил критический отчет, касающийся самовольного отсутствия епископа, но Николай изо всех сил защищал Варнаву, заявляя, что пение акафистов в местных церквях разрешается, даже если святой не отвечает всем требованиям, которые предъявляет Синод для пения акафистов по всей России. На полях отчета Николай написал, что Синод должен принять во внимание рвение Варнавы и отнестись к его действиям «снисходительно и с любовью, во имя церкви».

То, что Распутин донимал императора останками 200-летней давности, действуя от лица полуграмотного епископа, показалось бы нелепым в любое время, но заниматься подобными делами, когда Николай принял на себя командование армией, которая ежедневно несла тысячные потери, было просто абсурдом. Готовился новый призыв двух миллионов человек. «Мы уже по-

теряли около 5 миллионов человек (я не преувеличиваю)», — писал в Лондон Роберт Уилсон. Комитет по военным делам в Думе жаловался на нехватку пулеметов, пушек и боеприпасов, на то, что траншеи не отвечали требованиям и «ни храбрость, ни знания, ни воинские заслуги не принимались во внимание при назначении командиров».

Николай прекрасно проводил время в Ставке. «Слава Богу, все закончено. Мне так спокойно — подобное чувство бывает после Святого Причастия», — писал он Александре. Из-за наступления немцев штаб-квартира была снова переведена в Могилев. Город располагался на холмах, на восточном берегу Днепра, почти в 500 милях к югу от Петрограда. Там был красивый собор, губернаторский особняк, в котором в свое время останавливались маршалы Наполеона, четыре конки и обшарпанная гостиница «Бристоль». Повседневная военная рутина успокаивала императора, а о широких масштабах войны он не думал. Его радовало отсутствие политики и политиков. «Я не читаю газет, мой мозг здесь отдыхает — нет ни министров, ни хлопотных вопросов, над которыми нужно думать», — говорил император. Император любил проводить парады и иногда делал это буквально под дулами германских пушек, так как трусом он не был. Он награждал Георгиевскими крестами тысячи солдат, а однажды торжественно пригласил всех присутствующих на официальный ужин.

Николай не знал, что Брусилов, один из его лучших генералов, считал его непригодным для командования войсками «по причине его невежества, неспособности, безволия и слабохарактерности». По мнению Брусилова, те, кто убеждал Николая поехать в Ставку (то есть императрица и старец), «ничуть не лучше преступников». Император не чувствовал своей неуклюжести в общении с людьми, он «не знал, что сказать, куда пойти и что сделать». Он свято верил, что

любим народом. «Доказательство тому — многочисленные телеграммы, которые я получаю со всех концов России. Они написаны в самых трогательных выражениях, — писал он Александре 9 сентября. — Министры, которые постоянно живут в городе, знают очень мало о том, что происходит во всей стране. Здесь я могу правильно судить об истинном настроении народа». По мнению императора, его не любили только в Петрограде и Москве, и он с насмешкой называл эти города «двумя крошечными точками на карте Отечества».

Противник вверил свою судьбу пытливому и беспокойному уму Людендорфа и Гинденбурга. Что касается русского главнокомандующего, то он говорил о себе, «что сердце государя находится в руках Господа». Николай жил в губернаторском особняке и часто любовался видом Днепра из окон своих комнат. Он вставал в 9, принимал краткий отчет начальника штаба генерала Михаила Алексея, а затем изучал расположение флажков на карте. В 3 часа дня он выезжал на «Роллс-Ройсе» на прогулку вдоль берега Днепра. После ужина он играл в домино и смотрел фильмы, мелодрамы и американские детективы. Это была приятная жизнь помещика, в которую иногда врывается эхо войны. Император спал на жесткой походной кровати и говорил себе, что не должен жаловаться, так как «очень многие спят на сырой траве и в грязи».

С ним был царевич Алексей, который спал в той же комнате и носил специально сшитый для него солдатский мундир. «Так уютно спать рядом с ним. Каждый вечер я читаю молитвы вместе с ним... Он читает молитвы очень быстро, и его очень трудно остановить», — писал он Александре. Мальчик спал хорошо, несмотря на яркий свет лампы. Просыпался он рано, садился в кровати и тихо звал отца. «Я сонно ему отвечаю, он снова ложится и лежит до тех пор, пока меня не вызовут». Николай писал, что этот бледный болезненный мальчик «всем нам дает свет и жизнь».

За обедом ребенок болтал с генералами и дипломатами. «Им это приятно, и они улыбаются», — писал Николай. За улыбками они скрывали удивление по поводу присутствия ребенка в Ставке. Из-за этого болезненного мальчика было на две недели отложено наступление гвардии в Буковине, так как в то время он был болен и непременно хотел устроить гвардейцам смотр перед наступлением. Николай гордился поведением своего 11-летнего сына. «Я никогда не забуду этот смотр, — писал он Александре, — погода была отличной и общее впечатление потрясающее». Императрица тоже гордилась сыном. «Умы людей очистятся, и они сохраняют в своем сердце твой образ и образ твоего сына».

Все это было мило и трогательно, но не имело никакого отношения к войне. Вмешательство Александры также нельзя было назвать управлением государством. Она постоянно жаловалась, что не может получить от мужа немедленного ответа. «Почему бы нам не провести телефон из твоей комнаты в мою? — писала она. — Это было бы замечательно, тогда бы ты мог сообщать мне добрые вести или обсуждать какие-либо новости. Мы бы тебя не мучили, так как я знаю, что ты не любишь разговаривать, но это был бы наш частный разговор, и мы могли бы общаться, не беспокоясь о том, что кто-то нас слушает». С наступлением осени Александра обрушилась на ненавистных «парламентариев», намекая на то, что Гучкова нужно убить. «Железнодорожная катастрофа, в которой пострадает он один, стала бы для него карой Божьей», — писала она. «Покажи свои кулаки... Будь хозяином; ты самодержец, и они не должны об этом забывать. А если они это сделают, как сейчас, горе им».

Александра говорила, что у нее повсюду враги, и предупреждала, что Николаша и его «клика» на Кавказе «постараются продолжить беспорядки». Она также напоминала мужу о необходимости вспоминать их Друга. 15 сентября она послала ему фотографию Рас-

путина и одну из его расчесок. «Держи фотографию в руках и несколько раз расчеши волосы этой расческой, прежде чем идти на заседание министров, — писала императрица, — он причесывался этой расческой и посылает ее тебе как благословение».

Распутин жаловался одному из агентов, что хочет вернуться в Петроград, но Вырубовой не разрешают его пригласить. 19 сентября он получил анонимное письмо, которое его сильно напугало. Тот, кто его написал, знал, что старец поддерживает связь с императором в Могилеве. «Григорий, твоя отчизна погибает, они хотят заключить позорный мир, — говорилось в письме. — Если ты получаешь зашифрованные телеграммы из Ставки, значит, ты имеешь огромное влияние. Поэтому мы просим тебя заставить министров ответить перед народом, чтобы заседание Думы, которое состоится 23 сентября, могло спасти нашу родину. Если ты этого не сделаешь, мы тебя уьем без всякой жалости и не станем медлить, как это сделала Гусева. Мы найдем тебя, где бы ты ни находился. Нам выпал жребий убить тебя, а нас десять человек». Под письмом не было подписи.

Его призывы к Вырубовой наконец-то возымели свое действие, и 24 сентября старец покинул Покровское и отправился в Петроград. Там его ждала Елена Джанумова, которая хотела узнать, можно ли вызволить из ссылки ее мать. Все лето Распутин слал Елене телеграммы, в которых умолял ее приехать в Петроград. «Принеси радость со светом любви, и я буду с этим жить», — писал Распутин. Послания Распутина, как правило, были бессмысленными, но подруга Елены, Мария Аркадьевна, уверяла ее, что они имели смысл только для почитателей старца, которые хранили их в дорогих шкатулках, считая, что «чем непонятнее их содержание, тем лучше».

Джанумова жила в гостинице «Северная». Как-то

раз зазвонил телефон, и она услышала знакомый оку-
ющий голос.

— Это ты, Франтик? Ты в Питере и не навестила
меня? Что так? Приезжай немедленно.

Господин Ч., с которым Джанумова подружилась в
гостинице, предложил отвезти ее на своей машине, так
как ему очень хотелось взглянуть на «всемогущего
старца». Такую кличку получил Распутин. Елена по-
просила его подождать в машине, а сама поднялась
наверх, чтобы спросить у старца, примет ли он ее
друга. При одном упоминании о друге Распутин при-
шел в страшную ярость.

— Ты приехала из Москвы с мужчиной! — кричал
старец с расширившимися от гнева зрачками. — Вот
здорово! Приехала ко мне с прошением и притащила
за собой мужчину! Что, не могла с ним расстаться? Так
вот ты какая. Ничего я для тебя не стану делать. У
меня достаточно женщин, которые меня любят и для
которых я желанный. Уходи прочь.

Распутин подбежал к телефону и заговорил дрожа-
щим голосом:

— Душенька, милая, ты сейчас свободна? Я к тебе
еду. Ты рада? Хорошо, жди меня, я скоро буду, — он
повесил трубку и, посмотрев на Елену, самодовольно
ухмыльнулся. — В Питере женщины лучше, чем в
Москве.

Джанумова выбежала из квартиры Распутина вся в
слезах, поклявшись в душе никогда больше не встре-
чаться с «грубым мужиком».

Однако на следующий день она вернулась вместе
с Ч., так как старец позвонил ей и извинился, а его
голос звучал кротко и ласково. Он попросил Ч. выйти
из машины.

— Дайте мне взглянуть на него, — сказал он. —
Искра, из-за которой загорелся лес.

Он поцеловал Ч., когда тот поднимался по лестни-
це, и пригласил его к завтраку. Затем он отвел в сторону

прислугу Елены и стал сетовать, что Елена окружена «ястребами». Так он называл мужчин. «Я хочу ей помочь, но пусть она будет со мной, а не с ними».

Это было бравурное представление.

— Боже мой, сударыня, было так интересно, — рассказывала прислуга Елене. — Он говорил так грустно, а из глаз у него текли слезы. Я спросила, чем он расстроен, а он ответил: «Жалко, моя милая, так жалко» — и ударил себя кулаком в грудь. Мне его тоже стало жалко, очень жалко, сударыня.

Елене Распутин казался таким примитивным и недоступным для понимания цивилизованного человека. На него даже нельзя было обидеться. Он попросил ее снова приехать в воскресенье.

Распутин принимал своих почитательниц в столовой, где Елена встретила почти весь его гарем. В комнате было жарко, а в воздухе стоял запах дорогих духов. Все присутствовавшие дамы были одеты в шелка, тонкое дорогое сукно и соболя. На них было множество украшений с бриллиантами, которые выглядели странно рядом с белым платком находившейся здесь же сестры милосердия и потрепанной одеждой какой-то пожилой женщины. Сестрой милосердия была Акулина Лаптинская, а пожилую женщину звали А. Г. Гущина. Она была одинока, и Распутин относился к ней с неподдельной добротой.

— Это моя самая любимая женщина из Москвы — Франтик, — сказал старец и усадил Джанумову рядом с Акулиной Никитишной, которую все называли Килиной. Хорошенькая и разбитная Килина была дочерью коменданта Петропавловской крепости.

Стали разливать чай. Елена хотела насыпать себе сахара, но Килина взяла ее стакан и обратилась к Распутину:

— Благословите, Отче, — затем она объяснила Елене: — Когда Отец кладет сахар своей рукой, это Божье благословение, — все стали протягивать старцу свои

стаканы. В этот момент в комнату вошла Дуня, которую Елена приняла за пожилую служанку и решила, что она дальняя родственница Распутина. Дамы сказали, что Дуня может отдохнуть, а всю работу они сделают сами.

По словам Елены, «какая-то потрясающая брюнетка, баронесса, стала собирать посуду. Возможно, это была Вера Кусова, жена офицера, которая хотела обеспечить карьеру своему мужу. Еще одна дама в фиолетовом бархатном платье и собольем палантине мыла посуду. Пухлая молодая блондинка вскочила из-за стола и побежала открывать дверь, когда зазвонил звонок. Это была Маня Головина. Ее мать, дама важного вида, также находилась в комнате. Маня заменяла прислугу в прихожей, принимая от гостей шубы и помогая им снять галоши.

— Самовар закипел, — обратилась к ней Дуня. — Нужно добавить воды и угля. — Маня схватила самовар и понесла его в кухню. Тучная дама в жемчужно-сером платье отправилась вслед за ней. Возможно, это была Л. В. Миллер, жена богатого коммерсанта. Агенты описывали ее как «пожилую кривобокую женщину, которая все еще считала себя привлекательной».

Килина запела «По диким степям Забайкалья», а остальные стали ей подпевать. Затем все запели псалмы. Килина пела сопрано, а Распутин вторил ей басом. Потом кто-то позвонил в дверь. Это посыльный принес корзину роз и дюжину вышитых шелковых рубашек, подарок какой-то дамы. Пение на некоторое время прекратилось, и старец прочел небольшую проповедь.

— Каждый должен смирать гордыню, — наставлял Распутин. — Нужно быть проще, неприятнее, ближе к Господу. Все ваши хитрости ни к чему. А вы такие хитрые и коварные, мои милые. Я знаю вас всех. Я читаю в ваших душах. Вы слишком хитрые и коварные.

Затем старец снова запел и пустился плясать «Русскую». В этот момент в комнату вошла женщина в

белом льняном платье необычного монашеского покроя. На голове у нее был белый капюшон, почти закрывавший глаза. Кто-то шепнул Елене, что это Ольга Лохтина.

— У Отца все должны вести себя, как в церкви, чинно и благородно, — резко сказала она.

— Оставь их в покое, — ответил Распутин. — Пусть веселятся.

Гости начали расходиться, целуя Распутину руку при прощании, а он обнимал их и целовал в губы.

— Хлебные корки, Отче, корки, — просили дамы. Старец стал раздавать им остатки черствого хлеба, который они заворачивали в надушенные носовые платки. Пошептавшись с несколькими дамами, Дуня вернулась с двумя пакетами, завернутыми в газету. В пакетах было грязное белье Распутина, которое дамы стали разбирать.

— Чем грязнее, тем лучше, — говорили они. — Оно должно быть пропитано потом.

Маня Головина помогала гостям одевать галоши.

— Отец учит нас быть кроткими и покорными, — запротестовала одна из дам и стала одевать галоши сама.

На лестнице Елена спросила о Лохтиной.

— Она жена генерала и бывшая почитательница Илиодора, — сказали Елене. — Теперь она боготворит Отца как святого и ведет отшельническую жизнь. Она спит на досках и кладет под голову полено. Родственники Лохтиной умоляли Отца прислать ей свою подушку, чтобы она себя так не истязала. На подушке старца она спать согласилась. Святая женщина.

Выйдя на темную улицу, Елена подумала про себя, что все увиденное ею напоминает дом для умалишенных.

И все же на следующий день она снова пришла к Распутину, делая последнюю попытку спасти мать из ссылки. В тот вечер в столовой у старца была княгиня

Шаховская, черноволосая красавица, одетая в форму сестры милосердия. Ей было 26 лет, а ее мужа, князя В. Шаховского, старец рекомендовал на должность министра торговли. Княгиня в течение четырех лет сопровождала Распутина и была с ним в любовной связи, о чем было известно полиции. «Он называет ее «голубушка», а она целует ему руки и ноги», — докладывали агенты. Об этом же писали столичные сатирики. Князь, знавший, что его карьера зависит от старца, не обращал внимания ни на саму связь, ни на стишки.

Распутин ел рыбу, а княгиня очищала от кожуры картофель. Елена никогда не видела таких длинных аристократических пальцев с перламутровыми ногтями. Старец небрежно брал картофель, не глядя на княгиню, а она целовала его пальцы, перепачканные рыбой. Распутин принес Елене свою книгу о паломничестве в землю обетованную. В книге была его фотография, сделанная в больнице после покушения Гусевой. На титульном листе старец написал: «Моей простушке Франтику на память, Григорий».

Княгиня попросила старца пройти с ней в кабинет и дать ей конфиденциальный совет. Распутин неохотно уступил ее просьбе. Через несколько минут они вернулись. Старец был чем-то разгневан, а из глаз княгини катились слезы. Она молча поцеловала Распутина руку и удалилась. Елена спросила у Распутина, почему он так суров с этой женщиной.

— Когда-то я ее очень любил, но больше не люблю, — ответил старец. Тогда Елена спросила, может ли он сделать кого-либо министром. — А почему бы и нет? Что тут трудного? — сказал Распутин и пригласил Елену в свой кабинет, чтобы поговорить о деле ее матери. — Я все для тебя сделаю, душенька, но и ты должна меня радовать и слушаться. Обещание есть обещание. Если ты все будешь делать по-моему, твое дело будет решено. Если же нет, то я ничего не стану предпринимать.

Елена ответила, что должна вернуться в Москву.

— Хорошо, тогда и твое дело подождет. Ты вернешься и будешь со мной, вот тогда мы все и сделаем. — Глаза старца горели, и Елена почувствовала, что на нее словно одели оковы, и она не может встать с места. Ее спасла прислуга, которая крикнула за дверью:

— Звонят из Царского Села.

Елена вышла из квартиры старца и сразу же отправилась на вокзал. В тот вечер агенты видели, как Распутин привел к себе незнакомую женщину, которая ушла только на рассвете.

Старец был осторожен и заботился о том, чтобы у императрицы сложилось иное мнение о том, как он проводит ночи. Он внушил ей, что бодрствует по ночам, предугадывая судьбу России. Александра аккуратно доводила до сведения императора все предсказания старца. 10 октября она писала, что старец предсказал продовольственный кризис и думает о путях его разрешения. «Он говорит, что ты должен отдать приказ, что должны пропускать только составы с мукой, маслом и сахаром. Остальные поезда не пропускать в течение трех дней. Ему ночью было видение».

Движение пассажирских поездов было приостановлено, что привело к такому хаосу, справиться с которым удалось только через шесть дней. Действительно, с поставками продовольствия дело обстояло из рук вон плохо. Крестьяне прятали зерно, так как не видели смысла его продавать. Плуги, лошадиная сбруя, одежда и другие вещи, купленные ими до войны, больше не производились, так как все фабрики и заводы работали на фронт и военные поставки. Большая часть товарных поездов обслуживала армию. Локомотивов не хватало, поскольку их производили и ремонтировали в Варшаве, которая теперь была в руках у немцев. Министр путей сообщения был черносотенцем и уволил всех, кто не разделял его политических взглядов.

Наблюдался огромный рост инфляции. К августу 1915 года стоимость потребительской корзины возросла на 150% по сравнению с довоенным уровнем. Бедные голодали. Чутье не обмануло Распутина, но в его видениях не были учтены подготовительные работы. На станции не было доставлено продовольствие, и товарные поезда ехали быстро, но порожняком. Министр, пришедший в ужас от неорганизованности на железной дороге, отправился лечиться на воды на Кавказ.

Нимало не смущаясь, Александра продолжала забрасывать императора советами старца, которые часто преследовали личные мстительные цели. Императрица писала, что старец очень огорчен пребыванием Трепова на посту министра транспорта. «Он говорит, что Трепов против него», — писала императрица. Старец также критиковал план гербового сбора, предложенный министром финансов. Причина была та же. Кроме этого, Распутин рекомендовал убрать Горемыкина с поста премьер-министра. Он говорил, что императору нужно подождать, пока он не определит, подходит ли на роль премьера министр юстиции Хвостов. Хвостов не подошел. Александра писала, что когда Хвостов встретился со старцем, то «отнесся к нему как к просителю». После полуторачасового разговора Распутин порекомендовал императору не принимать решения по назначению нового премьер-министра, так как на то была воля Божья.

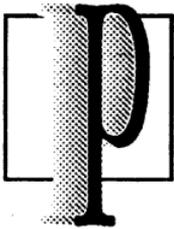
Несмотря на то, что Распутин выступал против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы из-за них проливали кровь, у него бывали видения, имеющие отношение к военной стратегии. Он требовал начать наступление около Риги. «...Он говорит, что это необходимо, умоляет тебя и говорит, что мы можем и должны это сделать», — писала Александра. Старец рассказывал императрице, что видел, как русские войска входят в Константинополь. Что касается политических вопросов, то Распутин предложил императору

нанести неожиданный визит в Думу. Императрица убедила Николая, что это не будет поблажкой по отношению к парламентариям. «Он ненавидит их так же, как и я», — писала она. Распутин был достаточно хитер и проницателен, чтобы понять, что с Думой нужно поддерживать какую-то связь. Он называл членов Думы «собаками, которые собрались для того, чтобы заставить других собак вести себя смирно». В намеченное время император посетил Думу.

Александра говорила, что иногда Распутин был так занят своими мыслями, что «не мог их все вспомнить... Но он говорит, мы должны всегда делать то, что он сказал».

Глава двадцатая ИДЕАЛИСТЫ

Распутину удалось избежать суда за пьяную выходку на пароходе, хотя Белецкий и Хвостов требовали от него объяснений. «Он утверждал, что не был пьян, не приставал к женщинам и другим пассажирам, и что это они спровоцировали скандал, — свидетельствовал впоследствии Белецкий. — Он говорил, что капитан принял сторону пассажиров из-за принципа, так как был либералом и знал, что перед ним Распутин. Под влиянием капитана официант подал официальную жалобу, однако полиция не захотела об этом доложить». Старец утверждал, что присоединился к солдатам, так как они проливали кровь за отечество, а он захотел их развлечь, руководствуясь патриотическими чувствами.

Эта выдумка не отличалась оригинальностью, но во дворце в нее поверили. Сам Белецкий, разумеется, не поверил ни единому слову из рассказней Распутина. Он побеседовал с отцом Мартианом, и тот подтвердил, что Распутин был сильно пьян и приставал к пассажирам, что и вызвало их раздраже-

ние. Распутин и Вырубова шумно требовали отставки Станкевича, губернатора Тобольска, за то, что тот хотел возбудить против старца дело. Белецкий настаивал, чтобы Станкевича перевели в другую, более важную губернию. Распутин согласился, при условии, что губернатора Тобольска назовет он сам, так как ему нужен «свой человек».

Все случившееся не испугало старца и не заставило вести себя более осмотрительно. 14 октября он явился на Гороховую улицу в час ночи, в стельку пьяный, и стал громко обвинять консьержку в том, что та получила взятку в 25 рублей от какого-то министра.

— Он хотел меня уничтожить, — кричал Распутин, — но вместо этого сам себе вырыл яму.

3 ноября Распутина посетила жена раненого знаменосца, который лежал в военном госпитале в Петрограде. Она хотела, чтобы муж после выздоровления не возвращался на фронт, и обратилась за помощью к старцу. Покидая его квартиру, она рассказала консьержке, как ее встретил Распутин.

— Горничная проводила меня в комнату, — рассказывала она, — и я впервые увидела старца. Он сказал: «Раздевайся и иди сюда». Я разделась и пошла за ним в комнату. Едва выслушав мою просьбу, он стал гладить меня по лицу и по груди, а потом сказал: «Поцелуй меня. Ты мне нравишься». Потом он нацарапал для меня какую-то записку и снова стал ко мне приставать, говоря, что иначе не отдаст мне записку. Затем он сказал: «Ты меня рассердила. Приходи завтра».

Агент Терехов спросил женщину, собирается ли она возвратиться сюда завтра.

— Нет, прийти сюда — это значит заплатить ему так, как он того хочет, — ответила она, — а я этого сделать не могу и потому не приду.

Хвостов прекрасно понимал, что может рассчитывать на благосклонность императорской четы только в том случае, если не допустит появления подобных

историй на страницах газет. «Министр внутренних дел сделал все, чтобы очаровать и обезоружить своих врагов, — писал Роберт Уилсон в частном письме в Лондон. — Он стал своим человеком для многих представителей российской прессы и наносил визиты всем редакторам».

Он намеревался заткнуть им рот, выпустив акции средств массовой информации на биржу. Акции предполагалось предложить публике, но тайные агенты охраны, имевшие в своем распоряжении специальные фонды, должны были получить контрольный пакет. В результате такой кампании были бы скуплены газеты, типографии, газетные киоски, рекламные агентства, кинотеатры и даже телефонные компании. В этом случае новые владельцы нигде не стали бы упоминать имя Распутина. План Хвостова провалился, так как был слишком сложным. Тот факт, что, помимо этого, план был также незаконным, для министра внутренних дел значения не имел. По словам Витте, Хвостов «мог бы получить награду за подлость, будучи человеком, для которого закон попросту не существовал».

Чтобы имя старца не мелькало на страницах прессы, можно было убрать его из столицы. Хвостов и Белецкий разработали предполагаемый маршрут путешествия по провинциальным монастырям. С этой целью они обеспечили большой запас мадеры и подобрали нескольких священников, которые бы сопровождали старца. Однако священники потребовали за удовольствие сопровождать Распутина столько повышений по службе и привилегий, что Белецкому пришлось отказаться и от этой идеи. Кроме того, Распутин и сам не захотел отправиться в путешествие.

Распутину требовался «опекун», и Белецкий нашел такового в лице генерала жандармерии М. С. Комиссарова — идеального шпиона-охранника. Карьера генерала потерпела крах после того, как он открыто подстрекал к погромам в 1906 году. Однако его грех

заклучался не в ненависти к евреям, а в отсутствии рассудительности и воспитанности. С тех пор, как он впоследствии свидетельствовал сам, министерство иностранных дел использовало его для различных видов шпионажа и других грязных дел. Например, он крал и расшифровывал корреспонденцию из иностранных посольств. Комиссаров хвастливо заявлял, что в министерстве внутренних дел знали о любом событии во внешней политике раньше, чем в министерстве иностранных дел.

Белецкий предоставил в его распоряжение отделение агентов охраны и кратко его проинструктировал. Генерал должен был позаботиться о том, чтобы Распутин не ввязывался в публичные скандалы. В случае неудачи следовало подкупить свидетелей. В обязанности Комиссарова также входило удерживать старца от незапланированных прогулок и поездок из-за опасности покушения. Каждое утро, перед тем как Распутин звонил по телефону Вырубовой, генерал должен был передавать ему во всех подробностях просьбы об одолжениях, исходившие от Белецкого и Хвостова, старец же, в свою очередь, должен был изложить их императрице. В благодарность за это в министерстве внутренних дел предполагалось удовлетворять все прошения и ходатайства старца. И наконец, генерал должен был сохранить Распутина живым и собирать любые сведения, с помощью которых можно было усилить влияние на старца.

Люди Комиссарова состояли на службе наружного наблюдения охраны. В тайной полиции имелось два агентства по наблюдению за революционерами. Внутренняя служба пользовалась услугами осведомителей, которых Васильев называл «тайными сотрудниками или помощниками, завербованными из рядов противника». Помимо рабочих, проституток и студентов, среди них имелись «уважаемые партийные лидеры и даже члены

Думы». Осведомители шли на сотрудничество из страха, жадности или злобы. Некоторые из них соглашались на сотрудничество сразу же после ареста, а с другими тайной полицией приходилось повозиться, «используя самые веские аргументы». Некоторые соглашались на сотрудничество добровольно. Обычно этих людей чем-то обидели или предали товарищи, однако были и такие, которые открыто заявляли, что делают это ради денег. Генерал Комиссаров говорил, что он разработал для внутренней службы такую систему надзора за Распутиным, «которая давала возможность проникнуть до самого алькова императрицы». Надзор за императрицей не входил в сферу компетенции тайной полиции. Чтобы оправдать свою неделикатность, Комиссаров говорил: «Я не мог оставаться в стороне, когда на политическом и придворном горизонте появилась такая таинственная козырная карта, как Распутин. Его нужно было разоблачить. Внутренняя служба столкнулась с самыми невероятными предположениями относительно цинизма и разврата». Однако Комиссаров не представил конкретных фактов.

Настоящую работу выполняли агенты наружной службы. Все они были вооружены, и в их обязанности входило обеспечивать безопасность Распутина на улице и немедленно докладывать о любых признаках заговора с целью покушения. На практике они обращались с ним точно так же, как с террористами. Агенты неотступно следовали за старцем, следя за каждым его шагом, а также за всеми его связями. Эти агенты представляли элиту наружной службы, и по всей России их насчитывалось всего лишь тысяча, из них сто работало в Петрограде. Шесть таких агентов ежедневно выделялись для наблюдения за Распутиным, что свидетельствует об особом интересе Охранного отделения к этому человеку. Агенты наружной службы были настоящими профессионалами, подготовленными в специальной школе, которой руководил Евстратий

Медников, начальник московской охраны. Он предпочитал вербовать бывших армейских младших чинов. Они обладали необходимой дисциплиной и мужеством для работы, требующей оперативности и смекалки. Васильев писал, что агенты должны быть «политически и морально надежными, честными, трезвыми, отважными, ловкими, терпеливыми, благоразумными, послушными, а также иметь отменное здоровье». Представителям национальных меньшинств с потенциально революционными наклонностями путь в агенты был закрыт. «Лица польского или еврейского происхождения, как правило, не допускались ни до какой работы в наружной службе», — писал Васильев.

Васильев описывал их обязанности следующим образом: «Следить за подозрительными лицами на улицах, в театрах, гостиницах, поездах и других общественных местах, а так же раскрывать всевозможные подробности, касающиеся образа жизни таких людей и тех, кто их посещает». Агенты должны были знать город, в котором они работали, в особенности обращая внимание на питейные заведения и дома с несколькими выходами. Именно таким и был дом №64 по Гороховой улице. Агенты передевались носильщиками, разносчиками газет, солдатами, извозчиками и так далее. Они были обязаны знать стоянки такси, стоимость проезда на извозчике и в автомобиле, расписание поездов и форменные знаки различия мундиров полков. В период обучения агент должен был ежедневно сдавать отчет, свидетельствующий о том, что он усвоил все эти премудрости. Его политическая благонадежность проверялась другими агентами, которые входили к нему в доверие и делали провокационные замечания и предложения. Такой человек целиком и полностью принадлежал службе. Хотя некоторые из них были женаты, это всегда рассматривалось как весьма неблагоприятное обстоятельство, особенно, если агент проявлял чрезмерную привязанность к семье.

Агенты, наблюдавшие за Распутиным, проявляли лишь профессиональный интерес к бесконечной веренице женщин, посещавших его квартиру. Они разговаривали с проститутками и прислугой, а знатные дамы записывались только под одним именем, а также указывалась продолжительность их визитов. В донесениях и разговорах Распутин упоминался только под кличкой. Агенты получали инструкцию давать своему объекту наблюдения кличку, основанную на какой-либо характерной особенности его внешности. Из-за длинных черных волос Распутину дали кличку «Черный». Наружная служба имела свой собственный склад с одеждой и обмундированием, а также большой парк различных средств передвижения. Агенты умели управлять конными повозками как профессиональные извозчики и перенимали их привычки и особенности речи. Почти во всех ежедневных отчетах о Распутине упоминались его поездки на дрожках, где извозчиками были либо агенты, либо осведомители. На всех железнодорожных станциях наружная служба имела на депозите деньги, чтобы при необходимости агент охраны мог немедленно отправиться в путь. Когда Распутин выезжал в Москву или Тюмень, его обязательно сопровождал агент.

На Гороховой улице всегда дежурили четыре агента: три у парадного входа и один у ворот. Так как особых занятий у агентов не было, они постоянно играли в карты. Их прекрасно знал как сам объект наблюдения, так и все соседи. В зависимости от настроения, Распутин и его сосед Нейштейн либо добродушно подшучивали над ними, либо откровенно издевались. Старец прекрасно понимал, что о его поведении за пределами квартиры следят и могут доложить во дворец. Васильев говорил, что он очень нервничал, когда Вырубова вызывала его в Царское Село. Это же подтверждали и агенты. Начальник полиции считал, что такая нервозность Распутина объясняется боязнью, что слухи о его разгульной жизни дойдут до дворца.

И все же маловероятно, чтобы старец в полной мере понимал, какой строгий надзор за ним ведется. Люди Васильева были мастерами своего дела и знали, как остаться незамеченными для наблюдаемого. Все письма и телеграммы, приходившие на адрес Распутина, перехватывались. На почте и телеграфе имелись списки людей, корреспонденция которых интересовала полицию. У охраны имелись так называемые «черные комнаты», где конверты вскрывались с помощью пара, а содержащиеся в них письма фотографировались и лишь потом возвращались на почту. Васильев с гордостью говорил, что его агенты имели «такое чутье, что иногда открывали письма людей, не значившихся в списках, и находили там то, что искали».

Распутин заставил замолчать досужих священнослужителей Сибири, когда Варнава был назначен епископом Тобольска. Смерть митрополита Киевского стала для него прекрасной возможностью оказать покровительство еще одному представителю духовенства и перевести его в Петроград. Для начала старец добился перевода митрополита Петроградского в Киев, а 12 ноября Александра заявила императору, что освободившуюся вакансию в Петрограде следует занять епископу Грузинскому Питириму, как «единственному подходящему кандидату». Питирим был таким же грубым и вульгарным, как и Варнава, а кроме того, он подозревался в гомосексуализме и воровстве. Будучи епископом Тульским, а затем и Курским, он возложил административные дела епархии на дьякона Митрофания, с которым «состоял в связи, осуждаемой как церковью, так и законом». Эти двое украли и продали столовое серебро и другие ценности из епископского дворца и ризницы. Впоследствии Саблер свидетельствовал, что за свою долю Митрофаний купил имение стоимостью десять тысяч рублей. Питирим оказывал покровительство Подгорным, подозреваемым в при-

надлежности к секте хлыстов и являющимся последователями Стефана Подгорного, организовавшего секты в Курске и Харькове. Питирим приобрел среди этих людей такую популярность, что они утверждали, будто видели нимб вокруг его головы, и считали его чуть ли не святым. Из-за разразившегося скандала Питирима перевели в другую епархию, где он сошелся с молодым священником по фамилии Осипенко. С Распутиным Питирим познакомился до войны и проявил должное подобострастие и услужливость.

Вот этого человека Распутин и намеревался сделать самой влиятельной фигурой в Русской Православной церкви. Новый управляющий делами Синода Волжин, сменивший на этом посту Самарина, предупредил императора, что это вызовет возмущение церкви. Имени Питирима не было в списках кандидатов, предложенных Священным Синодом. Однако Николай своей рукой вычеркнул имя епископа Рижского и вписал имя Питирима. Волжин ушел в отставку, а его место занял Раев, еще один ставленник Распутина, который, по словам Симановича, был «ничего из себя не представляющим комичным стариком в парике».

Потребовалось совсем мало времени, чтобы новоиспеченный митрополит приступил к делу. Приехав в Петроград, Питирим посетил известного взяточника, занимавшегося темными делами, Ивана Манасевича-Мануйлова. Они говорили об одном общем знакомом, заурядном провинциальном губернаторе Штюмере, обсуждая его кандидатуру на пост очередного премьер-министра. Питирим также добился реабилитации близкого приятеля Распутина и Вырубовой, Исидора Коколова, епископа, лишённого епархии и отправленного в монастырь простым монахом за гомосексуальные наклонности. С помощью Раева Коколов стал отцом-настоятелем Тобольского монастыря, совсем близко от епископа Варнавы, разделявшего его наклонности. «Секретарь» Питирима Осипенко оказался достаточно

уступчивым, и очень скоро Белецкий понял, что его можно легко подкупить тремястами рублей, взятыми из секретных фондов полиции.

На фронте русские пытались задержать немцев западнее Риги. Корреспондент «Таймс» Роберт Уилсон видел последствия контрнаступления. Сражение состоялось на замерзшем болоте. В тех местах, где располагалась русская пехота, стояли покрытые льдом лужи, вокруг которых зияли шестиметровые воронки, оставленные 11-дюймовыми немецкими снарядами. Ротами командовали младшие офицеры, закончившие летом военные училища, а командирами батальонов были капитаны. Уилсон писал, что потери русских были так велики, что «ничего страшнее нельзя и представить». 139-й полк шел в бой, имея численность 2400 человек. В живых осталось лишь 225, да и те имели страшные обморожения. Молодым солдатам, призванным в августе, приходилось очень тяжело. Не было теплой одежды и не хватало соломы, поэтому приходилось спать в траншеях на голой земле.

Вопрос с поставками на фронт уже не стоял так остро, так как набирало силу промышленное производство. Однако, по словам Уилсона, основная проблема заключалась в упадке морального духа, а в этом смысле в Петрограде дела обстояли даже хуже, чем на фронте. «Политики погрязли в болоте реакции». Никто не мог понять, зачем понадобилось вытаскивать на свет Божий престарелого Горемыкина, которого министр иностранных дел Сазонов называл «пережитком средневековья, не способным понять современную ситуацию». «Все решения принимаются императрицей и Распутиным... давление цензуры становится все сильнее, создается впечатление, что каждый министр создает собственные законы. Увы, хуже некуда!»

К этому времени Распутин, по словам Симановича, создал «собственный совет министров... более прак-

тичный и действенный, чем императорский». Он состоял исключительно из женщин. Старая госпожа Головина исполняла роль премьеры, поддерживая Распутина с помощью своего имени и положения в обществе. Ее дочь Маня была посредницей между старцем и высшим духовенством. Вырубова помогала назначать новых министров. Придворная дама Никитина была в хороших отношениях с премьер-министром, а хорошенькая Лили фон Ден обеспечивала связи во дворце, где она была фрейлиной. Она никогда не разговаривала с Распутиным, когда тот находился во дворце, но они часто встречались на квартире у Кушиной, одной из любовниц старца, которая устраивала для него «веселые интимные вечеринки». Акулина Лаптинская состояла при Распутине осведомительницей, сообщая ему последние сплетни и слухи. В тайне от старца она за определенную плату поставляла информацию о нем его недругам.

Для назначения министров сначала нужно было подыскать подходящие кандидатуры, а это было делом нелегким, так как сведения Распутина о государственных чиновниках были достаточно скудными и ограничивались его лютой ненавистью по отношению к ним. «Поэтому он постоянно обращался ко мне с просьбой назвать подходящую кандидатуру на пост того или иного министра», — говорил Симанович. Сложная задача. Отставки следовали за назначениями так быстро, что «многие из кандидатов, зная ненадежный характер императора, отклоняли наши предложения. Принимать решения приходилось быстро, так как император «часто звонил Распутину, требуя немедленно назвать кандидата на должность министра». Распутин просил государя не вешать трубку и обращался к Симановичу со словами: «Нам нужен министр». Все, кто присутствовал в этот момент в квартире, давали свои предложения, пока император ждал на другом конце провода. Однажды, когда император позвонил в очередной раз,

Распутин обратился к присутствовавшим со словами: «Нам нужен генерал». Сын Симановича Семен предложил Волконского, который был не генералом, а думским чиновником. Распутин назвал государю его имя, и Волконский, к своему удивлению, стал заместителем министра внутренних дел. Руководящая роль Раева в Синоде ограничивалась председательством в так называемом «Научно-коммерческом учреждении», которое, несмотря на такое громкое название, в действительности было одним из игорных клубов Симановича.

Если с выбором кандидата в министры возникали осложнения, Распутин обращался к Манасевич-Мануйлову, журналисту, бравшему у него интервью в 1912 году после скандала с Илиодором. Это был маленький человек, с суровым взглядом пронизательных глаз и высоко поднятой головой, всегда элегантный, в безукоризненно сшитом костюме. Несмотря на то, что Распутин часто с ним встречался, особой близости между ними не было, так как, несмотря на улыбчивость, Манасевич-Мануйлов всегда держал людей на расстоянии. Для этого у него имелись веские причины, так как, по словам хорошо его знавшего французского посла, под маской элегантности скрывался «провокаатор, шпион, шулер, мошенник, пройдоха и негодяй».

Мануйлов был сыном провинциального еврейского коммерсанта. В различные периоды своей жизни он исповедовал иудаизм, лютеранство и православие. Своим продвижением он был обязан покровительству князя Мещерского. Познакомившись с Мануйловым, князь отвел этого провинциального паренька к лучшим портным, а также в тайную полицию. Искусству шпионажа и доносов он обучился очень быстро и принял должность в парижском отделении охраны, после того как генерала Раховского отправили в отставку за то, что он критиковал доктора Филиппа. Мануйлов продавал секреты разведывательной службы революционерам, воруя документы из сейфа с помощью дубликата

ключа, а революционеров продавал тайной полиции. В 1904 году он сфотографировал японский шифр в японской дипломатической миссии в Гааге и был награжден орденом Св. Владимира. Вернувшись в 1905 году в Россию, он получил 30 тысяч рублей от министерства промышленности, которые предназначались для открытия рабочих библиотек, закрывшихся во время беспорядков. Из этой суммы он присвоил почти все, оставив только 7 тысяч рублей. Столыпин выгнал его с государственной службы. О себе этот авантюрист говорил так: «Я человек порочный, люблю деньги и жизнь». Война его вполне устраивала. Он прилачился вымогать деньги у банков, а также у людей, которые не хотели идти на воинскую службу. Сначала Мануйлов им помогал, а затем начинал шантажировать.

Мануйлов как нельзя лучше подходил для распутинской системы назначения министров. Он регулярно обедал с Распутиным, Манусом и Белецким и посещал салон князя Андронникова. «Разумеется, он предлагал своих людей», — говорил Симанович, однако ни он сам, ни Распутин против этого не возражали. Ничего не поделаешь: бизнес есть бизнес. Кандидатов у Мануйлова было достаточно, и император оставался довольным. Симанович утверждал, что каждому вновь назначенному министру Николай говорил, что «Распутин является посланником Господа... Никогда в жизни ни к кому я не испытывал такой любви и доверия, как к Распутину». В записках, нацарапанных рукой старца и адресованных министрам, часто были слова: «Я скажу любящему». Это означало, что он поговорит о каком-либо деле с императором. «В таких случаях министры рассматривали просьбу старца как приказ императора и писали на записке соответствующую резолюцию», — утверждал Симанович.

Если это и было преувеличением (а существуют доказательства того, что император не всегда разделял

слепое доверие своей супруги к старцу), то в дипломатических корпусах подобные рассказы принимались всерьез. В Петрограде собрались иностранные дипломаты и представители прессы, и никто из них ни минуты не сомневался в огромном влиянии Распутина. Хитрый и проницательный французский посол Морис Палеолог считал крайне важным встретиться со старцем и выведать его взгляды на войну. Для французов и британцев было очень важно удерживать Россию в состоянии войны, так как если бы русские потребовали мира, более сотни немецких дивизий смогли бы отправиться на Западный фронт. Палеолог посылал зловещие отчеты о том, что Александра и Распутин возглавляют «партию мира», которая ведет тайные переговоры с Германией. Он крайне подозрительно относился к взяточникам и карточным шулерам из окружения Распутина. «Он распределяет германские субсидии и поддерживает отношения с Берлином. Именно по его вине Германия плетет интриги в русском обществе», — решительно заявил он в адрес Мануса.

Посол подробно записал свои впечатления от встречи со старцем.

«Длинные, спутанные темные волосы, жесткая черная борода, высокий лоб, крупный нос и волевой рот... Взгляд одновременно пронзительный и успокаивающий, простодушный и коварный, прямой и уклончивый». Люди часто не сходились во мнении относительно цвета глаз старца. Палеологу они показались голубыми, а некоторые утверждали, что они зеленые, серые, желтые и даже красные. Однако все без исключения признавали и чувствовали их силу.

Они разговаривали о войне. Сначала Распутин осудил войну за страдания, которые она принесла русскому народу. «Слишком много убитых, раненых, сирот и руин. Слишком много слез! Я знаю деревни, где все носят траур... А вернувшиеся с войны (Боже мой!) пребывают в ужасном состоянии. Они искалечены и

слепы! В течение 20 лет на русской земле будет урожай лишь из горя и боли».

Не о таком разговоре мечтал Палеолог. Он возразил, что хотя война и является злом, но неокончательный мир будет в данном случае преступлением против мертвых и приведет страну к катастрофе. К удивлению Палеолога, Распутин с ним согласился. «Ты прав. Мы должны сражаться до победного конца», — заявил старец. Эти слова принесли послу облегчение. Палеолог сказал, что по некоторым сведениям из высокопоставленных источников он узнал, что Распутин убеждает императора закончить войну. Старец бросил на него подозрительный взгляд, поцарапал затылок и сказал: «Повсюду есть дураки». Затем он начал говорить, что кайзером Вильгельмом руководит сам дьявол и что в один прекрасный момент Господь окончательно от него отвернется, и он «будет валяться на куче дерьма, словно выброшенная старая рубашка».

Распутин говорил это в угоду послу, но в действительности он выступал против войны. По словам Симановича, старец говорил, что «любой мир для России лучше войны». Старец восхищался немцами, но повлиять на ход войны и заключение мира было выше его сил. У него не было официального поста, своего штата и прямого контроля за политикой государства, а также исполнительной власти. Не он управлял страной. То, что они делали вместе с императрицей и своими назначенцами, морально разлагало страну и делало ее неуправляемой. В этом есть большое различие, и Распутин это полностью осознавал. Он редко втягивался в политические споры, а когда все же это делал, то благоразумно отступал, как это и случилось в разговоре с Палеологом. Он предпочитал не вступать в открытые споры, так как погубить человека было гораздо проще, шепнув нужное словцо императрице.

У Распутина были свои убеждения, и они отличались грубой прямоотой. По словам Симановича, он

«всегда оставался крестьянином, подчеркивающим свое мужицкое происхождение, демонстрируя свою неотесанность перед теми, кто считал себя выше всех остальных. Он никогда не забывал о тысячах русских деревень». Для союзников, как и для самой войны, у него оставалось мало времени. На одном из вечеров кто-то из гостей спросил у него, почему он симпатизирует немцам и не любит англичан и французов. Распутин был пьян, и его ответ прозвучал неожиданно: «Я не могу любить французов, потому что знаю, что они не любят меня. Они республиканцы и революционеры и считают меня странным. Я могу иметь дело только с монархистами. Монархисты не должны воевать друг с другом. Они всегда могут поладить. Поэтому Россия должна примириться с Германией как можно скорее».

Когда старца предупредили, что говорить о мире опасно, он гневно крикнул: «Я никого не боюсь! Ни у кого нет права убивать людей. Есть люди, которые посредничают в денежных сделках, а я хочу стать посредником в делах мира. Даже Папа говорит, что я прав, и мы должны сохранять нейтралитет». Когда Распутину сказали, что «Папа» поклялся воевать до тех пор, пока последний германский солдат не покинет русскую землю, он ответил: «Царь может так говорить. Он хозяин своему слову. Он может его дать и взять назад. Он царь и может делать все, что захочет». Старец высоко ценил немецких переселенцев, обосновавшихся в России во времена Екатерины Великой. Ему нравилось, что немцы пьют кофе, что, по его мнению, являлось признаком благополучия. «Русскому нравятся немецкие товары. У немецких торговцев хорошие товары и они угождают покупателю. Немцы знают, как надо работать. Когда германский пленный попадает в русскую деревню, женщины стараются заполучить его себе в дом, потому что он хороший работник».

Кроме этого, у старца также были и проамерикан-

ские взгляды. У многих крестьян имелись родственники в Америке, которые присылали им деньги. «Многие бедные иммигранты стали в Америке богатыми и живут счастливо и зажиточно». По словам Симановича, Распутину нравилась Америка и он советовал жить с ней в мире и дружбе.

Махровый реакционер, когда речь шла о самодержавии, во всем остальном Распутин был либералом. Он поддерживал земельные реформы и хотел превратить помещичьи усадьбы в школы. Он жаловался, что даже рабы жили лучше крестьян. «У них была еда и одежда, а теперь у крестьянина нет ничего, и он должен платить налоги. У него забирают последнюю корову, а его дети бегают нагишом до десяти лет. У них нет земли... жизнь в деревнях умирает». Распутин обожал железные дороги. «Они боятся, что железная дорога испортит крестьянина, — жаловался он на помещиков, — но все это дерьмо. С железными дорогами человек может рассчитывать на лучшую жизнь. Без них сибирский крестьянин должен сидеть дома, не может же он обойти пешком всю Сибирь». Старец ненавидел дворян, чего нельзя сказать об их женах. «У дворян всего слишком много. Они сами ничего не делают и мешают другим. Если вдруг появляется образованный человек, они кричат, что он революционер и бунтовщик, и стараются упечь его в тюрьму. Крестьянам не дают получить образование. Такая политика ни к чему хорошему не приведет».

Распутин также благосклонно относился к национальным меньшинствам. Симанович говорил, что он симпатизировал полякам в их борьбе за независимость, говоря, что «они такие же славяне, как и русские, и их требования справедливы». Кроме этого, он поддерживал требования евреев о предоставлении им гражданских прав. Симанович был сионистом и имел небольшой участок земли в Палестине, куда он мечтал когда-нибудь уехать. Распутин разделял его любовь к

земле обетованной, и в 1915 году, устав от опасной и пагубной жизни в Петрограде, они иногда вместе обсуждали свой отъезд в Палестину. Симанович утверждал, что в России они задержались лишь из-за двух целей, которые они поставили перед собой. «Распутин хотел заключить мир, а я — добиться равных прав для евреев», — заявлял Симанович. Симанович настаивал, что еврейский вопрос нужно решить в первую очередь. «Если мы его решим, то я добуду у американских евреев столько денег, что нам хватит до конца жизни», — говорил он Распутину. Он рассчитывал, что отъезд старца в Палестину принесет такое облегчение государственному аппарату, что он пойдет на уступки. «Я думаю, что и во дворце, и в правительстве согласятся предоставить евреям равные права, если таким образом им удастся избавиться от тебя», — говорил он Распутину. — Я возьму деньги и поделю между нами, их хватит и для нас, и для наших семей».

Распутин смотрел на этот вопрос более реалистично. «Папа не хочет мира, — говорил он. — Он и слышать не хочет о евреях. Его родственники не позволяют ему даровать конституцию. Много раз я ему говорил: «Если ты даруешь народу конституцию, тебя назовут Николаем Великим». Он всего боится. Когда мы с ним беседуем в кабинете, он осматривается по сторонам и проверяет, не подслушивают ли нас. Я настаивал, чтобы моим крестьянам даровали конституцию, но богатые этого не хотят... То, что Папа не дает себя убедить, очень плохо. Как только я уйду, он забывает о своих обещаниях. В этом наше горе».

Симанович изображал себя и Распутина эдакими идеалистами, однако так ли это было на самом деле? Безусловно, у старца было гораздо меньше предрассудков, по сравнению с обычным русским человеком, каким его себе представляют. Он был привязан к Симановичу и ласково называл его «Симочкой», а на

подаренном ему кольце сделал надпись: «Самому лучшему из евреев». Дискриминация евреев действительно являлась моральным позором страны. Именно она, по словам Витте, превращала их из «робких созданий в террористов, убийц и революционеров, готовых принести в жертву свою жизнь ради правого дела».

У двух предполагаемых идеалистов было мало шансов на успех. Антисемитизм императора был как бы непреднамеренным, так глубоко было его врожденное презрение к евреям. Война стала предлогом, чтобы ужесточить уже существующие ограничения. Все издания на иврите были запрещены, так же как и переписка на идише. Александра разделяла взгляды мужа. Когда в 1910 году она приехала в Германию, чтобы подлечить сердце, брат порекомендовал ей ведущего специалиста в этой области, проживавшего во Франкфурте. Однако императрица не пожелала лечиться у еврея, пускай и известного специалиста. Вместо этого она обратилась к местному врачу, который так ничем ей и не помог. Да и сам Распутин имел связи с погромщиками из «Черной сотни».

И все же есть сведения, что он боролся с фанатизмом. Жителям Сибири свойственны жалость и сострадание, да и Симанович, несмотря на всю свою продажность, искренне верил в идеалы сионизма. Действуя вместе, они часто оказывали помощь отдельным евреям. Для многих они добивались разрешений на проживание в столице и других городах, а также официального права медицинской и юридической практики. Они также добивались отмены штрафов и приказов о высылке. Распутин и Симанович приложили немало усилий, чтобы были отменены многочисленные пункты, ограничивающие количество еврейских студентов. Симанович рассказывал, что каждый день их осаждали толпы молодых евреев, стремившихся поступить в Петроградский университет. Распутин всем им писал стандартные записки, адресованные министрам и про-

фессорам: «Уважаемый министр, Мама хочет, чтобы эти еврейские студенты учились у себя на родине, а не ехали за границу, где они станут революционерами. Они должны остаться здесь. Григорий». Ссылка на императрицу обычно означала, что студенты будут учиться, невзирая на установленную квоту. Симанович использовал свой богатый опыт по созданию игорных притонов под громкими научными названиями и открыл так называемый «Сельскохозяйственный и Гидротехнический институт», благодаря которому многим евреям и христианам удалось избежать воинской службы, пока они якобы заканчивали фиктивную учебу в несуществующем учебном заведении.

Оба приятеля помогли многим евреям преодолеть черту оседлости и обосноваться в Петрограде и Москве. С этой целью Симанович использовал лазейку, по которой право на проживание в столицах получали ремесленники и подмастерья. Благодаря авторитету Распутина он получил доступ в Петроградское бюро ремесел, которое занималось подобными делами. Будучи ювелиром, он также взял себе нескольких «учеников», которые в действительности были актерами, писателями, учителями и т. д. В целях конспирации он поставил в своей квартире несколько рабочих столов, за которыми никто не работал.

Во время приемов старец неизменно отдавал предпочтение крестьянам, заставляя ждать высокопоставленных просителей. Он был одинаково великодушен с евреями и поляками, по-прежнему утверждая, что «кровь меньшинств бесценна». Даже после бессонной разгульной ночи он появлялся перед просителями ровно в 10, низко кланялся и говорил: «Вы пришли ко мне за помощью, и я всем вам помогу». Он никогда не задумывался над тем, достоин ли проситель его помощи. Осужденным он говорил: «Приговор и пережитый страх уже являются достаточным наказанием». Старец любил унижать власть имущих. «Уважаемые генералы, —

обращался он к высокопоставленным просителям, — вы привыкли все получать в первую очередь, но тут есть евреи, у которых нет никаких прав, и сначала я приму их. Давайте, евреи, проходите, я хочу вам помочь».

Есть сведения, что во время войны антисемитизм императрицы несколько смягчился. В одном из писем к Николаю она жаловалась на плохое отношение к одному российскому еврею, вернувшемуся из Америки, когда началась война, и добровольно отправившемуся на фронт. На фронте он потерял правую руку и был награжден Георгиевским крестом. «Он хочет остаться здесь и получить право жить в любом месте в России, право, которого лишены евреи... Я чувствую, как ему горько... нельзя допустить, чтобы эта горечь стала еще сильнее... я чувствую всю жестокость его прежней отчизны». Николай ответил: «На прошении раненого еврея из Америки я наложил резолюцию: «Предоставить вид на жительство в России». Однако все ограничивалось отдельными случаями, а об официальных реформах не было и речи. «Царь боится предоставить евреям равные права. Он боится, что его убьют, если он это сделает», — цитировал Симанович Распутина.

Глава двадцать первая ДВЕ НЕДЕЛИ ИЗ ЖИЗНИ ГРИГОРИЯ ЕФИМОВИЧА

Осенью 1915 года в характере старца с одинаковой силой проявлялись сатир и святой. 24 ноября из Москвы приехала Елена Джанумова, ходатайствовавшая за свою мать. В ее отсутствие старец забрасывал ее телеграммами, которые порой не имели никакого смысла. Иногда Елене даже казалось, что на телеграфе перепутали слова. В Петроград Джанумова приехала вместе с подругой Лелей. Агенты охранки установили ее личность. Это была 29-летняя Галина Федоровна Филиппова, супруга потомственного дворянина. Ей грозила опасность потерять состояние в каком-то семейном судебном разбирательстве. Адвокат посоветовал ей обратиться за помощью к Распутину. Леля была красивой блондинкой с озорными голубыми глазами.

Дамы остановились в гостинице «Россия» и позвонили Распутину по номеру 646-46. Он попросил их немедленно приехать. Старцу с первого взгляда понравилась Леля. Он уселся рядом с

ней на диван и положил ей руку на колено. Затем он повел дам на обед в отдельный кабинет в ресторане «Донон» на Мойке. На Распутине была богатая одежда в крестьянском стиле, а сам он не сводил глаз с Лели. Однако на сей раз он вел себя пристойно и сдержанно. Он говорил о Сибири и ее величии и приглашал дам посетить его летом. «Мы пойдем на рыбалку, — говорил старец, — и я угощу вас таким медом, какого вам в жизни не доводилось пробовать. А цветы в Сибири такие ароматные». Затем он отвез дам в гостиницу, а сам куда-то отправился.

Елена заметила агентов охраны, но Распутин ничего не имел против них. Он поладил с генералом жандармерии Комиссаровым, при первой встрече с которым старец напустил на себя благочестивый вид. «Оставь свою святость, давай поговорим о деле и выпьем», — сказал Комиссаров. Распутину это понравилось, и он стал брать своего «опекуна» в ночные кабаки и к цыганам. Генерал забавлял его и оплачивал счета в ресторанах. Что касается агентов, то они защищали старца, а тот понимал, что это необходимо.

— Ничего удивительного, — объяснил он Елене. — У меня много врагов. Я для людей вроде бельма на глазу. Они были бы рады со мной разделаться, но пусть попробуют!

— Вас любят в Царском Селе, так от кого же вас защищать?

— Да, любят, и он, и она, — ответил Распутин. — Он любит меня даже больше. Да и как им меня не любить? Если не станет меня, то не станет и их, да и всей России... Ты думаешь, я набиваю себе цену? Нет, дорогая, я знаю, что говорю. Все будет так, как я сказал.

26 ноября у Распутина был тяжелый день, так как просителей собралось слишком много. Он велел Елене и Леле присоединиться к ним. Среди просителей были

студенты, священники, светские дамы, монахи и офицеры. Старец приглашал их по очереди в кабинет, обнимая дам и поглаживая по голове мужчин. Иногда он отвлекался на телефонные звонки или звонил сам. Дамы вздыхали и говорили, как им жаль трудолюбивого старца.

— Отец так много работает и так много делает для людей. Все к нему тянутся, а он всех согревает, словно солнце, — говорила Лаптинская.

— Его разрывают на части и не дают отдохнуть, — вторили ей другие дамы.

В час дня приехала Вырубова с большим портфелем в руках. Все ее называли просто «Аннушкой». Она прошла прямо в кабинет старца и вышла оттуда с пачкой прошений. Просмотрев прошения, Вырубова сложила их в портфель. Распутин вышел из кабинета и бессильно упал в кресло, вытирая со лба пот.

— Больше не могу, — пожаловался он. — Слишком много людей сегодня, и они еще подъезжают.

— Я помогу вам, отче, — успокоила его Вырубова. — С некоторыми прошениями я справлюсь сама.

Елена получила телеграмму о тяжелой болезни своей племянницы Алисы, которая жила в Киеве. Девочка заболела скарлатиной.

— Что с тобой, Франтик? — спросил у нее Распутин. — Ты так печальна. Что у тебя на сердце?

Он проводил Джанумову к себе в спальню. Елена подала Леле знак, и та последовала за ними.

— Отец, утешь Леночку, — сказала Леля. — У нее умирает племянница.

Затем произошло нечто странное, чего Елена никак не могла объяснить.

Распутин взял ее за руку, а его лицо изменилось и стало желтым и неподвижным, словно у покойника. Он закатил глаза, сверкнув белками, и потряс Еленину руку, а затем хрипло сказал:

— Она не умрет, она не умрет. — Он отпустил руку

Джанумовой, а его лицо стало таким же, как и прежде. Старец продолжал разговаривать, как будто ничего не произошло. В квартире постоянно звонил телефон, и приезжали новые просители с цветами и подарками.

Когда Елена вернулась в гостиницу, ее ждала телеграмма из Киева: «Алисе лучше, температура спала». Потом в гостиницу позвонил Распутин, который отказался от приглашения на какой-то вечер. Елене показалось, что Леля притягивает старца, словно магнит. Джанумова показала ему телеграмму.

— Так это и вправду вы помогли?

— Но я же сказал, что она не умрет, — уверенно ответил старец.

— Тогда сделайте так, как в прошлый раз, и она окончательно выздоровеет, — попросила Елена.

— Глупенькая, неужели ты и правда думаешь, что я могу это сделать? — ответил Распутин. — Это не я, а знамение свыше. Повторить этого нельзя. Но ведь я же сказал, что она выздоровеет, так чего же ты тревожишься?

И действительно, из Киева стали приходиться письма, в которых говорилось, что Алиса выздоравливает. Произошло то же, что и с царевичем в Спале, когда Распутин находился в сотнях верст от больного и предсказал скорое выздоровление, которое незамедлительно последовало. Врачи, лечившие Алису, были удивлены, а ее мать, как и императрица, решила, что свершилось чудо.

Распутин быстро оправился от пережитого напряжения и уже через два дня в полной мере проявил свои похотливые наклонности. Он провел ночь с княгиней Стефанией Семеновной Долгорукой в ее номерах в гостинице «Астория» на Морской. Это было делом рискованным, так как супруг княгини был постельничим императора. На следующий вечер его посетила госпожа Лейкарт, которая хотела решить одно из дел

своего мужа. Старец велел, чтобы она его поцеловала, но дама отказалась и ушла. Распутин это не слишком опечалило, и он провел ночь в обществе Надежды Николаевны Мамонтовой.

В прессе об этом не появилось ни слова, и Александра была довольна стараниями Хвостова. Большую часть декабря 1915 года Распутин сильно пил, но также много работал, стараясь помочь просителям.

В приемной и прихожей у Распутина собиралась самая разношерстная публика: польские беженцы, монашки, банкиры, крестьяне и светские дамы в нарядах от Пакена и Дюсе. Все они заглядывали в столовую в надежде увидеть старца. В столовой у стены стоял большой буфет с бронзовой лампой под стеклянным абажуром. В буфете было множество бутылей с вином, тарелок с жареной рыбой и банок с вареньем. Вся комната была заставлена корзинами с цветами, а у окна стояло кресло-качалка.

Служащий банкира Мануса хотел пройти вперед, но Распутин не принял его и обратился к двум молоденьким девушкам: «Ну, что, голубки?» — он ласково им улыбнулся. Девушки просили помочь им с учебой. Старец отсчитал несколько рублей и отдал их девушкам, не обращая внимания на служащего банка, совавшего ему квитанционную книжку. Затем он нацарапал записку Владимиру Воейкову, коменданту дворца в Царском Селе. Под своей подписью он нарисовал крест и написал две буквы «Х. В.», что означало «Христос воскрес». В записке говорилось: «Дорогой и бесценный друг, сделай это для меня. Григорий». Сложив записку, он отдал ее девушкам и протянул им свою руку для поцелуя.

Затем Распутин вызвал старого крестьянина, приехавшего из Саратовской губернии. Он приехал от имени некого Гаврилы Шишкина, заключенного в тюрьму за мошенничество и просившего старца оказать ему содействие в получении помилования. Крес-

тьянин передал старцу завернутые в газету 250 рублей вместе с прошением. Распутин положил все в карман, перекрестил старика и сказал ему, что займется этим делом. Затем пришла очередь Евгении Тереховой, богатой купчихи, просившей о контракте на поставку белья для военного министерства. «Да, да, милая, я все сделаю», — сказал старец, погладив ее по груди. Потом вперед вышел лысый офицер в золотом пенсне и представился младшим лейтенантом Макасовым, но его оттолкнул в сторону бедно одетый человек в засаленной шляпе, назвавшийся школьным учителем. Он жаловался на притеснения со стороны директора и просил рекомендательное письмо к министру просвещения.

В стороне стояла хорошенькая брюнетка с покрасневшими от слез глазами. Она держала в руках письмо от одного из московских приятелей старца. Женщину звали Марией Алексеевной, и она хотела, чтобы старец помог ее мужу вернуться из ссылки. В то время многих анархистов, представителей левых партий и евреев ссылали за Урал. Распутин попросил ее подождать в маленькой комнатке рядом с кухней. Вернувшись, Распутин занялся делом офицера и разорившейся пожилой вдовы. Старец вынул из кармана только что полученные у крестьянина 250 рублей и отдал их вдове.

Какой-то юноша вручил старцу пачку банкнот, которые он тут же раздал просителям-крестьянам. Старец поприветствовал знакомого служителя бани, сморщенного человека с редкими седыми волосами, и пригласил его к себе в кабинет. Вскоре он вышел, держа в руке записку, адресованную местному полицмейстеру: «Помоги бедному банщику. Григорий». Непрерывно звонил телефон, к которому по очереди подходили Вырубова, сестра Акулина или сам старец, и приезжали посыльные с подарками. Дуня напомнила Распутину о Марии Алексеевне, ждавшей его в маленькой комнатке. Старец ухмыльнулся и направился к ней.

Заметив ухмылку старца, находившиеся в комнате

женщины стали многозначительно перешептываться. В комнатке за кухней Распутин обычно «освобождал» от грехов новеньких. Там стояла узкая железная кровать с покрывалом из лисьих шкур, подаренным Вырубовой. На стенах висели украшенные лентами иконы и портреты императора и императрицы. Некоторые женщины выходили оттуда счастливыми, а другие выбегали в гневе, жалуясь агентам на оскорбительные действия старца. Через некоторое время появилась Мария Алексеевна, которую дамы стали с любопытством разглядывать. Она казалась «еще более испуганной и печальной», чем до общения со старцем. Затем вошел всклокоченный, тяжело дышавший Распутин, по виду которого присутствующие поняли, что Мария Алексеевна расплатилась с ним сполна.

Все это заняло у старца несколько минут, а затем он снова стал разбирать дела поджидавших его просителей. Он благословил двух монашек из Верхотурья, где он обучился своему ремеслу у Макария, и пообещал помочь нескольким крестьянам, жаловавшимся на жестокого помещика. Толстый банкир из Киева, которого сопровождал слуга, несущий в руках его шубу, попросил частной аудиенции. Посыльный от барона Гинсбурга передал старцу деньги и попросил подписать какую-то квитанцию. Скульптор Аронсон терпеливо ждал в столовой, так как ему было поручено вылепить бюст старца.

Появление Елены и Лели вызвало среди дам оживление и сердитые перешептывания. Старец пожаловался на них своим почитательницам и рассказал, что своим сопротивлением «эти высокомерные дьяволицы» вызывают у него раздражение. Переговорив с Царским Селом, он снова принялся осаждать Лелю, требуя у нее свидания с глазу на глаз. «Не дай своей душе иссохнуть без любви, — говорил он. — Душа мрачнеет без любви и света, и солнце не принесет тебе радости, и Господь отвернет от тебя свой лик. Лю-

бовь — это рай... Я хочу тебя, и это идет от Господа, и отвергать его грешно. Без любви я теряю свою силу... Дай мне мгновение любви, и сила моя возрастет, — деловито добавил старец, — и это будет лучше для твоего прощения». Обе москвички признались, что хотя они и не верили старцу, относясь к нему довольно критически, он сумел парализовать их волю, придать всему таинственность и необычность, которая их привлекала. Вскоре они вернулись в гостиницу.

Распутин послал к ним жену полковника, певицу госпожу Б., которая стала упрекать Лелю за то, что та мучит старца.

— Мы все возмущены, видя его страдания. Почему вы не хотите ему принадлежать? Разве можно отвергать такого святого человека.

— А разве этому святому нужна грешная любовь?

— Он делает святым все, к чему прикасается. Все, что вы с ним совершите, также будет свято, — не задумываясь, ответила госпожа Б.

— А вы бы согласились?

— Разумеется, — ответила дама. — Я ему и принадлежала и считаю это величайшим блаженством.

— Но вы ведь замужем, не так ли? Как же на это смотрит ваш супруг?

— Он обо всем знает и считает это великим счастьем, — ответила госпожа Б. — Если Отец кого-либо желает, и мы, и наши мужья считаем это величайшим блаженством. А теперь мы все видим, как он из-за вас страдает. Вот я и решила все вам рассказать и попросить от имени всех его почитательниц не мучить больше святого Отца и не отказываться от блаженства.

Москвички ответили ей резко, и обиженная и растерянная дама ушла.

Вечером пришел сам Распутин. Усадив Лелю на диван, он не давал ей уйти.

— Какой стыд! — возмутилась Елена. — Вас счита-

ют святым, а вы склоняете ее к прелюбодеянию. Ведь это грех.

— А разве я святой? — спросил Распутин. — Я более грешен, чем кто бы то ни было. Но в этом нет греха. И вообще греха, как такового, не существует. Его изобрел человек. Посмотри на животных. Разве они знают, что такое грех?

— Животные не знают, что такое грех, потому что они не знают Бога.

— Не говори так, — рассердился Распутин. — Мудрость в простоте, а не в знании.

Леля перевела разговор на свое прошение.

— Вы, отец, только обещаете, но ничего не делаете.

— И ты для меня ничего не делаешь, — ответил старец. — Ты только хитришь. Подари мне мгновение любви, и твое дело пойдет, как по маслу. Без любви у меня нет силы, а значит, нет и удачи. Так же, как и с Франтиком. Я слишком люблю ее и хочу ей помочь всем сердцем, но без любви ничего не получается.

Леля вышла, а Распутин стал нервно расхаживать по комнате. Его лицо сделалось хищным, а глаза дико горели. Он искал какой-нибудь предлог, чтобы удалить Елену из гостиницы.

— У тебя есть вино? — спросил он. — Какое?

— Есть немного белого вина.

— Нет, ты знаешь, что я пью только мадеру, — сказал старец. — Послушай, Франтик, съезди ко мне и скажи Дуне, чтобы она дала тебе вина.

Была уже полночь, на улице стоял сильный мороз, и Елена отказалась ехать.

— А я сказал, что ты поедешь, — заявил старец. — Если я тебя посылаю, ты должна ехать. — Он пристально посмотрел на Елену. В его глазах горели искорки ярости. Вероятно, так он смотрел на Столыпина и Родзянко, пытаясь их загипнотизировать. Елена отвела взгляд и воскликнула:

— Не забываетесь! Я вам не прислуга и не собираюсь бегать по вашим поручениям.

В комнату вбежала Леля. Распутин успокоился и вдруг обнял Елену.

— Не сердись, Фрэнтик, — сказал он. — Я сделал это намеренно. Хотел проверить, любишь ли ты меня. Если бы ты меня любила, то послушалась бы и пошла и в снег, и в мороз, и в полночь. Мои петербургские дамы не оттолкнули бы меня, а ты, вероятно, меня не любишь.

3 декабря Николай вместе с царевичем Алексеем отправился на Южный фронт. Мальчик сильно простудился и так чихал, что из носа началось кровотечение, самое опасное для больного гемофилией. Его наставник Пьер Жильяр привел находившегося в поезде доктора Федорова, однако кровотечение не останавливалось, и у мальчика поднялась температура.

В это же время Распутин позвонил москвичкам и пригласил их на ужин, хвастаясь, что там будут присутствовать министры. Они отказались, радуясь возможности провести вечер в тишине и покое. Дамы уже легли спать, когда в час ночи раздался стук в дверь.

— Открывайте! Скорее, мои милые! — кричал Распутин. — Мы ждем. Я привел с собой министра. — Наконец стук прекратился. Как потом выяснила Елена, их выручил проживавший в соседнем номере офицер, который вышел посмотреть, в чем дело, и узнал Распутина и министра Х. Министр смутился и уговорил Распутина покинуть гостиницу. Министром Х. оказался Хвостов.

В 3 часа ночи Федоров разбудил императора и сказал, что поезд должен немедленно ехать в Царское Село. Состояние мальчика ухудшилось. На следующий день поезд пришлось несколько раз останавливать, чтобы Федоров мог менять Алексею тампоны в носу.

Мальчик лежал на руках у матроса Нагорного, так как оставлять его одного на кровати было опасно.

В Петрограде Распутин бурно веселился. Москвички избегали с ним встреч, предупредив швейцара, что они ушли в театр. Швейцар передал, что Распутин страшно рассердился и ругался на них. Однако вскоре он утешился, посетив Елизавету Евгеньевну Свечину, молодую жену армейского офицера. Такие свидания были опасными, так как полковник Свечин находился в Ставке в непосредственной близости к императору. Ушел Распутин в 2 часа ночи, вместе с Марией Марковной Ясининской, 28-летней женой человека, который был достаточно богат, чтобы жить в квартире на Мойке, 104, рядом с Юсуповыми. Парочка уселась в автомобиль и отправилась в «Виллу Роде», в Новую Деревню.

В ресторан их не пустили из-за позднего часа. Охрана договорилась, чтобы Распутину предоставляли отдельную столовую, подальше от любопытных глаз. Распутину страшно рассердило, что его, самого важного посетителя ресторана, не приняли с должным почтением. В гневе он стал бить ногой в дверь и дергать за шнур звонка, пока тот не остался у него в руке. Когда приехали полицейские, Распутин дал им пять рублей, чтобы замять дело. Затем старец, вместе со своей дамой, направился к цыганскому хору Масальского, находившемуся через квартал. Они оставались у цыган до следующего утра, после чего Распутин и его спутница, находившиеся в сильном подпитии, поехали на квартиру к Ясининской, на Мойку.

Почитательниц Распутина сильно встревожило его исчезновение. Акулина Лаптинская позвонила в гостиницу «Россия», чтобы узнать, не провел ли старец ночь у москвичек. Она была очень удивлена, когда Елена возмущенно ответила, что Распутина у них нет.

— Если бы он оказался у вас, то вам же было бы

лучше, — ответила Лаптинская. — Он уехал вчера и собирался к вам, но домой так и не вернулся. Вот мы и решили, что московские дамы согласились принять от него блаженство. А вы обиделись. Где же он? Его уже ждут просители.

В полдень Акулина снова позвонила и сообщила, что Распутин вернулся от цыган в состоянии тяжелого похмелья. Его почитательницы молча сидели в прихожей, к ним присоединилась и Елена. Вдруг из столовой раздался звон разбитого стекла, и на пороге появился старец с бутылкой вина в руке. Бледный, с растрепанными волосами, он налил вина в чайную чашку и приказал жене полковника выпить его. Она напомнила, что сегодня вечером выступает, принимает участие в концерте, и что старец пообещал ей прислать туда министров. Распутин заставил ее выпить вино, а потом позвонил Белецкому.

— У моей милой дамы сегодня концерт, — обратился он к начальнику полиции. — Смотри, не отказывайся. Приезжай обязательно.

Затем он позвонил Хвостову и обратился к нему таким же не допускающим возражений тоном:

— Смотри, не вздумай пропустить концерт моей малышки.

У стены сидел какой-то священник и с почтительным удивлением слушал разговоры Распутина. Старец, приказывавший министрам, вероятно, имел большую власть.

— Если бы ты знал, какую замечательную ночь я провел, — обратился Распутин к священнику, — хорошенькая цыганочка пела так славно: «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке моей».

— Это вам пели херувимы. Ангелы небесные, — сказал священник. Елена сначала подумала, что он смеется над старцем, но потом поняла, что священник говорил серьезно. — Ангелы небесные, ангелы пели вам.

— Говорю тебе, священник, что пела смазливая цыганка, совсем молоденькая.

— Херувимы, херувимы поют вам своими небесными голосами, — настаивал на своем священник.

Распутин усмехнулся и пошел к просителям. Вскоре он вернулся с хорошенькой девушкой, беженкой из Польши.

— Смотрю я на тебя, а ты такая хорошенькая, — сказал старец. — Маленький носик и зубки... Но я тебя не люблю, я люблю этих московских женщин. Они замучили меня до смерти. Пришлось из-за них пить всю ночь.

На старца нашло сентиментальное, плаксивое настроение. Он пошел на кухню и стал бить тарелки. Даже Дуня, всегда относившаяся к выходкам старца по-философски, на сей раз хранила молчание, а Маня Головина словно окаменела. Елена поняла, что они видят в Распутине не разбушевавшегося пьяного крестьянина, а «разгневанного Бога».

Зазвонил телефон, и Распутина попросили немедленно приехать в Царское Село. Во время путешествия наследник дважды терял сознание, и Жильяр думал, что пришел его конец. Александра молилась и плакала, когда мальчика медленно везли от вокзала до дворца. Его маленькое страдальческое личико было восковым и бледным, как у покойника. Вырубова писала, что когда царевича осторожно положили на маленькую белую кровать в его комнате, его глаза смотрели из-под окровавленных бинтов с «невыносимым страданием». Как только врачи снимали повязку с носа, по лицу царевича начинала струиться кровь. Наука была здесь бессильна, и отчаявшаяся императрица послала за Распутиным.

Почитательницы уговаривали старца сначала сходить в баню, чтобы протрезвиться перед поездкой во дворец.

— Вы же знаете моих лошадей, — сказала одна из

Григорий Распутин с
детьми Марией, Варей
и Дмитрием

Распутин в крестьянском
платье на берегу сибирской
реки Туры

Сестры-черногорки Милица
(слева) и Анастасия (справа)

Анна Вырубова

Домик А. Вырубовой в
Царском Селе

Царская семья. 1913 г.

Царевич Алексей с
матросом Нагорным

Г. Распутин
с императрицей
Александрой
Федоровной

Г. Распутин
незадолго до
начала Первой
мировой войны

Г. Распутин после
попытки покушения
на его жизнь. 1914 г.
Рисунок карандашом.

ежели собаки
прошамъ серъгу
тфрзично-ва
то онъ собака
всѣ серъгу

Записка, написанная рукой Г. Распутина

Г. Распутин в дни
своей наивысшей
власти. 1915 г.

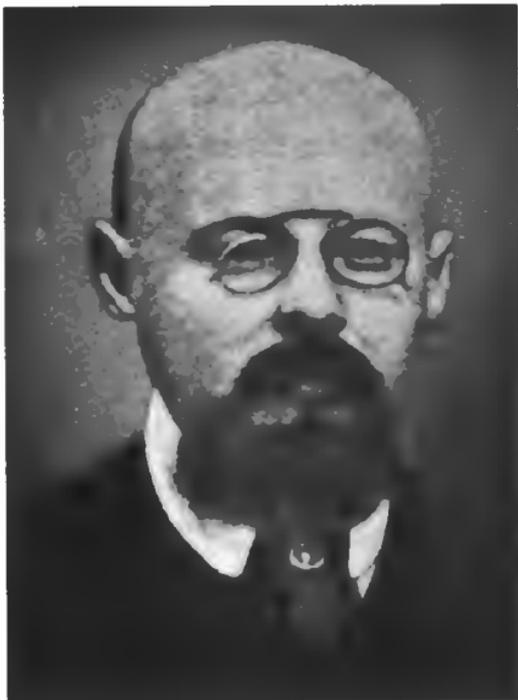
Игральная карта
образца 1916 года

Г. Распутин в окружении поклонниц и поклонников. Петроград, 1915 г.

Феликс Юсупов с женой и дочерью. 1915 г.

Владимир Пуришкевич -
один из организаторов
убийства Распутина

Последнее фото Распутина (из архивов полиции)

дам. — Вы долетите на них, как на крыльях. Сначала мы поедem в санях, и на морозе вам станет легче, а потом я свожу вас в баню. Вы же знаете, что это всегда помогает.

Распутин согласился. Женщины принесли чистую одежду, и старец снял брюки и стал переодевать белье в их присутствии. Дамы помогли ему надеть новые сапоги. Маня Головина поддерживала его, когда остальные дамы надевали на старца шубу. Вдруг он весело запел, прищелкивая пальцами: «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей».

Прогулка в санях и баня отрезвили старца к тому моменту, когда он сажился в поезд, направлявшийся в Царское Село. «Он вошел в комнату, — писала Вырубова, — перекрестил кровать и, пристально глядя на умирающего ребенка, тихо сказал коленапреклоненным родителям: «Не тревожьтесь. Ничего не случится». Затем он покинул комнату и дворец. Вот и все». Корчившийся от боли мальчик уснул, а на следующее утро он смог даже сесть в кровати.

Вернувшись в Петроград, Распутин позвонил Елене и пригласил ее на ужин с цыганами. Джанумова свидетельствовала, что старец был «трезв, бодр и весел». Елена ему отказала, и он провел вечер в компании подполковника Николая Семеновича Езерского и цыганской певицы Вари. Распутин добился снятия обвинения с Вари в киевском суде, и она в знак благодарности пела во время устраиваемых старцем оргий и развлекала его другими средствами. Забыв о сцене, которая произошла два дня назад, Распутин захотел вернуться в «Виллу Роде». Однако его компанию попросили удалиться, когда в два часа ночи ресторан закрыли. Эту ночь он провел с Варварой.

Елена была с Распутиным, когда снова позвонили из дворца.

— Алеша не спит? Болит ухо? Позовите его к телефону. — Распутин попросил всех знаком замол-

чать. — Зачем, Алешенька, ты жжешь масло в лампаде? Болит? Ничего у тебя не болит. Иди спать. Твое ухо не болит. Я тебе говорю. Спи. Усни прямо сейчас. Ты меня слышишь? Спи.

Через четверть часа снова зазвонил телефон. Ухо у мальчика больше не болело, и он уснул.

— И он просто так уснул? — удивилась Елена.

— Почему бы и нет? — ответил старец. — Я же ему сказал.

— Но у него болит ухо.

— А я сказал ему, что не болит, — он говорил со спокойной уверенностью, как будто бы иначе и быть не могло.

Елена уехала в Москву, сохранив свою честь, но так и не решив вопроса с прощением. Леля осталась в надежде на помощь Распутина. Он послал за ней Ивана Осипенко, продажного секретаря митрополита Питирима, чтобы тот забрал ее из гостиницы и привез на ужин. Леля не знала, куда ее везут, однако агенты охраны доложили, что это была квартира финансиста Андрея Книрше на Песчаной улице. Это была небольшая вечеринка с цыганами и русским хором. Распутин был оживлен, много пил и танцевал. Он все время приставал к Леле, напоминая ей о «мгновении любви».

После ужина какой-то молодой человек попросил Лелю сопровождать его на фортепьяно. Распутин все время следил за ней мрачным взглядом, а когда она закончила и уселась с молодым человеком на диван, раздался сердитый голос Распутина:

— Так вот ты какая! — Он потребовал листок бумаги и ручку. — Я обо всем напишу Франтику. Она меня поймет и пожалеет. — Стоявший поблизости политический деятель Александр Протопопов принес листок бумаги.

Старец уселся в кресло и что-то нацарапал на бумаге.

— Вот, передай это Франтику, моей простушке, — сказал он. — Она не похожа на тебя. Она не шлюха.

В письме говорилось: «Мой милый Франтик! Сердит на тебя. Не посылай ко мне хитрых и коварных, дорогая. Не присылай их ко мне. Она для других, а мне дай кого-нибудь попроще. Приезжай ко мне, я хочу быть с тобой. Из глаз текут слезы, сердце стонет. Радостно быть с тобой. Григорий». После этого он приказал Леле уйти. В 2 часа ночи агенты Охранного отделения видели в окно танцующего Распутина. Два незнакомых мужчины привели его домой в семь утра «мертвецки пьяного».

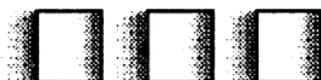
Через несколько дней он снова поехал в ресторан «Вилла Роде», где выступали цыгане. Несколько офицеров и гражданских лиц страшно оскорбились, когда Распутин пригласил на танец даму из-за их стола. Симанович рассказывал, что офицеры вскочили на ноги и выхватили из ножен шашки. Распутин отскочил в сторону и уставился на них своим жутким взглядом.

— Вы хотите со мной расправиться! — крикнул он. — Вы были моими врагами, а теперь нет, — сказал он уже спокойным голосом, и никто не ответил ему ни слова. — Вы видели, что победила моя сила... А у вас силы больше нет. Вам нечего мне возразить. Идите домой, — компания встала и вышла из ресторана.

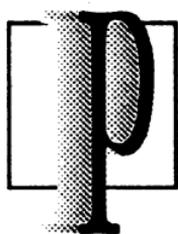
Были и другие случаи, когда люди, намеревавшиеся напасть на Распутина, теряли присутствие духа, встретившись с ним лицом к лицу. Именно так и было, когда на жизнь старца покушался жених его дочери. Однако в его силе не было ничего волшебного, и она не спасла его ни от кулаков Гермогена, ни от ножа Гусевой, не говоря уже о его убийцах. И все же силой своего характера Распутин сдерживал многих, желавших ему зла.

Итак, за прошедшие две недели Распутин избежал побоев, а может быть, и чего-то более серьезного, выпил несколько ящиков мадеры, переспал, по край-

ней мере, с шестью женщинами, но так и не сумел добиться благосклонности двух москвичек. Кроме того, он принял несколько сотен просителей и многим из них помог. Возможно, благодаря ему выздоровел царевич и маленькая девочка из Киева. Словом, старец не терял времени даром.

Глава двадцать вторая «ОНИ НАВЕРНЯКА МЕНЯ УБЬЮТ, МИЛАЙ»

Распутин встречал 1916 год, распевая песни в своей квартире до 4 утра.

В это время находившаяся в Царском Селе императрица была больна и не вставала с постели. «Мама плохо себя чувствует и весь день лежит», — писал царевич в своем дневнике. 2 января Распутин пришел домой в час ночи сильно пьяный. В тот же день он отправился в Царское Село, где Вырубова открыла дом для выздоравливающих солдат. Впоследствии она свидетельствовала, что Хвостов и Белецкий прислали ей с курьером по 1000 рублей каждый. Деньги были запечатаны в конверте. Бесплатную поставку продуктов взял на себя Адольф Роде, владелец ресторана «Вилла Роде», который разбогател на кутежах, устраиваемых Распутиным. Князь Андронников прислал цветы и свечи, а финансист Манус передал Вырубовой в общей сложности 200000 рублей. Жена банкира Рубинштейна прислала ей 50000, а Симанович подарил изысканные серебряные

вазы. Было не совсем понятно, кому предназначались эти дары: лазарету или самой Вырубовой.

Впоследствии она говорила, что друзья хотели обеспечить ее будущее после железнодорожной катастрофы.

Пирушки и попойки шли полным ходом, и агенты описывали различные состояния Распутина с помощью определений «мертвецки пьян» или «совершенно пьяный». Мария Распутина говорила, что отец пустился во все тяжкие после того, как его любовница и прислуга Дуня уехала в Сибирь, чтобы ухаживать за больной женой старца. Теперь, когда его никто не сдерживал, старец стремился найти утешение в вине, женщинах и танцах в самых сомнительных кабаках. Он жаловался пожилой просительнице, страдавшей артритом, что потерял способность исцелять людей: «Прости, бабушка. Я не могу этого сделать. Господь забрал у меня силу». Он разъезжал по всему городу в каретах, санях, на извозчиках и различных автомобилях, которые ему предоставлял императорский двор, а также импортеры автомобилей. Часто извозчиками и шоферами были агенты охраны, однако иногда Распутину удавалось обводить их вокруг пальца.

10 января, в день именин Распутина, погода стояла чудесная. «Для нашего Друга светит солнце, — писала императрица. — Замечательно. Действительно, это должно быть для него». Мария Сергеевна Гиль, жена капитана 145-го полка, провела с ним ночь и не встала с кровати до 11 утра. Следуя крестьянской традиции, в день своих именин старец отправился в баню и в церковь. Подарки от бизнесменов и из секретных фондов Белецкого привозили на извозчиках и приносили посыльные. Агенты вели запись картин, ковров, диванов, кресел, а также золотых и серебряных украшений, которые Распутин впоследствии увез в Покровское. Вырубова обедала со старцем и передала ему поздравление от императорской семьи. Когда Вырубова ушла, началась настоящая попойка, в которой участвовал

статский советник Даниил Корнилович Кленовский, привезший 10 бутылок вина. «Они играли на гармошке, гитаре и балалайке, — сообщали в отчете агенты охраны. — Они танцевали и пели песни, а потом и молитвы. Гости разошлись в 2 часа ночи». Когда агенты осмотрели квартиру, то нашли визитные карточки своих начальников, генералов Комиссарова и Глобича. Карточки были прикреплены к подаркам.

Вечером 13 января Распутина отвезли на машине в гостиницу «Европа», на вечеринку, которую устроил князь Татищев, один из ведущих банкиров. Агенты долго бродили под окнами, пока в 2 часа ночи их не прогнал мороз. Распутин приковылял домой в 7 утра «абсолютно пьяный». Его вел под руку секретарь митрополита Питирима Осипенко. Старец разбил дверное стекло в доме, а его нос сильно распух, вероятно, из-за падения. Однако на следующий день он пришел в себя и вместе с финансистом Рубинштейном навестил Вырубову в Царском Селе. На горизонте маячила смена премьер-министра, а кроме того, старца предупредили, что о его недостойном поведении стало известно во дворце. Они долго беседовали с Вырубовой, и вечером он возвратился домой совсем в другом настроении.

— Один из вас сказал кое-кому, что у меня на коленях сидела дама, — упрекнул он агентов охраны. — Нехорошо так говорить. Вы здесь для того, чтобы меня охранять, а не доносить совсем о другом.

Выбор кандидатуры очередного премьер-министра был делом трудным. Горемыкин стал таким дряхлым, что министр иностранных дел Сазонов сетовал по его поводу: «Старик совсем выжил из ума». На Распутина оказывалось давление со стороны императрицы, и он должен был назвать преемника Горемыкина как можно скорее. Он обсуждал этот вопрос с Симановичем, который, в свою очередь, спрашивал совета у Мануй-

лова. Таким образом, помимо старца, выбором премьер-министра великой империи занимались содержатель игорных притонов и бывший мальчик-педераст, наживавшийся на подкупах и предательствах.

В конце концов, выбор пал на Бориса Владимировича Штюмера, кандидатуру которого Мануйлов обсуждал с митрополитом Питиримом еще осенью. Штюмеру было за 60, и он славился своими реакционными взглядами. Седая бородка, розовые щеки и водянистые голубые глаза делали его похожим на «порочного Деда Мороза», а его приторные манеры, влажные красные губы и хитрая улыбка вызывали, по мнению французского посла, отвращение и инстинктивное недоверие. Симанович не скрывал, почему выбор пал именно на этого человека. «Мануйлов порекомендовал нам Штюмера как старого вора и мошенника, — писал он, — и обещал, что он будет исполнять все наши желания. Мы долго с ним торговались, и его кандидатура была утверждена только тогда, когда мы решили, что он достаточно подготовлен».

Распутин подготовил почву у императрицы. «Милый, ты теперь серьезно думаешь о Штюмере? — писала она Николаю. — Я действительно считаю, что стоит рискнуть, так как многие считают его подходящим человеком».

Далее она писала, что у Штюмера много свежих мыслей, а кроме того, «он высоко ценит Григория, что очень важно». Императрица называла Штюмера «прекрасным честным человеком, искренне верящим в посланную Господом мудрость нашего Друга». Дело о назначении Штюмера было решено, когда император приехал в Царское Село. «Как я рада, что теперь ты можешь опереться на Штюмера», — писала Александра 16 января, когда поезд увозил императора назад, в Ставку. Николай был согласен с супругой: «На сей раз я уезжаю, чувствуя себя гораздо спокойнее».

Они испытывали «безграничное доверие» к новому

премьеру, которое, естественно, разделял Распутин. Правда, «Друг» руководствовался совсем иными соображениями, рассчитывая, что Штюмер окажется достойным преемником прежнего премьера. Почти все русские люди считали это назначение свидетельством того, что их страна превращается в сумасшедший дом. За 40 лет службы Штюмер снискал себе репутацию взяточника и очень нечистоплотного человека, получив кличку «тверской грабитель» за время пребывания на посту губернатора Тверской губернии. У него не было опыта работы в центральном правительстве, не считая кратковременной службы в министерстве внутренних дел, где под его началом было не более 100 человек. Министр юстиции называл Штюмера «лживым, двуличным и не особенно умным человеком». Еще один министр говорил, что Штюмер порочит русский язык, так как слово «лжец» не могло в полной мере передать сущность этого человека. Даже сам Мануйлов говорил, что его протезе «был в 50 лет конченным человеком и вечно дремал».

Вскоре истинная сущность Штюмера проявилась в полной мере. Он подsunул в папку с документами постановление о выделении из секретных фондов 5 миллионов рублей для его личных нужд, в надежде, что его коллеги машинально подпишут этот документ после заседания.

Министр образования граф Павел Игнатъев заметил документ и заинтересовался, что это значит. Так как 5 миллионов были записаны на счет военного министерства, Игнатъев отдал документ Поливанову.

— Взгляните-ка на это, — сказал он. — Вам это нужно?

Военный министр отрицал свою причастность к этому делу и потребовал объяснений у нового премьера. Штюмер стал что-то бормотать о «расходах на шпионов» по особому распоряжению императора. Поливанов настаивал, что выдать такую сумму совершен-

но невозможно, чем заслужил недовольство премьер-министра и понял, что будущее не сулит ему ничего хорошего. «После этого, — говорил Поливанов, — я ясно понял, что дни моего пребывания в правительстве сочтены».

Распутин не терял времени на продвинувшихся с его помощью марионеток. 21 января агенты проследовали за ним на улицу Бассейную, в дом 36, где жила 25-летняя актриса. Она была одной из содержанок Мануйлова и любовницей Штюрмера. «По тайным сведениям, в квартире у Орловой присутствовал Манасевич-Мануйлов и председатель совета министров Штюрмер. Мануйлов теперь называл себя «секретарем Штюрмера». В квартире у него была импозантная приемная, где он делал вид, что звонит по прямому телефону министрам, чтобы произвести впечатление на тех, из кого он вымогал деньги. Он посетил Палеолога, пытаясь получить от французов субсидию на то, чтобы Россия продолжала вести войну. Посол обнаружил, что Мануйлова много раз обвиняли в мошенничестве и вымогательстве еще в 1911 году, однако обвинения были сняты, так как открылись его связи с тайной полицией. Мануйлов представился французскому послу как личный секретарь премьер-министра, на которого была возложена ответственность за безопасность Распутина. «Что за новая должность!» — воскликнул возмущенный Палеолог, когда Мануйлов вышел.

Распутин отметил назначение Штюрмера своим обычным способом, вернувшись домой в 7.30 утра и распевая при этом на всю улицу. С ростом влияния Распутина увеличилось и количество приходивших к нему просителей. По сведениям агентов, его ежедневно посещало по 300-400 человек. В числе просителей были генералы в мундирах, студенты и гимназисты, обращавшиеся за финансовой помощью. Старец старался никому не отказывать, что значительно увеличи-

вало его и без того большие расходы. К расходам на развлечения, проституток и цыганский хор добавлялись более прозаические счета за аренду квартиры, плата за школу и одежду дочерей, а также денежные переводы, которые Распутин посылал жене в Сибирь. Кроме этого, Распутин постоянно пользовался телефоном и ездил на извозчиках. Он жаловался, что люди часто звонили и проклинали его по телефону. И все же он доверял ему больше, чем телеграфу, не подозревая, что Комиссаров прослушивает его разговоры. Ежедневно старец ужинал в ресторанах, а вечер с развлечениями в таком, как «Вилла Роде», обходился не менее чем в тысячу рублей. Кроме этого, старец ежедневно выпивал по нескольку бутылок мадеры и пристрастился к свежим фруктам и осетрине.

Несмотря на то, что министерство внутренних дел ежемесячно переводило на его имя 5000 рублей, в то время как средняя зарплата рабочего за месяц составляла 125 рублей, а многие его счета оплачивались другими, Симанович жаловался, что ему всегда не хватало денег. Распутин полностью доверял все дела Симановичу и не спрашивал, откуда берутся деньги. Симанович говорил, что если бы не расточительность старца, «он мог бы скопить солидный капитал». Когда приходил банкир Гинсбург, Распутин заставлял его выворачивать карманы и раздавать все их содержимое. Он также посылал просителей к другим миллионерам, снабдив их предварительно записками, в которых указывалась та или иная сумма. «От природы у него было доброе сердце», — говорил Симанович.

В начале Великого Поста императрица пригласила Распутина на богослужение в императорской часовне. «Как я счастлива причаститься вместе с ним!» — писала она. Вскоре весть об этом событии разнеслась по всему городу, и оказанная старцу честь была представлена как дикая хлыстовская оргия, а в адрес Александры и ее дочерей делались грязные намеки. Агенты не всегда

могли уследить за Распутиным, так как он имел обыкновение садиться в автомобиль и ехать с такой скоростью, что те не могли за ним угнаться. Автомобилями Распутина обеспечивал Штюрмер, который брал их из парка Военного министерства. Общественная неприязнь к старцу росла, и охранять его жизнь становилось все труднее.

Каждое утро Васильеву приносили подробный отчет о том, кто приходил накануне к Распутину и куда он ездил сам. Визиты к министрам, а также к Вырубовой в Царское Село часто не упоминались из соображений деликатности. В дворцовой книге записи посетителей имя Распутина упоминалось всего три раза: 17 октября 1914 года («Их Величества принимали Григория Ефимовича Распутина вечером 17 октября 1914 года»), 23 апреля и 5 сентября 1916 года, соответственно в 9.20 вечера и 9.45 вечера. Эти записи были сделаны по недосмотру, так как император распорядился, чтобы посещения Распутина нигде не записывались, а поэтому нельзя назвать их точное число. Однако другие записи в книге посещений свидетельствуют о том, что протеже Распутина имели свободный доступ к императрице. Варнава, митрополит Питирим, госпожа Пистолькорс, почитательница старца баронесса В. И. Искуль, а также Головина и Лаптинская получали у нее регулярные аудиенции. По словам Васильева, визиты Распутина в 1914 году были редкими, в 1915 году они значительно участились, достигнув своего пика в 1916 году. Два раза в месяц Васильев лично готовил специальный отчет Охранного отделения в единственном экземпляре, предназначенный только для императора. Там содержалась подробная информация о найденных нелегальных типографиях, тайниках с оружием и т. д. Однако у Васильева хватало благоразумия не компрометировать себя упоминаниями имени старца.

Сохранилось несколько черновых отчетов, сделан-

ных агентами. На каждом из них поставлено число и указан адрес: Гороховая улица, 64, а также кличка наблюдаемого «Черный». Когда это было возможным, указывались также имя, возраст, семейное положение и адрес новых знакомых Распутина.

По этим отчетам можно проследить ежедневную беспорядочную жизнь старца. Отчет за 8 февраля даже читать утомительно.

«Книрше ушел от Распутина в час ночи. В это же время приехали на автомобиле два неизвестных господина, и Книрше вернулся вместе с ними в квартиру Распутина. Ушли они в два часа ночи. Соловьева приехала в 10 утра и вскоре уехала. В 10.10 приехала Маня Головина, через час она уехала. В 11.50 приехала Татьяна Шаховская (супруга министра торговли), уехала через четверть часа. Симанович приехал в 12 дня и через 10 минут уехал. Сандецкая приехала в 12.10 и уехала через 10 минут (Клавдия Амвросиевна Сандецкая, 26-летняя жена капитана, почитательница Распутина, живет по Захарьевской, 9). В 12.15 приехал регент Афонского монастыря Деревенский, который рассказал, что в прошлом году один писарь из Александро-Невской лавры читал в газете «Копейка» о Варнаве и Грише. Ключник слушал его, а затем спросил: «Когда в России будет революция?» Деревенский спросил, к чему приведет революция, на что ключник ответил: «Романовы больше не будут царствовать, а потом сбросят и это дерьмо, Варнаву и Гришу».

Агенты отметили, что писарь стал теперь священником, а имя ключника осталось неизвестным, иначе бы его причислили к разряду инакомыслящих.

«В 12.40 к дому Распутина на автомобиле №3 подъехал неизвестный чиновник в военном мундире, в 12.50 они вместе с «Черным» вышли из дома. Во дворе их поджидали два неизвестных мужчины. «Черный» сказал, что присоединится к ним позже и уехал с военным чиновником. Им удалось скрыться от агентов». Веро-

ятно, автомобили военного министерства оказались слишком быстроходными для агентов, и все же они позаботились о том, чтобы на месте шофера оказался один из осведомителей.

«По словам шофера, — писалось в отчете, — они отправились в Николаевское кавалерийское училище и в польский костел на Торговой улице. В 1.50 дня «Черный» вернулся домой вместе с чиновником, который через 10 минут ушел. В 1.35 пришел член Думы Мамонтов, через полчаса он ушел (Василий Николаевич Мамонтов, 65-летний советник и член Думы; почитательница Распутина Воскобойникова была у него на содержании, проживала на Фурштадтской, 12). В 1.40 дня приехали Гаар и Базилевская, они уехали через 1 час 20 минут (Лидия Платоновна Базилевская, 28-летняя дочь генерал-майора, была в разводе с инженером Мальтиновским, почитателем Распутина)».

Симанович, как обычно, несколько раз навещил старца в течение дня.

«В 2 часа дня человек в военном мундире приехал во второй раз вместе с Симановичем на автомобиле №5064, они уехали через 20 минут. В 2.15 приехала дама, супруга офицера Измайловского полка, проживает на Измайловском проспекте в правительственном доме. Уехала через 1 час 45 минут». Агенты никогда не сообщали, были ли между старцем и дамами сексуальные отношения. Вскоре снова появился Симанович. «В 3.40 дня Симанович приехал в третий раз и через полчаса уехал. В 4.10 приехал Книрше и привез сверток, в котором, вероятно, находилось несколько бутылок вина. Уехал через 40 минут. В 5 вечера приехала Червинская и провела в квартире 30 минут (Наталья Илларионовна Червинская, 48-летняя жена дворянина, приживалка в доме князя Андронникова). В 5.10 вечера приехала Соловьева. В 6.20 вечера в четвертый раз приехал Симанович и оставался в квартире час. В 6.45 приехал Решетников, оставался в квартире 35 минут

(Николай Иванович Решетников, 57-летний потомственный дворянин, почетный гражданин города, Морская улица, 39/12, гостиница «Астория»). В 7.20 вечера приехала незнакомая дама. В 9.20 вечера приехала во второй раз Туревич, уехала через 20 минут. Добровольская приехала в 9.30 вечера. Туревич с мужем приехала в 10.10. В 11.20 приехал Книрше, уехал через 20 минут».

Агенты приложили к отчету записку: «В 8.15 вечера приехали пять женщин. По словам извозчика, с Офицерской улицы. В 10 вечера они пели песни, играли на рояле и танцевали. Пришло около 25 посетителей, но «Черный» их не принял». Отчет был подписан двумя агентами: Тереховым и Свистуновым.

На следующее утро, перед тем, как отправиться в парную, Распутин принял 10 посетителей, имена которых агенты записали. В это время Николай нанес беспрецедентный визит в Государственную Думу, о котором старец говорил еще два месяца назад. Император нервничал и «с трудом выдавливал из себя слова», однако неожиданные возгласы «Ура!» стали ему наградой. Это был последний раз, когда народ, или, по крайней мере, выбранные им представители, оказали своему императору такой знак уважения. Когда Штюмер обратился с речью к Думе, его встретили презрительным молчанием. А на Гороховой улице тем вечером побывало еще семь посетителей.

10 февраля, помимо обычной толпы просителей, Распутин принял еще 15 человек, в числе которых были биржевые «акулы», мошенники, жена генерала, взяточник Мануйлов, посыльный от Белецкого и Лидия Владимировна Никитина, дочь коменданта Петропавловской крепости, фрейлина ее величества.

В течение 24 часов за домом неотлучно наблюдали лучшие агенты охраны: Терехов, Свистунов, Попов, Васильев, Иванов. Однако и им с трудом удавалось записать многочисленных посетителей старца. В отчете

тах стали появляться тревожные ссылки на «неизвестных людей», личность которых агенты не могли установить. Распутин разделял беспокойство полиции, так как до него дошли слухи об очередном готовившемся на него покушении.

Теперь ставленники Распутина возглавляли церковь и государство. «Я породил Питирима, а Питирим породил Штюмера», — хвастался старец. И все же он опасался за свою жизнь, так же как и Александра. Она больше не доверяла министру внутренних дел, которого еще совсем недавно так превозносила. «С тех пор как Хвостов у власти и имеет в своем распоряжении деньги и полицию, я неспокойна за Григория и Аню (Вырубову)», — писала она Николаю. Отношения Распутина с Хвостовым и Белецким были испорчены попытками последних сохранить их в тайне. Распутин прекрасно понимал причину такого поведения. Они боялись запятнать свою репутацию, а старца это оскорбляло. Напившись, он имел обыкновение звонить по телефону их женам, называя высокопоставленных супругов запросто, по именам. Кроме того, старец посылал к Хвостову и Белецкому посыльных, когда те развлекались с гостями и приказывал им громко объявлять, что они пришли с важным сообщением от Распутина. Распутин называл Хвостова «Толстопузым», а тот обвинял старца за то, что премьер-министром стал Штюмер, а не он сам.

Хвостов туманно намекал Белецкому, что пора избавиться от «всякой грязи», подразумевая под этим убийство старца. Белецкий обсудил этот вопрос с Комиссаровым, который отсоветовал начальнику полиции вмешиваться в подобное дело, говоря, что министр внутренних дел сразу же сбежит, как только со старцем будет покончено, а всю вину свалит на него, на Белецкого. Комиссаров предложил начальнику полиции поводить Хвостова за нос, предлагая фиктив-

ные планы убийства с явными просчетами и промахами. Псевдозаговор состоял в том, чтобы прислать за Распутиным автомобиль и пригласить его в дом незнакомой почитательницы, что явно польстило бы самолюбию старца. Затем машина должна была сломаться на одной из темных улиц, а переодетым бродягами агентам охраны предлагалось задушить старца и утопить его труп в Неве. Белецкий посвятил Хвостова в свой план, предупредив, однако, что агенты могут навести на след заговорщиков. Министр с ним согласился, но продолжал настаивать на том, что Распутина надо убрать. Помахав в воздухе «браунингом», он сказал, что сделает это сам, и немедленно. Затем Белецкий предложил устроить засаду и избить Распутина после очередного ужина в ресторане. Разумеется, он не сказал Хвостову, что предупредил предполагаемую жертву. В результате старец в тот вечер никуда не пошел, а потом рассказал одному из журналистов, что министр, целовавший ему руку, хочет его смерти.

Расстроенный Хвостов пришел к Комиссарову и предложил ему 200 тысяч рублей из тайного правительственного фонда, чтобы тот помог избавиться от старца. Он предложил подсыпать яда в бутылки с мадерой, которые Распутину пошлют в подарок от Рубинштейна. Это бросит тень на финансиста, репутацию которого Хвостов намеревался подмочить. Комиссаров отправился в Саратов, где он в свое время служил начальником местной полиции, чтобы купить там яд у одного знакомого аптекаря. Он вернулся с несколькими бутылочками, в которых, как предполагалось, находился яд. Хвостов был доволен, а Белецкий нервничал. Комиссаров заверил начальника полиции, что в бутылочках находятся лекарства, которые он взял у жены, а этикетки он наклеил сам, посмотрев названия ядов в справочнике. Однако в одной из бутылочек все-таки был яд, и Комиссаров проверил его действие, подлив

содержимое бутылочки в блюдечко с молоком, которое пил кот Распутина.

К великому огорчению старца, кот умер в мучениях. В смерти кота старец обвинил князя Андронникова.

Однако кот стал единственной жертвой заговорщиков. Разочаровавшись в Комиссарове и Белецком, Хвостов обратился к Борису Ржевскому, журналисту, «не способному хранить верность кому бы то ни было». Хвостов пользовался его грязными услугами, еще будучи губернатором. Ржевский был завсегдатаем в салоне баронессы Евгении Розен, дамы, жившей на широкую ногу, хотя никому не было известно, откуда у нее берутся на это средства. Ее салон славился «нескончаемыми оргиями и попойками». Днем она развлекала великих князей и княгинь, генералов, адмиралов и министров, а вечером гостями ее салона были куртизанки, публицисты, актрисы и Борис Ржевский. Через баронессу Ржевский поддерживал связь с Илиодором. Он раздобыл письма императрицы к Распутину и грозился их опубликовать, в надежде получить деньги. Хвостов предложил ему использовать Илиодора в подготовке нового заговора против старца и навестить бывшего монаха в Норвегии. Находясь в изгнании, Илиодор продолжал нападки на Распутина и написал памфлет «Распутин, святой дьявол». Илиодор мечтал разбросать с самолета размноженные копии памфлета на линии фронта.

Белецкий заставил Ржевского отправиться к финской границе, где жандармский офицер нарочно его задержал. Журналист вышел из себя, и пока он кричал, что едет по особому поручению от Хвостова, жандармы проверяли его документы. В конце концов, ему разрешили продолжить путь в Норвегию, где Илиодор заверил его, что в Царицыне найдутся люди, готовые покончить со старцем. В это время Белецкий добыл доказательства того, что Ржевский украл пожертвования на Красный Крест и передал их своей

любовнице. Была также перехвачена телеграмма от Илиодора, в которой он требовал денег, чтобы предполагаемые убийцы Распутина смогли приехать из Царьцына в Петроград. Узнав обо всем этом по возвращении из Норвегии, Ржевский во всех подробностях рассказал Белецкому о планируемом заговоре.

Встревоженный Хвостов назначил Белецкого губернатором в Иркутск. Узнав о «принудительном» повышении, Белецкий разрыдался. Министр же смеялся от всей души, говоря, что ему следовало позаботиться о том, чтобы избавиться от старца. Однако Белецкий не преминул ему отомстить, рассказав Распутину и Вырубовой все подробности планируемого заговора, которые, разумеется, дошли до императрицы. Кроме того, он рассказал о замыслах Хвостова в незаписанном интервью редактору «Биржевой газеты».

Распутин был напуган и по рекомендации Мануйлова 1 марта навестил Спиридовича, ища у него защиты. Он одел голубую рубаху, бархатные штаны и высокие сапоги, а также вымыл руки и голову, желая произвести благоприятное впечатление. Он сообщил начальнику дворцовой службы безопасности, что его окружают убийцы, а Хвостов решил с ним покончить. Старец просил, чтобы агентов охраны сменили люди из дворцовой службы безопасности, на что генерал ответил, что свободных людей у него нет. Распутин также жаловался, что Штюрмер заставляет его ехать в Покровское.

— Я не поеду ни за что на свете. Они наверняка убьют меня по пути, милай. А если и не убьют, то сошлют так далеко, что даже сам царь меня не найдет, — сетовал старец.

Потом он приободрился.

— Все в порядке. С ним покончено! — сказал он о Хвостове. — Царь уже просил старика (Штюрмера) представить ему четыре кандидатуры на пост министра внутренних дел... Я сегодня звонил Папе... Убедился,

что сегодня он Толстопузого не видел... Он интриган... Этого убийцу нужно прогнать. Убийца! Убийца! — старец пристально посмотрел на Спиридовича. — Они наверняка меня убьют, милай, — сказал он. — И вы все тоже умрете. Маму и Папу тоже убьют. Понимаешь, приятель, вас всех, всех убьют.

Сведения Распутина были точными. Хвостов, пришедший в отчаяние от такого поворота событий, подготовил досье, составленное из отчетов агентов, где говорилось о пьянстве и беспутном поведении старца. Он также дал интервью в прессе, где утверждал, что Распутин принадлежит к прогерманской партии и является членом международной агентурной сети. Как министр внутренних дел, он мог обойти собственный приказ о цензуре и напечатать свое интервью, которое принесло большой вред, так как подтвердило салонные слухи о том, что императрица и старец всадили нож в спину русской армии, выдавая военные тайны врагу. Затем Хвостов представил компрометирующие материалы на Распутина императору, приехавшему на короткое время в Царское Село. «Император неохотно выслушал отчет, — вспоминал впоследствии Хвостов. — Подойдя к окну, он сделал вид, что увидел там что-то интересное».

Этот неосмотрительный поступок не только не спас, но окончательно погубил министра внутренних дел. Николай пригласил Распутина во дворец, чтобы вместе поститься и принять причастие. Отец Василий, духовник императора, рассказал Хвостову, что император обнял старца со словами:

— Мы никогда не расстанемся.

— Я должен уехать и пришел попрощаться, — ответил Распутин.

— Мы никогда, никогда не расстанемся, — повторил император и протянул старцу приказ об отставке Хвостова.

3 марта было объявлено об отставке Хвостова, а на

следующий день император уехал в Ставку. «Я в отчаянии, что мы порекомендовали тебе Хвостова, — писала ему императрица. — Эта мысль не дает мне покоя... В него вселился дьявол, так как иного объяснения я не нахожу!»

Портфель Хвостова был передан Штюмеру, который теперь совмещал должность премьер-министра с обязанностями министра внутренних дел. Формально он являлся самой влиятельной фигурой в России, а на деле был марионеткой тех, кто его сотворил. Что касается Белецкого, то его интервью «Биржевой газете» было полностью напечатано, и план заговора против Распутина стал всеобщим достоянием. Белецкий написал письмо редактору, в котором подтверждал, что все сказанное им является чистой правдой. Скандал, в котором министр внутренних дел действовал заодно с лишенным духовного сана монахом, планируя убийство царского фаворита, напоминал о дворцовых интригах далекого прошлого. Белецкого отправили в отставку, а приказ о его назначении губернатором в Иркутске был отменен. Снова Белецкий и Хвостов встретились только в тюремной камере, куда их бросили большевики перед казнью.

Очередной заговор созрел в самом правительстве. Императрица чувствовала себя отвратительно и впала в депрессию. 5 марта она писала Николаю, что ее ничто не радует. «Уже давно нет ни великих писателей, ни художников, ни композиторов. Странная пустота. Машины и деньги правят миром, уничтожая искусство. Те, кто считает себя одаренными, просто имеют больное воображение».

Над Распутиным сгущались тучи, а с его именем связывалось все больше самых грязных сплетен. В специальных архивах Охранного отделения были собраны коробки с вырезками из газет, непристойными карикатурами, памфлетами и перехваченными письмами. Все это просачивалось на фронт и даже в Ставку. Военный

священник Георгий Чавельский был так обеспокоен, что попросил аудиенции у императора. «Я говорил о слухах, касающихся Распутина и его близости к императорской семье», — свидетельствовал он впоследствии. Священник старался изложить содержание слухов и сплетен как можно более деликатно. Он говорил об огромном влиянии старца на новые назначения в правительстве, на заключение контрактов на поставки для армии. «Я сказал, что в армии распространяются самые невероятные слухи о том, что старец выдает секретные военные сведения, которые он узнал в результате своей близости к царской семье. Я также сказал, что агитаторы используют это для подрыва престижа императора».

Николай внимательно выслушал священника, ни разу его не прервав.

— Я обо всем этом слышал, — просто сказал он.

Симанович был также сильно обеспокоен «грязными слухами», которые старательно распространялись даже родственниками императора — самыми высокопоставленными лицами в стране. Александра обо всем знала; получив «злое анонимное письмо», она его тут же разорвала, прочтя лишь несколько строк. Симанович предупредил Распутина, что его песня спета, если не удастся прекратить весь этот шум. Однако предостережение не возымело желаемого действия.

— А чего ты от меня хочешь? — кричал в ответ Распутин. — Что я могу сделать? Разве я виноват, что меня так оклеветали?

— Нельзя допускать, чтобы из-за тебя распускались слухи по поводу великих княжон, — настаивал Симанович. — Ты должен понять, что все жалеют бедных девочек и что даже имя императрицы смешали с грязью.

— Иди к черту, — огрызнулся Распутин. — Я ничего не сделал. Людям должно быть известно, что никто не гадит там, где ест. Я нахожусь на службе у государя и

никогда бы не позволил себе ничего подобного. Неужели ты думаешь, что царь стал бы это терпеть?

— Все потому, что ты бегаешь за женщинами. Плюнь на них. Ты же не пропускаешь ни одной юбки.

— А разве я виноват? — возразил Распутин. — Я же их не насилую. Они приходят ко мне по собственной воле, чтобы я замолвил за них словечко перед царем. И что прикажешь мне делать? Я здоровый мужчина и не могу устоять, когда ко мне приходит хорошенькая женщина. Почему я не могу ими воспользоваться? Я с ними встречи не ищу. Они приходят ко мне сами.

Вера Жуковская заметила, что Распутин был пьянее обычного, когда пригласил ее на вечеринку после ее возвращения в Петроград. Он разговаривал с четырьмя кавказцами и какой-то дамой, когда пришла Жуковская. Она услышала, как несколько раз произносились слова «концессия», «биржа» и «давление на народ». Распутин заявил, что будет заниматься делами завтра и спустился с Жуковской вниз, где их уже ждала машина. Водитель поприветствовал Распутина.

Дом, в который они поехали, находился недалеко от квартиры Распутина. Их встретила маленькая полная женщина и проводила в столовую. Хозяин, одетый в плащ паломника, бросился им навстречу с бутылкой портвейна и предложил Распутину выпить, пока принесут его любимую мадеру. Старец успел выпить несколько стаканов, когда хозяйка принесла дымящееся блюдо с жареным лещом. Распутин ел рыбу руками, подкладывая большие куски Жуковской. Хозяин стал обсуждать со старцем политику церкви и спросил о Питириме.

— Он славный малый и своего не упустит, — ответил Распутин. — Питирим наш. — Затем он потребовал музыки и шампанского. В комнату вошли два балалаечника, и Распутин запел: — Пей до дна, пей до дна, головы лишь не теряй!

Он настаивал, чтобы Жуковская выпила вместе с

ним. Затем он, как обычно, пустился в пляс. Через некоторое время старец утомился и сел на диван, тяжело дыша. Отдышавшись, он стал рассказывать о кутежах у себя на родине, в Сибири.

— Весь день мы валили деревья такой толщины, что их не могли обхватить три человека. А вечером мы разводили костер на снегу и пели и плясали до полуночи. Вот это жизнь!

Он был слишком пьян и не заметил, как Жуковская ускользнула. 11 марта Распутин утешился с проституткой Трегубовой, а от нее отправился в баню.

Подстрекаемая Распутиным и Штюмером, Александра решила отправить в отставку военного министра Поливанова. Поливанов жаловался, что императрица вмешивается в дела военного министерства, навязывая рекомендации Распутина относительно поставок продовольствия, транспорта, топлива и других вещей, о которых она не имела ни малейшего понятия. Она требовала, чтобы ей сообщали точные даты военных операций, с тем, чтобы Распутин мог помолиться за их успех.

Она потребовала, чтобы военным походом командовал один «славный человек», который, тем не менее, «не ступал на палубу военного корабля в течение многих лет». Николай согласился с ее рекомендацией, хотя на сей раз императрица получила от мужа редкий упрек в свой адрес. В своих письмах она писала, что Распутин одобряет мысль о том, чтобы избавиться от «революционно настроенного» военного министра.

13 марта она писала Николаю: «Любимый мой, не тяни, решайся, это слишком серьезное дело. Заменяв его прямо сейчас, ты подрежешь крылья революционной партии. Только поспеши... Поторопись, милый. Твоя женушка всегда должна тебя подталкивать... Обещай, что ты немедленно заменишь военного министра. Сделай это ради себя, ради детей и России». Алексан-

дра еще не успела отправить это письмо, когда получила весточку от Николая: «Я наконец нашел преемника Поливанова».

Александра добавила к своему письму постскрипtum: «Какое облегчение! Теперь я буду спать спокойно».

Вероятно, радость императорской четы разделяли только Распутин и Штюмер, а всех остальных известие об отставке Поливанова привело в ужас. Британский наблюдатель генерал Нокс считал Поливанова самым способным военным организатором в России. Во время его пребывания в должности заметно улучшились поставки на фронт. Все передовые подразделения были полностью вооружены винтовками, на каждый полк приходилось до дюжины пулеметов, а большинство пехотных подразделений имело по три дюжины пушек с полным боекомплектом. Преемником Поливанова стал генерал Дмитрий Шуваев, который со страхом признался Ноксу, что не готов выполнять обязанности военного министра. Он был «славным малым», однако совершенно не разбирался в военном деле, но его преданность императору была так велика, что если бы его величество попросил генерала выпрыгнуть из окна, тот выполнил бы это не раздумывая. Честный и трудолюбивый Поливанов не услышал даже обычных слов благодарности, которые произносились в адрес министров, отправленных в отставку. Николай просто написал, что считает его «недостаточно авторитетным».

Несмотря на свои страхи, Распутин все-таки 14 марта уехал в Покровское. Пасху он встретил в Сибири. «Читая вечером Библию, я думала о нашем Друге и о том, как фарисеи преследовали Христа, — писала Александра императору. — Как справедливы слова о том, что нет пророка в своем отечестве. Но что толку об этом говорить. Как часто его молитвы находили

отклик. Он живет для своего государя и России, это из-за нас он страдает и терпит гонения». На следующий день она получила письмо из Сибири. «Наш Друг с огромной печалью пишет о том, как много людей останутся голодными на Пасху из-за того, что его нет в Петрограде. Он так много отдает бедным. Он отдает им последнюю копейку вместе со своим благословением».

По городу ходили поддельные письма порнографического содержания, якобы написанные императрицей и Распутиным. Однако настоящие письма вызвали бы гораздо большее возмущение, если бы стали достоянием всеобщей гласности, так как в них была не похоть, а богохульство.

У поэта Александра Блока, наблюдавшего празднование Пасхи у ворот Исаакиевского собора в Петрограде, возникло чувство, что Россия обречена. Приходящая этому празднику торжественная и благостная атмосфера отсутствовала. Он увидел, как толпа уличных мальчишек взобралась на памятник Петру Великому. Они висели на конском хвосте, зажигали папиросы под брюхом лошади и усаживались на змею, раздавленную конским копытом. «Петербургу пришел конец. Полный упадок нравственности», — писал поэт.

В Пасхальное воскресенье русские войска начали наступление в Литве, чтобы облегчить участь французов под Верденом. Немцы писали, что русские шли в атаку «как всегда храбро и решительно, выказывая полное презрение к смерти». Днем на поле боя спустился туман, а ночью мороз был таким сильным, что на рассвете солдатам приходилось вырубать себя из замерзшей грязи. Ставка не обеспечила им поддержки с воздуха и тяжелой артиллерией. Немцы пошли в контрнаступление. Лежащих на заболоченной местности русских расстреливали тяжелыми снарядами с расстояния 400 метров. Через 5 часов в батальонах осталось не более сотни человек. Из 35 офицеров Смоленского полка, которые первыми пошли в на-

ступление, в живых осталось только 7. И все же они отступили не более чем на полтора километра и закрепились на болотистой местности, обильно политой русской кровью. Каждую ночь немцы слышали, как русские пели Пасхальную молитву «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ». А в это время в Александровском дворце императрица писала мужу: «Христос воскрес! Мой единственный и любимый Ники, в этот день нашей помолвки все мои мысли и вся моя нежность с тобой». В тот день Александра надела любимую брошь императора.

Она упросила Николая послать телеграмму с пасхальными поздравлениями в Покровское. Император согласился. По словам Спиридовича, даже в Сибири Распутин сохранял единство мысли с правителями. И действительно, в отсутствие старца его влияние на императорскую чету стало еще сильнее и приняло мистический характер. Когда у царевича Алексея случилось болезненное кровоизлияние в ухо, Александра попросила Вырубову послать телеграмму старцу. «Христос воскрес, — ответил он. — Лучезарная радость снизошла на нас, что церковь непобедима, а мы, ее семья, радуемся Воскресению Христову». Императрица послала телеграмму Николаю в Ставку: «Вчера, во время богослужения, я так ясно представила Григория и все те гонения, которые он претерпевает во имя Христа и нашего блага. Все имело для меня двойной смысл, и мне было так грустно, что тебя нет рядом».

В середине апреля Мюриэль Бьюкенен переходила улицу около Николаевского моста. Зима 1915-16 года была самой суровой за последние несколько лет. Дочь посла работала сестрой милосердия в финансируемом Великобританией госпитале, где раненые солдаты дрожали от холода в нетопленных палатах, укрывшись несколькими одеялами. Улица была забита повозками и отчаянно звонившими трамваями. Резкий ветер раз-

вевал белый платок на голове Мюриэль. Вдруг перед ней остановился извозчик, пассажиром которого был чернобородый человек в меховой шапке, надвинутой на растрепанные волосы. «Его светло-серые, глубоко посаженные глаза отличались каким-то странным и удивительным блеском».

Мюриэль застыла под взглядом этих необычных глаз, чувствуя себя совершенно беспомощной. Стоявший на мосту полицейский сделал знак, движение возобновилось, и незнакомец исчез. Мюриэль облегченно вздохнула, пытаясь стряхнуть с себя наваждение. В этот момент она услышала разговор двух женщин, стоявших на тротуаре, и поняла, что ее догадка подтвердилась:

— Ты видела двух человек, что ехали на другом извозчике сзади? Они следят, чтобы с ним ничего не случилось. Говорят, что теперь у него на улице специальная охрана. Да, если все, о чем говорят, правда, то охрана ему просто необходима.

Распутин вернулся в Петроград.

В перерывах между попойками Распутин продолжал помогать просителям, и в частности, отдельным евреям. Симанович ознакомил его с делом госпожи Липперт, супруги еврейского врача, попавшего в плен к немцам. Госпожа Липперт очень волновалась, приехав на Гороховую улицу. Даже аудиенция у императора не вызывала у людей такого волнения, как встреча с Распутиным. Когда Симанович попросил Распутина уладить это дело с министром иностранных дел Сазоновым, старец пришел в некоторое замешательство.

— Он выставит нас вон, — сказал Распутин. — Он выступает за войну, а я против.

Министр иностранных дел был настроен враждебно, а, по словам Симановича, старец редко обращался за одолжением к своим недругам. Однако в этом случае он согласился сделать исключение и нацарапал для

госпожи Липперт записку: «Любезный, помоги томящемуся в германском плену. Попроси одного русского за двух немцев. Господь поможет спасти наших людей. Новик-Распутин».

На следующий день госпожа Липперт встретила с министром иностранных дел и вручила ему записку старца. Прочтя записку, Сазонов возвратил ее госпоже Липперт.

— Храните ее у себя, — сказал он, не желая быть скомпрометированным, — и скажите Распутину, что я удовлетворил бы вашу просьбу и без нее.

Министр также сказал, что шесть раненных русских солдат ждут обмена и что ее муж тоже дождет своей очереди. Липперт возразила, что ее муж слишком стар и слаб, и поэтому не может ждать. Сазонов пообещал ей содействие через Красный Крест.

Через неделю дело Липперт не сдвинулось с места. По словам Симановича, старец не любил, когда кто-либо пытался нанести ущерб его престижу. Он написал Сазонову еще одну записку: «Послушай, министр, я послал к тебе женщину, и одному Богу известно, что ты ей наговорил. Прекрати! Уладь ее дело, и все будет хорошо. Если же нет, я переломлю тебе ребра. Я расскажу о тебе Папе, и ты вылетишь с треском. Распутин».

Сазонова несколько не обрадовал второй визит госпожи Липперт.

— Что! — гневно воскликнул он, прочтя записку. — Я не могу допустить, чтобы этот старый лис Распутин посылал мне подобные письма. Если бы вы не были дамой, я бы вышвырнул вас вон.

Липперт попросила отдать ей записку Распутина, но министр иностранных дел отказался. Она пригрозила, что пойдет прямо к старцу, и поведение Сазонова резко изменилось.

— Давайте забудем об этом. Я был вне себя, не

обращайте внимания. Скажите отцу Григорию, что это была просто шутка.

— Вам лучше это сделать самому, — ответила расстроенная госпожа Липперт, взяв в руку трубку телефона. — Вы прекрасно знаете, что он меняет министров, как перчатки.

Она набрала номер Распутина и пригласила его к телефону, а затем отдала трубку Сазонову.

— Вы прислали мне странное письмо, Григорий Ефимович, — сказал Сазонов. — Вы на меня сердитесь?

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Распутин. — Я не виноват, это ты меня оскорбил. Советую прекратить свои грязные штучки. Давай лучше будем друзьями.

Сазонов послушался совета старца, и через две недели доктор Липперт приехал в Петроград. Однако, несмотря на это, министр иностранных дел недолго оставался в своем кресле.

23 мая Распутин приехал в Москву и остановился у Решетниковых на Девичьем Поле, где его уже поджидал епископ Варнава. Госпожа Решетникова радовалась, что в ее доме остановились две такие знаменитости. Раньше ее гостями были Иоанн Кронштадтский и Илиодор. Сюда же приехала и Елена Джанумова. Она заметила, что Распутин похудел и осунулся, с тех пор как они виделись в последний раз. Только его пронзительные глаза нисколько не изменились. Варнава подошел к Елене и Распутину.

— Ах, Григорий Ефимович, — обратился он к старцу с коварной усмешкой, — вот я расскажу твоей Федоровне, как ты волочишься за дамами.

Слова Варнавы имели двойной смысл, так как императрицу звали Александра Федоровна, а жену Распутина — Прасковья Федоровна. Распутин приказал Варнаве замолчать, но тот не унимался и привязался к Елене.

— Как вас зовут? Елена? Значит, через три дня ваши именины. Вы должны принести что-нибудь в дар церкви. Может быть, у вас есть ковер, который вы пожертвуете церкви?

Распутин увел Елену в столовую, но Варнава последовал за ними.

— Стоит тебе увидеть хорошенькую женщину, и ты теряешь голову, — сказал епископ, но Распутин сердито огрызнулся, и Варнава замолчал.

— Слышала, что болтал Варнава? — обратился он к Елене. — Он мне завидует. Он неискренний человек, не люблю его.

Елена пригласила старца на ужин. Она купила мадеры и различной закуски у Елисеева и заказала уху, которую доставили к ней на квартиру. Распутин приехал в семь вечера вместе с грузинским офицером, приставленным охранять старца.

За ужином Распутин высказывал саркастические замечания в адрес Варнавы.

— Он меня не любит. У него хитрые, бегающие глазки.

После ужина старцу захотелось послушать цыган, и они отправились в «Яр». Распутина сразу же узнали, так как еще был свеж в памяти прошлогодний скандал. Старца с компанией проводили в частный кабинет. Следом за ним приехали несколько агентов охраны. Вскоре к гостям вышел цыганский хор вместе со своей знаменитой солисткой Настей Поляковой.

Распутин заказал фрукты, кофе, пирожные и шампанское. В тот вечер он много пил, но не казался пьяным, не считая того, что у него покраснели глаза, а лицо сделалось бледным, и морщины на нем стали заметнее. Полякова запела:

— Эх, раз, еще раз, еще много, много раз...

— Ну, дорогие, давайте веселиться, — старец вскочил с места и начал громко подпевать Поляковой. — А теперь, Настенька, давай выпьем. Люблю я цыган-

ские песни. Когда я их слышу, сердце замирает от радости.

Однако Полякова смотрела на Распутина сурово, так же как и остальные цыгане. Елене рассказали, что цыгане пострадали от прошлогодней выходки Распутина. Их вызывали в полицию на допрос, что было крайне неприятно, и попасть в подобную историю во второй раз им совсем не хотелось. Однако старец не обращал внимания на косые взгляды.

— А теперь спой мою любимую, — обратился он к Насте. — «Тройка мчится, тройка скачет», — он стал дирижировать оркестром, откинув назад голову и прикрыв глаза. — Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей.

Остальные посетители ресторана, среди которых были московские промышленники и несколько англичанок из военной миссии, пожелали присоединиться к компании Распутина. В комнате собралось около 30 человек, когда кто-то предложил отправиться в ночной ресторан. Официант сказал, что оплачивать счет не нужно, так как это уже сделал один из представителей городских властей.

В ресторане им предоставили большой зал с окнами, выходившими в зимний сад. Люди стали забираться на пальмы, чтобы посмотреть на Распутина. Старец заказал шампанского для хора. Певцы уже были изрядно навеселе. Они громко смеялись и что-то выкрикивали.

— Мы споем для Гриши, дорогого Гриши.

Когда музыканты заиграли «Русскую», Распутин пустился в пляс вместе с цыганками.

Агенты тайной полиции, увлеченные этим зрелищем, не заметили двух армейских офицеров, вошедших в зал. Один из них сел рядом с Еленой.

— Что они находят в этом человеке? — спросил один из них, криво усмехнувшись. — Какой стыд!

Пьяный мужик пляшет, а всем это нравится. Почему все женщины так и льнут к нему?

Приближался рассвет. Московские власти оплатили и этот счет Распутина. Вся компания отправилась в один из загородных ресторанов, чтобы полюбоваться восходом солнца. При ресторане был большой сад с летним домиком, вокруг которого пышно цвела сирень. Пели птицы, и сельский воздух казался особенно чистым и свежим после душного и дымного московского ночного ресторана. Распутин заказал кофе, чай и несколько видов ликера.

Армейские офицеры о чем-то перешептывались между собой. Агенты попросили их удалиться, но офицеры не пожелали выполнить их приказ, и между ними началась потасовка. Послышались выстрелы, крики и свистки. Елену и Распутина втокнули в автомобиль, не обращая внимания на протесты старца. По пути в Москву он был мрачен и зол.

— Враги меня ненавидят, — сказал старец и погрузился в угрюмое молчание.

Впоследствии агенты ему рассказали, что офицеров арестовали. Они признались, что не собирались убивать Распутина, а только хотели его поколотить. Услышав это, старец пожелтел от злости. Его нервы были на пределе, и в этот момент он выглядел гораздо старше своих лет.

В тот же день, чуть позже, он куда-то исчез. Сопровождавший его грузинский офицер сказал Елене, что вся московская полиция на ногах и ищет старца. Вскоре Распутин объявился у Елены.

— У меня новая дама, — сказал он, стоя под дверью спальни. — Хочу, чтобы ты с ней познакомилась. Она славная.

Елена уже легла отдыхать и отказалась принять незваных гостей, а старец отправился на прием, который устраивала одна генеральша. Среди гостей была

бежавшая из Польши графиня, страдавшая приступами истерии. Распутин погладил ее по спине, однако присутствие старца не оказало на нее успокаивающего действия.

— Не могу выносить его взгляд! — закричала она. — Эти глаза видят все. Не могу их вынести! — Ее оставили в спальне.

Несколько дам пожелали сфотографироваться со старцем. Они отправились в фотоателье и сделали снимки. Распутин отказался возвращаться в автомобиле и взял извозчика. Агенты последовали за ним в другом экипаже. Они облегченно вздохнули, когда старец сел на поезд, отправлявшийся в Петроград.

Сразу с поезда Распутин отправился к императрице и передал ей четыре просьбы, которые должны были быть доведены до сведения государя. Они касались Думы, нового градоначальника Петрограда, нехватки продовольствия и Союза городов, общественной организации, агитирующей за достойное, заслуживающее доверия правительство. Александра писала, что был и пятый вопрос, но она забыла, какой именно. Распутин снова встретился с ней в домике Вырубовой 11 июня и снова изложил свои просьбы. Он хотел, чтобы бывшего военного министра Сухомлинова освободили из тюрьмы и чтобы Вырубова сопровождала императрицу во время ее поездки в Ставку. Распутин не хотел повышения платы за проезд на трамвае, а также возражал против решения Синода поддержать потенциально враждебный союз городских епархий.

Сосед Распутина Благовещенский, служащий Синода, вел запись посетителей, навещавших Распутина летом. По его словам, с 7 по 14 июня посетители ехали к старцу сплошным потоком. В основном это были дамы, девицы и сестры милосердия. Мужчин было несколько меньше. Когда открывалась дверь в

квартиру, Благовещенский мог видеть столпившихся в прихожей людей, а когда там становилось тесно, они выходили на площадку. Большинство дам были элегантно одеты по последнему слову моды. Как правило, они были бальзаковского возраста. Среди просительниц было также много очаровательных девиц, поражавших Благовещенского своим серьезным видом.

Ел Распутин на кухне вместе со своим так называемым «секретарем» Рубинштейном и Дуней. Они ели деревянными ложками из одной миски.

Во время приема посетителей Распутин часто выходил на кухню, чтобы взять в кабинет апельсины, яблоки, клубнику или какую-нибудь другую еду. «Его кухня находится как раз напротив моей, — писал в своем дневнике Благовещенский, — поэтому мне все прекрасно видно, но вечером они задергивают шторы».

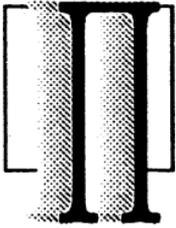
15 июня Благовещенский делал записи в своем дневнике, в то время как у его соседа в квартире творилась настоящая вакханалия. Распутин отмечал свой отъезд в Сибирь. По словам Благовещенского, к нему в тот день приходило много посетителей, а к вечеру их собралась целая толпа. Они пели и плясали, а в полночь прибыли и музыканты, настоящий струнный оркестр из 10 или 12 человек. Оркестр играл мелодии из оперетт, а затем кто-то запел баритоном грузинские песни. После громких аплодисментов была трижды исполнена «Песня о Вещем Олеге», причем стихи переделывались экспромтом в стиле комических пьес. Постоянно раздавались крики «За ваше здоровье!».

В тот вечер окно кухни было открыто, а шторы не задернуты, и Благовещенский мог видеть заходивших туда гостей. Он обратил внимание на то, что Дуня сидела сложа руки, в то время как дамы мыли посуду и убирали со стола. Кутеж продолжался до самого утра.

Под конец Благовещенский различал отдельные пьяные голоса, а протом кто-то стал лихо отплясывать под громкие аплодисменты. Служащий Синода решил, что это старец исполняет сольный номер.

Глава двадцать третья «УЕЗЖАЙТЕ РАДИ НИХ»

ока Распутин был в Сибири, императрица вместе с дочерьми и Вырубовой совершила поездку в Могилев. Распутин хотел поехать вместе с ней, так как его беспокоило, что император не всегда следовал его советам, но генерал Алексеев, старший офицер в Ставке, стал против этого возражать. Александра привезла генералу в подарок от Распутина икону, однако тот отказался ее взять. Императрица спросила, что он имеет против старца.

— Ничего, ваше величество, я никогда с ним не встречался, — ответил Алексеев.

— Тогда почему вы помешали ему приехать сюда? Он так успокаивает императора, и мы все ему многим обязаны. Его молитвы дважды спасали Алексея от смерти.

— Ваше величество, глас народа — это глас Божий, — ответил генерал. — Я не могу допустить здесь присутствия человека, которого народ и армия считают приносящим несчастье.

Императрица холодно попрощалась

с генералом. Она умела ненавидеть так же сильно и неистово, как и любить. Любила она немногих, и Алексеев теперь был причислен к многочисленным врагам императрицы, которых она люто ненавидела. Когда через несколько недель она узнала, что генерал болен раком, то написала императору: «Господь послал ему болезнь, чтобы избавить тебя от заблудшего человека, причиняющего зло, слушающего дурных людей и читающего скверные письма».

Развлекать четырех молодых девиц и их мать в Ставке главнокомандующего в военное время было занятием весьма непростым. Однако Николай был рад развлечься и благодарил Александру за то, что она «принесла жизнь и солнце на смену дождливой погоде». Сохранивший после стольких лет нежность и верность, он говорил: «Когда я встречаю тебя после столь долгой разлуки, меня одолевает глупое смущение, и я лишь сижу и смотрю на тебя». Это занятие отвлекало его мысли от раскола, происшедшего в правительстве. Министр сельского хозяйства считал, что невозможно заставить императора сосредоточиться на таких жизненно важных вопросах, как продовольственный кризис. «Он все время прерывал меня, задавая банальные вопросы о погоде и о том, распустились ли цветы, — рассказывал Александр Наумов вскоре после своей отставки. — Подобно неврастенику, который сохраняет спокойствие лишь до тех пор, пока не будет затронута неприятная для него тема, император, явно измотанный, предпочитал думать о вещах более веселых и приятных».

А между тем по всей стране нарастала волна забастовок, а на транспорте царила полная неразбериха. Цены на муку и жир подскочили на 260% по сравнению с довоенными, мясо подорожало более чем в три раза, а соль — в шесть раз. В секретном отчете генерал Алексеев писал, что спасти страну от полной анархии может только диктатура. Он предлагал сосредоточить всю гражданскую власть в руках одного человека, вер-

ховного министра по обороне государства. Предполагалось, что этот человек будет «объединять, направлять и координировать работу всех министерств, государственных и гражданских организаций». Эта идея понравилась Николаю. Он сохранял за собой всю военную власть и пост главнокомандующего, в то время как «диктатор» должен был управлять от его имени в тылу. Лучшей кандидатурой на роль «диктатора, по его мнению, был Штюмер, друг императрицы и друг Друга императрицы, продажный интриган и предатель, человек, «на чье слово нельзя было положиться». Во всяком случае, так о нем думали послы союзных держав. Что касается самих русских, то они ненавидели его еще больше.

О тайных замыслах государя стало известно Думе. Председатель Думы Михаил Родзянко получил копию отчета и уже успел предупредить Николая, что Распутин представляет собой прямую угрозу династии. Теперь Родзянко обрушился на Штюмера: «Вы тратите время на разоблачение воображаемых революционных заговоров. Вы организуете съезды монархистов, подвергаете гонениям общественные организации, провоцируете бесконечные интриги, парализующие действие администрации, и бросаете страну в руки авантюристов... Страну захлестнули подкупы, взятки и откровенный грабеж, — затем, не называя имени, он заговорил о Распутине. — Люди, которых следовало бы отправить на виселицу, продолжают пользоваться высочайшей благосклонностью, — при этих словах остальные министры стали беспокойно перешептываться, но Родзянко еще не все высказал Штюмеру. — Вы должны понять, что народ вас не любит и не доверяет вам. Занимаясь бессмысленными поисками мнимых революционеров, вы убиваете живую душу народа и создаете рискованную ситуацию, которая рано или поздно приведет к настоящей революции».

Родзянко поспешил в Ставку, чтобы отговорить императора от мысли назначить диктатора, роль которого меньше всех подходила Штюмеру.

— А какие меры вы предложили бы для наведения порядка в стране? — спросил у Родзянко Николай.

— Создать ответственный кабинет министров, — ответил Родзянко.

Император обещал подумать над предложением Родзянко, однако он этого не сделал. «Разумеется, Родзянко наговорил массу чепухи, — писал он Александре. — Самым глупым из всего, что он сказал, было предложение заменить Штюмерера». Вместо того чтобы отправить Штюмерера в отставку, император доверил ему еще один пост.

Интеллигентный, умный и образованный Сергей Сазонов был министром иностранных дел с 1910 года. Ему доверяли и народ, и союзники. Однако у него имелся один роковой недостаток — он не переносил Распутина. Императрица справедливо подозревала, что Сазонов одобряет мысль о создании ответственного кабинета министров, а также сочувственно относится к борьбе Польши за суверенитет. По мнению царицы, все это могло повредить правам царевича. Александра засыпала мужа письмами, в которых просила его найти замену Сазонову.

Николай встретился с Сазоновым в Ставке и, казалось, согласился с ним по вопросу о Польше. В конце июня Сазонов уехал на кратковременный отдых в Финляндию, где и узнал, что его отправили в отставку. Заместитель Сазонова со слезами на глазах умолял британского посла убедить императора в необходимости отменить приказ об отставке. Британский посол направил Николаю телеграмму, на которую тот не ответил.

Сазонова сменил Штюмер. Прошло всего пять месяцев, с тех пор как Мануйлов и Распутин представили его Александре, а теперь это ничтожество занимало три основных поста в государстве: премьер-министра, министра внутренних и иностранных дел. Несмотря на то, что от портфеля министра внутренних дел Штюмер отказался, он умудрялся сочетать две

другие ответственные должности, представляя себя в новой роли дипломата. В своем кабинете он повесил три картины, изображавшие европейские конгрессы в Вене, Париже и Берлине, оставив место для четвертого полотна. Посетителям он объяснял, что по окончании войны он повесит здесь картину с изображением Великого Московского конгресса.

Вернувшись из Сибири, Распутин с радостью узнал об отставке Сазонова, однако весть о том, что Штюмер получил повышение без его участия, удовольствия ему не доставила. Старцу не нравилось, что Штюмер держится от него в отдалении. «Я ему покажу», — грозился Распутин. Мануйлов, пользовавшийся услугами обоих, старался сохранить между ними дружеские отношения. С этой целью он через Лидию Никитину устраивал им тайные ночные встречи в Петропавловской крепости. Штюмер не хотел, чтобы о его отношениях со старцем узнали в городе. В беседе с Климовичем, начальником отделения полиции, он даже отрицал, что знаком с Мануйловым. Когда Климович вручил Штюмеру копию отчета, который Мануйлов написал для полиции, тот только покачал головой: «Каков мерзавец!» И все же Климович сам видел, как Штюмер дружески беседовал с Мануйловым. Знал он и о том, что по приказу Штюмера Мануйлов получал 18 тысяч рублей в год.

Распутин также рассердился, узнав о том, что Александр Алексеевич Хвостов сменил своего тучного племянника на посту министра внутренних дел.

— Как ты посмел сыграть со мной такую грязную шутку? — обрушился он на Штюмера при встрече.

Хвостов был честен и не любил Распутина. И то, и другое было для старца совершенно невыносимо.

Однако неприятные новости не ухудшили его настроения. 3 августа его сосед Благовещенский проснулся среди ночи от громкого смеха и музыки, доно-

сившихся из квартиры Распутина, где собралось человек сорок, не считая цыганского хора. «Они резвились с девяти вечера до трех ночи. Все были пьяны, особенно сам Распутин», — писал в своем дневнике Благовещенский. Старец беспробудно пил с 6 по 9 августа, приставая к прислуге с поцелуями. Наконец, к великой радости соседей, он уехал в Сибирь. Александра собиралась посетить Тобольск и поклониться мощам Св. Иоанна Тобольского, который прошлым летом был незаконно канонизирован епископом Варнавой. Однако сама она в Тобольск не поехала, а отправила с Распутиным Вырубову и Лили фон Ден.

Ненависть, назревшая в обществе по отношению к Распутину, была так велика, что Лили фон Ден считала опасным афишировать их совместную поездку. Однако покинуть Петроград незаметно не удалось. На все станции были отправлены телеграммы, предупреждавшие о приезде высокопоставленных путешественников, в результате чего на вокзалах собирались толпы народа, жаждавшие хоть одним глазком взглянуть на знаменитого старца. Они путешествовали в специальном салоне-вагоне, прицепленном к Транссибирскому составу. В Тюмени они пересели на пароход и под вечер были уже в Тобольске. Гостей встретили губернатор и Варнава, а остановились они в губернаторском особняке. На следующий день они посетили могилу новоиспеченного святого и присутствовали на торжественном богослужении в местном соборе.

На обратном пути Распутин настоял на остановке в Покровском и познакомил дам со своей женой, которую Лили фон Ден нашла «приятной и благоразумной женщиной». Распутин заявил, что хочет, чтобы царь и царица приехали к нему домой. Когда потрясенная таким заявлением фон Ден робко возразила, что путь слишком далек, старец сказал: «Придется приехать. По доброй воле или насильно, но они приедут в Тобольск и увидят мою деревню, прежде чем умрут».

Слова старца сбылись, и после его смерти императору с семьей действительно пришлось приехать в те края. Распутин с дамами отправился в Екатеринбург. По словам Лили фон Ден, когда они сошли с поезда, ее охватило чувство неизбежной катастрофы. «Нам всем сделалось как-то не по себе, и Распутину тоже. Анна сильно нервничала». Они посетили старого наставника Распутина, старца Макария, жившего в грязной хижине в Верхотурье. Макарий накормил всю компанию хлебом и водой и уложил спать на полу. После таких испытаний дамам не терпелось вернуться в Петроград. 7 сентября за ними последовал и Распутин.

В Петрограде его ждали неприятные новости. По приказу Александра Хвостова Климович арестовал Мануйлова. Его обвиняли в вымогательстве крупной суммы денег у одного из московских банков, а также в содействии лицам, уклонявшимся от воинской службы. Мануйлову устроили ловушку и подложили помеченные купюры. Когда Мануйлов попался, Хвостов сказал Штюмеру, что у него есть интересная новость, «которая сначала вас, возможно, испугает, но потом непременно обрадует». Узнав, в чем дело, Штюмер обнял министра внутренних дел и назвал столько раз выручавшего его Мануйлова «шантажистом и продажным вымогателем».

Однако эта новость не только не обрадовала Штюмера, но страшно перепугала. Мануйлов дал понять, что назовет на суде и Распутина, и премьер-министра. Штюмер уволил Климовича, не поставив об этом в известность Хвостова, а потом отправил в отставку и самого Хвостова. Прощаясь со Штюмером, Хвостов сказал: «В первый раз я покидаю вас с чувством искреннего удовольствия». Россия осталась без министра внутренних дел.

Еще один член распутинской компании попал в беду. Дмитрий Рубинштейн был обвинен в шпионаже

в пользу Германии. Финансист скупил все акции страховой компании, специализировавшейся на страховании фабрик, а затем продал компанию шведской фирме, получив при этом большую прибыль. В связи с этим, по заключенному договору, он послал в Стокгольм планы застрахованных фабрик и заводов, многие из которых были военными. На границе Финляндии и Швеции подвергалась досмотру вся почта и обыскивались курьеры. Когда планы были найдены, русская разведка сообщила, что раскрыт шпионский заговор. Рубинштейна посадили в тюрьму, и ему грозила казнь. Все газеты пестрели сообщениями об этом деле.

Хуже всего было то, что Симанович и Распутин представили Рубинштейна императрице как пользующегося доверием банкира. С его помощью Александра пересылала деньги своим друзьям и родственникам через Швецию в Германию. Положение Рубинштейна оказалось весьма щекотливым и опасным. Поручения императрицы он исполнял очень искусно, чем и заслужил ее благодарность. О связи Рубинштейна с Распутиным и императрицей знали все. Чтобы произвести впечатление на инвесторов, Рубинштейн часто пользовался именем Распутина, а также намекал, что является банкиром императорского дома. Распутин не винил Рубинштейна за стремление нажиться на его имени. Старец посылал к банкиру многочисленных просителей, и тот щедро раздавал им оплачиваемые, но фиктивные должности в своем банке.

По словам Симановича, императрица страшно боялась, что о ее отношениях с Рубинштейном узнают, и разразится беспрецедентный скандал. Она попыталась заставить военных отказаться от ведения расследования, однако старший офицер генерал Рузский, славившийся своей ненавистью к евреям, отказался пойти ей навстречу. Опасаясь, что императрице удастся вызволить Рубинштейна из тюрьмы в Петрограде, он перевел арестованного в Псков. Распутин привез жену Ру-

бинштейна в Царское Село, где она увиделась с императрицей в лазарете.

— Успокойтесь и отправляйтесь домой, — сказала Александра истерично рыдавшей женщине, обещая вмешательство государя. Рубинштейн основал свой банк с помощью капитала братьев Воейковых, один из которых, генерал-майор В. Н. Воейков, являлся комендантом дворца. Банк понес большие убытки, и братья потеряли 800 тысяч рублей. Они обвинили во всем Рубинштейна и договорились с псковскими военными, что те будут держать банкира взаперти.

Летом 1916 года страна была на грани катастрофы. Корреспондент «Таймс» Роберт Уилсон писал: «Вся Россия втянута в водоворот мошенничества и грабежа. Каждый старается обобрать соседа... Никогда деньги не добывались так легко с помощью самых гнусных методов». С поставками продовольствия был полный крах. Один из друзей Уилсона, путешествовавший по Сибири, говорил, что там полно продовольствия, в то время как в Петрограде исчез белый хлеб и сахар. Не хватало масла и молока, а вместо мяса продавались лишь тощие куры. И это в стране, считавшейся крупнейшим производителем зерна.

Повсюду царила шпиономания, а в воздухе витала угроза погромов. Высокопоставленные государственные чиновники заявили Васильеву, что два адъютанта кайзера разгуливали по Невскому проспекту. Чиновники возмущенно спрашивали, куда смотрит полиция. Повсюду искали радиостанции. Говорили, что немцы регулярно совершают полеты на цеппелинах на лесную опушку вблизи Петрограда. Там они якобы оставляют своих новых агентов и забирают в Берлин старых. «Эти сплетни быстро становятся всеобщим достоянием и передаются из уст в уста. Так продолжаться не может», — устало писал Васильев.

Под подозрением оказывался любой, носивший

немецкую фамилию или работавший с немцами. Русские журналисты, работавшие в Германии, были сосланы в Сибирь, несмотря на то, что Васильев соглашался с тем, что никаких доказательств их вины не было. Война и рассказы о зверствах германской армии стали поводом для новых нападков на императрицу, графа Фредерикса, отвечавшего за дворцовое хозяйство, и других придворных с немецкими фамилиями, включая главного церемониймейстера, генерал-адъютанта и конюшего. Говорили, что немецкие бароны в Прибалтике подают сигналы германскому флоту с башен своих замков. Обсерваторию одного астроном-любителя по очереди обыскали полиция, военные и представители флота.

Естественно, что следующим заподозрили в шпионаже князя Андронникова. Князь тратил огромные суммы на шикарную жизнь и любовников. «Я не могу даже приблизительно определить сумму его расходов, — говорил камердинер Андронникова. — Моя жена через день приносила ему из Русско-Азиатского банка по тысяче рублей. Она получала деньги по чеку. За квартиру он ежемесячно платил по 600 рублей. Ни одного дня не обходилось без гостей, которые приходили компаниями, не заботясь о том, дома ли хозяин». Охранка получила сведения, что за всю эту роскошь расплачивались германскими деньгами. Когда на следующий год Андронникова допрашивала комиссия по расследованию дела Распутина, доказательств измены родине не было обнаружено. Комиссия решила, что князь был слишком взбалмошным и занятым своими делами, чтобы всерьез заниматься шпионажем. У него отсутствовали политические идеалы, а его мнение о политиках основывалось на личных отношениях с ними. То же можно сказать и о Распутине.

Тем не менее, прогерманские легенды вокруг императрицы и Распутина приносили немало вреда. Дошло до того, что Распутина обвинили в гибели британского

военного корабля «Гемпшир», который подорвался на mine в Северном море. На борту корабля находился генерал Киченер, британский военный министр, который направлялся с секретным визитом в Россию. Распутин радовался этому событию. «Наш Друг говорит, что для нас смерть Киченера является благом, так как в дальнейшем он мог причинить России много вреда», — писала императрица Николаю. Немцы, в свою очередь, были благодарны старцу за деморализацию и скандалы, которые он устраивал. Нет никаких доказательств того, что немцы платили Распутину, как и того, что при дворе существовала «германская камарилья». Однако фактом остается сокращение продовольственных поставок в «угрюмые» города.

Сплетни нервировали императрицу.

— Зачем Григорий остается в Петрограде? — спросила она у Лили фон Ден. Ей уже почти хотелось, чтобы старец вернулся в Сибирь. Однако она сказала: — Возможно, нам не следует его отвергать, ведь он не сделал ничего плохого.

По просьбе Александры, фон Ден навестила Распутину. Он пил чай, и фон Ден сказала, что им нужно поговорить тет-а-тет. Старец провел ее в свой кабинет, однако фон Ден с раздражением обнаружила, что за ними последовала Лаптинская.

— Григорий, вам нужно немедленно уехать из Петрограда, — обратилась фон Ден к Распутину. — Вы можете с таким же успехом молиться за их величеств и в Сибири. Вы же знаете, какие распускаются сплетни. Уезжайте ради них.

Распутин, казалось, был с ней согласен.

— Я ото всего устал и уеду, — ответил он.

Однако в этот момент вмешалась Лаптинская:

— Как вы смеете управлять настроениями Отца! Он должен остаться. Кто вы такая?

Немного подумав, Распутин сказал:

— Пожалуй, ты права. Я останусь.

Распутин остался и стал свидетелем вступления в должность нового министра внутренних дел Александра Протопопова, приехавшего из Симбирска, родины Керенского, Ленина и Обломова, героя одноименного романа И. Гончарова. Однако Протопопов не был похож ни на одного из них. Он был «типичным представителем погрязшего в долгах дворянства». Протопопов совал нос во все дела и легко менял свои взгляды с либеральных на реакционные и наоборот. Его отец был владельцем полотняной фабрики в Симбирске, а сам Протопопов получил юридическое образование. Это был низкорослый неврастеник «с безумно горящими, бегающими глазами и прилизанными волосами». Говорили, что он был похож на «взволнованного тюленя».

Поведение Протопопова представляло собой нечто среднее между эксцентричностью и безумием. Несмотря на то, что отдельные сердобольные личности приписывали его нездоровье прогрессирующему заболеванию позвоночника, Протопопов, скорее всего, был болен сифилисом. Он познакомился с Распутиным прошлой зимой, через Петра Бадмаева, практикующего врача, лечившего пациентов тибетскими травами. Он лечил Протопопова от язв на ногах, галлюцинаций, частичного паралича и других симптомов, свойственных поздней стадии сифилиса. Бадмаев был такой же экстраординарной личностью, как и его пациент. Бурят по национальности, он в юности приехал в Санкт-Петербург, чтобы изучать традиционную медицину, но потом переключился на тибетские целебные средства. Жители Тибета в качестве лечебных средств используют экстракты растений и продукты секреции животных. Они очень искусны в области остеопатии, массажа и гипнотизма. Бадмаев процветал и имел огромную практику. К тому времени когда Бадмаев принял православие, он был уже хорошо известен при дворе Александра III, который даже стал его крестным отцом. Он прописывал больным порошки от холеры, а его знаме-

нитые настои трав с притягательными названиями «Французские духи», «Тибетский эликсир» и «Черный лотос», вероятно, содержали героин. По словам Распутина, от них «все самые тяжкие заботы кажутся ерундой... а сам ты делаешься таким счастливым, что ни о чем не беспокоишься».

Бадмаев предложил Распутину своего пациента, в то время заместителя председателя Думы, как отличную кандидатуру на пост министра. Распутин заверил Протопопова, что найдет для него подходящий портфель. Симановичу эта мысль понравилась, так как с помощью Протопопова он надеялся получить льготы для евреев. В начале сентября Александра надлежащим образом взялась за это дело. «Мой дорогой, — писала она Николаю 7 сентября, — Григорий настоятельно просит тебя назначить Протопопова... Ты его знаешь, и у тебя сложилось о нем хорошее впечатление. Он из Думы (не левый), и потому знает, как себя с ними вести... Он любит нашего Друга и знаком с ним не менее 4 лет, а это многое говорит о человеке». В этом же письме императрица выражает свое растущее раздражение по поводу Штюмера, который в последнее время не желал встречаться с Распутиным. Она не изменяла своего отношения к Думе, но полагала, что назначение Протопопова министром внутренних дел «произведет на них должное впечатление и заставит замолчать».

Сначала Николай колебался. «У нашего Друга иногда бывает странное мнение о людях, — отвечал он Александре 9 сентября. — От всех этих замен у меня голова идет кругом. По моему мнению, слишком уж они часты. В любом случае, они не способствуют улучшению внутренней ситуации в стране, так как каждый новый человек приносит с собой перемены. Извини, что письмо получилось таким тоскливым». Однако уже на следующий день он уступил просьбам жены: «Быть по сему» — писал он. Александре понравилась очередная находка ее Друга. Распутин вовсе не казался ей

странным. Императрица считала, что его практичность и жизненный опыт компенсируют навязанные протоколом ограничения, с которыми были вынуждены считаться и она, и ее супруг. «Он ошибается в людях реже, чем мы. Жизненный опыт благословляется Господом», — уверяла она императора. Распутин и Симанович отвезли Протопопова в домик Вырубовой, а 21 сентября представили императрице, которая беседовала с ним полтора часа. Александра нашла его очень умным, обходительным и по достоинству оценила его прекрасные манеры и хорошее знание английского и французского. Императрица была с Протопоповым откровенна и сказала, что ей нелегко доверять людям, а от него она ожидала повиновения. «Я больше нисколько не стесняюсь и не боюсь министров и очень бойко изъясняюсь по-русски, — хвасталась она Николаю, — а они настолько любезны, что не смеются над моими ошибками. Они видят, что я полна энергии и сообщаю тебе все, что слышу и вижу, и что я твоя опора в тылу... твои глаза и уши». Александра упивалась своей властью, черпая в ней силы. Ведь целая эпоха получила название Викторианской в честь ее бабушки. Николай по достоинству оценил ее роль в своем письме от 23 сентября. «На тебя возложена ответственность за поддержание мира и гармонии среди министров, — писал он. — Тем самым ты оказываешь огромную услугу и мне, и стране». Однако услуга с Протопоповым привела к катастрофе.

Новый министр был безнадежно скомпрометирован. По словам Распутина, совесть Протопопова растягивалась, словно резинка. Он по уши погряз в долгах, и Симанович выкупил его вексель за 150000 рублей, чтобы его не объявили банкротом. Симанович утверждал, что Протопопов обещал после своего назначения вернуть ему всю сумму из секретных фондов министерства. После революции у Симановича нашли вексель Протопопова, а также долговые расписки великих князей и министров.

Протопопов тайно встречался с Распутиным на Гороховой улице. Он приходил поздно вечером, одев для конспирации очки, и заходил в дом с черного входа, боясь быть узнанным сыщиками. Часто приходила сюда и похотливая приятельница Протопопова госпожа Лунц, жена адвоката. Распутин производил на Протопопова очень сильное впечатление. «Конфиденциальный интерпретатор событий, судья людям, — свидетельствовал впоследствии Протопопов. — Большое впечатление на императора, а на императрицу — просто огромное... Всякий, желающий приблизиться к императору, должен был получить согласие императрицы, а Распутина она не только поддерживала, но и слушалась. Вырубова его боготворила, а царские дети любили».

Будучи лицом гражданским, Протопопов из тщеславия носил мундир генерала жандармерии. Его приводила в трепет забота императрицы о внешнем виде Распутина. «Шелковые рубашки старца были вышиты ею собственноручно. Она подарила ему золотой крест на цепочке с застежкой в виде буквы «N». Распутин разговаривал с ней твердо и уверенно», — свидетельствовал впоследствии Протопопов.

Новый министр внутренних дел сразу же принялся за работу и освободил друзей Друга. 25 сентября он обедал с императрицей в домике у Вырубовой. Госпожа Сухомлинова, молодая жена бывшего военного министра, несколько раз навещала Распутина и просила его оказать содействие в освобождении мужа. Старец согласился ей помочь. Осталось неизвестным, расплатилась ли с ним Сухомлинова, но Александра написала императору письмо с просьбой издать приказ об освобождении Сухомлинова и ее банкира Рубинштейна. «Протопопов совершенно согласен с мнением нашего Друга по этому вопросу, — писала она. — Запиши это, чтобы не забыть, когда ты с ним увидишься, а также поговори с ним о Рубинштейне. Его нужно отправить в Сибирь... Протопопов считает, что воен-

ных науськал на него Гучков, в надежде найти компрометирующую информацию против нашего Друга. Разумеется, он был замешан в грязных денежных делах, но ведь не он один».

Сухомлинова и Рубинштейна освободили, а на стенах домов появились надписи: «Предатели защищают предателей». Протопопов также добился снятия обвинения с Мануйлова и запретил частные собрания гражданских организаций. Надежды, возлагаемые либералами на его назначение, развеялись, как дым. «Человек, который работает со Штюрмером, освобождает Сухомлинова, которого вся страна считает предателем, человек, который освобождает Мануйлова и подвергает гонением прессу, не может считаться нашим другом», — возмутился Павел Милюков, лидер конституционных демократов, известный историк, преподававший в Чикагском университете.

Глава двадцать четвертая ТРАГЕДИЯ, РАЗЫГРАННАЯ В БОРДЕЛЕ

Б

ывший премьер-министр Александр Коковцев ужинал в шикарном ресторане «Донон» вместе с промышленником Алексеем Путиловым. Коковцев сказал, что надвигается революция, на что Путилов возразил, что грядет нечто худшее. «Мы идем к анархии, а между ней и революцией существует огромная разница. Революционеры перестраивают, а анархисты разрушают». Владелец другого престижного ресторана Алвен Жуин был арестован по обвинению в шпионаже. «Этот режим обречен, — писал один из обозревателей, — если шпиономания проникла даже на кухню нашего русского «Максима», а невинного французского патриарха принимают за германского шпиона. Тут можно ждать чего угодно».

Журналист Константин Паустовский отправился в город Ефремов, чтобы узнать, о чем думает провинциальная Россия.

В гостинице, где остановился Паустовский, жили еще два постояльца: гадалка госпожа Трома, пальцы которой были унизаны дешевыми металлическими кольцами, и «Принцесса Греза». Это был псевдоним журналиста, который работал для дешевых журналов в рубрике объявлений о розыске пропавших родственников. Казалось, что всю страну поглотила тоска и безнадежность. «Как будто бы никто и нигде не надеялся на счастье», — писал Паустовский.

Писатель Иван Бунин жил в своем имении в окружении крестьян, «гнев которых нарастал с каждым днем». Каждый день писатель ждал, что они подожгут его дом. Лошадей у него уже украли. Редактор журнала «Колокол», возвратившись из поездки по деревням, сообщил, что по всей стране из уст в уста передается предсказание Григория, которое он часто повторял императору и императрице: «Если я умру или если вы меня покинете, через полгода вы потеряете и сына, и корону». Губернатор Тулы предупреждал министерство внутренних дел: «Настали такие страшные времена, что я не знаю, как со всем этим справиться... Я сижу на пороховой бочке».

Люди, приезжавшие в Ставку, замечали осунувшееся лицо и впалые щеки императора. «Он так долго не продержится, — говорил обер-церемониймейстер Бенкендорф лечащему врачу императора, — он больше ничем всерьез не заинтересован и выполняет повседневные обязанности словно автомат, заботясь больше о трапезе и прогулках в саду, чем о делах государства». Александра, которая провела несколько дней в штаб-квартире, сразу почувствовала, как одиноко Николаю среди профессиональных военных. «Тебе так одиноко среди этой толпы, тебе не хватает тепла, — писала она по возвращении 12 октября. Она была уверена, что Распутин может развеять мрачное настроение императора. — Одно Его прикосновение к твоей груди облегчило бы боль и придало бы тебе мудрости и энергии

Свыше. Это не пустые слова, а мое глубокое убеждение... Я слишком хорошо знаю и верую в мир, который может принести наш Друг. А ты морально устал и не можешь провести свою старую женушку!»

Средний срок пребывания министров в должности ограничивался 6 месяцами. За год сменилось 5 министров внутренних дел, 3 военных министра, 4 министра сельского хозяйства и 3 министра юстиции. Замены происходили так стремительно, что представитель правого крыла Думы Владимир Пуришкевич написал по этому поводу несколько скверных стишков. В своем дневнике Пуришкевич записал, что вновь назначенные министры больше не торопятся переезжать в государственные апартаменты, полагающиеся им по должности. Они знали, что долго не удержатся, и считали перевоз мебели бессмысленным делом.

Протопопов опрометчиво настаивал на встрече с лидерами Думы. «Мы не хотим разговаривать с человеком, получившим свое назначение через Распутина и освободившим предателя Сухомлинова», — отвечали они. Протопопов в ответ возражал, что получил свое назначение от царя и гордится этим. «Я личный кандидат Его величества, которого я лучше узнал и любил. У всех вас есть титулы, положение и связи; у меня же нет ничего, кроме личной поддержки императора». Однако коллеги считали его ненормальным. В кабинете у Протопопова хранилась икона, с которой он вел долгие беседы. Петр Барк, министр финансов, считал его «жалкой фигурой», однако признавал за ним один талант: «Он может говорить без остановки». В кабинетах министерства Протопопова было полно народа, которым было назначено время приема и которых никто так и не принимал. В работе министерства внутренних дел царил полный хаос.

Распутин находился в центре этого вихря. В России о нем говорили больше, чем о ком бы то ни было,

и это вскружило ему голову. Он деградировал от беспробудного пьянства. «Он повторял в жару обрывочные слова, все путал и смешивал. Он не понимал сам себя, мучился, с ним случались припадки. Неожиданно, издав дикий вопль, он бросался в пляс», — писала журналистка Тэффи. «Казалось, он бросался в охваченный пламенем дом» — дом Романовых. «Дураки не понимают, кто я такой. Может быть, я колдун... Колдунов сжигают на кострах. Пусть и меня сожгут. Но одного они не понимают: если они сожгут меня, то Россия погибла. Нас похоронят вместе», — говорил Распутин в беседе с журналисткой.

Распутин боялся не смерти, а потери власти. Во всяком случае, так считал Симанович. «Он чувствовал опасность и пытался успокоить себя верой в свою силу и власть. Терзаясь сомнениями и тревожась о будущем, он обращался ко мне за дружеским советом и поддержкой». Симанович вовлек старца в очередной скандал. Владелец киевского сахарного завода Зив был арестован вместе с двумя другими коммерсантами за продажу большой партии сахара немцам. Сахар был переправлен в Германию через Персию. Военные власти хотели обвинить Зива в государственной измене и повесить.

Распутин согласился ему помочь, а Зив, в свою очередь, пообещал заплатить столько, сколько потребуется, и для начала оплатил счета Распутина в ресторане «Вилла Роде» на сумму 15 тысяч рублей. Симанович связался с Николаем Добровольским, обер-прокурором Синода, который был должен ему крупную сумму. Это был недалекий, продажный и влиятельный человек. Для подобного дела трудно было подобрать более удачную кандидатуру. «Он любил деньги и оказывал услуги за подарки, — вспоминал Симанович. — Именно поэтому он был для меня очень ценен. В Петрограде было много таких людей». Когда военные отказались снять обвинение, Распутин и Симанович пообещали Добровольскому пост министра юстиции. Они обрати-

лись к Александре с просьбой о помиловании и назначили Добровольскому встречу с ней. Адвокат утверждал, что сахар был поставлен германским коммерсантам в Персию еще до начала войны, и что Зив и его товарищи понятия не имели, каким образом он оказался в Германии. Эта история была шита белыми нитками. Зачем немецкому коммерсанту понадобилось везти сахар через Персию до начала войны, если он мог получить его прямо из Киева, на товарном поезде? Однако Александра передала прошение императору и преуспела в этом деле. Обвинение в измене родине было снято, а вместо этого коммерсантов обвинили в спекуляции сахаром. Добровольский стал министром юстиции, однако награда, обещанная Распутиным, пришла к нему уже после смерти последнего.

Несмотря на успехи, у Распутина были все основания для опасений. Враги окружали его со всех сторон: правые и левые, духовенство и революционеры. 1 ноября состоялось заседание Думы, на котором Павел Милюков возглавил дебаты. После ареста Мануйлов утверждал, что найденная у него крупная сумма денег была получена не от немцев, а от Штюмера. Он заявил, что деньги были выданы ему из секретных фондов и должны были пойти на подкуп некоторых журналистов и на «приумножение личного дохода премьер-министра». Милюков зачитал его свидетельские показания, из которых выходило, что в кармане у Штюмера осела сумма в 400 тысяч рублей, появившаяся из неизвестных источников.

Затем он показал пачку германских газет, где были напечатаны восторженные статьи по поводу отставки Сазонова и его замены Штюмером. Те же газеты бурно радовались, когда военным министром был назначен «идиот» Шуваев. С именем Шуваева была связана всем известная шутка, когда после шумного заседания кабинета министров он сказал: «Меня можно обвинить в глупости, но не в бесчестности». И вот

сейчас Милюков гневно вопрошал: «Так что это: глупость или предательство?» Затем, по словам Роберта Уилсона, он сказал, что Россией правят Распутин, Штюмер и Александра. По поводу каждого из этих имен он спрашивал, «глупость ли это, случайность или предательство», и весь зал дружно кричал: «Предательство!»

Уилсон узнал, что большая часть телеграмм, которые он посылал в Лондон, была задержана цензурой. Однако цензура была не в состоянии справиться со всей Россией, и пламенная речь Милюкова, где он открыто называл имя Распутина, расходилась миллионами экземпляров по рублю за штуку.

Все Романовы собрались в Киеве по случаю бракосочетания сестры императора Ольги с кавалерийским капитаном. Как и предсказывал Распутин, встретив впервые Ольгу в 1907 году, ее предыдущий брак закончился разводом. Династия была в опасности, и это стало единственной темой разговоров. На семейном совете было решено отправить великого князя Николая Михайловича к императору в Ставку. Великий князь придерживался достаточно либеральных взглядов, за что в семье его прозвали «Господином Эгалите» (равенство). Большую часть своего времени он проводил в одиночестве, во дворце, где он писал биографию своего предка Александра I. Великий князь был мистиком, предвидевшим свою кончину «темной теплой ночью, в нескольких шагах от могил моих предков». Николай Михайлович считал своей обязанностью убедить императора дать согласие на формирование правительства, ответственного перед Думой, и избавить его от влияния императрицы и Распутина.

2 ноября император написал Александре: «Мой бесценный Николай М. приезжал на один день, и прошлым вечером у нас был долгий разговор, о котором я расскажу тебе в следующем письме, так как сегодня я слишком занят. Храни тебя Господь, мое

дорогоё и любимое солнышко, и наших детей... Навеки твой. Ники». Однако он лукавил и сильно беспокоился по поводу послания, полученного от своего семейства. Он не знал, что сказать императрице о своем разговоре, и поэтому послал ей письмо, которое привез великий князь.

«Ты много раз говорил мне, что никому не можешь доверять, что тебя обманывают, — говорилось в письме. — Если это так, то же самое относится и к твоей супруге, которая горячо тебя любит, но ее ввела в заблуждение злобная вопиющая ложь людей, которые ее окружают. Ты доверяешь Александре Федоровне, и это понятно, но то, что она говорит, является результатом ловкого обмана и не может считаться истиной». Письмо предостерегало императора относительно постоянного вмешательства императрицы в государственные дела и заканчивалось выражением надежды на создание «столь желанного кабинета министров, ответственного перед Думой». 4 ноября Александра нанесла ответный удар. «Я прочла письмо Николая и страшно возмущена. Ты должен был остановить его и сказать, что если он хотя бы раз посмеет затронуть этот вопрос или меня, ты сошлешь его в Сибирь, так как его слова — это почти то же, что и государственная измена. 22 года он ненавидит меня и говорит гадости... В тяжкую военную годину он спрятался за спину твоей матушки и сестер, вместо того, чтобы доблестно сражаться и пресечь слухи о супруге своего императора. Это подлость и предательство...

Жена — это твоя опора, которая стоит за твоей спиной, словно скала».

На следующий день император написал ответ и, чувствуя себя неловко, снова лукавил: «Я страшно расстроился, что огорчил и рассердил тебя», — писал он, утверждая, что был слишком занят, чтобы прочесть письмо Николая Михайловича, и что великий князь ни разу в разговоре не упомянул имени Александры.

«Если бы он сказал что-нибудь о тебе, можешь не сомневаться, что твой любимый муженек принял бы твою сторону!» Семейство Романовых могло сколько угодно пугать Николая угрозой приближавшейся революции — по-настоящему он боялся только своей жены.

Разрушение державы шло стремительными темпами. «В случае беспорядков, войска могут стрелять», — телеграфировал в Лондон Джордж Бьюкенен. «Разрушенная экономика приведет к восстанию, которое вспыхнет не среди фабричных рабочих, а в толпе, собравшейся на морозе у продовольственной лавки», — считал британский посол. Говорили, что в каждой такой толпе присутствовал германский агент, женщина в темном платке, которая шептала посиневшими от холода губами: «Почему мы должны с этим мириться? Почему Россия не заключает мир? Германия готова закончить войну... Царь-батюшка от нас далеко, а императрица-немка, которая предает нашу армию, рядом. Давайте избавимся от Романовых». В отчетах охраны говорилось, что «промышленный пролетариат столицы находится на грани отчаяния». Агенты предупреждали об опасности голодных бунтов с многотысячными жертвами. Рабочие кричали: «Долой войну! Дайте хлеба!» Город патрулировали казачьи разъезды. К седлам были привязаны охапки сена, чтобы не мять лошадей по 12 часов. Иногда в казаков швыряли камни, а они, по слухам, открывали огонь по толпе. Среди биржевых брокеров царила паника. На следующий день в город направили пулеметные роты, и там установилась тревожная тишина.

Каждый месяц цена на хлеб увеличивалась на 8%, а на мясо — на 28%. Дрова и уголь стоили так дорого, что семьям приходилось выбирать между голодом и холодом. Город отапливался и освещался за счет угля, привезенного из Кардиффа, но его ввоз стал невозможным из-за германских кораблей, перегородивших

путь торговым судам. Вору грабили богатые квартиры, имевшие запасы угля. «Акулы работают своими гигантскими челюстями», — писала «Биржевая газета» о спекулянтах, клиентах Распутина и Симановича, которые скопили огромные запасы пшеницы, сахара и хлопка. Они сократили поставки лекарств на рынок, в результате чего довоенная цена на аспирин с 1,5 рублей за килограмм подскочила до 200 рублей. Цена на хинин увеличилась с 4 рублей до 400.

Пришло время принести кого-нибудь в жертву. Больше всего для этого подходил всем ненавистный Штюмер, который теперь лишился поддержки императрицы и Распутина. 9 ноября его отправили в отставку. Премьер-министром стал Александр Трепов, а министром иностранных дел — Н. Н. Покровский. Оба они были честными консерваторами и не любили Распутина. Вскоре Трепов обратился к императору с просьбой убраться Протопопова.

«Мне жаль Протопопова, — писал Николай Александре 12 ноября. — Он хороший и честный человек, но он перепрыгивает с одного на другое и ничего не может решить... Говорят, что несколько лет назад он был не вполне нормален после какой-то болезни». Распутин мог смириться с враждебностью премьер-министра, но министр внутренних дел, контролировавший полицию и печать, — это было совсем другое дело.

Александре нездоровилось. У нее снова болело сердце, и иногда она весь день проводила в кресле-каталке, в компании изможденного старца и ковылявшей на костылях Вырубовой. Однако потрепанная бесконечной борьбой за власть троица с неукротимой энергией бросилась на защиту Протопопова. «Не заменяй Протопопова сейчас, — писала императрица 11 ноября, отрицая невменяемость министра. — Дело не в Протопопове или ком-либо другом. Речь идет о монархии, о

твоим престижем... Не думай, что они на нем остановятся. Они расправятся по очереди со всеми, кто предан тебе, а затем и с нами самими. Борьба будет тяжелой. В Думе сидят наглые скоты... Мы с ними ведем войну, но Божий человек рядом, чтобы охранять тебя и проводить через рифы».

Протопопов остался, а в стране разразился продовольственный кризис. 60 тысяч железнодорожных вагонов стояли, занесенные снегом, в ожидании локомотивов, которые так и не были поданы. Из-за бесконечных призывов на фронт опустели деревни, и всю работу выполняли военнопленные и привезенные по контракту рабочие из Персии и Китая, которых распределяли наобум. «Верховная власть перестала быть источником жизни и света и превратилась в заложницу бестолковых людей и темных сил. Плохо всем», — свидетельствовал впоследствии Протопопов.

На фронте под маской покорности зрел гнев, грозивший выплеснуться наружу и захлестнуть страну неуправляемой лавиной. Участились случаи дезертирства. Солдаты себя умышленно калечили, чтобы не идти в бой. Затем стали возмущаться целые полки. Солдаты требовали теплую одежду и обувь. Некоторые говорили, что готовы удерживать линию фронта, но в атаку не пойдут. «Расстреляйте нас, но воевать больше мы не будем», — телеграфировала в Ставку одна из рот. На фронте распускались самые невероятные слухи, а в городах открывались новые кладбища, быстро наполнявшиеся умершими от голода. Буханка хлеба стоила рубль.

Говорили, что императрица и Распутин каждую ночь связывались по радио с Берлином, а правительство заплатило немцам миллион рублей, чтобы они перебили всех русских крестьян.

Ходили слухи, что великий князь Николай Николаевич составляет заговор, находясь в крымской ссыл-

ке, и собирается прибыть в Царское Село в сопровождении четырех гвардейских полков. Императора вынудят отречься от престола, а императрицу отправят в монастырь. Царевича Алексея провозгласят императором, а регентом станет Николай Николаевич или брат императора Михаил Александрович. По обеим версиям, переворот должен начаться с убийства Распутина. Этим слухам верили.

Писатель Дмитрий Мережковский считал, что Романовы привели Россию «к пятому акту трагедии, разыгравшейся в борделе». Его жена Зинаида Гиппиус писала в своем дневнике: «Люди мрут, словно мухи... Молодые, старые, дети, все подряд. Глупые и умные. Все глупы. Честные и воры. Все воры. А вернее, все сумасшедшие».

«Эти пагубные испарения Петрограда! Их смрадный запах чувствовался даже на фронте. Самые мерзкие пары идут из гостиных и дворцов. Какое несчастье! Какой позор!» — возмущался в Ставке император.

Уверенно себя чувствовала одна Александра. По мнению придворного церемониймейстера, это было «результатом железной воли в сочетании с недалеким умом и отсутствием знаний и эрудиции». Распутин был ее «амулетом», который приносил ей успокоение. Александра знала, что ее ненавидят, но считала, что эта неприязнь ограничивается «продажным и безбожным петроградским высшим светом, который думает только о балах и приемах». Императрица думала, что все завидуют ее непреклонной воле и сильному характеру. «Когда я убеждена в своей правоте, то никогда не изменю своего мнения, а они этого не выносят». По мнению императрицы, провинциальная Россия ее обожала, о чем свидетельствовала ее почта.

В лиловый будуар Александры ежедневно приходили пачки писем и телеграмм, авторами которых были простые люди, любившие свою императрицу и возла-

гавшие вину за все беды на великих князях, продажных политиков и нечестивую интеллигенцию. Редких посетителей, как правило, из окружения Распутина, Симановича, Вырубовой, фон Ден и Питирима, она просила просматривать эти письма. Александра чувствовала себя истинно русской, как будто бы Распутин сделал ее такой по мановению волшебной палочки. «Я борюсь за твое дело, за бэби и за Россию, — писала она Николаю. — Да, я больше русская, чем многие другие, и молчать не буду... Вся моя вера зиждится на нашем Друге, который все время думает о тебе, о нашем бэби и России. Я не боюсь, пусть кричат».

Однако верноподданнические письма были фальшивыми. По приказу Протопопова их писали в отделе охраны. Тот же отдел платил людям, ходившим с лозунгами, прославлявшими самодержавие. Британский журналист Артур Рэксом видел, как группа людей выбежала из здания полицейского участка, держа в руках свернутые знамена. Развернув их, они в течение часа бродили по городу, а затем вернулись в полицейский участок, отдали знамена и получили плату за свои «труды». Подлинные письма из глубинки охранка перехватывала и хранила в «черной комнате». В них не было и тени бодрого патриотизма, так льстившего императрице. «Лошадей и скот забрали, пахать некому и нечем», — жаловался крестьянин из Иркутской губернии.

По мнению депутата Думы Василия Алексеевича Маклакова, России нужен был не политик, а психиатр. Страшная болезнь разъедала многовековые устои, разрушая веру в царя, его власть и божественное предназначение. Катастрофа зрела в глубине русской души, и произошло это не по вине злодеев-революционеров, а по вине самой верховной власти. Династия перестала быть великой исторической силой и представляла собой «пустой ствол дуба, изъеденный мышами и высушенный изнутри». Достаточно было легкого дуновения, чтобы он рухнул.

«Ситуацию можно охарактеризовать одним словом — измена». Русский народ продали и отдали на растерзание Германии. Над страной нависла угроза революции. Это будет не политическая революция, а взрыв гнева и возмущения низших слоев, революция «стихийная, судорожная и хаотичная», — предвещал Маклаков.

19 ноября Владимир Пуришкевич поднялся на трибуну Думы. Он ненавидел евреев, был главным инициатором создания «Черных сотен», убежденным монархистом-реакционером, верившим в божественное происхождение императорской власти. Это был низенький, лысый, энергичный человек, остряк, чьи сатирические стихи расходились тысячами. В 1905 году он платил головорезам, устраивавшим погромы, а во время войны организовывал санитарные поезда, открывал столовые и пункты санитарной обработки.

Две недели назад он ужинал с императором в Ставке. Генералы и штабные офицеры умоляли его поговорить с императором. «Расскажите о пагубном влиянии Распутина. Не жалейте красок». Пуришкевич был возмущен их трусостью. Он заявил Думе, что династию может спасти только давление общественности. «В моей душе горит неугасимая любовь к отечеству и глубокая верноподданническая любовь к Государю», — заявил Пуришкевич. Однако нужно было немедленно бить в набат, не тихий сельский колокол, а Кремлевский колокол Ивана Великого. Пуришкевич клеймил тупость цензуры, чехарду в министерствах и спекуляцию. Он высмеивал Протопопова, князя Андронникова и всех тех, кто являлся «позором России». Затем он заговорил о «грязном, развратном и продажном крестьянине», каждому слову которого верит императрица. «Источником зла являются тайные силы и личности, во главе которых стоит Гриша Распутин», — кричал Пуришкевич. Он призывал министров «отправиться в Ставку, упасть к ногам императора и убедить его, что

кризис в стране не может продолжаться. Народ гневно ропщет, над Россией нависла угроза революции, и ею не должен управлять темный мужик».

Пламенная речь Пуришкевича произвела неизгладимое впечатление на Феликса Юсупова, который слушал ее с балкона.

Глава двадцать пятая «ВАНЯ ПРИЕХАЛ»

К

нязь Юсупов обдумывал убийство Распутина более года. Он не походил на обычного убийцу, но и времена были необычными. Представитель золотой молодежи, наследник самого большого состояния в России, один из красивейших мужчин в Европе, он был женат на племяннице императора, чья аристократическая красота делала ее идеальной приманкой для Распутина. Князь носил мундир Пажеского корпуса, элитного военного училища. Большинству его товарищей еще не исполнилось 20 лет, а Юсупову уже было 29, но он вовсе не собирался на фронт. По словам его приятеля, убийство Распутина стало частью его сценария, достойного пера его любимого писателя Оскара Уайльда. Юсупов был щеголем, салонным декадентом и бездельником. Однако в нем чувствовалось нечто опасное. «У вас в одном глазу Бог, а в другом дьявол», — говорила Юсупову балерина Анна Павлова.

Его прадед князь Николай Юсупов, фаворит Екатерины Великой, знакомый с Вольтером и Пушкиным, стал основа-

телем огромного богатства семьи. Годовой доход матери Феликса Юсупова до войны составлял 1,3 миллиона рублей, что эквивалентно тонне золота. По всей России у Юсуповых было 38 имений и поместий, из которых Феликс видел немногие. Один из трех московских дворцов был построен Иваном Грозным, и Феликс с дрожью представлял себе призраки узников, закованных в цепи и погибших в подвалах, соединенных с Кремлем. В Крыму семья Юсуповых владела 200 километров Черноморского побережья, которое было так богато нефтью, что крестьяне собирали ее с поверхности и смазывали ею колеса своих телег*. Самая высокая гора на побережье была подарена матери семейства на день рождения. У Юсуповых было два частных поезда: один для поездок по России, а второй, стоявший на границе, был рассчитан на узкоколейные железные дороги Западной Европы.

Феликс не проявлял особого интереса к своим владениям и чувствовал себя гораздо лучше в Петрограде, в фамильном дворце, построенном в 1760 году. Окна дворца выходили на канал Мойку. Желто-белый фасад дворца имел безупречный классический вид, а его интерьер отличался изысканностью. В большом зале для балов, а всего их было три, мог разместиться оркестр. В картинной галерее с колоннадой находились полотна Тьеполо, Рембрандта, Рубенса, Веласкеса, Фрагонара и Ватто. Мебель в малом салоне принадлежала в свое время Марии-Антуанетте, а хрустальная люстра над главной лестницей — мадам де Помпадур. Великолепная комната в мавританском стиле, с мозаикой и фонтаном, была выполнена в духе Альгамбры.

Во дворце Юсуповых был воспроизведен в миниатюре театр Людовика XV, с позолоченными ложами и гобеленами. Именно здесь Феликс пристрастился к

* Так у автора

переодеваниям, воображая себя на месте прадеда князя Николая, известного гуляки, который хранил портреты своих 300 любовниц и везде возил за собой зверинец с обезьянками, собаками и попугаями.

Юсуповы отличались эксцентричными нравами. Бабушка Феликса всю жизнь коллекционировала марки и собирала улиток, которых давила и использовала в качестве удобрения для своих роз. Как-то раз отец Феликса подобрал на рыбалке грязного, дурно пахнущего карлика и сделал его наставником сына. По воскресеньям карлик облачался в смокинг и желтые башмаки. Среди слуг были арабы, татары и калмыки в национальных одеждах, что делало дворец на Мойке еще более живописным. Один из слуг должен был только зажигать лампы, а когда во дворце провели электричество, он запил от безделья.

У Феликса имелись свои странности, в частности, трансвестизм. В 12 лет он наряжался в платья матери, одевал ее парики и развлекался тем, что стоял в обществе проституток на Невском проспекте. Заговорившим с ним мужчинам он отвечал по-французски, что его уже пригласили. С Невского Феликс перебрался в модный ресторан «Медведь», где забавлялся тем, что пытался заарканить своих поклонниц с помощью нитки жемчуга, позаимствованной у матери. Однажды одетый в женское платье Феликс появился в одном из парижских театров, где ему стал строить глазки сластолюбивый король Англии Эдуард VII, что сильно позабавило молодого князя. В 1908 году старший брат Феликса погиб на дуэли, и молодой аристократ стал единственным наследником огромного состояния.

Феликс в течение короткого времени заигрывал с левыми, что дало ему возможность посетить трущобы, переодевшись нищим. При ближайшем рассмотрении жизнь городского «дна» ему не понравилась. «Вокруг нас были отбросы общества, мужчины и женщины, полуголые, грязные и пьяные. Эти несчастные ссори-

лись, совокуплялись, грязно при этом ругаясь», — писал он с отвращением истинного аристократа. Он взял с собой в Оксфорд шофера, камердинера, экономку и попугая ара. Благодаря искусству переодевания, которыми Юсупов овладел в совершенстве, ему удалось под видом ребенка провезти с собой бульдога, в обход британского закона о карантине.

В 1914 году Феликс женился на племяннице императора Ирине. Императрица его не любила и, наслушавшись рассказов о трансвеститских эскападах, считала его развратником и извращенцем. Больше всего ее печалила дружба Юсупова с молодым великим князем Дмитрием Павловичем, которого Александра выделяла среди всех Романовых и любила как сына. Молодые люди были неразлучны, и Александра чувствовала, что Юсупов оказывает дурное влияние на Дмитрия Павловича.

Политические интересы Феликса были пустыми и мелочными. Как истинный аристократ, он испытывал презрение к Распутину, олицетворявшему для него все русское крестьянство, а как монархист, он ненавидел Александру за тот вред, что она причинила престолу. Все эти черты, в сочетании с любовью к драматизации, делали этого порочного, наделенного томным обаянием человека очень опасным. Родители подогревали его враждебные чувства. Отцу Юсупова пришлось оставить пост генерал-губернатора Москвы после антигерманских выступлений, приведших к жертвам. Императора предупредили, что Юсупов-старший страдает манией величия в самом худшем смысле этого слова и превращает Москву в свою вотчину. Его отставка стала одним из самых удачных решений Николая. Однако Юсуповы обвиняли во всем «прогерманскую камарилью», подразумевая императрицу и Распутина. Гнев Юсупова стал еще сильнее, когда матери Феликса княгине Зинаиде за критику императрицы во время аудиенции приказали не появляться при дворе. Александра на

прощанье холодно сказала: «Надеюсь больше никогда с вами не встречаться». Жарким летом 1916 года княгиня Зинаида посылала сыну из Крыма зашифрованные письма, в которых говорилось о необходимости уничтожить Распутина и усмирить императрицу. И вот теперь Феликс решил сыграть роль спасителя отечества.

Он без труда встретился с Распутиным через Маню Головину, которая представила их друг другу перед отъездом Феликса в Оксфорд. Ранней осенью Маня пригласила Феликса в дом своей матери, сказав, что Распутин очень хочет с ним встретиться. Феликса потрясла перемена, происшедшая в старце. Он растолстел, его лицо стало отечным. «Оскорбительная фамильярность и самоуверенность» старца делали его еще более отвратительным для Юсупова, чем 7 лет назад.

Феликс стал жаловаться на здоровье и постоянную усталость, от которых врачи не могли его излечить.

— Врачи ничего не знают, — сказал Распутин. — Милый мальчик, я могу излечить что угодно, так как я действую от имени Всевышнего... Ты сам увидишь.

Они встречались несколько раз на Гороховой улице и в доме Головиной. Однажды Распутин попытался загипнотизировать Феликса, говоря, что это нужно для лечения. Князь почувствовал, как по всему его телу прошло тепло, а потом оно онемело. «Я видел только горящие глаза Распутина, два фосфоресцирующих луча света, расплывавшихся в огромный светящийся круг», — вспоминал он позднее. Между личностями Распутина и князя шла «беспощадная борьба». Несмотря на то, что старец не смог полностью завладеть его волей, Феликс не мог пошевелиться, пока Распутин не приказал ему встать. Во всяком случае, так утверждал сам Юсупов, придавая демонические черты своей будущей жертве. Он так же говорил, что застал в квартире Распутина «семь темных личностей, четверо из кото-

рых имели явно еврейское происхождение, а остальные три были светловолосыми и удивительно похожими друг на друга». Вероятно, князь намекал на германских шпионов. Однако история о германских шпионах не нашла достоверного подтверждения. Позже были установлены связи некоторых русских с Берлином, в частности, в этом подозревался находившийся в эмиграции Ленин. Однако никаких доказательств, подтверждающих связь Распутина или императрицы с германскими агентами, обнаружено не было. Не доказаны и попытки Распутина кого-нибудь загипнотизировать. Об этом известно лишь со слов Родзянко и некоторых других лиц. Правда, очень многие говорили о пристальном взгляде Распутина, вызывавшем беспокойство. Единственной заслуживающей доверия ссылкой на это является запись Спиридовича, в которой говорится, что Распутин несколько раз посетил учителя-гипнотизера в Санкт-Петербурге в 1913 году. Вероятно, это было вызвано профессиональным любопытством старца, но вскоре он потерял интерес к этому вопросу.

Юсупов решил сходить к старцу, несмотря на то, что после каждого визита чувствовал себя «испачканным в грязи». Дочери Распутина познакомились с Феликсом и вспоминали о нем как о «безупречно одетом молодом человеке, с немного неприятными, томными манерами, не свойственными молодым мужчинам». Девушки рассмеялись, когда Феликс взял бокал вина и осушил его, прикоснувшись губами к тому месту, где к бокалу прикасался губами их отец. «У него ледяной взгляд», — отмечала младшая Варя, а Мария спросила у отца о цели визитов Юсупова.

— У него неприятности, и я ему нужен, — ответил Распутин и добавил, что князь снова придет к ним в дом.

Вдохновленный речью Пуришкевича, Юсупов позвонил ему и договорился о встрече 21 ноября в 9 утра.

Он сказал, что хочет поговорить о Распутине, который стал «помехой», и добавил, что со смертью старца исчезнут «сатанинские силы, завладевшие императором и императрицей». Они беседовали в течение двух часов, о чем существует запись в дневнике Пуришкевича.

Юсупов сказал, что даже самые пламенные речи не принесут пользы, а император пресечет любые попытки давления на него. Следовательно, единственный выход был в уничтожении Распутина. Однако Пуришкевич возразил, что это легче сказать, чем сделать, так как в России не осталось решительных людей. Это могло бы сделать правительство, но «ими управляет Распутин». В ответ на это князь заявил, что такие люди в России есть.

— Вы так думаете? — скептически спросил Пуришкевич.

— Я в этом уверен, — ответил Юсупов. — И один из них стоит перед вами.

Пуришкевич сначала решил, что князь шутит, но потом понял, что тот говорит серьезно. Они пожали друг другу руки, и князь сказал, что в заговоре будут участвовать еще два человека.

— Приходите ко мне сегодня вечером, и я познакомлю вас с ними, — сказал князь.

Вот так изящно и цивилизованно эти два человека, которые никогда раньше не встречались, стали заговорщиками.

В тот же вечер Пуришкевич пришел к Юсупову и был очень удивлен, когда застал там великого князя Дмитрия Павловича, любимого племянника Александры, которого она собиралась женить на своей старшей дочери Ольге. Дмитрий Павлович был приятным молодым человеком 26 лет, имевшим склонность к выпивкам. Он отличался прекрасными манерами и добрым нравом. Здесь же находился капитан Сухоткин, офицер гвардейского Преображенского полка, выздо-

равливающий после ранения. Полк Сухоткина недавно понес страшные потери. За ужином они вели оживленную беседу и планировали заманить Распутина во дворец Юсупова на Мойке, используя в качестве приманки его красавицу-жену. Заговорщики собирались его отравить, так как рядом с дворцом находился полицейский участок, и выстрелы могли привлечь внимание полиции. Пуришкевич согласился достать яд у своего близкого друга, доктора Лазоверта. Труп старца они планировали отправить поездом на фронт и выдать его за убитого во время сражения солдата. Однако такой план показался слишком сложным, и заговорщики решили вывезти его на автомобиле из дворца, привязать к ногам гири и утопить в Неве. На подготовку убийства Распутина они отвели четыре недели. Старец должен был умереть 16 декабря, в пятницу.

Царь ненадолго приехал из Ставки в Царское Село. Распутин встретился с ним в домике Вырубовой и нашел Николая «подавленным и печальным». Из-за сильных снегопадов были нарушены поставки продовольствия в Петроград. Некоторые батальоны на фронте также сообщали о нехватке продовольствия. Когда Распутин уходил из дома Вырубовой, император, как обычно, попросил у него благословения, на что старец ответил: «Пришло время тебе меня благословлять, а не мне тебя». Нет ничего удивительного в том, что Вырубовой эти слова показались пророческими, и она решила, что старец предрекает свою смерть. Свидетелями этой сцены были также Симанович и дочери Распутина, которые отметили крайнюю нервозность и расстроенный вид старца.

27 ноября Пуришкевич купил на рынке тяжелые свинцовые гири. Вместе с доктором Лазовертом он обошел все городские мосты, подыскивая удобное место, откуда можно было сбросить труп старца. Наконец, они остановили свой выбор на Петровском мосту,

соединяющем Крестинский и Петровский острова, где течение около арки не давало воде замерзнуть. 1 декабря заговорщики снова встретились в санитарном поезде Пуришкевича. Юсупов сказал, что он намекнул Распутину на встречу с княгиней Ириной, и старцу эта мысль очень понравилась. Подумали они и об алиби. После убийства они намеревались позвонить в ресторан «Вилла Роде» и сказать, что ждут Распутина во дворце на Мойке, но он до сих пор не приехал, а затем попросить его поторопиться. Они также придумали пароль. В ночь убийства заговорщики должны были созвониться друг с другом по телефону и сказать пароль: «Ваня приехал».

Однако план был продуман плохо, алиби оказалось призрачным, а подготовка поверхностной. Пуришкевича знала в лицо вся Россия, и все прекрасно понимали, что ведущие политики страны нечасто покупают свинцовые гири на уличном рынке. Разумеется, его запомнили. Кроме того, он слишком много говорил. В начале декабря он имел беседу с Василием Шульгиным, патриотически настроенным депутатом Думы.

— Запомни 16 декабря, — сказал Пуришкевич.

— Зачем?

— Я тебе скажу... Мы убьем его 16-го.

— Кого?

— Гришу!

— Вы его убьете, но ничего от этого не изменится, — ответил Шульгин. — Все останется по-прежнему... Убив его, вы ничего не добьетесь. Слишком поздно!

Юсупов также вел себя неосмотрительно. Он написал зашифрованные письма жене и матери, которые жили в Крыму, и сообщил им, что собирается нанести удар во имя спасения России.

«Благодарю за сумасшедшее письмо, — ответила ему Ирина. — Половины я не поняла, но догадалась, что ты замыслил какое-то безумие. Прошу тебя, будь

осторожен и не вмешивайся в темные дела». Феликс также обсуждал план убийства с депутатом Думы Маклаковым, который отказался присоединиться к заговорщикам, так как должен был в этот день произнести речь в Московском обществе юриспруденции и не хотел подводить юристов. Он посоветовал ударить Распутина дубиной по голове и проехать по телу автомобилем. Маклаков дал Юсупову свою собственную дубинку.

Александра по-прежнему верила, что твердось и решительность смогут предотвратить любой кризис. «Покажи всем, что ты хозяин и тебе должны повиноваться. Сейчас не время для доброты и снисходительности. Они должны научиться повиноваться», — писала она Николаю 4 декабря. Царь казался таким замкнутым и подавленным, что вокруг стали поговаривать о том, что он принимает травы, парализующие волю, которые поставляет Распутин.

Юсупов утверждал, что Распутин говорил ему, что лечит царя с помощью лекарств Бадмаева, которые подливает ему в чай. После этого «его сердце умиротворяется и жизнь кажется прекрасной и веселой».

Видя безумие, охватившее дом Романовых, сестра Александры Елизавета приехала в Царское Село из своего монастыря в Москве, чтобы предупредить императрицу о бедственном положении в стране. Однако встреча была недолгой, и они молча простились на вокзале, теперь уже навсегда. Распутин был осведомлен о визите Елизаветы и сильно нервничал, так как знал, что она хочет отправить его в ссылку, а императрицу — в монастырь. Старец, по своему обыкновению, нацарапал записки и положил их под подушку, чтобы над его врагами свершилось возмездие. По мнению Распутина, Елизавета ненавидела его за то, что он выступал против войны. «Царь уваливает и петляет и не готов ни к миру, ни к войне, — жаловался он

Симановичу. — Мама хочет мира, но ничего не делает, а только плачет. Лиза хочет войны, и хотя она сама немка, она всех настраивает против немцев». Распутин вздохнул с облегчением, когда Александра приказала сестре упаковывать вещи.

Воздух Петрограда был пропитан насилием. Стали пользоваться повышенным спросом книги, в которых описывалось убийство императора Павла. Внезапно увеличилось количество посетителей Михайловского дворца, жаждавших увидеть комнату, где был убит император. Во дворце Юсупова на Мойке рабочие белили стены подвала, носили по винтовым лестницам дубовые стулья и столы, а также постелили огромный ковер из шкуры белого медведя. Феликс хотел сделать это помещение уютным и привлекательным для гостей. В стенные ниши он приказал поставить красные вазы, а великолепный шкафчик, выполненный в восточном стиле и инкрустированный черным деревом, поставили в углу, а на него водрузили хрустальный крест в серебряной оправе. Пуришкевич был приятно удивлен, когда увидел преобразившийся подвал. Что и говорить, князь отличался утонченным вкусом.

До Симановича слухи о готовящемся убийстве впервые дошли в игорном клубе, который он содержал в особняке графини Игнатьевой на Марсовом поле. Председателем совета клуба был Томилин, градоначальник Пскова. Симанович платил людям с известными фамилиями огромные деньги, чтобы они числились на руководящих должностях в его заведениях. Однако соседний клуб «Националь» заплатил Томилину больше, и он переметнулся туда, прихватив с собой двух служащих по имени Иван и Алексей. Симанович не возражал, так как это давало ему возможность узнать, что делается у конкурентов.

Однажды к нему пришел Иван и рассказал, что в «Национале» состоялось таинственное заседание, где

много говорили о Распутине. Алексей иногда работал в зале для собраний. Симанович заплатил Ивану 500 рублей и попросил его узнать у Алексея все, что тому было известно. Алексей сообщил, что на собрании председательствовал Пуришкевич, а в числе присутствующих были великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов и несколько молодых офицеров. На заседании много говорили о Распутине, а также упоминали имена английского посла, царя и царицы.

Симанович привел Алексея к Распутину, который подтвердил, что Пуришкевич является его врагом. Один из помощников Симановича, Евсей Букштаб, был дружен с доктором, имевшим клинику венерических заболеваний на Невском проспекте. Среди его пациентов числился Пуришкевич. Букштаб предложил доктору большую сумму денег, чтобы тот разузнал планы Пуришкевича, славившегося чрезмерной словоохотливостью. После укола салварсана, в состав которого входил мышьяк, применяемый при лечении сифилиса, Пуришкевич улегся на кушетку. Доктор между делом заметил, что Распутин является горем для всей России и что его нужно убрать. Пуришкевич заверил его, что скоро с Распутиным будет покончено. «Увидите, что будет через три дня», — сказал он врачу. Встревоженный Симанович передал эту информацию императрице.

10 декабря император написал Александре о запланированном наступлении на Дунае, а также о своем намерении назначить перерыв в работе Думы с 17 декабря, с тем, чтобы вновь созвать ее 19 января. Заседание Думы должно было подтвердить намерение правительства работать вместе с депутатами. Николай обсудил этот план с Треповым, новым премьер-министром, который, по его словам, был «сговорчивым и не касался имени Протопопова». «Перед нашим разговором я помолился иконе Божьей Матери и после этого мне стало спокойно на душе», — писал император.

12 декабря Распутин ужинал с Вырубовой и императрицей, которая написала Николаю, что он может положиться на «удивительный ум старца, способный все понять». На следующий день Распутин попросил Симановича положить в банк несколько тысяч рублей на имя его дочери Марии. Старец сказал, что он угнетен и что его душа разрывается от страданий.

Александра пришла в ярость, получив 14 декабря письмо императора, в котором он говорил о своих планах относительно Думы. Она хотела, чтобы депутатов Думы отправили в отпуск на более длительный период. «Если их созвать в январе, никто не уедет домой, все останутся и будут разжигать страсти в Петрограде... Любимый, наш Друг умоляет закрыть ее... Ты увидишь, что у них хватит времени, чтобы наделать бед... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех. Не смейся, проказник, я хочу это увидеть». В ответном письме Николай подписался «Твой бедный, слабовольный муженек». Дата созыва Думы была объявлена и изменить ее было нельзя.

В тот же день, 14 декабря, Распутин прогуливался по Петрограду с Маней Головиной и посетил Исаакиевский и Казанский соборы. Затем он отправился в Царское Село, где встретился с императрицей в домике у Вырубовой. Императрице показалось странным, что старец прогуливался пешком. «Он давным-давно никуда не выходит и приезжает только сюда», — писала она Николаю. Далее она с удовольствием сообщала, что во время прогулки со старцем ничего не случилось, и люди реагировали на него совершенно спокойно. Казалось, старец воспрял духом. «Он говорит, что через 3-4 дня наладятся дела в Румынии и ситуация улучшится», — писала императрица.

Вечером Распутин написал длинное письмо, положил его в конверт и заклеил. Он отнес его на письменный стол Марии и сказал: «Не открывай его, пока я не

буду мертв». Не только Симанович убеждал Распутина покинуть столицу. Трепов предложил ему 200000 рублей и ежемесячное содержание, только бы он вернулся в Сибирь. Распутин рассказал об этой попытке подкупа императрице, утверждая, что он неподкупен, и подрывая тем самым авторитет премьер-министра в ее глазах.

15 декабря, во вторник, Симанович сказал Распутину, что ситуация очень серьезная, и заговорщики собираются его убить. По мнению Симановича, затем наступит очередь царя и царицы, а следовательно, необходимо немедленно принять решительные меры. «Царь должен от тебя отречься, — сказал Симанович. — Только так можно остановить революцию. Когда тебя здесь не будет, все успокоится. Ты восстановил против себя и дворянство, и народ». Симанович попытался смягчить удар.

— Попроси у Папы и Мама миллион английских фунтов, и тогда мы сможем вдвоем уехать из России и поселиться в Палестине.

Симанович убеждал старца, что там они заживут тихо и мирно. «Я боюсь, что и со мной может что-нибудь случиться. Из-за тебя у меня стало много врагов, но я хочу жить», — сказал он Распутину.

Распутин стал беспокойно расхаживать по комнате, а потом попросил вина. Казалось, он хочет напиться до такого состояния, когда в нем просыпался дар ясновидения. Он выпил две бутылки мадеры.

— Я сохраню в тайне все, что ты мне сказал, — обратился он к Симановичу, устремив на него горящий взгляд. — Я ничего не скажу царю об этом разговоре. Слишком рано. Дворяне меня ненавидят, но в их жилах нет русской крови — она смешанная. Дворяне хотят меня убить, потому что им не нравится, когда русский мужик стоит около российского престола. Но я им покажу, кто сильнее... Я прикажу своим мужикам

уходить с фронта домой, и пусть дворяне злятся, сколько угодно.

— Григорий, тебя не сегодня-завтра могут убить, — сказал Симанович. — Послушай лучше моего совета и потихоньку улизни. Иначе тебе не будет спасения.

В этот момент зазвонил телефон и Распутин взял трубку. Незнакомый женский голос спросил: «Не могли бы вы сказать, где состоится заупокойный молебен по Распутину?»

— Сначала похоронят тебя, — рявкнул в трубку Распутин.

— Вот видишь, они тебя уже хоронят, — испуганно сказал Симанович. — Послушай меня, забудь свои фантазии. Я больше не хочу с тобой спорить и все расскажу царице и Вырубовой. Может быть, они научат тебя, что нужно делать.

— Послушай, — сказал Распутин, — сегодня ночью я выпью 20 бутылок мадеры, схожу в баню, а потом лягу спать. Когда я усну, меня осенят божественные наставления. Господь научит меня, что нужно делать, и тогда мне никто не страшен. А ты катись ко всем чертям.

Выпив несколько бутылок мадеры, старец отправился в баню, а потом лег спать, не сказав ни единого слова.

На следующее утро, 16 декабря в пятницу, Симанович нашел Распутина в странном состоянии, которое было свойственным для него в критические моменты его жизни. Многие считали это обычным похмельем. Перед ним стояла большая миска с мадерой, которую он осушил одним махом. Симанович спросил, возвращается ли к старцу его сила.

— Победит моя сила, а не ваша, — огрызнулся Распутин.

Симанович отправился к Протопопову, чтобы по-

делиться с ним своими страхами, которые тот считал беспочвенными. Он пообещал, что обо всем позаботится сам, так как императрица приказала ему наблюдать за Распутиным и позаботиться о том, чтобы в этот день он не выходил из дома. Протопопов заверил Симановича, что приняты все меры и что сам Распутин дал честное слово не выходить из квартиры вечером. Приободренный Симанович вернулся на квартиру Распутина, где уже собрались Вырубова, Никитина и другие.

Вечером гости стали расходиться, и Симанович запер сапоги, шубу и шапку старца в буфете. Секретарь Питирима Осипенко пообещал остаться с Распутиным. Агентам охраны, дежурившим возле дома, было приказано не выпускать Распутина на улицу. Однако старец всех перехитрил. Он дал агентам деньги и заверил их, что отправляется спать. Те поверили ему и пошли в ресторан. Распутин поужинал рыбой и черным хлебом с медом, а затем позвал Марию к себе в спальню и показал ей пачку банкнот, где было около 3 тысяч рублей, предназначенных Марии в приданое. Перед сном Мария громко читала Евангелие от Иоанна: «Сначала было слово...» В 10 вечера на квартиру Распутина пришел Протопопов, чтобы убедиться, что его приказы в точности исполняются. Распутин был уже в кровати и попросил министра, чтобы тот отправил Осипенко, так как в его присутствии не было необходимости. Попрошавшись с Протопоповым Распутин сказал:

— Послушай, милый. Я хозяин своему слову: я его дал, я же могу взять его назад.

В полночь Распутин позвонил Симановичу и сказал:

— Пришел малыш, и я поеду с ним.

Он любил давать людям ласкательные имена, но на сей раз не сказал Симановичу, к кому оно относилось.

— Ради Бога, сиди дома, или они тебя убьют, — попытался убедить его Симанович.

— Не беспокойся, — ответил Распутин, — мы по-пьем чая, а в 2 часа я тебе позвоню. — С этими словами он повесил трубку.

Глава двадцать шестая МЕРТВАЯ СОБАКА

В

первые о предполагаемом покушении сообщил полицейский Власьев, дежуривший недалеко от дворца Юсуповых. Впоследствии он представил официальный отчет подполковнику жандармерии Поппелю: «В ночь на 16 декабря я стоял на посту на углу Мойки и Максимилиановского переулка. В 4 часа утра я услышал четыре выстрела, следовавших один за другим. Судя по звуку, стреляли справа от немецкой кирхи, находящейся на Мойке». Затем Власьев пошел на Почтовый мост и крикнул полицейскому Ефимову, стоявшему на посту у дома 61 по Морской улице, чтобы тот проверил, с какой стороны канала были произведены выстрелы. В ответ Ефимов крикнул, что стреляли на Мойке.

Власьев подошел к дворцу Юсуповых и спросил у привратника, что случилось. Тот ответил, что ничего не слышал. Тогда Власьев заглянул через решетку ограды и увидел двух человек, направлявшихся к воротам, в которых он узнал князя Юсупова и его дворецкого Бушинского. Полицейский спросил Бушинского о выст-

релах, но тот ответил, что ничего не слышал, и предположил, что кто-нибудь из гостей, будучи в подпитии, решил развлечься стрельбой. Юсупов также заявил, что ничего не слышал. Оба они тут же скрылись во дворце. Осмотрев двор, Власьев не обнаружил ничего подозрительного и вернулся на свой пост.

Примерно через четверть часа, в 4.20 утра, Бушинский от имени князя попросил Власьева зайти во дворец. Он провел полицейского по мраморной лестнице в кабинет князя, где находился еще один человек с рыжими усами и бакенбардами, которого Власьев не узнал. На незнакомце был одет мундир статского советника.

Он спросил у полицейского, является ли тот православным и любит ли царя и отечество. Власьев утвердительно кивнул головой.

— Слышали ли вы о Пуришкевиче? — спросил незнакомец.

— Да, конечно, — ответил полицейский.

— Он перед вами. О Распутине вы, разумеется, тоже слышали? Вы его знаете?

Власьев ответил, что лично со старцем не знаком, но, как и все остальные, много о нем слышал.

— Распутина только что предали смерти, — сказал Пуришкевич. — Если вы любите царя и отечество, то должны молчать и никому не говорить ни слова о том, что узнали.

— Так точно, ваше превосходительство, — заверил Пуришкевича Власьев и вернулся на свой пост. Через 20 минут он нарушил данное слово, так как в 4.40 утра начальник полицейского участка Калядич проверял посты, и Власьев рассказал ему обо всем, что видел. После этого оба полицейских вернулись во дворец Юсуповых, у входа в который увидели автомобиль с заведенным двигателем. Они спросили у шофера, кого он ждет, и тот ответил, что князя.

Начальник участка приказал Власьеву проверить,

кто сядет в автомобиль, а сам продолжил осмотр постов. Вскоре из дворца вышел князь Юсупов и сел в автомобиль, который поехал по направлению к Поцелуеву мосту. Власьев постоял еще некоторое время у дворца, но, никого больше не обнаружив, вернулся на свой пост.

В 6 утра вернулся начальник участка и повез полицейского к полковнику Рогову, командиру дивизиона, которому они подробно доложили о случившемся. Затем Власьев отправился домой. Так как никаких беспорядков он не обнаружил, то решил, что господа во дворце просто решили проверить, как он исполнит свой служебный долг. Власьев сообщил, что не заметил ни у Юсупова, ни у Пуришкевича никаких следов волнения или замешательства, кроме того, что Пуришкевич говорил слишком быстро. Полицейский не мог даже сказать, были ли они пьяны.

Показания полицейского Ефимова несколько отличаются. По словам Власьева, автомобиль отъехал от дворца в 4.40 утра, а Ефимов утверждал, что это произошло сразу после 4 утра. Он утверждал, что услышал первый выстрел в 4 утра, а через несколько секунд последовало еще три выстрела. По его мнению, стреляли на Мойке, недалеко от дома №92. «После первого выстрела послышался сдавленный крик, как будто вскрикнула женщина», — свидетельствовал Ефимов.

Вскоре после этого от дворца отъехал автомобиль, направившийся к Поцелуеву мосту. Где он остановился, Ефимов не видел. Ефимов сообщил по телефону о выстрелах в 3-й Казанский полицейский участок, а затем пошел в том направлении, откуда слышались выстрелы. На Почтовом мосту он встретился с Власьевым и сказал ему, что, скорее всего, стреляли у дома №92 на Мойке. Затем он вернулся на свой пост. Больше ему нечего было сообщить. «Кроме упомянутого автомобиля, никаких других машин между пятью и

шестью утра по Мойке не проезжало», — утверждал Ефимов.

Если постовому полицейскому замечание Пуришкевича о смерти Распутина показалось просто странным, то в верхних эшелонах власти уже всю забил тревогу. Обеспокоенный полковник Рогов с самого утра позвонил начальнику Петроградской полиции генералу Александру Балку. Балк, понимая, что подобные дела находятся в компетенции тайной полиции, немедленно позвонил Васильеву, который, не теряя времени, связался с Протопоповым.

Министр внутренних дел и начальник тайной полиции решили назначить срочное расследование под руководством начальника жандармского корпуса генерала П. К. Попова. Васильев лично приказал Попову провести тщательный обыск квартиры Распутина и «конфисковать все компрометирующие документы», которые могли быть там обнаружены. Имелась в виду личная переписка императрицы и старца. Однако впоследствии Васильев заявил, что писем не нашли.

Вскоре полиция приехала на Гороховую улицу, где Мария Распутина сделала заявление, что накануне ушла из дома в семь вечера и вернулась в одиннадцать. Когда она ложилась спать, отец сказал ей, что собирается навестить «Малыша». Мария объяснила, что так Распутин называл князя Юсупова. «Вскоре я легла спать, и поэтому не знаю, поехал ли отец к Юсупову», — сказала в заключение Мария.

Не было и речи ни об автомобиле, подъехавшем к дому Распутина по хрустящему снегу, ни о высоком стройном мужчине в вечернем костюме, ни о предчувствии скорой гибели отца. Утром 17 декабря Мария четко заявила полиции, что она спала и не видела, подъезжала ли к дому машина. Эти показания противоречат подробным воспоминаниям дочери Распутина,

опубликованным несколько лет спустя. Показания Симановича выглядят не более достоверными. Он утверждал, что провел бессонную ночь в ожидании звонка Распутина и что именно он разбудил Марию и сказал, что ее отца убил «Малыш».

Мария не могла навести полицию на след. Гораздо более полезным оказался сторож Коршунов. Его показания были подробными и точными, из чего можно предположить, что он являлся опытным осведомителем, которые, как правило, работали в домах, где жили важные персоны. Он рассказал, что прошлой ночью дежурил у ворот. В половине первого ночи к дому подъехал серый автомобиль с открывающимся водонепроницаемым верхом и слюдяными окнами. Он подъехал со стороны Фонтанки и остановился у дома 64 по Гороховой улице. Водитель казался гораздо старше своего пассажира. Это был человек с черными усами, одетый в черное пальто с мерлушковым воротником, меховую шапку и длинные желто-коричневые перчатки. Пассажира Коршунов никогда раньше не встречал. Он вышел из машины, и Коршунов спросил, к кому он приехал.

— К Распутину, — ответил тот.

Сторож открыл ворота и проводил незнакомца до парадного входа, однако тот сказал, что пройдет через черный ход. Он вел себя уверенно, и Коршунов решил, что он уже бывал здесь раньше. Примерно через полчаса незнакомец вышел из дома вместе с Распутиным. Коршунов сообщил, что на вид незнакомцу было лет 30. Он был хорошо сложен, среднего роста, с маленькими черными усиками. Описание зимней одежды незнакомца совпадает с воспоминаниями Марии Распутиной. Коршунов говорил, что на незнакомце была длинная оленья шуба мехом наружу, черная шапка и высокие сапоги.

Это описание подходило к князю Юсупову. Однако гораздо лучше его описала прислуга Распутина

Екатерина Ивановна Потемкина. В своих показаниях полиции она заявила, что в канун убийства у ее хозяйки было мало посетителей и всех их она знала. В 11 вечера дочери Распутина Мария и Варя, а также его племянница Анна легли спать, а сам старец улегся на кровать одетый и в сапогах. На вопрос Потемкиной, почему он не раздевается, Распутин ответил, что ему еще нужно кое-кого навестить. Потемкина спросила, кого именно, и старец ответил, что за ним должен заехать «Малыш». Она не знала имени «Малыша», но ей было известно, что он женат на великой княгине Ирине Александровне. Прежде она уже дважды встречала его в квартире Распутина: 20 ноября и примерно неделю назад. Оба раза он приходил в дом через черный ход.

Распутин сказал, чтобы Потемкина шла спать, но она сначала зашла на кухню. Туда же пришел и старец и попросил Потемкину помочь застегнуть пуговицы на голубой, вышитой васильками рубашке. У черного хода зазвонил колокольчик, и чей-то голос спросил, есть ли кто дома.

— Никого, — услышала она голос Распутина. — Дети спят. Проходи, милый.

Когда они проходили мимо в гостиную, Потемкина отдернула кухонную занавеску и хорошо рассмотрела лицо посетителя, это был не кто иной, как «Малыш», то есть муж великой княгини Ирины. Потемкина описала его как высокого, худощавого человека с тонким лицом, прямым носом, темными волосами и темными кругами под глазами.

Она уже легла спать, когда Распутин ушел вместе со своим гостем. Перед уходом он прошептал ей, что закрыл на засов парадную дверь и придет с черного хода.

В то время, как допрашивали Потемкину, с полицией связалась Маня Головина. По городу уже ходили

слухи, что что-то произошло с Распутиным. Балерину Тамару Карсавину рано утром разбудила прислуга, которая рассказала, что молочница утверждает, будто Распутина убили во дворце Юсуповых. Головина позвонила Юсупову и спросила, видел ли он старца. Тот ответил, что Распутина не видел. Такое расхождение с показаниями Потемкиной убедило Васильева в том, что произошло убийство.

Утром Мария Распутина позвонила Вырубовой и сказала, что отец не вернулся, после того как уехал вечером с Феликсом Юсуповым. Вырубова отправилась в Александровский дворец. Императрица писала письмо Николаю. Она была обеспокоена собственным здоровьем и здоровьем царевича Алексея, который страдал расстройством желудка. «С сердцем неважно и чувствую себя плохо. Моральное напряжение последних тяжелых месяцев должно было сказаться на слабом сердце... старая машина сломалась... Избавился ли мальчик от грызущего его червя? Если да, то он поправится и не будет таким прозрачным. Милое дитя!» Императрица была озадачена, когда Вырубова сказала ей, что Распутин уехал с Юсуповым, чтобы встретиться с женой князя. Императрица знала, что племянница еще не вернулась из Крыма. Вскоре во дворец позвонил Протопопов и сообщил, что полицейский, стоявший на посту у дворца на Мойке, слышал выстрелы, а потом пьяный Пуришкевич сказал ему, что Распутина убили. Тот же полицейский видел военный автомобиль с погашенными фарами, который отъехал от дворца вскоре после выстрелов. Больше министр внутренних дел ничего не знал. Александра сильно встревожилась.

В течение утра Протопопов несколько раз звонил Васильеву и сообщил, что императрица желает знать, что происходит. Начальник тайной полиции убедил Протопопова, что Распутин почти наверняка мертв и

что необходимо, как можно скорее, обыскать дворец Юсуповых, чтобы найти труп.

Вскоре полицейские обнаружили пятна крови на ступеньках лестницы, ведущей из внутреннего двора в подвал дворца. Юсупов объяснил, что это кровь собаки, которую застрелил один из подвыпивших гостей. В качестве доказательства он показал труп застреленной из револьвера собаки. Однако полицейские решили, что собака слишком мала для такого количества крови. Дворцовый сторож ничего не мог добавить к показаниям двух полицейских, стоявших в ту ночь на посту недалеко от дворца Юсуповых. Он также слышал выстрелы и видел приходившего во дворец полицейского. Вот и все.

Полиции показалось, что слуга Юсупова Нефедов пытается выгородить своего хозяина. Он рассказал, что князь приказал ему накрыть на стол для двух-трех гостей. Вместе с дворецким Бушинским они по очереди наблюдали за парадным входом. Когда в 11 вечера Нефедов пришел сменить Бушинского, тот сказал, что приехал великий князь Дмитрий Павлович и прошел в столовую. Оба слуги дежурили в небольшой прихожей у парадного входа до 4 утра. Князь запретил им заходить в столовую, так как там должны были присутствовать дамы. Слуги слышали, как хлопали двери и играл граммофон. В этом не было ничего удивительного, так как князь и раньше устраивал вечера, на которых не присутствовала прислуга.

В 4 утра зазвонил колокольчик, и Нефедов зашел в кабинет к князю. Юсупов приказал ему спуститься во внутренний двор и посмотреть, все ли там в порядке. Нефедов не обнаружил во дворе ничего необычного, а через несколько минут князь снова позвонил и приказал осмотреть внутренний двор более тщательно, так как там нашли труп застреленной собаки. Нефедов пошел во двор дома 92 и нашел тело собаки,

лежавшее у ограды. Он подобрал его и принес в сад князя. «Она и теперь там лежит», — заявил Нефедов в полиции.

Нефедов также рассказал, что утром убрал столовую и не заметил ничего особенного. Там осталось много пустых бутылок, из чего можно было предположить, что все гости были пьяны. По словам Нефедова, и сам князь был сильно навеселе, а убитая собака была одним из княжеских сторожевых псов.

Настала очередь допросить князя Юсупова. Он сообщил, что познакомился с Распутиным пять лет назад в доме Мани Головиной, и старец ему не понравился. Затем они снова встретились в ноябре, и на сей раз Юсупов с ним поладил. Князь сказал, что страдал грудными болями, и Головина посоветовала ему обратиться к Распутину, который излечил многих больных. В конце ноября князь пошел вместе с ней к старцу.

Предложение Распутина пойти к цыганам и подыскать хорошенькую девушку, которая, по его мнению, была бы для Юсупова лучшим лекарством, оскорбило князя. И все же, после того как старец обнял своего пациента, боли в груди уменьшились. Когда старец заговорил с князем о его красавице жене и спросил, сможет ли он ее увидеть, Юсупов дал уклончивый ответ и решил никогда не принимать у себя Распутина.

Юсупов также рассказал, что по-новому обставил комнаты во дворце на Мойке, 94, и великий князь Дмитрий Павлович предложил ему устроить небольшую вечеринку. Они решили пригласить Владимира Митрофановича Пуришкевича, нескольких офицеров и светских дам. Юсупов не пожелал сообщить их имена полиции из боязни поставить их в неловкое положение. Великий князь приехал в половине двенадцатого, а вскоре прибыли и остальные гости. «Мы пили

чай, играли на фортепьяно, танцевали, а затем ужинали», — сказал Юсупов.

В час ночи раздался телефонный звонок — это звонил Распутин, настаивавший на том, чтобы князь пошел вместе с ним к цыганам. Юсупов объяснил, что у него гости, и спросил, откуда звонит старец. Он слышал в трубке женские голоса и решил, что Распутин звонил либо из ресторана, либо от цыган. Старец ничего не ответил и повесил трубку.

После этого Юсупов вернулся к гостям и посмеялся вместе с ними над звонком Распутина. Они тоже собрались поехать к цыганам, но потом передумали. Вечеринка закончилась около трех ночи, и гости стали расходиться через черный ход. Вдруг князь услышал выстрел во внутреннем дворе и позвонил Нефедову, чтобы тот узнал, в чем дело. Слуга ничего не обнаружил, но когда во двор спустился сам князь, то увидел у ограды мертвую собаку.

Юсупов услышал поспешно удалявшиеся шаги и увидел одетого в серую шинель высокого худощавого мужчину. Больше Юсупов ничего не рассмотрел. Вернувшись во дворец, князь попросил Нефедова убрать труп собаки и позвонил великому князю Дмитрию Павловичу, рассказав ему о случае с собакой. Великий князь сказал, что собаку убил он и что это была просто глупая выходка. Юсупов послал прислугу за полицейским и рассказал ему, что один из гостей застрелил собаку. При этом присутствовал Пуришкевич, но Юсупов не слышал всего, что тот говорил, и только видел, как он энергично жестикулировал.

По словам Юсупова, около 4 утра он покинул дворец на Мойке и отправился на автомобиле во дворец великой княгини Ксении Александровны, своей тещи и сестры императора, где он в данный момент жил. Утром позвонила Маня Головина и спросила Юсупова, где Распутин.

«Я ответил, что ничего не знаю о местопребыва-

нии старца, так как не видел его, а только разговаривал по телефону», — утверждал Юсупов. Головина возразила, что прислуга Распутина видела князя в доме старца около часа ночи. «Это ошибка, — отрицал князь. — Ни днем, ни ночью меня там не было».

Юсупову сказали, что Пуришкевич говорил полицейскому о смерти Распутина. «Вполне возможно, — ответил Юсупов, — но Пуришкевич был сильно пьян». Затем он заявил, что люди, планировавшие убийство Распутина (если он действительно был убит), нарочно устроили так, чтобы подозрение пало на него самого и его гостей.

Васильев с нетерпением ждал, когда ему принесут показания Юсупова. Однако вместо ожидаемого признания он получил надуманную и совершенно невероятную историю, противоречившую показаниям всех остальных свидетелей. Несмотря на то, что 17 декабря новость об исчезновении Распутина разнеслась по всему Петрограду еще до полудня, его тело так и не было найдено. Васильев не сомневался, что имеет дело с убийством, в котором замешан князь Юсупов, но пока не был обнаружен труп старца, доказать это было невозможно. Многие люди, звонившие Васильеву, считали, что это могло быть похищение. В 5 вечера на все полицейские участки была послана секретная телеграмма, в которой приказывалось узнать, какие автомобили подъезжали в течение ночи к дворцу Юсупова и на каком из них было вывезено тело старца. Вскоре содержание этой телеграммы стало известно представителям печати, включая корреспондента «Таймс» Роберта Уилсона. Одновременно многочисленные полицейские патрули обследовали все острова и пригороды.

В тот же день императрица написала карандашом записку Николаю. Она лежала на кушетке в своем лиловом будуаре, заполненном цветами. Вместе с ней

находилась Вырубова и четыре дочери. «Мы сидим все вместе. Можешь себе представить наши мысли и чувства. Наш Друг исчез, — писала Александра. — Вчера А. (Вырубова) виделась с Ним, и Он сказал, что Феликс просил приехать к нему вечером и обещал прислать машину, чтобы Он мог встретиться с Ириной. За Ним действительно приехала военная машина, в которой находилось двое гражданских лиц. С ними Он и уехал.

В ту ночь во дворце Юсуповых был большой скандал — какое-то сборище. Среди них Дмитрий, Пуришкевич и прочие, все пьяные. Полицейские услышали выстрелы. Пуришкевич побежал в полицию с криками, что убили нашего Друга... Феликс притворился, что не ходил к Нему в дом и не приглашал Его. Несомненно, это была ловушка. Я по-прежнему уповаю на Всевышнего и верю, что Его просто похитили... Не могу поверить, что Его убили. Господь милосерден... В последнее время Феликс часто к Нему ходил. Приезжай скорее. Целую, Санни».

В тот вечер великая княжна Ольга записала в своем дневнике: «Отец Григорий исчез с прошлого вечера. Его повсюду ищут. Ужасно тяжело. Мы спали вчетвером. Господи, помилуй нас!»

На следующий день, в воскресенье 18 декабря, в час дня, рабочие, проходившие по Петровскому мосту, заметили пятна крови на парапете. Вызвали полицейского, который сообщил обо всем в свой участок. К мосту приехал начальник полицейского участка, который обнаружил один коричневый сапог на окровавленном выступе быка. Одного из полицейских спустили на веревке вниз, и он достал сапог, который тут же отвезли на Гороховую улицу. Мария Распутина сразу его узнала, так же как и агенты, неотступно следовавшие за старцем.

В течение дня убийцы звонили императрице. Великий князь Дмитрий Павлович просил разрешения прийти на чай в 5 вечера, но бледная, погруженная в свои мысли императрица ему отказала. Затем на коммутатор дворца позвонил князь Юсупов и попросил разрешения прийти с объяснениями, но Александра отказалась с ним разговаривать. Несколько раз он пытался связаться с ней через Вырубову, но императрица запретила ей разговаривать с князем и попросила телефонистку передать ему, чтобы он представил свои объяснения в письменном виде. «От твоего имени я запретила Дмитрию выходить из дома до твоего приезда, — писала она императору. — Дмитрий хотел сегодня со мной увидеться, но я ему отказала. Он во многом замешан. Тела еще не нашли. Когда ты приедешь?» Николай отправил из Ставки телеграмму: «В ужасе, потрясен. В молитвах и мыслях я с тобой. Приеду завтра в 5».

Когда Васильеву доложили о найденном сапоге, ему стало интересно, чем руководствовались убийцы, спешившие к мосту на своем элегантном автомобиле, на заднем сидении которого лежал труп Распутина. Думали ли они о спасении державы или беспокоились о том, как уйти от правосудия, уничтожив все улики? Газета «Биржевые ведомости» писала, что над скованной морозом столицей навис кошмар, так как «кровопролитие всегда ужасно, а вид свежей крови губителен».

Обследовать реку было опасно из-за тонкого льда, и Васильев позвонил в порт и попросил прислать водолазов. В течение часа те безрезультатно обследовали реку, пока какой-то старый речник не сказал им, где именно следует искать тело. Водолазы обследовали полынью, находившуюся примерно в 250 метрах от моста. Сначала они увидели шубу и примерзшие ко льду волосы. Все было испачкано в крови, руки и ноги

убитого были связаны веревкой а на его теле обнаружили множество ран. Это был Распутин.

«Аня (Вырубова) осталась у нас, так как мама за нее боится, — писала в тот вечер в своем дневнике великая княжна Ольга. — Мы наконец узнали, что Отец Григорий был убит, возможно Дмитрием, и брошен в реку с моста, недалеко от Крестинского (острова). Его нашли в воде. Нет слов, как тяжело. Мы пили чай и все время чувствовали, что Отец Григорий с нами».

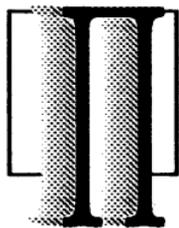
Труп отвезли в военной машине скорой помощи за три мили от города, в Дом ветеранов, находившийся по дороге в Царское Село. Труп был заморожен, и нужно было, чтобы он оттаял. Вскрытие делал профессор Косоротов, обнаруживший три пулевых ранения. Одна пуля вошла через левую часть груди и прошла через желудок и печень. Вторая повредила правую часть спины и почки. Третий выстрел был сделан в голову. Первые выстрелы были сделаны, когда Распутин стоял, а последний — когда он находился в лежащем положении. Вероятно, причиной смерти стал третий выстрел, хотя в легких была обнаружена вода, так что в момент погружения старца в воду клиническая смерть, возможно, еще не наступила. На теле и в особенности на голове были обнаружены множественные ушибы. Мозговое вещество убитого пахло алкоголем. Профессор обнаружил в его желудке двадцать столовых ложек серовато-коричневой жидкости, также имевшей запах алкоголя. Следов яда обнаружено не было. Убитый был одет в голубую рубаху, вышитую васильками. При нем находился маленький золотой крестик с надписью «Спаси и сохрани» и браслет из золота и платины с царской монограммой «Н» и двуглавым орлом. Эти вещи впоследствии были востребованы императрицей.

По приказу императрицы Акулина Лаптинская обмыла и убрала покойника. На это у нее ушла большая часть ночи. На грудь усопшего положили распятие, а в его руку Акулина вложила записку: «Мой дорогой мученик, дай мне свое благословение, чтобы оно всегда было со мной на протяжении печального и безотрадного пути, который мне еще осталось пройти. Вспоминай нас на небесах в своих святых молитвах. Александра».

Глава двадцать седьмая

ПРИЗНАНИЯ

Полицейское расследование было быстрым и профессиональным. Личность виновных установили почти сразу же, но допросить их с пристрастием не позволили, так же как и выдвинуть против них обвинение. Приказ Александры содержать Юсупова и великого князя Дмитрия под домашним арестом был незаконным. Императрица не обладала такими полномочиями, и все представители дома Романовых высказали свое возмущение. «Это открытый бунт! — восклицал великий князь Андрей Владимирович. — Страна ведет войну, и враг грозит нам со всех сторон, а нам приходится заниматься подобной чепухой. Как им не стыдно устраивать всю эту шумиху из-за убийства грязного ничтожества!» Скандал достиг чудовищных размеров, и император не рискнул арестовать людей, находящихся с ним в близком родстве по крови или брачным узам.

Суд не состоялся, а показания убийц стали лишь дополнением к показаниям других свидетелей. Чувство вины их не мучило, так как они считали, что свер-

шенное ими пошло на благо отечества. Как Юсупов, так и Пуришкевич имели о себе высокое мнение и были склонны к преувеличениям. Они также считали своим долгом отвлечь внимание полиции от людей, помогавших им в подготовке убийства.

Юсупов писал, что 16 декабря большую часть дня занимался оборудованием своего погреба, построенного из темного гранита. В погребе было два окна, а из-за сводчатого потолка стать во весь рост можно было только в центре. Благодаря красным плюшевым занавескам и огню в камине погреб казался очень уютным. На столе радостно булькал самовар, а на буфете расставили бокалы и разложили пирожные. Юсупов приказал слугам оставаться в людской до особого сигнала. Лазоверт потрудился над автомобилем и закрасил красный крест, указывавший на его принадлежность к медицинской службе Пуришкевича. Сам Пуришкевич провел весь день в Думе за письмами и телефонными разговорами. Около 11 вечера за ним заехал Лазоверт. Пуришкевич захватил с собой тяжелый пистолет «Саваж». В то же время на Мойку приехал и Дмитрий.

Одев резиновые перчатки, Лазоверт тщательно растер в порошок кристаллы цианистого калия и обильно посыпал им пирожные. Он также растворил три дециграмма цианистого калия в нескольких каплях воды и подлил эту смесь в два бокала. Четыре сантиграмма цианистого калия являются смертельной дозой. После этого Лазоверт бросил перчатки в камин. Этого делать не следовало, так как все помещение заполнилось смрадным запахом горелой резины. Затем Лазоверт одел шоферское пальто, заранее купленное Пуришкевичем, и повез Юсупова на Гороховую улицу. Князь поднялся наверх по черному ходу. Дверь открыл сам Распутин.

— Наверху никого. Дети спят. Заходи, Малыш, — обратился он к Юсупову.

Князя поразил ухоженный вид старца, готовивше-

гося к встрече с великой княгиней Ириной. Его борода и волосы были чисто вымыты и тщательно расчесаны, а голубая рубаха с вышитыми на ней васильками казалась безупречной. На одно мгновение Юсупову стало не по себе от «презренной лжи», с помощью которой он собирался заманить свою жертву в ловушку.

— Что стало с его даром ясновидения? — подумал Юсупов. — Что пользы в том, что он может читать мысли других людей, если он настолько слеп, что не понимает, какая страшная ловушка ему уготована?

Затем Распутин последовал за князем, словно овца, идущая на заклание.

Во дворце Юсупов провел старца через мраморный зал и спустился с ним в погреб.

— Ты знаешь, как на меня клеветают, — сказал Распутин. — Помнишь, каким гонениям подвергали Христа? Он тоже страдал за истину.

Во всяком случае, именно эти слова приписывал старцу Юсупов, так как они характеризовали его как богохульника. Не Распутин сравнивал себя с Христом, а его почитатели.

Старец услышал граммофон, игравший наверху популярную песенку «Янки дудль».

— Что это? — поинтересовался старец. — У кого-то вечеринка?

Юсупов объяснил, что это развлекается с подругами его жена и скоро она спустится вниз.

Он угостил Распутина неотравленным пирожным, так как от отравленного старец отказался. По настоянию князя старец съел еще два пирожных, от которых шел горький запах миндаля, и ничего не сказал. Через некоторое время Распутину захотелось пить, и он попросил чая. Юсупов предложил старцу вина, сделанного из винограда, который был выращен в крымских имениях Юсуповых. Однако Распутин ответил, что предпочитает мадеру. Если бы князь получше изучил вкусы Распутина, то наверняка бы знал об этом. Он все

же уговорил старца выпить бокал сухого вина и, уронив нарочно бокал, заменил его отравленным. Распутин выпил, но ничего не произошло. Он только пожаловался на першение в горле.

Распутин развлекался, выдвигая многочисленные ящички из шкафчика, сделанного из черного дерева. Юсупов ждал, когда он забьется в предсмертных судорогах. Затем он сказал, что поднимется наверх и узнает, когда придет Ирина. Заговорщики собрались наверху, где в сотый раз прослушивали одну и ту же пластинку. Нельзя было допустить, чтобы Распутин увидел Пуришкевича, иначе он бы сразу понял, что замышляют заговорщики. Лазоверт, по его собственным словам, так расстроился из-за неудачной попытки отравления, что упал в обморок, и его пришлось оттирать снегом в саду. Начальник тайной полиции Васильев утверждал, что Лазоверт, мучимый угрызениями совести, заменил цианистый калий содой или магнизией. Отсутствие яда при вскрытии объясняли также тем, что продажный фармацевт снабжал армейскую медицинскую службу не настоящими лекарственными препаратами, а заменителями. По третьей версии, которая больше всего импонировала Юсупову, старца оберегали темные силы.

Когда князь снова спустился в погреб, Распутин заметил чехол от гитары и попросил князя что-нибудь сыграть.

— Сыграй что-нибудь веселое. Мне нравится, как ты поешь.

Юсупов спел несколько цыганских романсов. Они провели вместе уже два часа, и убийство стало напоминать чудовищный марафон. Князю нужно было как-то объяснить отсутствие жены. Он чувствовал смущение и страх. Сидевшие наверху заговорщики стали вести себя слишком шумно, и Распутин поинтересовался, что там происходит. Юсупов снова поднялся наверх, и вели-

кий князь Дмитрий заявил, что устал и хочет уехать домой.

— Мы не можем оставить его полумертвого внизу, — сказал Пуришкевич, считавший, что нужно спуститься вниз всем вместе и застрелить старца. Князь Юсупов возразил, что их появление насторожит Распутина. Взяв револьвер Дмитрия, он снова отправился в погреб.

Распутин сидел за столом с поникшей головой и тяжело дышал.

— Голова тяжелая, а в животе горит, — пожаловался он Юсупову. — Дай мне еще бокал вина. Он мне поможет. — Выпив залпом бокал, он почувствовал облегчение и предложил князю отправиться к цыганам. — Все наши мысли принадлежат Всевышнему, — заметил он, — а наши тела принадлежат только нам.

Юсупов сказал, что уже слишком поздно, и Распутин стал снова выдвигать ящики из шкафчика.

— Григорий Ефимович, — обратился к нему Юсупов, — вам лучше взглянуть на распятие и прочесть молитву.

Казалось, старец понял, что происходит, и посмотрел на князя покорным и добрым взглядом. Впоследствии Юсупов говорил, что опасался вмешательства потусторонних сил, которые могли сделать Распутина неуязвимым для пуль. Однако, когда старец хотел осенить себя крестом, «власть сверхъестественных сил исчезла. Моя рука была тверда, я прицелился ему в сердце и нажал на спусковой крючок», — вспоминал Юсупов. Распутин дико вскрикнул и упал на медвежью шкуру.

Остальные заговорщики бросились вниз. Они подняли Распутина, опасаясь испачкать кровью медвежью шкуру. Лицо старца судорожно дергалось, а по голубой рубахе ручьем текла кровь. Затем он затих. Было около трех часов ночи. Обследовав тело, Лазоверт заявил, что старец мертв. Теперь, в соответствии с планом, капи-

тан Сухоткин должен был одеть шубу и бобровую шапку Распутина, а Лазоверту вместе с Дмитрием нужно было его посадить в автомобиль Пуришкевича, чтобы ввести в заблуждение агентов, которые решили бы, что старец направляется домой. На самом деле они собирались доехать до санитарного поезда Пуришкевича и сжечь одежду Распутина, а затем вернуться во дворец Юсуповых на Мойке, чтобы забрать тело старца и утопить его в реке.

После их отъезда Пуришкевич и Юсупов немного успокоились и закурили сигары, уверенные в том, что они спасли Россию. Потом Юсупов снова спустился в погреб, чтобы проверить результаты своих ночных «трудов». Казалось, неведомая сила тянет его к покойнику. Он провел наедине с трупом около получаса, и за это время могло произойти нечто странное. Во всяком случае, депутат Думы Маклаков говорил, что впоследствии имел «необычный разговор» с Юсуповым, касающийся убийства. «Думаю, он хорошо его помнит, но я ничего не скажу», — с таинственным видом добавил Маклаков.

Мария Распутина утверждала, что Юсупов пытался совратить ее отца во время одного из своих посещений в ноябре, а потом изнасиловал его после смерти. Симанович подтвердил, что Юсупов приходил к Распутину с тем, чтобы тот излечил его от гомосексуальных наклонностей. Во время сеанса старец «заставил князя лечь, отстегал его хлыстом и загипнотизировал». Нет никаких объективных доказательств, подтверждающих оба эти заявления. По признанию самого князя Юсупова, он взял труп за запястье и, не нащупав пульса, стал яростно его трясти. Вдруг труп зашевелился и открыл «зеленые змеиные глаза». С диким ревом старец поднялся и бросился на князя. «Он впился мне в плечо своими пальцами, словно стальными когтями, — вспоминал Юсупов. — Его глаза вылезали из орбит, а изо рта струилась кровь». Пытаясь задушить князя,

старец повторял: «Феликс, Феликс». Юсупов вырвался от Распутина, оставив у него в руке свой эполет, и побежал наверх.

По словам Пуришкевича, когда князь вбежал в комнату, на нем буквально «не было лица, а его прекрасные голубые глаза от ужаса выкатились из орбит. Он никого не замечал и, казалось, лишился рассудка». Юсупов побежал в центральную часть дворца, и тут Пуришкевич тоже увидел «воскресшего» старца, неподвижный труп которого всего полчаса назад лежал в погребке. Спустившись по лестнице, Распутин побежал по занесенному снегом двору к железным воротам, выходящим на улицу. «Я не верил своим глазам, — вспоминал Пуришкевич, — но отчаянный крик старца, нарушивший ночную тишину, привел меня в чувство. «Феликс, Феликс, я все расскажу императрице», — кричал Распутин. Пуришкевич вынул свой пистолет «Саваж» и выстрелил. Он был метким стрелком и регулярно упражнялся в тире Семеновского гвардейского полка, но на сей раз промахнулся. Распутин был уже у ворот, и Пуришкевич выстрелил еще раз и снова промахнулся. «Я изо всех сил ущипнул себя за левую руку, чтобы сосредоточиться, и выстрелил в третий раз. Пуля попала ему в верхнюю часть спины. Он остановился, а я выстрелил в четвертый раз и, возможно, попал ему в голову». Он подбежал к Распутину и стал изо всех сил пинать его ногами. Старец упал на снег и бессильно скрежетал зубами, безуспешно пытаясь подняться на ноги. «На сей раз я был уверен, что его песенка спета, и ему уже больше не подняться», — записал Пуришкевич в своем дневнике через несколько часов. В этот момент, весьма кстати, появился Юсупов с резиновой дубинкой в руках, вероятно, той самой, что ему дал Шульгин. Князь стал бить ею лежащего на снегу Распутина. Показания Пуришкевича и Юсупова подтверждены результатами вскрытия. Рана с левой стороны соответствует первому выстрелу Юсупова, когда

он целился старцу в сердце, а раны на спине и голове являются результатом выстрелов, произведенных Пуришкевичем. Профессор Косоротов обнаружил и множественные следы ушибов, что также соответствует показаниям Юсупова и Пуришкевича.

После разговора с Власьевым, полицейским, услышавшим выстрелы, Лазоверт вместе с остальными вернулся во дворец около половины шестого утра. Труп Распутина завернули сначала в холстину, затем в голубую занавеску, плед и брезент, после чего его повезли по направлению к Петровскому острову. В машине были все заговорщики, кроме Юсупова, который чувствовал себя совершенно разбитым. С двух попыток им удалось перебросить тело через низкий парапет. Привязать к телу груз они забыли, и вскоре на льду был обнаружен пресловутый сапог.

Были и другие показания, в соответствии с которыми во время убийства Распутина во дворце присутствовали дамы. Сам Юсупов заявил полиции, что устроил небольшой вечер, на котором присутствовали великий князь Дмитрий, Пуришкевич, а также несколько офицеров и светских дам, имена которых он отказался назвать. Правда, впоследствии, в своих мемуарах, он об этом не написал. Заговорщики прилагали всяческие усилия, чтобы выгородить тех, кто был замешан в убийстве. Пуришкевич неоднократно подчеркивал, что молодой Романов был ни при чем. «Слава Богу, что руки великого князя Дмитрия Павловича не запятнаны этой грязной кровью. Он был лишь наблюдателем, вот и все. Чистый, молодой, благородный юноша, столь близкий к престолу, не может и не должен быть замешан даже в патриотическом деле, связанном с кровопролитием, даже если речь идет о Распутине».

Полицейский Ефимов говорил о женском крике, раздавшемся со стороны дворца, а слуга Нефедов рас-

сказывал, что когда он убирал на следующий день столовую, то там «все было, как обычно». Князь предупредил его, что на вечере будут дамы. Убирая помещение, опытный слуга всегда определит, встречались ли накануне чисто мужская компания или же там присутствовали и дамы. Об этом говорят следы губной помады, оставленные на бокалах и окурках сигарет, а также запах духов.

В письме к императрице Юсупов снова говорит о присутствии дам, что совпадает с его показаниями, данными полиции.

«Ваше Величество, — писал князь, — спешу исполнить ваш приказ и рассказываю обо всем, что произошло в моем доме вчера, чтобы пролить свет на чудовищное обвинение, выдвигаемое против меня. Вечером 16 декабря, по случаю новоселья, я пригласил на ужин нескольких друзей, среди них были дамы, а также великий князь Дмитрий Павлович. Около полуночи мне позвонил Григорий Ефимович и пригласил меня поехать с ним к цыганам. Я отказался, объяснив, что у меня гости, и спросил, откуда он звонит. «Ты слишком много хочешь знать», — ответил он и повесил трубку. Пока он говорил, я слышал в трубке голоса. Вот и все, что я услышал о Григории Ефимовиче в тот вечер. Вернувшись к гостям, я рассказал им о нашем разговоре, что вызвало с их стороны несколько неделикатных замечаний. Вы, Ваше Величество, знаете, что имя Григория Ефимовича довольно непопулярно в некоторых кругах. Около трех ночи гости стали расходиться. Попрощавшись с великим князем и двумя дамами, я пошел к себе в кабинет с другими гостями. Вдруг мне послышался выстрел. Я позвал слугу и приказал ему выяснить, в чем дело. Он вернулся и доложил: «Выстрел слышали, но никто не знает, кто стрелял». После этого я вышел во двор сам и допросил сторожей и дежурного полицейского. Сторожа сказали, что пили чай, а полицейский слышал выстрел, но

не знал, кто стрелял. Я пошел в дом, вызвал полицию и позвонил Дмитрию Павловичу, чтобы узнать, не он ли стрелял. Он засмеялся и сказал, что, уходя, несколько раз выстрелил в собаку, а одна из дам упала в обморок. Когда я сказал, что выстрелы наделали много шума, он ответил, что это маловероятно, так как вокруг никого не было.

Я вызвал слугу и вместе с ним вышел во двор, где увидел лежащую у ограды собаку. Тогда я приказал закопать ее во дворе.

В 4 утра все разошлись, а я вернулся во дворец великого князя Александра Михайловича, где я живу. На следующий день, то есть утром, я узнал об исчезновении Григория Ефимовича, которое связывали с ужином в моем доме. Потом мне сказали, что прошлым вечером его видели со мной и что мы ушли вместе. Это явная ложь, так как ни я, ни мои гости в ту ночь не выходили из дома. Потом мне сообщили, что Распутин кому-то сказал, что собирается на днях встретиться с Ириной (Ириной Александровной Юсуповой). В этом есть доля правды, так как во время нашей последней встречи он просил меня представить его Ирине и спросил, дома ли она. Я ответил, что жена в Крыму, но может вернуться 15 или 16 декабря. 14 вечером я получил от Ирины телеграмму, в которой она сообщала, что заболела, и просила меня присоединиться к ее братьям, которые уезжают сегодня вечером. Ваше Величество, я не нахожу слов, чтобы выразить свое потрясение случившимся и возмущение по поводу выдвинутых против меня обвинений.

По-прежнему преданный Вашему Величеству Феликс».

Это послание не произвело на императрицу должного впечатления.

Ответную записку она написала карандашом: «Ни у кого нет права попустительствовать убийству. Я знаю, что совесть многим не дает покоя, так как в этом был

замешан не только великий князь Дмитрий Павлович. Удивлена вашим посланием».

На следующее утро после убийства Симанович посетил полицейский участок на Мойке вместе с епископом Исидором, еще одним протеже Распутина. Он утверждал, что старец был убит во время вечеринки во дворце Юсупова, где присутствовали и дамы. Об этом ему рассказала балерина Вера Коралли, двоюродная сестра Юсупова. Она утверждала, что присутствовала на вечере вместе с двумя свояками Юсупова. Когда Распутин появился в прихожей, один из свояков выстрелил в него из-за шторы и попал в глаз. Распутин упал, и все стали стрелять в него по очереди. Отказалась это сделать только Вера Коралли. Она кричала: «Не хочу стрелять!» Затем тело перенесли в погреб, где Распутин пришел в себя, выполз во двор и пытался убежать, но в это время залаяли собаки. Его поймал великий князь Дмитрий Павлович. После этого старца связали, погрузили в автомобиль и еще живым сбросили в Неву.

Говорил о присутствии дам и Роберт Уилсон, корреспондент «Таймс» в Петрограде. Правда, он упоминал не светских дам, а куртизанок и дам полусвета. Он получил сведения от полиции и репортеров «Нового времени», имевших связь с полицией. Его рассказ был подвергнут цензуре, но он сохранил записи, сделанные на следующий день после убийства, и 20 декабря послал их письмом редактору отдела международных новостей газеты «Таймс».

По версии Уилсона, у Распутина развязался язык под действием выпитого вина и от предвкушения предстоящей оргии. На вечере у Юсупова, где присутствовали и куртизанки, он стал разглашать государственные тайны. Затем ему предложили покончить с собой, в знак патриотического раскаяния. Однако старец навел револьвер на своих хозяев, прежде чем его самого застрелили. Заговорщики, среди которых, по сведени-

ям Уилсона, были сыновья покойного великого князя Константина, а также Юсупов, Дмитрий Павлович и Пуришкевич, решили убрать Распутина, так как считали его причиной опасного скандала, затрагивающего интересы престола и империи. При таком большом количестве заговорщиков было неизбежным просачивание слухов, и уже в понедельник говорили, что смерти Распутина нужно ждать с часа на час.

Уилсон утверждал, что Юсупов часто приглашал Распутина на Мойку, чтобы выуживать из него информацию об «Августейших Персонах».

16 декабря Распутина пригласили во дворец Юсупова вместе с несколькими куртизанками. Под действием выпитого вина он «выдал не только свои тайны, но также тайны всех последних назначений в различных министерствах, вызвавших возмущение общественности в России. Он говорил об отставке Сазонова и назначении Штюрмера, а также о неоднократных неудачных попытках создать стабильный кабинет министров и начать внутренние реформы». Около половины третьего ночи Распутину сказали, что он должен умереть. «Ему в руку вложили револьвер, — писал Уилсон, — но он наотрез отказался покончить с собой и, по словам очевидцев, разрядил обойму в великого князя Дмитрия. Пуля разбила стекло, что привлекло внимание полиции».

«Не успел полицейский покинуть дворец, — продолжает Уилсон, — как по Мойке проехала по направлению к набережной машина, которая остановилась у небольшого пешеходного мостика, находившегося почти напротив дворца. Видели, как из машины вышли четыре человека, лица которых были закрыты чем-то черным. Как только пассажиры вышли из машины, водитель потушил фары и, включив полную скорость, понесся вдоль канала». Свидетелем этой сцены стал агент охраны Тихомиров, который был приставлен для наблюдения за Распутиным. Тихомиров предполо-

жил, что люди в масках были грабителями, так как они вошли во дворец с черного хода. Агент поспешил в полицейский участок, откуда позвонил в охранку.

На этом беспорядки не закончились. Из дворца вывели двух сопротивлявшихся женщин, которые не хотели садиться в автомобиль и пытались вернуться во дворец. В конце концов, их затолкнули в автомобиль, который вместе с ними понесся по набережной. Агент попытался преследовать машину, но так как она ехала на огромной скорости, сделать это оказалось невозможным. На автомобиле не было ни номеров, ни фар. Приехавшим во дворец полицейским объяснили, что две дамы полусвета неприлично себя вели и их попросили покинуть дворец.

На этом бы дело и закончилось, но из маленького садика, расположенного перед флигелем, послышались четыре выстрела. Снова была поднята тревога в обоих полицейских участках, и снова во дворец прибыл наряд полиции. На сей раз к полицейским вышел офицер в полковничьем мундире (его личность до сих пор не установлена) и в категорической форме заявил, что во дворце находится великий князь, который все лично объяснит в соответствующих инстанциях. После такого заявления инспектор полиции вернулся к выполнению своих служебных обязанностей, оставив на всякий случай полицейский патруль на противоположной стороне Мойки. Полицейские видели, как слуги с помощью водителя и в присутствии офицера в длинной шубе вынесли нечто, похожее на человеческое тело, и положили его в машину. Водитель сел за руль и, включив полную скорость, поехал вдоль канала и вскоре скрылся из вида.

Когда полицейские снова вернулись во дворец, их встретил сам Юсупов, который сказал, что они должны «составить рапорт об убийстве Распутина». На фоне странных событий этой ночи, полицейские сначала не приняли всерьез заявления князя. Однако их пригла-

сили спуститься в погреб и показали пятно застывшей крови на том месте, где лежал труп. Следы крови были обнаружены и на снегу в саду. На вопрос полицейских, где находится тело старца, Юсупов ответил: «Там, где ему и полагается быть». От дальнейших объяснений князь отказался».

Через день после убийства Уилсон добавил к своему рассказу историю с убитой собакой. Он также написал, что во время пирушки у Юсупова «Распутина спросили, сможет ли он назначить трех новых министров, если получит за это полмиллиона рублей.

— Почему бы и нет? — ответил старец.

— Но мы хотим, чтобы в состав кабинета министров вошли три мерзавца, — пояснил Пуришкевич.

— Ну и что с того? — невозмутимо спросил старец. — Разве не я назначил всех остальных?

— Так ты признаешь, что это была твоя работа и что ты предал Россию? — спросили Распутина. — Мы приговариваем тебя к смерти. Возьми револьвер и застрелись.

Распутин взял оружие и стал стрелять по всей компании, но промахнулся и попал в большую собаку, находившуюся в комнате. Затем Пуришкевич и другие застрелили Распутина».

Так как не было ни официальных допросов, ни суда с показаниями свидетелей, очными ставками и перекрестными допросами, после убийства Распутина слухов о нем стало больше, чем при жизни. Официальное заявление, появившееся в газетах после обнаружения трупа, было очень коротким и состояло всего из 16 слов, не считая даты. Все это наводило на размышления. Уилсон телеграфировал в Лондон, поставив число по юлианскому календарю: «Утром 1 января в Петрограде, около Петровского моста, было найдено тело Григория Распутина. Ведется расследование».

Официальное сообщение, пропущенное цензурой,

выглядело странно: «Тело со следами нескольких пулевых ранений в голову и грудную клетку было сильно обезображено. Ноги связаны. Руки, очевидно, также были связаны, но когда тело сбросили в реку, веревка порвалась, и распростертые руки примерзли ко льду в таком положении».

Распускались слухи, что тело Распутина примерзло ко льду так, как будто его распяли. Уилсону также сказали, что тело Распутина сразу же передали в морг Петропавловской крепости, где оно и оставалось в течение всего дня. Покойника якобы собирались отвезти на родину в Сибирь и там похоронить.

Возможно, такие слухи распускались умышленно. На самом деле тело отвезли за город, в Дом ветеранов, а похоронили его в Царском Селе. Министр внутренних дел не хотел, чтобы тело кто-либо увидел, отсюда и слухи, что оно находится в самом надежно укрепленном месте города. Подобные слухи также отвлекали внимание от царской семьи, так как похороны должны были якобы состояться в далеком Покровском.

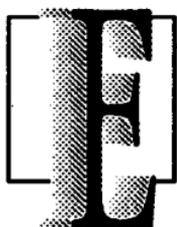
Было вполне естественно предположить, что свой последний вечер старец провел в обществе женщин и умер так же, как и жил. И жизнь, и смерть этого человека овеяны легендами, на достоверность которых положиться нельзя. Разумеется, Симанович знал, что старец предпочел бы именно такую смерть. Агенты охраны в один голос твердили, что ни один из кутежей старца не обходился без участия женщин. О присутствии дам говорили и полицейские, и прислуга Юсупова, и сам князь. Уилсон, который стал ближайшим соседом Распутина, после того как петроградский офис газеты «Таймс» переехал с Почтамтской улицы на Гороховую, 4, сотрудничал с опытными русскими журналистами.

Однако все убийцы были единодушны в оценке личности своей жертвы. Из рассказов Юсупова и Пуришкевича видна незаурядная энергия Распутина, его

воля к жизни и сила духа, повергшая в смятение вооруженных людей. Он был сластолюбцем, обожавшим цыганскую музыку и веселье, а его жизненная философия заключена в словах: «Наше тело принадлежит нам самим». Он всегда трезво оценивал ситуацию и даже в предсмертной агонии ясно сознавал, что созданный им образ крестьянина-исполина, перед которым благоговейно трепетала и содрогалась от злобы вся Россия, полностью зависел от одного человека — императрицы Александры Федоровны, вдохнувшей жизнь в это творение. Именно о ней были его последние слова: «Феликс, Феликс, я все расскажу императрице». Они тоже проникнуты жаждой жизни, которую пытались отнять с помощью яда, револьвера и дубинки.

Глава двадцать восьмая ФИНАЛ

го похоронили во вторник, 22 декабря, в 9 утра, рядом с маленькой часовней, которую построила Вырубова в императорском парке в Царском Селе. Утро было ясным и морозным. На похоронах присутствовала Лили фон Ден. Она приказала остановить карету на дороге и пошла к часовне по дощатой дорожке, предусмотрительно проложенной по замерзшему полю. У открытой могилы стоял полицейский фургон.

«Я услышала звон бубенцов — это подъехала Анна Вырубова, — писала Лили фон Ден. — Вслед за ней подъехал закрытый автомобиль, и к нам присоединилась царская семья».

Они были одеты в черное, а императрица держала в руках букет белых цветов. Она была бледна, но держала себя в руках и заплакала лишь тогда, когда из полицейского фургона стали выносить дубовый гроб. Придворный протоиерей прочел заупокойную молитву, а император и императрица бросили горсть земли на крышку гроба. Александра Федоровна раздавала цветы, кото-

рые тоже бросили в могилу. Затем императорский лимузин поехал в сторону Александровского дворца, а Вырубова села в сани и отправилась в свой домик. Фон Ден на мгновение задержалась, бросив последний взгляд на заснеженные поля и голые стены недостроенной часовни. Затем она села в карету и уехала.

После смерти Распутина (впрочем, как и при его жизни) рассказы очевидцев сильно отличались друг от друга. В своем дневнике, который император аккуратно вел в течение нескольких десятилетий, он записал, что когда его семья приехала к месту похорон, тело Распутина уже было предано земле. Таким образом, трогательная сцена с императрицей, зарывавшей при виде гроба Распутина, является плодом воображения фон Ден.

«В 9 утра вся семья проехала мимо фотоателье и повернула направо, в сторону поля, где мы присутствовали при печальной сцене. Гроб с телом незабвенного Григория, убитого извергами в ночь на 17 декабря в доме Ф. Юсупова, уже опустили в могилу. Отец Александр Васильев сказал надгробное слово, после чего мы вернулись домой. Погода была мрачной, стоял мороз 12 градусов... Днем я совершил прогулку с детьми», — писал в своем дневнике император.

Видимых перемен убийство Распутина не принесло, однако оно перевернуло психологию людей. Надежды убийц на восстановление престижа и величия престола не оправдались, а влияние Александры осталось незыблемым, так как в отличие от императора, находившегося на грани нервного срыва, она не потеряла самообладания. Ее лиловый будуар с телефоном, стоявшим под портретом Марии-Антуанетты, по-прежнему был центром решения всех государственных вопросов. Когда министры приходили в кабинет императора с докладом, Александра Федоровна слушала их из гардеробной мужа. И все же смерть старца способ-

ствовала перелому в стране, оставив самодержцев полностью беззащитными.

Расправа над Распутиным была равносильна расправе над престолом, и сделали это люди, либо принадлежавшие к дому Романовых, либо связанные с ним узами родства. Преданность вассалов своему суверену была внезапно разрушена. Веками складывавшиеся традиции защищали императора и императрицу от открытого поношения. На это отваживались лишь самые дерзкие подданные. Всю вину за случившуюся катастрофу возложили на Распутина. Для императора и императрицы он служил громоотводом, оберегавшим их от ненависти и презрения, которые теперь неизбежно должны были выплеснуться на них. Для августейшей семьи старец был игрушкой, фетишем, амулетом, и если можно было отнять его, то в следующий раз можно будет отнять и власть. В прежние времена за оскорбление монарха полагалась мучительная смерть, убийцам же Распутина фактически ничего не грозило. Несмотря на крики императрицы «Повесить их!», зачинщиков просто выслали из столицы. Феликса Юсупова отправили в его имение в Крыму, великого князя Дмитрия — в штаб армии в Персии, а Пуришкевич сел в свой санитарный поезд и уехал на фронт, где с него не спускала глаз военная полиция.

На Новый год император принимал в Царском Селе поздравления дипломатического корпуса. 1917 год начался сильными холодами, и окна карет, в которых послы подъезжали ко дворцу, были полностью замерзшими. Кто-то из придворных спросил у Мориса Палеолога, не кажется ли ему, что «мы находимся на грани катастрофы». Однако посол считал, что грань уже перешли, и послал в Париж телеграмму следующего содержания: «Должен сообщить, что в данный момент Россией управляют безумцы».

Император бросил все дела в Ставке, в то время как генерал Алексеев был болен. Таким образом, русская армия осталась без верховного командования. В течение двух месяцев Николай не появлялся в Могилеве, запершись в Александровском дворце вместе с императрицей и детьми. По утрам он строил планы об отмене немецких придворных званий, таких как «канцлер», и их замене на русские. Днем император совершал прогулки, а вечером играл в карты и смотрел кинофильмы «Мадам дю Барри» и «Таинственные руки». Его глаза оставались пустыми, а лицо исхудало и покрылось морщинами. Александра Федоровна держалась уверенно, но воспитатель Жильяр говорил, что на «непроницаемом лице императрицы можно было прочесть невыразимое страдание и боль». При ней неотлучно находилась Вырубова, так как Александра настаивала, чтобы ее подруга переехала из своего домика в Александровский дворец, опасаясь за ее жизнь. Другим утешением императрицы был дух Распутина. «Он по-прежнему с нами», — писала она.

В Мариинском театре давали «Спящую красавицу» с прима-балериной Смирновой. Но даже самый сложный арабеск не мог сравниться с фантастическими слухами, передававшимися из уст в уста в партере. Говорили, что Александру отправят в монастырь, а знаменитый пилот капитан Костенко обрушит свой аэроплан на лимузин императора. «Мы вернулись во времена Борджиа», — шептал в антракте советник итальянского посольства. Кто-то подслушал, как великие князья Романовы договаривались заставить царя отречься от престола в пользу царевича и регента. В это время Александра плела собственные заговоры, и на сей раз их объектом стал чересчур либеральный Трепов. Премьер-министра заменили больным семидесятилетним стариком, князем Николаем Голицыным, добродушным и слабовольным русским помещиком. Голицын возражал против своего назначения, говоря,

что совершенно не способен выполнять такую работу. Он предупредил Николая, что офицеры московских полков открыто угрожали провозгласить другого царя. Николай приказал ему принять назначение. «Мы с императрицей знаем, что находимся в руках Божьих. Да свершится воля его!» — сказал император. Министр образования граф Павел Игнатьев, в течение 30 лет хранивший верность Николаю, подал в отставку, чтобы избавиться «от невыносимого бремени служить вопреки голосу своей совести». В течение недели он не получал никакого ответа, а затем Николай удовлетворил его прошение об отставке, не сказав ни единого слова благодарности.

Покойный старец обещал Николаю Добровольскому пост министра юстиции за его помощь в скандале с немецким сахаром. По словам Симановича, Распутин полагал, что в знак благодарности Добровольский исполнит любое его желание, однако он ошибся. Тот отказался способствовать освобождению банкира Рубинштейна, когда того снова арестовали. На помощь был призван Протопопов, который вел яростный, но бесполезный спор с Добровольским по телефону. Новый министр юстиции прекрасно знал, как высоко ценит император рекомендации покойного старца, и чувствовал себя в полной безопасности. «При таких обстоятельствах, — говорил Симанович, — я решил прибегнуть к старому испытанному методу — взятке. Протопопов согласился». Таким образом, министр внутренних дел потворствовал коррупции министра юстиции. Госпожа Рубинштейн взяла из своего банка 100000 рублей, и ее муж, освободившись из тюрьмы, отправился на курорт.

Однако иждивенцы Распутина не получили ни копейки из денег Рубинштейна. Симановичу не удалось помочь детям своего покойного друга. Мария Распутина говорила, что ее отец оставил им не более 3000 рублей. Эта сумма кажется ничтожной по сравнению с

теми миллионами, которые были получены различными людьми с помощью старца. Деньги, отложенные дочери на приданое, исчезли, и императрице пришлось выделить из своих личных средств по 30000 рублей на каждого из детей Распутина.

В это время тайная полиция не сидела без дела. Она распускала слухи, что Распутина похоронили в далеком монастыре на Урале, а также собирала различные сведения о положении в стране. 9 января, в день годовщины Кровавого воскресенья, по сведениям охранки, объявили забастовку 30000 рабочих. В Москве на Театральной площади было поднято красное знамя. 28 января агенты охранки предупреждали, что «не за горами события чрезвычайной важности, чреватые самыми серьезными последствиями для российского государства». В столице было собрано рекордное количество войск — 170000 человек. Однако многие солдаты были контужены на фронте или являлись резервистами. Поэтому агитаторам не стоило большого труда проникнуть в армию и спровоцировать там беспорядки. Даже казаки были призывниками, а не добровольцами, и в Охранном отделении считали, что они недостаточно обучены, чтобы покончить с беспорядками.

Протопопов оставался глух к предостережениям и целыми днями лично отвечал многочисленным просителям и лизоблюдам, приславшим ему новогодние и рождественские поздравления. Вечерами он занимался сеансами спиритизма, пытаясь вызвать дух Распутина. Вместе с князем Куракиным они часами сидели заперти, слушая «мудрые слова старца» и передавая их Александре. Впоследствии Протопопов признался, что ему не удалось вызвать дух Распутина, однако во время перекрестного допроса он сознался, что говорил Александре обратное, так как это ее радовало.

10 февраля императора и императрицу навещил друг детства Николая великий князь Александр Ми-

хайлович, или Сандро. Он привез письмо, написанное им для императорской четы: «Мы переживаем один из самых опасных моментов в истории России... Все это чувствуют: кто умом, кто сердцем, а кто душой... Определенные силы России ведут вас, а следовательно и Россию, к непоправимой катастрофе... Правительство сегодня является органом, подготавливающим революцию. Люди ее не хотят, но правительство принимает все возможные меры, чтобы недовольных стало как можно больше, и оно полностью в этом преуспело. Мы являемся свидетелями беспрецедентного зрелища, когда революция начинается сверху, а не снизу». Анализ был точным. Император попытался обсудить письмо у постели Александры. В последнее время она часто не вставала с постели. «Когда ты будешь менее взволнован, то признаешь, что мне лучше знать», — гневно сказала императрица. Николай ничего не сказал и только курил.

14 февраля бастовало 90000 человек. Забастовку возглавили рабочие Путиловского завода. Гарнизон вел себя беспокойно. «Нельзя стрелять! — кричали солдаты полицейским. — Вас, толстозадых, нужно послать на фронт!» В тот день состоялось заседание Думы. Революция ощущалась так ясно, что Василий Шульгин, депутат от монархистов, которого так ненавидела Александра, почувствовал полную беспомощность и тщетность всех дебатов перед лицом надвигавшегося террора. В городе стало трудно купить картофель, охваченные паникой люди сушили сухари, а в ресторанах больше не играли оркестры.

Утром 20 февраля Николай объявил Голицыну, что собирается дать согласие на создание правительства, ответственного перед Думой. Вечером премьер-министра вызвали во дворец, и император сказал, что уезжает в Ставку, а объявление нового кабинета министров сделано не будет. Днем Николай разговаривал с императрицей, которая по-прежнему выступала за са-

модержавие. Голицын почувствовал, что Николай не просто уезжает в Ставку, а спасается паническим бегством.

Однако ему не удалось убежать от навязчивых идей супруги. «Наш дорогой Друг и в другом мире молится за тебя, теперь он к нам даже ближе, но мне так хотелось бы услышать Его задушевный умиротворяющий голос», — писала она императору 22 февраля. Далее она написала мужу настоящую лекцию по самодержавию: «Любовь моя, будь твердым, так как русские в тебе нуждаются. На каждом шагу ты демонстрируешь любовь и доброту, но теперь пусть они почувствуют твой кулак, как они сами об этом просят.

В последнее время так часто говорили, что нам нужен кнут. Странно, но такова славянская натура. Они должны научиться бояться тебя, одной любви недостаточно. Хотя дитя обожает своего отца, оно должно бояться его гнева. Крепко тебя обнимаю и целую твою усталую голову... Почувствуй мои объятия, мои губы, нежно прижатые к твоим. Навеки вместе, навсегда неразлучны».

Как похожи эти слова на первую запись, сделанную Александрой в дневнике Николая 22 года назад у смертного одра его отца. Что касается «детей, обожающих своего родителя», то послу Палеологу сказали, что если бы царь появился среди толпы в Москве, его бы осви-стали, а императрицу просто разорвали бы на части.

23 февраля императорские дети заболели корью. «У Ольги и Алексея корь. Лицо Ольги покрыто сыпью. У малыша болит рот. Он сильно кашляет, а глаза воспалены, — писала императрица мужу. — Они лежат в темноте». Был Международный женский день. Работницы Невской мануфактуры услышали, как на улице демонстранты требуют хлеба.

— Пойдем на улицу! С нас довольно! — закричали женщины. Они вышли за ворота фабрики и стали

кидать снежки в окна соседнего машиностроительного завода, где работали мужчины. Взявшись за руки, они вместе пошли по улицам города. После перерыва на обед на улицу вышли рабочие огромного военного завода «Арсенал». День был теплым, и снег начал таять. Демонстранты останавливали трамваи и, выпустив пассажиров, переворачивали их. К вечеру они дошли до Невского. Конная полиция и казаки разогнали их, однако вскоре толпа собралась вновь. Агенты охраны заметили, что агитаторы больше не прячут свои лица, как они это делали раньше.

В Думе молодой социалист, адвокат Керенский, говорил о голодающих женщинах, для которых «единственным царем является голод». Он говорил, что кто-то должен совершить то, что в древние времена сделал Брут. Это был открытый призыв убить царя. Вечером Александр Протопопов ехал домой по опустевшему Невскому. Он пребывал в состоянии патологической эйфории, считая, что правительство одерживает победу. «День 23 февраля не был таким уж плохим. Нескольким полицейским ранено, но стрельбы не было», — записал он в своем дневнике.

24 февраля Александра писала императору: «Теперь забастовки в Петрограде — на забастовку вышло 80000 рабочих, около булочных образовались голодные очереди. В городе не хватает хлеба». Далее императрица написала, что очень надеется на то, что Кидринского (так она называла Керенского) повесят. Николай передал Александре и Алексею привет от короля и королевы Бельгии. Он полагал, что сыну «очень понравится маленький новый крестик». Утром толпу из 2000 человек окружили казаки. В толпе было много женщин, которые кричали: «У нас на фронте мужья, отцы и братья! У вас тоже есть матери, жены, сестры и дети». Казакам приказали заряжать ружья, и они ездили вокруг толпы, которая приветствовала их криками «Ура!». Один из депутатов Думы спрашивал сам

себя, что же происходит, если демонстранты приветствуют казаков. Во второй половине дня, по сведениям полиции, бастовало 200000 человек.

Вечером Александра писала императору: «Вчера были бунты на Васильевском острове и Невском проспекте, так как бедняки забросали камнями булочную, булочную Филиппова разбили вдребезги, и пришлось вызвать казаков. В 10 я навестила Аню (Вырубову). Возможно, у нее тоже корь... Я хожу из комнаты в комнату от одного больного к другому».

Николай ответил ей из Ставки: «Мой мозг здесь отдыхает — ни министров, ни хлопотных вопросов, над которыми надо ломать голову. Я думаю, что мне это на пользу, но только для моего мозга. Мое сердце страдает в разлуке». Вечерами он играл в домино.

25 февраля Михаил Родзянко пришел к премьер-министру Голицыну и потребовал его отставки. Голицын показал ему указ о роспуске Думы, который император подписал перед отъездом в Ставку и приказал огласить его в любое время.

— Я берегу его на крайний случай, — сказал Голицын, но они оба понимали, что Дума даже не обратит внимания на этот указ, так как он был запоздалым.

Казаки братались с толпой, а императрица писала мужу: «Это демонстрация хулиганов, мальчишек и девчонок, бегающих по городу и кричащих об отсутствии хлеба, просто для того, чтобы будоражить людей. Если бы стояла холодная погода, они, возможно, все сидели бы по домам. Но все это пройдет и успокоится». Однако это были не расшалившиеся мальчишки, а солдаты тех полков, которые спасли дом Романовых в 1905 году. Днем офицер, командующий конной полицией около Николаевского вокзала, был застрелен казаком. Из Царского Села прибыл верный императору кавалерийский эскадрон. На Невском было убито 9 демонстрантов. Полицией пока еще удавалось производить аресты, но уже были случаи, когда толпа отбивала у

них арестованных. Полицейских часто били, и они переодевались в гражданскую одежду.

26 февраля, во время утреннего богослужения, у Николая начались сильные боли в груди, и он весь покрылся потом. Потом боль исчезла. Император утверждал, что боль прекратилась, когда он преклонил колени перед иконой Божьей матери. Военное министерство сообщило ему, что солдаты отказываются стрелять в бунтовщиков, а некоторые из них переходят на сторону большевиков. Николай послал телеграмму командиру гарнизона генералу Хабалову: «Приказываю прекратить беспорядки в столице к завтрашнему дню. Они не допустимы в трудное время войны с Австрией и Германией. Николай». Потом он отправился на прогулку. Хабалов был раздосадован, так как восстание нельзя остановить телеграммой. «Когда люди просили хлеба, мы им его давали, и на этом дело заканчивалось. Но когда они пишут на знаменах «Долой самодержавие», то каким хлебом их можно успокоить?» — сказал генерал.

Александра сохраняла присутствие духа. «Говорят, что сейчас не так, как в 1905 году, так как все тебя обожают и хотят только хлеба» — писала она Николаю. До обеда она ходила на могилу Распутина и молилась там, а потом продолжила письмо: «Мне кажется, что все будет хорошо. Солнце светит ярко, и я чувствую такое умиротворение на его дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас». В половине четвертого, в то время как императрица писала это послание, по Невскому молнией неслись кареты скорой помощи, по направлению к Екатерининскому мосту, чтобы подобрать убитых и раненых. В толпу стреляли гвардейцы Павловского полка. В 6 вечера часть этого полка стала убеждать своих товарищей прекратить убийство демонстрантов. Они застрелили полицейского, пытавшегося их остановить. Когда их командир, полковник Экстен, прика-

зал им отправиться в казармы, они снесли ему голову саблями. Солдаты Преображенского полка разоружили и арестовали бунтовщиков. 19 из них были помещены в Петропавловскую крепость, где их ждал военный трибунал и казнь.

В доме княгини Радзивилл давали блестящий вечер, ее дом горел сотнями огней, а гостей обслуживали лакеи в напудренных париках. Губернатор решил, что кризис закончился, а верные императору войска добились блестящих результатов. Однако остальные не разделяли его уверенности. В Александровском театре давали премьеру драмы Лермонтова «Маскарад». Публики было мало. После спектакля один из приятелей спросил французского посла Мориса Палеолога: «Не являемся ли мы свидетелями последнего вечера существующего режима?» Агент охраны Лимонин считал, что все держится на ненадежных воинских подразделениях. «Если войска выступят против правительства, страну уже ничто не спасет», — писал он в своем отчете.

27 февраля гвардейцы Волынского полка выстроились в полном боевом порядке на утренний парад. Ночью у них состоялся митинг, на котором они решили больше не выступать в роли палачей и присоединиться к своему народу. Они приветствовали своего командира капитана Лашкевича криками «Ура!», вместо обычного «Здравия желаем!». Гвардейцы сказали своему командиру, что они не будут стрелять в народ и попросили его уйти. Когда он проезжал по плацу, раздался выстрел, и все увидели, как капитан, раскинув руки, упал лицом в снег.

Чтобы не допустить расстрела, мятежники должны были действовать очень быстро. Они направились на парадный плац гвардейского Преображенского полка и увидели, как офицеры разбегаются в разные стороны, спасаясь от собственных солдат.

Получив это сообщение, стенографистка в штаб-

квартире Охранного отделения была так удивлена, что перепутала век и записала «27 февраля 1817 года». К 10 утра на улицу вышли 10000 восставших. В 11.30 посол США Дэвид Френсис обратился в министерство иностранных дел с просьбой поставить у посольства охрану, чтобы защитить скрывавшихся там офицеров. Ему ответили, что перезвонят, но звонка не последовало. Это был последний разговор американского посольства с императорским министерством иностранных дел.

Утром Александра приказала носить по дворцу икону и читать молитву о здравии больных детей.

В час дня у императрицы сдали нервы. Всю свою сознательную жизнь она была яркой сторонницей самодержавия, ее политические взгляды выражались в двух словах: «Никаких уступок». В тот день она отправила в Ставку телеграмму: «Уступки необходимы. Восстание продолжается. Многие войска перешли на сторону революционеров». Николай не ответил. После обеда он совершил свою обычную прогулку вдоль Днепра, в сторону Орши.

Здания судов горели, толпы народа не давали их тушить. Александр Керенский торопился в Думу. Войска ворвались в «Кресты» и освободили заключенных. 36 женщин-заключенных вышли в тюремных одеждах из Литовской тюрьмы и как были, в матерчатых тапочках, пошли по снегу. Полицейских разоружали и убивали. Начальник тайной полиции Александр Васильев, который так хорошо ладил с Распутиным, позвонил из своей квартиры в штаб-квартиру и приказал сослуживцам покинуть ее. Вместе с женой он сбежал по поддельным паспортам, выписанным на другие фамилии. Александр Протопопов сбежал из министерства внутренних дел, прихватив с собой письма к императрице и от нее, а также фотографии трупа Распутина.

Вечером морской атташе США капитан Маккалли сообщил, что видел, как кавалерийский полк покидает

город, чтобы присоединиться к бунтовщикам. В Екатерининском зале Таврического дворца, впервые после 1905 года, был создан Совет солдатских депутатов.

Николай отужинал в Могилеве вместе с начальником штаба. Позвонил великий князь Михаил, но император не пожелал ответить ему. Вместо него к телефону подошел начальник штаба генерал Михаил Алексеев. Великий князь умолял распустить кабинет министров, но Николай отказался. Он сказал, что поедет в Царское Село на императорском поезде в 2.30 ночи. Поезд был готов только в 5 утра, во вторник, 28 февраля. В целях маскировки, часом раньше был отправлен пустой поезд. Историк Николай Суханов, спавший в Таврическом дворце, был разбужен солдатами, которые штыками вырезали из рамы знаменитый портрет Николая, написанный Ильей Ефимовичем Репиным.

Преданные императору велосипедные войска удерживали восставших до полудня 28 февраля. Затем их командир приказал прекратить огонь и вышел к толпе, умоляя сохранить жизнь его солдатам и говоря, что они стреляли только по его приказу. Его убили выстрелом в сердце. Грабители на армейских грузовиках вывезли тонны угля из особняка бывшей любовницы императора балерины Матильды Кшесинской. Гостиница «Астория» была разграблена. В городе не ходили ни трамваи, ни такси, и светским дамам приходилось ездить в крестьянских санях. Дрожащего от страха Александра Протопопова поймали и привезли в Таврический дворец. Толпа хотела расправиться с ним, но его спасли.

Молодые люди взбирались на аптеки и магазины, обслуживающие Романовых, срывали деревянных двуглавых орлов и императорские монограммы и сжигали в огне.

Николай проснулся поздно и позавтракал в поезде в 10 утра. В каждой губернии поезд встречал губерна-

тор, воздавая императору все положенные почести. В 3 часа дня император отправил телеграмму императрице из Вязьмы, в ней говорилось, что он снял с фронта войска и направил их в Петроград, а также о том, что погода была чудесной.

Днем грузовики с мятежниками прибыли в Царское Село. Александра занималась больными детьми и Вырубовой. «Я все время видела ее у своей постели, — вспоминала Вырубова, — она то готовила питье, то поправляла подушки, то беседовала с врачом». Вечером восстал местный гарнизон и открыл двери тюрьмы. В парке произошла схватка с дворцовой охраной. Александра вместе с Марией вышла к защитникам, поприветствовала их и пригласила выпить чая и согреться. Из города доносились звуки песен, музыки и выстрелов.

После полуночи императорский поезд был остановлен на маленькой станции Малая Вишера, в 90 милях от столицы. Офицер, приехавший на железнодорожной дрезине, предупредил, что следующая станция находится в руках мятежников. Николая разбудили, и он дал согласие повернуть на Псков, куда он прибыл 1 марта в 7 вечера. В четверг, 2 марта, на рассвете, Александр Гучков ворвался в зал заседания Думы. Рядом с ним в его машине убили молодого помещика, только за то, что на нем был одет офицерский мундир. Гучков заявил, что так больше продолжаться не может, и Николай должен отречься от престола. Василий Шульгин согласился сопровождать его в Псков, чтобы убедить императора в необходимости отречения. Они сели в перепачканную кровью машину Гучкова и поехали к нему домой, где составили проект акта об отречении. Затем они отправились на вокзал и приказали начальнику станции подать локомотив с одним вагоном, в котором отправились в Псков.

2 марта Александра написала Николаю. Она не знала, где он находится, но передала письмо двум казакам, которые обещали найти императора. Она по-

прежнему выступала против конституции. «Я хотела послать аэроплан, но все исчезли... Мое сердце разрывается при мысли о муках, которые тебе приходится терпеть. Мы о тебе ничего не знаем, а тебе ничего не известно о нас... Ясно, что они не хотят, чтобы ты увиделся со мной, и поэтому ты не должен подписывать никаких документов, будь то конституция или какой-либо другой подобный кошмар. Но ты одинок, без своей армии, пойман, словно мышшь в мышеловку. Что же ты можешь сделать? Если ты пойдешь на какие-либо уступки, то ни при каких обстоятельствах ты не должен их выполнять, так как они были получены незаконным путем». Именно об этом неоднократно говорил Распутин. Император мог дать слово и забрать его обратно, словно маленький мальчик, который скрещивает пальцы, давая обещание, которое не собирается выполнять. Императрица написала, что дети мирно спят в темной комнате, что лифт больше не работает. Однако она верила, что Господь им поможет. «Дума и революционеры — это две змеи, и я надеюсь, что они откусят друг другу головы, что и спасет ситуацию». В конце концов, так и случилось, только слишком поздно.

В постскриптуме императрица снова упоминает Распутина: «Носи его крест, даже если тебе неудобно. Сделай это ради моего спокойствия».

К Николаю поступали тревожные сигналы от командования армии. Ему единодушно советовали отречься от престола. К вечеру у него состоялся душевный разговор с личным врачом, доктором Сергеем Федоровым. Император сказал, что уедет в Крым и посвятит себя воспитанию сына. Врач усомнился в том, что человеку, отрекшемуся от престола, позволят воспитывать сына. Император был напуган этими словами. Он прилагал все усилия, чтобы здоровье царевича улучшилось. Распутин убедил его, что если царевич Алексей доживет до 17 лет, то потом будет совершенно

здоров. Федоров в мягкой форме возразил государю, что Алексей может умереть в любой момент, независимо от того, что говорил старец.

— Тогда меня нельзя разлучать с Алексеем, — сказал император. — Это выше моих сил.

Он заплакал, а потом пошел к вечернему чаю.

Поезд с Гучковым и Шульгиным прибыл в Псков в 10 вечера. Платформа была освещена голубыми фонарями. Гучков и Шульгин прошли в вагон-гостиную императорского поезда и сказали императору, что он должен отречься от престола, объяснив ему при этом все причины, приведшие к такому финалу. «Фактически, императора никто не поддерживал, — писал Гучков. — Вокруг престола образовался полный вакуум». Был отпечатан акт об отречении, который Николай подписал карандашом, сохраняя при этом полное безразличие к происходящему, как будто бы это была записка к приятелю или список белья, который нужно отдать в прачечную. Подпись императора затем была покрыта лаком.

Когда императрице показали текст документа, она поначалу не поверила в случившееся: «Нет, я не верю, это все слухи, газетная клевета». Однако когда она поняла, что ее гордость, величие и вся жизнь уничтожены так же, как и ее «Друг», она потеряла самообладание и прошептала по-французски: «Abdique! Abdique! (Отрекся! Отрекся!)».

Все было кончено. Революционерам потребовалась всего неделя, чтобы уничтожить останки Григория Распутина. 9 марта его тело было эксгумировано солдатами из подразделения противовоздушной обороны, дислоцированного в императорском парке в Царском Селе. Ответственным был назначен артиллерийский офицер Климов. Лицо Распутина почернело, а на его груди был обнаружен образок с подписями Вырубовой, Александры Федоровны и четырех ее дочерей. Тело поло-

жили в ящик, в котором раньше было упаковано пианино, и тайно вывезли в императорские конюшни в Петрограде. На следующий день его погрузили в грузовик и вывезли из Петрограда по Лесному шоссе.

В грузовике находились 8 человек: представитель временного комитета Думы Купчинский, капитан 16-го Уланского полка И. Колоциев и 6 студентов-милиционеров из Петроградского политехнического института. Они подписали письменные показания о том, что сожгли тело на обочине дороги, рядом с лесом в Парголово, и подтвердили, что при этом других свидетелей, кроме нижеподписавшихся, не было.

И все же, даже последние сведения о Распутине были разноречивыми. Впоследствии Купчинский признался, что получил приказ от будущего главы Временного правительства Александра Керенского перезахоронить тело за городом, никак не обозначив могилу. Однако грузовик сломался на Лесном шоссе, и возле него собралась толпа, которая заставила открыть ящик, надеясь найти там золото. Однако там был только труп старца, который Купчинский решил тут же сжечь. Его люди нарубили дров, развели костер, облили тело бензином и сожгли его у обочины дороги, а пепел развеяли по ветру.

Глава двадцать девятая ПОСЛЕ ПОТОПА

В

В свое время императрица хотела повесить Александра Керенского, однако ее жизнь и жизнь людей из окружения Распутина были в безопасности в течение 8 послереволюционных месяцев, пока у власти находилось Временное правительство, отличавшееся умеренными взглядами. Разумеется, были аресты и расследования. Николая и Александру содержали в Александровском дворце, где их навестил Керенский, обнаружив, что монархи вовсе не похожи на чудовищ. Император показался ему «приятным, немного неуклюжим человеком, похожим на ничем не примечательного гвардейского полковника. Внимание привлекали лишь его удивительные голубые глаза». Об Александре он писал как о «прирожденной императрице, гордой и несгибаемой, совершенно уверенной в своем праве управлять». Вырубова находилась в менее приятном месте — ее поместили в камеру Петропавловской крепости и провели медицинское исследование, в резуль-

тате которого выяснилось, что она была девственницей.

Других мер по отношению к царской семье принято не было. Первые революционеры отменили смертную казнь. В августе 1917 года Керенский перевел царскую семью из Царского Села в Тобольск. В некоторой степени это было сделано для ее же безопасности, так как оставаться в Петрограде было опасно. Их повезли в Тюмень в вагоне под флагом с восходящим солнцем и надписью «Японская миссия Красного Креста». Керенский не хотел, чтобы в дороге Романовых освободили монархисты или убили экстремисты, так как в то время «русская глубинка напоминала Дикий Запад, где правосудие вершил суд Линча и поджоги». Газета «Речь» писала, что Россия превратилась в Техас. Когда пароход «Русь», направлявшийся из Тюмени в Тобольск, проходил мимо Покровского, царская семья вышла на палубу, чтобы взглянуть на деревню, в которой жил Распутин, и на его двухэтажный дом. Предсказание старца сбылось, и царская семья увидела его дом перед смертью.

В октябре, в результате переворота, власть взяли большевики, и в стране началась гражданская война. Николая и Александру перевели из Тобольска в Екатеринбург. Реки были еще замерзшими, и поэтому пришлось ехать на телегах. Этой дорогой Распутин ездил много раз. По словам Александры, дорога была просто ужасной. Они остановились на отдых в Покровском. «Мы долго стояли перед домом нашего Друга и видели, как выглядывали из окон члены его семьи», — писала императрица. Чуть позже к ним пароходом приехали дети. Летом 1918 года большевики приняли казнить всех Романовых, до которых могли добраться. Брат императора великий князь Михаил был расстрелян в июне, а его тело сожжено в сталеплавильной печи. Николая и Александру убили в июле в Екатеринбурге, вместе с царевичем Алексеем, четырь-

мя дочерью, доктором Боткиным, тремя слугами и любимым спаниелем великой княжны Анастасии. Убийцы обнаружили на руках всех дочерей медальоны с портретом Распутина. Днем позже великую княгиню Елизавету, вдову великого князя Сергея Михайловича, и трех сыновей великого князя Константина избили и сбросили еще живыми в шахту в Алапаевске. Крестьяне слышали доносившееся из шахты пение, а когда белогвардейцы извлекли из шахты тела, то рана на голове одного из мальчиков была аккуратно забинтована носовым платком. В январе 1919 года в Петропавловской крепости были казнены еще четыре великих князя, включая либерально настроенного историка Николая Михайловича. Сбылось его собственное предсказание о том, что он умрет рядом с могилами предков, которые были захоронены рядом, в соборе.

Некоторым представителям дома Романовых удалось скрыться. Вдовствующая императрица Мария Федоровна вместе с дочерью, великими княгинями Ксенией и Ольгой, эмигрировали на Запад на борту британского военного корабля. Вдовствующая императрица вернулась в свою родную Данию, а Ксения обосновалась в Великобритании. Великая княгиня Ольга умерла в 1960 году в Торонто, в Канаде. Двоюродный брат императора, великий князь Кирилл уехал во Францию, где объявил себя «Императором Всея Руси» и держал двор в Бретани до самой своей смерти в американском госпитале в Париже, в 1938 году. Великий князь Николай Николаевич, столь ненавидимый Александрой Николаевной, умер в Антибе, на юге Франции в 1929 году. Во время похорон союзники отдали ему все подобающие воинские почести.

Фактических и предполагаемых убийц Распутина постигла различная участь. Хвостов и Белецкий были расстреляны большевиками, а до казни сидели в одной камере. Пуришкевич умер от тифа, сражаясь на стороне белой армии на юге России, во время гражданской

войны. Феликс Юсупов потерял свое огромное состояние после бегства из России, однако пополнил свои финансы 375000 долларами, полученными во время судебного процесса против голливудской студии «MGM», поставившей фильм «Распутин и императрица», которую Юсупов обвинил в клевете. Он умер во Франции в 1967 году. В его дворце на Мойке расположился Дом профсоюзов. Великого князя Дмитрия спасла ссылка в Персию. В 1926 году в Биаррице он женился на богатой американке. В 1930 году он занимался продажей шампанского во Флориде. В возрасте 50 лет он умер от туберкулеза в Давосе, в Швейцарии, в 1941 году. Илиодор перебрался в Нью-Йорк, стал баптистом и работал некоторое время швейцаром в здании страховой фирмы «Метрополитен» на Мэдисон-Сквер. Он умер в США в 1956 году. Покушавшаяся на жизнь Распутина Гусева после революции была освобождена из сумасшедшего дома, и ее дальнейшая судьба неизвестна.

Дочь Распутина Мария стала укротительницей львов и разъезжала по Соединенным Штатам, а потом обосновалась в Лос-Анджелесе. Анна Вырубова уехала из Петрограда в Финляндию, где умерла в 1964 году в возрасте 80 лет. Бывшая любовница императора Матильда Кшесинская основала в Париже балетную школу и проработала там 30 лет, дожив до глубокой старости. Балерина Тамара Карсавина вышла замуж за британского дипломата и умерла в Лондоне в возрасте 93 лет. Князь Андронников был расстрелян красными. Воспитатель императорских детей Пьер Жильяр стал профессором университета в Лозанне.

Некогда опальный епископ Гермоген сменил Варнаву на посту епископа Тобольского, но в 1918 году был арестован большевиками. Несмотря на то, что прихожане собрали 100000 рублей для его освобождения, красные утопили его в реке Туре, недалеко от Покровского. В Петрограде митрополита Питирима сменил епископ Вениамин, которого впоследствии рас-

стреляли красные. Старый недруг Распутина епископ Антоний эмигрировал в Югославию, где председательствовал в Синоде Русской Православной церкви за границей.

Борис Штюмер и Александр Протопопов были расстреляны красными, а старика Горемыкина в 1918 году задушила разъяренная толпа. Сухомлинов убежал на паруснике в Финляндию, проявив при этом гораздо больше инициативы и изобретательности, чем на государственной службе. Затем он переехал в Берлин. Его хорошенькая жена сбежала с грузинским офицером, и их обоих расстреляли во время красного террора. Александр Гучков, Михаил Родзянко и Василий Шульгин эмигрировали из страны. Правда, Шульгин вернулся, чтобы провести долгие годы в советских лагерях. Умер он в возрасте 98 лет.

По словам Симановича, в последние дни жизни Распутин написал свое последнее, крайне необычное послание, назвав его «Дух Григория Ефимовича Распутина-Новых из села Покровское».

«Пишу и оставляю после себя это письмо в Санкт-Петербурге.

Я чувствую, что уйду из жизни до 1 января. Я хочу довести до сведения русского народа, Папы, Мамы и Детей, а также всей земли Русской то, что они должны понять. Если я буду убит простыми убийцами, особенно моими братьями русскими крестьянами, ты, русский Царь, можешь ничего не бояться, ты останешься на своем троне и будешь править. Тебе, русский Царь, нечего бояться за детей, они будут царствовать в России сотни лет. Но если меня убьют бояре и дворяне, если они прольют мою кровь и испачкают в ней свои руки, они не отмоют их в течении 25 лет. Они покинут Россию. Братья будут убивать братьев, они будут ненавидеть друг друга и перебьют друг друга, и 25 лет в стране не будет дворян. Царь земли русской, если ты услышишь звук колокола, извещающий тебя об убий-

стве Григория, ты должен знать следующее: если причиной моей смерти стали твои родственники, никто из твоей семьи, я говорю о твоих детях и ближайших родственниках, не проживет больше двух лет. Они будут убиты русскими людьми. Я ухожу и чувствую в себе божественное предназначение рассказать русскому Царю, как он должен жить, если меня не станет. Ты должен думать и действовать благоразумно. Думай о своей безопасности и скажи своим родным, что я заплатил за них своей кровью. Меня убьют. Я больше не числюсь среди живых. Молись, молись, будь сильным, думай о своем благословенном семействе. Григорий».

Симанович утверждал, что передал письмо императрице, договорившись с ней не показывать его императору. Впоследствии она вернула письмо Симановичу. В 1934 году, находясь в эмиграции в Париже, он показал факсимильную копию письма историку Бернарду Пирсу. Это письмо Пирс дословно приводит в своей классической работе «Падение русской монархии», опубликованной в 1939 году, и указывает, как оно попало к нему в руки. Однако он добавляет: «Я не могу за что-либо поручиться». Предсказание Распутина отличается удивительной точностью: великий князь Дмитрий принадлежал к дому Романовых, а Юсупов — к одной из самых знатных дворянских семей России. Сбылось и предсказание старца относительно красного террора. Казалось бы, это послание является подтверждением пророческого дара Распутина. Вот только сам ли старец его написал? Письмо написано хорошим слогом, и в нем расставлены все знаки препинания, что никогда не было свойственно Распутину, который, по словам Лили фон Ден, «разговаривал на каком-то непонятном сибирском диалекте, едва умел читать и писал, словно четырехлетний ребенок».

Созданная после революции комиссия по расследованию не нашла никаких доказательств принадлеж-

ности Распутина к секте хлыстов. Его посещения бани вместе с женщинами объяснялись принятыми в Сибири обычаями. Факт ночных оргий с проститутками и просительницами был установлен, а любовная связь с императрицей не доказана. Комиссия тщательно расследовала слухи о «близких отношениях с высшими кругами, особенно теми, благодаря которым он получил власть». Никаких подтверждений этих слухов обнаружено не было.

Перечень отрицательных фактов можно продолжить. Распутин никого не убил. Те, кто пытался его убить, остались живы, так же как и те, кому это удалось осуществить. Старец не отличался корыстолюбием. Помогая другим добывать миллионы, сам он снимал в Петрограде квартиру, а его единственная собственность, дом в Покровском, совсем не походил на жилище охотника за богатством. В охваченном предрассудками обществе он не был ханжой. Не был он и германским шпионом. Но важнее всего то, что он не был демоном. Порой он бывал злобным, тщеславным и развратным. Его озлобленность можно объяснить боязнью потерять власть, которую он так любил, тщеславие — стремительным взлетом к ее вершинам, а развратность (в зависимости от моральных устоев самого читателя) — либо внутренней испорченностью, либо чрезмерной любовью к жизни.

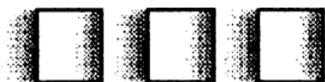
В своих лучших проявлениях Распутин бывал гуманным и чутким, в чем могли убедиться многочисленные посетители, приходившие на Гороховую улицу. Он исцелял людей, когда мог. Распутин обладал уникальной харизмой, которую впоследствии определяли как духовную силу, магнетизм и гипнотические способности, имея при этом очень малые претензии. В период военной истерии он предвидел и понимал связанную с ней опасность. Старец выступал за мир, за то, чтобы землю отдали крестьянам и предоставили равные права меньшинствам. Такие же лозунги выдвигали

гал, хотя и не претворил в жизнь, Ленин. Они и являлись единственной реальной альтернативой революции. Правда, было еще и самодержавие. Оно создало Распутина, а те, кто хотел самодержавие сохранить, уничтожили старца, считая, что своими бесконечными скандалами и беспутным поведением он замарал престол и способствовал моральному разложению нации. В действительности же, самодержавие замарало себя собственноручно. Все уступки приходилось вырывать у него силой, а затем самодержцы коварно отбирали их назад. По словам кузена императора, кайзера Вильгельма, Николаю больше подходила роль сельского помещика, выращивающего репу. Верный и порядочный в личной жизни, на людях он бывал нерешительным и мелочным, предавал лучших своих министров и постоянно испытывал ревность и недоверие к людям с сильным характером. На словах он чтит старца, так как этого требовала от него императрица. Однако после убийства Распутина адъютант императора генерал Войков отметил: «Я ни разу не заметил у Его Величества каких-либо признаков скорби. Скорее создавалось впечатление, что он испытывает чувство облегчения». Это соответствовало действительности.

Что касается императрицы, этого источника реакции, истерички с железной волей, то они с Распутиным образовали своего рода тандем. Без нее он так и остался бы просто модным старцем. Императрица же без него была призрачным созданием, страдающим неврастенией и болезнью сердца. Рядом с Распутиным она становилась тигрицей, божественным мечом возмездия для противников, кнутом, подстегивающим принятие важных политических решений. Она нуждалась в Распутине и была ему предана. Вот такая история платонической любви без секса — императрица и шаман. Это подготовило почву для революции в России и создания режима кнута, который принес гораздо больше вреда, чем царский.

Однако и Россия, утонченная и изысканная Россия, также внесла свою лепту. Она дала верную оценку Александре, как только та прибыла за гробом в Санкт-Петербург, гордая, далекая, ничего не понимающая в политике. Как и Распутин, эта Россия прекрасно понимала, что у Николая «кишка тонка». Почему же эти умные и образованные люди позволили уничтожить и себя, и свою страну? Может быть, и у них не хватало смелости? Как могла императрица вместе с Распутиным так долго противостоять великим князьям, бюрократическому аппарату, дворянству, высшим воинским чинам и другим столпам самодержавия? Ведь они задолго до катастрофы знали, что страна загнивает. Возможно, правда состоит в том, что и сами они чувствовали свое моральное разложение и понимали, что их преданность престолу перешла ту черту, за которой начинается преступная трусость.

Симанович писал о Распутине: «Он никогда не причинил зла ни мне, ни кому-либо другому. Его нельзя винить в том, что Николай был слабым самодержцем. При моем содействии он помог тысячам людей и, благодаря своей доброте, спас многих от нищеты, смерти и преследований... По-моему, Распутин был более честен, чем все те люди, что собирались у него на квартире». Симанович мог бы добавить, что старец был более честен и по сравнению с многими из тех, кто у него в доме никогда не бывал.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Прощайте, папа	5
Глава вторая. Гриша	25
Глава третья. Монастырский житель	44
Глава четвертая. Прорыв	66
Глава пятая. Питер	76
Глава шестая. Царская кровь	97
Глава седьмая. Божий человек из Тобольска	128
Глава восьмая. Наследник	156
Глава девятая. Посредница	176
Глава десятая. Испытание плоти	194
Глава одиннадцатая. Друзья и враги	214
Глава двенадцатая. Паломник	235
Глава тринадцатая. Скандал	253
Глава четырнадцатая. Чудо в Спале	277
Глава пятнадцатая. Перед бурей	295
Глава шестнадцатая. «Я убила антихриста!»	319
Глава семнадцатая. Приемы в Москве	346
Глава восемнадцатая. Месть	364
Глава девятнадцатая. «Господь открывает ему все»	393
Глава двадцатая. Идеалисты	415
Глава двадцать первая. Две недели из жизни Григория Ефимовича	436
Глава двадцать вторая. «Они наверняка меня убьют, милай»	453
Глава двадцать третья. «Уезжайте ради них»	485
Глава двадцать четвертая. Трагедия, разыгранная в борделе	501
Глава двадцать пятая. «Ваня приехал»	515
Глава двадцать шестая. Мертвая собака	532
Глава двадцать седьмая. Признания	547
Глава двадцать восьмая. Финал	563
Глава двадцать девятая. После потопа	581

Литературно-художественное издание

Брайан Мойнехен

**ГРИГОРИЙ РАСПУТИН: СВЯТОЙ,
КОТОРЫЙ ГРЕШИЛ**

Ответственный редактор *А. В. Бушуев*

Редактор *А. А. Жеребилов*

Художественное оформление *А. И. Барило*

Технический редактор *М. Г. Соловьева*

Корректор *О. Э. Храменко*

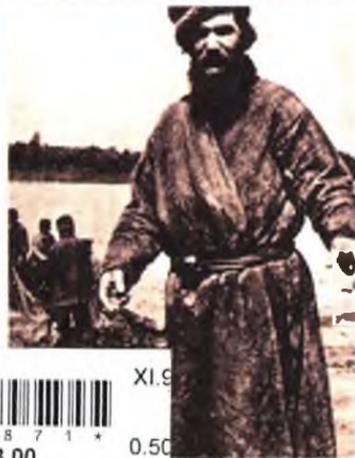
Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.03.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08. Тираж 15 000 экз.
Заказ 614.

Фирма «Русич».
Лицензия ЛР 040432 от 29.04.97.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ООО «Плопресс».
Лицензия ЛВ № 50 от 08.10.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 306.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

Имя Григория Распутина часто ассоциируется с мистикой и злом, а сотканная вокруг его личности завеса легенд и слухов по-прежнему скрывает истинную сущность человека, более десяти лет оказывавшего сильное влияние на царскую семью и ее окружение. Со страниц книги Б. Мойнехена Распутин предстает как человек еще более интересный, чем созданный о нем миф, в котором низменное неразрывно соседствовало с возвышенным и духовным. Основываясь на многочисленных документах, часть которых стала доступной лишь несколько лет назад, автор проливает свет на малозвестные факты из жизни «святого грешника» и заново расставляет акценты на фактах известных, помогая нам лучше понять наше прошлое и настоящее.

36

XI.9

1

23,00

0.50

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

ISBN 5-88590-962-8

